V 12/2

УКРАИНСКІЙ НАРОДЪ

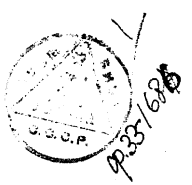
ВЪ ЕГО ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

II

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго †, акад. Ѳ. Е. Корша †, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія т-ва „Общественная Польза", Б. Подъяческая, 39.
1916.



Складъ изданія: Петроградъ, Фонтанка, 38, книгоиздательство „Жизнь и Знаніе“.

Оглавленіе II-го тома.

стр.

ОТДѢЛЪ III. Очеркъ географіи Украины. **С. Рудницкаго** . . . . . 361—380

Статистика украинскаго населенія Европейской Россіи. **А. Русова** . . . . . 381—406

Галиція. **В. Охримовича** . . . . . 407—418

Буковина. **В. Охримовича** . . . . . 419—420

Угорская Русь. **С. Томашевскаго** . . . . . 421—426

ОТДѢЛЪ IV. Антропологическія особенности украинскаго народа. **Ѳ. Волкова** . . . . . 427—454

Этнографическія особенности украинскаго народа. **Ѳ. Волкова** . . . . . 455—647

Обычное право украинскаго народа. **М. Ефименко** . . . . . 648—663

Краткій очеркъ исторіи малорусскаго (украинскаго) языка. **А. Шахматова** . . . . . 664—707

Содержаніе I-го тома.

ОТДѢЛЪ I. Развитіе украинскихъ изученій въ XIX в. и раскрытіе въ нихъ основныхъ вопросовъ украиновѣдѣнія. **М. Грушевскаго.**

ОТДѢЛЪ II. Исторія украинскаго народа. **М. Грушевскаго.**

Снимки съ портретовъ и картинъ, помѣщенные въ I томѣ.

„УКРАИНСКАЯ НОЧЬ". *А. И. Куинджи.*
„ЧУМАЦКІЙ ТРАКТЪ ВЪ МАРІУПОЛѢ". *А. И. Куинджи.*
„ДНѢПРЪ УТРОМЪ". *А. И. Куинджи.*
„КІЕВЪ". *В. И. Штернберга.*
„ВЫДУБЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ". *В. И. Штернберга.*
„ВЪ КАНЕВСКОМЪ УѢЗДѢ. *Е. И. Столицы.*
Т. Г. ШЕВЧЕНКО.
Н. И. КОСТОМАРОВЪ.
Гетманъ ЗИНОВІЙ-БОГДАНЪ ХМѢЛЬНИЦКІЙ.
Гетманъ П. ДОРОШЕНКО.
Гетманъ Иванъ МАЗЕПА.
Гетманъ Иванъ СКОРОПАДСКІЙ.
Гетманъ ДАНІИЛЪ АПОСТОЛЪ.
Д. Н. БАНТЫШЪ-КАМЕНСКІЙ.
Г. Ф. КВИТКА.
Г. С. СКОВОРОДА.
СЕМЬЯ ЯРОСЛАВА.

Таблицы, картограммы и діаграммы, помѣщенныя во II томѣ.

Табл. I. Типы украинскаго населенія: *a)* с. Псаровка, Черниг. губ. (слегка монголизированный). *b)* Кролевецкій у. Черниг. губ. *c)* Овручскій у. Волын. губ. *d)* у. Павлоград. у. Екатериносл. губ. 400

Табл. II. Тоже: *a)* Уманскій у. Кіев. губ. *b)* Верхнестебліев. стан. Кубан. обл. *c)* Окрестности Таганрога. *d)* Окрестности г. Коломыи—Вост. Галиція (Підгірье). 408

Табл. III. Тоже: *a)* Гуцулъ изъ с. Ріка—Вост. Галиція. *b)* Бойко изъ с. Мшанець—Вост. Галиція. *c)* Лемко изъ с. Лупкова—Вост. Галиція. *d)* Венгерскій Русинъ — Золотарево (Ötvosfalva)—Вост. Венгрія . . . 416

Табл. IV. Тоже: *a)* Кролевецкій у. Черниг. губ. *b)* Глуховскій у. Черниг. губ. *c)* Ковельскій у. Волын. губ. *d)* с. Гребеновъ Стрыйск. окр. — Вост. Галиція 424

Табл. V. Тоже: *a)* Гуцулка изъ м. Сторонець - Путилова — Буковина. *b)* Бойківка изъ с. Побукъ—Вост. Галиція. *c)* Венгерская русинка изъ Золотарево (Ötvosfalva)—Вост. Венгрія. *d)* Тоже — мадьяризованный типъ. 456

Табл. VI. *a)* „Котці“ для ловли рыбы—Воронеж. губ. *b)* Ловля рыбы неводомъ въ Кіев. губ. *c)* „Сажъ“ для откармливанія свиней Черниг. губ. *d).* Косари Полтав. губ. *e)* „Водяний млин“ Харьков. губ. *f)* „Наплавний млин“ на р. Деснѣ Черниг. губ. *g)* „Курінь“ на плоту—р. Десна Черниг. губ. *h)* „Курінь“ въ саду въ м. Менѣ Черниг. губ. 464

Табл. VII. *a)* Бортевое дерево—с. Туръ Волын. губ. *b)* Ножная ступа *c)* Жорна. *d)* „Вітряк“—Чернеча слобода Черниг. губ. *e)* Тоже—с. Глеваха Чернигов. губ. *f)* „Оборіг“ Буковина .*g)* Сторожка въ лѣсу, Волын. губ. *h)* Горнъ для обжиганія посуды — Старостебліев. стан. Кубан. обл. *i)* „Вишка“ Старостебліевск. стан. Кубан. обл. . 472

Табл. VIII. *a)* С. Будаевка, Кіев. губ. *b)* Гуцульская „гражда“ изъ Ясенева-Вышняго. *c)* Закрытый дворъ въ с. Горголь Суджан. у. Курской губ. *d)* Полузакрытый дворъ Полтав. губ. *e)* Хата правобережнаго типа съ „устрішкамп“. *f)* Хата открытая лѣвобережнаго типа Полтав. губ. *g)* Строющаяся хата изъ „лимпачу“ Екатеринослав. губ. *h)* Стѣнная роспись въ хатѣ Подольской губ. . . . 504

Табл. IX. *a)* Недостроенная деревянная хата Полтав. губ. *b)* Гуцульская хата—Біла Тиса, Угорщина. *c)* Хата Овруч. у. Волын. губ. *d)* Хата бойковъ въ Вост. Галиціи. *e)* Хата бойковъ подъ одной крышей со всѣми хозяйств. постройками—Вост. Галиція. *f)* Хата въ Стройнѣ, Угорская Русь. *g)* Плетеная изъ лозы „клуня“ Черниг. губ. *h)* Плетеная изъ лозы и обмазаная глиной „клуня“ Кобеляк. у. Полтав. губ. 512

Табл. X. *a* и *c)* „Дівчата“ Полтав. губ. *b)* „Молодиця“ той же мѣстности. . 528

Табл. XI. Женскіе головные уборы: 1 и 2) Парчевые очіпки Золотоношскаго у. Кіевск. губ. 3 и 4) Парчевой очіпокъ Лохвицкаго у. Полтав. губ. 5 и 6) Повязка изъ платка дѣвушки Лохвицкаго у. 7) Дѣвичья повязка Ковелецкаго. у. Черниг. губ. 8) Женская повязка изъ платка оттуда же. 9) Праздничная повязка замужней женщины, оттуда же. 10 и 11) Женскія повязки изъ платка Кіев.

губ. 12 и 13) Платокъ, носимый сверхъ обычной головной повязки Полтавской губ. 4) „Зборникъ", т. е. очіпок, вытѣсняющій въ послѣднее время очіпки предыдущихъ формъ. Безъ № слѣва: женщина въ „намітцѣ" Козелецкаго у. Черниговск. губ.; посерединѣ и справа — другія формы завязывакія „намітки" 536

Табл. XII. Мужскіе головные уборы: 16) Войлочная „магерка" Миргородскаго у. (носится и до сихъ поръ). 17) Тоже на мѣховой подкладкѣ. 18, 19, 20 и 26) — Шапки Миргородскаго у. Полтав. губ. 21) Шапка Козелецкаго уѣзд. Чернигов. губ. 22 и 23) Изъ Поднѣпровья. 24) Шапка Подольской губ. 25) Лохвицкаго у. Полтав. губ.; 27) Полтавской губ. вообще; 28) Шляпа войлочная (повстяний бриль) Черниговск. губ. 29) Лохвицкаго у. Полтав. губ. 30) Чернигов. губ. 31) Соломенная шляпа Чернигов. губ. 31) Тоже—Полтав. губ. 32) Соломенная шляпа, плетенная въ узоръ, изъ Полтав. губ. . 544

Табл. XIII. *a*) Костюмъ замужней женщ. Волынск. губ. *b*) Тоже изъ с. Андреевичи Волын. губ. *c*) Тоже изъ Черниг. губ. *d*) Тоже изъ с. Велдіж, Восточ. Галиціи. *e*) Кост. дѣвушки изъ с. Лавочне Вост. Галиц. *f*) Тоже изъ с. Золотарева (Ötvösfalva) въ Венгріи. *g*) Лемко снятый въ с. Лавочне, Вост. Гал. (способъ носить рубаху). h) „Дід" съ заплетенными косами изъ с. Плавье, Вост. Галиція 552

Табл. XIV. Женскіе костюмы: *a*) Костюмъ замужней женщины на Волыни. *b*) Костюмъ дѣвушки Остерскаго у. Черниг. губ. *c*) Кост. замужней женщ. Радомысльскаго у. Кіев. губ. *d*) Кост. пожилой женщ. Остерскаго у. Черниг. губ. *e*) Кост. дѣвушки Переяславскаго у. Полтавск. губ. *f*) Кост. „молодиці" Кіев. уѣз. 560

Табл. XV. *a*) Мѣщанскій кост. Сосницкаго у. Черниг. губ. *b*) Молодая замужняя женщ. Уманскаго у. Кіев. губ. *c*) Замуж. женщ. Кіевской губ. *d*) Дѣвушка Ахтырскаго у. Харьковск. губ. *e*) „Молодиця" Бердичевскаго у. Кіевск. губ. *f*) Старинная „байева юпка" Кіев. губ. 568

Табл. XVI. Мужскіе костюмы: *a*) с. Сарны Волынской губ. *b*) Звенигородскаго у. Кіевской губ. *c*) с. Грыцівъ—Волынской губ. *d*) Ковельскаго у. Волынской губ. *e*) Кіевскаго у. Кіев. губ. *f*) Староконстантиновскаго у. Волынской губ. . . . 576

Табл. XVII. *a*) Муж. кост. Нѣжинскаго у. Чернигов. губ. *b*) Лѣтній муж. кост. Таврической губ. *c*) Кост. „парубка" Гадячскаго у. Полтавск. губ. *d*) Лѣтняя одежда Хорольскаго у. Полтавск. губ. *e*) Кост. Радомысльскаго у. Кіев. губ. *f*) Кост. старухи Хорольскаго у. Полтав. губ. 584

Табл. XVIII. *a*) Кост. с. Дидьова Вост. Галиц. *b*) С. Бряза Вост. Гал. *c*) С. Корниця Стрыйск. окр. Вост. Гал. *d*) Костюмъ бойковъ изъ с. Мшанця Вост. Галиц. 592

Табл. XIX. *a* и *b*) Кост. с. Кути Коссовскаго окр. Вост. Галиц. *c*) Кост. дѣвушки изъ с. Золотарева въ Угорской Руси. *d*) Кост. гуцула и гуцулки изъ с. Діхтиниці на Буковинѣ . . . 600

Картограмма цвѣта волосъ украинскаго населенія **432**

Картограмма роста украинскаго населенія **440**

Распредѣленіе украинскаго населенія по головному указателю **448**

Географическое распредѣленіе украинскихъ хатъ по строительному матеріалу **520**

Діаграммы возрастнаго состава **884**

Распредѣленіе украинскаго населенія по занятіямъ **392**

ОТДѢЛЪ III.

Очеркъ географіи Украины.

Географическое положеніе Украины.

Территорія, заселенная преимущественно украинскимъ населеніемъ, простирается между 43° и 54° сѣверной широты, 21° и 44° восточной долготы (отъ Гринвича), занимая, такимъ образомъ, широкую и длинную полосу восточной Европы, пространствомъ около 850 тыс. кв. километровъ.

Географическое положеніе ея въ южной полосѣ восточной Европы, на рубежѣ Азіи,—имѣло много неблагопріятныхъ сторонъ. Благодаря ему Украина нѣкогда служила удобною дорогою для азіатскихъ кочевыхъ народовъ, которые не дали возможности развиться ея государственной и культурной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ она лежитъ слишкомъ далеко отъ культурныхъ центровъ Западной Европы. Вслѣдствіе довольно однородной тектонической структуры всей восточной Европы вообще, Украина не имѣла сколько-нибудь значительныхъ естественныхъ границъ. которыя могли, бы охранять ее отъ вторженій сосѣдей. Но это же обстоятельство облегчало и движеніе украинской колонизаціи на въ сосѣднія земли. Съ другой стороны, однако, физическое положеніе Украины имѣетъ и свои положительныя стороны. Такъ, напримѣръ,—сосѣдство Чернаго моря, хотя и замкнутаго, облегчаетъ сообщенія съ самыми отдаленными странами; въ старину по этому пути шли сношенія Руси съ Цареградомъ, а вмѣстѣ съ ними и культурныя явленія. Кромѣ того, Украина лежитъ на кратчайшей сухопутной дорогѣ изъ Европы въ Индію и при наиболѣе удобномъ рѣчномъ пути изъ Балтійскаго въ Черное море. Всѣ эти обстоятельства имѣютъ большое значеніе для экономическаго развитія края.

Черное море примыкаетъ къ Украинѣ съ юга у Херсонской, Таврической и Бессарабской губерній, а также у кавказскихъ ея колоній—Кубанской и Черноморской. Оно принадлежитъ къ типу средиземныхъ, со всѣхъ сторонъ, замкнутыхъ сушею морей и образовалось вслѣдствіе заполненія водою громадной впадины тектоническаго происхожденія. Сѣверные берега Чернаго моря слабо развиты и не особенно удобны для мореплаванія. Начиная отъ устьевъ Дуная и до устьевъ Кубани берегъ, за исключеніемъ горнаго берега Крыма, очень однообразенъ, степной, мѣстами круто спадаетъ къ морю, мѣстами же снова низкій и плоскій, безъ

заливовъ и бухтъ. На такомъ однообразномъ берегу выдѣляются многочисленные «лиманы», т. е. прибережныя мелкія озера, которыя образовались благодаря заполненію водою прежнихъ долинъ большихъ и малыхъ рѣкъ въ ихъ устьяхъ; они отдѣлены отъ моря цѣльною (у меньшихъ рѣкъ и балокъ) или разорванною (у большихъ) песчаною косою. Характеръ лиманнаго берега является типичнымъ и для Азовскаго моря.

Глубина Чернаго моря весьма значительна и на большихъ пространствахъ превышаетъ 2.200 метровъ. Только сѣверная часть между Крымомъ и устьемъ Дуная мелка и недостигаетъ 200 метровъ. Азовское море, напротивъ, даже въ наиболѣе глубокихъ мѣстахъ едва достигаетъ глубины 15 метровъ. Вода Чернаго моря содержитъ меньше солей, нежели въ океанѣ, заключая въ себѣ едва 22, при устьяхъ рѣкъ 15, а въ Азовскомъ морѣ около 10 частей соли на 1000 частей чистой воды. Черное море весьма неспокойно и бурливо, но приливовъ и отливовъ а также правильныхъ морскихъ теченій въ немъ не замѣчается. Зато оно чрезвычайно богато всевозможною рыбою и иными морскими животными, несмотря на то, что всѣ болѣе глубокіе слои его переполнены ядовитымъ газомъ—сѣроводородомъ.

При общемъ обзорѣ поверхности украинской территоріи бросается въ глаза однообразіе формъ на большихъ пространствахъ. Вдоль южныхъ границъ Украины тянется часть южноевропейской полосы складчатыхъ горъ; къ ней принадлежатъ Карпаты, Яйла и Кавказъ со своими предгорьями. На сѣверъ отъ этихъ горъ простирается первая полоса входящихъ цѣликомъ или частями въ Украину низменностей. Подъ Карпатами лежатъ лишь незначительныя (привислянская и приднѣстровская), передъ Яйлою и Кавказомъ напротивъ — обширныя: черноморская и прикаспійская. За этой низменною полосою расположены возвышенности: Розточья, Подолья, Бессарабіи, Волыни и правобережной Украины, а за Днѣпромъ—лѣвобережная возвышенность и Донецкій кряжъ. Наконецъ, со стороны сѣверо-запада входитъ въ украинскую территорію еще одинъ рядъ низменностей: его образуютъ низменности—подляшская, полѣсская и лѣвобережная приднѣпровская.

Карпаты только одной третьей частью своей длинной 1300-километровой дуги принадлежатъ украинской территоріи. Это—типичныя складчатыя горы, образовавшіяся вслѣдствіе того, что земная кора сморщилась въ большія, продолговатыя складки, а послѣднія въ свою очередь сморщились съ теченіемъ времени въ болѣе мелкія. Слагаются онѣ изъ разнообразныхъ скалистыхъ породъ, однако же рѣшительное преобладаніе надъ другими имѣетъ въ украинскихъ Карпатахъ т. наз. флишъ, т. е. попеременно лежащіе различной толщины слои песчанниковъ, конгломератовъ, сланцевъ и глинъ. Вслѣдствіе мягкости и податливости этихъ породъ вліяніямъ воздуха и воды, формы карпатскихъ хребтовъ и вершинъ въ общемъ легко заокруглены и пологи. Кромѣ флишевой полосы Карпатъ на украинской территоріи лежитъ также часть вулканической полосы (на границѣ венгерской равнины) и окраины трансильванской области Карпатъ, состоящихъ изъ кристаллическихъ и старыхъ, осадоч-

наго образованія, скалъ. Изъ отдѣльныхъ частей карпатской горной системы къ украинской этнографической территоріи принадлежатъ: 1) *Низкій* (лемковскій) *Бескидъ* (Бескид.), простирающійся отъ р. Попрада до Стрывигора, Ославы и Ляборца; это—широкій кряжъ, составленный изъ параллельныхъ пологихъ хребтовъ, достигающихъ на западѣ до 1100, а далѣе, на востокъ—лишь 800 метровъ высоты. 2) *Высокій* (бойкивскій) *Бескидъ*, простирающійся до верецкаго провала,—составленный изъ многочисленныхъ горныхъ валовъ, гораздо болѣе крутыхъ и высокихъ. Вершины здѣсь достигаютъ 1300—1500 метровъ и выше границы лѣса покрыты прекрасными горными лугами т. наз. «полонинами». 3) *Горганы* (Горгани) оканчивающіеся надъ долинами р.р. Прута и Черной Тисы, достигаютъ своими наивысшими вершинами 1800—1900 метровъ. Ихъ сравнительно болѣе короткіе и сильнѣе изломанные хребты, а также острѣе выдающіяся вершины покрыты «цекотами» —морями гальки. 4) *Черногорская цѣпь* тянется до рѣкъ Вышивъ и Золота Быстрыця и представляетъ собою наивысшую и наиболѣе живописную часть песчанниковыхъ Карпатъ. Здѣсь возвышается Черногора, подымающаяся нѣсколькими своими вершинами выше 2.000 метровъ. Наивысшая изъ нихъ—вершина Говерли (2058 метровъ). Снѣгъ покрываетъ Чорногору въ теченіе трехъ четвертей года; въ ледниковый періодъ была она покрыта ледниками, оставившими послѣ себя котловины, небольшія озера и морены. Въ южной части черногорской цѣпи, составленной уже не изъ флиша, а изъ скалъ кристаллическихъ, вулканическихъ и старыхъ осадочныхъ, находится также нѣсколько вершинъ свыше 1900 метровъ. Большіе лѣса и богатыя полонины покрываютъ всю Черногорскую цѣпь.

Изъ вулканической полосы Карпатъ принадлежатъ къ украинской территоріи: Хедѣлія (горный кряжъ) и почти цѣликомъ Выхорлатъ. Это—ряды погасшихъ вулкановъ, извергшихъ громадныя массы преимущественно трахитовой лавы; они достигаютъ своими остроконечными, конусообразными вершинами 1000 метровъ и болѣе.

Съ сѣвера вдоль дуги Карпатъ тянется *Карпатское предгорье*—холмистая мѣстность, состоящая изъ сѣрой глины, изобилующей нефтью и солью, расширяющаяся на западѣ и съуживающаяся на востокѣ; далѣе на сѣверъ идутъ подкарпатскія наносныя низменности: *привислинская* и *приднѣстровская*.

Къ южно-европейской складчатой полосѣ кромѣ Карпатъ относятся еще Крымскія горы и Кавказъ; послѣдній лишь незначительною своею частью принадлежитъ къ украинской территоріи, а крымская цѣпь и вовсе выходитъ за предѣлы украинскаго населенія, и если упоминается здѣсь, то лишь въ виду непосредственной морфологической связи ея съ украинской этнографической территоріей.

Крымскія горы или Яйла представляютъ собою незначительную по сравненію съ Карпатами цѣпь (всего около 150 километровъ длины) складчатыхъ горъ. Онѣ тянутся вдоль юго-восточнаго берега Крымскаго полуострова и достигаютъ 1500 метровъ высоты. Вершины ихъ, состоящія изъ известняка, горизонтально срѣзанныя,

называются «яйла» и покрыты скудно травою. Къ морю Яйла спадаетъ почти отвѣсно живописными утесами.

Кавказъ тянется могучимъ 1100-километровымъ прямолинейнымъ кряжемъ между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Строеніе Кавказскихъ горъ—складчатое, съ юга обрѣзанное колоссальными сдвигами. Главный хребетъ состоитъ преимущественно изъ кристаллическихъ скалъ съ погасшими вулканическими сопками. Параллельные ему сѣверные хребты, состоящіе преимущественно изъ различнаго возраста осадочныхъ скалъ,—значительно ниже. Продольныя долины почти вовсе не развиты; напротивъ,—глубокими поперечными долинами плывутъ всѣ значительнѣйшія рѣки Кавказа. Переходъ черезъ горы, вслѣдствіе отсутствія удобныхъ переваловъ, весьма затруднителенъ. Вершины Кавказа покрыты вѣчными снѣгами и ледниками, величиною не уступающими альпійскимъ.

Вдоль сѣвернаго склона Кавказа тянется холмистое кавказское предгорье, изобилующее нефтью. Пятигорскіе холмы и ставропольское плато дѣлятъ это предгорье на восточную и западную части. Еще далѣе на сѣверъ холмистая мѣстность понемногу понижается и переходитъ въ степныя низменности: черноморскую и прикаспійскую. Въ этой мѣстности находится извѣстное раздвоеніе (бифуркація) рѣки Маныч.

Черноморскія возвышенности представляютъ группу, состоящую изъ Розточья, Подольскихъ, Волынскихъ, правобережныхъ Днѣпровскихъ и Бессарабскихъ возвышенностей; она ограничена съ юга подкарпатскими и черноморскими низменностями.

Подольская возвышенность ограничена съ юга и юго-запада долиною Днѣстра, а далѣе—черноморскою низменностью, долиною р. Южнаго Буга (Бог), съ сѣвера—верховьями р.р. Горыни, Иквы и Стыра, а также крутымъ берегомъ между Бродами и Львовомъ; съ запада образуетъ ей границу рѣчка Верешыця. Подолье представляетъ собою плато съ горизонтальными пластами (гранитогнейсы, палеозойскіе пласты съ красными девонскими песчаниками, мезозойскіе пласты, именно мѣловые, наконецъ,—третичные известняки и гипсы). Скалистая подпочва покрыта толстыми слоями глины и лёсса, переходящими на поверхности въ плодородный черноземъ. Поверхность этой возвышенности подымается вдоль сѣверной его грани и покрыта здѣсь живописными холмами свыше 470 метровъ высоты. Вся западная окраина Подолья также представляется холмистою и возвышается на значительномъ пространствѣ болѣе, чѣмъ на 400 метровъ. Живописный рядъ скалистыхъ холмовъ, носящій названіе «Товтры» (нѣкогда—рифы третичнаго моря), тянется между Бродами и Каменецъ-Подольскомъ. Остальная часть Подолья, ровная и однообразная, покрыта безконечными нивами; разнообразіе вносятъ въ этотъ подольскій пейзажъ лишь живописные «яры»—глубокія, съ крутыми спадами, долины рѣкъ и рѣчекъ. Наиболѣе величественно представляется яръ рѣки Днѣстра между Нижнивомъ и Дубоссарами.

Покутско-бессарабская возвышенность лежитъ между долинами р.р. Днѣстра и Прута до самой Черноморской низменности; она тоже представляетъ плато, слегка холмистое; такъ же, какъ и Подольская возвы-

шенность, на западной своей окраинѣ (т. наз. Покутьѣ) она достигаетъ наибольшей высоты и въ холмистой мѣстности «Бердо-Городище» (—наивысшая точка на украинскихъ возвышенностяхъ) превышаетъ 515 метровъ. Среди горизонтальныхъ осадочныхъ пластовъ, составляющихъ покутско-бессарабское плато, заслуживаютъ вниманія покутскіе гипсы, съ различными живописными карстовыми образованіями (пещеры, подземные потоки, воронкообразныя промоины). Рѣчныя долины въ Бессарабіи вездѣ широки и неглубоки.

Розточьемъ называется неширокая возвышенная, слегка волнистая полоса, тянущаяся грядой отъ Львова за Люблинъ и ограниченная съ запада долинами Сяна и Вислы, съ востока и сѣвера—прибужскими низменностями. Высота этой холмистой возвышенности доходитъ на югѣ до 400 метровъ, а на сѣверѣ постепенно уменьшается. Подпочва Розточья состоитъ изъ мѣловыхъ и третичныхъ пластовъ, прикрытыхъ крупными дилювіальными песками, глинами и пр., составлявшими нѣкогда морену скандинавскаго ледника.

Волынская возвышенность лежитъ между долинами Западнаго и Южнаго Буга, Тетерева и полѣсскою низменностью. Широкія низменныя долины рѣкъ расчленяютъ ее на нѣсколько частей. Подпочва Западной Волыни—аналогична розточской; на востокѣ—выступаетъ гранитно-гнейсовая основа со слѣдами очень старыхъ, теперь погасшихъ, вулкановъ. Наибольшей высоты достигаетъ Волынь въ кременецко-острожскомъ хребтѣ (до 400 метровъ) и неподалеку отъ истоковъ Южнаго Буга (370 метровъ). Къ сѣверу возвышенность постепенно понижается и становится все болѣе плоской, раздѣляясь, наконецъ, на нѣсколько плоскихъ возвышенныхъ острововъ.

Правобережная приднѣпровская возвышенность заключена между долинами р.р. Южнаго Буга, Тетерева, Днѣпра и—съ юга—черноморской низменностью. Она не представляетъ цѣльнаго плато, но раздѣлена рѣчными долинами на нѣсколько частей. Основаніе правобережной возвышенности составляютъ граниты и гнейсы, изогнутые въ складки въ направленіи съ сѣвера на югъ. Дислокаціи захватили и болѣе молодые, осадочные пласты, лежащіе на гранитахъ, однако образованныя складками неровности выгладили почти совершенно внѣшнія силы. Точно также почти не выдѣляются при взглядѣ на внѣшній видъ мѣстности здѣшніе древніе вулканы, связанные съ упомянутыми дислокаціями. Однако же эти тектоническія движенія, двинувъ отдѣльныя гряды правобережной возвышенности, образовали нѣкоторое гипсометрическое разнообразіе. Наивысшая часть возвышенности (около 340 метровъ) находится около Бердичева; отсюда она понижается все болѣе къ сѣверо-востоку и востоку, такъ что надъ Росью наивысшіе пункты возвышенности достигаютъ едва 260, а надъ Ингуломъ—едва 240 метровъ. Гряды возвышенности, идущія вдоль берега Днѣпра, достигаютъ подъ Каневомъ 240, подъ Чигириномъ 250 метровъ высоты. Поверхность возвышенности вездѣ слегка волнистая, долины рѣкъ широки и мелки, становясь тамъ, гдѣ рѣка выходитъ на низменность, болѣе глубокими и узкими, со скалистымъ дномъ. Наиболѣе живописенъ правый берегъ Днѣпра, подымающійся какъ цѣпь горъ надъ рѣкою и ея лѣвымъ

низменнымъ берегомъ высокими стѣнами выше 100 метровъ.

Подляшская низменность является первою въ ряду низменностей, окружающихъ съ сѣвера и востока черноморскія возвышенности. На западѣ она незамѣтно переходитъ въ польскую низменность, съ востока ограничиваетъ ее низкій водораздѣлъ Вислы и Днѣпра, съ сѣвера и юга—бѣлорусская возвышенность и Розточье. Подляшская низменность плоска, покрыта лѣсами (Бѣловѣжская пуща), болотами и озерами, выказываетъ значительные слѣды старыхъ моренъ ледниковаго періода. Долины рѣкъ широки и мелки.

Полѣсская низменность, ограниченная бѣлорусскою, волынскою и правобережною возвышенностями, а также р. Днѣпромъ и имѣетъ видъ обширнаго, кое-гдѣ слегка волнистаго мелкаго углубленія. Вся наносная поверхность почвы состоитъ изъ песковъ, рѣчныя русла лежатъ какъ бы на плоскихъ плотинахъ, насыпанныхъ рѣками, а все лежащее между ними пространство занято болотами. Въ настоящее время значительная часть болотъ искусственно осушена и превращена въ сѣнокосы. Въ ледниковомъ періодѣ здѣсь находилось большое озеро, занесенное рѣками и обратившееся въ болото. И теперь каждую весну значительныя пространства Полѣсья заливаются вслѣдствіе разливовъ рѣкъ.

Лѣвобережная низменность простирается отъ лѣваго берега Днѣпра до самыхъ окраинъ лѣвобережной возвышенности, въ которую она глубоко вдается вдоль рѣчныхъ долинъ. Сѣверная часть ея носитъ совершенно полѣсскій характеръ, южная же постепенно переходитъ въ черноморскія степи.

Лѣвобережная возвышенность составляетъ часть большого центральнаго русскаго плоскогорія и раздѣлена на нѣсколько частей широкими долинами рѣкъ: Десны, Сулы, Псла и Ворсклы. Она въ общемъ невысока: наиболѣе высокія точки ея достигаютъ едва 230—280 метровъ. Всѣ рѣчныя долины отличаются высокимъ, обрывистымъ правымъ и низкимъ лѣвымъ берегами. Поверхность возвышенности слегка волниста, зато мѣстами сильно изрѣзана «провалями», т.-е. балками, оврагами, вымытыми дождевыми водами въ здѣшнихъ мягкихъ третичныхъ и мезозойскихъ пластахъ. Безпощадное истребленіе лѣсовъ было причиною образованія этихъ весьма вредныхъ овраговъ.

Донецкій кряжъ простирается въ видѣ ряда слегка волнистыхъ возвышенностей (до 370 м. высоты) по правому берегу р. Донца и понижается постепенно и незамѣтно по направленію къ черноморской низинѣ. Однородная степная поверхность кряжа ничѣмъ не выказываетъ его внутренняго строенія. На гранитномъ основаніи лежатъ здѣсь складчатые и изломанные, въ разныхъ мѣстахъ прорванные продуктами изверженій погасшихъ вулкановъ, палеозойскіе и мезозойскіе пласты. Внѣшнія силы сгладили однако совершенно когда-то бывшія здѣсь горы и третичные пласты лежатъ уже въ общемъ горизонтально. Донецкій кряжъ извѣстенъ своимъ обиліемъ каменнаго угля и другихъ минеральныхъ богатствъ.

Черноморская низменность протянулась длинною полосою вдоль черноморскаго и азовскаго побережья. На значительныхъ пространствахъ подпочва ея — гранитная, покрытая утол-

щающимися къ югу недавними отложеніями третичными и четвертичными, вся она носитъ степной характеръ, за исключеніемъ широкихъ болотистыхъ рѣчныхъ долинъ, состоящихъ изъ плавней и луговъ.

Украинскія рѣки текутъ къ двумъ морямъ—Балтійскому и Черному, отчасти—къ Каспійскому. Водораздѣлы между этими различными бассейнами впрочемъ мало замѣтны и сообщеніе между ними не представляетъ трудностей; въ старину его поддерживали водоками, а въ настоящее время—судоходными каналами. Изъ Сана въ Днѣпръ, изъ Буга и Нѣмана въ Припять, изъ верхней Волги и Невы въ Днѣпръ и Донъ, — вездѣ переходъ незатруднителенъ и хотя судьба связала Украинскую территорію ея рѣками главнымъ образомъ съ Чернымъ моремъ, однако не замкнула удобныхъ водныхъ сообщеній на западѣ и сѣверѣ.

Балтійскій бассейнъ составляютъ здѣсь правые притоки Вислы: Дунаецъ, Вислока, Сянъ, Вепръ и Бугъ, которые въ большей или меньшей части своего теченія принадлежатъ украинской территоріи. Удобны для сплава между ними лишь Санъ и Бугъ. Черноморскій бассейнъ Украины составляютъ шесть большихъ рѣкъ: Дунай, Днѣстръ (Днїстер), Южн. Бугъ (Бог), Днѣпръ (Днїпро), Донъ (Дін) и Кубань. Дунай только въ самомъ устьѣ проходитъ черезъ украинскую территорію; изъ его лѣвыхъ притоковъ верхнимъ своимъ теченіемъ принадлежатъ этнографической украинской территоріи Тиса съ Бодрочкою и Серетъ, а на пространствѣ почти всего своего теченія—Прутъ съ Черемошемъ. Всецѣло украинскою рѣкою является Днѣстръ (Днїстер, — 1300 километровъ); вытекая съ Високаго Бескида, течетъ по подкарпатской низменности, врѣзывается глубокимъ яромъ между Подольскою и Бессарабскою возвышенностями, а выйдя на Черноморскую низменность, лиманомъ впадаетъ въ Черное море. Съ правой стороны впадаютъ въ него быстрыя карпатскія рѣки: Стрый, Свича́, Лимни́ца (Лімница), двѣ Быстри́цы и лѣнивыя маловодныя бессарабскія: Ре́утъ и Быкъ. Съ лѣвой стороны принимаетъ Днѣстръ карпатскій Стрывигоръ и многочисленныя подольскія рѣчки, текущія по ярамъ: Гнилую и Золоту́ Лы́пу, Стры́пу, Се́ретъ, Збручъ, Смо́трычъ, Ушыцю, Мура́хву, Ягорлы́къ. Днѣстръ судоходенъ на протяженіи 800 километровъ, но судоходство по немъ не очень развито.

Южный Бугъ (Бог) (750 километровъ) вытекаетъ на Подольи и отдѣляетъ его отъ правобережной возвышенности скалистымъ, хотя и неглубокимъ яромъ. Выйдя на низменность, образуетъ онъ лиманъ, соединяющійся съ Днѣпровскимъ. Южн. Бугъ и его притоки (Собъ, Синю́ха и Ингу́лъ слѣва, Кодыма и Чичикле́я — справа) маловодны и для судоходства не годятся.

Днѣпръ (Днїпро́), — наибольшая и самая важная рѣка Украины (третья по величинѣ въ Европѣ: 2100 километровъ длины, бассейнъ—до 530.000 кв. километровъ) вытекаетъ на центральной русской возвышенности, въ бѣлорусской территоріи, украинской территоріи принадлежитъ своей средней и южной частью. Представляя уже большую рѣку, принимаетъ онъ справа сплавную Березину, съ лѣваго—Сожъ, входитъ въ Украину и встрѣчаетъ на

правомъ берегу первые отроги правобережной возвышенности, измѣняющія его направленіе. Около Кіева впадаютъ въ Днѣпръ большія судоходныя рѣки: съ лѣвой стороны—Десна (съ Сеймомъ), а съ правой—Припять, изобилующая притоками (Пина, Ясёлда, Случъ, Птичь — съ лѣвой, Туря, Стоходь, Стыръ съ Иквою, Горынь со Случью, Уборть и Ужъ — съ правой стороны). Правый берегъ Днѣпра вездѣ здѣсь высокій, живописно-обрывистый, лѣвый—низкій, съ множествомъ рукавовъ и старыхъ руселъ, заливаемый ежегодно на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ весенними разливами рѣки. Притоки Днѣпра здѣсь немногочисленны: слѣва—Тетеревъ, Ирпень, Рось и Тясмынъ, справа — Сула, Псёлъ, Ворскла, Орель и Самара. Отъ устья этой послѣдней рѣки уже и лѣвый берегъ Днѣпра становится высокимъ, прежнее юго-восточное направленіе смѣняется южнымъ и среди скалистой, неширокой долины, начинаются Днѣпровскіе «пороги». Гранитная полоса перерѣзываетъ русло рѣки въ нѣсколькихъ мѣстахъ каменными грядами, на которыхъ рѣка образуетъ могучіе перекаты. Всѣхъ пороговъ насчитываютъ девять, «заборъ», т. е. меньшихъ пороговъ, не занимающихъ всей ширины рѣки, — шесть. Наиболѣе извѣстенъ между порогами «Дидъ» или «Ненасы́тецъ» (Дѝд, Ненаси́тець). Миновавъ пороги, на т. наз. «Запорожьи», Днѣпръ широко разливается на множество рукавовъ и образуетъ массу острововъ. Всю широкую долину рѣки здѣсь занимаютъ «плавни», заросли. Принявъ еще степную рѣчку Ингулецъ, вливается Днѣпръ девятью устьями въ свой громадный лиманъ. Судоходенъ Днѣпръ на протяженіи болѣе 1900 километровъ, въ порогахъ сплавлять по немъ можно только внизъ по теченію.

Донъ (Дін,—1800 километровъ) беретъ свое начало тоже на центральной русской возвышенности и лишь незначительною частью своего теченія и бассейна принадлежитъ украинской территоріи. Направленіе его теченія аналогично теченію Днѣпра, но онъ уступаетъ ему количествомъ воды и сплавностью. Впадаетъ Донъ въ Азовское море. Изъ лѣвыхъ его притоковъ наиболѣе важны: Воронежъ, Хоперъ, Медвѣдица и Манычъ, изъ правыхъ — судоходный Донецъ (Донёцъ), который почти цѣликомъ протекаетъ по украинской территоріи.

Послѣдняя большая рѣка Украины—*Кубань* начинается на Кавказѣ около Эльбруса; повернувши на западъ, впадаетъ дельтою въ Черное и Азовское моря. Судоходство по ней затруднительно, хотя воды достаточно. Изъ рѣкъ Каспійскаго бассейна колонизируются въ послѣднее время украинскимъ населеніемъ порѣчья Кумы и отчасти Терека.

Климатъ Украины является умѣреннымъ континентальнымъ, во всѣхъ украинскихъ областяхъ довольно однороднымъ. Средняя годовая температура колеблется между $+6^0$ и $+9^0$ по Цельзію (Тернополь и Волчанскъ $+6{\cdot}3^0$, Львовъ и Полтава $+6{\cdot}9^0$, Кіевъ и Харьковъ $+6{\cdot}8^0$, Черновцы, Елисаветградъ и Луганскъ $+7{\cdot}6^0$ (относительно $+7{\cdot}7^0$), Таганрогъ, Екатеринославъ и Ставрополь $+8{\cdot}2^0$ (относительно $+8{\cdot}3^0$) [1]). Лишь южныя

1) Пункты наблюденій въ пограничныхъ территоріяхъ намъ приходится указывать безъ отношенія къ ихъ этнографической

окраины имѣютъ температуру нѣсколько выше (Одесса и Кишиневъ + + 9·8°, Николаевъ + 9·7°, Симферополь + 10·1°, Севастополь + 12·2°, Екатеринодаръ + 12·1°, Новороссійскъ + 12·4°, Ялта + 13·4°). Эти среднія температуры значительно ниже, чѣмъ въ мѣстностяхъ лежащихъ на той же параллели въ западной или средней Европѣ. Объясняется это тѣмъ, что зима вездѣ на Украинѣ холоднѣе, чѣмъ тамъ (напр. январь въ Лондонѣ + 3·5°, во Львовѣ — 4·6°, въ Кіевѣ — 6·2°, въ Харьковѣ—8·3°), а лѣто хотя и теплѣе, но разница въ температурѣ не такъ велика (іюль въ Лондонѣ + 17·9°, во Львовѣ + 18°, въ Кіевѣ+19·2°, въ Харьковѣ+20·9°). Разница между температурою лѣта и зимы такимъ образомъ на Украинѣ очень значительна (отъ 20 до 30°), слѣдовательно климатъ рѣзко континентальный. Зима на всей территоріи украинскаго разселенія вообще продолжительна и сурова (за исключеніемъ южныхъ окраинъ), весна — коротка и вообще неблагопріятна, особенно на западѣ и сѣверѣ. лѣто — продолжительное и знойное, осень продолжительна и хороша.

Вѣтры господствуютъ въ сѣверной части Украины западные, соединенные въ циклональныя системы. Они приносятъ туда изъ Атлантическаго океана влажность. Надъ южной частью Украины господствуютъ восточные вѣтры, увеличивающіе континентальныя свойства климата. Облачность на Украинѣ—меньшая, чѣмъ въ западной, средней и сѣверной Европѣ.

принадлежности, имѣя въ виду общую картину физическихъ условій, въ которыхъ находятся сосѣднія части украинской этнографической территоріи.

Атмосферическіе осадки не особенно обильны, однако вездѣ достаточны для жизни растеній. Наиболѣе влажности и осадковъ исходитъ отъ Атлантическаго океана, поэтому вообще чѣмъ далѣе на востокъ и юго-востокъ, тѣмъ меньше на Украинѣ осадковъ. Областей со значительными осадками здѣсь двѣ: одна въ Карпатахъ, гдѣ количество осадковъ на значительномъ пространствѣ превышаетъ 1000 миллим. въ годъ и доходитъ мѣстами до 1400; другая—на Кавказѣ, гдѣ осадки также весьма обильны, а на черноморскомъ побережьи Кавказа превышаютъ 2000 м.м. въ годъ. Значительные осадки наблюдаются также въ Подкарпатьи. На большемъ разстояніи отъ горъ осадковъ меньше (Львовъ—735 м.м.); на Подольѣ—менѣе 600, на Поднѣпровьѣ немногимъ болѣе 500 (Кіевъ—534 м.м., Полтава—532 м.м.); чѣмъ далѣе на востокъ и югъ, тѣмъ меньше осадковъ (Харьковъ — 465 м.м., Екатеринославъ — 475 м.м., Елисаветградъ — 444 м.м., Кишиневъ — 471 м.м.), а въ сосѣдствѣ Чернаго и Азовскаго морей ихъ совсѣмъ мало (Одесса—408 м.м., Николаевъ — 360 м.м., Севастополь — 386 м.м., Луганскъ — 379 м.м.). На южномъ побережьи Крыма только немногимъ болѣе (Ялта— 508 м.м.). Такимъ образомъ климатъ Украины — довольно сухой, именно на юго-востокѣ; однако размѣщеніе осадковъ является благопріятнымъ, такъ какъ подавляющее количество ихъ падаетъ тогда, когда они являются наиболѣе нужными, именно въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (іюнь и іюль).

Растительный міръ Украины. Украина принадлежитъ къ двумъ европейскимъ растительнымъ царствамъ:

сѣверному и средиземно - морскому. Сверхъ этого, на Украинѣ ясно выдѣляются растительно - географическія полосы: лѣсная, луговая, степная, горная карпатская и горная крымско - кавказская. Лѣсная полоса охватываетъ сѣверо - западную часть Украины приблизительно по линіи, идущей отъ колѣна р. Прута и верховьевъ Буга до Кіева и дальше до истоковъ Оки. Преобладающая формація полосы — лѣса—носятъ на югъ отъ линіи Люблинъ - Луцкъ средне - европейскій, а на сѣверъ—сѣверно-европейскій характеръ. Кромѣ того, выступаютъ въ этой полосѣ на значительныхъ пространствахъ луга и болота. Луговая полоса, гдѣ лѣсъ борется со степью, и затѣмъ преобладающіе луга занимаютъ большія пространства, представляетъ переходъ къ чистой степи. Послѣдняя начинается за линіею Кишиневъ—Екатеринославъ—колѣно р. Дона, а затѣмъ съ рѣшительнымъ преобладаніемъ степи и съ прирѣчными плавнями тянется до самыхъ крымскихъ и кавказскихъ горъ. Горныя полосы Карпатовъ, Яйлы и Кавказа съ ихъ горными лѣсами, горными лугами («полонѣнами») и природною альпійскою флорою ограничиваются только упомянутыми горными системами, отчасти входящими (кромѣ Яйлы) въ область украинскаго разселенія. На югъ отъ Яйлы встрѣчаемъ совершенно отличный растительный міръ съ вѣчно зелеными типами растеній, уже всецѣло средиземноморскими, но онъ лежитъ внѣ украинской колонизаціи.

Животный міръ Украины является болѣе однороднымъ, нежели растительный. Вся Украина принадлежитъ къ великому бореальному животному царству. Положеніе Украины и ея растительное разнообразіе являются причиною того, что лѣсныя сѣверно- и средне-европейскія формы встрѣчаются здѣсь со степными южно-европейскими и азіатскими. Крупныя лѣсныя животныя, какъ медвѣди, волки, рыси, зубры, лоси, олени и т. п. сохранились на Украинѣ въ значительно бо́льшемъ количествѣ, нежели въ средней и западной Европѣ, хотя прежнее изобиліе звѣря, водившагося когда-то на Украинѣ, отошло безвозвратно въ область преданій. Крупныя степныя животныя, какъ дикія лошади и сайгаки, теперь на Украинѣ уничтожены совершенно. Весьма порѣдѣли и иныя животныя лѣсной и степной полосы, а также и рыба, которая когда-то въ несмѣтныхъ количествахъ наполняла рѣки Украины. Все это является слѣдствіемъ уничтоженія лѣсовъ и превращенія степей въ поля. Послѣднимъ воспользовались лишь нѣкоторые степные виды животныхъ, чтобы по созданнымъ человѣкомъ культурнымъ степямъ переселиться далеко въ среднюю Европу. Даже и теперь продолжаются эти перемѣны и передвиженія степныхъ животныхъ на западъ и сѣверо-западъ.

Украинскій народъ населяетъ описанную выше территорію съ весьма давнихъ временъ. Многіе ученые считаютъ сѣверныя и западныя части нынѣшней украинской территоріи прародиною Славянъ; впослѣдствіи, когда другія славянскія племена разселились по сѣверо-восточной, средней и южной Европѣ, Украинцы распространились надъ Днѣстромъ и Днѣпромъ. Кочевые тюркскіе народы вытѣснили ихъ, правда, изъ черноморскихъ степей на многія столѣтія, однако, съ конца XVIII

вѣка украинскій народъ путемъ мирной колонизаціи началъ возвращать себѣ черноморскія побережья, и въ настоящее время украинская колонизація преобладаетъ на значительныхъ пространствахъ черноморскаго побережья отъ устья Дуная до Кавказа и, распространяясь на востокъ, проникла до Каспійскаго моря.

Количество украинскаго населенія на описанной выше территоріи, судя по оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ—по возможности исправляя ея ошибки (напр. всѣхъ пинчуковъ въ 1897 г. причислено ошибочно къ бѣлоруссамъ) и принявъ во вниманіе приростъ населенія, въ настоящее время доходитъ до тридцати трехъ милліоновъ (33.000.000) душъ. Изъ этого количества около полу-милліона живетъ въ Венгріи, около четырехъ милліоновъ въ Австріи (Галичина и Буковина), а болѣе 28 милліоновъ въ Россіи. Кромѣ тѣхъ украинцевъ, которые сплошною массою заселяютъ свою этнографическую территорію, много украинцевъ живетъ еще колоніями: по нижнему теченію Волги и вдоль всей южной границы Россійской Имперіи, т. е. на Закавказьѣ, въ Туркестанѣ, на киргизскомъ пограничьѣ, за Байкаломъ, надъ Амуромъ и въ Приморской области, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, въ Канадѣ, Бразиліи и Аргентинѣ.

Другія народности составляютъ значительныя группы и среди преобладающаго украинскаго населенія. Великороссы живутъ вездѣ въ городахъ россійской Украины и, кромѣ того, колоніями въ селахъ сѣверной части Херсонской, въ Екатеринославской и Харьковской губерніи. Поляки живутъ въ городахъ Галиціи, Холмщины и Подляшья въ значительномъ числѣ, въ меньшемъ—въ городахъ Волыни, Полѣсья, Подолья и Кіевской губ. На правомъ берегу Днѣпра встрѣчаются они въ селахъ въ качествѣ помѣщиковъ и ихъ служащихъ; польскихъ крестьянъ-земледѣльцевъ немного на Украинѣ, главнымъ образомъ въ Галиціи, Холмщинѣ и на Подляшьи. Нѣмцы живутъ колоніями въ Галиціи, Волыни, Бессарабіи, Херсонской, Екатеринославской и Таврической губ. Венгры и словаки—въ городахъ Угорской Руси. Румыны перемѣшаны съ украинцами въ Буковинѣ, Бессарабіи, а также встрѣчаются колоніями въ Херсонской губ. Греки и болгаре живутъ колоніями также въ городахъ Херсонской, Таврической губ. Остатки Татаръ населяютъ южный берегъ Крыма и встрѣчаются въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Калмыки, черкесы и иные кавказскіе народы—въ Прикавказьѣ. Евреи разсыпаны по всѣмъ украинскимъ областямъ, главнымъ же образомъ на правомъ берегу Днѣпра. Они живутъ небольшими группами по селамъ, а болѣе значительными массами въ мѣстечкахъ и городахъ. Послѣдніе, впрочемъ, вообще отличаются разноплеменностью своего состава, и украинскій элементъ въ нихъ играетъ нерѣдко совершенно второстепенную роль даже среди преобладающаго украинскаго населенія на окружающей территоріи.

Густота населенія различна. Вообще Украинская территорія по густотѣ населенія превышаетъ всѣ иныя области восточной Европы (свыше 50 душъ на 1 кв. километръ). Изъ украинскихъ земель наигуще населена Галиція (за исключеніемъ горныхъ мѣстностей), гдѣ мѣстами густота населенія превышаетъ 100 душъ на 1 квадратный километръ, а также принадлежащая

*

Россіи часть Подолья и Кіевской губерніи (свыше 80 душъ). Въ лѣвобережной Украинѣ въ среднемъ приходится до 60 душъ на 1 кв. километръ, напротивъ—южная Украина и Карпаты заселены слабо (20—30 душъ на 1 кв. килом., мѣстами же,—напр. въ пустынныхъ степяхъ и на высокихъ горахъ,—еще меньше). Густота населенія Украины растетъ весьма быстро, такъ какъ естественный приростъ его весьма великъ и доходитъ на большихъ пространствахъ до 2% въ годъ.

Природныя богатства Украины весьма значительны. Наибольшимъ является, безъ сомнѣнія, черноземъ—наиболѣе плодородная почва въ Европѣ. Она покрываетъ всю среднюю Украину, за исключеніемъ черноморскаго побережья, съ его коричневатыми почвами, а также Розточья, Подляшья, Полѣсья и Волыни съ ихъ песками, торфяниками и болотами. Черноземъ дѣлаетъ центральную Украину наиболѣе удобною изъ всѣхъ европейскихъ странъ для хлѣбопашества, доставляетъ также благопріятныя условія для огородничества и садоводства. Богатые сѣнокосы и пастбища простираются на черноморскихъ степяхъ, по берегамъ рѣкъ и на горныхъ хребтахъ («полонины»). Лѣса, хотя значительно порѣдѣвшіе за послѣднее время, сохранились, однако, громадными комплексами въ Карпатахъ, на Подляшьѣ, Полѣсьѣ и на Кавказѣ; впрочемъ, и въ другихъ мѣстностяхъ (внѣ степной полосы) ихъ достаточно.

Минеральныя богатства весьма значительны. Вдоль Карпатскихъ горъ, по обѣимъ сторонамъ ихъ простираются громадныя залежи каменной соли., каліевыхъ солей, нефти и горнаго воска. На Подольѣ находятся богатыя мѣсторожденія гипса и фосфоритовъ; на Полѣсьѣ и Волыни—болотнаго желѣзняка; на правомъ берегу Днѣпра, въ южной части Кіевской губ. и сосѣднихъ частяхъ Екатеринославской находятся пласты бураго угля и колоссальныя мѣсторожденія желѣзной и мѣдной руды; въ Донецкомъ кряжѣ—богатѣйшія въ Россіи залежи каменнаго угля и антрацита, а также мѣди, ртути, гипса и соли. Вдоль всего черноморскаго побережья тянется полоса соляныхъ озеръ и солончаковъ, а вдоль Кавказскаго хребта—богатѣйшія нефтеносныя поля, цинковые и свинцовые рудники. Превышая страны западной и средней Европы плодородностью своей почвы, Украина почти равняется имъ своими минеральными богатствами, являющимися, какъ извѣстно, могучими рычагами промышленности и торговли.

Экономическое положеніе Украины, не смотря на всѣ указанныя выше обстоятельства, однако—неутѣшительно. Хлѣбопашество, доставляющее обыкновенно много зерна на вывозъ, вслѣдствіе анормальныхъ условій экономическаго и соціальнаго быта, не въ состояніи прокормить населеніе, и голодъ или хроническое недоѣданіе является частымъ гостемъ украинскаго народа, живущаго въ житницѣ Европы. Пріемы обработки земли еще очень примитивны. Трехполье лишь медленно уступаетъ плодоперемѣнной системѣ, меліораціонное хозяйство еще совершенно не развито. Огородничество стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ; немного болѣе развито садоводство, именно въ Кіевской губ., на Волыни и Подольѣ (по обѣ стороны границы, главнымъ образомъ въ долинѣ рѣки

Днѣстра), также въ Бессарабіи, Херсонской и Таврической губерніи (виноградарство). Видное мѣсто занимаетъ, кромѣ того, воздѣлываніе сахарной свеклы (особенно на Подольѣ въ Кіевской и Волынской губерніяхъ), а также табаководство (главнымъ образомъ въ Черниговской, Полтавской и Харьковской губерніяхъ). Связанное съ хлѣбопашествомъ скотоводство значительно развито и составляетъ при господствующемъ малоземельѣ главное подспоріе мелкаго земледѣльческаго хозяйства. Не смотря на то, что въ южной степной Украинѣ на одну душу населенія приходится до 2—5 головъ скота, фактъ этотъ, однако, не можетъ служить признакомъ благосостоянія мелкихъ земледѣльцевъ, такъ какъ въ общій счетъ включены также стада рогатаго скота, овецъ и лошадей принадлежащихъ въ значительной части крупнымъ землевладѣльцамъ. Только послѣдніе культивируютъ лучшія заграничныя породы хозяйственныхъ животныхъ, доставляющихъ большія выгоды. Крестьянинъ принужденъ довольствоваться мѣстными породами, значительно менѣе выгодными. Изъ хозяйственныхъ животныхъ заслуживаетъ вниманія сѣрая украинская порода быковъ, гуцульскія и кубанскія породы лошадей. Охота довольно значительная еще въ XVIII столѣтіи, особенно на Запорожьи, въ настоящее время почти совершенно потеряла значеніе. Гораздо болѣе значенія сохранило рыболовство на Черномъ морѣ и впадающихъ въ него рѣкахъ.

Промышленность вообще развита на Украинѣ весьма слабо. Мелкая, кустарная промышленность, какъ напр. древодѣльная, гончарная, ткацкая, суконовальная и пр., въ прежнее время повсемѣстно распространенная, — теперь сильно упала и падаетъ дальше подъ вліяніемъ фабричной конкуренціи. Наиболѣе развита фабричная и заводская промышленность въ Екатеринославской губерніи, далѣе—въ Херсонской, Подольской, Харьковской и въ Галиціи. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить переработку земледѣльческихъ и родственныхъ имъ продуктовъ. Въ Харьковской губерніи и на Подольѣ—по обѣимъ сторонамъ границы — въ большомъ количествѣ происходитъ производство спирта; здѣсь же, а также въ Кіевской, Херсонской и Черниговской губерніяхъ развито сахарное производство; въ Кіевской и Херсонской губерніяхъ—мукомольная, а въ Карпатахъ—лѣсопильная промышленность. Текстильная промышленность развита весьма слабо. Переработка минеральныхъ богатствъ—болѣе значительна. На Подкарпатьѣ, Черноморскомъ побережьѣ и въ Донецкомъ кряжѣ—большія солеварни, на Подкарпатьѣ—довольно большія нефте-очистительные заводы, въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ—большіе желѣзные заводы. Несмотря на довольно значительное за послѣднее время развитіе промышленности на Украинѣ, въ общемъ обрабатывающая промышленность отступаетъ на второй планъ предъ земледѣліемъ.

Пути сообщенія на Украинѣ имѣютъ весьма благопріятныя природныя условія, однако, неудачная экономическая политика не дала имъ возможности надлежащимъ образомъ развиться, и потому Украина не можетъ до сихъ поръ пріобрѣсти того выдающагося коммуникаційнаго значенія, которое могла бы имѣть вслѣдствіе своего естественнаго положенія.

Пристани черноморскаго побережья вслѣдствіе отсутствія разумнаго попеченія о развитіи черноморскаго судоходства и желѣзнодорожной тарифной политики, не пріобрѣли того значенія, какое могли бы имѣть. Внутреннія водныя дороги весьма значительны (свыше 7.000 километровъ длины), однако, движеніе по нимъ весьма слабо, и онѣ не развиваются, а ухудшаются. Колесныя дороги принадлежатъ къ самымъ худшимъ въ Европѣ; онѣ по большей части не шоссированы и въ дождливую пору представляютъ ленты бездонныхъ болотъ, а въ сухую погоду—глубокіе слои пыли. Шоссейныя дороги въ значительномъ количествѣ существуютъ лишь въ австрійской части Украины, въ Россіи же ихъ совсѣмъ мало. Желѣзнодорожная сѣть довольно рѣдка даже въ Галиціи и Буковинѣ, а на Украинѣ россійской совершенно не соотвѣтствуетъ ни густотѣ населенія, ни его потребностямъ. Заслуживаетъ названія желѣзнодорожнаго узла собственно только Львовъ, гдѣ сходятся девять главныхъ и мѣстныхъ линій, меньше уже Кіевъ и Харьковъ. Значительное сгущеніе желѣзнодорожныхъ линій замѣчается на Донецкомъ кряжѣ. Вообще, благодаря экономическимъ и политическимъ условіямъ Украины, желѣзнодорожныя линіи направлены къ чужимъ центрамъ и мало соотвѣтствуютъ потребностямъ мѣстной экономической жизни, а желѣзнодорожная тарифная политика искусственно уменьшаетъ движеніе по украинскимъ желѣзнодорожнымъ линіямъ. Все это чрезвычайно вредно отражается и на торговлѣ Украины, если не считать вывоза ея сырыхъ продуктовъ остающейся въ самомъ неразвитомъ состояніи.

Въ *политическомъ* отношеніи земли, заселенныя украинцами, принадлежатъ къ тремъ государствамъ: Австріи (ок. 60.000 кв. километровъ), Венгріи (ок. 25.000 кв. кил.) и Россіи (770.000 кв. кил.).

Граница преобладающей украинской колонизаціи [1]) начинается съ дельты Дуная, вблизи русско-румынской границы, проходитъ вдоль черноморскаго побережья дугою по Тирасполь, затѣмъ вдоль Днѣстра—то по правому, то по лѣвому его берегамъ, пересѣкаетъ границу Россіи и Австріи и недалеко отъ Черновцевъ (Чернівці, Czernowitz) доходитъ до Прута. Затѣмъ поворачиваетъ на югъ до Кимполунга (Kimpolung), отсюда идетъ на сѣверо-западъ, изъ австрійской Буковины переходитъ на территорію Венгріи, приблизительно черезъ Сигитъ (Сигіт, Sziget) [1]), Мункачъ (Мукачів, Munkács), Унгваръ (Ужгород, Ungvàr), Уйгель (Уйгель, Вугель, Tiszaujhely), Пряшевъ (Пряшів, Eperjes)—за колѣно р. Попрада, гдѣ переходитъ изъ Венгріи въ Галицію [2]). Отсюда граница украинскаго разселенія идетъ на востокъ и сѣверо-востокъ вблизи Грибова (Грибів), Ясла, Санока (Сянік), Дынова (Динів), Перемышля (Перемишль) и Ярослава. Отъ этого

[1]) Границы, здѣсь указанныя, не вполнѣ совпадаютъ съ данными въ статьѣ, помѣщенной ниже, такъ какъ послѣдняя опирается на данныя поуѣздныя, между тѣмъ какъ здѣсь авторъ проводитъ границы на основаніи разныхъ указаній, независимо отъ административныхъ дѣленій; то же необходимо сказать и о нѣкоторыхъ несовпадающихъ цифровыхъ данныхъ. *Ред.*

[2]) До этого пункта доходятъ поселенія румынъ.

послѣдняго пункта граничная линія, круто выгнувшись на сѣверъ, входитъ снова въ предѣлы Россіи и межуя съ Поляками, проходитъ возлѣ Бѣлгорая (Білограй), Замостья (Замостє), Люблина, Сѣдльца, Бѣльска (Більськ). Отсюда граница украинской колонизаціи межуетъ уже съ Бѣлорусами и идетъ на востокъ и юго-востокъ вблизи Пружанъ черезъ Выгоновское озеро и далѣе рѣками Цною и Припятью до Днѣпра. Здѣсь поворачиваетъ снова на сѣверъ вдоль Днѣпра, затѣмъ возлѣ Новозыбкова и Мглина доходитъ до наиболѣе выдавшейся на сѣверъ точки Украины. Сосѣдями Украинцевъ, начиная отсюда, становятся Великороссы. Граница идетъ неровною линіею на юго-востокъ и востокъ возлѣ Сѣвска, Путивля, Бѣлгорода (Білгород), Корочи, Стараго Оскола, Острогожска и Новохоперска. Отсюда граница украинской колонизаціи направляется вдоль Хопра, а отъ мѣста впаденія его въ Донъ извилистою линіею до устья Донца, затѣмъ полукруглымъ изгибомъ, минуя Ставро іоль, захватываетъ порѣчье средней Кумы, а отсюда поворачиваетъ на западъ въ сосѣдствѣ Пятигорска и, направляясь на Лабинскъ и Майкопъ, доходитъ снова до берега Чернаго моря.

Эта громадная территорія дѣлится на различныя политическія области. Всѣ эти дѣленія являются, однако, искусственными и не отвѣчаютъ совершенно ни природнымъ условіямъ страны, ни антропогеографическимъ отношеніямъ. Въ дальнѣйшемъ обзорѣ я буду придерживаться исключительно естественно-географическаго дѣленія.

Области и поселенія Украины.

Карпаты и Подкарпатье населяютъ съ запада на востокъ три украинскія племени: лемки, бойки и гуцулы, а у подножія горъ—подгоряне (підгіряни). Хлѣбопашество здѣсь не удается, а потому главными источниками существованія служатъ скотоводство и лѣсной промыслъ, а также добываніе соли и нефти. Болѣе многолюдныя селенія встрѣчаются только на окраинахъ горъ, на «Подгорьи», гдѣ хлѣбопашество составляетъ главное занятіе населенія, въ горахъ попадаются лишь села и разбросанныя дворища.

На венгерской сторонѣ лежатъ небольшіе торговые города при желѣзнодорожныхъ путяхъ въ Галичину: Прящевъ, Уйгель, Мункачъ и Сигетъ. На галицкой сторонѣ лежатъ: Санокъ, укрѣпленный Перемышль (55 тыс. жителей)—на желѣзнодорожномъ узлѣ, съ значительными торговыми оборотами; Ярославъ (25 тыс. жителей), Самборъ (Самбір, 20 тыс. жит.), Бориславъ (15 тыс. жителей) — центръ богатыхъ мѣсторожденій нефти и воска (озокерита), Дрогобичъ (40 т. жителей) — съ многочисленными заводами для переработки нефтяныхъ продуктовъ, Стрый (Стрий,— 30 тыс. жителей), выдвинувшійся въ послѣднее время, какъ центръ кооперативнаго молочнаго хозяйства, Калушъ (Калуш), замѣтный добываніемъ каліевыхъ солей, Станиславовъ (Станиславів, — (60 т. жит.) и Коломыя 40 тыс. жит.)—административные центры съ значительною торговлею и до-

1) Здѣсь кончаются поселенія венгровъ и словаковъ и начинаются поселенія поляковъ.

вольно развитою промышленностью. На подкарпатьѣ лежатъ также города: Городе́нка, Косовъ — центръ интересной кустарной промышленности, Снятѝнъ (Снятин), нѣкогда знаменитый своими ярмарками, и Черновцы, столица Буковины (90 тыс. жителей) съ нѣмецкимъ университетомъ, значительною промышленностью и торговлею [1]).

На *Розточьи* хлѣбопашество также не даетъ большого дохода; лѣсное хозяйство и кустарные промыслы поэтому играютъ важную роль среди мѣстнаго населенія. На южной границѣ Розточья лежитъ Львовъ (Львів, Lemberg,—свыше 210 тыс. жителей)—политическая и культурная столица Галичины, важный центръ желѣзнодорожныхъ и шоссейныхъ сообщеній, съ развитою торговлею, значительными промышленными предпріятіями, съ университетомъ, въ которомъ есть нѣсколько украинскихъ каѳедръ, политехникумомъ и рядомъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній; здѣсь имѣетъ свое мѣстопребываніе также важнѣйшая культурная институція Украины: «Наукове Товариство імени Шевченка» и многочисленныя просвѣтительныя, экономическія и политическія общества. Затѣмъ отмѣтимъ еще Яворовъ (Єворів), извѣстный своею древодѣлательною промышленностью. Въ принадлежащей къ Россіи части Розточья—Холмъ (20 тыс. жит.) ведетъ торговлю хлѣбомъ; кромѣ того, изъ болѣе значительныхъ поселеній можно отмѣтить еще мѣстечка; Грубешовъ (Грубешів) и Замостье (Замостє).

На *Подляшьѣ* лѣсные промыслы (Бѣловѣжская пуща) тоже имѣютъ большое значеніе на ряду съ хлѣбопашествомъ. Тутъ находятся города: Сѣдлецъ (Сїдлéць, — 24 тыс. ж.) и Бѣла (Біла),—съ незначительною торговлею, а также Брестъ (Берéстє,—55 тыс. ж.)—важная крѣпость и желѣзнодорожный узелъ, и Кобринъ.

На *Полѣсьѣ* хлѣбопашество еще болѣе отступаетъ на задній планъ, зато довольно развито скотоводство, а наиболѣе — лѣсной промыселъ и сплавъ дерева. Изъ городовъ болѣе замѣтны: Пинскъ (Пинськ,—30 тыс. ж.) и Мозырь (Мозир), съ крупной торговлею и кожевеннымъ промысломъ.

На *Волыни*, не смотря на значительныя лѣсныя пространства, хлѣбопашество снова выдвигается на первый планъ среди занятій населенія. Изъ городовъ болѣе выдаются: Ковель — на желѣзнодорожномъ узлѣ, Владиміръ-Волынскій (Володимир-Волинський) и крѣпость Луцкъ (Луцьк), старые историческіе центры; Дубно и Ровно (Рівне — сильныя укрѣпленія противъ Австріи; съ австрійской стороны—торговый городъ Броды. Далѣе: Кременецъ, Острогъ, Изяславль (Заслав), Новгородъ-Волынскъ (Новгород-Волинський) и Староконстантиновъ (Староконстантѝнів)—нѣкогда извѣстные, а теперь незначительные торговые города съ слаборазвитою торговлею земледѣльческими продуктами. Нынѣшній административный центръ Волыни—

[1]) О разноплеменности городскихъ поселеній ср. сказанное выше (стр. 371). Въ настоящемъ порайонномъ обзорѣ указываются выдающіяся городскія поселенія по географической связи ихъ съ украинскою колонизаціею, или по тому значенію, какое они имѣютъ для сосѣдняго украинскаго населенія, безотносительно къ племенному составу ихъ населенія, тѣмъ болѣе, что существующая оффиціальная статистика этого послѣдняго вообще особенно сомнительна.

Житомиръ (80 тыс. жит.) ведетъ крупную торговлю хлѣбомъ и деревомъ, извѣстенъ также производствомъ перчатокъ и табаку.

Подолье представляетъ собою область чисто-хлѣбопашескую. Лишь садоводство, пчеловодство и на юго-востокѣ скотоводство заслуживаютъ упоминанія на ряду съ хлѣбопашествомъ. Торговля и промышленность развиты крайне слабо; села встрѣчаются весьма многолюдныя, но городовъ немного и всѣ они незначительны. На галицкомъ Подольѣ заслуживаютъ упоминанія: Рога́тынъ, Зо́лочивъ (Золочів), Бережа́ны, Га́личъ (Галич)—бывшая столица галицкихъ князей, а теперь — жалкое мѣстечко, точно также, какъ и Теребовль (Теребовля). Въ окрестностяхъ Зали́щыкъ (Заліщики) развито садоводство: Бу́чачъ и Тернопо́ль (Тернопіль, 35 тыс. жит.) ведутъ довольно оживленную торговлю хлѣбомъ, скотомъ и спиртомъ, первый извѣстенъ своими ткацкими работами (кустарными). Недалеко отъ нихъ лежатъ: Збо́ражъ и Збо́ровъ (Зборів), славные историческими воспоминаніями временъ Хмельниччины. На русскомъ Подольѣ городовъ еще меньше и еще менѣе значительно ихъ торговое движеніе. губернскій городъ Каменецъ - Подольскъ (Каменѐць - Подільський,—40 тыс. жителей)—когда-то сильная крѣпость. Проскуровъ (Проскурів,—23 тыс. жит.), извѣстные въ старину Баръ и Бра́цлавъ—не имѣютъ теперь значенія. Винница (Ви́нница, — 30 тыс. жителей), Ба́лта (23 тыс. ж.) и Ананьевъ (Ана́нів) ведутъ торговлю хлѣбомъ и скотомъ, Могилевъ (Могилів,—22 тыс. жит.) и Дубосса́ры (Дубосари), значительныя пристани на Днѣстрѣ.

Правобережная возвышенность замѣчательна не только своимъ интенсивнымъ хлѣбопашествомъ и садоводствомъ, но также и значительно развитою культурою промышленныхъ растеній; промышленность фабричная и кустарная, а также торговля достигаютъ здѣсь сравнительно высокой степени развитія. Здѣсь лежитъ «мать русскихъ городовъ», столица Украины—Кіевъ (Київ,—свыше $^1/_2$ милліона жителей), извѣстный не только своимъ историческимъ прошлымъ и его остатками, а также — какъ одинъ изъ наиболѣе красивыхъ городовъ Европы, съ крупною торговлею, развившеюся между прочимъ благодаря положенію на пересѣченіи желѣзнодорожныхъ и шоссейныхъ сообщеній съ сплавнымъ Днѣпромъ; центръ сахарозаводческой промышленности и сахарная биржа Россіи. Въ Кіевѣ находится русскій университетъ и рядъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній; въ народѣ популярность ему сообщаютъ различныя религіозныя святыни. Бердичевъ (Берди́чів, — 75 тыс. жит.), три четверти населенія котораго составляютъ евреи, ведетъ оживленную торговлю. Значительно меньшее торговое значеніе имѣютъ Радомысль, Сквира, Тара́ща и Звенигородка. Бѣлая Церковь (Біла Це́рква) и Умань (30 тыс. жит.) извѣстны своею торговлею и сахарными заводами въ уѣздахъ. Каневъ (Канів), недалеко отъ котораго находится могила Тараса Шевченка, и Черкассы (Черка́си,—30 тыс. жит.)—пристани на Днѣпрѣ, славныя воспоминаніями временъ козачества. Чигиринъ—столица Хмельницкаго,—теперь представляетъ незначительный городъ. На самыхъ южныхъ окраинахъ правобережной возвышенности лежатъ не-

большіе города: Александрія, Верхнеднѣпровскъ, Бобринецъ (Бобринець) и значительные города: Елисаветградъ Елисавет,—75 тыс. жит.)—съ крупною торговлею хлѣбомъ и скотомъ и Екатеринославъ (Катеринослав, — 160 тыс. жит.), извѣстный своею фабричною промышленностью и торговлею, у котораго оканчивается пароходное сообщеніе по Днѣпру выше пороговъ.

Лѣвобережная низменность является также преимущественно земледѣльческою областью съ значительно развитою кустарною промышленностью. Сѣверная часть представляетъ переходъ къ Полѣсью. Здѣсь лежитъ Черниговъ (Черни́гів, — 27 тыс. жит.), — древній историческій городъ, столица Сѣверщины, съ интересными историческими памятниками и украинскимъ историческимъ музеемъ, и Нѣжинъ (Нїжин,—32 тыс. жит.)—когда то славившійся своими ярмарками, теперь съ незначительною торговлею. Онъ и Прилуки (Прилу́ка, — свыше 20 тыс. жит.) ведутъ наибольшую въ Россіи торговлю табакомъ. Древній городъ Переяславль (Переяслав) теперь не имѣетъ значенія, точно также какъ и козацкіе города: Пирятинъ (Пиря́тин), Лубны (Лубнї) и Миргородъ (Ми́ргород). Нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ скорѣе большія села, чѣмъ города. Тотъ же типъ представляютъ города Кобеляки, Новомосковскъ и Павлоградъ. Крупными центрами области являются лишь: Полтава (60 тыс. жит.)—съ значительными промышленными предпріятіями и торговлею хлѣбомъ, скотомъ и лошадьми, и Кременчугъ (Кременчу́к) (вмѣстѣ съ посадомъ Крюковымъ — 80 тыс. жит.)—одна изъ наибольшихъ пристаней на Днѣпрѣ—съ крупною торговлею земледѣльческими продуктами и лѣсомъ, а также значительными промышленными предпріятіями, особенно механическими.

Лѣвобережная возвышенность въ отношеніи занятій населенія совершенно тождественна съ предыдущею областью; но земледѣлію здѣсь весьма вредятъ овраги, образовавшіеся отъ дѣйствія дождевыхъ водъ, вслѣдствіе уничтоженія лѣсовъ. По направленію отъ сѣверо-запада на юго-востокъ встрѣчаемъ города: Стародубъ — торгующій пряжей и хлѣбомъ; историческій Новгородъ-Сѣверскъ (Новгород-Сіверський), Глуховъ (Глухів) и Кролевецъ съ когда-то извѣстными ярмарками; Борзна, Конотопъ (20 тыс. жит.), Бѣлополье (Білополь) и Ромны—23 тыс. жит.)—съ значительными и теперь еще ярмарками. Старинный Путивль (Путивель) ведетъ довольно значительную торговлю; Суджа и Мирополье (Миропо́лє)—съ довольно развитыми кустарными промыслами; Су́мы (Суми) (28 тыс. жит.) — извѣстны своими сахарными заводами и значительною торговлею хлѣбомъ; Ахтырка (Ахтирка) (23 тыс. жит.)—значительнымъ садоводствомъ, суконными и красильными фабриками; Лебединъ (Лебеди́н), Зѣньковъ (Зіньків) и Богодуховъ (Богоду́хів) — ведутъ незначительную торговлю земледѣльческими продуктами. Наибольшій городъ области Харьковъ (Ха́рків, — 220 тыс. жителей) лежитъ у важнаго желѣзнодорожнаго узла; въ немъ много разнородныхъ фабрикъ и заводовъ, громадныя ярмарки для ткацкихъ издѣлій, шерсти, скота и хлѣба. Здѣсь находится русскій университетъ и рядъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Волчанскъ (Вовчанськ) и Ста-

робѣльскъ (Старобільськ) — съ незначительною торговлею и ярмарками; Бѣлгородъ (Білгород—22 тыс. жит.)—старый административный центръ съ значительною промышленностью шерстяною и торговлею земледѣльческими продуктами. Такую же торговлю ведетъ Короча и Старый Осколъ (Старий Оскіл), въ меньшихъ размѣрахъ—Бирючъ. Въ Острогожскѣ (22 тыс. жителей) собираются значительныя ярмарки, а въ слободѣ Бутурлиновкѣ (Бутурлинівка, — 24 тыс. жит.) — находятся крупные кожевенные заводы и мельницы.

Въ области *Донецкаго кряжа* хлѣбопашество лишь на сѣверо-западѣ является болѣе или менѣе значительнымъ, въ остальной же части преобладаетъ скотоводство, горнозаводскіе и связанные съ нимъ промыслы. Вслѣдствіе того, что промышленныя предпріятія появились здѣсь сравнительно недавно, не успѣли еще образоваться большіе города; заводы часто стоятъ среди степи, окруженные лишь хатами рабочихъ. Изюмъ (25 тыс. жит.) еще совершенно напоминаетъ города земледѣльческой Украины. Въ Славянскѣ (20 тыс. жит.) находятся соленые источники и озера, а также большія солеварни, Бахмутъ (20 тыс. жит.) извѣстенъ соляными копями. Въ Юзовкѣ (Юзівка,—32 тыс. жит.) и окрестности—большіе рудники каменнаго угля, мѣди и ртути, а также разнородныя фабрики; Луганскъ (Луганськ,—20 тыс. жит.)—центръ металлургической промышленности; Каменскъ (Каменське—24 тыс. жит.)—важная пристань на Донцѣ.

Въ украинской части *Бессарабіи* формы земледѣльческаго хозяйства совершенно отличны отъ иныхъ украинскихъ областей: экстенсивное хлѣбопашество съ преобладаніемъ кукурузы и пшеницы, садоводство и виноградарство—весьма развиты; скотоводство ведется въ крупныхъ размѣрахъ, а надъ моремъ—значительные рыбные промыслы. Главные города: Хотинъ (Хотин) — извѣстенъ садоводствомъ, Сороки (Сороки)—пристань на Днѣпрѣ, Оргѣевъ (Оргіїв), Бѣльцы—незначительные торговые города; Кишиневъ (Кишинів,—126 тыс. жит.)—столица Бессарабіи — напоминаетъ громадное село и не отличается ни значительною торговлею, ни промышленными предпріятіями.

Длинная полоса *Черноморской низменности* является уже совершенно степною, съ типичнымъ степнымъ, преимущественно скотоводческимъ, хозяйствомъ; болѣе крупныя поселенія находятся на морскомъ побережьѣ или у большихъ рѣкъ. Судоходство, рыболовство и добываніе соли даетъ занятія значительному проценту населенія. Измаилъ (Ізмаіл,—32 тыс. жит.) и Килія (Кілія)—пристани на Дунаѣ и центры рыболовныхъ промысловъ. Тирасполь (28 тыс. жит.)и Бендеры (32 тыс. жит.)—пристани на Днѣстрѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ его пересѣкаетъ желѣзнодорожная линія,—ведутъ оживленную торговлю. Аккерманъ (Акерман,—28 тыс.жит.—важная пристань надъ Днѣстровскимъ лиманомъ. Недалеко отсюда лежитъ Одесса (Одеса,—полмилліона жителей)—наибольшая пристань и самый важный торговый и промышленный городъ Черноморскаго побережья. Особенно замѣчательна она колоссальною торговлею хлѣбомъ, сильно впрочемъ пострадавшею въ послѣднее время. Городъ красивъ, построенъ на

европейскій ладъ, въ немъ находится русскій университетъ. По сосѣдству—извѣстные лѣчебные лиманы. На берегу р. Южн. Буга (Бог) и его лимана лежитъ рѣчная пристань Вознесенское (Вознесенськe) и большая военная пристань Николаевъ (Миколаїв, — 100 тыс. жит.)—съ крупными фабрично-заводскими предпріятіями и большою торговлею. На берегу р. Ингульца лежитъ Кривой Рогъ (Кривий Ріг) съ громадными залежами желѣзной руды. На Днѣпрѣ, ниже пороговъ, лежатъ: Александровскъ (Олександрівськ) и рѣчныя пристани Берославъ (Берислів); Алешки (Олешки). Херсонъ (85 тыс. жит.),—доступный и для небольшихъ морскихъ кораблей,—ведетъ крупную торговлю, главнымъ образомъ хлѣбомъ и деревомъ. Входъ въ Днѣпровскій лиманъ охраняетъ крѣпость Очаковъ (Очаків). По лѣвой сторонѣ Днѣпра въ надъазовской низменности лежитъ Мелитополь (Мелитопіль) и важныя пристани: Бердянскъ (30 тыс. жит.), Маріуполь — 32 тыс. жит.) и Таганрогъ,—70 тыс. жит.), ведущіе большую заграничную торговлю. На берегу р. Дона и его рукавахъ лежитъ Новочеркасскъ (76 тыс. жит.)—столица донскихъ казаковъ, сосѣдящихъ съ украинской территоріей, съ крупными винодѣльческими предпріятіями, Нахичевань торговая армянская колонія (30 тыс. жит.), Ростовъ (120 тыс. жит.)—важная пристань, съ большимъ вывозомъ хлѣба и шерсти, а также крупными табачными фабриками. Историческій Азовъ (28 тыс. жит.) представляетъ незначительный центръ рыболовства.

Въ сѣверномъ *Крыму* формы хозяйства тѣ же, что и вообще на пространствѣ всей черноморской низменности,—съ сильно развитымъ скотоводствомъ. Въ южной части Крыма, не входящей въ составъ украинской территоріи, преобладаетъ огородничество, садоводство, развито винодѣліе, добываніе соли и судоходство. Къ сѣверу отъ Яйлы лежатъ: Симферополь (70 тыс. жит.)—теперешняя и Бахчисарай—старая татарская столица Крыма; надъ моремъ: Евпаторія—крупная торговая пристань и Севастополь—65 тыс. жит.)—главная военная пристань на Черномъ морѣ. По ту сторону Яйлы, внѣ предѣловъ украинскаго разселенія, тянутся цѣпью курорты и климатическія мѣстности: Балаклава, Ялта, Алушта и др., а также находятся двѣ важныя торговыя пристани: Ѳеодосія — прежняя Кафа (27 тыс. жит.) и Керчь (29 тыс. жит.).

На кубанскомъ и прикаспійскомъ *Поджавказьѣ* встрѣчаемъ также преимущественно скотоводческое хозяйство. Однако хлѣбопашество, благодаря пригорному климату, развивается все болѣе, въ кавказскихъ же горахъ также и лѣсной промыслъ. Важную роль играетъ также рыболовство въ моряхъ и рѣкахъ. Изъ городовъ болѣе замѣчательны: Екатеринодаръ (Катеринодар—100 тыс. жит.)—столица украинскихъ кубанскихъ казаковъ, Новороссійскъ — значительная пристань и Майкопъ (50 тыс. жит.), Ейскъ (Ейськ,—50 тыс. жит.) и Темрюкъ (Темрюк)—центры рыболовства. Теченіе средней Кумы замѣчательно виноградарствомъ (с. Прасковея и др.).

С. Рудницкій.

Статистика украинскаго населенія Европейской Россіи.

Украина занимаетъ южную половину Европейской Россіи, при чемъ, если понимать этотъ географическій терминъ какъ часть территоріи, заселенной украинскимъ народомъ, простирается на сѣверъ отъ Чернаго моря до 52—53° параллели. Наиболѣе сѣверное положеніе, какого достигаетъ граница разселенія украинскаго народа, встрѣчаемъ между городами Бѣлостокомъ и Бѣльскомъ въ Гродненской губерніи. Направляясь отсюда на востокъ, граница территоріи, отдѣляющая украинцевъ отъ бѣлоруссовъ и великороссовъ, подвигается нѣсколько къ югу, проходя около городовъ Пинска, Мозыря, Рѣчицы, Новгородъ-Сѣверска, Курска, Коротояка и Новохоперска. Далѣе на востокъ украинское населеніе сильно рѣдѣетъ и встрѣчается лишь въ отдѣльныхъ разбросанныхъ поселеніяхъ, занятыхъ позднѣйшею колонизаціею украинцевъ. Если принять во вниманіе эту позднѣйшую ихъ колонизацію далѣе на Востокъ въ предѣлы Азіи, то можно замѣтить, что она вездѣ выдерживаетъ тѣ границы распространенія этого народа въ сѣверномъ полушаріи между 45 и 55° сѣверной широты, какія и тысячу лѣтъ тому назадъ заняты были украинскимъ народомъ у Карпатъ и Приднѣпровья. Сѣвернѣе и южнѣе этихъ предѣловъ украинская колонизація встрѣчается лишь спорадически, не въ видѣ поселковъ, а въ видѣ отдѣльныхъ семей и лицъ, заброшенныхъ случайно въ среду населенія другого этнографическаго типа.

Устарѣвшія къ настоящему времени, цыфры переписи 1897 г. дали первый разъ возможность опредѣлить число тѣхъ людей изъ населенія Россійской имперіи, которые по выраженію одного изъ редакторовъ общаго свода данныхъ переписи «остались вѣрны своей національности» и назвали своимъ роднымъязыкомъ—«малороссійскій» (Терминъ «малороссійскій» народъ, или «малорусскій», мы замѣняемъ словомъ «украинскій» въ виду большей общности послѣдняго, такъ какъ подъ «Малороссіею» разумѣются оффиціально Черниговская и Полтавская губерніи,—можетъ быть, съ небольшою частью Харьковской). Перепись 1897 года показала, что, говоря объ этнографическомъ составѣ населенія Русскаго государства

и дѣленіи послѣдняго на разныя этнографическія области, нельзя придерживаться административныхъ границъ губерній, ибо напр. четыре сѣверныхъ уѣзда «малороссійской» Черниговской губерніи заселены бѣлорусскимъ населеніемъ, Курская губернія должна быть раздѣлена на двѣ части,—украинскую и великорусскую и т. п. Даже и меньшія административныя единицы—уѣзды во многихъ случаяхъ могутъ быть подраздѣлены въ этнографическомъ смыслѣ на части, не говоря уже о томъ, что даже и отдѣльныя поселенія состоятъ иногда изъ частей, заселенныхъ двумя русскими народностями, что видно уже изъ самыхъ названій ихъ, напр. «Ольховатка» (украинское село) и «Руська Ольховатка» (т. е. Ольховатка, населенная позже великоруссами) лежатъ вмѣстѣ по двумъ сторонамъ одного ручья, или балки.

Старый способъ опредѣленія числа украинцевъ («малорусскаго» или «южнорусскаго» народа), къ которому прибѣгалъ Костомаровъ,—по числу жителей, числившихся по девятой и десятой «ревизіямъ» въ той или другой губерніи,—былъ очень не точенъ. Данныя переписи 1897 года, изданныя въ видѣ числовыхъ выраженій для территорій отдѣльныхъ уѣздовъ, при чемъ въ послѣднихъ выдѣлены числа, относящіяся къ городамъ, имѣютъ то преимущество передъ свѣдѣніями, имѣвшимися раньше, что въ нихъ признакъ «родной языкъ» отнесенъ былъ къ каждому индивидууму независимо отъ того, жилъ ли онъ въ городѣ или селѣ, въ той или другой части уѣзда, заселенной сплошь украинцами или людьми другого языка, а слѣдовательно и другой народности.

Счисленіе, произведенное по признаку «родной языкъ» на основаніи данныхъ, собранныхъ при помощи однодневной переписи, признается въ настоящее время наукой за достигающее наиболѣе ясныхъ и болѣе близкихъ къ дѣйствительности результатовъ для опредѣленія числа той или другой національности. Если въ дополненіе къ этому въ нѣкоторыхъ странахъ прибѣгаютъ къ привнесенію признаковъ—«мѣсто рожденія», «религія», то это только усложняетъ и затемняетъ понятіе о національности даннаго лица и слѣдовательно даетъ мало надежныя указанія для зачисленія его въ ту или другую національную группу.

Въ «Общемъ сводѣ по имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія, произведенной 28 января 1897 г.» мы находимъ въ XIII таблицѣ общее число признавшихъ своимъ роднымъ языкомъ (langue maternelle) — «малорусскій». Здѣсь ихъ было насчитано 28 января 1897 года 22.380.551 (по поламъ — 11.243.940 муж. и 11.136.611 жен.). Эта общая сумма повторяется еще въ таблицахъ XIIIa (тѣ же свѣдѣнія по губерніямъ), XVIII (числа слѣпыхъ, нѣмыхъ, глухонѣмыхъ и умалишенныхъ), XVIIIa (тѣ же свѣдѣнія по губерніямъ) и XXII (числа по группамъ занятій и народностямъ на основаніи родного языка); въ другихъ таблицахъ (XIV, XIVa, XV, XVa и XVI), гдѣ встрѣчается признакъ народности (въ сочетаніи съ вѣроисповѣданіемъ, грамотностью, возрастомъ и семейнымъ состояніемъ) всѣ три народа русскаго племени (великороссы, бѣлорусы и украинцы) посчитаны вмѣстѣ; поэтому, если желательно охарактеризовать украинскій народъ по этимъ послѣднимъ призна-

камъ, то приходится обращаться ко всѣмъ болѣе подробнымъ 89 тетрадямъ переписи по отдѣльнымъ губерніямъ.

Такъ поступили мы, напримѣръ, для опредѣленія вышепоказаннаго числа евреевъ, роднымъ языкомъ которыхъ въ 1897 году былъ языкъ малорусскій, т. е. украинскій. Если привнесеніемъ поправки при помощи указанія на религію лицъ, указанное выше число украинцевъ мы уменьшимъ на исчисленное такимъ образомъ число евреевъ среди нихъ, то получимъ на 28 января 1897 года общее число украинцевъ, жившихъ въ предѣлахъ Россійскаго государства, въ Финляндіи, Бухарѣ, Хивѣ и бывшихъ въ заграничномъ плаваніи на военныхъ судахъ—22.378.208 душъ обоего пола (муж.—11.242.852 и жен.—11.135.356) вмѣстѣ съ нѣмыми, языкъ которыхъ былъ показанъ по языку ихъ семей.

Понятно, что къ настоящему времени вслѣдствіе естественнаго прироста населенія это общее число нужно увеличить на извѣстный процентъ. Процентъ же этотъ для украинскаго народа до настоящаго времени остается неизвѣстнымъ, такъ какъ рождаемость и смертность въ русской статистикѣ устанавливается по вѣроисповѣданіямъ, а не по національностямъ. Если мы обратимся къ показателямъ прироста населенія въ Полтавской и Черниговской [1]) губерніяхъ, населенныхъ въ громадномъ большинствѣ (до 98%) украинцами, то можемъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: для Черниговской губерніи ежегодный естественный приростъ былъ исчисленъ въ послѣдніе годы XIX вѣка въ 1,79%, для Полтавской—въ 1,52%. Если мы предположимъ, что средній показатель изъ этихъ двухъ (1,66%) можетъ быть посчитанъ за показатель прироста среди украинскаго народа вообще при предположительной также его неизмѣняемости за годы послѣ 1897, то по вычисленію сложныхъ процентовъ получимъ, что къ настоящему времени (1911) украинское населеніе могло увеличиться нѣсколько болѣе чѣмъ на $^1/_5$ часть своей прежней величины, т. е. на 4—5 милліоновъ; такимъ образомъ къ началу 1912 года число въ 22,4 милліона могло возрасти до 27,5 милліоновъ.

Какъ видно, во всѣхъ этихъ частяхъ число мужчинъ превышало число женщинъ и въ общемъ давало на 100 лицъ мужского пола 99 женщинъ. Если мы обратимъ вниманіе на отношеніе числа мужчинъ къ числу женщинъ по отдѣльнымъ губерніямъ, то увидимъ, что отклоненія отъ этого общаго показателя для всего украинскаго народа встрѣчаются только въ губерніяхъ болѣе старинной осѣдлости его. Перевѣсъ женскаго пола надъ мужскимъ среди украинскаго народа встрѣчается въ Подольской, Кіевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской, Воронежской, т. е. въ мѣстностяхъ стараго заселенія, и еще въ Астраханской; во всѣхъ остальныхъ въ 1897 году было мужчинъ больше, чѣмъ женщинъ. Относительный перевѣсъ мужчинъ надъ женщинами въ мѣстностяхъ, гдѣ они являются случайными или временными жителями, доходитъ до поразительныхъ показателей. Такъ, если мы изъ площади Европейской Россіи исключимъ тѣ

[1]) Полтавскій земскій календарь на 1910 г. Второй отд. стр. 3. Русовъ. Описаніе Черниговской губерніи. Черниговъ. 1898, т. I, стр. 55.

23 губерніи, гдѣ и сельское и городское населеніе въ большинствѣ украинское, изъ Польши—губерніи Сѣдлецкую и Люблинскую, а изъ Кавказскихъ—Кубанскую, Ставропольскую и Терскую, то въ 8-ми губерніяхъ польскихъ на 100 мужчинъ украинцевъ встрѣтимъ только 2,6% украинокъ, въ 8-ми губерніяхъ и областяхъ Кавказа—26,3%, а въ остальныхъ губерніяхъ Европейской Россіи 39,1%.

Что касается размѣщенія населенія украинскаго по тѣмъ или другимъ населеннымъ пунктамъ по ихъ названію, то по подсчету оказалось, что въ городахъ украинцевъ было 1.256.387 душъ (684.322 муж. и 572.065 жен.), т.-е. только 5,6%, а остальные 21.124.164 украинцевъ, или болѣе 94%. жили въ селахъ. Если мы пріймемъ еще и ту бытовую особенность украинскаго народа, окончательно установленную переписью 1897 года, что во многихъ небольшихъ городахъ масса населенія по своимъ занятіямъ не можетъ быть причислена къ горожанамъ, ибо занимается сельскимъ хозяйствомъ и главнымъ образомъ земледѣліемъ, то характерная особенность украинскаго народа вполнѣ выступитъ наружу.

Оставляя въ сторонѣ такія приблизительныя и предположительныя вычисленія, будемъ держаться тѣхъ данныхъ о народѣ украинскомъ, какія добыты были переписью 1897 года и въ томъ видѣ, какъ они изображены въ погубернскихъ тетрадяхъ и общемъ сводѣ результатовъ переписи. При этомъ приведемъ сначала самыя общія свѣдѣнія, касающіяся украинскаго населенія того времени.

Пять главныхъ частей государства Россійскаго, на которыя подраздѣляетъ его перепись 1897 г., народомъ украинскимъ заселены были слѣдующимъ образомъ:

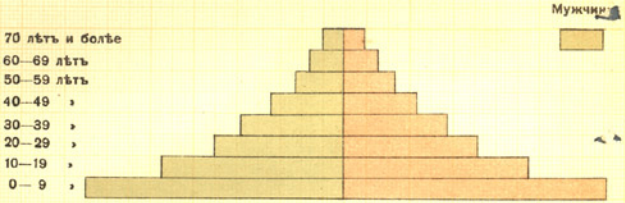
Европейская Россія .	20.414.866	(10.210.627 муж. и	10.204.239 жен.)
Польша	335.337	(184.140 »	151.197 »
Кавказъ	1.305.463	(670.632 »	634.831 »
Сибирь	223.274	(121.295 »	101.979 »
Средняя Азія . . .	101.611	(57.246 »	44.365 »
	22.380.551	(11.243.940 муж. и	11.135.356 жен.).

Конечно, встрѣчается и обратное явленіе, когда населенные пункты, не носящіе громкаго названія «города», отличаются и своей величиною (имѣя болѣе 10—15 тысячъ жителей) и неземледѣльческимъ характеромъ жизни населенія. (Таковы напр. Кривой рогъ, Юзовка, Лабинская станица). Но въ подсчетѣ данныхъ переписи «города» отъ прочихъ отличены по ихъ административному рангу и значенію, а не по численности населенія, какъ того добивается Международный Статистическій Институтъ. Съ этой точки зрѣнія дѣленіе населенія на городское и уѣздное, или сельское показываетъ только, много ли на данной территоріи есть большихъ или меньшихъ по числу жителей населенныхъ мѣстъ, имѣющихъ не торгово-промышленное значеніе, а значеніе центровъ административнаго управленія.

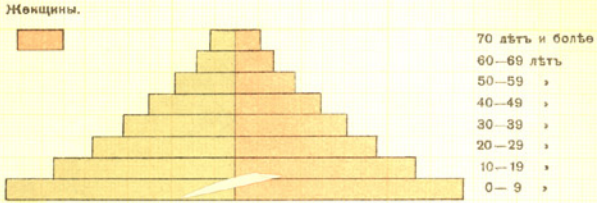
Оставляя въ сторонѣ мѣстности азіатскія и устраняя изъ разсмотрѣнія геологическія, почвенныя, типографическія и др. естественныя отличія тер-

ПИРАМИДЫ ВОЗРАСТНАГО СОСТАВА:

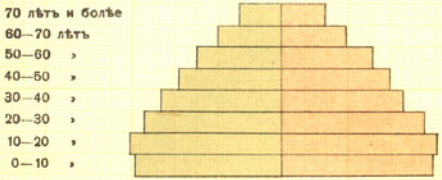
Украинскаго народа. (1897).



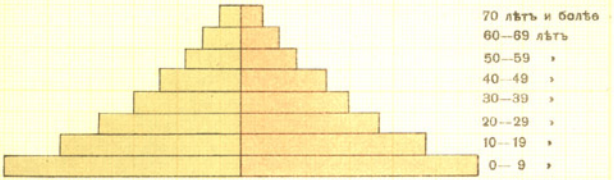
Великоруссовъ и бѣлоруссовъ вмѣстѣ взятыхъ (1897).



Французскаго народа (1896).



Всѣхъ народовъ Россійской имперіи, вмѣстѣ взятыхъ (1897).



Копировавшіе чистежей карть и плановъ по способу Янова.
Пет. Ст., Большая Зеленина, д. 18-а. Тел. 469—58.

риторіи южной части Европейской Россіи, гдѣ живетъ украинскій народъ, и ограничиваясь лишь статистико-демографическими свѣдѣніями объ этой территоріи, относительно числа городовъ, можно сказать, что здѣсь отъ Люблина и Кишинева до Астрахани и Саратова насчитывается 6 городовъ, имѣющихъ болѣе 100 тысячъ жителей (Кіевъ, Кишиневъ, Одесса, Харьковъ, Екатеринославъ и Ростовъ на Дону), около 10 городовъ отъ 50 до 100 тысячъ [1]), 25 городовъ—отъ 25 до 50 тысячъ и 112 отъ 10 до 25 тысячъ жителей. Остальные города представляютъ населенные пункты меньшаго размѣра, хотя между мѣстечками и селами встрѣчаются имѣющія болѣе 10 тысячъ жителей. Но въ большихъ городахъ, какъ напр. въ Кіевѣ, украинское населеніе уступаетъ по числу представителямъ другихъ національностей.

Если мы будемъ разсматривать территоріи губерній и составляющихъ ихъ уѣздовъ, выдѣляя такіе административные центры, то получимъ одни показатели отношенія украинскаго населенія къ общему числу населенія всѣхъ народностей; если же не будемъ изъ территоріи уѣздовъ выключать и большіе и малые города, то получимъ другія (въ силу указаннаго выше) отношенія среди украинскаго населенія чиселъ сельскихъ жителей къ числамъ городскихъ. Въ городахъ вездѣ встрѣчается болѣе значительное относительное число лицъ привилегированныхъ сословій, а такъ какъ лица этихъ сословій, происхожденія украинскаго, въ большинствѣ случаевъ своимъ «роднымъ языкомъ» считаютъ русскій литературный языкъ, какъ считали въ старину въ Римской имперіи своимъ роднымъ языкомъ латинскій привилегированные классы и Галліи, и Испаніи, и Египта, и Сиріи, то при выдѣленіи городовъ для меньшинства украинскаго населенія мы можемъ натолкнуться на разнообразіе отношеній этихъ чиселъ. Въ городахъ Бессарабіи напр., въ числѣ привилегированныхъ сословій можно встрѣтить перевѣсъ украинцевъ надъ представителями мѣстной національности, а на Украинѣ—наоборотъ. Поэтому лучше вычислять относительныя числа украинцевъ ко всему населенію, не выключая изъ территоріи уѣздовъ ни малыхъ, ни такихъ большихъ городовъ, какъ Одесса, Харьковъ, Кіевъ.

Выходя изъ такихъ соображеній, прежде всего приведемъ конкретныя или абсолютныя числа жителей по уѣздамъ, гдѣ въ 1897 году было зарегистровано достаточное количество украинцевъ—такъ, какъ они значатся въ результатахъ переписи 1897 года, а рядомъ съ ними и относительныя двухъ сортовъ: процентныя отношенія украинскаго населенія къ числу всего населенія даннаго уѣзда и къ населенію «русскому вообще» (т. е. всѣхъ трехъ народностей — великорусской, украинской и бѣлорусской [2]).

---

[1]) Бердичевъ, Житоміръ, Елисаветградъ, Николаевъ, Херсонъ, Кременчугъ, Полтава, Екатеринодаръ—на территоріи вполнѣ заселенной украинцами, а затѣмъ еще нѣсколько на окраинахъ его разселенія.

[2]) Для характеристики разселенія трехъ народностей можно привести слѣдующія относительныя числа ихъ между собою и къ общему числу всего населенія въ главныхъ частяхъ Россійской имперіи:

Показатели отношенія перваго рода обозначаемъ для каждаго уѣзда, а второго—только для губерній. Противъ названій уѣздовъ обозначаемъ и пространство ихъ территоріи въ квадратныхъ верстахъ. Для того, чтобы можно было оцѣнить значеніе городовъ въ смыслѣ измѣненія отношенія числа украинскаго населенія къ общему числу, противъ каждаго уѣзда показываемъ еще и относительное (процентное) число украинцевъ за вычетомъ городского населенія. При такихъ условіяхъ по даннымъ переписи 1897 года мы получимъ слѣдующій списокъ губерній, расположенныхъ въ уменьшающемся порядкѣ относительнаго числа украинцевъ въ этихъ губерніяхъ; при этомъ въ губерніяхъ, занятыхъ не сплошь украинскимъ населеніемъ, пространство территоріи укажемъ только для части губерній или областей, состоящей изъ перечисленныхъ уѣздовъ. Для цѣлыхъ же губерній приводимъ % украинцевъ по отношенію ко всему русскому населенію.

Губерніи и уѣзды (области и округа).	Квадратныхъ верстъ.	Общее число жителей.	Абсолютное число украинцевъ.	Проценты украинскаго населенія. Ко всему числу населенія. Съ городами.	Безъ городовъ.	К общему числу русскаго населенія.
1. Полтавская	**43.844,0**	**2.778.151**	**2.583.133**	**93,0**	**96,9**	**93,1**
Полтавскій	2.977,9	227.795	201.949	88,7	98,7	—
Гадячскій	2.162,4	142.806	138.323	96,9	98,2	—
Зѣньковскій	1.977,5	140.304	137.579	98,1	99,0	—
Золотоношскій	3.888,6	227.594	217.466	95,5	97,0	—
Кобыляцкій	3.227,2	217.875	212.045	97,3	98,5	—
Константиноградскій.	5.341,7	230.310	198.183	86,1	86,5	—
Кременчуцкій	3.013,2	244.894	196.636	80,3	98,2	—
Лохвицкій	2.320,5	150.985	144.627	95,8	97,2	—
Лубенскій	2.059,6	136.613	129.784	95,0	97,9	—
Миргородскій	2.336,7	157.790	153.214	97,1	98,1	—
Переяславскій	3.595,2	185.306	173.779	93,8	97,1	—
Пирятинскій	2.871,6	163.505	155.632	95,2	97,2	—
Прилуцкій	2.877,4	192.502	182.139	94,6	97,9	—
Роменскій	2.285,2	186.497	174.298	93,5	98,0	—
Хорольскій	2.909,3	173.375	167.479	96,6	98,2	—

		Въ Польшѣ:	На Кавказѣ:	Въ Сибири:	Въ Ср. Азіи:	Вмѣстѣ:
Въ Европ. Россіи всѣхъ русскихъ .	80,1%	6,7%	33,9%	80,9%	8,9%	—
изъ нихъ: великороссовъ	64,9	42,3	58,0	94,9	85,2	66,3
украинцевъ	27,3	53,1	41,4	4,8	14,7	26,7
бѣлорусссвъ	7,8	4,6	0,6	0,3	0,1	7,0
	100	100	100	100	100	100

Губерніи и уѣзды (области и округа).	Квадратных верстъ.	Общее число жителей.	Абсолютное число украинцевъ.	Проценты украинскаго населенія. К всему числу населенія.		
				Съ городами.	Безъ городовъ.	К общему числу русскаго населенія.
2. Черниговская . . .	**32.841,1**	**1.662.541**	**1.525.294**	**91,1**	**95,0**	**70,2**
Черниговскій	3 226,7	162 123	139.656	86,1	97,4	—
Борзенскій	2.463,7	146.595	137.501	93,8	94,5	—
Глуховской	2.716,6	142.661	130.725	91,6	95,5	—
Городнянскій	3.528,0	153.040	132.803	86,8	87,7	—
Козелецкій	2.726,0	135.129	128.683	95,2	96,8	—
Конотопскій	2.118,3	156.535	142.276	90,9	95,8	—
Кролевецкій	2.336,7	131.089	126.180	96,3	98,3	—
Новг.-Сѣверскій . . .	3.417,3	146.236	133.230	91,1	93,6	—
Нѣжинскій	2.510,5	168.718	154.881	91,8	97,5	—
Остерскій	3.991,4	150.358	139.136	92,5	93,7	—
Сосницкій.	3.775,9	170.057	160.223	94,2	95,2	—
3. Подольская . . .	**36.921,7**	**3.018.299**	**2.442.819**	**80,9**	**84,8**	**96,1**
Кам.-Подольскій . . .	2.534,3	266.350	210.264	78,9	87,0	—
Балтскій	6.824,1	391.018	300.543	76,9	80,6	—
Брацлавскій	2.706,3	241.868	199.859	82,6	84,3	—
Винницкій	2.619,3	248.314	184.847	74,4	79,9	—
Гайсинскій	2.972,7	248.142	214.218	86,3	88,1	—
Летичевскій	2.371,7	184.477	149.120	80,9	83,2	—
Литинскій	2.919,0	210.502	175.007	83,1	88,2	—
Могилевскій	2.413,0	227.672	183.353	80,5	88,8	—
Ольгопольскій	3.521,9	284.253	231.991	81,7	82,3	—
Проскуровскій	2.364,6	226.091	176.685	78,2	84.8	—
Ушицкій.	2.495,7	223.312	188.830	84,6	87,1	—
Ямпольскій	3.179,1	266.300	228.102	85,7	86,6	—
4. Харьковская . . .	**47.884,3**	**2.492.316**	**2.009.411**	**80,6**	**85,3**	**81,7**
Харьковскій	2.905,1	348.488	191.345	54,9	83,3	—
Ахтырскій	2.441,6	161.243	141.245	87,7	87,7	—
Богодуховскій.	2.767,4	159.806	140.909	88,1	87,1	—
Валковскій.	2.143,4	144.322	140.187	97,3	97,4	—
Волчанскій	3.503,9	166.787	124.746	74.8	75,1	—
Зміевскій	4.892,6	231.491	147.476	63,7	66,4	—
Изюмскій	6.790,7	280.474	241.712	86,3	87,4	—
Купянскій	6.070,1	234.182	202.836	86,7	86,6	—
Лебединскій	2.723,1	178.144	169.691	95,3	95,1	—
Старобѣльскій	10.846,2	359.285	299.599	83,5	83,5	—
Сумской	2.800,7	228.094	209.665	91,9	94.9	—

*

Губерніи и уѣзды (области и округа).	Квадратных верстъ.	Общее число жителей.	Абсолютное число украинцевъ.	Проценты украинскаго населенія. Ко всему числу населенія. Съ городами.	Безъ городовъ.	Къ общему числу русскаго населенія.
5. Кіевская	**44.777,9**	**3.599.229**	**2.819.145**	**79,2**	**86,7**	**92,9**
Кіевскій	4.968,3	541.483	304.200	56,2	84,0	—
Бердичевскій	2.997,3	279.695	187.243	66,9	80,8	—
Васильковскій	3.631,0	315.823	264.099	83,7	84,9	—
Звенигородскій	3.044,8	274.704	241.865	88,1	90,6	—
Каневскій	2.864,3	268.860	238.436	88,7	89,5	—
Липовецкій	2.540,6	211.825	173.669	82,0	83,5	—
Радомысльскій	8.436,4	315.629	247.418	78,4	80,4	—
Сквирскій	3.271,2	215.257	209.841	83,5	86,7	—
Таращанскій	2.924,4	245.752	215.367	87,6	89,5	—
Уманьскій	3.774,2	320.744	273.894	85,4	91,3	—
Черкасскій	3,448,7	307.542	261.187	84,9	89.3	—
Чигиринскій	2.876,7	225.915	201.926	89,4	90,5	—
6. Волынская	**63.036,8**	**2.989.482**	**2.095.537**	**70,1**	**74,4**	**95,1**
Житомірскій	6.766,5	433.859	270.729	62,4	71,1	—
Влад.-Волынскій	5.650,3	277.265	199.871	72,1	74,2	—
Дубенскій	3.478,5	195.058	133.071	68,2	72,2	—
Заславскій	3.055,2	208.742	160.449	76,8	79,8	—
Ковельскій	6.487,0	211.493	166.032	78,5	84,5	—
Кременецкій	2.925,1	219.934	177.471	80,7	83,6	—
Луцкій	6.562,2	252.550	143.891	57,1	60,2	—
Новг.-Волынскій	6.331,3	348.950	228.516	65,5	68,0	—
Овручскій	9.274,5	205.390	171.269	83,5	84,9	—
Острожскій	2.694,1	169.351	129.920	76,9	82,5	—
Ровенскій	7.565,9	273.001	165.145	60,5	64,8	—
Старо-Константин.	2.246,2	193.889	149.173	76,7	81,3	—
7. Екатеринославская	**55.705,6**	**2.113.674**	**1.456.369**	**68,9**	**74,2**	**79,3**
Екатеринославскій	6.611,4	357.207	198.982	55,7	74,1	—
Александровскій	8.966,8	271.678	224.122	82,5	85,4	—
Бахмутскій	8.105,7	332.478	193.510	58,2	58,0	—
Верхнеднѣпровскій	6.164,3	211.674	191.160	90,3	91,4	—
Маріупольскій	7.899,0	254.056	117.206	46,4	51,2	—
Новомосковскій	5.739,3	260.368	242.737	93,3	94,1	—
Павлоградскій	7.746,5	251.460	200.434	79,8	82,8	—
Славяносербскій	4.472,6	174.753	88.218	50,7	54,9	—

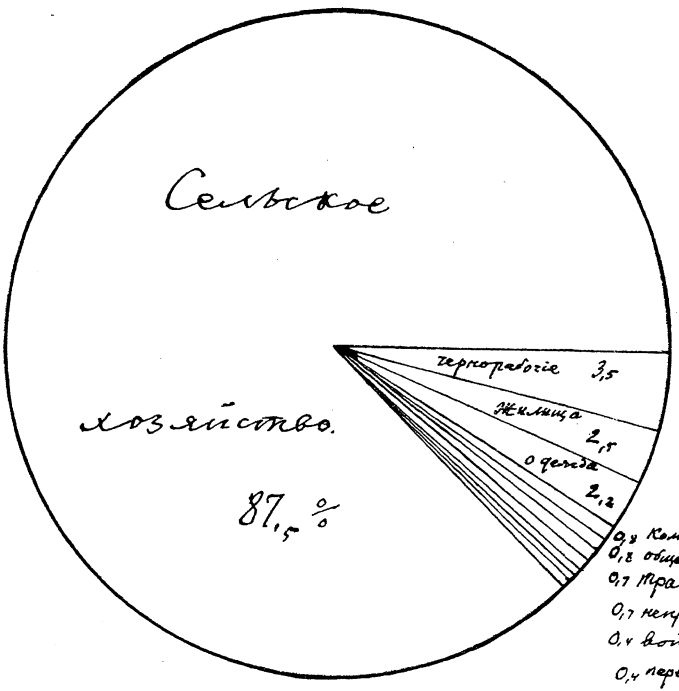
Губерніи и уѣзды (области и округа).	Квадратныхъ верстъ.	Общее число жителей.	Абсолютное число украинцевъ.	Проценты украинскаго населенія. Ко всему числу населенія. Съ городами.	Безъ городовъ.	Къ общему числу русскаго населенія.
8. Херсонская	**62.213,2**	**2.733.612**	**1.462.039**	**53,5**	**68,2**	**70,9**
Херсонскій	16.817,1	587.804	323.627	55,1	69 6	—
Александрійскій	8.620,6	416.576	354.456	85,1	87,8	—
Ананьевскій	7.945,1	265.762	164.887	62,1	63,3	—
Елисаветградскій . . .	13.962,2	613.283	405.546	66,1	73,2	—
Одесскій	8.567,3	610.042	133.474	21,9	46,6	—
Тираспольскій	6.300,9	240.145	80.049	33,3	38,5	—
9. Кубанская	**81.216,5**	**1.918.881**	**908.818**	**47,4**	**49,2**	**52,3**
Екатеринодарскій . . .	6.141,3	245.173	126.941	51,8	56,7	—
Баталпашинскій	12.010,0	215.400	58.421	27,1	28,4	—
Ейскій	14.568,6	277.300	205.063	73,9	80 1	—
Кавказскій (Тихорѣцкая)	11.298,9	249.182	114.037	45,8	47,0	—
Лабинскій (Армавиръ)	9.317,9	305.733	57.850	18,9	19,8	—
Майкопскій	14.613,6	283.117	88.588	31,3	31,3	—
Темрюкскій	13.266,2	342.976	257.918	75,2	79,1	—
10. Таврическая . . .	**51.588,8**	**1.374.530**	**609.097**	**44,5**	**52,7**	**59,6**
Симферопольскій . . .	4.153,9	141.717	10.132	7,1	9,7	—
Бердянскій	7.702,0	304.718	179.177	58,7	63,4	—
Днѣпровскій	11.470,5	212.241	156.151	73,2	75,9	—
Евпаторійскій	5.040,2	63.211	13.345	21,2	26,9	—
Мелитопольскій	11.639,7	384.239	211.090	54,9	56,9	—
Перекопскій	5.111,9	51.393	11.316	22,0	23,6	—
Ѳеодосійскій	6.060,3	115.858	13.304	11,5	12,8	—
Керченское град-во . .	143,9	43.698	7.037	16,1	48,2	—
Севастопольское гр-во	266,4	57.455	7.545	13,1	7,8	—
11. Ставропольская .	**52.793,1**	**873.301**	**319.817**	**36,6**	**39,9**	**39,8**
Ставропольскій	6.756,4	165.442	16.941	10,2	12,8	—
Александровскій . . .	10.286,2	180.506	69.184	38,3	39,9	—
Медвѣженскій	6.305,9	232.929	105.942	45,5	47,9	—
Ново-Григорьевскій . .	10.767,7	246.644	125.135	50,7	54,1	—
Кочевья	18.676,9	47.780	2 615	—	5,5	—

Губерніи и уѣзды (области и округа).	Квадратныхъ верстъ.	Общее число жителей.	Абсолютное число украинцевъ.	Проценты украинскаго населенія. Ко всему числу населенія. Съ городами.	Безъ городовъ.	Къ общему числу русскаго населенія.
12. Воронежская . . .	**47.780,4**	**1.967.054**	**854.093**	**43,4**	**46,9**	**36,3**
Бирюченскій	3.866,2	200.668	140.799	70,5	69,3	—
Бобровскій	8.159,7	286.745	47.339	16,5	15,6	—
Богучарскій	8 498,5	309.965	253.619	81,8	82,2	—
Валуйскій	4.074,8	188.113	36.134	51,1	52,9	—
Землянскій	3.624,2	200.736	7.396	3,5	3,8	—
Коротоякскій	3.268,0	157.189	25.270	16,0	17,1	—
Новохоперскій	5.364,0	192.436	29.234	15,2	15,6	—
Острогожскій	7.117,0	273.837	247.241	90,3	93,5	—
Павловскій.	3.808.0	157.365	66.061	38,4	43,0	—
13. Донская	**144.191,6**	**2.564.238**	**719.655**	**28,1**	**31,1**	**29,5**
Черкасскій	9.750,3	240.222	45.350	18,9	22,7	—
Донецкій	24.659,3	455.819	177.376	38,9	39,8	—
1-й Донской	15.415,9	271.790	31.515	11,6	11,8	—
2-й Донской	23.219,7	239.055	20.747	8,7	8,9	—
Ростовскій.	6.012,0	369.732	124.183	33,6	52,3	—
Сальскій	18.961,0	76.297	22.378	29,3	31,0	—
Таганрогскій	12.229,4	412.995	254.819	61,7	69,2	—
Усть-Медвѣдицкій . .	18.082,6	246.830	26.228	10,6	10,9	—
Хоперскій	15.861,4	251.498	17.059	6,8	7,1	—
14. Гродненская . .	**15.698,7**	**706.400**	**360.884**	**51,1**	**57,7**	**31,8**
Брестскій	4.289,0	218.432	140.561	64,5	81,4	—
Бѣльскій.	3.130,1	164.441	64.256	39,1	42,2	—
Кобринскій	4.620,2	184.453	146.789	79,8	83,4	—
Пружанскій	3.659,4	139.074	9.278	6,7	7,0	—
15. Курская	**26.771,4**	**1.604.515**	**523.277**	**32,6**	**33,7**	**13,9**
Бѣлгородскій	2.625,5	174.299	137.002	21,3	24,1	—
Грайворонскій.	2 693,2	177.479	04.506	59,4	60,4	—
Корочанскій.	2.665,5	159.024	54.558	34,3	34,4	—
Льговскій	2.372,3	130 039	5.822	4,4	4,6	—
Ново-Оскольскій . . .	2.810,8	157.849	80 514	51,1	51,8	—
Обоянскій	3.394,4	181.052	19.447	10,7	11,5	—
Путивльскій	2.518,5	164.133	86.209	52,6	55,3	—
Рыльскій	2.494,3	164.368	50 925	31,5	33,2	—
Старо-Оскольскій . .	2.735,0	146.009	12.283	8,4	9,4	—
Суджанскій	2.461,9	150.263	72.011	47,0	43,3	—

Губерніи и уѣзды (области и округа).	Квадратныхъ верстъ.	Общее число жителей.	Абсолютное число украинцевъ.	Проценты украинскаго населенія. Ко всему числу населенія. Съ городами.	Безъ городовъ.	Къ общему числу русскаго населенія.
16. Бессарабская . .	**40.096,6**	**1.935.412**	**379.698**	**19,6**	**20,3**	**70,6**
Кишиневскій	3.271,9	279.657	5.196	1,9	1,1	—
Аккерманскій	7.282,7	265.247	70.797	26,7	23,5	—
Бендерскій	5.398,4	194.915	21.048	10,8	9,2	—
Бѣльскій	4.871,0	211.448	24.067	11,4	12,2	—
Измаильскій	8.128,0	244.274	47.871	19,6	17,3	—
Оргѣевскій	3.632,0	213.478	11.887	5,6	5,8	—
Сорокскій	4.010,7	218.861	35.094	16,0	16,9	—
Хотинскій	3.501,9	307.532	163 738	53,2	55,3	—
17. Люблинская . . .	**8 770,3**	**654.530**	**190.224**	**29,0**	**31,9**	**80,2**
Бѣлгорайскій	1.500,8	96.332	20.071	20,8	22,9	—
Грубешовскій	1.291,3	101.392	60.413	59,6	65,8	—
Замостскій	1.569,6	119.783	9.221	7,7	8,9	—
Красноставскій	1.329,3	100.655	5.576	5,5	5,7	—
Томашовскій	1.213,4	98.783	48.940	49,5	52,5	—
Холмскій	1.865,9	137.585	46.003	33,6	37,7	—
18. Сѣдлецкая	**4.474,1**	**236.055**	**102.588**	**43,4**	**50,0**	**84,5**
Бѣльскій	1.311,0	76.687	29.202	38,1	47,8	—
Влодавскій	1.900,1	98.035	54.653	55,8	63,7	—
Константиновскій . .	1.263,0	61.333	18.733	30,5	32,2	—
19. Астраханская . .	**35.674,0**	**465.486**	**130.166**	**28,0**	**33,1**	**24,5**
Енотаевскій	4.852,0	76.080	13.675	17,9	17,7	—
Царевскій	18,964,0	198.022	75.613	38,2	36,4	—
Черноярскій	11.858,0	100.316	40.878	40,8	40.9	—
20. Саратовская . . .	**46.165,7**	**1.403.342**	**148.813**	**10,6**	**12,5**	**7,5**
Саратовскій	7.018,2	332.860	9.909	2,9	4,5	—
Аткарскій	10.999,8	289.813	38.912	13,4	13,8	—
Балашовскій	10.440,9	311.704	41.117	13,2	13.6	—
Камышинскій	10.911,5	307.493	46.156	15,0	15,8	—
Царицынскій	6.795,3	161.472	12.719	7,9	10,9	—
21. Терская	**43.750,1**	**502.154**	**37.807**	**7,5**	**7,2**	—
Кизлярскій	16.691,9	102.395	4.139	4,0	4,3	—
Нальчинскій	10.113,3	102.908	4.745	4,6	4.4	—

Губерніи и уѣзды (области и округа).	Квадратныхъ верстъ.	Общее число жителей.	Абсолютное число украинцевъ.	Проценты украинскаго населенія. Ко всему числу населенія. Съ городами.	Безъ городовъ.	Къ общему числу русскаго населенія.
Пятигорскій	10.671,2	181.481	25.032	13,8	14,3	—
Сунженскій	6.273,7	115.370	3.891	3,4	3,5	—
22. Самарская . . .	**93.006,9**	**1.765.124**	**108.743**	**6,1**	**7,0**	—
Самарскій	13.155.4	357.018	8.719	2,4	3,1	—
Бугурусланскій	17.068,7	405.994	10.462	2,6	2,7	—
Николаевскій	28.196,9	494.736	18.793	3,8	3,9	—
Новоузенскій	34.585,9	417.376	70.769	16,2	17,4	—
23. Оренбургская . .	**73.497,6**	**762.597**	**38.905**	**5,1**	**5,6**	—
Оренбургскій	32.691,1	555.653	29.942	5,3	6,0	—
Орскій	40.806,5	206.944	8.963	4,3	4 4	—
24. Тамбовская . . .	—	—	—	—	—	—
Борисоглѣбскій	6.515,7	306.715	4.671	1,5	1,5	—
25. Черноморская . .	**6.455,0**	**57.418**	**9.252**	**16,0**	**17,7**	—
Новороссійскій	1.081,0	34.908	5.842	16,8	20,3	—
Туапсинскій	1.439,0	9.051	2.170	23,9	26,8	—
Сочинскій	3.935,0	13.519	1.240	9,2	8,0	—

Просматривая по порядку списокъ этихъ 25 губерній и ихъ частей въ видѣ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ, въ которыхъ есть поселенія украинцевъ, можно замѣтить какъ бы неправильность въ ихъ расположеніи по процентному показателю перваго столбца: въ первыхъ 8-ми губерніяхъ онъ идетъ постепенно понижаясь, а затѣмъ — то повышается, то понижается. Произошло это потому, что въ первыхъ 8-ми (кромѣ Черниговской, гдѣ совершенно исключены 4 сѣверныхъ бѣлорусскихъ уѣзда) взяты всѣ уѣзды каждой губерніи, а въ послѣдующихъ выбраны только тѣ уѣзды, гдѣ украинцевъ въ 1897 году числилось болѣе 1—2%; прочіе уѣзды исключены потому, что такой же процентъ украинцевъ встрѣчается и въ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ поселеній украинцевъ, а живутъ они отдѣльными семьями, или въ одиночку, какъ и въ городахъ Варшавѣ, Костромѣ, Москвѣ (въ послѣдней напр. около $4^{1}/_{2}$ тысячъ) и т. п. При выборѣ уѣздовъ сверхъ того въ перечисленныхъ губерніяхъ взяты были только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ есть сельское украинское населеніе.


Сельское
хозяйство.
87,5 %
Энергетика 3,5
Жилища 2,5
Одежда 2,2
0,8 Комедиле
0,8 общепит. служба
0,7 Транспорт
0,7 непроизводительные
0,4 Войско
0,4 переработка пищев. прод
0,4 необходимость.

Понятно, что отъ этого произошло и уменьшеніе территоріи губерній и областей. Для Черниговской и всѣхъ далѣе номера 8-го показаны пространства не цѣлыхъ губерній (и областей), а только тѣхъ уѣздовъ (и округовъ), какіе перечислены вслѣдъ за названіемъ губерніи. Также и общіе итоги числа всѣхъ жителей и украинцевъ показаны не тѣ, что числятся въ цѣлой губерніи, а меньшія,—за вычетомъ живущихъ въ данной губерніи внѣ показанныхъ уѣздовъ. Еще одно замѣчаніе можно сдѣлать для поясненія странныхъ якобы процентныхъ показателей въ послѣднемъ столбцѣ для цѣлыхъ губерній Черниговской, Воронежской, Гродненской, Бессарабской, Курской и др. Въ нихъ процентное число украинцевъ сильно разнится отъ показателей, приведенныхъ для уѣздовъ. Это происходитъ отъ того, что проценты для цѣлыхъ губерній показаны по отношенію къ населенію русскаго племени, а въ уѣздахъ и губерніяхъ въ 4-мъ и 5-мъ столбцахъ — по отношенію ко всему населенію, т. е. населенію всѣхъ національностей, обитающихъ въ данной губерніи. Въ такихъ немноголюдныхъ губерніяхъ, какъ Сѣдлецкая, Люблинская, въ которыхъ всѣхъ жителей 772 тысячи и 1.160 тыс. при большинствѣ польскаго населенія (510 и 730 тыс.) на всемъ пространствѣ губерній, уѣзды Томашевскій, Грубешовскій и Влодавскій среди сельскаго населенія имѣютъ показатель украинскаго населенія болѣе половины, тогда какъ въ другихъ уѣздахъ украинцевъ ничтожное количество. То же встрѣчаемъ и въ болѣе многолюдныхъ губерніяхъ, въ которыхъ всего населенія насчитывалось болѣе 2 и 3 милліоновъ, какъ напр. Черниговская, Бессарабская, Гродненская, Херсонская, Подольская и др. Въ послѣднихъ трехъ значительное число евреевъ (около 300 тыс. въ каждой), евреевъ и румынъ въ Бессарабской, мордвиновъ въ Херсонской и Таврической, бѣлоруссовъ—въ Черниговской сильно измѣняетъ величину относительныхъ показателей украинскаго населенія въ цѣломъ или въ отдѣльныхъ уѣздахъ этихъ губерній. Приводить подробно абсолютныя и относительныя числа инороднаго украинскому населенія, живущаго на территоріи главнаго его размѣщенія, мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ это было бы повтореніемъ слишкомъ мозаическихъ таблицъ, помѣщенныхъ въ «Сводѣ» результатовъ переписи 1897 года.

Возвратимся еще разъ къ общимъ итогамъ украинскаго населенія во всей Россійской Имперіи, чтобы опредѣлить, какое число его живетъ въ городахъ, т. е. административныхъ центрахъ, и какое — въ уѣздахъ, т. е. въ селахъ, мѣстечкахъ, слободахъ, станицахъ и хуторахъ. По главнымъ 5-ти частямъ Имперіи, на какія территорія государства раздѣлена въ общемъ сводѣ результатовъ переписи, въ 1897 году было украинцевъ:

	Въ городахъ.	Въ уѣздахъ.	Вмѣстѣ.
Европейской Россіи.	1.101.704	19.313.162	20.414.866
Польши.	28.748	306 589	335.337
Кавказа.	102.390	1.203.073	1.305.463
Сибири.	7.881	215.393	223.274
Средней Азіи.	15.664	85.947	101.611
	1.256.387	21.124.164	22.380.551

Изъ этого видно, что вездѣ сельское населеніе украинцевъ составляетъ 91—96% общаго ихъ числа, кромѣ Средней Азіи, гдѣ этотъ показатель падаетъ до 84,5%, при чемъ 15,5% украинцевъ приходится на городское населеніе: здѣсь, очевидно, значительное число украинцевъ занимаютъ должности по административной и судебной части, а также среди служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ.

Приведенными абсолютными числами и процентными показателями опредѣляется общій характеръ жизни всего украинскаго народа. Состоя въ подавляющей своей части изъ «уѣздныхъ», т. е. сельскихъ жителей, народъ этотъ находится и въ низшей стадіи культурнаго развитія, что подтверждается и процентомъ грамотныхъ, далеко меньшимъ, чѣмъ у другихъ народовъ, напр. нѣмцевъ, поляковъ, великороссовъ и др., какъ то увидимъ ниже.

Постараемся теперь опредѣлить пространство территоріи, какое занимаетъ украинскій народъ только въ Европейской Россіи на основаніи вышеприведенныхъ чиселъ квадратныхъ верстъ въ уѣздахъ, занятыхъ болѣе или менѣе сплошнымъ украинскимъ населеніемъ. При такомъ опредѣленіи приходится дѣлать извѣстнаго рода поясненія и оговорки. Нигдѣ на земной поверхности мы не находимъ значительной территоріи, занятой только однимъ народомъ; даже въ такихъ уѣздахъ, какъ напр. Зѣньковскій Полтавской губерніи, если мы исключимъ изъ счета уѣздный городъ, число неукраинскаго сельскаго населенія составляетъ 1%, если же прибавимъ и городское населеніе, то число такихъ не-украинцевъ подымется до 1,9%. Изъ представленныхъ выше процентныхъ показателей числа украинскаго населенія видно, что чѣмъ болѣе мы удаляемся къ периферіи разселенія украинскаго народа, тѣмъ меньшее находимъ относительное число украинцевъ; есть уѣзды изъ перечисленныхъ выше, гдѣ это число не превышаетъ 2—4%. Таблица XIIIa «Общаго свода результатовъ» переписи 1897 года и картограмма къ первому тому «Свода» подъ № 43 показываютъ намъ, что на всей территоріи Россійскаго государства нѣтъ ни одной губерніи, въ которой не было бы украинцевъ; но такія числа ихъ, какъ напр. 51 обоего пола въ Архангельской губерніи или 320—въ Якутской области, ясно говорятъ, что здѣсь они явились случайно, можетъ быть, всѣ по случаю ихъ ссылки сюда на поселеніе. Поэтому при опредѣленіи территоріи, занимаемой украинскимъ народомъ, необходимо остановиться на какой-нибудь мѣрѣ процентнаго отношенія числа украинцевъ къ числу всего сельскаго населенія, такъ какъ городское населеніе, какъ мы видѣли, не можетъ считаться кореннымъ населеніемъ данной губерніи, области или уѣзда. Можно принять двѣ такія мѣры: 50% украинскаго населенія для названія территоріи украинскою, 25%—для названія ея полуукраинскою; наконецъ, величину въ 1% можно принять за quantité negligeable и почесть ее равной нулю. Выходя изъ такихъ соображеній, изъ всего пространства Европейской Россіи съ Польшею и Кавказомъ нужно совсѣмъ исключить тѣ губерніи и области, уѣзды, округа и отдѣлы, гдѣ украинцевъ меньше 1%, т. е. гдѣ они среди великороссовъ, поля-

ковъ, бѣлоруссовъ, молдаванъ, татаръ, калмыковъ, осетинъ, чеченцевъ, ингушей и др. составляютъ самое незначительное число населенія. Тѣ уѣзды (округа или отдѣлы), гдѣ среди сельскаго населенія украинцевъ больше половины (50%), слѣдуетъ считать территоріею украинскою; гдѣ число ихъ равняется 25 — 50% можно считать отчасти украинскою территоріею на томъ основаніи, что въ такихъ уѣздахъ большая или меньшая часть ихъ территоріи занята украинскимъ населеніемъ. Города, въ которыхъ встрѣчается очень малый процентный показатель числа украинцевъ въ силу того, что въ нихъ много англичанъ, итальянцевъ, французовъ, грековъ, турокъ и другихъ народностей, можно было бы выдѣлить въ особыя территоріи, но такое выдѣленіе не представляетъ никакого интереса, когда мы ведемъ рѣчь о статистикѣ одного украинскаго народа, а не всѣхъ народовъ, заселяющихъ данную территорію.

Ограничиваясь уѣздами Европейской Россіи, Польши и Кавказа и принимая ихъ за недѣлимыя единицы, мы можемъ насчитать слѣдующее число уѣздовъ и квадратныхъ верстъ въ нихъ въ уменьшающемся порядкѣ числа сельскихъ жителей въ нихъ, говорившихъ въ 1897 году по-украински:

1) Въ 8-ми губерніяхъ съ полнымъ преобладаніемъ украинскаго населенія — 84 уѣзда съ 364.457,4 квадр. верстъ;

2) въ 10-ти прилегающихъ къ нимъ губерніяхъ и областяхъ—22 уѣзда, въ которыхъ болѣе 50% сельскаго населенія украинцы; въ этихъ уѣздахъ—142.192 квадр. версты.

Если мы 106 уѣздовъ этихъ двухъ группъ посчитаемъ за территорію Украинскаго народа, то получимъ въ ней 506.649 квадр. верстъ, или болѣе 575 тысячъ квадр. километровъ.

Эту территорію дѣлятъ обычно, за исключеніемъ позже заселенныхъ украинскою колонизаціею при-Донскихъ, при-Волжскихъ земель и Кубанской области, на три части: *Правобережную Украину* [изъ Кіевской, Подольской и Волынской губ. съ прилегающими къ нимъ частями Гродненской, Люблинской и Сѣдлецкой], *Лѣвобережную* [изъ Черниговской, Полтавской и Харьковской съ прилегающими къ нимъ частями Курской, Воронежской, Тамбовской] и *Степную* [изъ Екатеринославской, Таврической и Херсонской губ.).

При такомъ выдѣленіи частей губерніи мы устраняемъ совершенно губерніи и области Астраханскую, Оренбургскую, Самарскую, Саратовскую, Тамбовскую, Терскую и Черноморскую, изъ губерніи Бессарабской вводимъ въ счетъ территорію одного уѣзда (Хотинскаго], изъ Воронежской—4 уѣзда, изъ Гродненской—2, изъ Люблинской—2, изъ Сѣдлецкой—1, изъ Екатеринославской—7, изъ Донской—2, изъ Кубанской—3, изъ Курской—3, изъ Ставропольской—1, изъ Таврической—3 и изъ Херсонской - 4 [выключая Одесскій и Тираспольскій уѣзды, гдѣ украинскаго населенія менѣе $^1/_2$].

При такомъ дѣленіи общее пространство украинской территоріи въ 506,6 тысячъ квадратныхъ верстъ между этими тремя отдѣлами ея распредѣлится такъ по числу квадратныхъ верстъ, километровъ и десятинъ:

	Квадр. километровъ.	Квадр. верстъ.	Десятинъ.
Правобережная Украина	179.861	158.050,4	16.494.068
Лѣвобережная	177.757	156.148,4	16.265.517
Степная	219.008	192.450,3	20.047.517
	576.626	506.649,4	58.071.102

При опредѣленіи густоты населенія въ разныхъ частяхъ этой территоріи, конечно, нельзя ограничиваться числомъ одного украинскаго населенія, а нужно брать вмѣстѣ съ нимъ и все остальное населеніе разныхъ народовъ, живущихъ на украинской территоріи. Для пространствъ цѣлыхъ губерній такое вычисленіе сдѣлано въ «Общемъ сводѣ» результатовъ переписи 1897 г., и потому приводимъ находящіеся тамъ показатели густоты населенія; для территоріи же, опредѣленной только что, покажемъ особо средніе показатели для частей тѣхъ губерній, какія вошли въ территорію, гдѣ украинское населеніе составляетъ болѣе 50%.

Губерніи, цѣликомъ занятыя такимъ количествомъ украинскаго населенія (50%), имѣли въ 1897 году слѣдующее пространство, число жителей и густоту населенія [1]).

Губерніи.	Квадр. верстъ.	Всѣхъ жителей.	На 1 кв. версту.
Кіевская	44.777,9	3.559.229	79,7
Подольская	36.921,7	3.018.299	81,9
Волынская	63.036,8	2.989.482	47,4
Полтавская	43.844,0	2.788.151	63,4
Екатеринославская	55.705,6	2.113.674	37,9
Харьковская	47.884,3	2.492.316	52,0
Части же губерній, перечисленныя въ вышеприведенномъ спискѣ, были:			
Херсонская (4 уѣзда)	47.345,9	1.883.425	39,8
Черниговская (11 уѣздовъ)	32.841,1	1.662.541	50,7
Воронежская (4 уѣзда)	23.556,5	982.583	41,6
Таврическая (3 уѣзда)	30.812,2	901.198	29,2
Кубанская (3 уѣзда)	33.976,1	865.449	25,4
Донская (2 уѣзда)	18.241,4	782.583	42,9
Курская (3 уѣзда)	8.022,5	499.461	62,3
Гродненская (2 уѣзда)	8.909,2	402.885	45,2
Ставропольская (1 уѣздъ)	10.767,7	246.644	22,9
Бессарабская (1 уѣздъ)	3.501,9	307.532	28,5
Люблинская (2 уѣзда)	2.504,7	200.175	79,9
Сѣдлецкая (1 уѣздъ)	1.900,1	98.035	51,6

Въ среднемъ для этой территоріи 106-ми уѣздовъ изъ 18-ти губерній, съ площадью 514.550 квадратныхъ верстъ и 25.783.926 жителей разныхъ народовъ, густота населенія выходитъ 50 душъ обоего пола на 1 квадратную версту. Кажется, можно принять этотъ показатель густоты населенія за сред-

[1]) Здѣсь въ списокъ первыхъ 6-ти губерній вошла и Екатеринославская, ибо въ Маріупольскомъ уѣздѣ безъ города, украинцевъ числилось въ 1897 г. 51,2% всего населенія.

ній показатель емкости территоріи при той средней степени развитія земледѣльческой культуры, какой достигло населеніе, обитающее на украинской территоріи.

Если мы обратимся къ болѣе общимъ и болѣе грубымъ показателямъ густоты населенія [считая пространства цѣлыхъ губерній] трехъ главныхъ частей Украины съ прибавленіемъ къ послѣдней изъ нихъ и Черноморской губерніи, то получимъ слѣдующія числовыя выраженія:

	Кв. верстъ.	Всѣхъ жителей.	Украинцевъ.	Всѣхъ на 1 кв. версту.
Правобережная Украина	173.679,5	11.163.995	8.011.167	63,7
Лѣвобережная	205.636,9	10.504.577	8.215.208	51,0
Новороссійская . . .	782.354,7	13.979.134	5.985.659	17,8
	1.161.671,1	35.647.706	22.212.034	30 7

Показатель густоты населенія (51), близкій къ показанному выше гипотетическому (50), приходится на среднюю часть Украины (Лѣвобережную); Новороссійская же часть ея имѣетъ слишкомъ низкій показатель густоты (17,8) и очень большое пространство, что опять наводитъ на мысль, что эту часть можно разбить еще на меньшія, принявъ во вниманіе ихъ особенности и время заселенія украинскимъ и великорусскимъ народомъ. Можно напр. выдѣлить мѣстности, имѣющія 20 душъ на 1 квадратную версту и менѣе и незначительный процентный показатель украинскаго населенія. Въ такомъ случаѣ мы получимъ двѣ части степной или Новороссійской Украины. Для западной ея части, которую можно назвать *Приморскою*, тогда отойдутъ губерніи — Бессарабская, Херсонская, Екатеринославская, Таврическая и часть области войска Донского, а также Кубанская область съ Черноморскою губерніею (около 350 тыс. квадратныхъ верстъ).

Конечно, такое дѣленіе, обусловливаемое границами нынѣшнихъ губерній и областей, имѣетъ чисто схематическое значеніе, опредѣляя только въ общихъ чертахъ мѣстности Южной Россіи, въ которыхъ живетъ украинскій народъ и которыя онъ колонизуетъ.

Отъ густоты населенія перейдемъ къ демографическимъ даннымъ относительно его возрастнаго состава и занятій, пользуясь разработкою ихъ, помѣщенною въ V и VII томахъ «Записокъ Наукового Товариства у Київі» (О. Королевой).

Извѣстно, что распредѣленіе населенія по возрастамъ въ городахъ отличается отъ распредѣленія его въ селахъ. А такъ какъ городское украинское населеніе составляетъ незначительный процентъ всей его массы (1.256.387 изъ 22.380.551, или только 5,7%), при чемъ подавляющее количество его живетъ въ Южной части Европейской Россіи (20.414.866, или 91,3%), то изслѣдованіе возрастнаго состава, произведенное г-жею Королевою, коснулось главнымъ образомъ украинскаго населенія Европейской Россіи съ небольшими экскурсіями въ область вліянія городского и сельскаго быта на распредѣленіе этого населенія по возрастамъ. За то большое вни-

маніе изслѣдовательницею было обращено на географическіе районы, заселенные украинцами болѣе или менѣе густо: ею были высчитаны относительные показатели возрастнаго состава украинцевъ для 11 губерній, наиболѣе густо заселенныхъ украинцами, затѣмъ—для 19 губерній, въ которыхъ ихъ находится достаточное количество, и наконецъ — для 48 губерній Европейской Россіи и особо для тѣхъ мѣстностей, гдѣ ихъ пребываніе болѣе или менѣе случайно.

Приводимъ вкратцѣ результаты изслѣдованія г-жи Королевой съ одной стороны для того, чтобы установить болѣе близкую къ дѣйствительности характеристику возрастнаго состава украинскаго народа, а съ другой—для сопоставленія показателей этихъ съ показателями другихъ главныхъ народностей, живущихъ съ нимъ или рядомъ, или на одной и той же территоріи. Подсчетъ данныхъ о возрастахъ въ результатахъ переписи 1897 г. по группамъ до 9, до 19, до 29 лѣтъ и т. д. нуждался бы въ разъясненіи, почему взяты были именно эти рубрики, а не группы до 10, до 20, до 30 лѣтъ и т. д. [1]). Умолчаніе объ этомъ предисловія къ таблицамъ «Общаго свода» данныхъ переписи 1897 года впрочемъ не помѣшаетъ намъ сдѣлать сопоставленіе показателей для украинскаго народа съ показателями, полученными для другихъ народовъ западно-европейскихъ государствъ, если мы эти десятилѣтнія группы соединимъ въ три болѣе общія группы взрослыхъ, подростковъ и стариковъ.

Вотъ показатели возрастнаго состава украинскаго народа:

Возрасты:	Въ 48-мя губ. Въ %.	Въ 19-ти губ. Въ %.	Въ 11-ти губ. Въ %.	За границами главн. разселенія. Въ %.
До 9 лѣтъ . .	30,0	30,1	30,4	24,8
Отъ 10 до 19 л.	22,3	22,0	21,2	17,9
» 20 » 29 »	14,7	14,8	15,3	25,1
» 30 » 39 »	12,0	12,0	12,0	11,6
» 40 » 49 »	8,9	8,9	8,8	8,7
» 50 » 59 »	6,3	6,3	6,2	5,7
» 60 и выше.	5,9	6,0	6,1	6,2
	100	100	100	100

Очень большой процентъ лицъ преклоннаго возраста выше 60 лѣтъ за границами главнаго разселенія Украинскаго народа объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что переселяются въ новыя страны украинцы, только испробовавши всѣ способы достичь безбѣднаго существованія у себя на родинѣ; большой процентъ молодежи отъ 20 до 29 лѣтъ возраста тамъ же можетъ быть объясненъ тѣмъ, что на этотъ періодъ возраста падаетъ отбываніе воинской повинности по установленнымъ правиламъ—внѣ своей ро-

[1]) Въ западно-европейской статистикѣ возрасты считаются по группамъ: 0—10 лѣтъ, 10—20 лѣтъ и т. д., при чемъ въ первую зачисляютъ имѣвшихъ и ровно 9 лѣтъ, и 9 лѣтъ 11 мѣсяцевъ, во вторую—отъ 10 лѣтъ до 19 лѣтъ 11 мѣсяцевъ; въ первой всероссійской переписи взяты группы 0—9, 10—19, 20—29 лѣтъ и т. д., при чемъ предисловіе не объясняетъ, куда зачислены имѣвшіе 9 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ, 19 лѣтъ съ мѣсяцами и т. п.

дины, а, можетъ быть, и тѣмъ, что въ этомъ возрастѣ болѣе охотно идутъ въ переселенцы, чѣмъ въ послѣдующемъ періодѣ (отъ 30 до 39 лѣтъ). Сопоставленіе всѣхъ 4-хъ рядовъ приведенныхъ показателей должно привести насъ къ заключенію, что показатели 3-го ряда (для 11-ти губерній) лучше, чѣмъ другіе, выражаютъ нормальное распредѣленіе по возрастамъ среди украинскаго населенія, такъ какъ въ этихъ 11-ти губерніяхъ размѣщена наибольшая часть украинскаго населенія, почему вліяніе случайныхъ условій здѣсь отражается меньше всего.

Сопоставляя это распредѣленіе возрастнаго состава украинскаго населенія съ такимъ же для великороссовъ и бѣлоруссовъ, вмѣстѣ взятыхъ, для поляковъ и евреевъ, получимъ слѣдующее:

Возрасты.	Великороссовъ съ бѣлоруссами. Въ %.	Поляковъ. Въ %.	Евреевъ. Въ %.	Украинцевъ Въ %.
До 9 лѣтъ	26,5	27,7	28,4	30,4
Отъ 10 до 19 лѣтъ .	20,8	20,6	23,9	21,2
» 20 » 29 » .	16,3	16,5	16,7	15,3
» 30 » 39 » .	12,6	13,5	11,4	12,0
» 40 » 49 » .	9,6	8,2	8,1	8,8
» 50 » 59 » .	6,8	6,8	6,1	6,2
« 60 и выше » .	7,3	6,7	5,4	6,1

Особи первыхъ двухъ возрастныхъ группъ у украинцевъ по даннымъ 1897 года давали среди нихъ большее число, чѣмъ у прочихъ русскихъ и поляковъ; вторая группа среди евреевъ представлена была большимъ числомъ, чѣмъ среди украинцевъ; что же касается старшихъ возрастовъ, то украинцы въ нихъ уступали прочимъ русскимъ и полякамъ, но превосходили въ числѣ евреевъ тѣхъ же возрастовъ. Насколько постоянными являются такіе признаки для украинскаго народа по сравненію съ народами, живущими рядомъ съ нимъ, и насколько отразилось тутъ вліяніе переживаемаго народомъ «демографическаго цикла»,—нельзя судить до того времени, пока вторая перепись населенія Россійской имперіи не дастъ новыхъ данныхъ для сужденія объ этомъ предметѣ.

Для сопоставленія возрастныхъ показателей украинскаго народа съ другими народами, населяющими Россію и западно-европейскія страны, соединимъ возрасты въ 3 группы: до 19 лѣтъ, отъ 20 до 59, и 60 и выше; но прежде приведемъ такого рода данныя для разныхъ мѣстностей, заселенныхъ украинскимъ народомъ.

Возрасты:	Въ 8-ми губ.	Въ 11-ти губ.	Въ 19-ти губ.	Въ остальныхъ 40 губерніяхъ.
До 19 лѣтъ . . .	52,3	51,6	52,1	42,7
Отъ 20 до 59 . .	41,9	42,3	41,9	51,1
60 и выше	5,9	6,1	6,0	6,2

Принимая въ этомъ случаѣ показатели для 8-ми губерній, заселенныхъ почти сплошь украинскимъ народомъ, — за болѣе соотвѣтствующіе характеристикѣ украинскаго народа въ этомъ отношеніи, получимъ такую сравнительную таблицу возрастного состава разныхъ народовъ, населяющихъ Россійскую имперію.

	До 19 лѣтъ въ %.	20—59 лѣтъ въ %.	60 лѣтъ и выше въ %.
Украинцы	52,3	41,9	5,9
Евреи	52,3	42,3	5,4
Картвелы	50,7	41,4	7,9
Проч. кавказскіе народы	49,8	42,6	5,9
Народы германскаго племени	49,3	44,7	6,0
Прочіе индо-европейскіе народы	49,2	44,8	6,0
Всѣ народы Россійской имперіи вмѣстѣ	**48,4**	**44,8**	**6,8**
Поляки	48,3	45,0	6,7
Великороссы съ бѣлоруссами	47,3	45,3	7,3
Финны	47,1	45,5	7,4
Сѣверные народы	45,6	48,0	6,4
Монголо-буряты	45,3	48,1	6,6
Летто-латыши	43,7	46,6	9,7

Какъ летто-латышскій народъ выдѣляется значительнымъ числомъ стариковъ, такъ малорусскій народъ—числомъ подготовляющихся къ производительной жизни лицъ до 19-лѣтняго возраста. Для странъ съ болѣе однороднымъ по національному составу населеніемъ распредѣленіе населенія по тѣмъ же группамъ возрастовъ замѣчено слѣдующее:

	До 19 лѣтъ въ %.	20—59 лѣтъ въ %.	60 лѣтъ и выше въ %.
Въ Сербіи	53,7	41,3	4,4
» Болгаріи	50,4	41,2	8,7
» Венгріи	45,7	46,7	7,6
» Англіи	45,2	47,0	7,8
» Германіи	44,2	48,0	7,8
» Франціи	34,7	52,8	12,5

Только у сербовъ замѣчаемъ большій процентъ молодого поколѣнія, чѣмъ у украинцевъ, а съ другой стороны—во Франціи рѣзкую противоположность возрастнаго строя, что можно видѣть и на прилагаемыхъ діаграммахъ, гдѣ возрастный составъ украинскаго народа по переписи 1897 года сопоставленъ съ составомъ его во Франціи (т.-е. для французскаго народа по пе-

реписи 1896 года) съ раздѣленіемъ населенія по поламъ и съ относительными величинами возрастнаго состава всѣхъ народовъ, населяющихъ Россійскую имперію, и великорусскаго съ бѣлорусскимъ народомъ, вмѣстѣ взятыми. Если въ верхнихъ ступеняхъ возрастныхъ пирамидъ на прилагаемыхъ чертежахъ можетъ быть неточность въ силу незначительной численности группъ старшихъ возрастовъ и того обстоятельства, что для украинскаго народа они вычерчены на основаніи данныхъ только по Черниговской и Полтавской губерніямъ, то это не мѣшаетъ съ перваго взгляда на чертежѣ замѣтить рѣзкое отличіе возрастнаго строя украинскаго народа отъ другихъ на нижней ступени, тѣмъ болѣе, что вольныя и невольныя ошибки въ показаніяхъ о возрастѣ дѣтей до 10-лѣтняго возраста составляютъ несомнѣнно исключенія.

Можно выразить глубокое сожалѣніе, что въ замѣчательномъ сочиненіи Рубана [1]) объ украинскомъ народѣ на основаніи данныхъ, собранныхъ при 5-ой ревизіи, не было опубликовано дѣленіе украинскаго населенія того времени на 3 возраста (отъ 10 лѣтъ, отъ 10 до 60 и болѣе 60-ти), какое было сдѣлано въ перечневыхъ вѣдомостяхъ этой ревизіи и хранится въ рукописномъ видѣ въ архивахъ казенныхъ палатъ Черниговской и Полтавской губерній. При извѣстномъ сопоставленіи числовыхъ данныхъ второй половины XVIII вѣка и конца XIX вѣка можно было бы судить о постоянствѣ или измѣнчивости коэффиціентовъ возрастнаго состава по тремъ главнымъ группамъ для украинскаго народа, а также и о томъ, представляетъ ли постоянство это признакъ принадлежности даннаго народа къ той или другой расѣ, или онъ подверженъ измѣненіямъ во времени. Сопоставленіе коэффиціентовъ, указывающихъ также на перевѣсъ въ томъ или другомъ возрастѣ мужского или женскаго пола, за разные періоды времени, удаленные другъ отъ друга на значительное разстояніе, могло бы освѣтить и тотъ вопросъ, какой занималъ покойнаго русскаго статистика А. И. Чупрова; въ своемъ изслѣдованіи о возрастномъ составѣ мужского и женскаго пола по даннымъ для 13-ти государствъ Западной Европы онъ сопоставлялъ эти данныя съ такими же свѣдѣніями о православномъ населеніи Россійской имперіи, полученными академикомъ Буняковскимъ изъ метрическихъ записей о рожденіяхъ и смертяхъ въ средѣ этого населенія. Сопоставленія эти касались лишь данныхъ за 50-е, 70-е и 80-е годы прошлаго столѣтія и указали на устойчивость отношенія числа мужчинъ къ числу женщинъ въ извѣстные періоды возраста. Имѣетъ ли мѣсто эта устойчивость для украинскаго народа,—мы не знаемъ; полученныя же при помощи переписи относительныя числа для всѣхъ народовъ Россійской имперіи (въ числѣ 125.589.579 душъ обоего пола) и для украинскаго народа приводимъ какъ фактъ, относящійся къ 1897 году. Вотъ каковы получаются относительныя числа мужчинъ и женщинъ разныхъ возрастовъ для тѣхъ и другихъ:

[1]) Василій Рубанъ. Землеописаніе Малыя Россіи, изъявляющее города, мѣстечки, рѣки, число монастырей и церквей и сколько гдѣ выборныхъ козаковъ, подпомощниковъ и посполитыхъ по ревизіи 1764 года находилось. СПБ. 1777 г.

Возрасты:	Для всѣхъ народовъ Росс. имперіи: Мужчинъ.	Женщинъ.	Женщинъ на 100 мужчинъ.		Для украинцевъ 11-ти губ.: Мужчинъ.	Женщинъ.	Женщинъ на 100 мужчинъ.
До 9 лѣтъ . . .	27,4	27,3	100,4		30.4	30,3	100,5
Отъ 10 до 19 л.	21,0	21,2	100,2		21,1	21,2	102,4
» 20 » 29 »	16,3	16,2	100.7		15,3	15,2	106,9
» 30 » 39 »	12,6	12,5	100,2		12,0	12,0	102,0
» 40 » 49 »	9,4	9,2	99,3		8,8	8,7	97,9
» 50 » 59 »	6,6	6,7	102,4		6,2	6,3	97.4
» 60 » 69 »	4,3	4,3	103,0		4,0	4,0	
» 70 » 79 »	1,8	1,9	106,8	104,7	1,7	1,8	87,3
» 80 и выше »	0,6	0,7	109,3		0,5	0,5	
	100	100	101,1		100	100	100,8

Не касаясь неразработаннаго еще вопроса о числѣ холостыхъ и дѣвицъ, женатыхъ и замужнихъ, вдовыхъ и разведенныхъ среди украинскаго народа, скажемъ еще нѣсколько словъ о занятіяхъ украинцевъ, пользуясь данными, опубликованными въ «Запискахъ Науковаго Товариства у Київі».

Въ «Общемъ сводѣ» результатовъ переписи 1897 года приведено 389 названій отдѣльныхъ занятій, которыя сгруппированы затѣмъ въ 64 группы (съ прибавленіемъ 65-й для лицъ, не указавшихъ своихъ занятій). Особенность первой россійской переписи населенія состояла въ томъ, что подъ терминомъ «занятіе» разумѣлись и занятія въ собственномъ смыслѣ слова и средства, на какія жило данное лицо, или его домочадцы. Дѣленіе населенія на «лицъ, имѣющихъ самостоятельныя занятія», и находящихся при нихъ «членовъ семей», не проведенное по какому-либо одному принципу при составленіи записей на мѣстахъ, привело къ довольно страннымъ результатамъ при подсчетѣ этихъ свѣдѣній. Въ общихъ итогахъ для земледѣльческаго населенія напр. вышло, что 35 милліоновъ людей старше 15-тилѣтняго возраста жили при своихъ отцахъ, матеряхъ, дѣтяхъ и т. п., имѣющихъ «самостоятельное занятіе»—какъ бы безъ всякихъ занятій; при этомъ «самостоятельныхъ» земледѣльцевъ оказалось только около 17 милліоновъ, а 71,5 милліонъ взрослыхъ людей и дѣтей жили якобы безъ всякихъ занятій—«при нихъ». Если мы замѣнимъ терминъ «занятіе» терминомъ «средства существованія» какъ для земледѣльцевъ, такъ и для другихъ группъ населенія, то получимъ болѣе ясное представленіе о томъ, на какія средства, извлекаемыя главами хозяйства, жило все населеніе.

Въ «Запискахъ Науковаго Товариства» 64 группы занятій обобщены въ 11 болѣе широкихъ группъ, а затѣмъ посчитаны вмѣстѣ какъ «самостоятельные» хозяева и хозяйки, такъ и всѣ ихъ домочадцы мужского и женскаго пола всѣхъ возрастовъ вмѣстѣ. Занятія украинцевъ посчитаны по даннымъ 19-ти губерній, гдѣ ихъ живетъ больше всего, и сопоставлены съ данными относительно всего населенія Россійской имперіи. Такимъ образомъ получены слѣдующіе ряды чиселъ:

ЗАНЯТІЯ (средства).	Во всемъ государствѣ. (тыс. душъ),		Среди украинцевъ 19 губ. (тыс. душъ),	
Добываніе съѣдобныхъ матеріаловъ	93.363,8	или 74,3%	18.857,7	или 87,5%
Переработка ихъ	1.010,2	» 0,8	92,2	» 0,4
Приготовленіе одежды и матеріаловъ для нея . .	4.841,9	» 3,9	482,8	» 2,2
Пригот. жилищъ и обстановки ихъ	7.054,0	» 5,6	532,5	» 2,5
Прислуга и чернорабочіе	5.789,0	» 4,6	770,9	» 3,5
Транспортъ	1.984,4	» 1,6	158,6	» 0,7
Коммерція и кредитъ . .	4.409,0	» 3,5	175,9	» 0,8
Общественная служба . .	2.560,0	» 2,5	183,1	» 0,8
Войско	1.241,8	» 1,0	90,5	» 0,4
Непроизводительныя занятія	2 335,3	» 1,9	144,7	» 0,7
Неизвѣстныя и необозначенныя	1.050,6	» 0,8	90 2	» 0,4
	125 640	» 100	21.579	» 100

Значительно меньшее количество служащихъ въ войскѣ у украинцевъ, чѣмъ у всѣхъ народовъ Россіи, получилось потому, что взяты лишь 19 губерній, а повинность воинскую украинцы отбываютъ внѣ этихъ губерній въ другихъ частяхъ Имперіи; работы по постройкѣ одежды и жилищъ среди украинцевъ даютъ меньшій процентъ, чѣмъ вообще въ Россіи; зато также и непроизводительныхъ занятій и средствъ къ жизни (доходы съ капиталовъ, пенсіи, проституція, сидѣніе въ тюрьмѣ и т. п.) среди украинскаго населенія встрѣчается относительно меньше, чѣмъ вообще въ Россіи Главнѣйшими занятіями являются занятія, направленныя на добываніе предметовъ пищевыхъ и вкусовыхъ, куда отнесены: сельское хозяйство вообще, пчеловодство, животноводство, рыболовство и охота (сюда не засчитано и шелководство, такъ какъ оно въ «Сводѣ» не отдѣлено отъ пчеловодства; но шелководствомъ среди украинцевъ занималось только 1620 «самостоятельныхъ» лицъ и 2.320 ихъ домочадцевъ). Если сопоставить показатели первой группы занятій съ показателями для другихъ народностей, то оказывается, что украинцы стоятъ на 7-мъ мѣстѣ по относительному числу лицъ, живущихъ отъ сельскаго хозяйства. Именно, національности Россійскаго государства идутъ по относительному числу земледѣльцевъ въ слѣдующемъ убывающемъ порядкѣ:

Черемисы	97,8%
Мордва	95,3
Молдаване	92,2
Бѣлоруссы	89,9
Башкиры	89,3
Болгаре	88,6
Украинцы	87,5
Литовцы	84,2
Грузины	76,4
Татары	75,8
Греки	70,9
Великороссы	70,3
Латыши	66,5
Эсты	64,2
Поляки	61,4
Чехи	56,6

Армяне	43,9%
Нѣмцы	32,4
Киргизы	22,9
Калмыки	15,2
Цыгане	11,6
Евреи	3,2

Если раздѣлить площадь 19 губерній на полосы западную, среднюю и восточную [1]), то замѣчаются нѣкоторыя отклоненія отъ среднихъ показателей для всего украинскаго народа. Именно:

Въ районахъ:	Пища.	Одежда.	Жилища.	Транспортъ и торговля.	Обществ. и военная служба.	Прислуга.	Непродуктивныя.
Западномъ	90,2	1,2	2,1	0,9	1,3	3,8	0,5
Среднемъ	87,6	2,0	2,8	1,8	1,4	3,6	0,8
Восточномъ	86,9	3,0	3,3	2,1	1,0	3,0	0,7

Зависитъ ли уменьшеніе съ движеніемъ на Востокъ занятія земледѣліемъ, уменьшеніе относительнаго числа прислуги и увеличеніе портныхъ, сапожниковъ, плотниковъ, столяровъ, торговцевъ отъ естественныхъ условій мѣстности, или соціальныхъ условій общежитія,—сказать нельзя за неимѣніемъ числовыхъ выраженій для обнаруженія вліянія факторовъ того и другого рода.

Въ заключеніе приводимъ еще абсолютныя числа всѣхъ украинцевъ въ 23 губерніяхъ, числа грамотныхъ среди нихъ и процентное отношеніе послѣднихъ къ первымъ въ сопоставленіи съ показателями числа грамотныхъ для всего населенія тѣхъ же губерній. Губерніи располагаемъ въ порядкѣ отъ запада къ востоку.

Губерніи и области.	Число украинцевъ.	Изъ нихъ грамотныхъ.	% грамотныхъ: Среди украинцевъ.	Среди всѣхъ жителей.
Люблинская	196.476	33.402	17,0	23,8
Сѣдлецкая	107.785	18.899	17,5	30,9
Гродненская	362.526	63.050	17,4	29,2
Кіевская	2.819.145	331.815	11,8	18,1
Подольская	2.442.819	261.063	10,5	15,5
Волынская	2.095.579	197.529	9,4	17,2
Черниговская	1.526.072	251.482	16,4	18,2
Полтавская	2.583.133	376.035	14,5	16,9

[1]) Къ первой отнесены губерніи: Кіевская, Подольская, Волынская, Гродненская, Люблинская и Сѣдлецкая; ко второй: Черниговская, Полтавская, Екатеринославская, Херсонская, Бессарабская и Таврическая; къ третьей: Курская, Харьковская, Воронежская, Донская, Кубанская, Ставропольская и Астраханская.

Губерніи и области.	Число украинцевъ.	Изъ нихъ грамотныхъ.	% грамотныхъ: Среди украинцевъ.	% грамотныхъ: Среди всѣхъ жителей.
Екатеринославская . . .	1.456.369	210.084	14,4	21,5
Херсонская	1.462.039	224.658	15,3	25,9
Бессарабская	379.698	35.502	9,3	15,6
Таврическая.	611.121	117.163	19,2	27,9
Курская	527.778	84.917	16,1	16,3
Харьковская.	2.009.411	272.635	13,5	16,8
Воронежская	915.883	149.647	16,3	16,3
Донская	719.655	102.022	14,3	22,4
Кубанская	908.818	134.282	14,6	16,8
Ставропольская.	319.817	37.591	11,7	14,4
Оренбургская	41.541	7.636	18,4	20,4
Астраханская.	133.115	21.349	16,4	13,2
Терская	42.036	8.648	20,5	12,7
Саратовская	149.291	25.920	17,4	23,8
Самарская.	119.301	25.759	21,7	22,1

Изъ этихъ рядовъ чиселъ видно, что только на далекомъ юго-востокѣ Европейской Россіи въ Астраханской губерніи и Терской области относительное число грамотныхъ украинцевъ больше такого же числа у всѣхъ народностей (вмѣстѣ съ украинцами); на мѣстѣ же старой культуры княжескихъ временъ въ Кіевской и Волынской губерніяхъ — у самаго огнища просвѣщенія—Кіевскаго университета, а также и въ Харьковской и Херсонской губерніи показатель грамотности украинцевъ ниже общаго показателя для данной губерніи: настолько чужды университеты Кіевскій, Харьковскій и Одесскій украинскому населенію. Число грамотныхъ женщинъ украинокъ въ Кіевской губ. опускается до 2,8%, а въ Волынской — до 2,2%, т. е. до минимума.

Общій процентъ грамотныхъ украинцевъ и украинокъ въ показанныхъ 23 губерніяхъ составляетъ 13,6 (при 2.991.088 грамотныхъ на общее число ихъ въ 21.929.408 душъ обоего пола). При этомъ грамотныхъ мужчинъ въ 1897 году было — 23,3%, а грамотныхъ женщинъ — 3,9%. Сопоставляя эти показатели грамотности съ такими же для другихъ народовъ, живущихъ въ Европейской Россіи, мы увидимъ, что украинскій народъ стоитъ на самомъ послѣднемъ мѣстѣ, такъ какъ другіе народы имѣютъ высшіе показатели, напр.:

Процентъ грамотныхъ:	Мужчинъ.	Женщинъ.
среди нѣмцевъ	59,9	58,6
» литовцевъ и латышей	52,0	52,5
» евреевъ	48,9	28,2
» финновъ	35,2	26,9
» поляковъ	34,8	29,4
» всѣхъ русскихъ (вел., укр., бѣлорус.) . .	29,6	9,3
» всѣхъ народовъ Россійской имперіи. .	29,3	13,0
» украинцевъ.	23,3	3,9

Привилегированное положеніе, какое по этому признаку занимаютъ

нѣмцы, конечно, объясняется тѣмъ, что имъ дозволено имѣть школы на родномъ языкѣ, тогда какъ учрежденіе школы съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ украинцевъ считается почему-то государственнымъ преступленіемъ, вслѣдствіе чего они и занимаютъ самое послѣднее мѣсто по грамотности въ ряду всѣхъ народовъ Европейской Россіи.

А. Русовъ.

Галиція.

Украинская этнографическая территорія въ Галиціи на сѣверѣ и востокѣ сходится съ украинской этнографической территоріей въ Россіи, а именно съ Холмщиной, Волынью и Подоліей, на югѣ съ украинской этнографической территоріей на Буковинѣ и въ сѣверной Венгріи, а на западѣ граничитъ съ польской этнографической территоріей. Чисто-украинскія поселенія занимаютъ въ Галиціи весь черноморскій бассейнъ, т. е. системы рѣкъ Прута, Днѣстра и Днѣпра (черезъ Стыръ и Горынь), а изъ балтійскаго бассейна—всю систему Буга и правый берегъ Сяна; однако, въ верхнемъ и среднемъ теченіи Сяна чисто-украинскія поселенія перекидываются на лѣвый берегъ рѣки и безпрерывнымъ узкимъ клиномъ тянутся вдоль главнаго карпатскаго хребта далеко на западъ черезъ верховья Сяна, Вислока и Вислоки вплоть до истоковъ Дунайца.

Такимъ образомъ украинская этнографическая территорія обнимаетъ почти всю Восточную Галицію [1]), а именно цѣлые судебные округа [2]): коломыйскій, тернопольскій, станисла-

[1]) Вся Галиція занимаетъ площадь въ 78.473 кв. километровъ, имѣетъ 6240 громадъ (поселеній) и по правительственной переписи 1900 г. насчитываетъ 7.315.939 жителей. На Восточную Галицію приходится 55.315 кв. километровъ (70%) площади, 3746 (60%) громадъ и 4.814.171 (66%) жителей, а на Западную Галицію 23.157 кв. километровъ (30%) площади, 2494 (40%) громадъ и 2.502.768 (34%) жителей.

[2]) Въ судебно-административномъ отношеніи Галиція подѣлена на 16 судебныхъ округовъ, 10 изъ нихъ составляютъ Восточную Галицію, а 6 Западную; судебные округа дѣлятся на судебные уѣзды (повиты), ихъ во всемъ краѣ имѣется 186: 116 въ Восточной и 70 въ Западной части. Въ политическо-административномъ отношеніи Галиція подѣлена на 81 политическихъ уѣзда (повитовъ) (собственно 79 политическихъ уѣздовъ и двѣ столицы: Львовъ и Краковъ, составляющіе отдѣльныя административныя единицы): на Восточную Галицію приходится 50 уѣздовъ и 1 столица (Львовъ), а на Западную 29 уѣздовъ и 1 столица (Краковъ). Обыкновенно два или три судебныхъ уѣзда составляютъ одинъ политическій (административный) уѣздъ, однако, бываетъ такъ, что политическій уѣздъ состоитъ изъ одного судебнаго уѣзда или же изъ цѣлыхъ четырехъ судебныхъ уѣздовъ. Для пересмотра и оріентировки приводимъ здѣсь перечень судебныхъ округовъ Галиціи и въ скобкахъ названія политическихъ уѣздовъ,

вовскій, бережанскій, золочевскій, стрыйскій, львовскій и самборскій, а также судебные округа: перемышльскій и сяноцкій, однако, сѣверо-западная часть сяноцкаго округа и нѣкоторыя поселенія на западныхъ окраинахъ перемышльскаго округа принадлежатъ уже къ польской этнографической территоріи. Зато въ Западной Галиціи чисто-украинская этнографическая территорія занимаетъ южную часть суд. округа Ясло (14 громадъ суд. уѣзда Дукля, 18 громадъ суд. уѣзда Жмигородъ и 43 громады суд. уѣзда Горлицы) и юго-восточную часть судебнаго округа Новый Санчъ (20 громадъ суд. уѣзда Грибовъ, 8 громадъ суд. уѣзда Новый Санчъ, весь суд. уѣздъ Мушина (23 громады) и 4 громады суд. уѣзда Кросценко), и кромѣ того, нѣсколько громадъ Ряшовскаго суд. округа, расположенныхъ на границѣ съ Восточной Галиціей. Наиболѣе удаленнымъ на западъ украинскимъ поселеніемъ является село Шляхтова, расположенное у истоковъ Дунайца возлѣ венгерской границы; съ этого именно пункта начинается въ Галиціи пограничная этнографическая линія между поляками и украинцами; эта пограничная линія въ Западной Галиціи идетъ черезъ мѣстечко Пивничну возлѣ городовъ Грибова, Горлицъ, Жмигорода, Дукли въ восточномъ направленіи (болѣе или менѣе параллельно главному карпатскому хребту) къ Рыманову, гдѣ переходитъ въ Восточную Галицію и идетъ

которые входятъ въ составъ соотвѣтственныхъ судебныхъ округовъ; округа и уѣзды обозначены названіями главныхъ городовъ. А. Восточная Галиція. I. Суд. округъ Коломыя [полит. уѣзды: 1) Городенка, 2) Снятинъ, 3) Косовъ, 4) Печенижинъ, 5) Коломыя]. II. Суд. округъ Тернополь [полит. у: 6) Залищики, 7) Борщевъ, 8) Чортковъ, 9) Гусятынъ, 10) Теребовля, 11) Тернополь, 12) Скалатъ, 13) Збаражъ]. III. Суд. округъ Станиславовъ [полит. у: 14) Надвирна, 15) Станиславовъ, 16) Товмачъ, 17) Богородчаны, 18) Калушъ, 19) Бучачъ] IV. Суд. округъ Бережаны [полит. у: 20) Бережаны, 21) Пидгайцы, 22) Рогатынъ, часть полит. у. 23) Перемышляны и часть полит. у. 24) Бибрка]. V. Суд. округъ Золочевъ [полит. у: 25) Броды, 26) Зборовъ, 27) Золочевъ, 28) Каменка и часть полит. у. Перемышляны (какъ 23)]. VI. Суд. округъ Стрый [полит. у. 29) Долына, 30) Стрый, 31) Жидачевъ и часть полит. у. 32) Дрогобычъ]. VII. Суд. округъ Львовъ [полит. у: 33) Львовъ городъ, 34) Львовъ уѣздъ, 35) Жовква, 36) Сокаль, 37) Рава, 38) Цѣшановъ, 39) Городокъ и часть полит. у. Бибрка (какъ 24). VIII. Суд. округъ Самборъ [полит. у: 40) Турка, 41) Самборъ, 42) Старый Самборъ, 43) Рудки и часть полит. у. Дрогобычъ]. IX. Суд. округъ Перемышль [полит. у: 44) Яворовъ, 45) Мостыска, 46) Добромыль (часть), 47) Перемышль, 48) Ярославъ]. X. Суд. округъ Сяникъ [полит. у. 49) Лиско, 50) Сянокъ, 51) Березовъ и часть полит. п. Добромыль (какъ 46)]. Б. Западная Галиція. XI. Суд. округъ Ясло [полит. у: 52) Коросно, 53) Горлицы, 54) Ясло и часть полит. п. 55) Пильзно, 56) Стшижовъ)]. XII. Суд. округъ Новый Санчъ [полит. у: 57) Новый Санчъ, 58) Грибовъ, 59) Новый Торгъ, 60) Лиманова]. XIII. Суд. округъ Ряшовъ [полит. у: 61) Ниско, 62) Ланьцутъ, 63) Пшеворскъ, 64) Ряшовъ, 65) Кольбушова, 66) Тарнобжегъ и часть полит. п. Стшижовъ (какъ 56)]. XIV. Суд. округъ Тарновъ [полит. у: 67) Тарновъ, 68) Ропчицы, 69) Домброва, 70) Мелецъ и часть полит. п. Пильзно (какъ 55)]. XV. Суд округъ Вадовичи [полит. у: 71) Вадовичи, 72) Бяла, 73) Мысленичи, 74) Живецъ)]. XVI. Суд. округъ Краковъ [полит. у: 75) Бохня, 76) Величка, 77) Бжеско, 78) Подгурже, 79) Краковъ городъ, 80) Краковъ уѣздъ, 81) Хшановъ].

здѣсь съ востока на сѣверъ возлѣ городовъ Березова, Дынова, Дубецка, а отсюда вдоль границы Западной Галиціи черезъ города Порохникъ и Ярославъ, наконецъ, въ направленіи съ запада на сѣверъ на лѣвый берегъ Сяна возлѣ мѣстечекъ Лежайска и Ульянова вплоть до русской границы, гдѣ поворачиваетъ въ направленіи мѣстечка Щебрешина.

Въ Западной Галиціи на всемъ своемъ протяженіи отъ Шлихтовой до Рыманова эта пограничная этнографическая линія очень ясна и рѣзка, потому что отдѣляетъ однородный комплексъ чисто-украинскихъ общинъ отъ однороднаго комплекса чисто-польскихъ общинъ; тогда какъ къ сѣверу отъ Рыманова, на границѣ Восточной и Западной Галиціи ясной этнографической пограничной линіи между Поляками и Украинцами нѣтъ, а есть скорѣе узкая пограничная полоса, которую составляютъ поселенія со смѣшаннымъ населеніемъ, или хотя и чисто-украинскія поселенія, но въ перемежку съ польскими поселеніями. На этой узкой, длинной пограничной полосѣ расположены около 90 громадъ (въ томъ числѣ около 20 чисто-украинскихъ), которыя польскій статистикъ Бузекъ (Buzek) [1]) причисляетъ къ польской этнографической территоріи, а австрійскій этнографъ Чернигъ (Czörnig) [2]) къ украинской – и въ этомъ причина того, что начиная отъ Рыманова на сѣверъ польско-украинская граница по Чернигу расположена дальше на западъ, чѣмъ по Бузеку.

Если примемъ пограничную этнографическую (языковую) линію согласно съ мнѣніемъ Бузека, то украинская этнографическая территорія въ Галиціи занимаетъ площадь въ 55.338кв. километровъ, 3734 громадъ и 4,697.311 населенія (по переписи 1900 г.) [1]), а въ отношеніи ко всей Галиціи это составитъ 70,5% площади, 60% громадъ и 64,2% населенія страны.

Если же примемъ этнографическую границу согласно съ мнѣніемъ Чернига, зачисляя къ украинской этнографической территоріи пограничную полосу со смѣшаннымъ населеніемъ, то украинская этнографическая территорія въ Галиціи занимаетъ площадь величиной около 56.000 кв. километровъ, около 3820 громадъ и около 4.800.000 жителей (по переписи 1900 г.), что составитъ 71,3% площади, 61,2% громадъ и 65,6% населенія всей Галиціи. Какъ видимъ, различія не очень велики. Мы въ дальнѣйшемъ изложе-

[1]) Rozsielenia ludnosci Galicyi wedlug wyznania i języka, opracował Dr Józef Buzek (tom XXI, zeszyt II, Wiadomosci statystyczuych, wydanych przez Krajowe biuro statystyczne) Lwów 1909.

[2]) Ethnographie der Oesterreichischen Monarchie, Wien 1857.

[1]) Эта украинская этнографическая территорія подѣлена между Западной и Восточной Галиціей слѣдующимъ образомъ:

	Площадь (въ кв. кил.).	Количество громадъ.	Количество населенія (по перепис 1900 г.).
Украинская территорія въ Восточной Галиціи	53.870	3.605	4.624.399
Украинская территорія въ Западной Галиціи.	1.468	129	72.912
Украинская территорія во всей Галиціи.	55.338	3.734	4.697.311
Польская этнографическая территорія въ Галиціи обнимаетъ .	28.134	2.506	2.618.628

ніи будемъ обозначать украинскую этнографическую территорію согласно съ мнѣніемъ Бузека, такъ какъ объемъ, принимаемый имъ, болѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности и для его объема имѣются болѣе точныя вычисленія.

Разумѣется, что украинская этнографическая территорія въ Галиціи заселена не одними только украинцами, но рядомъ съ украинцами живутъ въ ней и люди другихъ національностей, именно Поляки, Евреи и Нѣмцы. Они или разсѣяны среди украинскихъ громадъ, или поселены въ отдѣльныхъ колоніяхъ; съ другой стороны, и на польской этнографической территоріи встрѣчаются спорадическія украинскія поселенія, но ихъ немного и то лишь вблизи этнографической границы — потому что дальше отъ этой границы попадаются уже только отдѣльныя украинскія семьи и особы, въ очень незначительномъ количествѣ разсѣянныя среди польскаго населенія.

При обозначеніи количества населенія будемъ пользоваться данными, собранными при послѣдней переписи 1900 г. [1]). При этой переписи во всей Галиціи насчитано было всего 7.315.939 жителей, изъ нихъ 3.075.543 такихъ, которые во взаимныхъ сношеніяхъ пользуются украинскимъ языкомъ, т. е. украинцевъ, или, какъ ихъ называютъ въ Галиціи, Русиновъ [2]). Однако, это число не совсѣмъ точно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ съ одной стороны неправильно причислены къ украинцамъ 40.475 евреевъ [3]), съ другой стороны около 140.000 украинцевъ неправильво записаны поляками.

Такимъ образомъ въ дѣйствительности количество украинскаго населенія значительно больше, нежели говоритъ офиціальная *статистика*, и въ 1900 г. въ Галиціи было самое меньшее 3.178.000 украинцевъ [4]).

Въ отношеніи къ населенію всей Галиціи украинцы составляютъ по офиціальной статистикѣ 42%, въ дѣйствительности же minimum 43,4%.

Почти все украинское населеніе Галиціи, а именно больше 99% его, живетъ на своей украинской этнографической территоріи и только около 30.000 душъ, т. е. несполна 1%, галицкихъ украинцевъ живетъ на польской этнографической территоріи.

Національный составъ населенія [5]) украинской этнографической территоріи въ Галиціи въ 1900 г. былъ такой:

---

[1]) Результаты этой переписи опубликованы и сопоставлены по громадамъ и уѣздамъ въ правительственной публикаціи: Gemeindelexikon von Galizien. Bearbeitet auf Grund der Ergebnisse der Volkszählung vom 31 Dezember 1900. Herausgegeben von der k.k. Statistichen Zentralkommission. Wien 1907.

[2]) Въ Австріи при переписяхъ,какъ признакъ народности, записывается такъ называемый разговорный языкъ (Umgangssprache).

[3]) Всѣхъ евреевъ было въ Галиціи въ 1900 г. 811.183 душъ; изъ этого числа записано ихъ поляками 621.036, нѣмцами—138.400, украинцами—40.475.

[4]) По вѣроисповѣданію было около 3.070,000 греко-католиковъ, около 106.000 римо-католиковъ, около 1500 православныхъ и около 1000 протестантовъ.

[5]) Въ Австріи евреи офиціально не признаны за особую націю, поэтому они причисляются къ другимъ націямъ. У иностранцевъ оффиціальная австрійская статистика не обозначаетъ національности (разговорнаго языка).

	По оффиціальной статистикѣ:		Въ дѣйствительности: (въ приблизительныхъ числахъ).	
Украинцевъ	3.052.994	(65%)	3.148.000	(67%)
Поляковъ	1.447.330	(31%)	882.000	(19%)
Евреевъ.	—	—	602.000	(13%)
Нѣмцевъ	174.649	(4%)	57.000	(1%)
Прочихъ	5.820	—	8.000	—
Чужестранцевъ.	16.518	—	—	—
Всего населенія . .	4.697.311	(100%)	4,697.000	(100%)

Какъ видимъ, украинцы на своей этнографической территоріи въ Галиціи составляютъ около двухъ третей всего населенія (65% по официальной. статистикѣ, а въ дѣйствительности 67%) и только около одной трети составляютъ представители иныхъ національностей.

Теперь посмотримъ, какъ размѣщается украинское населеніе въ отдѣльныхъ областяхъ края, а для этого пусть послужитъ намъ слѣдующая табличка:

Судебные округа:	Площадь въ квадратныхъ километрахъ.	Число всего населенія въ 1900 г.	Число украинцевъ по оффиціальной переписи 1900 г.	Процентъ въ отношеніи ко всему населенію.	Дѣйствительное число украинцевъ въ 1900 г. по приблизительному подсчету.	Процентъ въ отношеніи ко всему населенію.
1. Коломыя	4.604	406.200	316.132	77,8	317.000	78,0
2. Тернополь	6.828	720.686	431.188	59,8	464.000	64,4
3. Станиславовъ . .	6.972	591.515	413.401	69,9	421.000	71,2
4. Бережаны	4.310	375.400	239.258	63,7	257.000	68,5
5. Золочевъ	5.425	436.217	277.572	63,6	289.000	66,2
6. Стрый.	5.710	324 957	237.860	73,2	241.000	74,2
7. Львовъ	7.774	774.331	393.000	50,8	413.000	53,3
8. Самборъ	4.943	399.598	282.235	70,6	287.000	71,8
9. Перемышль	4.568	474.545	250.464	52,8	261.000	55,0
10. Сянокъ	4.181	310.722	157.184	50,6	158.000	50,8
Вся Восточная Галиція.	55.315	4.814.171	2.998.294	62,3	3.098.000	64,4
Украинская этнографическая территорія Восточной Галиціи. . .	**53.870**	**4.624.399**	**2.988.636**	**64,9**	**3.083.000**	**66,7**
11. Ясло	2.871	289.651	43.840	15,2	44 000	15,2
12. Новый Санчъ . .	4.105	325.667	28.472	8,8	29.000	8,9
13. Ряшовъ	5.346	523.731	4.291	0,8	6.000	1,1

Судебные округа:	Площадь въ квадратныхъ километрахъ.	Число всего населенія въ 1900 г.	Число украинцевъ по официальной переписи 1900 г.	Процентъ въ отношеніи ко всему населенію.	Дѣйствительное число украинцевъ въ 1900 г. по приблизительному подсчету.	Процентъ въ отношеніи къ всему населенію.
14. Тарновъ	3.515	362.139	160	0,1	1.000	0,1
15. Вадовичи	3.668	406.218	77	0,0		
16. Краковъ	3.652	594.362	409	0,1		
Вся Западная Галиція	23.157	2.501.768	77.249	3,1	80.000	3,2
Украинская этнографическая территорія Западной Галиціи . . .	**1.148**	**72.912**	**64.358**	**88,5**	**65.000**	**88,5**
Вся Галиція	78.472	7.315.939	3.075.543	42,1	3.178.000	43,4
Украинская этнографическая территорія всей Галиціи	**55.338**	**4.697.311**	**3.052.994**	**65,0**	**3.148.000**	**67,0**

Изъ этой таблички мы видимъ, что во всѣхъ округахъ Восточной Галиціи Украинцы составляютъ больше половины всего населенія, притомъ въ четырехъ округахъ (Сянокъ, Перемышль, Львовъ и Тернополь) меньше двухъ третей, въ пяти округахъ (Золочевъ, Бережаны, Станиславовъ, Самборъ, Стрый) больше двухъ третей, а въ одномъ округѣ (Коломыя) больше трехъ четвертей всего населенія. Во всѣхъ округахъ, расположенныхъ на югъ отъ Днѣстра, на правомъ его берегу (Самборъ, Стрый, Станиславовъ, Коломыя) численность Украинцевъ превышаетъ 70%; тогда какъ во всѣхъ округахъ на сѣверъ отъ Днѣстра (Перемышль, Львовъ, Золочевъ, Бережаны, Тернополь) численность Украинцевъ не достигаетъ 70% всего населенія. Наибольшій процентъ украинскаго населенія даютъ мѣстности, расположенныя въ горахъ и на горныхъ склонахъ вдоль Карпатскаго хребта, далѣе мѣстности по Днѣстру и на Покутьѣ (между Днѣстромъ и Прутомъ), а также мѣстности, расположенныя на сѣверъ и сѣверо-востокъ отъ Львова (уѣзды: Жовква, Рава и Яворовъ). Самый низкій процентъ украинскаго населенія даютъ бдижайшія окрестности Львова, сѣверное Подолье и мѣстности, расположенныя по Сяну, на границѣ Западной Галиціи. Во всей Восточной Галиціи Украинцы составляютъ по официальной статистикѣ 62,3%, въ дѣйствительности же 64,4% всего населенія.

Въ Западной Галиціи Украинцы составляютъ едва 3,2% всего населенія, занимающаго всю Западную Галицію; но если мы будемъ разсматривать только украинскую этнографическую территорію, находящуюся въ Западной Га-

лиціи, то увидимъ, что на этой территоріи Украинцы составляютъ цѣлыхъ 88,5% всего мѣстнаго населенія; значитъ, это одинъ изъ чистѣйшихъ по своему національному составу украинскихъ уголковъ. Но такъ какъ этотъ уголокъ очень малъ и рѣдко заселенъ, то оказывается, что даже въ тѣхъ округахъ Западной Галиціи, гдѣ находится этотъ украинскій уголокъ, т. е. въ округахъ Ясло и Новый Санчъ, украинцы составляютъ лишь незначительный процентъ всего населенія цѣлыхъ округовъ (Ясло—болѣе 15%, Новый Санчъ—неполныхъ 9%). Въ Ряшовскомъ округѣ попадаются только спорадическія украинскія поселенія, такъ что украинцы составляютъ здѣсь лишь 1% населенія всего округа. Наконецъ въ трехъ слѣдующихъ округахъ Западной Галиціи (Тарновъ, Вадовичи и Краковъ) совершенно не встрѣчаются украинскія поселенія и почти совсѣмъ нѣтъ украинцевъ.

Ознакомившись съ величиной территоріи и количествомъ населенія галицкой Украины, разсмотримъ теперь взаимоотношеніе этихъ двухъ величинъ. Это взаимоотношеніе абстрактно обнаружится въ густотѣ населенія, а конкретно въ количествѣ и величинѣ поселеній (громадъ)—селъ и городовъ.

Въ 1900 г. во всей Галиціи на одинъ квадр. километръ приходилось 93 жителя, въ Восточной Галиціи лишь 87 жит., въ Западной Галиціи цѣлыхъ 112 жит. Уже изъ этого видно, что польская часть Галиціи гуще заселена, чѣмъ украинская, а еще яснѣе проявится эта разница, если будемъ принимать во вниманіе этнографическія территоріи: на украинской территоріи въ 1900 г. на одинъ кв. километръ приходилось 85 жит., на польской—113 жителей.

Точно также находимъ значительныя различія въ густотѣ населенія и по отдѣльнымъ округамъ украинской территоріи, что показываетъ слѣдующая табличка:

Въ 1900 г. на одинъ кв. километръ приходилось въ среднемъ жителей.

Въ суд. округахъ:	Украинцевъ	Пшахъ.	Всѣхъ.
Коломыя	69	19	88
Тернополь	68	38	106
Станиславовъ. . . .	60	25	85
Бережаны.	60	27	87
Золочевъ	53	27	80
Стрый	42	15	57
Львовъ.	53	47	100
Самборъ	58	23	81
Перемышль	57	47	104
Сянокъ	38	36	74
Восточная Галиція. .	56	31	87
Этнографическая Украинская территорія Восточной Галиціи.	57	29	86
Этнографическая Украинская территорія Западной Галиціи.	44	6	50
Этнографическая Украинская территорія въ цѣлой Галиціи.	57	28	85

Изъ этого мы видимъ, что въ отдѣльныхъ округахъ густота украинскаго населенія подвержена меньшимъ колебаніямъ, чѣмъ густота не-украинскаго населенія, и что округа, гуще населенные, имѣютъ вообще высшій процентъ не-украинскаго, пришлаго населенія. Главной причиной этого является то, что не-украинское населеніе концентрируется обыкновенно въ большихъ городахъ, высокая населен-

ность которыхъ увеличиваетъ и густоту всего населенія вообще.

Всѣхъ громадъ (поселеній: селъ, мѣстечекъ и городовъ) во всей Галиціи насчитывается 6240; въ томъ числѣ украинскихъ, т. е. такихъ, въ которыхъ украинцы составляютъ большинство населенія, по оффиціальной статистикѣ—3107 (49,6%), въ дѣйствительности же ихъ 3324 (57,8%).

На украинской этнографической территоріи насчитывается 3734 громады, въ томъ числѣ украинскихъ по оффиціальной статистикѣ 3081 (82,6%), а въ дѣйствительности 3298 (88,4%); оказывается, что и на украинской этнографической территоріи еетъ 436 не-украинскихъ общинъ, т. е. такихъ, въ которыхъ украинцы составляютъ меньшинство, хотя нерѣдко очень значительное; въ свою очередь, на польской этнографической территоріи есть 26 украинскихъ громадъ.

По отдѣльнымъ судебнымъ округамъ это распредѣленіе громадъ представляется въ такомъ видѣ:

Судебные округа:	Количество всѣхъ громадъ.	Количество украинскихъ громадъ по оффиц. стат.:	Процентъ.	Дѣйствительное количество украинскихъ громадъ.	Процентъ.
1. Коломыя	212	205	96,7	211	99,5
2. Тернополь	475	361	76,0	415	87,3
3. Станиславовъ	364	318	87.4	334	91,8
4 Бережаны	323	260	83,6	287	88,9
5. Золочевъ	362	292	80,7	322	88,9
6. Стрый	285	253	88,8	263	92.3
7. Львовъ	562	409	72,8	446	79,3
8. Самборъ	347	304	87,6	316	91,1
9. Перемышль	434	295	68,0	310	71,4
10. Сянокъ	382	270	70,7	280	73,3
Вся Восточная Галиція	3746	2967	79,2	3184	85,0
Украинская этногр. территорія въ Восточной Галиціи	**3605**	**2955**	**82,0**	**3172**	**88,1**
11. Ясло	350	82	23,4	82	23,4
12. Новый Санчъ	405	54	13,3	54	13,3
13. Ряшовъ	419	4	1,0	4	1,0
14. Тарновъ	404	—	—	—	—
15. Вадовичи	308	—	—	—	—
16. Краковъ	608	—	—	—	—
Вся Западная Галиція	2494	140	5,6	140	5 6
Украинская этногр. территорія въ Западной Галиціи	**129**	**126**	**97,7**	**126**	**97,7**
Вся Галиція	6240	3107	49,6	3324	53,2
Вся Украинская этнографическ. территорія въ Галиціи	**3734**	**3081**	**82,6**	**3289**	**88,4**

Изъ этой таблички видимъ, что относительное количество украинскихъ громадъ во всей Галиціи и въ отдѣльныхъ ея областяхъ значительно больше, нежели относительное количество украинскаго населенія: процентъ украинскихъ общинъ значительно выше процента украинскаго населенія. Причиной этого явленія служитъ то, что украинцы составляютъ большинство населенія, главнымъ образомъ, по селамъ, тогда какъ въ городахъ, особенно въ болѣе крупныхъ центрахъ, они находятся въ меньшинствѣ. Количество украинскихъ громадъ больше, но въ нихъ меньше населенія, потому что средняя населенность селъ, конечно, меньше, чѣмъ средняя населенность городовъ.

Городскихъ общинъ во всей Галиціи насчитывается 303, изъ нихъ 190 находятся на украинской этнографической территоріи. Украинскихъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ украинцы составляютъ абсолютное большинство мѣстнаго населенія, насчитывается 53 (изъ нихъ 2 въ Западной Галиціи); городовъ и мѣстечекъ, гдѣ украинцы составляютъ относительное большинство, насчитывается 32, такимъ образомъ всѣхъ украинскихъ городскихъ громадъ имѣется 85 (по оффиціальной статистикѣ лишь 62); всѣ эти украинскіе города и мѣстечка расположены на украинской этнографической территоріи.

Вообще же наибольшій численный перевѣсъ въ городскихъ общинахъ имѣютъ Евреи, далѣе Поляки и самыми малочисленными являются Украинцы. Среди городского населенія всей Галиціи Украинцы составляютъ лишь около 20% (по оффиціальной статистикѣ 19,3%); на украинской этнографической территоріи украинцы составляютъ около 30% (по оффиц. ст. 28,1%) всего городского населенія. Въ болѣе крупныхъ городахъ относительная численность украинскаго населенія еще ниже, нежели въ мѣстечкахъ.

Сельскихъ общинъ насчитывается во всей Галиціи 5937, изъ нихъ 3544 расположены на украинской этнографической территоріи. Украинскихъ сельскихъ громадъ насчитывается 3213 (по оффиц. стат. 3019); всѣ они, за исключеніемъ 26, находятся на украинской этнографической территоріи (по обозн. Бузека). Украинцы составляютъ больше 50% (по оффиц. стат. 48,4%) сельскаго населенія всей Галиціи; на украинской этнографической территоріи украинцы составляютъ около 78% всего сельскаго населенія (по офиц. стат. 75,6%).

Въ 1900 г. во всей Галиціи было 1.578.214 душъ, т. е. около 22% городского населенія и 5.737.725 душъ, т. е. около 78% сельскаго.

Украинскаго городского населенія въ Галиціи было 304.983 душъ, т. е. неполныхъ 10%, а все остальное украинское населеніе 2.775.560 душъ, значитъ, больше 90% размѣщалось по селамъ.

Изъ всего этого мы видимъ, что украинцы—это народъ въ громадномъ своемъ большинствѣ сельскій — въ большей степени, нежели другія народности Галиціи. Это стоитъ въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что украинцы занимаются главнымъ образомъ земледѣліемъ.

Профессіональный составъ галицкаго украинскаго населенія по правительственной переписи 1900 г. былъ слѣдующій:

Украинское населеніе въ Галиціи:

Родъ занятія.	производительное.	непроизводительное.	всего.
Земледѣліе	1.684.980	1.201.289	2.886.269
Промышленность	25.375	44.518	69.893
Торговля и коммуникація . . .	6.618	13.411	20 029
Поденные рабочіе.	9.474	14,043	23.517
Армія.	18.144	197	18.341
Государственные служащіе и духовенство	8.286	15.131	23.417
Либеральныя профессіи	299	296	595
Домашняя прислуга.	15.402	—	15.402
Прочіе	—	22.970	22.970
Всего.	1.768.578	1.311.765	3.080.343

Въ этой табличкѣ въ числа первой колонны вошли не только самостоятельные хозяева и предприниматели, но также рабочіе, помощники и тѣ члены семьи, которые помогаютъ въ хозяйствѣ или въ производствѣ, тогда какъ числа второй колонны показываютъ количество членовъ семьи, не участвующихъ активно въ хозяйствѣ или въ производствѣ (дѣти, старики, калѣки и т. д.).

Въ 1900 г. на каждую 1000 человѣкъ было занятыхъ:

	Изъ 1000 человѣкъ украинскаго населенія.	Изъ 1000 человѣкъ польскаго населенія	Изъ 1000 человѣкъ всего населенія.
Въ земледѣліи	944	737	815
» промышленности.	14	86	57
» торговлѣ	4	46	30
» арміи	10	14	18
На государств. службѣ	5	22	15
Либер. профессіями.	—	2	1
Поденные рабочіе.	5	21	15
Домашняя прислуга	9	33	22
Прочіе	9	39	27
Всего	1000	1000	1000

Это сопоставленіе основано на правительственной статистикѣ, при которой, какъ уже выше было замѣчено, довольно значительное количество украинцевъ было записано поляками, и то больше въ городахъ, чѣмъ въ селахъ, и больше среди не-земледѣльческаго, нежели среди земледѣльческаго населенія. Принимая во вниманіе это обстоятельство, мы увидимъ, что среди галицкихъ украинцевъ процентъ земледѣльческаго населенія, быть можетъ, и не достигаетъ 94,4%, какъ это вытекало бы изъ оффиціальной статистики, но все же составляетъ minimum 92%, такъ что въ промышленности, торговлѣ и въ прочихъ отрасляхъ производства занято украинцевъ maximum 8%.

Національный составъ отдѣльныхъ профессіональныхъ группъ на украинской этнографической территоріи въ 1900 г. былъ таковъ: на 1000 человѣкъ, занятыхъ въ земледѣліи, было около 800 украинцевъ, около 170 поляковъ, около 20 евреевъ и около 10 нѣмцевъ. На 1000 чел., занятыхъ въ промышленности, было около 180 украинцевъ, около 400 поляковъ, около 390 евреевъ и около 30 нѣмцевъ. На 1000 чел., занятыхъ въ торговлѣ и коммуникаціяхъ было около 85 украинцевъ, около 165 поляковъ, около 740 евреевъ и около 10 нѣмцевъ. Среди государственныхъ служащихъ на 1000 чел. было около 210 украинцевъ, около 510 поляковъ, около 250 евреевъ и около 30 нѣмцевъ. Среди людей, занятыхъ свободными профессіями (адвокаты, доктора, артисты, литераторы и т. д.), на 1000 чел. было около 85 украинцевъ, около 400 поляковъ, около 500 евреевъ и около 15 нѣмцевъ.

Изъ всего этого мы видимъ, что, кромѣ земледѣлія, во всѣхъ остальныхъ отрасляхъ производства украинцы очень слабо представлены, что, слѣдовательно, профессіональная дифференціація украинскаго населенія очень мало развита.

Также слабо развита и *соціальная дифференціація* украинскаго населенія. На 1000 человѣкъ производительнаго *украинскаго* населенія было: 291 чел. *самостоятельныхъ* хозяевъ и предпринимателей, 570 чел. членовъ семьи, *помогающихъ въ производствѣ своимъ родителямъ*, и только 139 чел., работающихъ *въ чужомъ* хозяйствѣ или предпріятіи (т. е. рабочихъ, подмастерьевъ, оффиціантовъ, помощниковъ и т. д.). Тогда какъ на 1000 чел. *польскаго* производительнаго населенія было 290 самостоятельныхъ хозяевъ и предпринимателей, 430 членовъ семьи, помогающихъ въ производствѣ своимъ родителямъ, и 280 человѣкъ работающихъ въ *чужомъ* хозяйствѣ.

Значитъ, украинское населеніе меньше спролетаризовано, нежели польское.

Интересна пропорція производительнаго населенія къ непроизводительному.

На 10000 чел. производительнаго населенія приходится непроизводительнаго: среди украинцевъ лишь 735 чел., среди поляковъ 960, среди евреевъ цѣлыхъ 2037, среди всего населенія (въ среднемъ) 863 чел.

Эти пропорціи находятся въ связи съ количественнымъ соотношеніемъ различныхъ возрастныхъ категорій (дѣти, подростки, взрослые, старики) и съ количественнымъ соотношеніемъ обоихъ половъ (мужчинъ и женщинъ) у различныхъ народовъ.

По переписи 1900 г. насчитывалось въ Галиціи 3 милліона 618 тысячъ мужчинъ и 3 милліона 697 тысячъ женщинъ, значитъ, на 1000 приходилось 1022 женщины. Однако, среди украинскаго населенія было 1 милліонъ 542 тысячи мужчинъ и 1 милліонъ 533 тысячи женщинъ, значитъ, на 1000 мужчинъ приходилось только 994 женщины. Тогда какъ у поляковъ на 1000 мужчинъ приходилось 1040 женщинъ, у евреевъ даже 1064 женщины. Во всякомъ случаѣ, эти природные факторы играютъ лишь незначительную роль, потому что у всѣхъ трехъ народностей, населяющихъ Галицію, какъ у Евреевъ, такъ и у Украинцевъ и Поляковъ, мальчиковъ родится больше, чѣмъ дѣвочекъ, но зато и умираетъ мальчиковъ больше, чѣмъ дѣвочекъ; однако, въ зрѣломъ и въ старческомъ возрастѣ женщинъ умираетъ больше, чѣмъ мужчинъ.

Оставляя въ сторонѣ разницу половъ, мы должны констатировать тотъ фактъ, что рождаемость и смертность у различныхъ народностей, населяющихъ Галицію, весьма неодинакова. Наибольшая рождаемость наблюдается у украинцевъ (46,9%), меньшая у поляковъ (42,3%) и наименьшая у евреевъ (41,2%); зато и смертность наибольшая у украинцевъ (33,4%), меньшая у поляковъ (27,5%) и наименьшая у евреевъ (21,0%); при этомъ процентъ смертности даетъ большіе различія, чѣмъ процентъ рождаемости; вслѣдствіе этого естественный приростъ населенія наибольшій у евреевъ (20,2%), меньшій у поляковъ (15,1%) и наименьшій у украинцевъ (13,5%). Но въ то же время заграничная эмиграція была наибольшая у евреевъ, меньшая у поляковъ и наименьшая у украинцевъ, благодаря чему фактическій приростъ населенія за десятилѣтіе съ 1890 г. до 1900 г. составлялъ въ среднемъ: у украинцевъ 11,4%, у поляковъ 11,6%, у евреевъ лишь 5,3%.

Въ послѣднія десятилѣтія уменьшалась смертность среди украинскаго населенія, и увеличился его естественный приростъ, но зато увеличилась заграничная эмиграція, такъ что въ результатѣ фактическій приростъ украинскаго населенія въ Галиціи подвергается весьма незначительнымъ измѣненіямъ.

Фактическій приростъ украинскаго населенія за десятилѣтіе 1880—1890 г.г. составлялъ 11,2%, за десятилѣтіе 1890—1900 г.г.—11,4%. Если предположимъ, что приростъ его былъ такой же самый и за десятилѣтіе 1900—1910 г.г., то придемъ къ заключенію, что теперь (къ концу 1910 г.) численность украинскаго населенія въ Галиціи достигаетъ до 3.540.000 душъ.

В. Охримовичъ.

Буковина.

Украинская этнографическая территорія на Буковинѣ на сѣверѣ и на западѣ сходится съ украинской этнографической территоріей въ Галиціи, на востокѣ съ украинской этногр. территоріей въ Россіи (съ сѣверной частью Бессарабіи), а на югѣ граничитъ съ румынской (волошской) этнографической территоріей — и занимаетъ всю сѣверную и сѣверо-западную Буковину, а именно: системы рѣкъ Днѣстра, Прута съ Черемошемъ и лѣвобережную систему Серета, а также нѣсколько громадъ на правомъ его берегу и надъ истоками Молдавы, Молдавицы и Сучавы.

Буковина раздѣляется на два судебные округа: Черновецкій на сѣверѣ и Сучавскій на югѣ.

Къ украинской этнографической территоріи принадлежитъ почти весь Черновецкій судебный округъ, а именно: полит. у. Черновцы-городъ, Черновцы-уѣздъ, Заставна, Кицманъ, Вашковцы и Выжныця цѣликомъ, сѣверная половина полит. уѣзда Сторожинецъ и значительная часть полит. уѣзда Серетъ. Изъ Сучавскаго судебнаго округа принадлежитъ къ украинской этнографической территоріи лишь западная часть политическаго уѣзда Радовцы (суд. у. Селешинъ) и нѣкоторыя громады въ сѣверной части пол. у. Кимполюнгъ и въ сѣверной части пол. у. Сучава. Въ полит. уѣздѣ Гура—Гумора нѣтъ ни одной украинской громады.

Вообще же весь Сучавскій судебный округъ, равно какъ и южная половина полит. уѣзда Сторожинецъ и часть полит. уѣзда Серетъ составляютъ румынскую этнографическую территорію.

Вся Буковина занимаетъ площадь величиной въ 10.442 кв. километра, имѣетъ 336 громадъ (городовъ и селъ) и насчитывала въ 1900 году 730.195 чел. жителей.

Всѣхъ украинцевъ было на Буковинѣ въ 1900 году 297.798 чел., что составляетъ 40,8% всего буковинскаго населенія [1]). Украинскихъ громадъ насчитывается 177, что составляетъ 52,7% всѣхъ буковинскихъ громадъ.

Украинская этнографическая территорія на Буковинѣ занимаетъ площадь величиной около 5200 кв. километровъ (т. е. ровно половину Буковины) и размѣщалось на ней въ 1900 г.

[1]) Кромѣ того было: 31,4% Румынъ, 13,2% Евреевъ, 9,0% Нѣмцевъ, 3,6% Поляковъ, 1,2% Мадьяръ.

около 440 тысячъ жителей (т. е. 60% населенія всей Буковины); изъ этого числа украинцевъ было около 290 тысячъ, что составляетъ около 66% или двѣ трети всего мѣстнаго населенія.

Вообще же демографическія и соціальныя отношенія буковинскихъ украинцевъ подобны тѣмъ, какія мы видѣли у галицкихъ украинцевъ.

Такъ какъ для Галиціи мы дали статистическія таблицы по судебнымъ округамъ, то и здѣсь даемъ подобное сопоставленіе для Буковины.

Буковина:

Судебный округъ:	Площадь въ кв. киломъ.:	Всего населенія душъ:	Украинцевъ:	%
Черновцы [1])	4.942	474.167	268.851	56,7
Сучава [2])	5.500	256.028	28.947	11,3
Буковина	10.442	730.197	297.798	40,8

Судебный округъ.	Число всѣхъ громадъ.	Число украинскихъ громадъ.	%
Черновцы . . .	206	152	73,8
Сучава	130	22	16,9
Буковина . . .	336	177	52,7

На одинъ кв. километръ приходится:

Въ суд. округѣ.	Украинцевъ.	Прочихъ.	Всего населенія.
Черновцы . . .	54	42	96
Сучава	5	42	47
Буковина . . .	29	41	70

[1]) Полит. уѣзды: Черновцы городъ, Черновцы уѣзд., Кицмань, Заставна, Вашковцы, Выжница, Сторожинецъ, Серетъ.

[2]) Полит. уѣзды: Сучава, Радовцы, Гура-Гумора, Кимполюнгъ.

В. Охримовичъ.

Угорская Русь.

Это—самая окраинная часть Украины, какъ съ точки зрѣнія географической, такъ исторически-политической и національно-культурной. Угорская Русь не принимала, да и теперь почти не принимаетъ никакого активнаго участія въ жизни украинскаго народа; даже не пассивность, а полная отчужденность является ея характерною чертою. Небольшое количество закарпатскихъ украинцевъ, въ общественно-хозяйственномъ отношеніи не вышедшее еще по большей части изъ весьма примитивнаго состоянія, политически отрѣзано не только отъ главнаго ствола Украины—Руси, но также и отъ Галиціи; въ настоящее время оно сохранило лишь церковные обряды и тѣсно связанное съ нимъ названіе, какъ общую нить съ цѣлымъ, не успѣвъ до сихъ поръ совершенно или почти совершенно оставить хоть какой-нибудь замѣтный слѣдъ въ области политическаго и культурнаго прогресса, по сравненію съ общей массою украинскаго народа. Причины этого, историческія и современныя, совершенно конкретны и очевидны. Что касается настоящаго, то оно станетъ яснымъ изъ нижеслѣдующаго краткаго обзора.

Область и территорія. Угорская Русь не представляетъ географической цѣльности, хотя, какъ область, имѣетъ свои оригинальныя особенности. Занимаетъ она весь южный склонъ среднихъ Карпатъ по линіи, идущей отъ водораздѣла р.р. *Дунайца* и *Попрада* —на востокѣ (крайнее село сплошной территоріи Вел. *Лыпныкъ* лежитъ на 38°10′ вост. долготы отъ Ферро) до водораздѣла р.р. *Черемошей* и Вышавы—на западѣ (*с. Руськова* на 47°47′ сѣверной широты). Пространство это тянется на какихъ-нибудь 350 километровъ по прямой линіи, а по главному хребту Карпатъ—значительно больше. Оно соотвѣтствуетъ общей растянутости массы украинскаго населенія въ этихъ горахъ: западный конецъ тѣсно соединенъ съ самымъ отдаленнымъ пунктомъ украинской колонизаціи на галиційской сторонѣ (с. Шляхтова); только на востокѣ, по галиційской и буковинской сторонѣ, украинская территорія подвинута далѣе къ юго-востоку до самой р. *Золотой Бастрыцы* на какихъ-нибудь 60 километровъ. Ширина угро-руської этнографической полосы неодинакова на всемъ пространствѣ; вообще она соотвѣтствуетъ галиційской: болѣе узка на западѣ, шире на востокѣ. Укра-

инское населеніе заняло долины главнымъ образомъ правыхъ притоковъ р. Тысы, лѣвые же заняты лишь отчасти: только одна крайняя западная часть лежитъ въ долинахъ *Попрада* и *Дунайца*. Всю украинскую территорію можно раздѣлить на двѣ части: восточную и западную. Граница между ними подходитъ близко къ меридіану г. *Унгвара* (водораздѣлъ р.р. *Уга*, *Цыроки* и *Рыбницкаго*). Къ востоку отъ этой линіи простирается компактная украинская территорія, лишь немного разорванная,—пространствомъ до 10.500 квадратныхъ километровъ [1]).

Западная часть ужъ не такъ однородна и слагается изъ двухъ большихъ группъ: одна изъ нихъ—по теченію р. Топля, пространствомъ около 2.700 кв. килом. [2]), другая—дальше на западъ,—значительно меньше (около 1.300 кв. килом.), сильно разорванная, съ весьма неодинаковою шириною (5—30 килом.), и связана съ предыдущею лишь незначительною полосою (повыше г. *Бардіева*). Дѣленіе Угорской Руси на восточную и западную (отчасти даже дѣленіе этой послѣдней) явилось слѣдствіемъ не только конфигураціи этнографической территоріи; оно тѣсно связано съ исторіей колонизаціи Карпатъ вообще, а украинской — спеціально, и подтверждается языковыми и этнографическо-культурными отличіями отдѣльныхъ группъ (напр. упомянутая граница возлѣ Унгвара отдѣляетъ говоры съ перемѣннымъ удареніемъ на востокѣ отъ говоровъ съ постояннымъ удареніемъ на западѣ).

Болѣе подробное обозначеніе этнографической территоріи удобнѣе всего сдѣлать по рѣчнымъ долинамъ, занятымъ украинцами. Такимъ образомъ—восточная часть Угорской Руси охватываетъ: всю верхнюю часть р. *Тысы* вплоть до с.с. *Корчунивъ* и *Мажова*, невдалекѣ отъ г. *Сыгота*; изъ лѣвыхъ притоковъ ея являются цѣликомъ украинскою р. *Била Тиса*, а также нижняя часть р. Вышовы съ притоками р.р. *Руською*—съ одной стороны—и *Руномъ*—съ другой. За исключеніемъ этого мѣста, внизъ по теченію р. Тысы украинская территорія переходитъ на лѣвый берегъ только въ нѣсколькихъ пунктахъ: небольшимъ выступомъ насупротивъ устья праваго притока ея—р. Торца (с. Ремета), другимъ, большимъ,—въ колѣнѣ р. Тысы напротивъ праваго притока ея р. Агъ (9 сельскихъ обществъ) и третій разъ—немного ниже 4 сельскихъ общества). Далѣе главная украинская территорія не только не переходитъ уже на южную сторону *Тысы*, но даже отходитъ отъ нея на сѣверъ. Правые притоки *Тысы* заселены украинцами въ такомъ видѣ: вся *Кисва* и *Шогурна*; верхняя и нижняя *Апшыця*; весь *Торэць*; *Талиборъ*—кромѣ самого устья; весь *Великій Агъ* и рѣчки между нимъ и *Тала* боромъ; вся верхняя *Боршова* съ *Иршавою*, вплоть до соединенія съ рѣчкою *Салвою*, и двѣ степныя рѣчки на западъ отъ послѣдней (*Ворочанськый* и *Быка*); *Латорыця* съ притоками до мѣста, гдѣ соединяется съ нею *Стара* (около с.

[1]) Ширина этой части украинской этнографической территоріи отъ галиційской границы равняется 70 (по меридіану Мункачева)—100 (по меридіану Н. Верецкихъ) километровъ.

[2]) Своею формою эта часть напоминаетъ большой равносторонній треугольникъ, брашенный вершиною къ югу и соединенный съ восточною частью довольно узкой полосою: ширина ее [illegible]00 километровъ.

Лучокъ украинское населеніе входитъ отчасти снова въ бассейнъ р. *Борши (Боршовы)*; притоки *Старой—Старый* и *Солотвынськый* — цѣликомъ украинскіе; *Выганськый* — только въ верхнемъ и среднемъ теченіи, а двѣ сосѣднихъ рѣчки только въ самыхъ истокахъ (с. Корытняны); *Угъ* до самого *Унгвара* почти чисто украинскій.—Западная Угорская Русь охватываетъ: верховья притока р. Уги—*Собранецькаго потока* (1 сельское общество украинское, 4—украинско-словацкихъ) и *Порубськаго* (1 общество украинско-словацкое); *Лаборецъ* и его лѣвые притоки до линіи: с.с. *Берестивъ-Рокытивъ* (надъ *Вправою)—Зубне* (надъ *Удавою)*, съ небольшимъ выступомъ на юго-западъ подъ *Лаборецъ* (2 общества),—*Пыхне* (надъ *Пчолынкою)—Стажынъ* (надъ *Вырокою)—Валашквци* (надъ *Кашэныцей)*; *Ондава*—до линіи: *Детрикъ — Валкивъ—Грабовецъ — Пыскоривци — Рогожныкъ—Руська Кайня* (надъ *Олькою*); *Топля* образуетъ приблизительно западную границу средней полосы Угорской Руси, на пространствѣ отъ *Петковцевъ* (на высотѣ *Пряшева*) до *Биловежи* и *Андрейовы* (на востокъ отъ *Бардіева*); украинскія верховья ея притоковъ *Яруги* и *Свержова* (около самой границы Галиціи) соединяютъ среднюю полосу съ крайней западной; эта послѣдняя охватываетъ въ свою очередь: верховья Топли (до с. *Куривъ*) и *Торысы*, притока *Гернада* (до с. *Штельбахъ*), горный хребетъ между этими рѣками (9 сельск. обществъ на сѣверъ отъ *Собинова*) и часть бассейна р. *Попрада* по линіи: *Годэрмаркъ* (надъ *Ломныцькимъ*)—Якубьяны (надъ *Якубьянськимъ*)—Громошъ—*Пустеполе-Ястребъ* (съ правой стороны) и *Орливъ-Уякъ-Гайтинкы-Матысова-Орябына-Каминкы* (по лѣвой); наконецъ, 2 общества, принадлежащихъ къ бассейну р. *Дунайца* (надъ *Лыпнъковою*).

Эта замкнутая этнографическая территорія Угорской Руси занимаетъ пространство въ 14.500 кв. километровъ. Сосѣдями украинцевъ на этой главной территоріи являются: румыны—отъ буковинской границы и до р. *Батаръ* (притокъ *Тура*); венгерцы—тсюда и до *Унгвара*; словаки—отъ этого же пункта до самого бассейна р. *Попрада* [1]); наконецъ, поляки—надъ *Попрадомъ* и *Дунайцемъ;* въ двухъ пунктахъ около *Мункачева* и *Кежмарка* (надъ *Попрадомъ*) примыкаютъ двѣ замкнутыхъ нѣмецкихъ территоріи [2]).

Въ государственно административномъ отношеніи Угорская Русь не представляетъ единаго цѣлаго. Правда, 98,5% украинцевъ живетъ въ королевствѣ *Венгріи*, а только 1,5% въ *Хорватіи-Славоніи*, однако ни одна венгерская «столыця» (комитатъ) не является чисто украинской. Главную этнографическую территорію составляютъ слѣдующія столыци: *Мараморошъ* (Máramoros megye)—61% его пространства, остальная часть населена румынами; *Береть* (Bereg megye)—

[1]) Сосѣдство съ словаками создало особый этническій переходной типъ, по поводу котораго въ свое время велся ученый споръ относительно того, куда его причислять. Это т. назыв. восточная словацкая группа, а въ ея языкѣ дѣйствительно много украинскихъ элементовъ (наряду съ польскими).

[2]) Подробнѣе см. при моей „Етнографічні корні Угорської Руси", Спб., 1910 (оттискъ изъ т. III „Статей по славяновѣдѣнію", изд. И. Академіи Наукъ).

55%, остальная часть—венгерская и отчасти нѣмецкая; *Угоча* (Ugocsa megye)—35%, остальная часть—венгерская; *Угъ* (Ung)—62%, остальная часть—венгерская и словацкая; *Земплынъ* (Zemplén) — 29%, остальная часть—венгерская; *Шарышъ* (Sáros)—38%, остальная часть — словацкая; *Спышъ* (Szepes) — 13%, остальная часть—словацкая, польская, а отчасти нѣмецкая. Кромѣ этой главной украинской территоріи есть еще украинскіе острова среди венгерцевъ и словаковъ въ *Земплынъ* (8 обществъ), *Спышъ* (7), *Шарышъ* (5), *Бэрэгъ* (1), *Сатмаръ* (Szatmár megye) (1), *Боршодъ* (Borsod) (1) и *Бачъ-Бодрогъ* (Bács-Bodrog, въ южной Венгріи) (2), наконецъ—въ *Сремѣ* (Szerem)—въ Славоніи (1 общество).

Украинскія колоніи, кромѣ упомянутыхъ столицъ, разсыпаны еще въ *Саболчъ* (Szábolcs), *Бигаръ* (Bihar), *Абауй-Торнъ* (Abauj-Torna), *Арадъ* (Arad), *Крышовъ* (Krassó-Szörény) и въ *трансильванскихъ* комитатахъ.

Статистика. Точныхъ данныхъ о количествѣ венгерскихъ украинцевъ дать невозможно, такъ какъ венгерскія переписи населенія грѣшатъ большими ошибками и тенденціозностью. Въ 1900 году оффиціально насчитывалось 429.447 душъ, однако это число необходимо повысить по крайней мѣрѣ до 450.000; если же взять всѣ общества, гдѣ господствуетъ украинскій языкъ, то на одной только главной территоріи насчитаемъ свыше 500.000 душъ, которыя съ этнографической точки зрѣнія можно признать украинцами. Приведенная ниже таблица заключаетъ данныя относительно количества и размѣщенія венгерскихъ украинцевъ по комитатамъ на основаніи переписи 1900 года:

Такимъ образомъ угорскіе украинцы заселяютъ 686 общинъ, на пространствѣ $2^1/_2$ милліоновъ морговъ (болѣе 14.300 кв. километровъ), съ населеніемъ болѣе 500.000 душъ; при томъ одна только главная территорія насчитываетъ 680 обществъ (661 украинское и 19 иноплеменныхъ) съ пространствомъ—болѣе $2^1/_2$ милліоновъ морговъ (2.526.494, т. е. 14.500 кв. килом.) и $^1/_2$ милліономъ жителей (505.294), изъ котораго около 90% принадлежитъ къ украинской народности. Чужихъ острововъ на украинской территоріи—19, на 146.572 моргахъ, съ 12.868 ч. жителей; кромѣ того, 25 украинскихъ острововъ разбросано на чужихъ территоріяхъ (100.234 морговъ и 24.865 ч. жителей). Густота населенія главной территоріи достигаетъ всего 34 жителей на 1 кв. километръ—при почти 60 для цѣлой Венгріи. Разницу эту слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Угорская Русь представляетъ область чисто-горную; даже въ отдѣльныхъ столицахъ низменныя части ихъ заселены главнымъ образомъ чужими народностями, а горныя украинцами.

Вышеупомянутыя особенности данныхъ государственныхъ переписей—тенденціозность и неправильность—приводятъ къ тому, что добытыя ею цифры, относящіяся къ полу, возрасту, соціальной структурѣ, просвѣщенію и т. п., не имѣютъ научной цѣнности. Приведемъ, однако, нѣсколько данныхъ приблизительной достовѣрности для общей оріентировки. Количество *мужчинъ* и *женщинъ* среди украинцевъ почти одинаково, съ небольшимъ перевѣсомъ

Край.	Комитаты.	Количество украинцевъ. По официальнымъ даннымъ.		Въ дѣйствительности.		Украинскихъ обществъ.		Ихъ пространство въ моргахъ.		Ихъ населеніе.	
			%		%		%		%		%
Верхняя.	Мараморошъ . .	143.379	46,4	144.200	46,7	98	62,0	1.028.980	60,9	173.986	56,0
	Берегъ . .	95.084	45,8	100 000	48,2	162	66,4	363.460	55,3	109.252	52,4
	Угоча. . .	32.707	39,3	33.700	40,5	33	47,0	72.569	34,5	37.461	44,9
	Угъ. . . .	55.556	36,6	58.000	38,2	90	43,0	346.368	61,7	68.165	44,5
	Земплинъ .	34.816	10,6	38.000	11,6	132	29,2	314.061	28,8	48.009	14,6
	Шарышъ .	33.937	19,7	39.000	22,5	144	37,8	239.406	37,8	47.995	27,5
	Спышъ . .	13.913	8,2	16 000	9,4	22	10,7	82.383	12,9	20.455	11,8
	Сатмаръ .	270	0,0	15.000	0,4	1	0,5	6.399	0,5	1.385	0,3
	Боршодъ .	16	0,0	400	0,1	1	0,5	2.143	0,3	341	0,1
	Бачъ-Бодрогъ . .	10.036	1,3	10.000	1,3	2	1,5	20.892	1,1	9.188	1,2
	Остальныя	2.134	0,0	5.000	0,0	—	—	—	—	—	—
Венгрія.		423.159	2,5	445.800	2,7	685	5,4	2.476.661	5,5	516.237	3,7
Хорватія-Славонія.	Срѣмъ . .	4.343	1,1	4.400	1,1	1	0,6	3.495	0,2	1.054	0,2
	Прочія . .	323	0,0	300	0,0	—	—	—	—	—	—
Во всѣхъ областяхъ венгерской короны (съ войскомъ). . .		429.447	2,2	452.500	2,7	686	5,1	2.480.156	4,4	517.291	2,7

женщинъ (3%); въ восточной части мужчинъ нѣсколько больше, на западѣ же преобладаютъ женщины вслѣдствіе развитой здѣсь эмиграціи на заработки въ Америку. Вообще женщины преобладаютъ въ возрастѣ до 15 лѣтъ, затѣмъ количество ихъ сравнительно уменьшается, въ возрастѣ 30—60 лѣтъ находясь въ отношеніи къ мужчинамъ, какъ 15 : 16, а въ болѣе преклонномъ—какъ 11 : 14. *Брачные союзы* развиты весьма сильно: составляя 2,7% всего населенія Венгріи, украинцы даютъ до 4,5% всѣхъ брачныхъ союзовъ страны. *Рождаемость* среди украинскаго населенія—наибольшая въ цѣлой Венгріи (20,7% мальчиковъ и 20,9% дѣвочекъ при 19% у венгерцевъ и др.). Однако, въ дальнѣйшемъ возрастѣ

украинцы теряютъ перевѣсъ: до 30 года жизни они преобладаютъ, а затѣмъ относительное количество ихъ падаетъ и они оказываются на послѣднемъ мѣстѣ (идутъ впередъ нѣмцы, мадьяры, румыны и др.). Въ отношеніи количества рожденій и смертности Угорская Русь также представляется наилучшее во всей Венгріи. Если для всей страны *естественный приростъ* въ 1890—1900 г.г. былъ 11,2%, то въ украинскихъ мѣстностяхъ этотъ приростъ доходитъ до 20%.

Главнымъ *занятіемъ* украинцевъ является, очевидно, земледѣліе и вообще сельское хозяйство,—оно доставляло средства къ существованію 99% населенія (95%—независимо отъ народности); иныя занятія такъ слабо распространены, что въ соціальной структурѣ не играютъ почти никакой роли. Что касается *землевладѣнія*, то крупныя владѣнія занимаютъ 0,2%, среднія хозяйства—0,6%, мелкія—99% всего количества; по величинѣ эти категоріи стоятъ въ отношеніи другъ къ другу, какъ 50%, 5% и 45%. Техника и культура земледѣлія преимущественно примитивна, особенно на сѣверѣ и востокѣ. Въ отношеніи *просвѣщенія* венгерскіе украинцы стоятъ на послѣднемъ мѣстѣ по сравненію съ другими народами: читать и писать умѣло едва 7% мущинъ и 4% женщинъ, только читать—1,5% мужчинъ и 2% женщинъ; взрослыхъ неграмотныхъ—41% мужчинъ и 45% женщинъ. На первомъ мѣстѣ изъ венгерскихъ народностей стоятъ въ этомъ отношеніи нѣмцы, затѣмъ венгерцы, даже румыны стоятъ впереди украинцевъ. Говорить по-венгерски умѣло около 25 тысячъ украинцевъ, а немногимъ меньшее количество венгерцевъ (обвенгерившихся украинцевъ) знало украинскій языкъ. Украинскихъ, или, скорѣе, украинско-венгерскихъ сельскихъ приходскихъ школъ было около 500, всѣ же остальныя—чисто-венгерскія. Изъ общаго количества дѣтей, обязанныхъ по закону посѣщать школы, въ дѣйствительности—около 40% ихъ не посѣщали.—Что касается *религіозной принадлежности*, то почти всѣ венгерскіе украинцы - греко католики (уніаты) и принадлежатъ къ двумъ епархіямъ: мункачевской и прящевской, подчиненныхъ римо-католическому архіепископу - примасу въ Егерѣ.

Вообще господствующія въ литературѣ воззрѣнія, по которымъ Угорская Русь денаціонализируется и вымираетъ, нужно признать не только преувеличенными, но и просто невѣрными. Наоборотъ: украинцы въ Венгріи *непрерывно растутъ и абсолютно и относительно* Денаціонализируется только интеллигенція, колоніи и острова среди чужихъ и лишь весьма слабо этнографическія границы; процессъ денаціонализаціи объясняется сравнительно болѣе низкой культурностью по сравненію съ сосѣдями и представляетъ вообще естественное явленіе; съ другой же стороны замѣчаются и обратные факты. Изъ денаціонализировавшихся *колоній* произошла теперешняя категорія словаковъ и венгерцевъ «руської віри», т. е. греко католическаго исповѣданія.

С. Томашевскій.

Этнографическія особенности украинскаго народа.

Понимая этнографію, какъ науку о народномъ бытѣ — внѣшнемъ и внутреннемъ, мы имѣемъ въ виду отмѣтить бытовыя особенности украинскаго племени и сопоставить ихъ съ такими же особенностями другихъ, особенно сосѣднихъ народовъ.

Бытовыя особенности каждаго народа представляютъ собою результатъ его коллективной дѣятельности, направленной къ удовлетворенію своихъ жизненныхъ потребностей. Экономическая сторона этой дѣятельности составляетъ задачу отдѣльной отрасли знанія, тѣ же формы, какія принимаетъ какъ сама эта дѣятельность, такъ и ея результаты въ видѣ бытовыхъ предметовъ, а также психическихъ и соціальныхъ явленій — подлежатъ научному изслѣдованію въ области этнографіи. Подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ—расы, окружающей среды, традиціи и, наконецъ, культуры, каждый народъ создаетъ эти предметы и эти явленія по своему и тѣмъ оригинальнѣе, чѣмъ самъ онъ цѣльнѣе какъ расовая и общественная группа.

Мы должны будемъ, слѣдовательно, для характеристики бытовой жизни украинскаго народа разсмотрѣть способъ добыванія имъ сырыхъ матеріаловъ, его технику, его пищу, жилища, домашнюю обстановку и одежду, его вѣрованія, его обычаи и обряды, его общественныя и правовыя понятія и наконецъ его знанія, поскольку они являются вполнѣ народными, т. е. независимыми отъ непосредственнаго вліянія школьной науки.

Само собою разумѣется, обозрѣніе всѣхъ этихъ сторонъ быта украинскаго народа можетъ быть сдѣлано нами здѣсь только въ предѣлахъ и нашихъ знаній и настоящаго изданія. Этнографическія свѣдѣнія объ Украинѣ еще очень немногочисленны, а изслѣдованія въ этомъ направленіи почти не вышли еще изъ фазиса собиранія матеріаловъ, да и эти послѣдніе собраны еще далеко не исчерпывающимъ образомъ. Вслѣдствіе односторонняго пониманія задачъ и содержанія этнографіи, въ дѣятельности украинскихъ этнографовъ преобладало до самаго послѣдняго времени увлеченіе лингвистикою и произведеніями устной народной словесности (фольклоромъ),

въ ущербъ изученію такъ наз. матеріальнаго быта. Въ семи большихъ томахъ «Трудовъ экспедиціи» Чубинскаго, наиболѣе обширномъ сборникѣ по этнографіи Украины, матеріальному быту отведено всего 77 страницъ. Спеціальныя изслѣдованія народной техники еще очень немногочисленны (Зарѣцкій, Лисенко, Рябковъ и др.). Да и тѣ обязаны своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ заботамъ земствъ о развитіи сельской промышленности. Научная разработка собранныхъ уже этнографическихъ матеріаловъ, можно сказать, почти еще не начата, если не считать нѣсколькихъ статей по постройкамъ, по церковной архитектурѣ, по орнаментамъ, музыкѣ, свадебнымъ обрядамъ и пр. Изъ существующихъ научныхъ періодическихъ изданій украинской этнографіи посвящены только «Матеріяли до українсько-руської етнольогії», издающ. во Львовѣ. Затѣмъ довольно много матеріаловъ дали «Харьковскій Сборникъ», «Кіевская Старина» Wisła и другія аналогичныя изданія [1]).

I. **Охота** [2]). Между способами удовлетворенія жизненныхъ потребностей наиболѣе элементарными и примитивными являются охота и рыбная ловля. Онѣ разумѣется и составляли главный источникъ добыванія пищи и одежды украинцевъ и въ доисторическія времена и довольно долго въ началѣ историческихъ. Племена, населявшія Украину въ глубокой древности, оставили на своихъ стоянкахъ возлѣ рѣкъ и на днѣ своихъ примитивныхъ землянокъ не малое количество слѣдовъ своего охотничьяго существованія. Обломки костей въ палеолитическихъ стоянкахъ показываютъ намъ, что наиболѣе древніе обитатели нашей страны питались еще мясомъ мамонта и носорога, убивали мускусныхъ быковъ, дикихъ лошадей, первобытныхъ быковъ, сѣверныхъ оленей, полярныхъ зайцевъ и т. п. Населеніе неолитической эпохи уже не застало большинства этихъ животныхъ, вымершихъ или переселившихся далеко на сѣверъ; на его долю достались уже зубры, лоси, благородные олени, лошади, бобры, дикіе кабаны, медвѣди, рыси и пр. Но оно привело съ собою животныхъ уже одомашненныхъ—быка, овцу, козу, ку-

[1]) *Общія соч. по украинской этнографіи: Ригельманъ*, Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи; *Бантышъ-Каменскій*, Исторія Малой Россіи, изд. 3. М. 1842; *Шафонскій*, Черниговскаго намѣстничества топографич. описаніе; Кіевъ. 1851; *Аранда-ранко*, Записки о Полтавской губерніи, Полава, 1846—1852; *Gołębiowski*. Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony, Warszawa, 1830; *Nowosielski*, Lud ukraiński, Wilno, 1857; *Чубинскій П. П.*, Труды экспедиціи т. VII, Спб. 1877 г.; *Лопачевскій-Купчанко* — Буковина (Зап.-Ю.-З. Отд. И. Р. Географ. Общ. т. II, Кіевъ, 1875); *Osk. Kolberg*, Pokucie, Kraków, 1882; *Шухевичъ*, Гуцульщина (Матер. до укр. р. этнол. т. II и слѣд. Львів, 1899—1908); *Сумцовъ, Н. Ѳ.* Культурныя переживанія, Кіевъ, 1890; *Ястребовъ*, Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края. Одесса, 1894 года См. также *Библіографическій указатель русской этнографической литературы* 1700—1910 г., сост. Зеленинымъ СПБ. 1913 (изд. И. д. Географ. Общ. Зап. по отд. этнографіи т. XL вып. I).

[2]) *Аристовъ*, Промышленность древней Руси, СПБ. 1866; *Кутеповъ*—Великокняжеская охота на Руси съ X по XVI в. СПБ. 1896; *Силантьевъ*. Обзоръ промысловыхъ охотъ въ Россіи. СПБ. 1898; *Крымскій Е. С.* Охота на птицъ и звѣрей въ Малороссіи, Украинѣ и Волыни. Звенигородка, 1892; *Его-же*. Къ охотѣ на птицъ и звѣрей въ Малорос. и пр. (рукопись) и др.

рицу, голубя и пр., тѣмъ не менѣе оно не брезгало и черепахами и даже рѣчными моллюсками остатки которыхъ въ видѣ цѣлыхъ залежей раковинъ тянутся по откосамъ кіевскаго берега Днѣпра на очень большомъ пространствѣ.

Палеолитическія стоянки кромѣ костей животныхъ даютъ и цѣлый рядъ орудій, большая часть которыхъ приспособлена для разрѣзыванія убитыхъ животныхъ и для пользованія ихъ кожей и костями для разныхъ цѣлей, и только весьма немногія изъ нихъ могли служить оружіемъ для охоты, да если и могли, то только развѣ на небольшихъ животныхъ. Вѣроятнѣе всего поэтому, что большими животными пользовались или въ мертвомъ уже видѣ или же убивали ихъ въ ямахъ или западняхъ камнями и дубинами. Въ землянкахъ неолитической эпохи мы находимъ уже орудія, которыя несомнѣнно служили и охотничьимъ оружіемъ: острія копій, топоры и пр. изъ обдѣланнаго кремня и еще больше изъ кости и рога лося или оленя. Относительно начала историческихъ временъ и такъ наз. кіевскаго періода, мы имѣемъ уже сравнительно значительное количество указаній какъ въ раскопкахъ, такъ и въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Ловля звѣрей въ это время производилась преимущественно въ такихъ мѣстахъ, куда животныя ходили на водопой, при помощи тенетъ, ловушекъ и т. п., на бобровъ устраивались особые «гоны» — вѣроятно западни, куда загоняли этихъ животныхъ; птицъ ловили при помощи сѣтей, при чемъ въ особенномъ ходу были «перевѣсы» т. е. большія сѣти, навѣшивавшіяся поперекъ лѣсной просѣки или дороги, въ особенно удобныхъ для этого мѣстахъ, носившихъ названіе «перевѣсищъ», сохранившееся еще вмѣстѣ съ самимъ приспособленіемъ въ сѣверныхъ губерніяхъ Россіи и до сихъ поръ. Несомнѣнно, что въ этотъ періодъ охота все еще продолжала быть главнымъ источникомъ жизни населенія Украины: шкуры звѣрей—кунъ, бѣлей и вѣвѣрицъ были орудіемъ обмѣна, ими же уплачивались подати (послѣднимъ пережиткомъ такого «ясака» на Украинѣ была обязанность запорожцевъ еще въ XVIII в. доставлять въ Петербургъ къ Высочайшему Двору «дичину, звѣрину и птаство»), «скора» была предметомъ вывозной торговли. Въ эту же эпоху начинается и монополизація охоты высшими сословіями въ видѣ присвоенія князьями, ихъ ставленниками и духовенствомъ правъ на «ловища, бобровые гоны и перевѣсища» можетъ быть сначала только въ видѣ вознагражденія князя и его дружины за истребленіе хищныхъ животныхъ—медвѣдей, волковъ, пардусовъ и т. п. Современемъ это право распространилось на все высшее сословіе —на бояръ и потомъ дворянъ-помѣщиковъ. Оно существуетъ и сейчасъ въ видѣ помѣщичьей привилегіи въ Галичинѣ, гдѣ крестьяне не имѣютъ права стрѣлять медвѣдей, кабановъ и оленей, портящихъ ихъ посѣвы и должны сторожить по цѣлымъ ночамъ, разводя костры и трубя въ рожки на своихъ поляхъ, прилегающихъ къ панскимъ или казеннымъ лѣсамъ.

Въ настоящее время, вслѣдствіе истребленія дикихъ животныхъ и развитія земледѣлія, охота разумѣется вполнѣ потеряла прежнее значеніе для населенія Украины и если крестьяне и охотятся, то по большей части

въ одиночку, ловя или стрѣляя дичь почти исключительно для продажи. Въ мѣстностяхъ еще очень лѣсистыхъ, напр. въ Карпатахъ, ловятъ еще медвѣдей, устраивая на нихъ особыя западни, называемыя *слѣпами*; почти подобное же можно еще иногда наблюдать и въ сѣверныхъ частяхъ волынскаго Полѣсья. Въ тѣхъ же частяхъ Украины, а также въ Буковинѣ попадаются еще иногда рыси. Волковъ, гдѣ они еще есть, отравляютъ ядомъ, ловятъ тенетами, а чаще всего заманиваютъ въ особыя ямы съ приманкой или въ такъ назыв. *вовжовні*— родъ двухъ концентрическихъ заборовъ изъ плетня, съ живой приманкой внутри, на которую и идетъ волкъ въ промежутокъ между двумя плетнями, при чемъ самъ затворяетъ за собою входную дверь. Въ видѣ величайшей рѣдкости, очень недавно еще попадались бобры. Въ началѣ 70-хъ годовъ было убито одно изъ этихъ животныхъ возлѣ Чернобыля Кіев. губ., другого бобра убили на р. Сеймѣ въ Черниг. г., а въ 1894 г., одинъ изъ представителей этой почти совершенно вымершей у насъ породы, былъ открытъ въ окрестностяхъ Кременчуга въ Полтав. г. Въ Сосницкомъ у. Черниг. губ. еще и до сихъ поръ встрѣчаются выдры. Въ лѣсахъ волынскаго и черниговскаго Полѣсья попадаются еще лоси; дикіе кабаны упоминаются еще и теперь въ Подольской губ. Наконецъ зайцевъ существующихъ еще болѣе или менѣе вездѣ стрѣляютъ, ловятъ съ собаками, захватываютъ въ капканы и силки, въ особенности зимою.

Достаточно примитивна и охота на птицъ. Иногда ихъ бьютъ просто палками или длинными кнутами съ свинцовой гирькой на концѣ, какъ напр. дрофъ во время гололедицы или осеннихъ дождей. Нѣкоторыхъ водяныхъ птицъ окружаютъ на водѣ и тоже бьютъ длинными «лозинами», какъ напр. курочекъ, молодыхъ утятъ и т. п. Перепеловъ и куропатокъ ловятъ сѣтями, приманивая ихъ *вабиками* первыхъ и кормомъ — вторыхъ. Взрослыхъ утокъ ловятъ еще, протягивая поперекъ рѣчки крѣпкій шнурокъ съ прицѣпленными къ нему волосяными петельками (сільцями), въ которыя и попадаютъ головками неосторожныя птицы. На мелкихъ птицъ устраиваютъ силки на землѣ или на деревьяхъ или убиваютъ ихъ при помощи *склепців* (кляпцы). Въ Черниговской губ. весною жители цѣлыми деревнями отправляются и теперь еще на болота собирать яйца утокъ и другихъ птицъ, совершенно не заботясь объ уничтоженіи такимъ образомъ дичи и доходя въ этомъ отношеніи до истиннаго варварства: «знайде гніздо, розібье одно яйце—як вже насижене, то усі ногою і передавить, а як свіже—то забере...»

Гораздо сложнѣе и занимательнѣе разные способы охоты на дрофъ и еще встрѣчающихся изрѣдка въ новороссійск. степяхъ — стрепетовъ. Способы эти болѣе или менѣе всѣ состоятъ въ незамѣтномъ подходѣ или подъѣздѣ къ пасущимся птицамъ съ помощью грубаго приспособленія очень удачно, впрочемъ, подражающаго движеніямъ пасущейся лошади или описывая круги постепенно съуживающіеся или, наконецъ, подъѣзжая по зигзагообразной линіи. Но эти сложные и трудные виды охоты исчезаютъ уже вмѣстѣ съ исчезновеніемъ степныхъ птицъ и самихъ степей.

II. Рыбная ловля[1]). Судя по находкамъ въ нашихъ палеолитическихъ стоянкахъ, тонкихъ тщательно отдѣланныхъ кремневыхъ орудій, которыя и до сихъ поръ еще у нѣкоторыхъ примитивныхъ народовъ употребляются вмѣсто крючка на удочкахъ, можно думать что и палеолитическій человѣкъ на Украинѣ занимался уже *рыбной ловлей* не только руками, но и при помощи извѣстныхъ приспособленій. Въ неолитическихъ стоянкахъ попадаются уже настоящіе рыболовные крючки вырѣзанные изъ кости и грузки для сѣтей изъ обожженной глины, свидѣтельствующіе уже объ очень развитомъ рыболовствѣ. Въ теченіе желѣзнаго періода рыбная ловля, судя по многочисленнымъ находкамъ, была уже очень развита, а въ началѣ историческихъ временъ рыбныя ловища начали уже дѣлаться монополіей князей и въ особенности монастырей. Тогда ловили уже не только «удицей», но и «мрежами», «бредниками» и неводами. Нѣсколько позже «рыболовы галичскіе» предпринимали уже отдаленныя путешествія для ловли на нижнемъ Дунаѣ, гдѣ и «пакостяше» имъ князь Иванъ Ростиславичъ. О рыболовствѣ въ Литовскій періодъ свѣдѣній у насъ нѣтъ, но во времена Запорожья рыбный промыселъ вмѣстѣ съ охотой является основой экономической жизни Січи. Рыбныя ловли окружавшія Кошъ ежегодно распредѣлялись между куренями, и запорожцы обыкновенно проводили все лѣто въ плавняхъ. Точно такъ же рыболовство было ихъ главнымъ занятіемъ и по удаленіи ихъ на устья Дуная послѣ разоренія Січи. Врядъ ли можетъ подлежать теперь сомнѣнію, что запорожцы вмѣстѣ съ своимъ политическимъ устройствомъ перенесли и свои рыболовные навыки и на Донъ, гдѣ рыбная ловля, какъ извѣстно, развилась до крупныхъ размѣровъ и оттуда перенесена была уже донскими казаками на Волгу и Каспійское море, а потомъ и въ Сибирь.

Несмотря, однако, на такое широкое развитіе *рибальства* на Украинѣ, на берегахъ нашихъ рѣкъ можно видѣть и теперь еще рыболовныя сценки живо напоминающія если не какую нибудь Новую Каледонію, то по крайней мѣрѣ новгородцевъ XIV в., которые «рыбы руками имаша у брега». Автору этихъ строкъ самому случилось наблюдать съ берега исторической Стугны, недалеко отъ Кіева, нѣсколькихъ мальчиковъ ловившихъ рыбу просто руками, тутъ же прокусывавшихъ головки пойманныхъ рыбокъ зубами и нанизывавшихъ добычу на свернутые кольцомъ ивовые прутья, висѣвшіе у нихъ на шеяхъ. На сѣверѣ Ковельскаго у. на Волыни, по спадѣ весеннихъ водъ на мелкихъ рѣченкахъ, жители выбираютъ тоже руками изъ ила вьюновъ и линей. Въ с. Жолвинкѣ, возлѣ Чернигова, ловятъ еще такимъ же образомъ окуней прямо съ берега. Въ узкихъ рѣченкахъ и канавахъ часто можно видѣть дѣтей, да и взрослыхъ, ловя-

[1]) *Аристовъ*, Промышленность въ древней Руси; изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи. СПБ. 1860—1876; *Середа Н.* Очерки рыболовства на Днѣпрѣ и Днѣпр. лиманѣ. Херс. 1863; *Брауперъ А.* Замѣтки о рыболовствѣ на р. Днѣстрѣ. Херс. 1887; *Рябковъ, П.* Рыболовство въ Херсонской губ. Херс. 1896; *Бородинъ Н. А.* Азовско-Донское рыболовство. Новочерк 1901; *Вовк, Хв.* Українське рибальство у Добруджі. (Матер. до укр.-р. етнол. Львів, 1899, т. I, и пр

щихъ мелкую рыбу обыкновенными корзинками, съ какими въ мѣстечкахъ ходятъ на базаръ. Гораздо чаще, впрочемъ, корзина замѣняется уже *хва́ткою* или *підса́кою*, маленькой конической сѣткой на длинной рукоятке. На Деснѣ и Сеймѣ можно видѣть такія же хватки очень большихъ размѣровъ и пирамидальной формы, которыя просто волокутъ по дну. Болѣе прогрессивное видоизмѣненіе представляетъ собою ловля рыбы, конечно только достаточно крупной, при помощи *бості* или *сандо́лі*, т. е. остроги. Остью грубѣйшей работы мѣстныхъ *ковалів* бьютъ *пстругів* или форелей украинскіе горцы-гуцулы и бойки на горныхъ карпатскихъ рѣчкахъ—Прутѣ, Черемошѣ, Сянѣ и др. На русской Украинѣ этимъ орудіемъ, болѣе уже совершеннымъ, ловятъ сомовъ, а иногда крупныхъ карповъ и другихъ рыбъ, пользуясь, при этой послѣдней ловлѣ, жаровней на носу челнока и производя охоту ночью. На берегахъ же Чернаго моря, на побережьѣ о-ва Тендры и въ Ягорлыцкомъ заливѣ сандолями бьютъ красную рыбу—бѣлугъ и осетровъ. Здѣсь трезубецъ сандоли, легко отдѣляющійся отъ древка, привязанъ къ нему длиннымъ шнуромъ и такимъ образомъ, при невозможности сразу вытянуть тяжелую раненую рыбу на поверхность, позволяетъ пустить ее «гулять» т. е. ослабѣть отъ кровоизліянія, послѣ чего ее уже не трудно подвесть къ лодкѣ. Такимъ своимъ устройствомъ сандоля уже приближается къ типу гарпуна, употребленіе котораго, сколько мы знаемъ, на Украинѣ, совершенно неизвѣстно.

Особенную разновидность рыбной ловли колющими орудіями представляетъ собою употребленіе крючковыхъ снастей: удочекъ, переметовъ, кармаковъ. Объ удочкахъ намъ говорить, разумѣется, нечего, такъ какъ на Украинѣ онѣ не отличаются никакою оригинальноетью. Переметами называются длинныя веревки, перебрасываемыя черезъ рѣку и снабженныя привязанными къ нимъ на маленькихъ веревочкахъ острыми крючками. Иногда, въ особенности на малыхъ рѣчкахъ, на крючки эти насаживаютъ наживу, иногда же, при ловлѣ крупной рыбы, предоставляютъ ей самой наталкиваться на острія крючковъ. Этотъ послѣдній способъ рыбной ловли, какъ наиболѣе опустошительный, давно уже запрещается закономъ, но тѣмъ не менѣе очень недавно еще практиковался, да вѣроятно въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ практикуется и теперь на всемъ протяженіи Азовско-Черноморскаго побережья отъ Кубани до дельты Дуная включительно, въ видѣ такъ наз. *кармакі́в* т. е. соединенія нѣсколькихъ переметовъ, разставляемыхъ на взморьяхъ или у устьевъ рѣкъ. Обыкновенно впадающія въ море рѣки образуютъ на мѣстѣ впаденія отмели — будущія дельты. На этихъ отмеляхъ, при помощи особаго снаряда забиваютъ въ дно колья, къ которымъ привязываютъ тонкія веревки, поддерживаемыя въ вертикальномъ положеніи поплавками и доходящія до уровня воды. Къ этимъ веревкамъ прикрѣплены въ горизонтальномъ направленіи двѣ веревки, изъ которыхъ верхняя находится на уровнѣ воды, а нижняя на половинѣ глубины. Къ этимъ двумъ веревкамъ привязаны, на тонкихъ, но очень крѣпкихъ бичев-

кахъ, острые крючья — на каждомъ переметѣ 60 шт. Нѣсколько такихъ переметовъ и составляютъ *кармáк*. Вся система, будучи очень простой, отличается въ то же время большой подвижностью: крючья постоянно колышутся отъ волненія воды и тѣмъ болѣе представляютъ опасности для рыбы, которая хочетъ войти въ рѣку для метанія икры. Пробираясь сквозь ряды висящихъ вверху и внизу крючьевъ, она неизбѣжно защѣпливается за одинъ изъ нихъ, старается сорваться, бьется и, разумѣется, попадаетъ еще на нѣколько крючьевъ, рвущихъ ея тѣло до тѣхъ поръ пока она не лишится силъ, или пока не подъѣдетъ рыбакъ и не добьетъ ее своею «*чекушею*» (родъ молотка).

Кармаки по своему расположенію напоминаютъ собою гораздо болѣе примитивный способъ рыбной ловли— неподвижное перегораживаніе рѣкъ. Въ самомъ первобытномъ видѣ намъ случилось наблюдать этотъ способъ, въ Украинѣ—на западномъ склонѣ Карпатъ, въ Венгріи, въ с. Кушницѣ. Небольшая, чрезвычайно мелкая лѣтомъ, горная рѣченка была перегорожена двумя невысокими стѣнками, изъ тутъ же подобранныхъ со дна ея мелкихъ камешковъ и глины, которыя сходились угломъ, оставляя очень узенькій проходъ для воды, загороженный небольшимъ ятеромъ (вентеремъ) изъ лозы. Такого же рода загражденія, но изъ плетня или изъ двухъ плетней, промежутокъ между которыми набитъ глиной, дѣлаютъ и на мелководныхъ болотистыхъ рѣчкахъ Полтавской губ., напр. на Удаѣ. Такое сплошное перегораживаніе рѣчекъ, встрѣчающееся у многихъ полудикихъ народовъ напр. у сѣверо-американскихъ индійцевъ, возможно разумѣется только на очень узкихъ и неглубокихъ водахъ. Въ области большихъ рѣкъ оно практикуется только на мелкихъ притокахъ, гдѣ загражденіе называется *їзомъ* и на *ерикахъ*, т. е., искусственныхъ проливчикахъ соединяющихъ болото съ рѣкой или озеромъ. Возлѣ отверстія перваго ставится или *ятер*, или *котéць*, смотря по глубинѣ воды и силѣ теченія, на вторыхъ же устраивается цѣлое сооруженіе называемое *гáрдом*. Ерикъ представляетъ собой уже въ небольшомъ видѣ настоящій рыболовный заводъ. Возлѣ него обыкновенно ставится хата или по крайней мѣрѣ хорошій *курінь*, *киргáн*, или помѣщеніе для храненія снастей, посуды, пойманной рыбы, а въ дурную погоду и для ея рѣзанья и засола и одна или нѣсколько *колибъ*. для рабочихъ. Въ самомъ устьѣ ерика поперекъ его устраивается высокая перегородка изъ крѣпкихъ свай, скрѣпленныхъ лозой такъ, чтобы сквозь нее могла проходить вода, но ни въ какомъ случаѣ не взрослая рыба. Затѣмъ на довольно близкомъ разстояніи отъ нея дѣлаютъ изъ хорошаго тростника или лозы еще одну, довольно крѣпкую перегородку, которая называется «глухаліса» и тоже возвышается значительно надъ уровнемъ воды. Потомъ въ разстояніи $1^1/_2$—2-хъ метровъ отъ второй перегородки ставятъ еще одну *лясу* или *лісу* (*с*), но уже въ уровень съ водой. Пространство между двумя послѣдними перегородками называется *вúскочкою*. Наконецъ при входѣ въ ерикъ изъ болота ставятъ еще одну или двѣ пары лісъ, сходящихся подъ угломъ, съ узкимъ отверстіемъ, противъ котораго съ внутренней стороны вбивается колъ. Рыба изъ плавни

или болота входитъ въ отверстіе первой лісы, затѣмъ второй и потомъ, дойдя до низкой перегородки, скачетъ черезъ нее и попадаетъ въ *вискочку* откуда ее и выбираютъ *підсáкою*. «Спеціалистами по устройству такихъ гардовъ на дунайскихъ гирлахъ считаются исключительно «руснаки», т.-е. украинцы и кто бы ни былъ хозяиномъ ерика—«гардаджій» всегда руснакъ.

Отъ ізовъ и ериковъ недалеки по своему основному принципу и *котці* или *кóты* (табл. VI,а) но они не загораживаютъ уже рѣки или протока воды, а ставятся на водномъ пространствѣ на такъ наз. «ходѣ» рыбы. «Котці» устраиваются тоже изъ лісъ или камышевыхъ или изъ тонкихъ деревянныхъ палочекъ, но расположенныхъ такъ, чтобы образовать западню для рыбы. Чаще всего одна ліса ставится въ длину хода рыбы; къ концу ея, оставивши по обѣ его стороны по узкой щели, прикрытой извнутри коломъ и называемой «устенкомъ» ставится двумя полукругами другая большая ліса, въ которую входитъ рыба, но можетъ выйти только въ одно открытое для нея отверстіе, ведущее въ другую округленную лісу образующую собой уже безвыходное пространство, откуда рыбу вычерпываютъ какъ изъ садка. Формы такихъ *котцiв*, бываютъ гораздо болѣе сложны и разнообразны, смотря по условіямъ мѣстности и расположенію ходовъ рыбы.

Наконецъ, послѣдній способъ перегораживанія воднаго пространства, но уже съ цѣлью окружить часть его, представляютъ собою *сѣти*, о которыхъ мы не будемъ здѣсь говорить, такъ какъ онѣ если и оригинальны для Украины, то развѣ въ извѣстныхъ деталяхъ. *Брéдні, нéводи, волокýші, матýлы* и т. п. (Табл. VI, в) разнятся между собою главнымъ образомъ только размѣрами, приспособленными къ ловлѣ въ малыхъ и большихъ рѣкахъ, въ лиманахъ и наконецъ въ морѣ. Видоизмѣненія сѣтей въ родѣ «ятерів», или вентерей «жаковъ» и т. п. тоже общеизвѣстны и болѣе или менѣе вездѣ одинаковы.

Совсѣмъ особенно должно быть поставлено чрезвычайно оригинальное приспособленіе для ловли исключительно кефали, употребляемое на лиманахъ Азовскаго моря. Это такъ назыв. *чакáнка* или *дорджжка*. Она представляетъ собою нѣчто въ родѣ длиннаго мата изъ *кугі* или *осытняка*, около 15—20 м. длины и около 3-хъ м. ширины, длинные края которой заломлены вверхъ и внутрь, образуя небольшіе борта. Употребленіе этой «дорожки» основано на томъ, что кефаль боится каждаго темнаго предмета и даже тѣни въ водѣ и всегда старается ее перепрыгнуть. Для ловли этой рыбы дорожка просто разстилается въ тихую, и свѣтлую но не лунную ночь на поверхности воды и кефаль плывя стадомъ и приблизясь къ «дорожкѣ» начинаетъ одна за другой прыгать и выбрасываться на «дорожку», при чемъ остается на ней, такъ какъ спрыгнуть обратно въ воду мѣшаютъ ей загнутые края «чаканки». Этотъ способъ ловли такъ поразительно оригиналенъ, что, не видѣвши его, трудно даже его себѣ представить.

Въ общемъ рыболовство на Украинѣ давно уже сдѣлалось промысломъ капиталистическимъ и для массы населенія только развѣ иногда подсобнымъ, за исключеніемъ только очень немногихъ; окончательно покинувшихъ земледѣліе рабочихъ. Въ смыслѣ техники

украинское рыболовство скорѣе регрессируетъ, чѣмъ прогрессируетъ, что впрочемъ замѣчается повсюду. Какъ и охота, оно потеряло свое крупное когда-то значеніе и если можетъ разсчитывать на будущность, то только въ видѣ искусственнаго рыбоводства и правильной эксплуатаціи морскихъ рыбныхъ богатствъ.

III. Скотоводство [1]). Какъ выше было уже замѣчено, домашнія животныя появились на нынѣшней украинской территоріи въ началѣ неолитической эпохи вмѣстѣ съ новымъ населеніемъ, вѣроятнѣе всего азіатскаго происхожденія. Сколько можно судить по найденнымъ костямъ, количество видовъ домашнихъ животныхъ увеличилось съ тѣхъ поръ очень немного: появилось кошка, индѣйка, цесарка, въ послѣднее время новыя заграничныя породы рогатаго скота, свиней и домашнихъ птицъ. Несмотря, однако, на такую древность скотоводства на Украинѣ, можно кажется сомнѣваться въ томъ, чтобы оно особенно процвѣтало въ теченіи княжескаго періода и въ предшествовавшее ему время желѣзнаго вѣка. По отзывамъ византійскихъ писателей, у «Руссовъ» въ это время скота было немного и они добывали его или куплей или грабежемъ у сосѣднихъ кочевыхъ народовъ, что подтверждается и свидѣтельствомъ лѣтописей. У князей, впрочемъ, бывали очень значительные табуны лошадей и большія стада рогатаго скота; владѣло также немалыми стадами и духовенство, освобожденное татарами отъ дани со скота и пользовавшееся обязательной доставкой овса для своихъ коней крестьянами. У простого же народа скота было мало и нѣкоторые жители кіевской области въ XII вѣкѣ вовсе не имѣли у себя лошадей. Богатыя травою южныя степи въ доисторическія времена были заняты полукочевымъ населеніемъ, которое, какъ скиѳы ловило и укрощало дикихъ лошадей и вѣроятно разводило уже домашнихъ; онѣ только позже сдѣлались доступными славянскимъ племенамъ, которыя въ началѣ своей исторіи держались больше на границѣ степной полосы и только въ такъ назыв. козацкій періодъ отвоевали отъ кочевниковъ степи, гдѣ трава по выраженію Шафонскаго «сладостію и сытостію гораздо превосходитъ лѣсную». Въ теченіе этого именно періода и развилось на Украинѣ скотоводство въ сравнительно очень крупныхъ размѣрахъ, разводились табуны коней, гурты рогатаго скота, «отары» овецъ и пр. Въ концѣ XVIII в., тотъ же Шафонскій въ одномъ Гадячскомъ уѣздѣ насчитываютъ 13 конскихъ заводовъ и 28 заводовъ рогатаго скота, въ Зеньковскомъ—15 конскихъ зав., рогатаго скота 27 и овечьихъ 16, «сверхъ которыхъ во всякомъ селеніи отъ 200 и до 500 скотинъ бываетъ»; въ Глинскомъ у. 15 конскихъ зав. и т. д. Лошади разводились породъ «неаполитанской, англійской, гишпанской датской и барбарской». Лошадьми этими и рогатымъ скотомъ Украина въ то время снабжала Москву, Петербургъ, Ригу, Бѣлоруссію, а нѣсколько десятковъ тысячъ рогатаго скота отгоняли въ Силезію. Теперь, разумѣется, скотоводство на Украинѣ сильно сократилось и если сохранилось гдѣ нибудь

[1]) *Аристовъ* Op. cit; *Анучинъ Д. Н.* Къ древнѣйшей исторіи домашнихъ животныхъ въ Россіи (тр. VI Арх. С. въ Одессѣ); Изслѣдованіе современнаго состоянія скотоводства въ Россіи. М. 1884—85.

въ качествѣ главнаго источника существованія, то развѣ только въ Карпатахъ у гуцуловъ и бойковъ, на ихъ горныхъ пастбищахъ.

Гуцулы, какъ жители горъ, обладаютъ очень ограниченными пространствами земли для посѣвовъ, а потому зимою занимаются рубкой лѣса, сплавляемаго затѣмъ весною, лѣтомъ же—выпасомъ скота на своихъ «полонинахъ», т.-е. горныхъ пастбищахъ. Ранней весной чуть ли не все мужское населеніе деревень переселяется въ горы, гдѣ и ведетъ вполнѣ пастушескій образъ жизни. Стада всѣхъ жителей, тяготѣющихъ къ данной полонинѣ, т.-е. безлѣсному пространству, неудобному для косьбы сѣна и потому всегда служащему только *пасовіскомъ*, состоящія какъ изъ своего собственнаго скота, такъ и купленнаго «на долинѣ» для выпаса и перепродажи «смѣшиваются», т.-е. соединяются вмѣстѣ, разумѣется послѣ тщательнаго наложенія на каждую голову знака собственности въ видѣ тавра, надрѣза на ухѣ, на рогахъ и т. п. и выгоняются на все лѣто на пастбище. Еще раньше отправляется туда *ватагъ*, когда то выборное, а теперь довѣренное лицо собственника «полонини» съ навербованными имъ пастухами для разнаго рода животныхъ и мастерами для выдѣлки сыру и т. п. Придя на мѣсто, онъ прежде всего долженъ привесть въ порядокъ все *стоїще*, т.-е. деревянныя сооруженія для людей и разнаго рода скота. Подойдя къ «стаѣ»—довольно длинному сараю, раздѣленному на двѣ неровныхъ половины, въ одной изъ которыхъ—меньшей, *комбрі*, хранятся припасы, посуда и выдѣланный сыръ, а въ другой—большей находится «*ватерник*ъ, т.-е. каменное или деревянное, набитое глиной помѣщеніе для огня—*ватрище*, съ вращающимся крюкомъ для котла, лавки для спанья и пр., ватагъ съ совершенно оригинальной молитвой отпираетъ двери, заходитъ за ватрище, ударяетъ влѣво отъ себя топоромъ въ стѣну и съ надлежащими заклинаніями бросаетъ на ватрище старую подкову, которая должна предохранить все стойбище отъ ударовъ молніи. Затѣмъ, первымъ же дѣломъ, пришедшіе приступаютъ къ добыванію посредствомъ тренія самой *ватры*, т.-е. живого огня. Для этого берутъ заостренный съ двухъ концовъ кусокъ сухого дерева, въ остріе котораго въ трещины вставлены кусочки древесной губки, т.-е. трута, и вставляютъ его между притолкой двери и вбитымъ въ землю крѣпкимъ коломъ, или между двумя крѣпко вбитыми въ землю и соединенными сверху веревкой толстыми кольями и, обернувши вокругъ него ремень, начинаютъ очень сильно вращать до тѣхъ поръ, пока не появится дымокъ, а затѣмъ и огонь. Когда полученный, такимъ образомъ, огонь разгорится, ватагъ вынимаетъ изъ него горящіе угли, бросаетъ ихъ съ молитвой въ воду и потомъ окропляетъ накрестъ этой водой всѣ постройки, всю *маржину*, т.-е. стада, когда они придутъ, даже «вимена» коровъ, а, остатокъ ея хранитъ въ стекляночкѣ до окончанія лѣтняго сезона. По окончаніи этого своеобразнаго водосвятія, ватра торжественно вносится въ *стаю*, помѣщается на ватрище, гдѣ лежитъ уже подкова, и свято поддерживается до самой осени, когда, уходя уже, ее не тушатъ, а даютъ потухнуть самой. Взявши изъ разгорѣвшейся ватры горящую головню, ватагъ опять обхо-

a

b

c

d

e

f

g

h

дить съ нею всѣ постройки, читая безпрерывно «Отче-нашъ» и, наконецъ, кладетъ ее въ воротахъ, черезъ которыя должны войти подходящія къ этому времени стада. Принявши ихъ и окропивши приготовленной, какъ сказано выше, водой, ихъ размѣщаютъ по *кошáрамъ*, обыкновенно шести или восьмиугольнымъ загонамъ изъ бревенъ. Устроившись затѣмъ на своемъ хозяйствѣ, приведя все въ порядокъ, сваривши *кулѣшу* (родъ мамалыги изъ кукурузной муки) и приготовивши постели, ватагъ звуками *трембити*—длинной (саженъ около 2-хъ и больше) деревянной трубы, сзываетъ пастуховъ, подходитъ къ своему мѣсту возлѣ ватры и приглашаетъ товарищей послушать его, преклонить колѣна и помолиться прежде всего за здоровье всего народа православнаго, на всемъ свѣтѣ и потомъ за себя, прося Бога «заступить и оборонить» и всѣхъ христіанъ и всѣ христіанскія стада отъ всего злого «на росах, на водах, на кождых переходах, від усякого лиха і від припадку тяжкаго» и какъ Онъ помогъ собрать эту христіанскую «худобу» такъ пусть поможетъ и возвратить ее владѣльцамъ..,

Съ такими же молитвами и заклинаніями идетъ вся лѣтняя жизнь гуцуловъ: ежедневная пастьба скота, доеніе его, приготовленіе сыра и т. п., съ такими же церемоніями совершается и возвращеніе стадъ и людей по домамъ осенью. Почти совершенно такимъ же образомъ, хотя можетъ быть нѣсколько менѣе колоритно, совершается и выпасъ овецъ у бойковъ, съ той разницей, что у нихъ все происходитъ въ меньшихъ размѣрахъ и выпасъ имѣетъ болѣе кочевой характеръ. *Стóйце* у нихъ не остается постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ у гуцуловъ, но переносится по нѣскольку разъ въ теченіе лѣта съ одного мѣста на другое, при чемъ и сооруженія дѣлаются переносными, состоящими изъ кольевъ и привязываемыхъ къ нимъ щитовъ, сплетенныхъ изъ тонкой лозы. Перенесеніе стоѣща дѣлается сколько въ виду истощенія пастбища вокругъ, столько же и для удобренія пространства подъ нимъ. Вмѣстѣ съ стоѣщемъ переносится также и маленькая будочка или шалашикъ для овчара, въ которомъ устроена для него постель и складъ необходимыхъ припасовъ и инструментовъ.

Въ русской Украинѣ скотоводство ведется въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ только на помѣщичьихъ или общественныхъ пастбищахъ Екатеринославской и Херсонской губ. и въ Кубанской области, гдѣ оно получило замѣтно восточную этнографическую окраску. Тамъ еще можно встрѣтить и теперь типъ настоящаго «чабана» одѣтаго обыкновенно въ овечьи шкуры (не исключая и штановъ), подпоясаннаго поясомъ, на которомъ висятъ: *гáман*, спеціально чабанскій съ разными мелкими принадлежностями ножъ, ланцетъ для кровопусканія, рожекъ съ «добрымъ» дегтемъ и *жвачéм* для обмазыванія ранъ, щипчики для вытаскиванія изъ нихъ червей и т. п. и вооруженнаго *дирлúдою*, т. е. очень длинною палкою съ крючкомъ на концѣ, для поимки овцы въ случаѣ надобности. На югѣ Украины этотъ крючокъ точеный, тогда какъ на сѣверѣ онъ замѣняется обыкновенной шишкой, искривленной на бокъ. Эти чабаны постоянно переходятъ съ мѣста на мѣсто и почти всегда имѣютъ съ собою небольшую *чабáньску гарбу*,

т.-е. ящикъ на колесахъ съ съѣстными припасами и другимъ скарбомъ. Иногда эта гарба замѣняется большой бричкой съ плетеной изъ камыша крышей или же цѣлой плетеной или деревянной будкой на колесахъ. Нечего и говорить, что необходимыми спутниками чабана являются собаки, иногда превосходныя породистыя овчарки.

Разведеніе домашней птицы на Украинѣ имѣло прежде гораздо большіе размѣры чѣмъ теперь, хотя въ настоящее время оно нѣсколько оживляется благодаря очень хорошему сбыту заграницу. Въ мѣстностяхъ гдѣ существуетъ еще большое количество болотъ напр. на Волыни и въ Черниговской губ. крестьяне разводятъ иногда довольно большія стада водяныхъ птицъ—гусей и утокъ, которыя все лѣто живутъ въ болотахъ въ полудикомъ состояніи и возвращаются домой только съ наступленіемъ заморозковъ. Вздорожаніе гречихи и общее обѣднѣніе уменьшили теперь и разведеніе куръ, но оно имѣетъ много шансовъ на развитіе, благодаря сбыту яицъ по желѣзнымъ дорогамъ въ большіе города и тоже заграницу, но развитіе это врядъ-ли коснется крестьянскихъ хозяйствъ, а вѣроятно приметъ характеръ капиталистическій. Довольно много также между крестьянами любителей разведенія голубей и очень часто гдѣ-нибудь подъ крышей *повѣтки* можно видѣть подвѣшенные къ стропиламъ *голубники*, т. е. искуственные гнѣзда сплетенныя изъ соломы въ видѣ полаго конуса или полусферической формы. Рѣже держатъ голубей просто подъ крышей хаты или въ отдѣльныхъ голубятняхъ болѣе или менѣе западно-европейскаго образца.

Очень большую роль въ хозяйствѣ древней Украины играло и *пчеловодство*. Въ очень отдаленныя времена оно началось съ «выдиранія» меда дикихъ пчелъ гнѣздившихся въ дуплахъ деревьевъ, затѣмъ начали вырубать въ деревьяхъ искусственныя дупла, а потомъ, вѣроятно, найдя это неудобнымъ, стали выдалбливать пустоты въ срубленныхъ колодахъ и привязывать эти колоды болѣе или менѣе высоко на деревьяхъ. Такія колоды, носящія еще названіе *бортей*, существуютъ и до сихъ поръ, у насъ на Волыни (Табл. VII, а), на сѣверѣ Кіевской губ. и въ сѣверной Черниговщинѣ. Для влѣзанія на деревья въ этихъ мѣстностяхъ и теперь еще употребляются *плити* или *лазива*, сплетенныя изъ веревокъ или ремней приспособленія, упоминающіяся въ актахъ начала XVIII в. и раньше. Болѣе совершенную, хотя тоже очень древнюю форму пчеловодства представляетъ собою помѣщеніе колоды для пчелъ или ульевъ на оставшихся послѣ вырубки лѣса пространствахъ—*пасѣкахъ*, гдѣ ульи ставились или просто на землѣ, или на пняхъ срубленныхъ деревьевъ, или же, наконецъ, на невысокихъ подставкахъ. Этотъ пасѣчный способъ пчеловодства упоминается впрочемъ въ документахъ только съ половины XIV ст. Въ концѣ же XVIII в. онъ уже замѣнилъ собою бортевое пчеловодство даже въ такихъ мѣстностяхъ какъ бывшій Березнинскій у. Черниговск. губ. и началъ замѣнять въ Городницкомъ (Шафонскій). Ульи эти отличались очень большой величиной и поэтому были неподвижны. Въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ они уже въ XVIII в. начали замѣняться небольшими, легко переносимыми ульями — *колодками*. Продукты пчеловодства въ старину

цѣнились очень высоко, а бортныя деревья оберегались закономъ съ очень большой строгостью. Въ козацкій періодъ, пчеловодство на Украйнѣ достигло очень большого развитія, но затѣмъ, съ появленіемъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра крѣпостнаго права, начало падать и въ настоящее время сводится у крестьянъ къ нѣсколькимъ колодамъ пчелъ, да и то только у болѣе зажиточныхъ хозяевъ. Въ Черниговской губ., кое-гдѣ въ Кіевской и на Волыни сохранились еще въ старыхъ козачьихъ и шляхетскихъ хозяйствахъ старинные ульи изъ выдолбленныхъ колодъ, часто громадныхъ размѣровъ, иногда до $1^1/_2$ метра въ діаметрѣ, при чемъ въ одномъ такомъ пнѣ помѣщается 2 или даже 3 улья. Вообще же «пні» замѣняются теперь повсемѣстно ящичными ульями, но пчеловодство тѣмъ не менѣе повсемѣстно уменьшается. У нѣкоторыхъ помѣщиковъ, у духовенства еще есть и теперь хорошія пасѣки, конечно усовершенствованнаго типа; въ особенности въ этомъ отношеніи отличается галицкое духовенство, многіе изъ представителей котораго ведутъ пчеловодство въ очень крупныхъ размѣрахъ, не смотря на большой подрывъ вслѣдствіе подмѣшиванія церазина въ пчелиный воскъ въ торговлѣ и замѣны при уніятскомъ богослуженіи восковыхъ свѣчъ — стеариновыми. Для зимовки ульи, у кого ихъ немного, ставятъ обыкновенно въ пристройку при хатѣ, у болѣе же крупныхъ пчеловодовъ устраиваютъ особые погреба или омшаники—до половины въ землѣ.

IV. Земледѣліе[1]). Разведеніе хлѣбныхъ растеній, какъ было сказано выше, появляется и на Украинѣ въ неолитическія времена. Кромѣ многочисленныхъ зернотерокъ, постоянно встрѣчающихся въ раскопкахъ, неоднократно были находимы въ землянкахъ и цѣлые запасы зерновыхъ хлѣбовъ, иногда въ обугленномъ состояніи. Въ находкахъ желѣзнаго вѣка, встрѣчаются зерна пшеницы, ржи, проса, ячменя, чечевицы и т. п. Есть указанія что въ началѣ княжескаго періода земледѣліе существовало уже даже въ такихъ менѣе культурныхъ мѣстностяхъ какъ земля Древлянская, упоминается также, что было уже и владѣніе пахотными землями. Но это врядъ-ли даетъ право утверждать, что Украина того времени была уже страною вполнѣ земледѣльческою и это разведеніе хлѣбныхъ растеній было уже главной поддержкой существованія ея жителей. Хлѣбъ, и даже не столько хлѣбъ, сколько каша и сочиво, т. е. вареныя зерна пшеницы, чечевицы и пр. были скорѣе суррогатомъ мясной пищи, болѣе обезпечивавшимъ регулярность питанія, чѣмъ продукты охоты, тѣмъ болѣе что лучшія «ловища» все болѣе и болѣе дѣлались собственностью князей, бояръ и духовенства. Способы пользованія землей были самые примитивные (такъ наз. подсѣчное хозяйство), обработка ея производилась съ помощью *рала*, хотя въ южныхъ частяхъ тогдашней Украины былъ уже и *плугъ*, которому нѣкоторые изслѣдователи, не безъ нѣкотораго можетъ быть преувеличенія, приписываютъ большее

[1]) *Шафонскій*, Черниговскаго намѣстничества топограф. описаніе. Кіевъ, 1851. *Аристовъ* Op. cit. *Чубинскій* Труды экспед. т. VII. *Афанасьевъ-Чужбинскій* Собр. соч. 1893 г. т. VII. *Русовъ А. А.* Описаніе Черниг. губ. Черн. 1898—99. *I. Święcek* Lud nadrabski. Kraków 1893 и др.

распространеніе чѣмъ ралу, другіе же думаютъ, что это было тоже рало, только называемое по книжному; орали и лошадьми и волами (*уало воловое*) и очень возможно, что извѣстная фраза Мономаха о смердѣ, оравшемъ лошадью, относилось главнымъ образомъ къ Сѣверщинѣ, наиболѣе подвергавшейся нападеніямъ половцевъ. Независимо отъ того или другого рѣшенія вопроса о томъ, былъ-ли плугъ позаимствованъ славянами у нѣмцевъ или нѣмцами у славянъ, необходимо обратить вниманіе на то, что украинскій плугъ, врядъ ли много отличающійся отъ употреблявшагося въ древнія времена, обнаруживаетъ очень много сходства съ древнимъ колеснымъ плугомъ (currus) римлянъ и состоитъ изъ почти одинаковыхъ съ нимъ главныхъ составныхъ частей, судя по изображенію его въ извѣстномъ словарѣ Rich'a. Много общаго съ украинскимъ раломъ имѣетъ также римское рало (*aratrum*) въ которое впрягали тоже воловъ. Какъ бы промежуточную форму между римскимъ и украинскимъ плугомъ представляетъ плугъ — *орало* нынѣшнихъ болгаръ, отдѣльныя части котораго, почти всѣ, носятъ названія очень близкія съ украинскими. Нельзя забывать при этомъ также, что и порода украинскихъ сѣрыхъ длиннорогихъ воловъ почти идентична съ венгерской и итальянской. Въ козацкій періодъ этнографическія различія въ орудіяхъ и способахъ обработки земли уже опредѣлились вполнѣ и дожили до нашего времени, когда они начинаютъ нивеллироваться введеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій. Въ теченіе козацкаго періода земледѣліе на Украинѣ уже является вполнѣ господствующимъ, а охотничье и рыболовное хозяйство отходитъ на второй планъ, сохраняясь больше на югѣ, въ днѣпровскихъ плавняхъ и т. п. Но и тогда уже земледѣльческая культура играла очень большую роль даже въ земляхъ или «вольностяхъ» Войска Запорожскаго которому вмѣстѣ съ холостою жизнью, русское правительство совершенно несправедливо ставило въ упрекъ отсутствіе земледѣлія. Запорожскія земли были уже покрыты хуторами, гдѣ процвѣтало сельское хозяйство.

Въ настоящее время въ земледѣльческомъ хозяйствѣ Украины происходитъ переходъ отъ трехпольнаго къ многопольному хозяйству, что же касается орудій и способовъ обработки земли, то они до самаго послѣдняго времени измѣнялись очень медленно въ теченіи многихъ столѣтій. Рало употребляется теперь только для запахиванія посѣвовъ, а принесенная изъ Бѣлоруссіи литовская соха употребляется только въ сѣверныхъ уѣздахъ Волыни, Кіевской и главнымъ образомъ сѣвера Черниговской губ., соха-московка—въ сѣверовосточныхъ уѣздахъ Черниговской губ., тогда какъ въ остальныхъ частяхъ Украины вполнѣ господствуетъ воловый плугъ, не смотря на попытки нѣкоторыхъ руссификаторовъ-помѣщиковъ вводить вмѣсто него соху, какъ это пробовали дѣлать, и разумѣется, вполнѣ безуспѣшно, въ Полтавской губерніи. «На Украинѣ», говоритъ одинъ изъ спеціалистовъ по земледѣльческимъ орудіямъ, г. Зеленинъ: «протекала своя исторія, происходила смѣна пахатныхъ орудій однихъ другими и эта исторія южныхъ орудій текла совершенно независимо отъ исторіи орудій сѣверныхъ».

Отживающій теперь украинскій плугъ(рис. 1)нетолько совершенно одинаковъ на всемъ пространствѣ страны, но и его составныя части имѣютъ

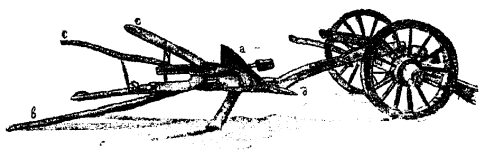


Рис. 1.

повсюду, начиная съ западныхъ уѣздовъ Курской и Воронежской губ. до Карпатскихъ долинъ включительно, почти одни и тѣ же техническія названія, между которыми кажется единственная варіація заключается въ томъ, что кіевскій «*хочетень*» въ Велдижѣ (Карпаты) называется *когутомъ*... Рало тоже почти вездѣ одинаково, хотя напр. въ Подольской губерніи наральникъ надѣвается на нижній изогнутый конецъ ручки или *чепіги*, такъ же какъ и въ болгарскомъ «оралѣ», тогда какъ въ Кіевской и Полтавской губерніяхъ онъ прикрѣпленъ къ особому куску дерева, вбитому въ градку (дышло) и называемому «кописты», а кромѣ того имѣетъ еще особое приспособленіе «жабку», которая не позволяетъ «градкѣ» опускаться на нижнюю часть «чепіги». Такимъ же примѣромъ идентичности техническихъ

названій на всей Украинѣ можетъ служить и неизбѣжная принадлежность и рала и плуга—ярмо (рис. 2). Вотъ напр. названія частей этого орудія въ разныхъ мѣстностяхъ Украины:

Полтавская губ.

1) Чáшина. 4) Снúзки.
2) Підгірлиця. 5) Привій.
3) Занóзи. 6) Колáчик.

Кіевская губернія.

1) Ярмо. 4) Снúзки.
2) Підгорле. 5) Привій.
3) Занóзи. 6) Каблýчка.

Прикарпатская Галиція.

1) Ярмо. 4) Снози.
2) Підгорлиця. 5) Привій.
3) Занізки. 6) Облýк.

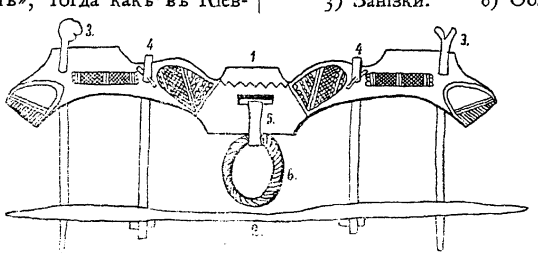


Рис. 2.

Сѣверно-волынское ярмо уже значительно отличается отъ общеукраинскаго типа прежде всего своею длиною (около 2-хъ м.), а потомъ и тѣмъ еще, что въ немъ нѣтъ підгірлиці, а она замѣняется нижними загнутыми концами *кульбакъ*, заступающихъ снизки и принимающихъ въ свои дырки концы занозъ. Эти осо-

бенности, близко напоминающія югославянское (болгарское и сербское) ярмо какъ формой, такъ и названіями отдѣльныхъ частей, совершенно совпадаютъ съ бѣлорусскими, тогда какъ названія отдѣльныхъ частей сохи, какъ въ волынскомъ, такъ и въ черниговскомъ Полѣсьѣ, совсѣмъ другія, чѣмъ въ Минской г., что объясняется вѣроятно тѣмъ, что ярмо—орудіе чрезвычайно древнее, тогда какъ соха была позаимствована бѣлоруссами отъ литовцевъ и великоруссовъ и замѣнила собою древнее рало сравнительно только не такъ давно.

Для запахиванія посѣва на Украинѣ обыкновенно употребляется *борона*, состоящая изъ четырехугольной или трапецовидной рамы съ перекрещивающимися перекладинами, въ пересѣченія которыхъ вбиты деревянные или теперь больше желѣзные зубья. Въ сѣверныхъ частяхъ Волыни, Кіевской и Черниговской г. борона еще часто отличается гораздо болѣе примитивнымъ устройствомъ. Рама тамошней бороны дѣлается изъ гнутаго дерева, а поперечины изъ крѣпкихъ вѣтвей; перекрещивающіяся части ихъ схвачены свитыми изъ дерева же «калачиками», т. е. кольцами, а въ пространство между плотно сбитыми такимъ образомъ пучками вѣтвей вбиваются деревянные зубья. Этотъ видъ болѣе первобытной бороны распространенъ главнымъ образомъ въ Бѣлоруссіи, гдѣ сохранилась еще старинная «вершалина» или волокуша, состоящая просто изъ древеснаго пня съ обрубленными на извѣстномъ разстояніи отъ ствола сучьями, навѣрно существовавшая въ свое время и на Украинѣ, но давно уже исчезнувшая.

Общеизвѣстное употребленіе на Украинѣ воловъ для паханья плугомъ рѣзко отличаетъ ее въ этомъ отношеніи отъ Великороссіи и сближаетъ съ южно- и западно-славянскими землями — съ Болгаріей, Сербіей, а также и съ Чехіей. Въ послѣднее время, впрочемъ, волы почти повсюду въ Украинѣ начинаютъ замѣняться лошадьми. Не слѣдуетъ думать, однако, что эта замѣна вызвана распространеніемъ болѣе легкихъ плуговъ—конструкція ихъ вовсе не препятствуетъ производить глубокую вспашку—истинная же причина этой замѣны заключается въ обѣднѣніи украинскаго населенія, для котораго расходъ на пару воловъ (отъ 200 до 300 руб. и болѣе) теперь уже не подъ силу, тогда какъ обыкновенную крестьянскую лошадку можно купить и за 50—60 руб. Многіе находятъ невыгоднымъ держать и лошадей и пашутъ коровами, иногда даже *бовкундом*, т. е. одной скотиной вмѣсто двухъ, для чего и существуютъ особаго устройства ярма. Во время «недорода» въ Елисаветградскомъ у. Херс. губ. доходило до того, что сами крестьяне—попарно, мужъ съ женой—впрягались въ бороны и волочили ихъ по полю. Кромѣ историческихъ преданій объ образахъ, объ ораніи Литвою и т. п. этнографія, впрочемъ, даетъ намъ примѣры подобной же пахоты не только у китайцевъ, но даже и у горныхъ чеховъ, у которыхъ тоже запрягаются иногда въ плугъ члены семейства пахаря.

Одну изъ главныхъ сторонъ украинскаго хозяйства составляетъ заготовленіе запасовъ сѣна на зиму. Это заготовленіе, или *косовица*, начинается послѣ обсѣва полей, обыкновенно около половины іюня, но въ зависимо-

сти отъ географическихъ условій и отъ случайностей погоды то запаздываетъ, то ускоряется. Характеръ самой косовиці тоже неодинаковъ, сообразно мѣстности. На сѣверѣ Волынской и Черниговской губерній сѣнокосы находятся на лѣсныхъ полянахъ и главнымъ образомъ на поемныхъ лугахъ, тогда какъ въ прочихъ мѣстностяхъ Украины они расположены почти исключительно на *степяхъ*. По теченію Десны, по обѣимъ сторонамъ ея, поемные луга усѣяны многочисленными сараями, стоящими на болѣе возвышенныхъ, незаливаемыхъ водою мѣстахъ. Во время сѣнокоса къ этимъ сараямъ перекочевываетъ чуть ли не все населеніе деревень, идетъ энергичная работа и въ теченіе нѣсколькихъ дней луга покрываются «копицями» только что скошеннаго, но уже успѣвшаго достаточно просохнуть подъ яркимъ солнцемъ, сѣна. Затѣмъ эти копиці начинаютъ «волочить», т. е. стаскивать къ мѣстамъ, гдѣ сѣно будетъ сложено въ стоги или уложено въ сараи. У хозяевъ же съ небольшимъ пространствомъ сѣнокоса сѣно съ «копиць» нагружается на возы и перевозится въ деревню. Въ западной Украинѣ и особенно въ Галиціи сѣно складываютъ въ *обороги*, т. е. въ высокіе стога съ подвижной крышей (табл. VII, f). На степяхъ косовиця начинается раньше и проходитъ нѣсколько иначе. На «степ» переселяются одни косари и устраиваютъ себѣ помѣстительный «курінь», т. е. шалашъ, съ «кабицею» (печью на открытомъ воздухѣ), такъ какъ косарямъ необходимо очень хорошее питаніе, что сознается всѣми и съ чѣмъ мирятся даже наниматели. Черезъ нѣкоторое время прибываютъ изъ села подростки и «дівчата» съ граблями и вилами для уборки сѣна, и тогда работа идетъ вовсю до самаго конца. Оригинальную и въ высшей степени красивую картину представляетъ собою въ степи, подъ стѣной высокой травы длинная вереница стройныхъ, сильныхъ косарей съ ихъ плавными ритмическими движеніями... Не менѣе красивъ и своеобразный концертъ косъ, когда пройдя «ручку» косари останавливаются и «наклепываютъ» ихъ деревянными «мантачками». Главное орудіе косьбы составляетъ *коса*, которая на Украинѣ въ зависимости отъ климатическихъ и отчасти отъ антропологическихъ условій значительно отличается отъ косы сосѣднихъ народовъ и своей величиной и длиной «кісся», т. е. рукоятки. При сравнительно высокомъ ростѣ косарей и при густотѣ высокой травы, косить приходится неспѣшными, очень широкими взмахами, какіе подъ силу только высокимъ и крѣпкимъ украинцамъ, считающимся лучшими косарями въ Россіи. Почти ежегодно на время «косовиці» въ Херсонскую и Екатеринославскую губерніи и на Кубань идутъ цѣлыя ватаги косарей изъ Полтавщины и Кіевщины и ихъ рабочій день при благопріятныхъ условіяхъ оплачивается сравнительно чрезвычайно дорого. Косьба представляетъ собою несомнѣнно самую трудную изъ всѣхъ крестьянскихъ работъ. Она требуетъ не только недюжинной физической силы но и большой выдержки и вниманія, такъ какъ при малѣйшей оплошности косарь рискуетъ или ранить идущаго впереди товарища, или самому получить ударъ косой по ногѣ. Поэтому выраженіе «він вже косарь!» въ приложеніи къ молодому человѣку

означаетъ признаніе его уже настоящимъ работникомъ.

Жатва на Украинѣ производится серпами, форма которыхъ значительно округленнѣе, чѣмъ въ сосѣднихъ мѣстностяхъ и въ древнія времена, когда, судя по находкамъ въ раскопкахъ, серпы имѣли форму не почти полукруга, а скорѣе полуэллипса, раздѣленнаго по длинной оси. Кромѣ овса, гречихи, гороха и пр., настоящія хлѣбныя растенія, какъ пшеницу, рожь, ячмень—всегда жнутъ, а если и косятъ, то только въ случаѣ крайняго неурожая. Въ такихъ случаяхъ эти хлѣба, такъ же какъ овесъ и гречиху, косятъ, привязывая къ косамъ такъ назыв. *грабки*, родъ граблей съ длинными, постепенно уменьшающимися въ длинѣ зубцами (табл. VI, d). Срѣзанные тѣмъ или другимъ способомъ стебли собираются въ снопы и перевязываются «перевесломъ» изъ скрученныхъ въ жгутъ стеблей того же растенія, которое жнутъ. Снопы затѣмъ складываются въ «полукопки» и «копиці» а затѣмъ, если не молотятся тутъ же на полѣ посредствомъ молотилки, что все болѣе и болѣе распространяется, то перевозятся въ «клуні» въ ожиданіи обмолота. Въ общемъ климатъ Украины вполнѣ допускаетъ молотьбу, безъ предварительной просушки сноповъ въ овинахъ, которыхъ, за исключеніемъ сѣверныхъ частей Волыни и Черниговской губ., на Украинѣ нѣтъ нигдѣ, а по свидѣтельству Шафонскаго и не было даже въ такихъ уѣздахъ, какъ Нѣжинскій. Въ указанныхъ же выше мѣстностяхъ овинъ или *осеть* играетъ довольно важную роль въ хозяйствѣ. Онъ устраивается или внутри самой клуни, или же отдѣльно отъ нея, но и въ такомъ случаѣ непремѣнно подъ крышей и состоитъ изъ подземной топки и помѣщеннаго надъ нею наружнаго сруба для укладки сноповъ, въ которомъ есть окно для подаванія ихъ.

Молотятъ на Украинѣ обыкновенно цѣпами, на гладко вычищенномъ и крѣпко утрамбованномъ *току*. Другіе способы молотьбы мы встрѣчаемъ только на самыхъ южныхъ ея окраинахъ, гдѣ они позаимствованы отъ сосѣднихъ народностей и сводятся къ такъ наз. *гарманту*, т. е. къ такому же току, только побольше, на которомъ раскладываютъ снопы и или гоняютъ по нимъ лошадей, вымолачивающихъ зерно своими копытами, или, посредствомъ лошадей же, таскаютъ по нимъ «котокъ» т. е. каменный цилиндръ съ глубокими продольными желобками, или же, наконецъ (въ Бессарабіи), такъ назыв. *диканы*, т. е. болгарскій или, лучше сказать, обще-средиземноморскій (*tribulum* у древнихъ римлянъ) инструментъ, состоящій изъ широкой, загнутой въ переднемъ концѣ вверхъ доски, въ родѣ дна саней, въ нижнюю сторону которой вколочены кремневые осколки. На низовьяхъ Кубани этимъ инструментомъ, называемымъ тамъ *мялкой*, въ которомъ куски кремня замѣнены небольшими желѣзными пластинками, вбитыми въ продольномъ направленіи, раздробляютъ и размягчаютъ солому, предназначаемую на кормъ скоту. Нѣкоторые хозяева для корма скота, въ особенности же овецъ, молотятъ снопы *в околот*, т. е. не развязывая ихъ, при чемъ извѣстное количество зеренъ остается въ нихъ и поступаетъ въ пищу овцамъ, вмѣсто того, чтобы давать имъ зерно отдѣльно. Очищенное отъ половы, (мякины), тщательно про-

a

b

c

d

e

f

g

h

i

вѣянное и немного просушенное на солнцѣ зерно ссыпается затѣмъ въ закрома, сдѣланные въ комбрі или, какъ она называется на правомъ берегу Днѣпра *шпіхлірі*. Кое-гдѣ, впрочемъ, удержался еще и первобытный способъ храненія зерна въ *ямах*, т. е. своеобразныхъ погребахъ, болѣе или менѣе грушеобразной формы, вырытыхъ въ землѣ, тщательно обмазанныхъ глиной и чисто обитыхъ березовой корой. Такія ямы, съ плотно вригнанной *лядой*, т. е. крышкой, защищенной еще небольшой двускатной крышей отъ дождя, можно еще видѣть во многихъ захолустныхъ селахъ средней части Черниговской губ. по обѣимъ сторонамъ Десны, но не такъ давно, по словамъ Шафонскаго, онѣ существовали и далеко южнѣе—въ Полтавской губ. и далѣе на югъ. У сельскихъ обществъ и у помѣщиковъ бываютъ, разумѣется, болѣе обширныя зернохранилища въ видѣ «гамазеїв», «шпіхлірів» о которыхъ будетъ сказано далѣе въ главѣ о постройкахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно же на югѣ, зерно, сохраняемое въ коморахъ, помѣщается не въ закромахъ, а въ очень большихъ, превышающихъ иногда человѣческій ростъ, плетеныхъ изъ соломы или лозы *солбмьяниках* — сосудахъ удлиненно-сферической формы, въ лѣсныхъ же мѣстностяхъ въ сосудахъ, выдолбленныхъ въ древесныхъ пняхъ, не менѣе серьезныхъ размѣровъ, называемыхъ «*кáдовбами*». Такіе кàловби особенно часто встрѣчаются въ Галиціи, на Волыни и въ Черниговщинѣ.

Размельченіе зеренъ для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей или обдираніе съ нихъ шелухи производится съ помощью *ступы*, которая бываетъ ручкою или ножною. Ручная ступа состоитъ изъ древеснаго пня, поставленнаго вертикально и выдолбленнаго въ верхней своей части, въ которой зерна толкутся при помощи деревяннаго же песта, очень часто двойного и замѣчательно сходны съ такими же ступами африканскихъ народовъ, особенно негровъ. Ножная ступа (табл. VII, b) состоитъ изъ горизонтально положеннаго пня или, чаще, обрубленнаго корня дерева съ выдолбленнымъ въ немъ углубленіемъ, въ которое входитъ достаточно толстый, крѣпкій пестъ, прикрѣпленный къ концу рычага, тогда какъ на другой конецъ опирается нога толкущаго, при чемъ точку опоры между пестомъ и срединой рычага представляетъ собой поперечина между двумя продольными брусьями, идущими отъ ступы горизонтально.

Размолъ зерна производится теперь, разумѣется, на мельницахъ, но еще въ очень многихъ хозяйствахъ можно найти одну изъ наиболѣе примитивныхъ формъ ихъ—ручную мельницу или *жорна*, упоминающуюся еще въ житіи Преп. Ѳеодосія Печерскаго. Иногда эти жорна состоятъ просто изъ вертикально поставленнаго древеснаго пня съ выдолбиной сверху, въ которую вставленъ нижній жерновъ съ положеннымъ на него и вертящимся, на желѣзномъ «веретенѣ»— верхнимъ. Въ нѣсколько болѣе усовершенствованномъ орудіи этого рода жерновъ помѣщенъ на пнѣ лежащемъ горизонтально на четырехъ ножкахъ. Затѣмъ, въ еще болѣе усовершенствованномъ видѣ, жорна представляютъ собою четыреугольный ящикъ, на четырехъ ножкахъ съ перекладинами, въ которомъ находятся жернова, а съ одной стороны устроенъ желобокъ

совершенной конструкціи значительно выше первыхъ, часто шестигранной или восьмиугольной формы и по б. ч. съ двумя балкончиками. Крыльевъ обыкновенно бываетъ четыре, форма же ихъ далеко не вездѣ одинакова: тогда какъ крылья, или, лучше сказать, ихъ лопасти имѣютъ въ Полтавской и Кіевской губерніяхъ видъ узкаго, удлиненнаго параллелограмма, въ Черниговской губер. онѣ имѣютъ форму чаще всего расширенную, почти трапецоидальную.

Происходящая въ настоящее время эволюція всего общественно-экономическаго уклада украинской деревни не можетъ, разумѣется, не отражаться очень сильно и на этнографическихъ формахъ, сложившихся вѣками, но не остановившихся въ своемъ развитіи. Мы видимъ это на формахъ хозяйственнаго быта, рѣзко мѣняющихся на нашихъ глазахъ, увидимъ дальше и на прочихъ формахъ, но сказать что нибудь объ общемъ направленіи этой эволюціи мы будемъ можетъ быть въ состояніи только въ концѣ настоящаго очерка, когда нами будутъ разсмотрѣны всѣ главнѣйшія явленія быта. Пока же отмѣтимъ одинъ чрезвычайно интересный географическій фактъ, заключающійся въ томъ, что измѣненія формъ хозяйственнаго быта идутъ на Украинѣ не съ сѣвера на югъ, какъ бы можно было ожидать въ виду политическаго господства великорусскаго племени, а совершенно наоборотъ—съ юга на сѣверъ. Въ то время, когда на Волынскомъ, Кіевскомъ и Черниговскомъ Полѣсьѣ старинныя этнографическія формы держатся еще очень крѣпко, въ средней полосѣ Украины онѣ уже замѣтно мѣняются въ пользу южныхъ, а на югѣ, въ губ. Екатеринославской, Херсонской, а особенно въ Кубанской области, мы почти не встрѣчаемъ уже этихъ старинныхъ формъ, а вмѣсто нихъ находимъ формы совершенно новыя, въ общемъ совершенно прогрессивныя и культурныя, европейскія по существу, но имѣющія свой оригинальный отпечатокъ и показывающія, что эволюція идетъ не отъ сѣверныхъ культурныхъ центровъ, а отъ того, что, вполнѣ независимо отъ этихъ послѣднихъ, сложилось и достигло maximum'а на югѣ, подъ вліяніемъ факторовъ общеевропейской культуры.

Возвращаясь къ воздѣлыванію почвы, намъ слѣдуетъ сказать еще хоть нѣсколько словъ о *городахъ* и *садкахъ*. Въ очень отдаленныя времена, когда кіевская Русь еще расчищала себѣ мѣсто въ лѣсахъ, овощи и плоды были еще рѣдки и ихъ приходилось привозить отъ Грековъ. Впрочемъ въ теченіе княжескаго періода уже упоминаются лаврскіе огороды и огородники, разводившіе тыквы, бобы, чеснокъ и лукъ, сѣявшіе макъ и пр. У печерскихъ иноковъ были и сады „древа плодовита". Вѣроятно все это сначала было въ очень скромныхъ размѣрахъ, но, разумѣется, гораздо обильнѣе и чаще чѣмъ въ сѣверо-восточной Руси. Въ козацкій періодъ мы уже находимъ пышный расцвѣтъ и огородничества и плодоводства на всей Украинѣ. Павелъ алеппскій въ описаніи своего путешествія черезъ Украину съ восторгомъ говоритъ о великолѣпныхъ и обширныхъ лаврскихъ садахъ, тянувшихся вдоль всей дороги отъ Василькова до Кіева „коимъ нѣтъ счета и въ которыхъ росли въ изобиліи вишни, сливы, абрикосы, орѣховыя и шелковичныя деревья и вино-

градныя лозы».. дававшія «вино темно-красное, которое развозили изъ этого монастыря (Кіевской Лавры) ко всѣмъ церквамъ земли козаковъ. «Это обиліе садовъ не было однако привиллегіей однихъ печерскихъ монаховъ и наблюдалось Павломъ алепскимъ повсюду: «каждый домъ въ землѣ козаковъ окруженъ садикомъ, изгородь котораго состоитъ изъ вишенъ. сливъ и другихъ деревьевъ, а земля засажена капустой, морковью, рѣпой, петрушкой, латукомъ и пр.».

Эта замѣченная антіохійскимъ путешественникомъ любовь украинцевъ къ садикамъ и огородамъ, въ которыхъ лѣтомъ утопаютъ деревни, составляетъ и до сихъ поръ ихъ этнографическую черту, очень рѣзко отличающую ихъ отъ великоруссовъ, деревни которыхъ поражаютъ отсутствіемъ всякой зелени, и сближающую съ южными славянами, жилища которыхъ тоже окружены цвѣтами и деревьями. Впрочемъ «садками» вокругъ хаты въ Украинѣ дѣло не ограничивалось и при малѣйшей земельной возможности украинцы всегда заводили и заводятъ сады даже внѣ предѣловъ усадьбы, главнымъ образомъ на полянкахъ въ лѣсахъ. Вся часть Черниговской губ. къ югу отъ Десны, по словамъ А. А. Русова, представляетъ собою сплошные фруктовые сады, дающіе въ хорошіе годы очень значительный доходъ. То же самое мы видимъ и въ Полтавской губ., гдѣ только три селенія Зеньковскаго у. поставляютъ ежегодно на рынокъ болѣе полутора милліона однихъ яблокъ. Подольская губ. еще болѣе обильная фруктами ежегодно отправляетъ цѣлые поѣзда «сушні» въ Кіевъ, Петербургъ и Варшаву. Даже на Волыни, судя по послѣднимъ выставкамъ, развивается очень интенсивное плодоводство, конечно не на сѣверѣ. Въ Кіевской губ. на 4 милліона десятинъ приходится 19000 дес. садовъ, служащихъ какъ для домашнихъ такъ и для промышленныхъ цѣлей. Въ Кіевъ свозятся цѣлыя массы яблокъ, сливъ, грушъ, вишенъ, грецкихъ орѣховъ, персиковъ и абрикосовъ, но культура винограда, такъ процвѣтавшая лѣтъ 200—300 тому назадъ, теперь почти совершенно исчезла и только въ ботаническомъ саду Кіевскаго университета можно было еще лѣтъ 6 назадъ видѣть не могущія и до сихъ поръ усохнуть среди бурьяновъ, одичавшія лозы, такъ далекія отъ времени, когда при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москву выписывались изъ Бѣлгорода и Кіева «арбузные садовники и пасѣчники», а изъ Лубенскаго Мгарскаго монастыря «старцы для садоваго виноградnаго строенья».

Подобно винограду, въ результатѣ «мудрыхъ мѣропріятій» финансоваго вѣдомства, почти совершенно исчезаетъ и культура табаку, еще лѣтъ 50—60 тому назадъ, дававшая очень крупные доходы не только помѣщикамъ, но и крестьянамъ. Кое-какъ поддерживается еще хмѣлеводство, но и то благодаря спросу изъ заграницы. Кое гдѣ держатся еще баштаны или бахчи *),

*) По отношенію къ баштанамъ, необходима поправка къ заявленію П. П. Чубинскаго что они „составляютъ спеціальность великоруссовъ". Это совершенно невѣрно: великоруссы являются только *арендаторами* годныхъ для баштановъ земель да и то только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Черниговской и Полтав. губ., что зависитъ отъ того что баштаны возможны только на *цілині*, т. е. на давно не пахавшейся или вовсе дѣвственной землѣ, которой у

да нѣкоторыя чисто мѣстныя спеціальности, какъ напр. сливы въ Опошнѣ, малина—въ Харьковской губ., чеснокъ въ Черкасскомъ у. Кіев. губ., подсолнухи на Кубани и т. п.

V. Народная техника [1]). Наиболѣе затруднительнымъ въ настоящемъ этнографическомъ очеркѣ будетъ для насъ дать по необходимости поверхностное представленіе объ украинской народной техникѣ. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ нибудь было мѣста всевозможнымъ, сосѣднимъ вліяніямъ и если-бы мы захотѣли разобраться въ вопросѣ: что же именно было творчествомъ самого украинскаго народа?, то это врядъ-ли оказалось бы исполнимымъ. Благодаря своему географическому положенію Украина была открыта цѣлой массѣ самыхъ разнообразныхъ вліяній то южныхъ, то восточныхъ, то западныхъ и несомнѣнно менѣе всего сѣверныхъ... Все это смѣшалось вмѣстѣ, ассимилировалось, приняло мѣстную окраску и мѣстный національный характеръ. Разумѣется, въ украинской техникѣ осталось немало и чрезвычайно примитивнаго. Но эти остатки, драгоцѣнные для историка и этнографа, съ точки зрѣнія національныхъ особенностей могутъ свидѣтельствовать только о той задержкѣ, которую пришлось испытать украинской національной культурѣ въ теченіе послѣднихъ столѣтій.

а) Добываніе огня и пользованіе имъ. Большое количество древеснаго угля, а также обугленныхъ костей въ раскопкахъ, удостовѣряютъ съ несомнѣнностью, что въ палеолитическую эпоху населеніе Украины уже умѣло и добывать огонь и пользоваться имъ. О способахъ добыванія его въ неолитическую эпоху мы на основаніи сохранившихся остатковъ высказаться не можемъ, но a priori слѣдуетъ думать, что добываніе это происходило при помощи тренія, какъ оно производится въ рѣдкихъ, по большей части ритуальныхъ случаяхъ, и теперь еще. Мы уже упоминали о добываніи живого огня гуцулами для зажиганія пастушеской *ватры*, посредствомъ быстраго вращанія *скалуша*, т.-е. куска сухого кола, въ заостренные и слегка расщепленные концы котораго вставлены кусочки «губки», между двумя крѣпко вбитыми въ землю кольями съ соотвѣтственными углубленіями, куда входятъ эти концы. Иногда такой *скалуш* помѣщаютъ концами просто въ маленькія углубленія—одно въ двери, а другое въ ея притолкѣ или въ стѣнѣ и, нажимая дверь одной рукой или плечемъ, другой рукой сильно вращаютъ скалушъ при помощи, напр., поясного ремня и т. п. Въ такомъ же родѣ приспособленія употребляются на Украинѣ и въ тѣхъ случаяхъ,

---

крестьянъ разумѣется нѣтъ, равно какъ нѣтъ и средствъ для арендованія помѣщичьей земли. Работаютъ же на баштанахъ разумѣется украинцы.

[1]) Кромѣ указанныхъ уже общихъ сочиненіи см. обширную литературу по кустарнымъ промысламъ и спеціальныя земскія изданія, между которыми особенно богаты свѣдѣніями: *Василенко*, Пряденіе и ткачество, Полтава 1900. *Лисенко С. И.* Очерки домашнихъ промысловъ и ремеслъ Полтав. губ. Одесса 1900; *Зарѣцкій М. А.* Гончарный промыселъ въ Полтав. губ. Полт. 1894. *Елѣенко, В. А.* этнографическій очеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края и др. и изданія губ. статистич. комитетовъ и архивныхъ комиссій, какъ напр. *Ивановъ В. В.* Жизнь и творчество крестьянъ Харьков. губ. Харьковъ 1898. Кромѣ того много статей въ *Матеріалахъ до украин. етнольогії*, (т. I—XIV) Львів 1899—1914 г. и проч.

когда надо окурить скотъ въ предупрежденіе отъ заразы и т. п. Къ добыванію огня поср. тренія прибѣгаютъ въ крайнихъ случаяхъ и охотники или путешественники, когда случайно нѣтъ возможности добыть его иначе.

Въ раскопкахъ желѣзнаго вѣка уже постоянно встрѣчается огниво въ видѣ куска желѣза, утонченные концы котораго загнуты въ одну сторону и сходятся кольцеобразными загибами. Совершенно такой же формы огниво или *кресало*, распространенное прежде во всей сѣверной и средней Европѣ, употребляется въ Украинѣ и теперь. Въ видѣ трута обыкновенно пользуются или нѣкоторыми видами высушенныхъ грибовъ или размягченной древесной губкой, вымоченной въ селитрѣ или просто въ человѣческой мочѣ. Около 30—40 лѣтъ тому назадъ, употребляли для этой же цѣли, такимъ же образомъ приготовленную толстую синюю бумагу, въ которую прежде заворачивали головы сахара. Для сохраненія кресала, губки и кремней дѣлались и дѣлаются кожаные *гаманці*, т.-е. мѣшечки, иногда украшаемые мѣдными бляшками, пуговицами и т. п. и носимые въ карманѣ, на поясѣ или на особомъ ремешкѣ черезъ плечо, встрѣчающіеся еще болѣе или менѣе повсюду, но особеннно на Волыни и въ южныхъ губ.

Не менѣе древнимъ, чѣмъ огниво, было повидимому и употребленіе для добыванія огня—*сѣрн*. Въ курганахъ желѣзнаго вѣка, гдѣ встрѣчаются уже и упомянутые нами кресала, часто попадаются какъ отдѣльные куски этого вещества, такъ и остатки его на днѣ черепковъ или плоскодонныхъ сосудцевъ, а около полу-столѣтія тому назадъ на Украинѣ въ каждомъ, даже помѣщичьемъ домѣ, еще можно было найти самодѣльные *сірники*, т.—е. тонкія лучинки, концы которыхъ были обмокнуты въ расплавленную сѣру. Любопытно, что такіе сірники еще далеко не вывелись и въ западной Европѣ и ихъ можно покупать и теперь въ мелочныхъ лавочкахъ въ самомъ центрѣ Парижа.

Сохраненіе разъ добытаго огня было у всѣхъ примитивныхъ народовъ предметомъ особенной заботливости. Слѣды этого мы видимъ въ поддерживаніи въ неугасаемомъ видѣ гуцульской «ватры» и т. п. Понятно что съ усовершенствованіемъ способовъ добыванія огня потребность въ его сохраненіи все болѣе и болѣе уменьшалась. Тѣмъ не менѣе у украинцевъ и до сихъ поръ еще выгребаютъ изъ печи всѣ тлѣющіе угли и, сгребя ихъ въ уголки «припечка», прикрываютъ золой и оставляютъ тлѣть до первой надобности въ огнѣ. Это въ особенности имѣло значеніе, когда фосфорныя спички были еще рѣдки и дороги, а приготовлялись упомянутые уже самодѣльные сірники, одинъ изъ которыхъ достаточно было всунуть въ кучку тлѣющихъ подъ пепломъ угольковъ, чтобы получить пламя. При кресаніи огня пламя получалось или тоже при помощи сірника, или же помѣщеніемъ трута въ свернутый жгутомъ *віхоть* соломы, которымъ достаточно было помахать въ воздухѣ, чтобъ солома загорѣлась.

Для поддержанія огня, въ различныхъ частяхъ Украины употребляются, разумѣется, различные матеріалы. Тогда какъ на сѣверѣ ея топятъ дровами, въ средней полосѣ не пренебрегаютъ

уже бурьяномъ, очеретомъ (тростникомъ) и особенно соломой, на югѣ же въ Кобеляцкомъ и Константиноградскомъ у; Полтав. губ., въ губ. Екатеринославской, Херсонской, на сѣверѣ Таврической и въ Кубанской области приходится топить *кізяком*, т.—е. высушенными скотскими экскрементами, смѣшанными съ соломой, половой и т. п. связующими и въ то же время горючими веществами. Заготовленіе кизяка производится обыкновенно лѣтомъ: вышеуказанную массу приготовляютъ въ значительномъ количествѣ и посредствомъ особой формочки оттискиваютъ въ видѣ небольшихъ, иногда кубическихъ, иногда плоскихъ кирпичиковъ, которые потомъ сушатся на солнцѣ и укладываются въ кучи, обмазываемыя для предохраненія отъ дождя и вѣтра слоемъ глины.

Оставляя пока въ сторонѣ разныя формы пользованія огнемъ для приготовленія пищи, отопленія и освѣщенія, которыя будутъ разсмотрѣны въ соотвѣтственныхъ слѣдующихъ главахъ, мы упомянемъ здѣсь только объ одномъ употребленіи огня, переносящемъ насъ во времена глубокой древности. Въ очень отдаленномъ прошломъ, когда выдѣлка глиняной посуды была еще неизвѣстна, для кипяченія зеренъ или чего—нибудь другого, ихъ клали въ кожаную или деревянную посуду съ водой, въ которую бросали потомъ раскаленные на огнѣ камни. Въ настоящее время, кое-гдѣ на Украинѣ, особенно въ сѣверныхъ ея частяхъ, гдѣ есть валуны, сохранился еще этотъ способъ нагрѣвать воду въ примѣненіи къ мойкѣ или лучше сказать къ *золінню* (бученью) бѣлья. Въ *жлукто* (букъ) наполненное бѣльемъ вливаютъ горячую воду, а потомъ, чтобы она не остывала, бросаютъ туда еще раскаленные въ огнѣ камни. На югѣ же напр. въ Полтавской губ, гдѣ камень очень рѣдокъ, употребляютъ для этой цѣли *кульки* — искусственные камни цилиндрической формы съ дырой посрединѣ, сдѣланные изъ обожженной глины.

b) Обработка минеральныхъ веществъ. Земляныя работы извѣстны намъ на Украинѣ еще въ очень глубокой древности. Населеніе каменнаго вѣка для приготовленія своихъ орудій должно было добывать изъ мѣловыхъ отложеній кремневые сростки, далеко не всегда находившіеся подъ самой поверхностью почвы. Въ началѣ историческихъ временъ, мы имѣемъ уже свидѣтельство въ житіи св. Ѳеодосія Печерскаго о томъ, что для выкапыванія ямъ въ землѣ употреблялись «рогалія». Были въ ходу вѣроятно и деревянные заступы въ родѣ тѣхъ, которые сохранились еще въ Бѣлорусскомъ Полѣсьѣ, т.—е. состоявшіе просто изъ кола съ сучкомъ немного выше острія, на который опиралась нога копавшаго. Желѣзные заступы и въ самомъ началѣ имѣли форму довольно близкую къ настоящей, но были гораздо тяжелѣе, хотя ихъ желѣзная часть, строго говоря, представляла собою только оковку первоначальнаго деревяннаго заступа. Эта форма существуетъ и теперь, но уже начинаетъ замѣняться фабричными заступами съ желѣзнымъ раструбомъ, въ который вставляется рукоятка.

Для вытаскиванія вырытой земли, если дѣло идетъ не о канавахъ или разнаго рода ямахъ, откуда ее можно выбрасывать просто заступомъ, употребляютъ разные пріемы. При добы-

ваніи горшечной глины напр. изъ значительной глубины, копаютъ шахту уступами, т.-е. оставляя на глубинѣ каждой сажени уступъ, на которомъ свободно могъ бы помѣститься человѣкъ. Вынутую изъ глубины глину землекопъ передаетъ въ ведрѣ или коробкѣ товарищу стоящему на ближайшемъ къ нему уступѣ, тотъ передаетъ слѣдующему и т. д. Для той же цѣли, а также при рытьѣ колодцевъ, употребляется и воротъ, состоящій изъ колеса съ круглымъ ободомъ и длинной ступицей, которая надѣвается на поперечный брусъ лежащій на двухъ подпоркахъ. Веревка *цебра*, т.-е. бадьи, привязывается къ спицѣ колеса возлѣ ступицы, на которую она наматывается при работѣ.

Наиболѣе элементарное употребленіе, какое дѣлаютъ изъ выкопанной земли (кромѣ устройства насыпей и т. п.), состоитъ въ выдѣлкѣ *вальковъ* для земляныхъ построекъ. При этомъ въ землѣ дѣлаютъ углубленіе, разрыхляютъ его дно, наливаютъ воды, набрасываютъ коровьяго навоза и соломы и затѣмъ вводятъ въ это углубленіе лошадей, чтобъ онѣ перемѣшали все своими копытами. Изъ полученной такимъ образомъ массы скатываютъ вальки и, пока они еще достаточно мокры, лѣпятъ изъ нихъ стѣны постройки. Когда стѣны будутъ подняты на высоту около 40—50 сант., ихъ оставляютъ просохнуть, а черезъ нѣсколько дней продолжаютъ лѣпку опять. Кромѣ вальковъ для построекъ изъ земли употребляютъ еще *лимпичъ*. Такъ называется земля или глина тоже смѣшанная съ соломой, половой и навозомъ, но оттиснутая въ особой формѣ въ видѣ довольно большаго кирпича и въ слегка высушенномъ видѣ, идущая тоже на возведеніе построекъ, какъ холодныхъ, такъ и для жилья, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ дерева очень мало и оно очень дорого. Затѣмъ особенная сѣрая глина, а иногда, какъ напр. въ Кіевѣ—пластическая синяя—употребляется для выдѣлки *цегълы*, т.-е. кирпича. Эти два названія, одно нѣмецкое, а другое греческое, указываютъ на возможность предположенія, что кирпичъ началъ выдѣлываться въ древней Руси греками, а затѣмъ техника выдѣлки была позаимствована у нѣмцевъ, вѣроятно черезъ Польшу. Древніе кирпичи старинныхъ кіевскихъ и новгородскихъ сооруженій отличаются квадратной формой, незначительной толщиной и очень большими размѣрами, украинская же цегла, равно какъ и способы ея выдѣлки, имѣютъ характеръ среднеевропейскій.

Гончарство. Наиболѣе важную отрасль пользованія минеральными веществами составляетъ, разумѣется, выдѣлка глиняной посуды. Выдѣлка эта, начавшись и у насъ съ неолита, происходила сначала, конечно, безъ гончарнаго круга и, по крайней мѣрѣ иногда, посредствомъ намазыванія глины на сосуды, сплетенные изъ тростника или лозы, о чемъ свидѣтельствуетъ поверхность находимыхъ въ раскопкахъ древнихъ черепковъ; въ составѣ глины этихъ послѣднихъ очень часто замѣчается большая примѣсь толченыхъ раковинъ, а на поверхности видны оттиски сдѣланные просто ногтемъ, ножемъ, зазубренной палочкой и т. п. Въ настоящее время не только такая посуда, но и сдѣланная на примитивномъ ручномъ кругѣ, отошла въ область доисторической археологіи и вся извѣстная теперь посуда дѣлается на кругѣ, хотя способы ея выдѣлки, какъ

мы увидимъ далѣе, отличаются еще большой примитивностью.

Горшечная глина добывается, разумѣется, не вездѣ и ея мѣстонахожденія естественнымъ образомъ представляются и центрами гончарнаго производства. Если залежи этой глины выходятъ на поверхность почвы, то добываніе ея не сопряжено ни съ какими трудностями, если же глина залегаетъ глубоко, то приходится рыть шахты и подымать глину способами указанными выше. Самое добываніе производится посредствомъ *копаниці*, т.-е. обыкновенной желѣзной кирки и заступа. Выкопанная и перенесенная во дворъ гончара глина оставляется возможно долѣе (около 2-хъ 3-хъ мѣсяцевъ) въ открытой кучѣ подъ дѣйствіемъ воздуха, затѣмъ, по мѣрѣ надобности, ее переносятъ въ хату, размельчаютъ, смѣшиваютъ съ водой и оставляютъ постоять еще немного. Передъ употребленіемъ ее подвергаютъ прежде всего очисткѣ, для чего скатываютъ ее въ продолговатые куски (*кулі, кобилки*), колотятъ *весломъ* и *довбешкою* или *колотушкою* и, наконецъ, очень внимательно *стругаютъ* сначала желѣзнымъ *стругомъ*, а потомъ *дротомъ* т.-е. проволокой, для удаленія изъ нея всѣхъ камешковъ, корешковъ и т. п. постороннихъ примѣсей и наконецъ скатываютъ въ небольшіе комки, которые и идутъ уже на формовку посуды. Болѣе усовершенствованные методы очистки глины, какъ напр. отмучиваніе, вовсе не неизвѣстны украинскимъ гончарамъ, но не примѣняются, такъ какъ приготовленная изъ очень хорошо очищенной глины посуда была бы болѣе высокаго качества и продавать ее пришлось-бы дороже, что въ настоящее время рѣшительно невозможно въ виду господствующей бѣдности населенія и сильнаго пониженія ея покупательной способности.

Выдѣлка всей посуды производится исключительно на гончарномъ кругѣ, приводимомъ въ движеніе ногой. Намъ извѣстно два вида такихъ круговъ: *шлёнскій* — болѣе древній, теперь совершенно исчезающій и *волбшскій* — новѣйшій, находящійся теперь во всеобщемъ употребленіи. Разница между ними заключается въ томъ, что въ первомъ оба составляющіе его круга—*верхняк* или *голбка* и *спідняк* соединены между собою шѣстью вертикальными деревянными спицами, во второмъ жс этихъ спицъ нѣтъ и оба круга держатся на оси или *веретені* по большей части уже желѣзномъ. Вслѣдствіе неустойчивости своего положенія кругъ всегда опирается на *лаву* посредствомъ деревянной дощечки назыв. *копилóм* или *лисичкою*. Главнымъ орудіемъ при формовкѣ посуды являются пальцы гончара, въ помощь которымъ употребляется только *нóжик*, т. е. тонкая деревянная пластинка почти полукруглой или удлиненной формы, да *дрот*, т. е. проволока для срѣзанія готовой уже посудины съ круга. Сформованная посуда ставится для просушки на *пьятра*, т. е. длинныя доски, а потомъ или покрывается эмалью—*поливом*, или расписывается, по большей же части, подсохши въ надлежащей мѣрѣ, поступаетъ въ горнъ для обжига.

Полива обыкновенно приготовляется изъ песка и окиси свинца, предварительно хорошо смолотыхъ на *жóрнах*. Она бываетъ или въ жидкомъ или въ сухомъ видѣ; въ послѣднемъ случаѣ ею осыпаютъ со-

судъ, предварительно смазанный какимъ-нибудь клейкимъ веществомъ, чаще всего дегтемъ. Окрашивается полива или *цындрой*, т. е. желѣзной окалиной — въ черный цвѣтъ, или окисью мѣди—въ зеленый, или охристой глиной—въ красно-желтый, или, наконецъ, бѣлой глиной—въ бѣлый. Для расписыванія посуды, главнымъ образомъ мисокъ, краска вливается въ коровій рожекъ, въ узкій конецъ котораго вставлено перышко или маленькая кисточка изъ перьевъ.

Окончательно готовая къ обжигу посуда переносится и устанавливается въ горнъ (табл. VII, h). Устройство его во всей Украинѣ болѣе или менѣе одинаково. Онъ состоитъ изъ двухъ частей, находящихся подъ уровнемъ почвы: *пригребиці* или *погребиці*—преддверія печи и самой *печі*, верхняя часть или потолокъ которой, съ многочисленными *прогонами*, т. е. сквозными отверстіями для прохода пламени служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дномъ третьей части—собственно *горна*, выходящей въ видѣ купола наружу и служащей помѣщеніемъ для обжигаемой посуды. Посуда эта устанавливается въ горнѣ такъ, чтобы она подвергалась болѣе или менѣе равномѣрно дѣйствію огня и чтобы въ случаѣ, если что-нибудь лопнетъ, не произошло перемѣщенія, а слѣдовательно и порчи всей остальной посуды. Это достигается при помощи такъ назыв. *рачків*, небольшихъ перемычекъ изъ глины, вставляемыхъ между посудой такъ, чтобы ни одинъ предметъ не соприкасался непосредственно съ другимъ, но чтобы всѣ вмѣстѣ представляли собой довольно прочно сцѣпленную массу. Когда посуда установлена, ее *учереплюють*, т. е. покрываютъ сверху черепками битой посуды, и зажигаютъ огонь въ печи, подымая температуру возможно медленнѣе, затѣмъ огонь усиливаютъ, пока не будетъ сожжено извѣстное по опыту количество дровъ и подъ конецъ постепенно уменьшаютъ. *Поливьяна* посуда обжигается разумѣется два раза, при чемъ второй обжигъ называется *скленнем*, т. е. остеклованіемъ посуды.

Формы украинской посуды, какъ и вообще почти всѣ формы сосудовъ у современныхъ европейскихъ народовъ, не имѣютъ въ себѣ ничего особенно оригинальнаго. Это или плоскіе сосуды со слегка приподнятыми краями и очень широкимъ отверстіемъ (тарелки и миски) или почти полусферическій сосудъ съ очень выпуклыми въ верхней трети высоты стѣнками и тоже довольно широкимъ отверстіемъ (*макóтерть* или *макúтра*) или сосуды почти вполнѣ сферической формы съ широкимъ отверстіемъ и довольно узкимъ дномъ (*борщівники*, *кáшники*), или слегка вытянутые вверхъ, почти шарообразные сосуды съ узкимъ отверстіемъ (*бáньки*), или высокіе, почти цилиндрическіе, иногда слегка раздутые въ своей нижней части кувшины для молока (*глеки*, *гладишки*) или наконецъ совершенно цилиндрическіе низкіе съ ручкой (*ринки*) и высокіе съ немного съуженнымъ отверстіемъ банки для варенья и т. п. Варіируются эти формы различными придатками въ родѣ ушекъ, носика, ручки, ножекъ и т. под., иногда принимаютъ форму боченочка, вытянутой миски или ринки (*поросятник*) и т. под.; наконецъ совершенно отдѣльно должны быть поставлены *курушки*, т. е. курильницы, почти исчезнувшіе уже *кіганці*, со-

суды въ видѣ разныхъ животныхъ (барана, медвѣдя и т. под.) наконецъ цѣлая серія дѣтскихъ игрушекъ — свистулекъ въ видѣ пѣтушковъ, уточекъ, лошадокъ, всадниковъ, дамъ, офицеровъ и т. п. Изъ этой посуды почти всѣ миски, иногда кувшины для воды или *сирівцю* (хлѣбнаго кваса) и огромное большинство мелкихъ издѣлій—болѣе или менѣе орнаментированы или по крайней мѣрѣ покрыты поливой внутри или, наконецъ, расписаны безъ поливы матовыми красками.

Орнаментація украинской посуды очень разнообразна и въ ней, такъ-же какъ въ вышивкахъ, въ росписи печей, въ рѣзьбѣ по дереву и т. п., очень ярко выразились эстетическія наклонности украинскаго племени. Оставляя въ сторонѣ содержаніе, особенности и исторію развитія этой орнаментаціи, которыя войдутъ въ отдѣлъ искусствъ, остановимся здѣсь только на нѣкоторыхъ главныхъ ея чертахъ и географическомъ распространеніи. Основные мотивы ея всегда только графическіе и красочные, и почти исключительно растительные. Попытки рельефныхъ изображеній встрѣчаются въ высшей степени рѣдко, почти такъ-же рѣдки и орнаменты вполнѣ геометрическіе, которые, если и встрѣчаются, то въ видѣ кружковъ, розетокъ, круговыхъ полосокъ, зигзаговъ, волнистыхъ линій и спиралей, но и они по большей части представляютъ собой стилизованныя растительныя формы. Эти послѣднія въ своемъ вполнѣ ясномъ видѣ тоже въ извѣстной степени подверглись стилизаціи, что указываетъ на очень давнюю традицію и устойчивость орнамента. Вьющіяся растенія, вѣтки, листья, цвѣты и рѣже плоды составляютъ обыкновенный матеріалъ для сюжетовъ росписи посуды. Животныя формы, какъ напр. мотыльки, рыбы, птицы и пр. встрѣчаются сравнительно очень рѣдко. Въ видѣ примѣра животнаго орнамента въ украинской керамикѣ, мы можемъ, указать на посуду выдѣлываемую *майстромъ* Ильей Бацутою въ м. Зиньковѣ Летичевскаго у. Подольск. губ. Какъ по формѣ, такъ и орнаменту, эта посуда напоминаетъ извѣстную дипильскую керамику древней Греціи: по розовато-желтому фону она расписана коричневыми горизонтальными поясками изъ геометрическаго орнамента, при чемъ въ верхнихъ изъ нихъ изображены (довольно грубо впрочемъ) разныя животныя. Изъ тоновъ красокъ наиболѣе встрѣчаются коричневые, переходящіе въ красные, и зеленые. Фонъ обыкновенно желтый, переходящій въ коричневый—въ Полтавской губ., бѣлый—въ Екатеринославской губ. и мѣстами въ Галиціи, темный, иногда совершенно черный—въ Кіевской губ. и особенно въ Подольской. На сѣверѣ, особенно въ Черниговской губ., орнаментація очень блѣдна и бѣдна—яркость и богатство ея усиливаются какъ и всѣ вообще отличительныя черты украинскаго племени, въ направленіи съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ, совершенно аналогично тому, что мы увидимъ на вышивкахъ по полотну и сукну.

Гончарное искусство на Украинѣ развилось въ гораздо большей степени чѣмъ въ Великороссіи, гдѣ и до сихъ поръ преобладаетъ главнымъ образомъ деревянная посуда. Тогда какъ въ Украинѣ вся посуда безъ исключенія дѣлается на ножномъ кругѣ, въ Великороссіи, особенно на сѣверѣ, удержался еще и до сихъ поръ *ручной* гончар-

ный кругъ, а оттискиваніе узоровъ на посудѣ производится еще посредствомъ щепочки (Новгород. губ.). Къ Костромской губ. посуду еще оплетаютъ для крѣпости полосками изъ березовой коры. Очень возможно что меньшее развитіе гончарства въ Великороссіи обусловливается не только обиліемъ древеснаго матеріала, но и этническими вліяніями главн. обр. финнскими, тогда какъ относительно украинскаго гончарства нѣкоторыя формы и главнымъ обр. орнаментація съ преобладаніемъ растительныхъ формъ и зеленаго цвѣта заставляютъ предполагать возможность иранскихъ вліяній съ востока и греческихъ придунайскихъ съ юга и запада. По всей вѣроятности также не прошла вполнѣ безслѣдно для Украины и высокая гончарная техника до-микенской эпохи. Вообще-же прослѣдить постепенный ходъ развитія у насъ гончарства и культурныя вліянія на него дѣйствовавшія—пока еще очень трудно, но несомнѣнно то что начало гончарства на Украинѣ относится къ глубочайшей древности. Во всякомъ случаѣ терминологія гончарной техники у всѣхъ славянскихъ народовъ почти совершенно одинакова.

Фаянсъ и фарфоръ, составляющіе высшую ступень гончарнаго искусства, начали развиваться на Украинѣ только въ позднѣйшія времена. Около средины XIX ст. славилась еще такъ наз. «Кіевская» посуда, выдѣлывающаяся на знаменитой Межигорской фабрикѣ, получавшей фарфоровую глину изъ Глуховского у. Черниг. губ. Большой извѣстностью пользовались также издѣлія фабрики Миклашевскихъ, искусно подражавшей иностраннымъ образцамъ, тогда какъ Межигорская фабрика успѣла было выработать свой особенный, несомнѣнно украинскій характеръ.

Стекло на Украинѣ выдѣлывалось, разумѣется тоже не въ крестьянскихъ хозяйствахъ, а на небольшихъ заводахъ или *гутахъ*, которыхъ въ концѣ XVIII в. было довольно уже много какъ въ Черниговской такъ и въ Кіевской губ. и на Волыни, разумѣется въ такъ наз. «Полѣсьѣ», гдѣ было достаточно и песку и золы и топлива. На этихъ заводахъ дѣлали стекла для оконъ, наиболѣе древней формой которыхъ были небольшія круглыя литыя стеклышки съ очень неровной поверхностью, какія и теперь еще можно кое-гдѣ видѣть въ старинныхъ рамахъ крестовидныхъ церковныхъ оконъ. Затѣмъ на этихъ-же гутахъ выдѣлывалась различная стеклянная посуда: большія миски или тазы, разнаго вида сулеи и бутылки, стаканы, кружки и т. п., длинныя перечисленія которой не разъ встрѣчаются въ Дневныхъ запискахъ Якова Марковича. Особенной оригинальностью отличались *баклаги*, *барильця* и разные фигурные сосуды въ видѣ *півнів*, *зайців* и пр. и особенно въ видѣ *ведмедиків*, которые, кажется, предпочитались всѣмъ прочимъ. Всѣ эти предметы чаще всего дѣлались изъ зеленаго, но также изъ бѣлаго, желтоватаго, коричневаго, синяго и аметистово-розоваго стекла, а формами своими, довольно архаичными, напоминаютъ иногда издѣлія галло-римской эпохи во Франціи, хотя перешли въ Украину несомнѣнно черезъ Германію. Около половины XIX ст. это стекло встрѣчалось еще въ употребленіи почти повсемѣстно, но затѣмъ было совершенно вытѣснено произведеніями великорусскихъ заводовъ и сохранилось только въ коллекціяхъ,

лучшія изъ которыхъ принадлежатъ Кіевскому Городскому Музею и Э. О. Р. Музея Импер. Александра III въ Петроградѣ.

d) Обработка металловъ. Если, не останавливаясь на богатѣйшихъ залежахъ желѣзной руды въ Екатеринославской губ., которыя по словамъ Эсхила въ «Прометеѣ», обрабатывались еще Скиѳами, мы обратимся прямо къ славянской эпохѣ, то чрезвычайно часто встрѣчающіеся, особенно на сѣверѣ Украины названія мѣстностей въ родѣ *Рудня*, *Рудка* и т. п. свидѣтельствуютъ о томъ что добываніе желѣза изъ болотной руды практиковалось въ Украинѣ уже очень давно. Сохранившіеся документы XVII и XVIII в. в. указываютъ на то, что владѣльцами такихъ рудень, т. е. желѣзодѣлательныхъ заводовъ бывали богатые козаки, монастыри и войско, а основывались они всегда съ разрѣшенія гетмановъ, такъ какъ 10% добытаго желѣза должно было поступать въ войсковый «скарбъ». Устраивались эти рудни обыкновенно на рѣкахъ, такъ какъ двигательную силу для нихъ давали мельницы: «водою млаты въ рудняхъ ударяютъ», говорится въ стихахъ Климентія, поэта временъ Мазепы. Руду копали въ болотахъ, полоскали въ особыхъ корзинахъ въ водѣ и переплавляли въ горнахъ съ углемъ, который добывали въ кострахъ «вышей хлопа» высотой, обложенныхъ свѣжимъ дерномъ. Въ результатѣ получались куски чугуна, изъ которыхъ потомъ выковывались полоски желѣза, по словамъ Шафонскаго довольно плохого въ «сравненіи съ сибирскимъ и другимъ великороссійскимъ желѣзомъ». Но уже въ 1755 г. это производство клонилось къ упадку и достигало только отъ 50 до 120 пудовъ въ годъ на каждый заводъ, а въ концѣ XVIII ст. оно и совсѣмъ упало. Не выдерживало ли оно въ самомъ дѣлѣ конкурренціи съ привознымъ желѣзомъ, или же на его паденіе дѣйствовали болѣе общія причины, которыя смели въ началѣ XIX в. всю мѣстную промышленность, вмѣстѣ съ *гутами будами*, *капирнями* и т. п. учрежденіями, какими была усѣяна вся территорія сѣверной Украины—на этотъ вопросъ изслѣдователь ея П. С. Ефименко не отвѣчаетъ, замѣчая только, что «отъ того или другого рѣшенія этого вопроса зависитъ и кое-что существенное въ нашихъ историческихъ взглядахъ».

Послѣ этого желѣзная промышленность возродилась на Украинѣ, уже почти на нашихъ глазахъ, но на этотъ разъ на вполнѣ капиталистическихъ основаніяхъ и съ заводской техникой Донецкаго бассейна. Но если существовалъ довольно длинный перерывъ въ добываніи желѣза, то обработка его на Украинѣ вовсе не прекращалась. *Ковальство* упоминается въ числѣ наиболѣе древнихъ ремеслъ, а существованіе его у насъ еще въ доисторическія времена доказывается весьма многочисленными находками въ курганахъ и пр. Кузнечныя издѣлія какъ доисторическихъ, такъ и начала историческихъ временъ довольно однообразны и не выходятъ изъ предѣловъ самыхъ насущныхъ потребностей: ножи, топоры, серпы, обручи, гвозди, чересла, лемехи и самодѣльное оружіе. Очень любопытно обратить вниманіе и на то, что всѣ эти издѣлія, равно какъ и главныя принадлежности кузницы: *міх*, *ковадло*, *молот*, *кліщи*—носятъ славянскія названія, болѣе или менѣе

одинаковыя у всѣхъ славянскихъ народовъ, тогда какъ всѣ болѣе или менѣе усовершенствованные кузнечные инструменты носятъ названія иностранныя и почти исключительно нѣмецкія: *труба, нутра* или *мутра* (Mutterschraub) *шрубстак, шрубайло, нутридорень, шлюхмайстер, общеньки, лютринок, шнейдиза* и пр., которыя очевидно указываютъ на то, что усовершенствованія кузнечной техники появились въ Украинѣ съ запада. Судя по свѣдѣніямъ Шафонскаго и др., можно думать, что число кузницъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. было на Украинѣ гораздо больше чѣмъ теперь. Это объясняется вѣроятно тѣмъ, что съ тѣхъ поръ очень усилилась фабричная выдѣлка желѣзныхъ издѣлій и цѣны на уголь возвысились, что и должно было сократить кустарное кузнечное ремесло.

Украинскіе *ковалі* теперь употребляютъ только усовершенствованные мѣха; въ болѣе или менѣе примитивной формѣ, въ видѣ двухъ надуваемыхъ поочередно шкуръ они удержались только у кочевыхъ кузнецовъ—цыганъ, посколько они еще держатся своего традиціоннаго ремесла. Надо замѣтить впрочемъ, что цыгане занимались и въ прежнія времена и занимаются теперь ремесломъ мѣдниковъ. Это ремесло по отношенію къ мелкимъ подѣлкамъ (звонкамъ, бубенчикамъ, украшеніямъ и т. п.) и теперь принадлежитъ имъ въ очень значительной степени, тогда какъ выдѣлка мѣдныхъ сосудовъ и починка разныхъ мѣдныхъ издѣлій находится въ рукахъ евреевъ, соединяющихъ съ этимъ ремесломъ еще слесарство и т. п. Есть много основаній думать, что цыгане же были первыми распространителями и мастерами по выдѣлкѣ мѣдныхъ украшеній у гуцуловъ. Гуцулы, въ гораздо большей степени чѣмъ всѣ прочія украинскія племена, одаренные склонностью къ орнаментаціи, выражаютъ ее въ отношеніи украшеній цѣлой массой мѣдныхъ крестиковъ, *згард*, т. е., ожерелій, *чапраг* (аграфовъ), пряжекъ и разныхъ мелкихъ предметовъ въ родѣ игольниковъ, запонокъ, черенковъ ножей, курительныхъ трубокъ, перстней и т. п. покрытыхъ иногда очень затѣйливыми узорами и инкрустаціями. Формы и стиль этихъ украшеній будутъ разсмотрѣны въ главѣ объ украшеніяхъ въ отдѣлѣ народныхъ искусствъ. Здѣсь же, мы только упомянемъ о техникѣ ихъ выдѣлки. Она заключается прежде всего въ томъ, что въ небольшой овальный обручикъ изъ дерева какъ можно плотнѣе набивается слой пластической глины, очень тщательно выравнивается и затѣмъ въ немъ вытискиваются или съ деревянныхъ моделей, или съ готовыхъ издѣлій углубленія въ формѣ требуемыхъ вещей. Углубленія эти соединяются между собою и съ краями формы маленькими канальцами для впуска расплавленнаго металла и для выхода его излишка. Затѣмъ этотъ слой прикрывается другимъ и плотно соединяется съ нимъ. Въ одно изъ оставленныхъ отверстій, слегка воронкообразно расширенное, вливаютъ расплавленный *мосяж*, т. е. латунь, который и наполняетъ всѣ пустоты. Когда формочка послѣ этого остынетъ, отлитыя вещи вынимаютъ изъ нея, отчищаютъ неровности отливки и затѣмъ уже *пишуть* или *рисуютъ*, т. е. рѣзцомъ или клеймами выдѣлываютъ желаемые узоры, въ добавленіе къ тѣмъ, выпуклымъ или

вдавленнымъ узорамъ, которые получились при отливкѣ.

Чрезвычайно интересно сродство этихъ способовъ отливки съ техникой украинскихъ *золотарів*. Занесенное еще греками, а отчасти вѣроятно и восточными народами въ Кіевскую Русь, золотыхъ и серебрянныхъ дѣлъ мастерство сохранилось на Украинѣ, разумѣется въ очень демократизированномъ видѣ, даже до нашего времени. Въ козацкую эпоху какъ украшенія такъ и серебрянная посуда были очень распространены и большая часть издѣлій изъ благородныхъ металловъ несомнѣнно выдѣлывалась, какъ показываютъ надписи, мѣстными „майстрами". Впослѣдствіи работа ихъ свелась главнымъ образомъ къ выдѣлкѣ *дукачів, серег, каблучок* и *перстенів*, вѣнчиковъ и окладовъ на иконы и т. п.—обыкновенныхъ, сколько-нибудь дорогихъ предметовъ, употреблявшихся мѣщанскимъ и крестьянскимъ населеніемъ Украины. Украшенія эти выдѣлываются *золотарями* главн. обр. въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, Нѣжинѣ, Харьковѣ и др. большихъ городахъ и, несмотря на сильную конкурренцію фабричнаго производства, не исчезли и до сихъ поръ, благодаря вѣроятно больше всего тому, что и до самаго послѣдняго времени не прекратилась еще мѣстная выдѣлка церковныхъ предметовъ, ризъ на иконы, подвѣсокъ (*ex voto*) и требуются мастера для починокъ. Вотъ эти существующіе и до сихъ поръ «золотарі» и практикуютъ отливку своихъ нехитрыхъ произведеній совершенно такимъ же образомъ какъ гуцульскіе мосяжники отливаютъ свои мѣдныя украшенія. Въ выдѣлкѣ этихъ издѣлій золотарі съ замѣчательной стойкостью держатся старинныхъ традицій въ формахъ и рисункѣ, даже тамъ, гдѣ стороннія вліянія были очень возможны. Такъ напр. харьковскіе золотарі выдѣлываютъ по словамъ покойной Е. П. Радаковой два рода серегъ—одинъ для украинскаго населенія, другой же для сосѣдняго великорусскаго, *дукачі* же исключительно для украинскаго и только по старинным образцамъ.

е) Обработка растительныхъ матеріаловъ. Однимъ изъ самыхъ древнихъ и простѣйшихъ видовъ приложенія техники къ растительнымъ матеріаламъ была рубка и заготовка дерева. Рубка деревьевъ, какъ и вездѣ, производится зимою, при помощи топора и иногда только пилы. Начинаютъ рубить дерево обыкновенно съ той стороны, куда оно должно упасть. Когда надрубъ превыситъ половину діаметра ствола, начинаютъ подпиливать или подрубливать дерево съ другой стороны, при чемъ иногда два человѣка становятся съ боковъ и тянутъ за прикрѣпленныя заранѣе къ верхней части дерева веревки. Срубленное дерево очищаютъ отъ вѣтвей, которыя складываются отдѣльно, а стволъ его распиливаютъ на части или оставляютъ для вывоза изъ лѣса цѣльнымъ, или наконецъ тутъ же распиливаютъ на доски или брусья. Въ большихъ лѣсахъ на самомъ сѣверѣ Украйны срубленные стволы скатываютъ или подвозятъ къ рѣкѣ и тамъ связываютъ въ плоты. Въ Карпатахъ деревья спускаютъ къ рѣкѣ по досчатымъ желобамъ и оставляютъ на берегу для будущихъ плотовъ. Связываются плоты обыкновенно гибкими вѣтвями или корнями хвойныхъ деревьевъ. На Днѣпрѣ ихъ дѣлаютъ или очень большими, если они назначаются за пороги,

т. е. въ Херсонскую губ., или же вдвое меньшими, если они идутъ не далѣе Екатеринослава. Доставка дерева плотами къ Кіеву практиковалась уже въ первыя времена построенія Кіево-Печерской Лавры, при чемъ на гору большіе древесные стволы возили зимою на лошадяхъ, а иногда втаскивали и просто на рукахъ. Подыманіе сплавленныхъ бревенъ на берегъ производится и теперь по двумъ бревнамъ положеннымъ поперекъ берега, при помощи особаго приспособленія, очень напоминающаго способъ вытаскиванія на берегъ убитыхъ тюленей эскимосами. Вообще же рубка, заготовка и сплавъ лѣса у насъ, если и отличаются оригинальностью, то развѣ только въ прикарпатской Украинѣ, главнымъ же образомъ по рѣкамъ Пруту и Черемошу и отчасти по Днѣстру, гдѣ они являются главнымъ зимнимъ занятіемъ и требуютъ замѣчательной ловкости, силы и находчивости. Вооруженные своею «цапиною», или какъ тамъ говорятъ *цапинов*, гуцулы ведутъ плоты по усѣянной скалами, извилистой горной рѣченкѣ, ежеминутно рискуя разбить или весь плотъ, или свою голову, или и то и другое вмѣстѣ, и безпрестанно выдѣлывая настоящія акробатическія штуки по мокрымъ, скользкимъ бревнамъ, которыя танцуютъ и колышутся подъ ногами. Всѣ эти трудности усложняются еще тѣмъ, что тамъ очень часто плоты приходится спускать по шлюзамъ и слѣдовательно съ головокружительной быстротой и самой серьезной опасностью, съ которой можно сравнить развѣ только проведеніе плотовъ черезъ Днѣпровскіе пороги. Спускъ плотовъ по Деснѣ и по Днѣпру представляется сравнительно чѣмъ-то соннымъ и не требующимъ ни малѣйшихъ усилій.

Плотничное ремесло мы находимъ на Украинѣ уже въ самомъ началѣ историческихъ временъ. Какъ церкви, такъ и прочія крупныя, постройки были почти исключительно «рубленыя» и затѣмъ въ теченіе всей исторіи Украины и до настоящаго времени производились своими «древодѣлами». Извѣстное обращеніе кіевлянъ къ новгородцамъ на счетъ рубки хоромъ, дававшее многимъ историкамъ поводъ думать, что плотники приходили въ Украину съ сѣвера, не было-ли простой насмѣшкой надъ людьми, совершенно не знавшими земледѣлія и привыкшими только къ лѣснымъ работамъ? Въ главѣ о постройкахъ мы увидимъ, что терминологія ихъ, за незначительными варіаціями одна и та же и въ лѣвобережной и въ правобережной и въ галицкой Украинѣ, не исключая даже Карпатскаго *подгірья* и обнаруживаетъ извѣстное сходство съ юго и западнославянскою, отличаясь очень замѣтно отъ великорусской.

Орудія для обработки дерева на Украинѣ не особенно многочисленны, но все-таки въ извѣстной степени дифференцированы. Такъ напр. топоръ имѣется въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ, сообразно употребленію и мѣстности: *сокира*, *барда*, *топорець*, *топір* или *бардаш*, *теслиця* или *теслічка* и пр. Эта дифференціація, понятно, сильнѣе на сѣверѣ и вообще въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, чѣмъ на югѣ, гдѣ форма топора однообразнѣе, въ особенности теперь, когда входитъ въ употребленіе фабричный топоръ. Въ названіяхъ прочихъ плотничьихъ орудій, не особенно, впрочемъ многочи-

сленныхъ, встрѣчаются и нѣмецкіе термины, какъ напр. *гембель* и др.

Мы не будемъ останавливаться на выдѣлкѣ мелкихъ деревянныхъ издѣлій: гребней, лопатъ, ложекъ, чашекъ и пр, но упомянемъ только о ремеслѣ «*стельмахів*», т. е. телѣжныхъ мастеровъ, на которомъ, какъ показываетъ его названіе, замѣтно извѣстное нѣмецкое вліяніе. Не смотря, однако, на это послѣднее обстоятельство, традиція стариннаго самобытнаго ремесла удержалась въ весьма сильной степени и въ работѣ *воза* и въ номенклатурѣ 48-ми извѣстныхъ намъ его отдѣльныхъ частей, въ которой кромѣ словъ, относящихся преимущественно къ желѣзнымъ частямъ: *рижва*, *линва*, *нют*, *урвантъ*, *букша*, *стельвага* и *люшня*—всѣ остальныя названія чисто украинскія. Очень примитивный и вѣроятно достаточно самобытный характеръ имѣетъ и *токарня* для вытачиванія ступицъ, имѣющая много общаго съ токарней для выдѣлки ложекъ, съ той только разницей, что въ первой лучекъ замѣняется упругой лѣсиной, забитой нижнимъ концемъ въ землю, а верхнимъ держащей въ постоянно натянутомъ видѣ веревку, которая охватываетъ маточину и заставляетъ ее вертѣться при оттягиваніи своего конца при помощи кольцеобразной педали.

Изъ всѣхъ ремеслъ, относящихся къ обработкѣ дерева, наибольшей распространенностью, а также и наибольшей древностью отличается *бондарство*. Ведра, коновки, цебры, кади, бочки упоминаются въ начальной лѣтописи и другихъ памятникахъ начала нашей письменности и хотя большинство этихъ названій очевидно не славянскія: *коновка* или *коновь*—сапора, *цебер*—zaber, *кадь*—codus, но они давно вошли въ употребленіе, какъ и самое слово бондарь-боднарь, bednar, bednarz, происходящее отъ слова *бодня*, означающаго въ украинскомъ и польскомъ яз. кадушку, служащую сундукомъ, а у чеховъ ящикъ и сундукъ—bedna. Терминологія бондарскихъ инструментовъ вся почти славянская и отличается большой оригинальностью: прорѣзываемый въ клепкахъ пазъ, въ въ который входятъ края дна, носитъ въ украинскомъ яз. назв. *утори*, а довольно неуклюжій деревянный циркуль—*розміряча* или *шестірні*. Наиболѣе деликатной работой въ бочарскомъ ремеслѣ, считается прорѣзка *уторів*, производящаяся при помощи особаго кривого струга называемаго *уторникомъ*. Когда эта часть работы сдѣлана, то чтобы найти размѣры дна, бондарь беретъ *розміряч* и раздвигаетъ ножки его приблизительно на разстояніе радіуса приготовляемой посудины, затѣмъ намѣчаетъ какую нибудь точку въ глубинѣ уторовъ и послѣдовательно накладываетъ циркуль, который долженъ обойти окружность шесть разъ (это называется *розмірятн на шість*). Если разміряч не доходитъ до намѣченной точки, отъ которой было начато откладываніе, или переходитъ ее, тогда оставшееся или лишнее пространство измѣряется и раздѣляется на шесть частей, а потомъ ножки циркуля или сдвигаются или раздвигаются на $^1/_6$ и начинается новое размѣриваніе, пока циркуль не обойдетъ шесть разъ точно. Послѣ этого бондарь вкладываетъ припасенныя уже для дна доски въ *лисицю* (станокъ), сжимаетъ ихъ клиньями и циркулемъ выводитъ кругъ, по которому и вы-

пиливается дно. Обручи часто приходится покупать на ярмаркѣ.

Какъ мы уже замѣтили, украинская терминологія бондарства очень старинна, но, не смотря на это, въ ней чрезвычайно мало общаго съ великорусскою. За исключеніемъ немногихъ издѣлій, названія которыхъ одинаковы на обоихъ языкахъ, какъ напр.: *ведро, бочка, обручъ*, и др. всѣ прочія бондарскія издѣлія называются по украински совсѣмъ иначе: *барило, балія, діжа, діжка, жлукто, зрізок, коновка, мазниця, ряжка, цебер* и т. д., между ними разумѣется есть нѣсколько и иностранныхъ.

Географически бондарство, какъ и производство всѣхъ деревянныхъ издѣлій, распространено больше всего въ Черниговской губ. и на Волыни, южнѣе встрѣчается больше ложкарство, стельмашество и проч., но бондарство, какъ ремесло, не составляя уже кустарнаго промысла, какъ на сѣверѣ, существуетъ повсюду.

Разведеніе *конопель* и особенно *льону*, въ видѣ промысла, существуетъ на Украинѣ, строго говоря, только въ Черниговской губ.; но для домашнихъ потребностей эти растенія разводятся болѣе или менѣе повсюду и за исключеніемъ можетъ быть только веревокъ, ввозимыхъ изъ Великороссіи, удовлетворяютъ эти потребности. Посѣвъ и сборъ конопли производятся на Украинѣ, такъ-же какъ и вездѣ въ Россіи. *Плоскінь*, т. е. стебли мужескихъ особей конопли, дающихъ болѣе тонкія волокна и поспѣвающихъ раньше, *выбірають* прежде всего, потомъ *беруть* женскіе стебли--*коноплі*,—вырывая ихъ съ корнемъ изъ земли, послѣ чего ставятъ ихъ *у копи*—сущить, размѣщая въ видѣ маленькихъ шалашей. Просохшіе стебли или молотятъ тутъ-же на полѣ, или везутъ для этого домой, а послѣ этой операціи несутъ къ водѣ и *мочать*, раскладывая на днѣ мелкой рѣчки или пруда и накрывая сверху иломъ. Достаточно вымокшіе стебли вынимаютъ изъ воды, опять сушатъ и трутъ *на терниці*, а затѣмъ *тіпають*, сильно ударяя о ту-же терницу и потомъ еще *мнуть* ногами. Удаливши такимъ образомъ всю *кострику*, связываютъ волокна въ *мички* и помѣстивши на *прядку* чешутъ и затѣмъ прядутъ изъ нихъ нитки. Прежняя прядка, состоящая изъ *днища*, въ которое вставляется *гребінь*, уже начинаетъ почти совсѣмъ вытѣсняться западно-европейской самопрялкой, архаическія же веретена съ каменной *пряслицей* и совсѣмъ уже исчезли, хотя кое-гдѣ, особенно у Гуцуловъ, удержались еще веретена съ неподвижнымъ или даже еще съ подвижнымъ деревяннымъ же кружкомъ возлѣ нижняго конца. Обыкновенно же нынѣшнія веретена всѣ точеныя съ постепеннымъ утолщеніемъ къ концу. О прялкахъ разукрашенныхъ рѣзьбою и росписью на Украинѣ нѣтъ и помина.

Приготовленная пряжа поступаетъ затѣмъ на ткацкій станокъ, очень не сложнаго, но далеко уже не примитивнаго устройства, занесенный къ намъ, какъ можетъ быть и въ Великороссію, вѣроятнѣе всего съ запада. Ткачество существовало въ древней Руси съ очень отдаленныхъ, вѣроятно доисторическихъ еще, временъ, но устройство первоначальнаго ткацкаго станка, который могъ быть и вертикальнымъ, какимъ онъ былъ у римлянъ (tela jugalis) и какимъ дожилъ почти до нашего времени въ Исландіи и на сѣверѣ Скандинавіи—намъ къ

сожалѣнію неизвѣстно. Нынѣшній же ткацкій станокъ—*верстать* или *кросна* —вездѣ на Украинѣ болѣе или менѣе одинаковъ, хотя напр. черниговскій станокъ отличается еще той примитивной особенностью, что въ немъ вмѣсто блоковъ «начинье» подымается и опускается на замѣняющихъ ихъ «трубочкахъ» т. е. полыхъ деревянныхъ цилиндрикахъ, надѣтыхъ на горизонтально лежащую палку. Сравненіе техническихъ названій ткацкаго станка въ разныхъ частяхъ Украины не лишено извѣстнаго интереса. Технически термины Черниговской и Полтавской губ. почти всѣ славянскіе и представляютъ гораздо больше сходства съ западно-славянскими, напр. съ сербскими, чѣмъ съ великорусскими; термины же ткацкаго станка Кіевской и Подольской губ. въ значительномъ количествѣ полонизованные нѣмецкіе. Такъ напр. вмѣсто черниговскаго *воротило* и сербскаго *вратило* (великорус. *кругъ*) въ Кіевской губ. мы находимъ *триб* (triebrad), вм. *набилок барцохи* и т. п. Очень возможно, что сравнительно болѣе усовершенствованный ткацкій станокъ пришелъ изъ Германіи черезъ Польшу въ западную Украину, гдѣ и удержались новые нѣмецкіе термины, тогда какъ въ сѣверовосточной Украинѣ они отчасти украинизировались, отчасти же остались прежними.

Полотно выдѣлывается украинскими крестьянами почти исключительно для домашняго употребленія и только очень небольшая часть его продается на ярмаркахъ или базарахъ, или же отдается «матушкамъ» во время *ільнуванія* т. е. объѣзда этими послѣдними «парахвій» своихъ супруговъ для сборовъ натурой. Это положеніе производства полотна должно быть также отнесено къ числу явленій искусственно вызваннаго упадка украинской промышленности, такъ по словамъ И. С. Аксакова еще около полустолѣтія тому назадъ украинскій холстъ сбывался въ Одессу, Елисаветградъ и др. мѣста, *вытѣсняя великорусскій*. Гораздо болѣе промышленное значеніе чѣмъ выдѣлка полотна имѣетъ теперь тканье *рушників* т. е. полотенецъ, составляющее довольно важный кустарный промыселъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно же въ г. Кролевцѣ Черниг. губ. Въ этомъ городѣ у значительной части мѣщанъ или городскихъ крестьянъ имѣются въ каждомъ домѣ небольшіе *верстаки* или верстати, спеціально приспособленные для этой работы. *Рушники* по б. ч. довольно узкіе ткутся съ узорами на концахъ состоящими изъ поперечныхъ линій полосокъ и т. п. геометрическихъ мотивовъ, скомбинированныхъ съ болѣе или менѣе стилизованными орлами, ведущими свое происхожденіе, по мнѣнію покойнаго В. Б. Антоновича не отъ русскаго государственнаго герба а отъ тѣхъ византійскихъ же орловъ, которые изображались, а иногда изображаются и теперь на предметахъ архіерейскаго богослуженія и которые легко перешли на полотенца, вслѣдствіе также литургическаго употребленія послѣднихъ во время архіерейскаго служенія. На большихъ коллекціяхъ старинныхъ и нынѣшнихъ кролевецкихъ рушниковъ, какія существуютъ въ кіевскомъ и черниговскомъ музеяхъ и въ Р. Музеѣ Имп. Александра III въ Петроградѣ, можно, впрочемъ, прослѣдить варіаціи этихъ орловъ, сообразно съ измѣненіями ихъ на деньгахъ въ разныя царствованія, а также

и переходъ рисунка этихъ орловъ, путемъ постепенной стилизаціи въ совершенно другія формы (букеты и т. п.).

Говоря о полотнѣ, невозможно не упомянуть также и о приготовленіи *вибойки, пейстри* или *мальованки*, т. е. набойки, которая выдѣлывается теперь очень грубымъ образомъ посредствомъ накладыванія полотна на покрытую рѣзными узорами доску, смазанную масляною краской и прижиманія его къ этой доскѣ посредствомъ прокатыванія валикомъ, въ результатѣ чего на полотнѣ отпечатываются краской, обыкновенно синей или синевато-черной, вырѣзанные на доскѣ узоры. Выбойка употребляется, главнымъ образомъ, на наволоки и штаны. Узоры выбоекъ состоятъ главнымъ образомъ изъ полосокъ, простыхъ или составленныхъ изъ угловъ, ломаныхъ или волнистыхъ линій и т. п. или же изъ болѣе или менѣе симметрично расположенныхъ точекъ (*горошок* и т. п.), звѣздочекъ или мелкихъ цвѣточковъ. Иногда (на наволоки) узоръ дѣлается болѣе крупный изъ цвѣтовъ со звѣздами, вѣточекъ, цвѣтовъ и т. п. Вмѣстѣ съ паденіемъ выдѣлки и употребленія полотна, все болѣе и болѣе замѣняемаго бумажными тканями, падаетъ и выдѣлка набойки.

f) Обработка животныхъ матеріаловъ. Обработка животныхъ матеріаловъ началась на Украинѣ, какъ и вездѣ, прежде всего съ выдѣлки звѣриныхъ шкуръ. Множество находимыхъ у насъ скребковъ свидѣтельствуетъ о томъ что эта обработка существовала уже въ палеолитическія времена, продолжалась въ теченіи неолитической эпохи и дожила до нашихъ дней, замѣнивши только каменный скребокъ желѣзнымъ который въ видѣ *скафи* или *шкафи;* употребляется и теперь. Не особенно много измѣнились въ этой обработкѣ и техническіе пріемы оставшіеся, впрочемъ, повсюду довольно примитивными: выскребаніе съ шкуръ мездры, вымачиваніе ихъ въ „квасѣ“, разминаніе, выщелачиваніе известью, дубленіе, просушка, вытягиваніе и т. д. Народная обработка кожъ естественно дѣлится на три отдѣльныхъ ремесла: *кушнірство, чинбарство* и *лимарство*, каждое изъ которыхъ распадается въ свою очередь на два занятія, соединяемыхъ обыкновенно вмѣстѣ: одно—выдѣлывающее матеріалы и другое—приготовляющее изъ нихъ издѣлія.

Такимъ образомъ кушнірство распадается на выдѣлку овчинъ и собственно—кушнірство или *кожухарство*; чинбарство раздѣляется на *чинбарство*, т. е. вычинку кожъ, и *шевство*—шитье сапогъ и наконецъ лимарство состоитъ изъ сыромятничества и собственно—лимарства или шорнаго мастерства. Въ техникѣ ремеслъ, заготовляющихъ матеріалы, разумѣется много общаго, тогда какъ техника кожаныхъ издѣлій естественно очень различна. При выдѣлкѣ овчинъ, снятыя съ животныхъ шкуры сначала просушиваются на солнцѣ и въ такомъ видѣ иногда сохраняются; передъ выдѣлкой ихъ мочатъ въ копанкахъ, т. е. ямахъ, вырытыхъ въ землѣ, затѣмъ соскребаютъ съ нихъ мездру, потомъ вымачиваютъ отъ 9 до 12 дней въ „квасу“, состоящемъ изъ муки, отрубей и соли. Для этого ихъ складываютъ извѣстнымъ образомъ и погружаютъ въ *зрізокъ* съ квасомъ, имѣющій форму слегка усѣченнаго конуса съ очень широкимъ отверстіемъ и сравнительно очень небольшимъ дномъ. Послѣ вы-

мочки шкуры просушиваютъ и съ нижней стороны намазываютъ глиной, потомъ слегка смачиваютъ квасомъ, разминаютъ ногами, расправляютъ посредствомъ такъ наз. *ключа*, натираютъ *крейдою* т. е. мѣломъ и наконецъ снова выскабливаютъ съ нижней стороны шкафой, ущемивши для этого въ особый станокъ—*пъяло*. Для выдѣлки сапожнаго товара, кожи для юфти обыкновенно коровьи и для подошвъ — бычачьи, сначала выщелачиваютъ въ смѣси извести и пепла, затѣмъ снимаютъ съ нихъ шерсть, соскабливаютъ мездру, строгаютъ обломкомъ косы и кладутъ въ хлѣбный квасъ, пересыпая ихъ толченой дубовой корой. Послѣ дубленія въ теченіи отъ 1 до 5 мѣсяцевъ, кожи просушиваютъ, юфть окрашиваютъ желѣзнымъ купоросомъ, смазываютъ дегтемъ и пр., подошву выбиваютъ, лощатъ и т. д. Затѣмъ готовыя кожи сейчасъ же разрѣзываются и идутъ, на шитье сапоговъ. «*Лимарщину*», т. е. сыромятныя кожи, тоже вымачиваютъ въ квасу, соскребаютъ съ нихъ шерсть, кладутъ въ растворъ соли и наконецъ разминаютъ на особенномъ инструментѣ назыв. *мняломъ* или *мняло́ю*. Всѣ эти операціи по выдѣлкѣ кожъ, разумѣется, довольно примитивны и не отличаются особой оригинальностью, ровно какъ и приготовленіе изъ нихъ издѣлій. Болѣе другихъ самобытна, можетъ быть, кройка шкуръ для шитья *кожуховъ*. Обыкновенно для хорошаго кожуха надо 6 шкуръ, а для большого, съ длинными рукавами и 7. Каждая изъ этихъ шкуръ кроится особеннымъ образомъ, чѣмъ достигается большая экономія матеріала. Изъ одной, самой большой шкуры дѣлается такъ наз. *перегинка*, т. е. верхняя часть кожуха: для этого ее обрѣзываютъ въ видѣ трапеціи, сгибаютъ пополамъ, на сгибѣ вырѣзываютъ круглую дыру для шеи, а отъ нея болѣе длинную часть, идущую на грудь, разрѣзываютъ на двѣ половины. Къ этой, такъ сказать, основѣ кожуха пришиваются полы, клинья, наконецъ рукава и воротникъ, вырѣзанный соотвѣтственнымъ образомъ изъ другихъ 4-хъ или 5-ти шкуръ.

Не останавливаясь на шевствѣ и лимарствѣ, пріемы которыхъ не представляютъ никакихъ выдающихся особенностей, замѣтимъ только, что эти ремесла, особенно шевство, т. е. сапожное мастерство, равно какъ и кожевенное дѣло вообще, приходитъ въ большой упадокъ подъ вліяніемъ усовершенствованной заводской и мануфактурной техники. Народное ремесло, какъ бы ни старались искусственно поддерживать кустарные промыслы, въ соприкосновеніи съ высшей культурой и капитализаціей производства, неизбѣжно умираетъ. Жалобы на это мы слышимъ изо всѣхъ центровъ кожевенной промышленности: изъ Новоградволынскаго у. Волынской губ. изъ Переяславскаго у. Полтавской губ., и пр. Нѣсколько лучше стоитъ дѣло въ украинскихъ уѣздахъ Курской губ., гдѣ въ Суджанскомъ у. сапожный промыселъ началъ процвѣтать именно съ тѣхъ поръ, какъ сапожники прекратили совсѣмъ домашнюю выдѣлку кожи и начали покупать ее на фабрикахъ. Не особенно дурно стоятъ еще дѣла кіевскихъ сапожниковъ: знаменитый *Шевскій* дворъ, представлявшій собою родъ цехового дома, превратился теперь въ ремесленную школу съ магазинами обуви внизу. Въ общемъ же, выдѣлка

кожъ и издѣлій изъ нихъ, возникшая и развившаяся главнымъ образомъ въ средней Азіи, привилась гораздо больше въ восточной Россіи подъ вліяніемъ татаръ и раньше сдѣлалась тамъ предметомъ заводской промышленности, благодаря чему кожевенное дѣло, не смотря на господство въ Великороссіи лаптей, развилось тамъ и достигло большаго техническаго совершенства чѣмъ на Украинѣ.

д) Обработка шерсти распадается на Украинѣ на выдѣлку *повсті* или войлока и затѣмъ на выдѣлку изъ нея головныхъ уборовъ—*шаповальство*, на вязанье и тканье поясовъ, на выдѣлку сукна и наконецъ на тканье ковровъ или *коцарство*. Что касается *повсті* или *лямціе*, то выдѣлка ея распространена въ довольно слабой степени и ограничивается приготовленіемъ войлока для подбивки хомутовъ, обивки дверей и пр. и главнымъ образомъ для валенокъ и *брилів* (шляпъ) и *шоломків* или *яломків* (шапокъ). Послѣ обработки шерсти на такъ наз. «струнѣ», ее накладываютъ нѣсколькими тонкими слоями на полотно, спрыскиваютъ водой и потомъ, прикрывши опять холстомъ, сворачиваютъ и уплотняютъ посредствомъ скатыванія „въ трубку". Шерстобиты же занимаются и выдѣлкой *валу*, или пряденіемъ шерсти на особенномъ „станкѣ". Впрочемъ какъ шерстобитство, такъ и пряденіе шерсти являются теперь уже совершенно отживающими ремеслами, вытѣсняясь машинной обработкой шерсти, которая выходитъ и лучше и безопаснѣе для здоровья и гораздо дешевле.

Переживаніе *плетенья* шерстяныхъ издѣлій мы встрѣчаемъ еще только въ выдѣлкѣ *краекъ*, т. е. узкихъ поясковъ, которые не ткутся, а плетутся руками. Мастерицы обыкновенно сами перебираютъ вовну и прядутъ ее на обыкновенныхъ прялкахъ, а за тѣмъ пряжу плетутъ на тонкихъ палочкахъ, которыя потомъ выдергиваются. Для окраски такихъ поясковъ употребляли прежде *червѣць*, т. е. кошениль, а теперь обыкновенно анилиновую краску, покупаемую на базарѣ.

Изъ тканыхъ шерстяныхъ издѣлій прежде всего надо упомянуть о *запáскахъ*—кускахъ рѣдкой и довольно грубой шерстяной ткани, которыми женщины обертываютъ кругомъ нижнюю часть тѣла, перехватывая тонкимъ шерстянымъ же поясомъ или крайкой по таліи. Запаски дѣлаются довольно легко, но производство ихъ быстро уменьшается, такъ какъ этотъ примитивный костюмъ замѣняется теперь ситцевыми юбками. Окрашиваютъ запаски въ черный или темносиній цвѣтъ и носятъ ихъ почти исключительно только во время работы въ жнива или на огородахъ.

Болѣе усовершенствованную форму запаски представляетъ собой *плáхта*. О формахъ и распространеніи плахтъ будетъ сказано въ главѣ объ одеждѣ, здѣсь только мы должны замѣтить, что и онѣ ткутся на *верстáті* или *крóснахъ*, но требуютъ гораздо болѣе искусства и разсчета, такъ какъ дѣлаются изъ шерстей разныхъ цвѣтовъ, а иногда и съ примѣсью шелка. Плахты, не смотря на свою красоту, также выходятъ теперь изъ моды, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Украины и вовсе уже исчезли.

Подобно *пóвсті* и грубой шерстяной ткани, выдѣлка *сукна* существовала въ древней Кіевской Руси еще до принятія христіанства. Простое кре-

стьянское сукно ткутъ и до сихъ поръ еще на Украинѣ на такой-же *верстатѣ*, какъ и полотно, разумѣется съ другими только приспособленіями, а потомъ валяютъ на мельничныхъ *валюшáх*, для приданія большей гибкости и мягкости. Цвѣтъ выдѣлываемыхъ суконъ бываетъ или натуральнымъ или искусственнымъ. Изъ совершенно бѣлой „вовни“ приготовляется и бѣлое сукно, идущее на женскія *свíти* и *юпки*, носимыя почти во всей Украинѣ и на мужескую и женскую одежду въ Угорской Руси. Смѣсь бѣлой и черной шерсти даетъ сѣрое сукно, употребляемое больше на сѣверѣ, особенно на Волыни и въ Галиціи, въ другихъ же мѣстностяхъ обыкновенно идетъ только на самую дешевую одежду для болѣе бѣдныхъ людей. Въ большей-же части Украины для мужской одежды употребляется сукно темное сѣро-коричневаго цвѣта, выгорающаго потомъ на солнцѣ въ свѣтлый коричневый. Въ сѣверо-западной Украинѣ дѣлаютъ и совершенно черное сукно, по большей части изъ окрашенной смѣшанной шерсти, а въ Гуцульщинѣ сукно окрашиваютъ по большей части еще кошенилью въ ярко-красный цвѣтъ, который повидимому прежде былъ во всей Галичинѣ преобладающимъ и вѣроятно далъ ей названіе Червоной Руси.

Затѣмъ въ техникѣ шерстяныхъ издѣлій нельзя не упомянуть еще о выдѣлкѣ ковровъ—*кбцíв* или *килимíв*, мастерствѣ очень древнемъ и хотя тоже исчезающемъ, но оставившемъ по себѣ въ музеяхъ, а еще больше въ церквахъ и въ частныхъ рукахъ, множество превосходныхъ образчиковъ украинскаго искусства. Выдѣлка килимовъ производится въ обычной обстановкѣ ткачества на такихъ же точно *крбснах* или *верстатях*, какъ и у всѣхъ ткачей. Шерсть для ковровъ *ткáлі* или *коцáрки* обыкновенно употребляютъ воловью съ небольшою примѣсью овечьей, покупая ее у кожевниковъ и *кушнірів*, окрашиваютъ въ черный цвѣтъ отваромъ ольховой коры съ *купервáсом*, т. е. желѣзнымъ купоросомъ, въ желтый—гречневой половой съ *галунбм* (квасцами) въ зеленый, красный и проч. цвѣта теперь по большей части анилиновыми красками. Основа дѣлается изъ пеньковыхъ нитокъ. Килимы выдѣлываются теперь чаще всего около $3^1/_2$ арш. длины и 1 аршинъ ширины, иногда же по заказу и гораздо больше. Простые ковры дѣлаются обыкновенно полосатыми въ длину, при чемъ къ полосамъ прибавляются иногда вязанные узоры (квадратики, ромбики, кружки, звѣздочки и пр.) которые не ткутся, а навязываются во время самаго тканья. Старинные же ковры дѣлались и съ довольно сложнымъ и замѣчательно красивымъ, чаще всего растительнымъ, узоромъ, близко напоминающимъ узоры персидскіе на черномъ, желтомъ, зеленомъ фонѣ. Животный орнаментъ на украинскихъ коврахъ встрѣчается впрочемъ чрезвычайно рѣдко. Однимъ изъ крупныхъ центровъ коцарства былъ еще лѣтъ 30 тому назадъ г. Харьковъ, мѣщанки котораго главнымъ образомъ занимались этимъ мастерствомъ, приготовляя сами краски изъ растеній, собиравшихся на поляхъ. Харьковскіе коцы пользовались большой и вполнѣ заслуженной извѣстностью по своей красотѣ и крѣпости. Они продавались въ очень большомъ количествѣ на ярмаркахъ и вывозились въ Великороссію, а особенно

въ Петроградъ и даже за границу, откуда поступали иногда очень крупные заказы. Постепенное вздорожаніе шерсти и фабричное производство ковровъ въ Москвѣ мало по малу убили кощарское ремесло и теперь оно едва существуетъ. Кромѣ Харькова, ковры выдѣлывались прежде и въ Черниговской губ. (с. Быковъ), выдѣлываются и теперь въ Кіевской губ., коегдѣ на Волыни и въ довольно большихъ еще размѣрахъ въ Подольской и Херсонской губ., въ Бессарабіи и въ Восточной Галиціи, особенно на Покутьѣ и въ Гуцульщинѣ, гдѣ лавки въ хатахъ и теперь устилаются еще килимами. Въ угорской Гуцульщинѣ дѣлаютъ еще мохнатые бѣлые съ полосами ковры замѣчательной красоты и легкости. Посредствомъ Галиціи и Бессарабіи выдѣлка украинскихъ ковровъ соприкасается съ изготовленіемъ ихъ въ Румыніи, Болгаріи и Сербіи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ напр. въ с. *Бехах* на Волыни, кромѣ ковровъ дѣлаютъ еще ковровые фартухи и запаски, очень распространенные и до сихъ поръ, и часто (особенно старинные) очень красивые.

Чтобы закончить обработку животныхъ веществъ намъ надо еще упомянуть объ обработкѣ кости и рога. Эта обработка, впрочемъ, очень мало развита на Украинѣ, хотя существуетъ уже съ доисторическихъ временъ, такъ какъ въ неолитическихъ раскопкахъ были находимы уже предметы этого рода въ видѣ гребней, крючковъ для удочекъ и т. п. Выдѣлка гребней практикуется теперь въ Полтавской губ. въ Шумскѣ, возлѣ Глинска, въ Семеновкѣ Новозыбк. у. Черниг. губ. и въ др. мѣстахъ. Для нея употребляются обыкновенно воловьи рога, которые распиливаются на столько частей сколько можетъ выйти изъ рога *гребінців*, потомъ разрѣзываются съ одной стороны вдоль, расправляются на огнѣ, выглаживаются *гемблем* (стругомъ) и наконецъ изъ приготовленныхъ такимъ образомъ роговыхъ пластинокъ вырѣзываются гребни, на которыхъ нарѣзываются на особомъ станкѣ зубья. Кромѣ гребней изъ рога выдѣлываютъ еще табакерки—тавлинки и *рожки на табаку*. Выдѣлка богато украшенныхъ рѣзьбою пороховницъ изъ оленьихъ роговъ, процвѣтавшая еще во времена козачества, теперь сохранилась только въ видѣ рѣдкости у Гуцуловъ.

Оканчивая этимъ по необходимости очень бѣглый обзоръ этнографическихъ особенностей украинской народной техники, мы, кажется, можемъ прійти къ заключенію, что имѣя въ себѣ довольно много примитивнаго, она находится въ прямой связи съ старинной техникой древне-кіевской Руси и очень во многомъ обнаруживаетъ родство съ подобной-же техникой южныхъ и западныхъ славянъ. Подвергаясь въ своемъ развитіи, главнымъ образомъ, западнымъ культурнымъ вліяніямъ, она осталась въ сторонѣ отъ вліяній финскихъ и среднеазіатскихъ, имѣющихъ мѣсто у великоруссовъ, но въ тоже время носитъ нѣкоторые слѣды иранскихъ и можетъ быть малоазіатскихъ вліяній.

VI. Способы передвиженія [1]). Простѣйшіе способы передвиженія и перенесенія тяжестей на себѣ въ Украинѣ разумѣется тѣже, какъ и вездѣ. Грудныхъ дѣтей украинки, какъ и вообще всѣ европейскія женщины, носятъ

[1]) *Аристовъ*, op. cit. *Анучинъ*, Д. Н. Сани, ладья и кони (Тр. Моск. Арх. Общ. т. XIV).

исключительно на рукахъ и спереди, никогда не помѣщая ихъ сзади себя, на спинѣ. Въ очень рѣдкихъ мѣстностяхъ ребенокъ подвѣшивается спереди на *обрусѣ*—широкомъ и длинномъ кускѣ полотна, носимаго на плечахъ въ видѣ шали, какъ намъ пришлось видѣть въ с. *Поляныах* на Лемковщинѣ. Иногда, впрочемъ, когда хотятъ чтобы руки оставались свободными, ребенка, обыкновенно довольно уже подросшаго, котораго слишкомъ тяжело уже держать на рукахъ, помѣщаютъ въ корзинкѣ за плечами, какъ это мы наблюдали въ с. *Сущанах* на Волыни. Затѣмъ небольшія тяжести носятъ обыкновенно просто въ рукахъ, какъ напр. ведро съ водой, кувшинъ, корзину и т. п.; болѣе значительныя тяжести на плечахъ (коромысло съ ведрами, мертвецовъ на *мара́х,* бревна и пр.), а большія—чаще всего на спинѣ (мѣшки съ мукой, кирпичи, наполненные боченки и т. п.), не употребляя при этомъ никакихъ особенныхъ приспособленій въ родѣ сѣдла турецкихъ „хамаловъ“ или висячей полочки, на которой петроградскіе дворники разносятъ дрова. Въ крайнихъ случаяхъ, впрочемъ, украинскій носильщикъ мѣшковъ съ *борошном* привязываетъ къ угламъ мѣшка концы пояса и, перекладывая его на плечи, переноситъ на нихъ и часть тяжести, лежащей на спинѣ. Единственный изъ способовъ, котораго безусловно нигдѣ нѣтъ на Украинѣ—это ношеніе тяжестей на головѣ, не смотря на то, что способъ этотъ употребляется очень часто у сосѣднихъ народовъ и на югѣ и на сѣверѣ.

Въ историческихъ свѣдѣніяхъ о передвиженіи по воднымъ путямъ на Украинѣ мы не находимъ ничего объ употребленіи плотовъ для перевозки тяжестей: въ лѣтописяхъ есть только указанія, что въ Кіевъ лѣсъ доставлялся по Днѣпру связаннымъ въ плоты. Тѣмъ не менѣе плоты и теперь еще употребляются кромѣ дерева для перевозки нѣкоторыхъ грузовъ. Такъ напр., по Деснѣ на плотахъ сплавляютъ очень большія количества мѣла, иногда же такимъ образомъ перевозятся въ разобранномъ видѣ и цѣлые дома, находящіеся въ продажѣ на пристани въ Кладьковкѣ, недалеко отъ Чернигова. Кромѣ плотовъ въ лѣтописяхъ упоминаются уже челны, ладьи и даже корабли, бывшіе, впрочемъ только довольно большими лодками, подымавшими отъ 40- до 60-ти человѣкъ. Въ высшей степени интересно то сходство, которое мы находимъ между лѣтописными ладьями и запорожскими чайками, описанными очень подробно Бопланомъ. И тѣ и другія состояли по крайней мѣрѣ въ основѣ своей изъ выдолбленнаго изъ одного дерева челна (μονοξηλα) обшитаго по бортамъ довольно высоко досками и имѣли по два руля (на кормѣ и на носу), чтобы не происходило столкновеній и путаницы при поворотахъ. Но запорожскіе *човни* отличались еще одной особенностью: по бортамъ ихъ, какъ говоритъ Бопланъ, привязывались длинные пучки камыша (а можетъ быть *куги*) для большей устойчивости во время волненія — приспособленіе, которое можно сравнить развѣ только съ контрфорсными бревнами океанійскихъ пирогъ. Нынѣшнія украинскія лодки отличаются большимъ однообразіемъ, начиная отъ простыхъ *дѣвбанокъ*-душегубокъ т. е. долбленыхъ однодеревокъ и кончая большими байдаками. На Дунаѣ, Днѣ-

стрѣ и Днѣпрѣ съ ихъ притоками встрѣчаются *дóвбанки*, *каюкú*, *обшúванки*, *липки*, *дубы*, *шаланди*, *байдáки*, *литвúни*, *берлúни*, *гиляри*. На Кубани—*байди*, *козú* или *кізки*, *баркáси*, *фелюги* и пр. Какъ показываютъ названія, большая часть изъ нихъ представляютъ заимствованія отъ сосѣднихъ народовъ, болѣе или менѣе усовершенствованныя, сравнительно съ древними ладьями. Чтобы окончить съ орудіями передвиженія по водѣ, надо упомянуть еще о паромахъ. На небольшихъ рѣкахъ, какъ на Сеймѣ, Деснѣ и др., паромы представляютъ собою обнесенный перилами помостъ на двухъ дубахъ или байдакахъ, передвигаемый, при помощи блока, по веревкѣ, протянутой съ одного берега рѣки на другой. Совсѣмъ другое устройство имѣли громадные паромы на Днѣпровскихъ пристаняхъ, гдѣ переправлялись чумацкія «валки». Это были большія барки или байдаки, на которые настилалась палуба и которые передвигались съ помощью 6—7 паръ веселъ и *стéрна* т. е. руля. Такіе паромы были въ Микитиномъ Рогѣ (Никополь), Бериславѣ и пр. Теперь, съ паденіемъ чумачества, эти сооруженія мало-по-малу исчезаютъ за ненадобностью и замѣняются болѣе легкими.

При перевозкѣ тяжестей съ помощью животныхъ наиболѣе первобытнымъ способомъ является навьючиваніе ихъ, главн. обр. на лошадей. Этотъ способъ очень долго практиковался и на Украинѣ, въ особенности тогда, когда перевозка на волахъ оказывалась слишкомъ медленною, или невозможною по узкимъ лѣснымъ тропинкамъ; мы встрѣчаемъ его въ лѣтописяхъ и въ козацкую эпоху, когда сообщеніе на верховыхъ лошадяхъ бывало чаще чѣмъ теперь. Однако и въ настоящее время ѣдущіе почему нибудь верхомъ везутъ свою поклажу въ *саквáхъ* или *бисáгахъ* (bisaccium), и кромѣ того такая перевозка тяжестей является единственно возможною въ гористыхъ мѣстностяхъ Украины, особенно же въ Гуцульщинѣ. Тамъ перевозятъ на вьючныхъ лошадяхъ не только разныя вещи и припасы, но и жидкости, какъ молоко, сыворотку и т. п., а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже покойниковъ, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже въ главѣ объ обычаяхъ и обрядахъ. Ѣзда на лошадяхъ верхомъ въ теченіи очень долгаго времени была наиболѣе употребительнымъ способомъ передвиженія на Украинѣ. Изъ относящихся къ верховой ѣздѣ приспособленій, сѣдло упоминается уже въ лѣтописныхъ сказаніяхъ объ Олегѣ и Святославѣ, равно какъ и стремена; *острóги* же или шпоры упоминаются только въ козацко-польскій періодъ, да и то больше у поляковъ.

Наиболѣе древнимъ орудіемъ передвиженія при помощи упряжныхъ животныхъ были несомнѣнно жерди, привязанныя къ сѣдлу или хомуту лошади, а можетъ быть и къ ярму быковъ—нѣчто въ родѣ волокуши, превратившейся потомъ въ сани. Но изъ этого рода приспособленій на Украинѣ сохранилось только кое-что въ Карпатахъ, да и то въ видѣ переходной формы. Таковы напр. сани съ волочащимися сзади шестами—*влáками*, какія намъ удалось наблюдать въ с. Злоцьке у Лемковъ. Это небольшія санки съ чрезвычайно короткими полозьями, (каждое изъ этихъ

полозьевъ въ отдѣльности называется *саня*, а оба вмѣстѣ—*сани*) и поперечной перекладиной, къ которой прицѣп, лены двѣ тянущіеся по землѣ *влажи*, тоже соединяемыя перекладиной. Санки эти употребляются какъ зимой такъ и лѣтомъ для перевозки дерева и главнымъ образомъ сѣна съ горъ въ деревню. O. Kolberg, въ своемъ описаніи Покутья, говоритъ еще о *копаницяхъ*—санкахъ сдѣланныхъ изъ дерева, выкопаннаго съ корнемъ, и вѣроятно развиленнаго отъ природы, прибавляя, что онѣ гораздо прочнѣе саней съ полозьями. Простѣйшій видъ саней, существующихъ теперь на Украинѣ, извѣстенъ подъ именемъ *гриджолъ* и въ маленькомъ видѣ употребляется для ручной перевозки небольшихъ тяжестей и въ дѣтскихъ играхъ.

Въ очень увеличенномъ видѣ такія простыя и очень грубыя сани служатъ для перевозки дровъ и разныхъ другихъ тяжестей. Они состоятъ изъ двухъ длинныхъ полозьевъ, связанныхъ между собою двумя *оплінами*, т. е. поперечными брусьями, надѣтыми, посредствомъ выдолбленыхъ на ихъ концахъ отверстій, на вбитые въ полозья вертикально *копилля;* по концамъ этихъ брусьевъ выдолблены дырки, въ которыя иногда укрѣпляются 4 *рожна*, т. е. вертикальныхъ шеста для увязыванія перевозимыхъ предметовъ, если предметы эти не прикрѣпляются просто т. наз. *поплюстками*, т. е. веревками изъ скрученныхъ свѣжихъ вѣтвей. Собственно для ѣзды употребляются сани меньшихъ размѣровъ, довольно легкія, по большей части очень простыя, иногда же украшенныя очень затѣйливой рѣзьбой или цвѣтной росписью особенно на спинкѣ, какъ напр. въ уманскомъ у. Кіев. губ. въ с. Мшанець въ Вост. Галиціи и др. мѣстахъ (рис. 3). О погребальномъ употребленіи саней будетъ сказано далѣе въ главѣ объ обрядахъ.

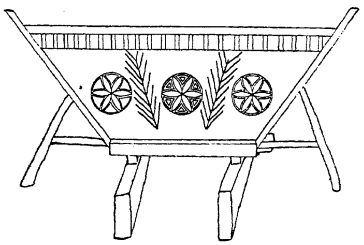


Рис. 3.

Переходныхъ формъ отъ саней къ колесному ходу, такихъ напр. какія еще встрѣчаются въ canl. de Vaud въ Швейцаріи и въ которыхъ передняя часть состоитъ изъ саней съ короткими полозьями а подъ заднюю подставлена уже пара колесъ—въ Украинѣ теперь не существуетъ, даже въ горныхъ мѣстностяхъ, такъ-же точно, какъ нѣтъ, за исключеніемъ дѣтскихъ игрушекъ, и первобытныхъ колесъ изъ цѣльнаго дерева или изъ нѣсколькихъ кусковъ, образующихъ крѣпкій сплошной кругъ, встрѣчающихся еще на Кавказѣ. Наиболѣе простой, но очень мало теперь распространенный типъ колеснаго приспособленія для ѣзды, представляетъ теперь на Украинѣ двуколесная телѣжка такъ называем. *бідa* или *бідка*. Очень сомнительно, впрочемъ, чтобы она имѣла что-нибудь родственнаго съ одноколкой княжескаго періода и тѣми чисто-восточными двухколесными половецкими повозками, изображенія которыхъ мы находимъ на миніатюрахъ Кенигсбергскаго списка нач. XVI в.; скорѣе всего можно думать, что она западнаго происхожденія. Самымъ же обыкновеннымъ приспособленіемъ для пере-

возки является *віз*, сохранившій и до сихъ поръ свое древнее названіе, подъ какимъ онъ существовалъ и въ княжескую эпоху. Віз бываетъ или *кінський* или *воловий*: разница между ними заключается въ томъ, что на лѣвомъ берегу Днѣпра къ конскому возу придѣлываются *голоблі*, а къ воловому—*дишель* или *війя*; на правомъ же берегу, гдѣ оглобли почти не употребляются, війя отличается отъ дышла тѣмъ, что она на своемъ заднемъ концѣ развиливается на двое и каждая изъ развилинъ охватываетъ соотвѣтственную ось, какъ головка оглобли, тогда какъ дышло не имѣетъ развилинъ и вставляется въ промежутокъ между *спицями*, съ которыми скрѣпляется посредствомъ желѣзныхъ *обручок*. Кромѣ того кінський віз обыкновенно бываетъ нѣсколько меньше и легче волового.

Какъ мы увидимъ далѣе и устройство воза и даже номенклатура его довольно многочисленныхъ составныхъ частей на всемъ пространствѣ Украины почти совершенно одинаковы, но *формы* его очень различны въ разныхъ мѣстностяхъ. Наиболѣе типическую форму мы встрѣчаемъ главнымъ образомъ, въ Полтавской, Харьковской и отчасти Херсонской и Кіевской губ.. Этотъ возъ сравнительно невеликъ, не особенно глубокъ, но и не разлогій. На сѣверѣ Черниговской губ. на правомъ берегу Десны, возы уже напоминаютъ великорусскій типъ; на югѣ Екатеринославской, въ Херсонской, Таврической и Бессарабіи они гораздо больше и переходятъ въ нѣмецкій фургонъ, гарбу и „дилижанъ“, достигающіе очень большихъ размѣровъ и приспособленные главн. обр. къ перевозкѣ большихъ количествъ сѣна или сноповъ соломы. На правомъ берегу Днѣпра *хури* или *фірманки* обыкновенно бываютъ гораздо длиннѣе и глубже полтавскихъ возовъ, а на Волыни, особенно сѣверной, гдѣ дороги или, вѣрнѣе, просѣки въ лѣсахъ очень не широки, возы довольно длинны и чрезвычайно узки, такъ что иногда вдвоемъ рядомъ помѣститься нельзя, и ѣдущіе должны садиться гуськомъ, кромѣ того въ нихъ всегда вкладывается плетеная изъ лозы *кошовка*, открытая спереди и имѣющая спинку сзади. Наконецъ совсѣмъ особенный типъ, представляетъ собой *мажа* или возъ чумацкій. Онъ отличается или скорѣе отличался величиной и прочной тяжестью, очень затѣйливой орнаментаціей и очень тщательной отдѣлкой ящика, выложеннаго лубомъ, кромѣ того онъ всегда имѣлъ кожанную покрышку и *важницю*—довольно длинный и толстый рычагъ для *підважування*, которая помѣщалась сбоку на выступающихъ сучкахъ передней и задней *люшні*.

При всемъ разнообразіи формъ самое устройство украинскаго воза чрезвычайно въ сущности однообразно и не многимъ отличается отъ европейскихъ деревянныхъ повозокъ вообще. Мы уже упоминали, что номенклатура воза на всемъ пространствѣ Украины почти совершенно одинакова и разница въ этомъ отношеніи между наиболѣе отдаленными ея мѣстностями почти не даетъ чувствовать. Существующія, же небольшія различія указываютъ повидимому, что западныя названія и древнѣе и менѣе испорчены. Такъ напр. деревянный или, въ хорошихъ возахъ обыкновенно, желѣзный стержень, проходящій вертикально сквозь переднюю часть воза и связывающій

эту часть его съ задней, въ Черниговской и Полтавской губ. называется *шкворень* или *шворень* тогда какъ на Волыни и въ В. Галиціи онъ называется *сворінь*. Этимологическую разгадку этого термина, врядъ-ли сразу понятнаго, даетъ повсемѣстный на Украинѣ глаголъ *розвóрювати* віз, т. е. раздѣлять ходъ его на двѣ половины—переднюю и заднюю, для того чтобъ на обѣихъ помѣстить какой-нибудь длинный предметъ въ родѣ перевозимаго ствола дерева. Интересно при этомъ, что деревянный брусъ, прикрѣпленный наглухо къ задней оси и соединяющійся съ передней посредствомъ шворня, называется въ восточной Украинѣ *підтокой* или *підтоками*, у бойковъ же носитъ названіе *розвóри*. Такимъ образомъ слово *сворінь* происходитъ отъ глагола *с(з)вóрювати*, т. е. соединять или сцѣплять двѣ половины колеснаго хода. Волынское и галицкое слово *голоблі*, встрѣчаемое впрочемъ изрѣдка и въ Полтавщинѣ, какъ кажется, древнѣе и правильнѣе слова *оглоблі* и т. д.

Въ отношеніи упряжки, кромѣ той технической разницы, какая обусловливается различіемъ возовъ конскаго и воловаго, существуетъ еще разница и этнографическая. На лѣвой сторонѣ Днѣпра и на небольшомъ пространствѣ прибрежной полосы Кіевской—всѣ конскіе возы съ оглоблями и съ дугой и только воловые—съ дышломъ, на правой же сторонѣ и во всей западной Украинѣ—всѣ возы, какъ конскіе такъ и воловые—съ дышломъ и всегда безъ дуги, при чемъ въ самой упряжи вмѣсто восточнаго *хамута* употребляется *шлея*. Надо впрочемъ замѣтить, что оглобли существуютъ и въ западной Украинѣ, но главнымъ образомъ, въ одноконныхъ саняхъ и особенно въ сохѣ и въ запряжкѣ *бовкуном*, т. е. однимъ только воломъ или коровой. Что касается дуги, то ея финское происхожденіе, кажется, съ достаточной ясностью доказано покойнымъ В. В. Стасовымъ и въ Украинѣ она несомнѣнно представляетъ позаимствованіе перешедшее или черезъ Бѣлоруссію или же непосредственно отъ великоруссовъ. Въ послѣднемъ заставляетъ нѣсколько сомнѣваться какъ форма украинской дуги, обыкновенно довольно легкой и не особенно плоской, такъ и сравнительная бѣдность ея орнаментаціи, ограничивающейся только скромнымъ рѣзнымъ узоромъ, при полномъ отсутствіи росписи или позолоты. Подобной же скупостью украшеній отличается и украинская упряжь, на которой замѣчается полное отсутствіе кисточекъ, мѣдныхъ украшеній, бубенчиковъ и т. п. имѣющихъ у финновъ значеніе предохранительныхъ амулетовъ и превратившихся у великоруссовъ въ простыя, но упорно сохраняющія первобытную форму, украшенія. Упряжка тройкой въ Украинѣ, тоже, строго говоря, не существуетъ, за исключеніемъ мелкихъ помѣщиковъ и низшихъ чиновниковъ, считающихъ особеннымъ „шикомъ“ ѣздить на тройкѣ съ одѣтымъ по великорусски кучеромъ. Нечего и говорить о томъ, что въ отношеніи упряжки и пр. украинцы, за указаннымъ исключеніемъ, примыкаютъ къ западнымъ и южнымъ славянамъ.

Говоря о средствахъ передвиженія нельзя не упомянуть о дорогахъ. Наиболѣе примитивными путями сообщенія изъ всѣхъ украинскихъ странъ, отличаются, разумѣется, нѣкоторыя мѣстно-

сти въ Карпатахъ, гдѣ вовсе нѣтъ дорогъ и колесное сообщеніе если возможно, то только по русламъ окончательно, или только на лѣто, высохшихъ рѣчекъ. Немногимъ лучше и нѣкоторыя дороги вдоль рѣкъ и черезъ рѣки. Вообще же можно сказать, что во всей Украинѣ, начиная съ обыкновенной *стежки* или тропинки, или узкой полевой дорожки и лѣсной просѣки, до знаменитыхъ украинскихъ *шляхів*, въ родѣ историческаго Ромодана, всѣ эти пути находились и находятся и теперь въ достаточно примитивномъ состояніи. Густо поросшіе *споришемъ* и *подорожникомъ*, они пыльны лѣтомъ и покрыты глубокой грязью осенью и весною. Названіе *шляхъ* показываетъ, что большія почтовыя дороги прокладывались вѣроятно иностранцами съ цѣлями прежде всего стратегическими и потомъ уже коммерческими. Проведенныя русскимъ правительствомъ большія почтовыя дороги, по распоряженію высшихъ администраторовъ въ родѣ Кокошкина, обсаживались вербами и тѣ изъ нихъ, которыя сохранились до сихъ поръ имѣютъ довольно оригинальный характеръ. Но въ общемъ, видъ всѣхъ этихъ путей зависитъ вполнѣ еще отъ мѣстныхъ топографическихъ условій. Болѣе замѣтными особенностями отличаются дорожныя сооруженія: *кладки*, *лавки*, *містки и мости*. *Кладка* представляетъ собой простой стволъ дерева, переброшенный черезъ ручей, ровъ или оврагъ, а въ лучшемъ случаѣ простая узкая доска. *Лавками* называются въ Карпатахъ легкіе, иногда очень простые, но часто и довольно сложные, по б. ч. висячіе мостки черезъ быстрые и подчасъ сильно бушующіе горные потоки иногда даже внутри селъ. Въ с. Лавочне недалеко отъ границы Австріи и Венгріи ихъ такъ много, что онѣ дали названіе этому живописному пункту. Пѣшеходные мостки дѣлаютъ также въ топкихъ, болотистыхъ мѣстахъ, разумѣется, на сваяхъ; замѣчательный „мостокъ“ въ такомъ родѣ болѣе полуверсты въ длину существуетъ въ с. Вербкѣ, около г. Ковля Волын. губ. Мосты для ѣзды дѣлаются обыкновенно на сваяхъ или на свайныхъ-же деревянныхъ быкахъ, или же на быкахъ изъ срубовъ, заполненныхъ внутри камнями, поддерживающихъ бревенчатое полотно въ лучшемъ случаѣ изъ плахъ, т. е. перепиленныхъ надвое бревенъ, съ неособенно надежными перилами.

VII. Пища [1]). Выше—въ главахъ объ охотѣ и земледѣліи мы высказывали уже увѣренность, въ томъ, что и въ Украинѣ, какъ и въ прочихъ сходныхъ съ нею по физическимъ условіямъ странахъ, пища въ древности была преимущественно мясною и потомъ только, постепенно сдѣлалось главнымъ образомъ растительною. Это измѣненіе въ характерѣ пищи происходило не только въ хронологической, но и въ классовой постепенности и по мѣрѣ дифференціаціи общественныхъ классовъ, съ измѣненіемъ ихъ экономическихъ отношеній измѣнялось, разумѣется, и ихъ питаніе, при чемъ преобладаніе пищи растительной началось, разумѣется, съ политически низшихъ, рабочихъ классовъ, какъ это давно уже было замѣчено экономи-

[1]) *Чубинскій.* Тр. Эксп. т. VII; *Маркевичъ Н.* Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Кіевъ, 1860; *Гнатюкъ Вол.* Народна пожива... у східніи Галичині (Матер. до україн. етнольог. т. I); *Левченко.* Нѣсколько данныхъ о жилищѣ и пищѣ южноруссовъ (Зап. Ю. З. отд. И. Т. Геогр. Общ., т. II).

стами. Если мы не заходя въ очень далекое прошлое, сравнимъ пищу массы украинскаго населенія, столѣтіе или даже полстолѣтія тому назадъ, съ нынѣшней, то увидимъ что даже въ этотъ, сравнительно небольшой промежутокъ времени, совершился очень замѣтный переходъ къ пищѣ растительной. Въ настоящее время украинскіе крестьяне, да и козаки, ѣдятъ мясо, строго говоря, только во время рождественскихъ и пасхальныхъ праздниковъ (когда колятъ свиней и поросятъ), а затѣмъ только въ исключительно торжественные дни и даже далеко не всегда по воскресеньямъ. Такъ же точно дошло до послѣдняго minimuma и потребленіе молочной пищи, благодаря постояннымъ недородамъ, уменьшенію количества скота, наѣздамъ дачниковъ, усиливающемуся производству масла и сыра для продажи,—молока у крестьянъ не хватаетъ даже для дѣтей, тѣмъ болѣе, что молоко и яйца составляютъ доходъ женщинъ, потребности которыхъ не съ особенной готовностью удовлетворяются изъ заработка мужчинъ, почти цѣликомъ уходящаго на всевозможные подати и поборы. Представленіе объ Украинѣ, какъ о странѣ, гдѣ „все обильемъ дышетъ“ сдѣлалось теперь не только анахронизмомъ, но и горькой насмѣшкой...

Начиная обзоръ украинской пищи съ ея минеральныхъ элементовъ, намъ надо сказать нѣсколько словъ о главномъ изъ нихъ—о соли. Этого вещества между природными богатствами Украины почти вовсе нѣтъ и его всегда привозили изъ сосѣднихъ странъ, различая и въ продажѣ таврическую или „крымскую“ соль, „цесарскую“ т.е. бохнянскую и „земляную-окницкую“—румынскую. НаУкраинѣ соль добывается только въ Бахмутскомъ у., Екатериносл. губ. (каменная) и въ Данилови въ Венгріи, гдѣ она получается изъ *ропи*, вытаскиваемой изъ колодцевъ. Мѣстное населеніе пользуется правомъ получать эту ропу (разсолъ) безплатно и потому соляные колодцы представляютъ собою мѣсто постояннаго стеченія народа.

Переходя затѣмъ къ растительнымъ элементамъ пищи, мы прежде всего должны упомянуть о дикихъ растеніяхъ, рѣдко употребляемыхъ въ пищу взрослыми, но очень охотно поѣдаемыхъ всегда голодными дѣтьми. Сюда относятся прежде всего *лопуцькі*, т. е. молодые побѣги нѣкоторыхъ травъ и деревьевъ въ родѣ липы и т. п., затѣмъ *козе́льці* (*Tragopogon tajus*), стебель котораго, сладковатый на вкусъ, очищаютъ отъ покрывающихъ его листовыхъ пленокъ, *кала́чики* (*Malva rotundifolia*), маленькій плодъ котораго имѣетъ сладковато-слизистый вкусъ, *щавель* (*Rumex acetosa*), кислые листья котораго ѣдятъ и сырыми, *рогіз* (*Typha angustifolia*), молодые розовые побѣги котораго аппетитно высовываются изъ воды и, будучи очищены отъ верхнихъ листьевъ, даютъ, сладковатую мякоть, *ка́шка*—зачатки сѣмянъ *білого лата́тьтя* (*Nymphaea alba*), заключающіяся въ молодой коробочкѣ плода; сюда можно еще прибавить *сироіжки* (*Agaricus Rossula*), лѣсные орѣхи, ягоды чернаго паслёна (*Solanum nigrum*) и другихъ растеній, которыми не пренебрегаютъ и взрослые. Далѣе слѣдуютъ растенія уже глав. обр. культурныя, которыми пользуются тоже въ сыромъ видѣ: огородныя овощи: *сбняшники*, *цибуля*, *часник*, *салата*, *огірки*, *морква*, *редька*, *ріпа*, *гарбузи*, (тыквы) *горохъ*, *хрін*, (въ видѣ приправы) и

плоды: *кавуни, динї, порічки,* (красная смородина), *смородина* (черная), *малина, суниці, ожина, áфини,* (черника), *áгрус,* (крыжовникъ), *вишні, черешні, сливи, морелі,* (абрикосы), *яблука, груші,* а на югѣ *виноградъ, инжúр* (фиги). Переходъ отъ сырой пищи къ подвергшейся предварительной обработкѣ составляютъ нѣкоторыя овощи, употребляемые въ квашенномъ видѣ какъ напр. огурцы, капуста, бураки, грибы, или сушеномъ — горохъ. Здѣсь впрочемъ подготовка заключается больше въ консервированіи пищевыхъ матеріаловъ, чѣмъ въ переработкѣ. Настоящей переработкѣ растительные продукты подвергаются только посредствомъ печенія, варенія или жаренія и можно сказать, что въ такомъ приготовленіи эти растительныя вещества, съ небольшой развѣ примѣсью растительныхъ маслъ, жировъ и соли и составляютъ самую существенную, такъ сказать, основную пищу массы украинскаго народа. Печеньемъ обработка растительной пищи ограничивается въ настоящее время въ довольно рѣдкихъ случаяхъ: пекутъ, обыкновенно въ горячей золѣ только картофель, иногда лукъ и нѣкоторые грибы. Размягченіе и извѣстное химическое измѣненіе растительной пищи посредствомъ кипяченія въ водѣ началось и въ Украйнѣ разумѣется еще въ незапамятныя времена, но такіе первобытные пріемы какъ вареніе при помощи раскаленныхъ камней, сохранившееся, какъ мы видѣли, при мойкѣ бѣлья, исчезли въ примѣненіи къ пищѣ еще сравнительно очень недавно. Бопланъ писавшій въ половинѣ XVII стол. разсказываетъ о видѣнномъ имъ козакѣ, который на берегу р. Самары варилъ уху въ деревянномъ ковшѣ, бросая въ него голыши, раскаленные на кострѣ. Изъ растительныхъ кушаньевъ, приготовляемыхъ при помощи кипяченія, надо упомянуть прежде всего кашу, т. е. зерна хлѣбныхъ растеній въ очищенномъ отъ шелухи или раздробленномъ видѣ, сваренныя въ водѣ. Для каши употребляется чаще всего зерна гречихи, проса, ячменя, рѣже пшеницы (для ритуальныхъ блюдъ), въ сваренномъ же видѣ ѣдятъ горохъ, бобы, фасоль и кукурузу—въ свѣжемъ или сушеномъ видѣ. Наконецъ поджаривается съ примѣсью жировъ обыкновенно картофель, грибы, капуста квашеные бураки, иногда горохъ *(пряженый),* предварительно разваренный или размягченный въ водѣ. Но главнымъ пищевымъ веществомъ на Украйнѣ теперь является несомнѣнно хлѣбъ и почти всегда вся прочая пища является только приправой для того, чтобы съѣсть возможно больше хлѣба. Простѣйшій видъ хлѣба представляетъ собою запеченное болѣе или менѣе тонкимъ слоемъ неквашенное т. е. прѣсное тѣсто. Такое печенье въ Украйнѣ удержалось только въ видѣ грубыхъ *коржиків.* По способу же приготовленія печеньемъ просто на углях или въ горячей золѣ съ ними сходны овсяныя лепешки галицкихъ бойковъ, ячменныя лепешки—у лемковъ и отчасти *паляниці,* хотя онѣ и дѣлаются уже изъ квашенаго тѣста и на *чиріні* вытопленной печи, но все таки въ видѣ очень плоской лепешки. Обыкновенный же хлѣбъ, изъ какой-бы муки онъ ни приготовлялся, печется всегда изъ проквашеннаго тѣста въ жарко вытопленной печи, при чемъ подъ него подкладывается или капустный листъ или же не особенно толстый сплетенный изъ соломы

a

b

c

d

e

f

g

h

кружекъ, употребляемый главн. обр. въ западной Украйнѣ. Печеніе хлѣба повидимому существовало у славянскихъ народовъ въ очень отдаленныя времена, хотя названіе его вѣроятно иностранное (лат. libum, болг, лябъ). Для Кіевской же Руси оно можетъ считаться документально доказаннымъ уже въ XI в. Но не смотря на такую древность употребленія хлѣба, онъ все таки далеко не однообразенъ на пространствѣ Украины и въ зависимости отъ мѣстныхъ и культурныхъ условій представляетъ извѣстныя варіаціи, о которыхъ будетъ сказано далѣе. Такъ же точно будетъ сказано далѣе и о нѣкоторыхъ видахъ хлѣба, имѣющихъ особую форму и особое ритуальное назначеніе.

Мясная пища, какъ главный питательный матеріалъ, предшествовала у насъ растительной и несомнѣнно имѣла и у насъ самый случайный характеръ. Не говоря уже о неолитическихъ жителяхъ нынѣшняго Кіева питавшихся, какъ мы видѣли, рѣчными моллюсками, авторъ начальной лѣтописи культурный монахъ - полянинъ упрекаетъ древлянъ, радимичей и вятичей «ядуще все нечисто», а о половцахъ говоритъ болѣе опредѣленно, что они ѣли «мертвечину и всю нечистоту, хомякы и сусолы» какъ это происходило и происходитъ у всѣхъ дикихъ и полудикихъ народовъ. Христіанство, вѣроятно мало-по-малу, вывело изъ употребленія всю эту «нечистоту» и вмѣстѣ съ ней вѣроятно прекратило и пользованіе лошадинымъ мясомъ, изъ котораго прежде дѣлали даже солонину, послѣ чего вмѣстѣ съ сословной дифференціаціей, начался и постепенный, начиная съ низшихъ классовъ населенія переходъ къ пищѣ преимущественно растительной. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что у украинцевъ въ настоящее время не только нѣтъ и въ поминѣ пользованія мясомъ «нечистыхъ» животныхъ, но не сохранилось даже и воспоминанія о такихъ вещахъ, какъ поѣданіе сырого мяса. Вяленое мясо, въ видѣ такъ назыв. *пастрами*, употребляется еще кое-гдѣ въ пищу, но главнымъ образомъ по сосѣдству съ болгарами, румынами и венграми; обыкновенно же въ вяленомъ видѣ ѣдятъ только рыбу. Немного больше распространено и *вудженне*, т. е. копченіе мяса, обыкновенно-же мясо ѣдятъ или въ печеномъ и жареномъ или въ свареномъ видѣ. Изъ старинныхъ примитивныхъ способовъ печенія мяса сохранился еще только кое-гдѣ въ Херсонщинѣ, въ Бессарабіи и у руснаковъ въ Добруджѣ, а также на Кубани, т. е. тамъ гдѣ главнымъ образомъ держится еще овцеводство, слѣдующій: убитаго и выпотрошеннаго жирнаго барана кладутъ въ вырытую въ землѣ ямку, въ которой предварительно былъ разведенъ костеръ и оставалось много тлѣющаго угля, и забросавши его этимъ углемъ, сверху прикрываютъ землей и оставляютъ въ такомъ видѣ часа на 2, на 3, затѣмъ откапываютъ и отковыривая покрывающую барана кору изъ кожи и перегорѣлой шерсти, получаютъ превосходную баранину замѣчательнаго вкуса. Иногда пекутъ почти такимъ же способомъ куръ, гусей или утокъ, завернувши ихъ въ капустные или виноградные листья и зарывши въ горячій пепелъ съ углями *на припечку*. Жареніе мяса на спичкахъ или на вертелѣ, такъ распространенное наприм. на Кавказѣ, въ Украинѣ встрѣчается очень рѣдко,

обыкновенно же на спичкахъ поджариваютъ только кусочки свѣжаго или соленаго свиного сала. Чаще же всего и мясо и птицу варятъ въ *борщѣ* или *юшкѣ*, въ родѣ супа, и только очень рѣдко жарятъ въ печи на сковородѣ. Рыбу тоже или варятъ въ юшкѣ, или жарятъ на сковородѣ или даже пекутъ въ горячемъ пеплѣ, но никогда не ѣдятъ сырою или мороженною, какъ на крайнемъ сѣверѣ Россіи. Въ соленомъ видѣ (*оселедці*) и вяленомъ (*чехоня*) рыбу ѣдятъ впрочемъ и безъ приготовленія на огнѣ.

Мы не будемъ останавливаться на такъ наз. *набілі*, т. е. молочныхъ кушаньяхъ, и на кушаньяхъ смѣшанныхъ, а тѣмъ болѣе на рецептахъ ихъ приготовленія, такъ какъ все это въ подробностяхъ можно найти въ книгахъ Арандаренка, Маркевича и Чубинскаго. Необходимо, однако, отмѣтить чрезвычайно характерный фактъ, касающійся приготовленія коровьяго масла. Во всей Украинѣ его сбиваютъ т. е. пахтаютъ, тогда какъ въ Великороссіи за исключеніемъ Финляндіи его оттапливаютъ, почему въ Петроградѣ напр. сбитое изъ сливокъ масло извѣстно подъ именемъ «чухонскаго». Затѣмъ большой этнографическій интересъ представляетъ собой и то обстоятельство, что хлѣбъ, какъ основная пища массы населенія, далеко не одинаковъ на пространствѣ Украины, но является очень разнообразнымъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Такъ, въ губ. Черниговской, Полтавской, Волынской, Кіевсчой, на сѣверѣ Екатеринославской употребляется исключительно *ржаной* хлѣбъ, пшеничный же считается за лакомство и печется очень рѣдко, въ особо торжественныхъ случаяхъ. Напротивъ, на югѣ Екатеринославской г., въ Херсонской, Таврической и на Кубани ѣдятъ хлѣбъ исключительно бѣлый—*пшеничный*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галиціи наприм. у бойковъ нѣтъ ни ржаного, ни пшеничнаго хлѣба, а главную пищу составляютъ лепешки и похлебка изъ *овсяной* муки, что въ голодные годы случалось въ старину и въ Кіевской землѣ, гдѣ напр. въ 1413 г. бѣдные употребляли въ пищу овсяные хлѣбы, а въ Полтавск. губ. по словамъ Арандаренка—изъ ячной и просяной муки. Лемки на высотахъ Карпатъ по границѣ съ Венгріей питаются вм. хлѣба *ячменными* лепешками. По берегамъ Днѣстра въ Подоліи и Бессарабіи вмѣсто хлѣба ѣдятъ кукурузную *мамалигу*, которая подъ именемъ *кулеші* составляетъ, главную пищу и гуцуловъ. Послѣ хлѣба главнымъ элементомъ украинской пищи въ настоящее время является картофель въ печеномъ или чаще вареномъ видѣ, съ солью и постнымъ масломъ или саломъ, но далеко не всегда. Затѣмъ въ этнографіи украинской пищи слѣдуетъ еще упомянуть и о томъ, что Украины, повидимому не настолько коснулись тѣ предразсудки, которые господствуютъ и въ настоящее время въ Великороссіи, ведя свое происхожденіе отъ старинной ортодоксіи духовенства запрещавшаго «удавленину» заячину и т. под. Въ Украинѣ перепеловъ и куропатокъ задавленныхъ въ силкахъ ѣдятъ, (если только не продадутъ) ничуть не смущаясь, хотя впрочемъ считаютъ все таки необходимымъ прирѣзывать случайно убитую или задавленную живность въ родѣ курицы и т. п., равнымъ обр. считаютъ возможнымъ ѣсть медвѣ-

жину, зайцевъ, раковъ, голубей, котор. въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Великороссіи тоже ѣсть не рѣшаются; украинцы употребляютъ также въ пищу и кровь напр. въ колбасахъ.

Что касается напитковъ, то и въ этомъ отношеніи намъ придется сказать очень немного и отослать читателя къ упомянутымъ выше авторамъ. Какъ главный напитокъ послѣ воды, можно указать *сирівець*, т. е. хлѣбный квасъ, безъ заварки, значительно отличающійся по способу приготовленія отъ великорусскаго. Спиртные напитки—знаменитыя наливки, запеканки, меды—теперь только и удерживаются у „полупанків“ да у духовенства да и то вслѣдствіе «оскудѣнія» замѣняются больше «казенкой». Крестьяне-же, для которыхъ не всегда по средствамъ и казенка, давно уже, еще до войны начали замѣнять ее денатурированнымъ спиртомъ, который «очищаютъ» пропуская сквозь тертый картофель, а въ послѣднее время и «гофманскими каплями», т. е. просто эфиромъ. Нельзя не вспомнить еще существованіе одного очень любопытнаго факта, относящагося къ литургическому употребленію краснаго вина (уніатскіе священники въ Галиціи употребляютъ при литургіи—бѣлое): на Украинѣ до самаго послѣдняго времени въ качествѣ «церковнаго» вина употребляли и теперь еще употребляютъ южное «беникарло», тогда какъ въ Великороссіи — французскій «каторъ».

Въ заключеніе этой главы нельзя не упомянуть также и объ употребленіи табаку. Его чаще всего курятъ въ трубкахъ, обыкновенно деревянныхъ, предпочитая всѣмъ сортамъ такъ назыв. *махорку*, т. е. амерсфорскій табакъ и знаменитые въ свое время нѣжинскіе корешки. Трубки служатъ предметомъ большаго щегольства—это остатокъ еще козацкихъ временъ—и самыя красивыя изъ нихъ отдѣлываютъ красной мѣдью, какъ напр. извѣстныя своей элегантной формой зеньковскія трубки, или выдѣлываемыя въ нѣкоторыхъ селахъ Глуховскаго у. Черн. губ., преимущественно изъ корневыхъ наплывовъ на деревѣ. Нюханье табаку въ послѣднее время замѣтно выходитъ изъ употребленія и почти совершенно оставлено молодежью.

VIII. Постройки [1]). Изслѣдованіе построекъ, а особенно ихъ эволюціи представляетъ собою одну изъ самыхъ заманчивыхъ, но и самыхъ трудныхъ задачъ этнографіи, такъ какъ на эволюцію эту имѣли очень значительное вліяніе и физическія условія страны и разница матеріала, и расовые навыки и сосѣднія вліянія, особенно культурныя и наконецъ совершенно самостоятельное творчество, приводящее у совершенно различныхъ народовъ и въ отдаленныхъ одна отъ другой странахъ къ совершенно одинаковымъ этнографическимъ формамъ. Доисторическія сооруженія на территоріи Украины, далеко не достаточно извѣстныя и еще меньше изслѣдованныя, показываютъ намъ, что и въ на-

1) *Аристовъ*. Op. cit.—*Шафонскій*. Op. cit — *Чубинскій*. Op. cit. — *Афанасьевъ-Чужбинскій*.—Собр. соч. 1893, т. VIII.—*Сумцовъ*. Къ исторіи хаты (Кіев. Стар. 1889 г. № 5—6); *Русовъ* М. *А*. Поселенія и постройки крестьянъ Полтав. губ. (Сб. Харьк. Ист.-Фил. О. XII, 1902, ч. 2); *М. Могильченко* — Будівля на Чернигівщині (Матер. до укр. етнольогії, т. I. Львів, 1899); *Вѣбенко* — Этнографич. очеркъ нар. быта Екатерин. края. Екат. 1905; *Шухевич*—Гуцульщина. Львів (Матер. до укр. етнольог.).

шей странѣ люди сначала жили просто на открытомъ воздухѣ, въ пещерахъ, по большой части искусственныхъ и въ надземныхъ шалашахъ, прикрывавшихъ собою подземныя сооруженія. Какъ и вездѣ, эти доисторическія постройки имѣли то круглую, то четырехугольную форму и въ концѣ концовъ изъ подземныхъ и полуподземныхъ сдѣлались вполнѣ надземными. Какъ въ землянкахъ и слѣдахъ шалашей, найденныхъ надъ Кирилловской ул. въ Кіевѣ, такъ и въ подобныхъ же сооруженіяхъ, находимыхъ въ мѣстахъ распространенія до-микенской культуры, главнымъ строительнымъ матеріаломъ, кромѣ глины являлись деревянные колья и хворостъ. Оказала-ли эта архитектура свое вліяніе на болѣе поздніе постройки сказать очень трудно, тѣмъ болѣе что связь неолитической культуры съ послѣдовавшей можетъ быть даже не непосредственно за ней славянской, далеко еще не выяснена. Въ извѣстіяхъ древнѣйшихъ писателей о славянахъ, жилища ихъ представляются недалеко ушедшими отъ неолитическихъ: по словамъ Гельмольда это были хижины изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды, а по описаніямъ арабскихъ путешественниковъ, онѣ были построены изъ древесныхъ вѣтвей и обмазаны глиной. Но въ очень скудныхъ извѣстіяхъ кіевской начальной лѣтописи говорится уже о славянскихъ домахъ какъ о сооруженіяхъ *рубленыхъ* такими-же представляются и жилища даковъ, изображенныя на Траяновой колоннѣ. Между тѣмъ мы знаемъ, что даже значительно позже—въ козацкій періодъ большая часть сельскихъ жилищъ на Украинѣ дѣлалась изъ плетня, обмазаннаго глиной и иногда даже съ углубленіемъ въ землѣ, какъ напр. запорожскіе *куренѣ* и т. п., а по свѣдѣніямъ Голембіовскаго и вообще на правой сторонѣ Днѣпра. По свидѣтельству Шафонскаго, писавшаго во второй половинѣ XVIII в., почти всѣ крестьянскія жилища южной Черниговщины и всей Полтавщины были плетеныя, по словамъ же Де—ла Флиза въ первой половинѣ XIX ст. въ Сквирскомъ, Таращанскомъ и Липовецкомъ у.у. Кіев. г., не смотря на то, что эти мѣстности вовсе не были безлѣсны, плетеныхъ хатъ у крестьянъ было гораздо больше чѣмъ рубленыхъ... Не вдаваясь теперь-же въ объясненія этихъ противорѣчивыхъ данныхъ, мы разсмотримъ прежде всего существующія въ настоящее время постройки украинцевъ, начиная съ жилищъ и ихъ наиболѣе примитивныхъ формъ.

А. Временныя жилища. Подъ этимъ названіемъ мы упомянемъ о тѣхъ легкихъ сооруженіяхъ, которыми пользуются только для очень кратковременнаго въ нихъ пребыванія. Въ простѣйшемъ видѣ это по большей части убѣжища отъ вѣтра и непогоды въ полѣ, шалаши для ночевки во время пастьбы скота, сторожки въ садахъ и на баштанахъ, наконецъ, — жилища рабочихъ въ лѣсахъ, на сплавахъ и на разныхъ др. работахъ, гдѣ приходится оставаться въ теченіе болѣе долгаго времени, иногда цѣлаго лѣта. Наиболѣе элементарны и вполнѣ примитивны по своему устройству маленькія сооруженія въ этомъ родѣ, въ которыхъ находятъ себѣ защиту отъ вѣтра и дождя полевые сторожа въ Восточн. Галиціи. Это просто щитъ или, вѣрнѣе, одинъ скатъ крыши, поставленный на землю въ косвенномъ положеніи и подпертый однимъ или

двумя кольями. Иногда, этотъ щитъ сдѣланъ изъ старыхъ досокъ, иногда онъ покрытъ соломой или камышомъи въ такомъ видѣ нисколько не отличается отъ извѣстныхъ постройкъ негритосовъ. Нѣсколько болѣе усовершенствованный видъ имѣютъ гуцульскія и бойковскія сооруженія для крестьянъ, сторожащихъ по ночамъ свои поля отъ *дикiв*, т. е. дикихъ кабановъ, которые изъ панскихъ или казенныхъ лѣсовъ приходятъ полакомиться свѣжимъ картофелемъ или овсомъ. Эти сторожки представляютъ собою тоже нѣчто въ родѣ ската крыши, сдѣланнаго изъ кольевъ и древесной коры, но закрытаго съ боковыхъ сторонъ и съ маленькимъ скатомъ съ передней открытой стороны. Для большей устойчивости на случай вѣтра, на него набросано нѣсколько бревенъ. Совершенно не похожій на предыдущія, но очень родственный, какъ по назначенію такъ и по полуоткрытости, характеръ имѣютъ такъ назыв. *вишки*, т. е. едва прикрытыя сверху и совершенно незащищенныя съ боковъ маленькія помѣщенія для караульныхъ, устраиваемыя на высокихъ шестахъ и поэтому могущія быть причисляемыми къ воздушнымъ временнымъ жилищамъ. Рис. *i* на Таб. VII снятъ нами въ 1910 г. на виноградникѣ въ ст. Верхнестебліевской въ Кубанской обл. и въ нѣсколько усовершенствованномъ видѣ представляетъ сторожевую вышку прежнихъ запорожцевъ. Сюда же могутъ быть причислены и переносныя убѣжища для пастуховъ, употребляемыя бойками. Онѣ или вполнѣ похожи на полевые шалашики, указанные выше, и устанавливаются возлѣ *салаша*, т. е. переноснаго же загона для овецъ, или же представляютъ собой родъ ящика на ножкахъ, сбитаго изъ досокъ, нѣчто похожее на кровать съ крышей, куда пастухъ залѣзаетъ на ночь. Въ степяхъ южной Украины чабаны пользуются для этой цѣли или *гарбою*, т. е. маленькой будочкой на колесахъ или спеціально приспособленной для этого повозкой, на которой устроено нѣчто въ родѣ шалаша, заключающаго въ себѣ, кромѣ помѣщенія для спанья, еще складъ припасовъ, разные инструменты, лекарства для овецъ и т. п. Затѣмъ уже гораздо болѣе усовершенствованную форму временнаго жилья представляютъ шалаши совершенно закрытые, съ входнымъ отверстіемъ, которое можетъ быть завѣшано или закрыто дверью. Это типичныя постройки, какъ неолитическихъ, такъ и многихъ позднѣйшихъ полудикихъ народовъ. Онѣ бываютъ или круглыя или прямоугольныя, надземныя или полу-подземныя и состоятъ иногда только изъ крыши обыкновенно или конической или двускатной, чаще всего соломенной или *очеретяной*, т. е. камышевой, а на плотахъ на Деснѣ (Табл. VI, f) и на сѣв. Волыни—бревенчатой. Въ с. Норинскѣ Овруч. у. (Табл. VII, g) и въ Сушкахъ Житомір. у. намъ пришлось видѣть такое сооруженіе, совершенно напоминающее какой-нибудь вигвамъ сѣв.-американскихъ индійцевъ: въ землю вбито 4 сохи, связанныя перекладинами сверху. Наэти перекладины съ 3-хъ сторонъ опираются косо поставленныя жерди или *обаполки*, оставляющіе проходъ для дыма вверху, сверху же на нихъ навалена глина; проходъ между двумя передними сошками служитъ дверьми. Если крыша двускатная, то одно от-

верстіе между скатами оставляется полуоткрытымъ, т. е. завѣшивается соломенной *маткой* или имѣетъ дверь (Табл. VI, h). Крыша эта находится или просто на землѣ, или же, если жить подъ ней предполагается и въ холодное время, какъ напр., у добруджскихъ рыбаковъ - украинцевъ, то располагается надъ болѣе или менѣе глубокой ямой, вырытой въ землѣ, въ углы этой ямы забиваются колья, къ которымъ крыша прикрѣпляется, сохъ же бываетъ чаще всего 2—одна сзади—другая спереди и на нихъ лежитъ горизонтально бревно, составляющее верхнюю опору крыши; по длиннымъ сторонамъ крыши въ землѣ оставляется одинъ или два уступа, которые замѣняютъ лавки для сидѣнья и спанья, въ срединѣ же или сбоку приспособляется небольшой столикъ на кольяхъ, вбитыхъ въ почву. Въ Добруджѣ такія сооруженія называются и теперь *колибами*. У гуцуловъ же это названіе носятъ гораздо болѣе сложныя, хотя тоже достаточно примитивныя постройки (рис. 4 a), въ которыхъ живутъ рубщики и сплавщики лѣса въ горахъ. Это шести или восьмиугольный срубъ съ пирамидальной деревянной крышей, съ отверстіемъ наверху, какъ въ юртѣ чукчей. Разница съ послѣднимъ сооруженіемъ заключается въ томъ, что верхнее отверстіе колибы служитъ только выходомъ для дыма, но не играетъ роли двери. Дверь же находится сбоку (см. планъ на рис. 4 в) и ведетъ въ небольшія

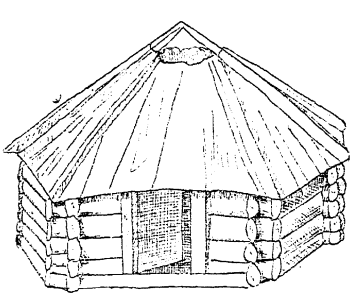


Рис. 4,a

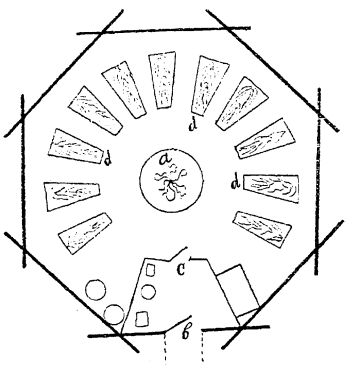


Рис. 4,b

сѣнцы—*хорімці*, откуда вторая дверь ведетъ уже внутрь колибы. Въ центрѣ ея находится *ватра*, т. е. очагъ для огня, а вокругъ нея въ радіальномъ направленіи стоятъ *підложа* для *легінів*—рабочихъ. Очень любопытно, что на берегу Днѣпра въ с. Навозахъ, Черниг. г. мы нашли почти тождественный съ только что описаннымъ *курінь* для сплавщиковъ лѣса, построенный чернобыльскими *полішуками*, въ которомъ, впрочемъ, стѣнъ нѣтъ, а крыша доходящая до земли, поддерживается 4-мя сохами мѣста-же для спанья расположены открытымъ четыреугольникомъ потремъ сторонамъ очага; *казанъ* виситъ надъ очагомъ на перекладинѣ, положенной на верхнихъ связяхъ сохъ. Наконецъ, какъ мы сказали уже, къ подобнаго рода сооруженіямъ можно причислить и *землянки*, въ которыхъ

люди живутъ иногда и по нѣсколько лѣтъ. Необходимо, впрочемъ, оговориться, что подъ этимъ названіемъ въ Украинѣ разумѣются и настоящія землянки, т. е. жилища, вырытыя въ землѣ, и обыкновенныя хаты построенныя изъ земли съ земляною же крышей. Здѣсь мы, разумѣется, говоримъ только о первыхъ. Землянки представляютъ собою, въ сущности, тѣ же «курені», которые были только что нами описаны, но гораздо большаго размѣра, съ печью и съ 2-мя, а иногда и 4-мя сохами, на которыхъ держится плоская или сводообразная крыша. Таковы были запорожскіе *куренi*—жилища на *Січах*, на зимовникахъ и т. п., таковы и нынѣшнія землянки, которыя ставятъ себѣ рабочіе и особенно украинскіе переселенцы въ Сибири. Курені эти представляютъ собою уже переходъ къ надземнымъ жилищамъ, такъ какъ имѣютъ уже невысокія стѣны, сложенныя изъ глины, плетня или бревенъ, съ прорѣзанными въ нихъ длинными, узкими окнами.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что украинскія временныя жилища представляютъ собой до извѣстной степени постепенный рядъ типовъ, дающихъ понятіе объ эволюціи, въ результатѣ которой появились жилища постоянныя—хаты. Конечно этотъ рядъ не полонъ, всѣ переходныя стадіи въ немъ не представлены, но въ концѣ концовъ онъ оказывается все таки интереснымъ, какъ матеріалъ для исторіи жилища вообще.

В. *Постоянныя жилища: 1)* расположеніе села. Переходя къ постояннымъ жилищамъ, необходимо хоть въ нѣсколькихъ словахъ обратить вниманіе на расположеніе селъ. Провозглашенную не такъ давно, въ качествѣ научнаго открытія, теорію Мейтцена объ этнической разницѣ въ расположеніи селъ у нѣмцевъ и у славянъ, по ближайшемъ разсмотрѣніи, пришлось признать совершенно несостоятельной, такъ какъ факты подтверждаютъ, что этническіе навыки дѣйствуютъ въ данномъ случаѣ далеко не такъ могущественно, какъ рельефъ мѣстности; но въ дальнѣйшемъ изложеніи мы увидимъ, что до извѣстной степени необходимо допустить и нѣкоторое вліяніе этническихъ причинъ. Очень яркимъ доказательствомъ зависимости расположенія дворовъ въ селѣ отъ условій мѣстности могутъ служить именно украинскія села, чрезвычайно разнообразныя, почти капризныя въ этомъ отношеніи. Хорошимъ примѣромъ начала образованія села могутъ служить поселенія гуцульскія. У гуцуловъ, села, строго говоря, еще почти нѣтъ, а если есть, то только болѣе или менѣе формирующійся рудиментъ его. Отдѣльные *осѣдки*, т. е. дома—дворы гуцуловъ, окруженные воздѣланными участками земли, разбросаны по горамъ на разной высотѣ и разумѣется безъ малѣйшаго плана на разстояніи отъ полуверсты до 4—5 верстъ одинъ отъ другого, подчиняясь только мѣстонахожденію воды. Вдоль долинокъ горныхъ ручьевъ и рѣчекъ, на разныхъ разстояніяхъ виднѣются хаты въ нѣсколько большемъ количествѣ и въ такихъ долинахъ особенно, при впаденіи ихъ въ долину большой рѣки—Тиссы, обоихъ Черемошей, верхняго Прута, появляются *церква, попівство* или *плебанія, громадський дім, крамниця* (т. е. лавочка) и нѣсколько хатъ, обыкновенно уже безъ *граждi* (объ этомъ см. далѣе), которыя и представляютъ собою зачатокъ будущаго

села, носящій этотъ титулъ уже теперь, не смотря на свою незначительность и считающій въ себѣ сотни усадебъ и иногда до 2-хъ или 3 тысячъ жителей, такъ какъ къ этому зачатку села приписаны всѣ на извѣстномъ разстояніи отъ него осе́дки съ ихъ населеніемъ. Таковы почти всѣ гуцульскія села: Яворів, Криворівня, Довгополе, Брустури, Ріка, Білий Потокъ, Требуша и пр. Тамъ же, гдѣ сходятся нѣсколько долинъ, развились уже гораздо большія поселенія, такія какъ Жабе, Сторонець—Путилів, Селетин, Богдани, Ясенів (Körösmesö). Совершенно другой типъ представляютъ собою села бойковъ, расположенныя главнымъ образомъ въ одну, рѣдко въ двѣ линіи въ узкихъ долинахъ вдоль рѣкъ Стрыя и Опора (Гребенів, Тухля, Висоцко и пр. или въ дол. Сяна (Дидьова, Мшанець и пр.). Тамъ, напротивъ, населеніе скучивается и располагается цѣлымъ, почти не прерывающимся рядомъ селъ, почти касающихся другъ друга, какъ это можно видѣть напр. въ долинѣ Стрыя, между Боринею и Матковим. На равнинахъ расположеніе селъ разумѣется разнообразнѣе: по рѣкамъ съ каменистыми берегами какъ Тетеревъ, Рось и пр. расположеніе селъ имѣетъ наиболѣе разбросанный, капризный характеръ; въ степныхъ мѣстностяхъ Черниговской и Полтавской губ., села расположены, конечно, также по теченію рѣкъ, но въ зависимости отъ возвышенностей, выдающихся изъ болотистыхъ ихъ береговъ. По р. Деснѣ села группируются главнымъ образомъ въ долинахъ ея притоковъ и располагаются на террассахъ, незатопляемыхъ разливомъ, почему тоже кажутся разбросанными. Глубокія балки Херсонской губ. вызываютъ въ свою очередь села вытянутыя вдоль берега рѣки въ одну или двѣ линіи и т. д. Очень рѣдко или даже почти вовсе не встрѣчаются на Украинѣ села, состоящія только изъ двухъ линій хатъ, вытянутыхъ вдоль дороги, такъ свойственныя Великороссіи и только въ этомъ можетъ быть и заключается этническій характеръ расположенія села, котораго нельзя не признать, несмотря на всю необоснованность теоріи Мейтцена относительно германскихъ и славянскихъ поселеній.

2) Дворъ и его развитіе. Насколько характерны гуцульскія поселенія въ смыслѣ образованія селъ, на столько-же интересны и гуцульскія *граждьі*, какъ наиболѣе яркій образецъ вполнѣ замкнутаго двора. *Гражда* или вѣрнѣе—хата съ граждой, такъ какъ слово гражда означаетъ собою высокій досчатый заборъ съ крышей, замыкающій дворъ съ парадной стороны, какъ можно видѣть на прилагаемыхъ рисункахъ (Табл. VIII, *в*) и планѣ (рис. 5), представляетъ собой жилой

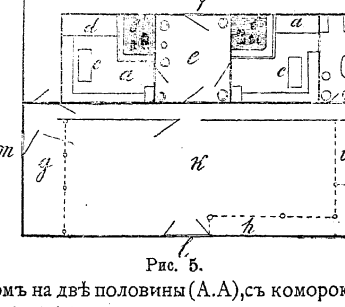


Рис. 5.

домъ на двѣ половины (А.А), съ коморою (*клѣть*) (d) и находящимися подъ одной крышей съ нимъ *притулами* (*f*), образуемыми высокимъ деревянымъ заборомъ; возлѣ дома заборъ этотъ под-

a

b

c

d

e

f

g

h

ходитъ подъ его крышу, впереди же имѣетъ свою отдѣльную крышу, спускающуюся однимъ, довольно узкимъ скатомъ наружу, а другимъ, очень широкимъ во дворъ, (*k*) гдѣ подъ нимъ и находятся помѣщенія для скота, для дровъ, для орудій и т. п. (*h,g,i*). Такимъ образомъ весь гуцульскій оседокъ т. е. дворъ, заключающій въ себѣ хату со всѣми рѣшительно хозяйственными постройками, совершенно замкнутъ и сообщается съ внѣшнимъ міромъ только посредствомъ *брами*, (*l*), т. е. воротъ противъ дома (а иногда и сбоку) и небольшой форточки (*m,m*), которая изъ задней или боковой притулы ведетъ въ садикъ или огородъ. Это устройство гуцульскаго двора, повидимому, вполнѣ объясняется упомянутой выше изолированностью поселеній, вслѣдствіе ихъ крайней разбросанности, но намъ кажется, что въ этомъ имѣетъ извѣстное значеніе и древность гуцульскихъ построекъ о которой, впрочемъ, въ отсутствіи прямыхъ доказательствъ, мы можемъ говорить только на основаніи общей архаичности всего этнографическаго характера этого населенія. По мѣрѣ того какъ гуцульскіе оседки спускаются въ долины и начинаютъ группироваться въ села, этотъ архаическій замкнутый ихъ характеръ утрачивается, гражда исчезаетъ и замѣняется простой огорожей, а холодныя службы отдѣляются отъ хаты и превращаются въ отдѣльныя постройки. Далѣе, при разсмотрѣніи типовъ хаты, мы это увидимъ на прилагаемыхъ фотографіяхъ. Если мы затѣмъ обратимся къ непосредственнымъ сосѣдямъ гуцуловъ—бойкамъ, тоже *верховинцамъ*, т. е. горцамъ, то у нихъ притомъ только въ мѣстностяхъ недалекихъ отъ Гуцульщины, мы можемъ замѣтить остатки подобной же замкнутости. Тамъ мы видимъ хату спереди довольно сходную въ общихъ чертахъ съ гуцульскою, хотя уже съ соломенной крышей, а сзади представляющую уже полное сходство съ ней по расположенію притулъ, носящихъ уже здѣсь названія *колéшні* и пр., но образующихъ еще одно цѣлое съ хатой. Но у нѣкоторыхъ бойковъ и отчасти у лемковъ общее развитіе двора приняло совершенно иное направленіе, а именно, первоначальный четыреугольный дворъ у нихъ постепенно развернулся глаголемъ, а затѣмъ всѣ его постройки вытянулись въ одну линію подъ общей крышей (рис. 6). Эта оригинальность расположенія произошла у нихъ

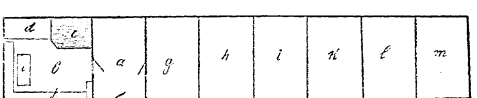


Рис. 6.

повидимому подъ вліяніемъ нѣмецкой архитектуры, привившейся при посредствѣ словаковъ. Поэтому и слѣды замкнутаго двора у нихъ очень мало замѣтны. Совершенно иначе стоитъ дѣло въ «долинѣ» т. е. на галицкой равнинѣ. Тамъ, при полномъ несходствѣ общаго, особенно наружнаго, характера двора съ гуцульскимъ, довольно нерѣдко попадаются все таки дворы съ ясно выраженной замкнутостью. Въ видѣ примѣра мы можемъ указать на нѣкоторые дворы, находящіеся въ галицкой Волыни, въ Бродскомъ округѣ. Это обыкновенные украинскіе дворы, но вполнѣ замкнутые и въ нихъ, совершенно такъ же, какъ и въ гуцульскомъ дворѣ, всѣ постройки на-

ходятся подъ одной крышей, образующей прямоугольникъ съ одними или двумя воротами, изъ которыхъ вторыя ведутъ изъ *стодоли* (гумна) въ поле. Въ этой же мѣстности можно наблюдать и дифференціацію плана замкнутаго двора: хата и соединенная съ ней, а иногда и поставленная уже отдѣльно, комора выносятся за предѣлы двора и образуютъ какъ бы отдѣльную усадьбу, всѣ же дворовыя постройки остаются, сохраняя свой первоначальный видъ замкнутаго карре и превращаются въ такъ наз. «підварок» или *загуменье*, какъ въ с. Лісові. Перейдя русскую границу, мы встрѣчаемъ такіе закрытые дворы кое-гдѣ въ Кіевщинѣ и на Волыни. Въ с. Вербки возлѣ Ковля, можно видѣть какъ совершенно почти закрытый дворъ, такъ и отдѣльно построенный вполнѣ замкнутый дворъ, вполнѣ соотвѣтствующій галицкому підварку. Оказывается, что въ старину и въ этой мѣстности всѣ дворы съ хатой были замкнутыми, теперь же сохраняютъ этотъ характеръ только хозяйственные дворы. Затѣмъ за Днѣпромъ мы наблюдаемъ ихъ въ Черниговщинѣ, напр. въ с. Псаровкѣ, Жидиничахъ (рис. 7) въ Чернечій слободі, кое-гдѣ въ Полтавщинѣ и даже въ Воронежской и Курской губ. (см. Табл. VIII, *c*). Будучи вѣроятно очень древней формой славянской усадьбы, такіе дворы удержались кое-гдѣ и въ Великороссіи, особенно въ сѣверной, хотя тамъ подъ вліяніемъ двухъ культуръ — съ одной стороны скандинавской, а съ другой—финнской, жилища приняли другой, совершенно особый характеръ, въ которомъ замкнутость если и встрѣчается, то выражается помѣщеніемъ жилыхъ и дворовыхъ построекъ въ двухъ этажахъ, при чемъ въ верхній этажъ устроенъ даже покатый «взъѣздъ». Великорусскіе же закрытые постоялые дворы напоминаютъ больше восточные караванъ-сараи, чѣмъ славянскіе дворы, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь.

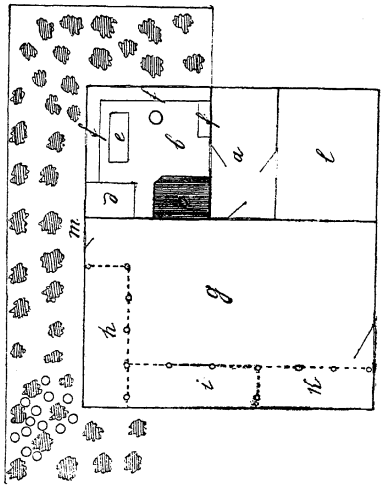


Рис. 7.

Мы упоминали уже, что въ самой Гуцульщинѣ, по мѣрѣ спусканія осѣдковъ въ долины, жилое помѣщеніе (хата) начинаетъ изолироваться отъ дворовыхъ службъ и мало по малу открывается. Начинается это обыкновенно съ исчезновенія *гражды* передъ хатой, и такимъ образомъ дворъ, оставаясь по прежнему четырехугольнымъ, становится открытымъ спереди. Подобное же явленіе замѣчается у бойковъ (с. Бряза); затѣмъ происходитъ дальнѣйшее раскрытіе двора, въ результатѣ котораго остается одинъ только уголъ, образуемый хатой и службами (Табл. VIII, *d*), наконецъ хата изолируется окончательно, мало по малу теряя и заднія пристройки и

въ концѣ концовъ остается соединенной только съ коморой. Въ такомъ видѣ и представляется нынѣшній, наиболѣе типическій украинскій дворъ, дальнѣйшая эволюція котораго заключается въ выдѣленіи и коморы вслѣдствіе превращенія ее въ соединеніи съ хатой въ другую половину хаты, о чемъ подробнѣе будетъ сказано далѣе.

Само собой разумѣется, что все изложенное выше относится только къ эволюціи *двора* и то принимая за первоначальную его форму гуцульскій оседокъ съ граждой. Но конечно настаивать на такой именно эволюціи пока еще нельзя, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ окончательно выяснена эволюція славянской хаты и не будетъ разрѣшенъ вопросъ о центрѣ разселенія славянъ въ Европѣ.

Хата. а) общій видъ и характеръ. Общераспространенное представленіе объ украинской хатѣ, какъ объ уютной, кокетливо-бѣленькой постройкѣ, подъ чистенько приглаженной и подстриженной соломенной крышей, выглядывающей изъ за окружающей ее зелени—почти вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и теперь. За очень небольшими исключеніями этотъ типъ является господствующимъ на всемъ пространствѣ Украины, несмотря на большое разнообразіе мѣстныхъ условій и строительнаго матеріала, на неодинаковость экономическаго положенія и на неодинаковость сосѣднихъ вліяній. На западныхъ склонахъ Карпатъ въ Угорской Руси, на «Зеленій Буковині», въ Бессарабіи, эти бѣленькія хатки украинцевъ родственно смѣшиваются съ почти совершенно подобными же жилищами румынъ, а еще дальше и сербовъ, а сѣвернѣе—словаковъ и чеховъ. Еще сѣвернѣе, онѣ не особенно рѣзко, хотя очень замѣтно отличаются отъ польскихъ «халупъ». Но въ сѣверной полосѣ Волыни и Черниговской губ. бѣлая мѣловая окраска украинскихъ хатъ замѣчается желто-глиняной, а еще дальше, въ Полѣсьѣ, какъ волынскомъ такъ и черниговскомъ, бревенчатый остовъ хаты является уже обнаженнымъ и только кое-гдѣ бѣлыя пятна вокругъ оконъ указываютъ на не совсѣмъ заглохшую традицію. Темносѣрыя съ прокопченными низкими кровлями изъ драницъ хаты «поліщуковъ» напоминаютъ уже бѣднѣйшія гуцульскія жилища въ Карпатахъ и незамѣтно почти сливаются съ постройками бѣлоруссовъ, отличаясь отъ нихъ только нѣкоторыми деталями. Вообще-же, оставаясь вѣрными своему общему типу, характерныя украинскія хаты тянутся широкой полосой средней и южной Украины отъ подножія Карпатъ на востокъ до Орловской, восточныхъ частей Курской и Воронежской г. гдѣ совершенно внезапно безъ всякаго перехода, сталкиваются съ темными бревенчатыми избами великоруссовъ, подъ двускатными крышами и безъ всякаго признака садиковъ и вообще окружающей хату растительности. Будучи, такимъ образомъ, на всемъ протяженіи страны совершенно одинаковымъ, этотъ общій типъ украинской хаты является одною изъ наиболѣе опредѣленныхъ и рѣзкихъ этнографическихъ особенностей украинскаго племени.

Но само собою разумѣется, все сказанное не ограничивается только этими общими чертами, общимъ впечатлѣніемъ. Мы увидимъ далѣе, что въ нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ чертахъ, какъ напр. въ планѣ и проч., суще-

ствуетъ также замѣчательное и очень многозначительное въ этническомъ смыслѣ единство типа украинской хаты. Тѣмъ не менѣе, вникая ближе въ детали этого общаго типа, мы сейчасъ же замѣтимъ цѣлый рядъ мѣстныхъ различій, зависящихъ уже не столько отъ этническихъ традицій, вкусовъ и склонностей, сколько отъ разнообразія мѣстныхъ условій, отъ разницы матеріала и зависящей отъ него разницы въ способѣ постройки.

Если мы начнемъ обзоръ общаго вида украинскихъ хатъ съ мѣстностей средней полосы Украины, гдѣ основной типъ ихъ выраженъ всего болѣе, то сравнивая между собою хаты Полтавской и Кіевской губ. мы сразу-же находимъ въ нихъ, кромѣ сходства, и извѣстную разницу. И въ той и въ другой хаты бѣленыя и за очень рѣдкими исключеніями трехкамерныя, т. е. состоятъ изъ собственно-хаты, сѣней и коморы подъ одной крышей количество и расположеніе оконъ совершенно одинаковы, одинаковы и дымовыя трубы и разница замѣчается. только относительно крыши. Въ Полтавской губ., какъ въ самой бѣдной хатѣ, такъ и въ хатѣ болѣе зажиточныхъ хозяевъ (Табл. VIII, *d* и *f*) крыши совершенно гладкія, безъ выдающагося гребня на верху и безъ такъ назыв. *острішків*, на ребрахъ. Въ Кіевской губ., напротивъ, выдающійся гребень на-верху хатъ, замѣтенъ вездѣ, а кромѣ сравнительно бѣдныхъ хатъ вездѣ-же видны и острішки, т. е. ступеньчатые гребни по ребрамъ крыши (см. Табл. VIII, *e*), составляющіе характерную особенность всѣхъ украинскихъ хатъ по правой сторонѣ Днѣпра и въ Галиціи (въ Угорской Руси (Табл. IX, *f*) ихъ нѣтъ). Переходя отъ Полтавской губ. на юго-востокъ, мы встрѣчаемъ полтавскій типъ хатъ и въ Харьковской губ. и на сѣверѣ Екатеринославской: на сѣверѣ-же—въ южныхъ уѣздахъ Черниговской губ., мы видимъ тотъ-же полтавскій типъ, который отличается только высокой и тонкой деревянной трубой; но затѣмъ сѣвернѣе, типъ хатъ начинаетъ уже понемногу мѣняться, бѣлая мѣловая окраска стѣнъ замѣняется желто-глиняной, а затѣмъ и совсѣмъ исчезаетъ, появляются крыши изъ драницъ и вообще хаты мало по малу принимаютъ бѣлорусскій типъ. Окраска хатъ желтой глиной встрѣчается впрочемъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ сѣвера Полтавской губ. куда переселились цѣлыя селенія изъ Бѣлоруссіи и сѣверныхъ у. Чернигов. губ. Въ такомъ же родѣ измѣненія замѣчаются и относительно типа хатъ Кіевской губ. Къ югу отъ нея, въ Херсонщинѣ и на югѣ Екатеринославской, куда перешло не мало помѣщичьихъ крестьянъ съ правого берега Днѣпра во время заселенія новороссійскихъ степей, господствуютъ хаты кіевскаго типа, но на югѣ Херсонщины за Знаменкой начинается уже преобладаніе полтавскаго типа, или скорѣе новороссійскаго, отличающагося очень частымъ присутствіемъ „ганка,“ а иногда и боковой пристроечки въ качествѣ наружныхъ сѣней и небольшаго навѣса на столбикахъ вдоль всей передней стороны хаты. Этотъ же типъ, а также видоизмѣненный, подобнымъ же образомъ, кіевскій, господствуютъ и во всей Кубанской области. Къ сѣверу отъ Кіевской губ. т. е. на Волыни, хаты имѣютъ въ южныхъ уѣздахъ типъ совершенно кіевскій, затѣмъ, по мѣрѣ удаленія на сѣверъ, начинается исчезно-

веніе острішків, а на сѣверѣ овручскаго, луцкаго и ковельскаго уѣздовъ исчезаетъ наконецъ и побѣлка хатъ, появляются крыши изъ драницъ иногда даже дощатыя—бѣлорусско-полѣсскаго типа (Табл. IX, c).

Если мы обратимся теперь къ западу отъ русской границы, то почти до самаго подножія Карпатъ мы встрѣчаемъ тѣ-же бѣлыя хаты съ острішками на соломенной крышѣ какъ въ Кіевщинѣ, южной Волыни и въ Подоліи, съ той только разницей, что въ Галиціи и на Буковинѣ хаты больше, наряднѣе и богаче, чѣмъ въ русской Украйнѣ (освобожденіе крестьянъ произошло въ Галиціи въ 1848 г., а введеніе конституціи въ 1866 г.) хаты очень часто имѣютъ галлерейки вдоль передней стѣны (табл. IX, в), а иногда соединены съ холодными постройками, о чемъ уже было упомянуто выше. Но уже на предгорьяхъ Карпатъ общій видъ хатъ начинаетъ измѣняться. Менѣе всего эти измѣненія бросаются въ глаза на Покутьѣ, гдѣ до самой Буковины господствуетъ еще общеукраинскій типъ хатъ. На Бойковщинѣ-же и на Лемковщинѣ, вмѣстѣ съ усложненіемъ постройки, вслѣдствіе соединенія хаты съ холодными службами въ одинъ рядъ подъ общей крышей, хата выдѣляется только побѣлкой (Табл. IX, e), а немного выше исчезаетъ и побѣлка, хата же вырисовывается изъ длинной общей постройки только окнами — часто *тремя*—съ передней стороны, да иногда галлерейкой. Стоящія отдѣльно хаты тоже имѣютъ галлерейку и отличаются величиной и солидностью постройки и напоминаютъ хаты общеукраинскаго типа только своимъ внутреннимъ планомъ да крышей съ острішками и иногда со ступеньками во всю длину крыши (Табл. IX, в). На югѣ же Карпатъ по верхнему теченію Черемошей и по верхнему же Пруту и только отчасти по верховьямъ Тиссы—въ самыхъ горахъ, господствуетъ безраздѣльно уже гуцульскій типъ, о которомъ отчасти было уже сказано. Гуцульская хата построена исключительно изъ дерева, бревенчатые срубы покрыты деревянной же крышей, которая распространяется и на передній заборъ — гражду и дѣлаетъ всю хату вполнѣ закрытой со всѣхъ сторонъ. Въ формѣ крыши однако замѣтны еще переживанія соломенной: она четырехскатна и увѣнчивается высокимъ продольнымъ гребнемъ, а ребра ея слегка закруглены (Табл. VIII, в). Между типомъ гуцульской хаты съ граждой и хатами гуцульскаго предгорья есть, разумѣется, и рядъ переходныхъ формъ. Уже на предгорьяхъ гуцульскихъ Карпатъ въ с. Ясені и Прислопі начинаются небольшія или вовсе не бѣленыя или отчасти вымазанныя глиною хатки съ деревянной крышей. Въ гуцульскомъ Ясені (Körösmesö) хаты уже небѣленыя, съ высокой гуцульской крышей и съ пристройками сзади, но еще безъ гражды (Табл. IX, d); въ с. Шлоска, на Буковинской Гуцульщинѣ, хаты имѣютъ уже вполнѣ гуцульскій характеръ, но тоже еще безъ гражды, тогда какъ въ Яворовѣ, Жабьемъ, въ селахъ выше Черной Тиссы, и прочихъ уже вполнѣ горныхъ селахъ, гуцульскія хаты достигаютъ вполнѣ своего полнаго развитія и замкнутости.

Этотъ по необходимости быстрый обзоръ украинскихъ хатъ, въ которомъ гораздо болѣе значенія должны были-бы имѣть рисунки чѣмъ текстъ,

даетъ впрочемъ представленіе о томъ, насколько, при всемъ мѣстномъ разнообразіи, украинская хата въ своихъ варіаціяхъ остается всетаки въ общемъ одною и тою-же. Еще болѣе эта общность этническаго ея характера выражается въ ея планѣ; что же касается варіацій, то онѣ выступятъ гораздо рельефнѣе при разсмотрѣніи матеріала и способовъ ихъ постройки къ которому мы и переходимъ.

в) Матеріалъ и способъ постройки. На пространствѣ, занятомъ сплошнымъ украинскимъ населеніемъ, хаты воздвигаются изъ весьма разнообразнаго матеріала: изъ дерна, изъ земли, или лучше сказать изъ глины смѣшанной съ соломой (вальковыя или чамуровыя и саманныя), изъ соломы, тростника, лозы или хвороста, обмазанныхъ глиною (турлучныя), изъ мелкаго дерева съ глиной, изъ деревянныхъ бревенъ въ срубъ, изъ кирпича и, наконецъ, очень рѣдко изъ камня. Все это разнообразіе матеріала зависѣло и зависитъ главнымъ образомъ отъ географическихъ и экономическихъ условій, но при этомъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, были не безъ большого вліянія и причины чисто этническія.

Въ украинскихъ степяхъ, при полномъ почти отсутствіи строевого лѣса, постройки изъ глины вполнѣ естественны и украинское населеніе этихъ степей, разумѣется, не могло не послѣдовать въ этомъ отношеніи примѣру какъ своихъ неолитическихъ предшественниковъ такъ и своихъ позднѣйшихъ юго-восточныхъ сосѣдей, не бывшихъ или переставшихъ быть кочевниками. Глиняныя хаты (см. прилагаемую карту) распространены по всему югу Украины отъ Чернаго моря до сѣвера Екатеринославской и Херсонской губ. За этими предѣлами, далѣе на сѣверъ, слѣдуетъ полоса турлучныхъ жилыхъ построекъ, которыя попадаются и южнѣе и доходятъ почти до средины Харьковской, Полтавской и Кіевской губ. Сѣвернѣе этой черты начинается уже преобладаніе хатъ изъ мелкаго дерева съ глиной, построенныхъ „*у сдхи*“ съ глиняной обмазкой и, какъ и во всѣхъ предыдущихъ мѣстностяхъ и матеріалахъ, съ наружной и внутренней побѣлкой. Полоса этихъ хатъ занимаетъ сѣверныя части Харьковской, Полтавской и почти всю Кіевскую губ. За нею слѣдуетъ уже полоса рубленыхъ деревянныхъ хатъ, которыя, въ зависимости отъ благосостоянія населенія, попадаются вездѣ, начинаясь, въ видѣ исключенія, возлѣ Таганрога и попадаясь довольно часто въ Полтавщинѣ и Кіевщинѣ и дѣлаясь общимъ правиломъ только въ Черниговской, на сѣверѣ Кіевской губ., въ Волынской и далѣе на западъ въ Галиціи и на Карпатахъ, но сохраняя повсюду свою глиняную обмазку и побѣлку мѣломъ или гипсомъ вплоть до самаго сѣвера и горъ въ Галиціи, гдѣ исчезаетъ уже и этотъ составляющій очевидное переживаніе признакъ. Слѣдуя принятой нами системѣ, мы разсмотримъ всѣ эти способы постройки, начиная съ наиболѣе примитивныхъ.

1) Постройки изъ дерна и глины. Начало этого рода построекъ вѣроятно слѣдуетъ искать въ употребленіи дерна для возведенія небольшихъ стѣнокъ вокругъ землянокъ, состоявшихъ изъ одной крыши или изъ ямы съ крышей надъ ней. Такое употребленіе дерна встрѣчается иногда и теперь и очень естественно пред-

положеніе, что отъ этого рода стѣнокъ могъ совершиться переходъ и къ возведенію цѣлыхъ построекъ. Хатъ изъ дерна намъ не пришлось видѣть, но по разсказамъ козаковъ на полу-овѣ Тамани, тамъ недавно еще было очень много такихъ сооруженій. Теперь-же постройки дѣлаются или *вальковыя* (въ Бессарабіи *чамуровыя*) или *саманныя*, иначе *лимпачевыя*. Что касается первыхъ, то для возведенія ихъ, очищаютъ небольшое пространство земли, прокопавши ее до глины, затѣмъ разрыхляютъ глину, наливаютъ на нее воды и мѣсятъ или сами ногами, или приведя лошадей и заставляя ихъ топтаться по глинѣ, въ которую подсыпаютъ рубленой соломы и половы. Когда такимъ образомъ, получится довольно вязкая масса, изъ нея дѣлаютъ руками *вальки*, т. е. скатываютъ уплощенно-цилиндрическіе куски, изъ которыхъ сейчасъ-же и лѣпятъ стѣны, накладывая вальки одинъ на другой, утаптывая и выравнивая иногда съ помощью дощечки. Возведя такимъ образомъ стѣны до $^1/_2$ или $^3/_4$ аршина, ихъ оставляютъ сохнуть и затѣмъ продолжаютъ постройку опять на такую же высоту и т. д. Гораздо удобнѣе и скорѣе идетъ работа изъ *лимпача* или *самана*. Такъ называются большіе кирпичи выбитые въ деревянной формѣ изъ только что описанной смѣси глины съ соломой. Лимпачи эти выдѣлываются въ свободное время въ надлежащемъ количествѣ, а потомъ сразу возводятъ изъ нихъ постройку (Табл. VIII, g). Вальковыя постройки, впрочемъ, предпочитаются саманнымъ, такъ какъ въ послѣднихъ, не смотря на спайку лимпачей жидкой глиной, между ними все-таки остаются щели, куда заходитъ вода и могутъ проникать грызуны и разныя насѣкомыя, тогда какъ вальковыя стѣны, при надлежащей толщинѣ, чрезвычайно прочны и могутъ стоять очень долго. Построенная такимъ образомъ «руснацкая» церковь въ Тульчѣ (Добруджа) существуетъ какъ говорятъ съ конца XVIII в. Такого рода сооруженія можно видѣть уже въ предмѣстіяхъ г. Елисаветграда, гдѣ они называются землянками, тѣмъ болѣе что имѣютъ и очень пологую, земляную же крышу, затѣмъ далѣе на югъ онѣ дѣлаются уже совсѣмъ обыкновенными.

2) Турлучныя хаты или хати на сóхах. Всѣ описанныя до сихъ поръ земляныя постройки отличаются тѣмъ, что въ составъ ихъ стѣнъ или вовсе или почти вовсе не входитъ дерево, которое въ нихъ, кромѣ оконъ и дверей, употребляется только для потолка и для стропилъ. Въ турлучныхъ хатахъ дерево играетъ уже гораздо болѣе важную роль, такъ какъ изъ него устраивается остовъ не только крыши, но и самой хаты. Когда хата распланирована, въ тѣ мѣста, гдѣ должны находиться углы ея, и въ промежуткахъ между ними вбиваются въ землю *сохи*, т. е. довольно толстые столбы, затѣмъ верхніе концы этихъ сохъ соединяются между собою однимъ или двумя рядами горизонтальныхъ бревенъ или балокъ, носящихъ названіе *зруба* или *ощѣпа*, такъ какъ они зарубливаются по концамъ въ «замокъ»; на этотъ ощепъ настилаются *сволок* и *слижі*, т. е. балки для потолка (по крайней мѣрѣ въ жиломъ помѣщеніи) и надъ нимъ прикрѣпляются стропила крыши. Сохи были прежде настоящими сохами, т. е. имѣли сверху естественную раз-

вилину, теперь же это такъ наз. *шулли*, т. е. обыкновенныя бревна, въ лучшемъ случаѣ довольно толстыя (до 6-ти верш. толщ.), въ верхнемъ концѣ которыхъ вырубливается или углубленіе или же *чоп*. Между ними или вбиваются колья, или вставляются поперечныя перекладины, къ которымъ уже прикрѣпляется дальнѣйшая обшивка хаты, непремѣнно обмазываемая потомъ глиной. Обшивка эта варіируетъ сообразно мѣстнымъ условіямъ.

Изъ турлучныхъ жилыхъ построекъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе хаты *изъ соломы* и глины. Въ нихъ, по длинѣ, будущихъ стѣнъ, въ пространствахъ между сохами вбиваются въ довольно близкомъ другъ отъ друга разстояніи и въ вертикальномъ положеніи деревянные колья, верхніе концы которыхъ впускаются въ ощепъ или обвязь хаты. Затѣмъ изъ ржаной соломы свивается длинный и довольно толстый жгутъ—*перевесло*, который и заплетается между кольями, совершенно такъ, какъ плетутъ изгороди изъ хвороста, при чемъ солома разумѣется приколачивается возможно крѣпче во избѣжаніе пустотъ. Наконецъ снаружи и извнутри эти выплетенныя изъ соломы стѣны обмазываются толстымъ слоемъ глины, перемѣшанной съ кизякомъ, — лучше всего овечьимъ. Этотъ способъ постройки носитъ названіе *скрутнювáння* и при тщательности работы даетъ сооруженія замѣчательной прочности. Одному изъ нашихъ сотрудниковъ пришлось видѣть въ Херсонской губ. хату, построенную по этому способу, которой уже около 200 лѣтъ и которую по преданіямъ когда-то «палили» еще татары. Такихъ хатъ по свѣдѣніямъ А. Я. Шульгина, изъ неизданной пока статьи котораго мы заимствуемъ эти детали, теперь дѣлаютъ немного и онѣ, держатся только въ тѣхъ мѣстностяхъ Херсон. губ., гдѣ сѣютъ еще много ржи. Кромѣ того ихъ довольно много еще въ южной части Подольской губ. и въ украинскихъ поселеніяхъ Бессарабіи.

Въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Днѣпру, въ южной полосѣ Украины хаты съ такимъ же остовомъ дѣлаютъ изъ *очерету* или *комышу*, т. е. изъ тростника, который связывается въ тонкіе пучки и привязывается какъ извнутри, такъ и снаружи къ *глицям*, т. е. къ поперечнымъ латамъ, вставленнымъ между сохами, съ разсчетомъ на то, чтобы каждый пучекъ приходился въ промежуткѣ между двумя пучками съ противоположной стороны для избѣжанія пустотъ. Когда обвязка закончена, ее, какъ и соломенную, также покрываютъ глиной, перемѣшанной съ соломой или половой, съ обѣихъ сторонъ и затѣмъ, разумѣется, бѣлятъ. Камышевыя хаты, не на столько прочны, какъ земляныя, но гораздо дешевле, такъ какъ, при обиліи тростника на днѣпровскихъ плавняхъ, постройка идетъ много скорѣе и требуетъ меньше работы.

Наконецъ, изъ жилыхъ построекъ на сохахъ, наиболѣе распространены хаты *плетеныя изъ лозы или хвороста* и обмазанныя глиной, которымъ по преимуществу принадлежитъ названіе *мáзанокъ*. Остовъ ихъ дѣлается совершенно тотъ же какъ и въ предыдущихъ, но вмѣсто соломы или тростника употребляется лоза или хворостъ, которыми и заплетается пространство между сохами или *шулами*, послѣ чего дѣлается традиціонная обмазка глиной и побѣлка. Намъ

приходилось слышать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ стѣны дѣлались изъ двойного плетня, въ промежуткѣ же между двумя плетнями набивалась возможно плотнѣе глина, которою обмазывались плетни и снаружи, но лично намъ, такихъ плетеныхъ хатъ наблюдать не приходилось, хотя возможно что нѣчто въ родѣ такой постройки представляетъ собой сторожка на рисункѣ вышки, помѣщеномъ въ книгѣ Попки «Черноморскіе Казаки». Хаты изъ лозы или хвороста по наружному виду ничѣмъ не отличаются отъ вальковыхъ или тростниковыхъ хатъ.

3) Деревянныя хаты. Хаты изъ дерева могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: a) *хати у шули, у стовпи, у слупи, у закидку,* и b) *хати у зруб,* изъ которыхъ первая непосредственно примыкаетъ къ турлучнымъ сооруженіямъ, съ той только разницей, что плетень замѣняется въ нихъ болѣе или менѣе крупными бревнами или кусками жердей, вторая-же значительно отличается отъ всего, что было до сихъ поръ нами описано и по характеру своему приближается къ типамъ сѣверныхъ жилищъ.

Въ хатахъ *у стовпи, шули,* т. е. стоящія вертикально бревна, вкапываются въ землю и въ каждомъ изъ нихъ съ двухъ сторонъ выдалбливаются пазы, въ которые уже горизонтально вкладываются въ лучшемъ случаѣ надвое перепиленныя вдоль, довольно короткія бревнышки или куски «обапалковъ», у болѣе же бѣдныхъ хозяевъ просто куски порубленныхъ жердей. При этомъ способѣ постройки, обмазка глиной разумѣется необходима и для закрытія очень многочисленныхъ щелей и для приданія большей толщины стѣнамъ. Подобныя хаты встрѣчаются повсюду, за исключеніемъ вполнѣ лѣсистыхъ мѣстностей и ставятся обыкновенно людьми, не имѣющими достаточно средствъ для того, чтобы построить рубленую хату. Въ полной зависимости отъ экономическаго положенія населенія, такія хаты то появляются, то исчезаютъ, то съ обѣднѣніемъ населенія замѣняютъ собой рубленыя, какъ напримѣръ въ Бродскомъ округѣ въ Галиціи, то напротивъ, являются результатомъ экономическаго прогресса, оттѣсняя собой турлучныя, какъ мы видимъ напримѣръ въ Полтавской губ.

Хати у зруб, у цівки, составляющія, такъ сказать, экономическій идеалъ украинскаго крестьянина, строятся совершенно иначе. Въ землю вкапываютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны приходиться углы будущей хаты или большіе камни, или такъ наз. *стояни,* т. е. очень толстыя дубовыя сваи небольшой высоты, иногда замѣняемыя каменной или кирпичной кладкой. На это основаніе кладется первый *вінець* бревенъ—*підвалина* хати, состоящая обыкновенно изъ наиболѣе толстыхъ и прочныхъ бревенъ, на нихъ накладываются слѣдующія бревна, которыя, какъ и первыя, зарубываются *у замок* когда зарубка дѣлается четырехугольная, или *у цівки,* если она полукруглая. Какъ тотъ такъ и другой способъ зарубокъ оставляетъ концы бревенъ торчащими по угламъ, но бываетъ и другой родъ зарубки, когда концовъ не остается, а получается совершенно ровная линія угла хаты. Между бревнами обыкновенно помѣщаютъ мохъ, чтобы закрыть щели. Доведя такимъ образомъ стѣны до надлежащей высоты, въ нихъ прорубаютъ окна, для дверей-же въ первый «вінець» бревенъ или «підвалину»

хаты вдалбливаютъ *шули*, которыя потомъ превращаются въ *лутки* или *одвірки*. На верхній вінець или *ощепину* кладутъ *сводок*, т. е. очень толстую балку, поддерживающую весь потолокъ, иногда же бываетъ и два сволока, лежаніе крестообразно. На сволокѣ очень часто вырѣзываютъ крестъ, имя владѣльца, годъ и число сооруженія и т. п. *Стеля*, т. е. потолокъ настилается на сволокъ и ощепину описаннымъ уже выше способомъ; на нее насыпается довольно толстый слой земли и затѣмъ кладутся поперечныя бревна, къ которымъ прикрѣпляются *кроквы*, т. е. стропила, а на нихъ въ горизонтальномъ направленіи кладутся *лати*, т. е. жерди, къ которымъ уже привязывается солома. Вокругъ хаты забиваютъ колья или столбики, закладываютъ за нихъ толстыя доски или цѣлыя бревна, а въ промежутокъ между ними насыпаютъ землю или глину, которую тщательно утрамбовываютъ. Это такъ наз. *присна* или *призьба*, которая дѣлается въ каждой хатѣ, независимо отъ ея строительнаго матеріала и способа постройки и назначеніе которой заключается въ томъ, чтобы оградить хату отъ воды и вѣтра снизу. Кромѣ того внутри сруба, разумѣется, насыпается достаточно земли, которая тоже возможно крѣпко утрамбовывается и на нее уже, если позволяютъ средства настилается *помост* или *підлога*, т. е. полъ. Чаще-же земляной полъ смазывается глиной и смазка эта постоянно возобновляется. Этимъ въ сѣверной Украинѣ, т. е. на Волынскомъ и Черниговскомъ Полѣсьѣ, равно какъ и у Карпатскихъ русиновъ-горцевъ, постройка деревянной хаты и оканчивается, въ прочихъ же частяхъ ея, лежащихъ южнѣе, въ такомъ видѣ хата считается еще не конченною и для полной отдѣлки ее *клинцюють* или *тинкують* и потомъ *мажуть*. Клинцюваніемъ называется забиваніе въ щелочки, сдѣланныя снаружи, а иногда и внутри сруба долотомъ, маленькихъ деревянныхъ клинышковъ, тинкуваніемъ же—обивка наружной или и внутренней стороны сруба узенькими драничками въ видѣ рѣшетки. Какъ то, такъ и другое дѣлается для того, чтобы покрыть стѣны хаты снаружи, въ лучшемъ случаѣ штукатуркой, или, какъ дѣлается обыкновенно, смѣсью глины съ кизякомъ и потомъ выбѣлить; иногда впрочемъ побѣлка или и обмазка хаты глиной дѣлается просто по дереву. Эти штукатурка или обмазка и побѣлка, не представляющія никакой технической необходимости, дѣлаются очевидно не для того чтобы хата была теплѣе (иначе это дѣлали-бы и въ Полѣсьѣ и во всей Великороссіи, вмѣсто обшивки тесомъ), а изъ побужденій чисто эстетическихъ, которыя могутъ быть только переживаніемъ прежнихъ способовъ постройки. Объ этомъ мы впрочемъ будемъ говорить еще дальше, теперь же перейдемъ къ отдѣльнымъ частямъ хаты, въ которыхъ тоже оказывается немало разнообразія въ разныхъ мѣстностяхъ Украины.

c) Отдѣльныя части хаты: Покрівля, дах, стріха (крыша). Крыши хатъ на всемъ пространствѣ Украины до настоящаго времени отличались замѣчательнымъ однообразіемъ, по крайней мѣрѣ въ основныхъ своихъ чертахъ, изъ которыхъ главная—ихъ *четырехскатность*. Это относится, разумѣется, къ крышамъ соломеннымъ и деревяннымъ, которыя этой своей особенностью рѣзко отличаются отъ

крышъ избъ бѣлорусскихъ, польскихъ и великорусскихъ, а также и домовъ нѣмецкихъ колонистовъ и сближаются съ крышами хатъ болгаръ, сербовъ, молдаванъ и чеховъ (у этихъ послѣднихъ, разумѣется, въ болѣе старинныхъ жилищахъ). Что касается новѣйшихъ желѣзныхъ и черепичныхъ крышъ, то онѣ бываютъ иногда и двускатными. Въ послѣднее время, впрочемъ, замѣчаются уже случаи четырехскатности соломенныхъ крышъ съ усѣченнымъ фронтономъ, при чемъ узкіе скаты обыкновенной крыши укорачиваются на половину или на $^2/_3$ и отъ верхняго или отъ нижняго края укороченной такимъ образомъ части ската, недостающая часть замѣняется вертикальной стѣнкой, какая бываетъ у двускатныхъ крышъ. Эта форма крыши позаимствована чаще всего у нѣмецкихъ колонистовъ и вызывается желаніемъ увеличить помѣщеніе подъ крышей или чердакомъ [1]). Двускатность-же желѣзныхъ и черепичныхъ крышъ объясняется просто дороговизной желѣза и тяжестью черепицы, и врядъ-ли можетъ объясняться заимствованіемъ, такъ какъ первыя желѣзныя и черепичныя крыши, которыя начали заводить городскіе жители и сельскіе помѣщики были, да и теперь дѣлаются, почти всегда четырехскатными. Высота украинскихъ крышъ очень не одинакова: наиболѣе высокими крышами отличаются хаты угорскихъ русиновъ, независимо отъ матеріала (табл. IX, f). Затѣмъ довольно высокія крыши встрѣчаются у бойковъ и иногда у лемковъ (табл. IX, b) въ долинахъ же какъ Галиціи, такъ и русской Украины крыши не особенно высоки, а иногда бываютъ и очень низкими, особенно въ мѣстностяхъ подверженныхъ сильнымъ вѣтрамъ. Въ отличіе отъ великорусскихъ соломенныхъ крышъ, въ натруску, украинскія хаты кроются всегда снопками, а если иногда и кроютъ «въ натруску», то развѣ самые бѣдные люди, или же въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ напр. у бойковъ, нижняя часть крыши деревянная. На крыши въ «натруску» накладываютъ жерди, колья и т. п.; особенно сначала, пока онѣ не осѣли и не сдѣлались болѣе плотными. Обыкновенно же на верхній гребень крыши накладываютъ связанныя по двѣ жерди, изъ которыхъ одна спускается на одинъ скатъ, а другая на другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. на югѣ Житомірскаго у., короткіе концы этихъ жердей у мѣста связки дѣлаютъ подлиннѣе, слегка загибаютъ вверхъ и заостриваютъ, такъ что они торчатъ на подобіе роговъ. Очень интересно отмѣтить, что въ украинскихъ хатахъ жерди, удерживающія солому на крышѣ, всегда лежатъ перпендикулярно къ нижнему ея краю, тогда какъ на великорусскихъ избахъ они лежатъ параллельно ему и слѣдовательно въ горизонтальномъ положеніи, опираясь на зарубины или рожки, вдѣланные въ крайнія стропила. Объ острішкахъ и ихъ географическомъ распространеніи, къ тому что было уже сказано выше, можно прибавить развѣ то, что кое-гдѣ они вѣроятно вмѣстѣ съ переселенцами

[1]) Слово это происходитъ отъ венгерскаго *чáрда*—стража и обозначало прежде сторожку, которая устраивалась на крышѣ и замѣнилась теперь голубятней или *слуховымъ* окномъ. Любопытно, что то-же названіе носитъ и корма лодки, на возвышеніи которой то же въ свое время стоялъ караульный.

проникли и въ Полтавскую губ. и даже гораздо дальше. Они встрѣчаются даже въ Воронежской губ., будучи занесены туда переселенцами изъ Херсонской. Въ Кіевской губ., кое-гдѣ на Волыни и въ Галиціи изъ такихъ острішківъ выдѣлываютъ на крышѣ крестъ или же кроютъ всю крышу такъ, что изъ соломы на ней образуются уступы (у бойковъ). Деревянныя крыши, какъ было уже сказано дѣлаются изъ драницъ, т. е. изъ довольно тонкихъ колотыхъ дощечекъ около 50 стм. длины, а иногда и длиннѣе, или изъ гонты, т. е. такихъ же дощечекъ, но короче и уже. Такія крыши можно видѣть только въ горахъ Галиціи и на Полѣсьѣ въ русской Украинѣ, но необходимо упомянуть, что такимъ же образомъ были покрыты, да и кроются и до сихъ поръ еще почти всѣ мѣщанскіе дома въ мѣстечкахъ и городахъ всей сѣверной и средней Украины и Галиціи; еще не такъ давно такія крыши еще можно было видѣть и въ Кіевѣ, въ Галиціи-же даже очень часто и теперь. Для покрытія церквей выдѣлывались *клíйня* изъ дубоваго дерева, очень толстые (пальца въ два толщины и нѣсколько меньшаго размѣра, чѣмъ гонта, съ расширеннымъ и нѣсколько закругленнымъ нижнимъ концомъ.

Га̀нок—въ гуцульскихъ и въ большинствѣ бойковскихъ хатъ составляетъ непремѣнную принадлежность жилища; въ сѣверной и средней полосѣ Украины онъ или вовсе отсутствуетъ или замѣняется, подъ тѣмъ же названіемъ, небольшимъ навѣсомъ передъ входными дверьми, а въ южной Украинѣ появляется опять, но уже въ видѣ легкой галлерейки вдоль всей передней, а иногда и боковой части хаты и имѣетъ самостоятельную легкую крышу. Въ карпатскихъ хатахъ га̀нок находится всегда подъ общей крышей хаты, до половины бываетъ закрытъ и поддерживается почти всегда рѣзными столбиками, которые упираются вверху въ поддерживающіе крышу, т. е. вѣрнѣе *стріху* горизонтальные брусья въ числѣ иногда даже трехъ, срѣзанныхъ посединѣ хаты такъ, что каждый нижній брусъ короче верхняго. Въ этой галлерейкѣ дѣлается одна или двѣ форточки, подъ слегка выгнутымъ деревяннымъ сводомъ для прегражденія входа «безрогамъ» и др. домашнимъ животнымъ.

Пѣч, помѣщается въ украинской хатѣ всегда въ углу между задней стороной хаты и стѣнкой сѣней, возлѣ самаго входа; дѣлается очень часто просто изъ глины, иногда изъ кирпича (особенно сырца) и иногда только, главнымъ образомъ у гуцуловъ, изъ *кахель*, т. е. изразцовъ. Для устройства печи изъ глины, вылѣпливаютъ сначала изъ земли и глины соотвѣтственной величины возвышеніе, потомъ на то мѣсто этого возвышенія, гдѣ должна быть собственно-варистая печь, кладутъ большой куль соломы или чаще желаемой величины мѣшокъ, набитый туго половой и облѣпливаютъ его со всѣхъ сторонъ мокрой глиной до достаточной толщины, затѣмъ, когда глина просохнетъ, изъ торчащаго спереди отверстія мѣшка вынимаютъ руками полову, или вытаскиваютъ солому, а въ концѣ операціи и самый мѣшокъ. Получившійся такимъ образомъ сводъ выравниваютъ заступомъ и начинаютъ топить, чтобы окончательно высушить. Послѣ этого лѣпятъ изъ глины или кладутъ изъ кирпича *прíпечок* и придѣлываютъ *кóминъ*, дающій боковой

каналъ, ведущій въ сѣни и открывающійся такъ называемой *каглдю* въ *бовдур* или *комин* или *димар*—т. е. дымовую трубу, чаще всего выплетенную изъ лозы или связанную изъ камыша или, наконецъ, сбитую изъ до-

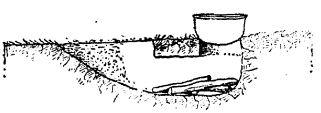


Рис. 8.

сокъ, гораздо рѣже—вылѣпленную изъ глины или даже кирпичную и доходящую или только до половины высоты сѣней, или же выведенную поверхъ крыши, иногда очень немного, иногда же очень высоко надъ ней, какъ, напримѣръ, въ Черниговской губ. Въ первомъ случаѣ дымъ расходится по чердаку и выходитъ наружу сквозь кровлю, или сквозь небольшія продѣланныя въ ней отверстія надъ входомъ въ хату, или по обѣимъ концамъ гребня крыши. Внизу дымарь доходитъ до земли и иногда въ немъ устраивается *кабиця*—небольшая глиняная печечка, на которой можно сварить что нибудь не растапливая большой печи въ хатѣ. Иногда кабиця устраивается и посреди сѣней. Передней части печи, возвышающейся надъ ея отверстіемъ, даютъ довольно разнообразную форму и устраиваютъ въ ней разныя *печурки* для храненія *сірників* и т. п., иногда же расписываютъ ее, равно какъ и стѣны хаты, особенно «коло богів» разными *квітками*. Рис. h на Табл. VIII представляетъ одну изъ такихъ расписныхъ печей изъ Подольской губ. Изразцовыя печи встрѣчаются въ настоящее время только у гуцуловъ и отличаются большой роскошью отдѣлки. Онѣ помѣщаются не просто на землѣ и не на кирпичныхъ или глиняныхъ подставкахъ, какъ въ русской Украинѣ, а на прочной деревянной подставкѣ съ вычурно иногда выточенными ножками, а самые изразцы покрыты иногда изысканной росписью, изображающей не только цвѣты и т. п., но и церкви, бытовые сюжеты, каррикатуры и т. п. Нѣсколько хорошихъ рисунковъ такихъ печей находятся въ книгѣ г. Шухевича—«Гуцульщина».

Но кромѣ хатъ съ печами, только что описаннаго нами устройства, на сѣверѣ Украйны и кое-гдѣ въ Карпатахъ, особенно у бойковъ, встрѣчаются еще курныя хаты, вовсе не имѣющія трубъ, въ которыхъ дымъ изъ печи поднимается прямо къ потолку и выходитъ отчасти въ продѣланное въ немъ для этой цѣли небольшое четырехугольное отверстіе, въ обыкновенное время закрываемое дощечкой, утвержденной на длинной палкѣ, отчасти же просто черезъ открытыя двери. Такія хаты, въ которыхъ верхняя часть стѣнъ и весь потолокъ покрыты черной смолистою копотью, встрѣчаются теперь еще въ упомянутыхъ нами мѣстностяхъ, и быстро исчезаютъ, но въ концѣ прошлаго столѣтія ихъ было очень много и онѣ доходили въ Кіевской губ. почти до Кіева и даже южнѣе его, а въ Карпатахъ были общимъ явленіемъ. Сохраненію ихъ, равно какъ и предоставленію дыму выходить изъ короткаго дымохода прямо подъ крышу, много способствовало то обстоятельство, что по мнѣнію многихъ крестьянъ, дымъ, прокапчивая солому или дерево крыши,

предохраняетъ ее отъ гніенія и дѣлаетъ, слѣдовательно, болѣе прочною. Мнѣніе это, встрѣчающееся повсюду, настолько распространено, напр., въ венгерской Украинѣ, что тамъ хаты безъ трубъ упорнѣйшимъ образомъ удерживаются, несмотря на строгія требованія полиціи строить новыя хаты не иначе какъ съ трубами выводящими дымъ наружу надъ крышей и намъ напр. въ с. Золотаревѣ (Ötvösfalva) не въ одномъ домѣ приходилось видѣть *фальшивыя* трубы, которыя были придѣланы на верху крыши, не сообщаясь съ печью.

Мы только что упоминали о кабицѣ, которая устраивается иногда посреди сѣней, иногда же внизу дымаря. Въ наиболѣе примитивномъ видѣ *кабица* состоитъ изъ горизонтально прокопанной въ какомъ нибудь естественномъ или нарочно устроенномъ уступѣ земли—дыры, которая сообщается съ вертикальной дырой, прокопанной сверху и образующей съ первой родъ колѣна (рис. 8). Въ нижнюю дыру кладется топливо и зажигается, въ верхнюю же ставится котелокъ съ водой для каши. Это полевая кабица, какую умѣетъ устроить каждый мальчикъ-пастухъ. Та-же кабиц., о которой шла рѣчь выше, представляетъ собой небольшое глиняное сооруженіе, основанное совершенно на томъ же принципѣ, но имѣющее одну или двѣ верхнихъ дыры, иногда даже небольшую плиту, а изрѣдка и невысокую трубу тоже изъ глины. Такія кабиці теперь можно встрѣтить посреди сѣней только въ видѣ величайшей рѣдкости, но сбоку, подъ стѣной примыкающей къ хатней печи, онѣ встрѣчаются довольно часто. Такъ въ м. Корцѣ намъ пришлось видѣть и зарисовать такую кабицю, устроенную подъ *коминомъ* или *димаремъ*. Обыкновенно-же на югѣ Украины кабиці устраиваются внѣ хаты во дворѣ и ими пользуются какъ лѣтней кухней, чтобы избѣжать жары и мухъ въ хатѣ. Печь, находящаяся въ хатѣ, т. е. *варистая*, въ своей простѣйшей формѣ, представляетъ собою такую же кабицю, перенесенную изъ сѣней не во дворъ, гдѣ въ болѣе сѣверныхъ странахъ въ ней нѣтъ особенной надобности, а уже во второе жилое помѣщеніе. Эту простѣйшую форму мы находимъ въ курныхъ избахъ, гдѣ печь эта очень напоминаетъ собой кабицю безъ верхняго отверстія, а съ широкимъ низкимъ, въ которое кладутъ топливо и изъ котораго выходитъ дымъ. Съ трубой выходящей въ сѣни, эта кабиця превращается въ печь, дополняемую очень немногими усложненіями въ видѣ припечка и пр.

Окна и двери. Въ украинскихъ хатахъ существуетъ два вида наиболѣе старинныхъ и наиболѣе примитивныхъ оконъ. Первый изъ нихъ можно найти въ каждой рѣшительно хатѣ, въ видѣ крошечнаго одностекольнаго окошечка, состоявшаго прежде изъ простаго отверстія въ стѣнѣ, задвигавшагося доской или просто затыкавшагося чѣмъ нибудь, а теперь состоящаго изъ небольшого стекла, вмазаннаго въ отверстіе въ стѣнѣ даже безъ рамы. Окошечко это, разумѣется, не могущее отворяться, находится обыкновенно очень высоко отъ *долівки* надъ печью, верхняя площадка которой, какъ извѣстно, служитъ для спанья самыхъ старыхъ членовъ семьи во время зимы, а слѣдовательно почти подъ крышей, т. е. на томъ мѣстѣ, гдѣ оно находилось и тогда, когда мазанка только не-

много подымалась надъ уровнемъ земли, такъ какъ нижняя ея часть была еще подземною. Такихъ оконъ было въ то время одно или два и часто, по свидѣтельству польскихъ этнографовъ, въ нихъ вставлялись тоненькія дощечки изъ смолистаго дерева, сквозь которыя могли пробиваться яркіе солнечные лучи. Затѣмъ эта дощечка стала замѣняться пузыремъ, а позже круглыми или четырехугольными зелеными стеклами. Гунъ, описывая одну деревню въ окрестностяхъ Яготина, говоритъ, что «окна тамъ дѣлаетъ каждый хозяинъ точно той величины, каковой случится достать ему стекла. Обыкновенно состоятъ оконницы изъ двухъ толстыхъ, почти ни мало не прозрачныхъ, зеленыхъ круглыхъ стеколъ. Нерѣдко случается видѣть врѣзанныя въ стѣны стеклушки не болѣе какъ дюймовъ двухъ въ поперечникѣ». «Шибы аркушовые» т. е. листовое стекло упоминается, впрочемъ, Марковичемъ еще въ срединѣ XVIII стол., но оно было въ обиходѣ вѣроятно только у пановъ. Довольно близкой стадіей развитія окна въ два стекла можно считать двойное окошечко, найденное недавно А. Я. Шульгинымъ въ Херсонской губ. и тоже состоящее только изъ двухъ стеколъ, верхняго и нижняго, изъ которыхъ послѣднее подымается вверхъ. Такія окна, судя по описаніямъ Арандаренка, были еще въ началѣ прошлаго столѣтія въ общемъ употребленіи у крестьянъ всей Полтавской губ. Удвоеніе этого окна даетъ теперь устарѣвшее, но достаточно еще распространенное окно *на чотирі шибки*, т. е. четырехстекольное, съ тоже подымающейся нижней половиной, которое можно видѣть еще на нѣкоторыхъ нашихъ фотографіяхъ и которое уже почти вытѣсняется шестистекольными и прочими еще болѣе новѣйшими окнами. Второй — не менѣе примитивный, но свойственный

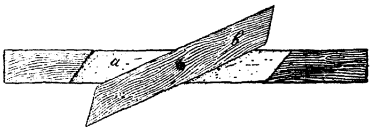


Рис. 9.

только сѣвернымъ бревенчатымъ хатамъ видъ окна, представляетъ собой волоковое окно, замѣняющееся иногда остроумнымъ приспособленіемъ, которое намъ пришлось видѣть въ с. Андреевичахъ, на Волыни, и состоящее изъ косо прорѣзанной въ бревнѣ узкой щели, въ которой, на небольшой оси можетъ поворачиваться закрывающій ее брусокъ тоже удлиненно-ромбической формы (рис. 9). Вѣроятно непосредственнымъ усовершенствованіемъ волоковаго окна было окошечко сѣверно-волынской хаты длинное и низкое, тоже расположенное довольно близко къ крышѣ, и теперь уже застекленное нѣсколькими, кое-какъ пригнанными другъ къ другу и склеенными замазкой кусочками стекла въ общей рамѣ. Слѣдующей стадіей этого окна является подобное же окно, раздѣленное на три *шибки*, а дальнѣйшія приводятъ къ большому окну въ 9 и даже 12 стеколъ, которое можно видѣть во многихъ хатахъ Волынской губ. Оконъ въ хатѣ бываетъ обыкновенно три: два съ главнаго фасада и одно—*причільне*, на узкой сторонѣ хаты, при чемъ первое отъ дверей окно главнаго фасада очень часто немного меньше второго—*покутнаго*, ближайшаго *до покутя*, это же послѣднее всегда одинаковой ве-

личины съ причільним. Надъ печью или подъ поломъ, помѣщается еще одно маленькое одностекольное окошечко, о которомъ мы уже упоминали выше. Снаружи, окна въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обводятся желтыми, синими или красными полосами, что служитъ признакомъ присутствія въ хатѣ *дівчини на виданні* —

Рис. 10.

т. е. невѣсты. Снаружи окна завѣшиваются чаще всего соломенными *матками*, теперь же дѣлаютъ *віконниці*, т. е. ставни, одно, а иногда двустворчатыя, часто выкрашенныя, а иногда и расписанныя.

Относительно дверей, мы можемъ сказать только, что онѣ бываютъ исключительно одностворчатыя и имѣютъ прямоугольную форму, хотя въ старинныхъ хатахъ, а особенно въ церквахъ, или церковныхъ постройкахъ встрѣчаются еще кое-гдѣ двери, верхніе углы которыхъ срѣзаны и онѣ получаютъ такимъ образомъ форму неправильно шестиугольную (рис. 10), чему соотвѣтствуютъ разумѣется и *одвірки*, срубленные совершенно особеннымъ образомъ, съ боковыми вставками, иногда дающими притолкѣ и двери совершенно закругленный видъ (рис. 11). Теперь въ большей части Украины двери дѣлаются уже на желѣзныхъ *завісах*, тогда какъ прежде онѣ дѣлались, а кое-гдѣ и теперь дѣлаются еще на *веріях* или *верейках* вверху и на *бігунах* внизу. Для

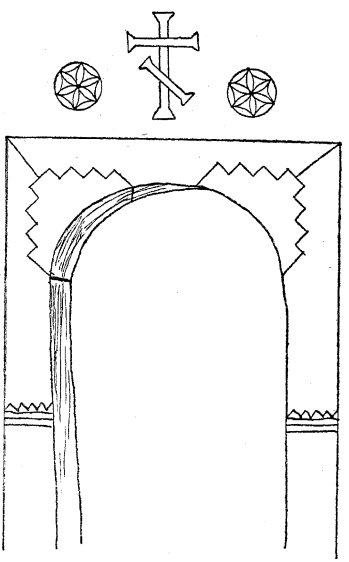


Рис. 11.

замыканія дверей служитъ или простой засовъ, изъ деревяшки съ нарѣзами сверху, передвигаемой съ помощью ключа, состоящаго изъ деревянной или желѣзной палочки, ко-

a

b

c

нецъ которой можетъ спускаться подъ прямымъ угломъ, когда его всунутъ въ маленькое отверстіе въ стѣнѣ возлѣ двери. На этомъ принципѣ построены и гораздо болѣе сложные деревянные замки, не уступающіе по остроумію большей части запоровъ, описанныхъ въ извѣстной работѣ ген. Pitt-Rivers'a—On the development and distribution of primitiv Locks and Keys L. 1883. Чтобы окончить съ дверьми, необходимо еще упомянуть о *порогѣ*, который во многихъ мѣстахъ Украины, особенно на Волыни и въ Галиціи, дѣлается нарочно очень высокимъ, чтобы въ сѣни не проникала вода, и животныя.

Планъ хаты. Вполнѣ однокамерныя жилища, существованіе которыхъ на Украинѣ можно допустить на основаніи аналогіи съ югославянами и общей теоріи развитія жилыхъ помѣщеній,—въ настоящее время на всемъ пространствѣ занятомъ украинскимъ населеніемъ, сколько намъ извѣстно, вовсе отсутствуютъ. Тѣмъ не менѣе слѣды ихъ повидимому сохранились въ видѣ пережитка древнихъ сооруженій, о которыхъ лѣтописи упоминаютъ подъ названіями *истьба, истобъка* или *истопка* (Ипат. 203, 170, 350). Названія эти существуютъ въ сѣверной Украинѣ и Бѣлоруссіи и до сихъ поръ въ видѣ терминовъ: *стебка, издебка, истопка* [1]) и пр. и обозначаютъ собою небольшую одноками́рную постройку, сдѣланную изъ бревенъ въ срубъ, по большей части обмазанную и побѣленную, съ очень небольшимъ, оконцемъ, а иногда только съ просвѣтомъ безъ стекла, часто безъ потолка, а иногда и съ потолкомъ, но почти всегда съ печкой или въ видѣ грубаго очага изъ камней, сложенныхъ безъ цемента или же въ видѣ настоящей печки, по большей части курной, но иногда и съ трубой. Устройство лѣтописной истопки, несомнѣнно, впрочемъ, отапливавшейся,—намъ неизвѣстно, но то что мы сказали о современной намъ постройкѣ, сохранившей это названіе, даетъ намъ, кажется, полное право думать, что она могла быть обитаемой и служила жильемъ, хотя теперь она употребляется только для храненія *варева*, т. е. припасовъ въ родѣ квашеныхъ бураковъ, капусты, картофеля и т. п. продуктовъ, которые въ случаѣ промерзанія дѣлаются никуда не годными. Поэтому намъ и кажется, что мы безъ малѣйшей натяжки можемъ высказать предположеніе что эта *издебка* или *истопка* и была когда то прежнимъ однокамернымъ жилищемъ восточныхъ славянъ, очень древнимъ и очень распространеннымъ, такъ какъ мы находимъ ея названіе въ мѣстахъ лѣтописи относящихся и къ Новгороду и къ Смоленску и къ окрестностямъ Кіева. Стебка, которую мы нашли въ с. *Сушкахъ* Волын. г. стоитъ отдѣльно отъ жилья, имѣетъ печь съ трубой и въ своемъ планѣ заключаетъ уже намекъ на переходъ къ двухкамерному сооруженію, такъ какъ двѣ ея стѣны удлинены и, находясь подъ *стріхой*, нуждаются только въ передней стѣнкѣ, чтобы превратиться въ настоящія сѣни. Другая стебка, которую намъ пришлось видѣть въ с. Рудня-Могилянська, недалеко отъ м. Ушомира, тоже на Волыни, представляетъ собою тоже однокамерное сооруженіе, съ потолкомъ, но безъ самостоятель-

[1]) Видѣть въ этихъ словахъ нѣмецк. Stube мы затрудняемся.

ной крыши, которую замѣняетъ общая крыша *повітки* или *шопи*.

Двукамерныя хаты на Украинѣ чрезвычайно рѣдки и строго говоря встрѣчаются въ видѣ общераспространеннаго жилища только въ одной части ея —въ Закарпатской Украинѣ и то почти исключительно на западномъ склонѣ Карпатъ въ Мармарошскомъ и Берегскомъ комитатахъ Венгріи, гдѣ намъ пришлось ихъ видѣть въ селахъ Золотареві (Ötvösfalva),Данилові (Sófalva), Лисичеві (Rokamesö), Кушниці (Kusnica), Стройні (Malmos) и др. Самый обыкновенный планъ этихъ жилищъ, наружный видъ которыхъ представленъ на табл. IX f, состоитъ изъ 2-хъ отдѣленій: сѣней и собственно—хаты, хотя случаются и варіаціи: одна язъ нихъ, найденная нами въ Кушницѣ имѣетъ входъ прямо съ улицы, безъ сѣней и состоитъ изъ хаты и *клiті*, т. е. коморы съ отдѣльнымъ входомъ, а другая, въ которой сѣни превратились въ хату (или можетъ быть были ею, въ однокамерномъ видѣ, съ самаго начала), представляетъ собою комнату уже на венгерскій манеръ. Встрѣчаются, разумѣется, двукамерныя хаты и вездѣ на Украинѣ, но исключительно въ видѣ бѣдной или неоконченной постройки, какъ, напр., хата, представленная у насъ на табл. IX, a.

Обыкновенный же, такъ сказать, классическій типъ украинской хаты—трехкамерный, состоящій изъ сѣней, по одну сторону которыхъ находится жилое помѣщеніе — собственно хата, а по другую — комора. Наиболѣе часто встрѣчающееся и, можно сказать нормальное развитіе этого плана представляетъ собою превращеніе коморы во второе жилое помѣщеніе, съ выдѣленіемъ коморы изъ плана хаты и помѣщеніемъ ея во дворѣ. Это измѣненіе происходитъ обыкновенно въ двухъ случаяхъ: или при сожительствѣ женившагося сына съ родителями, или же при увеличеніи благосостоянія хозяина на столько, что онъ позволяетъ себѣ роскошь имѣть чистую половину для пріема гостей и пр. Дальнѣйшее измѣненіе этого плана заключается въ томъ, что одно или даже два жилыя помѣщенія раздѣляются перегородкою, при чемъ «хата» раздѣляется на двѣ части: *хату* и *кімнату* *), Перегородкой въ такихъ случаяхъ служитъ иногда узкая и длинная *груба*, т. е. печь для отопленія, труба которой проходитъ подъ сводомъ дверей и выходитъ въ коминъ или трубу варистой печи. Иногда перегораживаются и сѣни и задняя часть ихъ или превращается въ кухню, или же въ комнату, сообщающуюся съ двумя сосѣдними и тогда получается уже домъ изъ пяти комнатъ. Эта послѣдняя форма, создавшаяся какъ мы видимъ, путемъ правильной эволюціи, которую намъ довольно легко было прослѣдить, и представляетъ господствующій въ Украинѣ типъ домовъ духовенства, мѣщанъ и «полупанків». Но, возвращаясь къ предыдущимъ формамъ, мы должны отмѣтить еще двѣ изъ нихъ: одна, которую мы наблюдали въ с. *Кононівці* Полт. губ. произошла отъ развитія плана трехкамерной хаты, такимъ образомъ, что передѣлены были сѣни и ихъ задняя часть была превра-

---

1) Возможно, что *кімната*, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ (галицкихъ) мѣстностяхъ, могла возникнуть и путемъ прорубки дверей въ *комірчину*, въ которой прежде держали *бульби*, т. е. картофель.

щена въ кухню, посредствомъ поворота печи устьемъ въ эту кухню, тогда какъ прочая часть ея осталась въ хатѣ; примыкавшая же къ сѣнямъ комора получила прибавку въ видѣ крытой галлерейки. Другая — встрѣчающаяся на Кубани, представляетъ развитіе двухкамерной хаты происшедшее такимъ же образомъ, какъ и развитіе трехкамерной, т. е. путемъ передѣла сѣней на сѣни и кухню и „хаты“ на *хату* и *кімнату*. Мы могли бы привесть еще нѣсколько подобныхъ же видоизмѣненій основного плана украинской хаты имѣющихъ подобное-же происхожденіе. Понятно-что всѣ такія усложненія плана, съ увеличеніемъ количества комнатъ, сопровождаются и увеличеніемъ числа оконъ въ домѣ вообще. Отдѣленная часть сѣней, а иногда и *кімнатка*, особенно небольшая, носитъ названіе *алькира* или *ванькира*, а если она пристроена къ сѣнямъ, то *хижи* или *хижки*.

Если мы видимъ, что внутренній планъ украинской хаты во всѣхъ мѣстностяхъ и во всѣхъ видоизмѣненіяхъ ея—въ сущности одинъ и тотъ-же, то въ еще большей степени поразительнымъ однообразіемъ отличается и внутреннее расположеніе предметовъ въ ней. Въ какую бы украинскую хату, начиная съ западныхъ частей Курской и Воронежской губ. и кончая западными склонами Карпатъ, мы ни заглянули, рѣшительно повсюду мы находимъ одно и то-же: входъ въ хату изъ сѣней, сейчасъ-же возлѣ входа по одну сторону печь въ углу, по другую—въ другомъ углу или возлѣ печи—*полиця* или *мисник* для посуды; между печью и такъ называемой *причільной* т. е. узкой стѣной хаты находится *піл*, т. е. деревянныя подмостки въ родѣ наръ, на которыхъ спятъ, или же подвижное *ліжко*, т. е. кровать; въ такъ называемомъ красномъ углу, подъ иконами помѣщается *стіл*, вдоль стѣнъ—*лави*, возлѣ стола еще *осліи* или подвижная скамья; въ углу между дверью и печкой—*кочерги*, въ другомъ углу, возлѣ мисника—*зрізок* съ водой (если онъ не въ сѣняхъ). Варіаціи этого расположенія предметовъ внутри хаты очень немногочисленны и встрѣчаются только тамъ, гдѣ произошла уже дальнѣйшая эволюція трехкамерной хаты, и сводятся главнымъ образомъ къ тому что вмѣсто *полу* или *ліжка* возлѣ печи помѣщается *мисник*, вмѣсто *лав* появляются *топчани*, т. е. деревянные диванчики или правильнѣе—передвижныя скамьи со спинками и ручками, иногда въ хатѣ ставятся *скрині* и т. п. *На покуті*, т. е. въ углу между «причільнимъ» и «покутнимъ» окнами помѣщаются *богй* или *образй*, т. е. иконы, которыя ставятся обыкновенно на полочку, маскирующую уголъ или на двѣ полочки входящія въ него. Полочки эти носящія названіе *божника*, по возможности и сообразно артистическимъ талантамъ хозяина, украшаются рѣзьбою, которая иногда бываетъ очень изящна. Передъ иконами вѣшаютъ иногда лампадку или *голубка*, сдѣланнаго изъ продолговато-круглаго комка тѣста, или даже изъ пасхальнаго яйца, къ которому придѣланы сложенныя въ складки и размалеванныя бумажки, изображающія крылья и хвостъ и сдѣланное изъ тѣста же подобіе головки. Самыя же иконы обставляются возможно тщательнѣе засушенными цвѣтами — *чорнобривцями*, *васильками*, *гвоздиками*, *барвінком* и т. п., головками мака и пахучими травами. Надъ

иконами или подъ ними дѣлается очень часто драпировка изъ «рушника», который въ такомъ случаѣ иногда тоже получаетъ названіе *божникá*, особенно если онъ сдѣланъ спеціально для этой цѣли и кромѣ вышитыхъ, какъ обыкновенно, концовъ, имѣетъ вышивку и на одномъ изъ длинныхъ краевъ. Тутъ-же возлѣ *богів* помѣщается обыкновенно пузырекъ съ *свячéною водою* взятою изъ *ордáні*, въ качествѣ лекарства, или предохранительнаго средства отъ разныхъ напастей, *страшнá свічка*, т. е. страстная свѣча, которою накапчиваютъ кресты на притолкахъ дверей и зажигаютъ въ случаяхъ сильной грозы или когда кто нибудь умираетъ.

Мисник, судник или просто *полúця*, у лемковъ носящая еще оригинальное названіе *подíшгір*, представляетъ собою или полочку или нѣсколько полочекъ, образующихъ родъ открытаго шкафчика или этажерки для помѣщенія посуды. Эта мебель иногда бываетъ украшена рѣзьбой, а у гуцуловъ отличается особой роскошью рисунка и даже формы. Возлѣ мисника иногда еще придѣлываютъ къ стѣнѣ *лижнúк*—маленькую полочку съ дырками въ которыя втыкаются ложки; у бойковъ с. Лавóчной названіе этой полочки отзывается еще славянской древностью *жичник*, т. е. лжичникъ.

Лáви и *ослóни* въ украинской хатѣ не представляютъ собою ничего особенно-оригинальнаго—это обыкновенныя скамьи или придѣланныя неподвижно вдоль стѣнъ, или подвижныя стоящія возлѣ стола и т. п. *Стíл*-же, кромѣ особенной прочности отличается иногда и большою роскошью рѣзной отдѣлки, особенно у гуцуловъ (рис. 12), у которыхъ нижняя его часть представляетъ собою ящикъ, служащій и *скринею*. *Ліжко* или *по-*

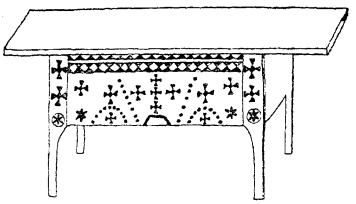


Рис. 12.

стíль отличается у нихъ также, а иногда и у бойковъ, тоже очень старательной рѣзьбой — (рис. 13), но кромѣ того не лишены особаго интереса и нѣкоторыя ухищренія въ ус-

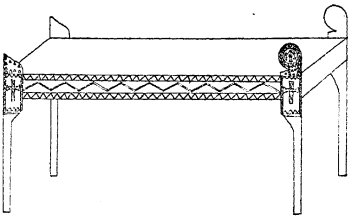


Рис. 13.

тройствѣ кровати въ виду блохъ и *площúць* т. е. клоповъ, которые заключаются въ томъ, что кровать или дѣлается на чрезвычайно высокихъ ножкахъ, такъ что взобраться на нее, не подставивши чего нибудь, не всякому бываетъ легко, или же она ставится на два продольныхъ бруска, вдѣланныхъ съ одной стороны въ стѣну, а другой въ печь, такимъ образомъ, что ножки ея вовсе не касаются пола (рис. 14). Надъ кроватью или *пóлом* всегда привѣшена на прикрѣпленныхъ къ потолку шнурахъ *жердка*, у гуцуловъ тоже вычурно рѣзная, на которую вѣшаютъ платье. Надъ кроватью

же или *полом*, или возлѣ нихъ, подвѣшивается, иногда совсѣмъ особеннымъ манеромъ, *колíска* т. е. колыбель для ребенка, при чемъ надо замѣтить, что

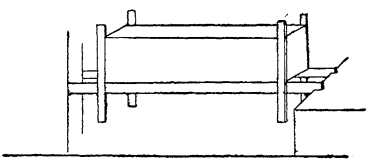


Рис. 14.

эта мебель на Украинѣ никогда не бываетъ стоячей на ножкахъ или дугообразныхъ подставкахъ, а всегда висячая. Иногда это просто деревянная рама съ подвѣшеннымъ къ ней прямоугольнымъ же полотнянымъ мѣшкомъ, иногда это лубяная коробка съ полотнянымъ дномъ, иногда же деревянный ящичекъ, подчасъ довольно изящной формы.

Скúрня въ украинской этнографіи теперь нѣсколько отошла уже отъ того предмета, который это слово (*scrinium*) обозначало у римлянъ, самый же предметъ существуетъ и до сихъ поръ на Украинѣ подъ названіемъ *бóдні*. Бóдня—это невысокая кадушка или долбленая, или состоящая изъ клепокъ и обручей, съ прилаженной къ ней крышкой и замкомъ, служащая исключительно дѣвушкамъ и женщинамъ для храненія ихъ имущества. Словомъ же *скриня* теперь называется то, что у римлянъ называлось *area*, т. е. довольно большой деревянный (иногда съ оковкой) сундукъ, въ Украинѣ почти всегда расписанный цвѣтами, или (главнымъ образомъ у гуцуловъ) украшенный рѣзьбою и часто стоящій на четырехъ небольшихъ колесикахъ для легкости передвиженія. Гуцульская скриня, напоминающая своей формой нѣчто въ родѣ саркофага съ двускатной крышкой, отличается, кромѣ оригинальной рѣзьбы, еще тѣмъ, что у нея, какъ у римской *pyxis*, въ краѣ крышки сдѣланъ желобокъ, покрывающій собою край ящика.

Къ числу принадлежностей хаты относятся также довольно разнообразные приборы для освѣщенія. Наиболѣе древнимъ изъ способовъ освѣщенія на Украинѣ была несомнѣнно *лучина*, употребленіе которой, встрѣчающееся на сѣверѣ Волыни и Черниговщины еще и теперь, было прежде распространено довольно далеко на югъ и заходило за широту Кіева почти до самыхъ степей, въ V же вѣкѣ (во время посольства Приска къ Аттилѣ) было еще обыкновеннымъ освѣщеніемъ у придунайскихъ славянъ. Но на югѣ Украины, вѣроятно, не менѣе древнимъ слѣдуетъ считать и жировое освѣщеніе, такъ называемый *каганéць*, который на глазахъ пишущаго эти строки уже совершенно почти исчезъ, замѣнившись керосиновой лампочкой. Лучина или просто втыкалась въ дыру въ стѣнѣ, или же въ нарочно припасенный кусокъ глины, въ которомъ для этого иногда дѣлали дыры и потомъ его обжигали, или же, наконецъ, зажигалась въ особомъ приспособленіи, которое, кажется, вовсе не извѣстно въ Великороссіи, такъ же какъ великорусскій свѣтецъ, повидимому вовсе не былъ извѣстенъ въ Украинѣ. Это—такъ называемый *свíтник*, *свíтич* или *свíточ*, который состоитъ иногда изъ пня дерева съ поставленнымъ на немъ черепкомъ для помѣщенія лучины и поставленнаго надъ этимъ пнемъ вертикально выдолбленнаго ствола дерева, проходящаго сквозь потолокъ и крышу

наружу, образуя собою нѣчто въ родѣ второй трубы, какъ мы это видѣли въ с. *Туръ* Ковельскаго у., Волын. губ. Иногда же лучина помѣщается на желѣзную рѣшетку, подвѣшенную къ пирамидальному раструбу сколоченной изъ досокъ трубы, точно такъ же какъ и въ первомъ случаѣ проходящей для вывода дыма сквозь крышу. Раструбъ этотъ часто замѣняется конусомъ изъ полотна, или изъ лозы, вымазаннымъ извнутри глиной и верхней своей частью придѣланнымъ къ выводной трубѣ. Въ чистыхъ не курныхъ, а уже бѣленыхъ хатахъ средней Волыни, лучину жгутъ въ особенной печуркѣ или нишѣ, сдѣланной на краю печи и имѣющей выходъ для дыма въ печь же или въ печную трубу. Подобнаго же рода приспособленія намъ приходилось видѣть и на сѣверѣ и сѣверозападѣ Черниговъ. губ. въ с. Пакуль и пр. *Каганець* же представляетъ собою нѣчто въ родѣ плошки, или даже черепка, или, наконецъ, такую же плошку на подставкѣ—тоже глинянной. Съ уменьшеніемъ овцеводства и съ удешевленіемъ петроля, каганець уступилъ мѣсто лампочкѣ, часто безъ стекла, коптящей не меньше каганця и дающей въ сущности даже меньше свѣта, но за то не требующей поминутной поправки свѣтильни. Неудивительно поэтому, что на сѣверѣ Украины лучина держится еще и до сихъ поръ: она не только даетъ гораздо больше свѣта, но служитъ также и для отопленія жилища, сосновыя же щепки, особенно изъ корней, не стоятъ пока ничего и собираются даромъ. У мѣщанъ, особенно у ремесленниковъ, употребляются уже свѣчи и керосиновыя лампы, которыя, напр., у сапожниковъ помѣщаются сзади стеклянной *баньки*, т. е. шара, наполненнаго водой и занесеннаго на Украину, вѣроятнѣе всего, изъ Германіи черезъ Польшу.

Изъ внѣшнихъ принадлежностей жилища *вигідки*, т. е. отхожія мѣста въ послѣднее время начинаютъ появляться, если не вездѣ, то довольно часто, особенно въ Галиціи и на югѣ Украины, гдѣ культура вообще гораздо выше чѣмъ на сѣверѣ. Тамъ гдѣ ихъ нѣтъ, роль ихъ чаще всего играютъ помѣщенія для свиней. *Погребица* или *льох* устраивается на ровномъ мѣстѣ въ видѣ довольно глубокой прямоугольной ямы, иногда обшиваемой досками и прикрываемой сверху бревенчатой или досчатой плоской крышей, на которую наваливается толстый слой земли, прикрытой свѣжимъ дерномъ, что иногда замѣняется соломенной двускатной крышей. Входъ въ это помѣщеніе дѣлается иногда сверху и въ такомъ случаѣ въ видѣ *лядки*, т. е. четырехугольнаго отверстія, закрываемаго подъемной доской; въ такомъ случаѣ въ погребъ спускаются при помощи опускаемой сверху лѣстницы (*драбини*). Если же входъ устраивается сбоку, тогда прокапывается спускъ внизъ, за которымъ слѣдуетъ небольшое преддверіе—*шия*, а потомъ дверь въ погребъ. Въ мѣстностяхъ же неровныхъ и глинистыхъ, погреба устраиваютъ въ откосахъ глинистыхъ возвышенностей, вкапываясь въ нихъ на уровнѣ двора, при чемъ дѣлаютъ сначала проходъ—*шию*, а затѣмъ самый погребъ, если слой глины достаточно толстъ, то безъ крыши, или же съ подпорками изъ столбовъ и толстыхъ досокъ. Наконецъ въ каждомъ дворѣ, по возможности стараются имѣть и *колодязь* (*студню*, *кирницю*). Въ колодецъ, когда онъ вырытъ, опускаютъ

деревянный срубъ, выступающая надъ землею часть котораго называется *цямриною*. Для вытаскиванія воды чаще всего устраиваютъ *журавель*, т. е. очепъ, а иногда при колодцѣ устанавливаютъ блокъ или же надъ колодцемъ—воротъ. Но гораздо чаще, особенно если вода находится въ почвѣ не глубоко, ограничиваются простой *криничкою* или кирницею, т. е. ямой, въ которую иногда вставляютъ старое *жлукто*, *кадовб* или просто боченокъ съ выбитымъ дномъ. Въ такомъ случаѣ воду вытаскиваютъ при помощи ведра на веревкѣ или же на палкѣ съ крючкомъ.

Обозрѣніе этнографическихъ особенностей украинской хаты заставило насъ нѣсколько выйти изъ ранѣе намѣченныхъ предѣловъ нашей работы, но мы врядъ-ли должны жалѣть объ этомъ, такъ какъ оно даетъ намъ возможность прійти къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ. Изъ всего сказаннаго выше, съ достаточной, кажется, ясностью, можно видѣть, что несмотря на мѣстныя варіаціи строительнаго матеріала, на мѣстныя особенности архитектурныхъ формъ и на различія въ положеніи хаты относительно прочихъ построекъ, этнографическій типъ украинской хаты отличается замѣчательной цѣльностью, будучи въ сущности вездѣ однимъ и тѣмъ-же и заключая въ себѣ такія общія черты какъ четырехскатная крыша, преобладающая трехкамерность, повсемѣстно одинъ и тотъ-же планъ и совершенно одинаковое внутреннее расположеніе и частей хаты и домашней утвари и наконецъ—обмазка глиной и побѣлка извнутри и снаружи. Этими своими типическими особенностями украинская хата, какъ уже было упомянуто, очень сближается съ жилищами южныхъ и западныхъ славянъ, замѣтно отличаясь отъ жилищъ бѣлоруссовъ и поляковъ и въ весьма значительной степени отъ великорусскихъ избъ. Но затѣмъ является вопросъ о происхожденіи украинской хаты и здѣсь мы прежде всего встрѣчаемся съ тѣмъ противорѣчіемъ, на которое мы уже натолкнулись въ нашемъ историческомъ обзорѣ жилищъ на Украинѣ и которое заключается въ томъ, что въ большей части ея они и были и теперь продолжаютъ быть построенными изъ глины и разныхъ мелкихъ растительныхъ матеріаловъ, и только въ сѣверной ея части и въ горахъ Галиціи они бревенчатыя, при чемъ какъ археологическія, такъ и нѣкоторыя историческія данныя объ Украинѣ, говорятъ о жилищахъ изъ глины и хвороста, тогда какъ лѣтописи упоминаютъ только о жилищахъ бревенчатыхъ. Какія же изъ этихъ жилищъ можно считать у насъ болѣе древними и такъ сказать прототипическими? Или другими словами: былили первоначальныя жилища украинскаго племени сначала полуподземными мазанками и потомъ, прогрессивно совершенствуясь, превратились, по крайней мѣрѣ въ сѣверной полосѣ, въ деревянныя хаты, или же наоборотъ, онѣ были въ началѣ, такъ какъ жилища финскихъ народовъ, вышедшими изъ земли срубами изъ бревенъ, затѣмъ, вслѣдствіе недостатка дерева на югѣ, превратившимися въ мазанки? Имѣя въ своемъ распоряженіи только изложенные выше факты, мы затрудняемся высказаться категорически, но все таки склоняемся скорѣе къ первому предположенію, главнымъ образомъ въ виду того, что почти до са-

мыхъ сѣверныхъ предѣловъ Украины деревянныя бревенчатыя хаты оказываются обмазанными глиной и выбѣленными, чего мы не находимъ ни въ Бѣлоруссіи, ни въ Великороссіи. Если же мы припомнимъ себѣ то обстоятельство, что обычай бѣлить свои жилища, независимо даже отъ ихъ строительнаго матеріала, существуетъ у всѣхъ южныхъ и западныхъ славянъ за исключеніемъ развѣ поляковъ (да и то не вездѣ), то приходится допустить, что обычай этотъ относится къ очень глубокой славянской древности. Обращаясь затѣмъ къ тѣмъ сосѣднимъ съ славянами народамъ, жилища которыхъ дѣлались, а иногда и теперь дѣлаются, съ глиняной, выбѣленной потомъ обмазкой, мы еще разъ приходимъ къ тому же вліянію о которомъ мы уже разъ упоминали, а именно къ иранскому. У наиболѣе близкихъ къ намъ географически племенъ иранскаго происхожденія, обитавшихъ когда то въ предѣлахъ нынѣшней южной Украины, — у черкесовъ — мы встрѣчаемъ сакли и своей формой, и способомъ постройки, и традиціонной побѣлкой очень напоминающія украинскія. Все это, конечно, еще не даетъ намъ права считать вопросъ о происхожденіи украинской хаты рѣшеннымъ, но заставляетъ думать, что при обсужденіи его необходимо обратить наше вниманіе въ сторону именно иранскихъ вліяній.

4) Холодныя дворовыя постройки. Въ отношеніи матеріала и способа постройки дворовыя службы, въ общемъ, разумѣется мало чѣмъ отличаются отъ хатъ, т. е. другими словами, гдѣ хаты земляныя или турлучныя, тамъ и дворовыя постройки дѣлаются изъ этого-же матеріала, гдѣ же хаты исключительно деревянныя-рубленыя, тамъ и службы строятся тоже изъ дерева. Но въ переходной полосѣ въ этомъ отношеніи существуютъ очень интересныя градаціи. Такъ на сѣверѣ Полтавской губ. и въ южной Черниговщинѣ дворовыя постройки дѣлаются почти всегда изъ плетня, только въ нѣкоторыхъ случаяхъ обмазаннаго глиной, даже и тамъ гдѣ начинаются уже хаты въ срубъ (табл. IX, *g*). То-же самое мы видимъ въ средней части Кіевской губ. въ Подоліи и почти вездѣ на Галицкой равнинѣ. Явленіе это зависитъ разумѣется прежде всего отъ причинъ чисто экономическихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ въ извѣстной степени быть и отраженіемъ общаго хода эволюціи жилища, такъ какъ усовершенствованіе послѣдняго, разумѣется, не сразу ведетъ за собою и улучшеніе дворовыхъ построекъ, которыя въ зависимости отъ экономическаго положенія хозяевъ, могутъ долѣе удерживать свой примитивный типъ. Однако среди дворовыхъ построекъ есть и такія, которыхъ усовершенствованіе начинается иногда еще раньше жилища, по крайней мѣрѣ въ отношеніи матеріала. Это главнымъ образомъ *комора и клуня*.

Комбра (*шпіхлір* на правомъ берегу Днѣпра), пока она находится при хатѣ, дѣлается изъ того же матеріала, что и хата, и отличается отъ нея только отсутствіемъ оконъ и печи, а если хата деревянная, то комора иногда не бѣлится, довольно рѣдко при деревянной хатѣ комора бываетъ плетеная; но разъ комора отдѣляется отъ хаты, ее стараются сдѣлать возможно болѣе прочною и безопасною отъ огня. Поэтому очень нерѣдко можно видѣть

Таблица XI.

хату-мазанку, во дворѣ, или чаще въ *садку* которой, находится деревянная *у сруб* комора, крытая иногда даже желѣзомъ. Въ какомъ бы то ни было видѣ, при хатѣ или отдѣльно, комора всегда представляетъ собою однокамерную постройку, чаще всего съ потолкомъ и непремѣнно съ поломъ, по возможности приподнятую надъ уровнемъ почвы и совершенно закрытую, т. е. не имѣющую даже оконъ, если не считать маленькаго (безъ стекла) отверстія, обыкновенно находящагося довольно высоко почти подъ крышей. Особенный видъ коморы представляетъ собою *стебка* или истопка, о которой было сказано выше.

Клуня (*стодóла*, *боíще*) или гумно. Подъ этими названіями въ Украинѣ извѣстны холодныя помѣщенія, прямымъ назначеніемъ которыхъ была молотьба хлѣба. Прежде, т. е. по крайней мѣрѣ въ концѣ XVIII стол. или начала XIX-го, въ Полтавской г., а теперь въ Екатеринославской, Херсонской и южнѣе, молотьба производилась и производится почти исключительно на *току*, т. е. утрамбованной площадкѣ подъ открытымъ небомъ, подъ именемъ же клуни существуютъ постройки для храненія половы, которыя иногда и называются *полóвниками* (болг. *плѣвникъ*, серб. *плевникъ*). Въ болѣе же сѣверныхъ мѣстностяхъ, клуня служитъ прежде всего именно для молотьбы, а затѣмъ и для сохраненія необмолоченныхъ сноповъ до обмолота. Въ зависимости отъ мѣстности, онѣ бываютъ *на сóхах* или рубленыя; въ первомъ случаѣ ихъ дѣлаютъ изъ камыша, напр. на Кубани, кое-гдѣ въ Полтавской губ. и на югѣ Подольской, или изъ плетня (въ Полтав. и Кіевской губ.), обмазаннаго глиной съ кизякомъ (табл. IX, h). На югѣ Чернигов. губ., въ Кіевской и южной части Волын. губ. —изъ плетня же, но безъ глиняной обмазки (табл. IX, g) и наконецъ на сѣверѣ Волыни и Черниговщины, а также въ Галиціи — клуні всегда рубленыя, при чемъ на сѣв. зап. Черниговской г. встрѣчаются клуні и шестиугольной формы, нигдѣ болѣе на Украинѣ неизвѣстныя, но довольно обыкновенныя въ Бѣлоруссіи. Способъ постройки клунь на сохахъ имѣетъ много общаго съ подобнымъ же способомъ постройки хатъ. Въ землю вбиваются 4 сохи по угламъ, 4 (по двѣ) въ мѣстахъ, гдѣ должны приходиться ворота, и двѣ очень высокихъ сохи для утвержденія гребня крыши. На эти сохи (за исключеніемъ разумѣется 2-хъ высокихъ) кладется ощепъ, а затѣмъ между сохами, гдѣ должны быть стѣны, вбиваются соотвѣтственной высоты жерди, входящія однимъ концомъ въ землю, а другимъ въ ощепъ и обвязываются тростникомъ или оплетаются хворостомъ и иногда обмазываются сверху глиною. Отъ ощепа къ продольной балкѣ, которая покоится на 2-хъ болѣе высокихъ сохахъ, укладываются *крóкви*, т. е. стропила, связанныя *бáнтинами*, т. е. поперечными скрѣпленіями, и покрываются соломой. Рубленныя клуни дѣлаются въ такомъ же родѣ, съ той разницей, что для стѣнъ сохи не вбиваются, а бревна кладутся въ срубъ. На крышу очень часто кладутъ старое колесо, на которомъ вьютъ себѣ гнѣздо аисты, что считается хорошимъ предохранительнымъ средствомъ отъ пожара. Интересно замѣтить, что въ клуняхъ сѣверной половины Украины и въ Галиціи, кры-

ши дѣлаются гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ въ южной, при чемъ въ Полтавской губ., а особенно въ Екатеринославской, Херсонской и на Кубани стѣны клуни доходятъ до высоты какого-нибудь аршина, а вся остальная постройка состоитъ изъ одной только высокой крыши.

Въ тѣсной связи съ клуней находится *осѣть* или овинъ, встрѣчающійся исключительно на сѣверѣ Украины, преимущественно въ Черниговской губ. Его устраиваютъ или отдѣльно, въ особой постройкѣ, или внутри клуни, какъ намъ приходилось видѣть въ с. Псаровкѣ Кролевец. у. Онъ состоитъ изъ печи, обыкновенно подземной и находящейся подъ нею рубленой однокамерной клѣти, въ которую помѣщаются снопы, для подаванія которыхъ въ передней стѣнкѣ бываетъ небольшое окошко.

Мы не можемъ долго останавливаться на помѣщеніяхъ для скота *кошарах, стайнях, хлівах, загонах, повітках* и т. п., которыя въ своихъ особенностяхъ, зависящихъ главнымъ образомъ отъ строительнаго матеріала, подчиняются тѣмъ-же условіямъ, какъ и жилыя постройки. На югѣ эти помѣщенія бываютъ или земляныя или тростниковыя, въ средней полосѣ почти вездѣ плетеныя изъ лозы или хвороста, на сѣверѣ—бревенчатыя. Хлѣвы изъ плетня обмазываются только изрѣдка, въ особенности тѣ, въ которыхъ помѣщаются коровы и овцы. Иногда ихъ дѣлаютъ изъ двойнаго плетня, набивая пространство между плетнями навозомъ съ землей. Такой двойной плетень называется *загатою*. Исключеніе въ отношеніи матеріала представляетъ собою только *саж.* т. е. помѣщеніе для откармливаемыхъ свиней, которое дѣлается всегда деревяннымъ въ срубъ. Мы даемъ здѣсь фотографію, показывающую между прочимъ оригинальное устройство такъ наз. *ляды*, т. е. подъемной дверки, позволяющей засыпать кормъ животнымъ, не отворяя для этого дверей (табл. VI, c). Обыкновенно же помѣщенія для *безрог*, какъ ихъ вѣжливо называютъ въ Галиціи, напротивъ дѣлаются изъ плетня и съ выходомъ часто прямо на улицу. Большихъ птицъ, какъ гусей и утокъ, держатъ чаще всего въ хлѣвахъ, для куръ же или устраиваютъ особые *курники*, или же держатъ ихъ *під стрісою*, въ сѣняхъ, особенно если сѣни съ потолкомъ. Въ Бессарабіи впрочемъ и куры и даже индюки ночуютъ почти всегда на деревьяхъ. Для голубей устраиваютъ особые *голубники* на высокомъ столбѣ или же подъ конькомъ крыши: иногда же для нихъ подъ крышей вѣшаютъ плетеныя изъ соломы гнѣзда, которыя называются тоже голубниками. Наконецъ, необходимую принадлежность каждаго двора составляютъ разнаго рода *повітки*, т. е. навѣсы, открытые и закрытые, подъ которыми работаютъ въ дурную погоду, складываютъ дрова, сѣно и т. п., *возівні*, куда ставятъ плуги, бороны, возы, сани и пр. и которыя у бойковъ замѣняются тоже навѣсомъ, но примыкающимъ къ стѣнѣ самого дома и носящемъ названіе *колёшні*.

Огражденіе двора или усадьбы составляетъ предметъ особой заботливости украинскихъ хозяевъ, находясь вѣроятно въ связи съ западно-европейскимъ значеніемъ ограды, какъ символа собственности, и въ отличіе отъ Великороссіи, гдѣ дворы очень часто совсѣмъ не огораживаются, мо-

жетъ быть, тоже въ связи съ ея общиннымъ укладомъ. Отсутствіе ограды у украинскаго крестьянина является признакомъ самой крайней запущенности и разоренія хозяйства. Способъ и характеръ огражденія находятся конечно тоже въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Самая обыкновенная *огоро́жа* въ средней полосѣ Украины состоитъ изъ плетня, почти всегда горизонтальнаго и только очень изрѣдка вертикальнаго или косого. На югѣ, за отсутствіемъ хвороста, дѣлаютъ иногда огорожу и изъ тростника, иногда же просто окапываютъ усадьбу рвомъ и на откосѣ, образуемомъ выброшенной изъ него землей, разводятъ терновникъ или другое колючее растеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ много камня и нѣтъ дерева, какъ напр. въ Екатеринославской губ., дѣлаютъ заборы изъ сложенныхъ безъ цемента кусковъ плитняка или другого сланца, въ лѣсистыхъ же мѣстностяхъ или дѣлаютъ *барка́ни* изъ досокъ, или частоколъ, или же, наконецъ, обносятъ усадьбу загородой изъ горизонтально положенныхъ длинныхъ жердей какъ напр. у гуцуловъ (Таб. IX, а) и кое гдѣ на Волыни; у бойковъ жерди эти рубятъ на куски и эти послѣдніе вколачиваютъ въ землю или вертикально, или же подъ угломъ и иногда соединяютъ ихъ небольшимъ плетнемъ. Въ оградѣ дѣлаютъ разумѣется *воро́та*, а иногда и двое. Чаще всего это просто рѣшетчатыя ворота изъ деревянныхъ брусьевъ, на Волыни часто подвѣшенныхъ на вѣткѣ, отходящей отъ дерева подъ прямымъ угломъ и состоящей, слѣдовательно, изъ одного куска съ вращающимся вертикальнымъ брускомъ. Иногда ворота дѣлаются изъ досокъ съ болѣе или менѣе затѣйливыми вырѣзами, иногда надъ ними устраивается цѣлый навѣсъ; въ старинныхъ козацкихъ усадьбахъ эти ворота, или лучше сказать *бра́ма*, получили вполнѣ монументальный видъ, какъ это можно видѣть напр. на извѣстномъ рисункѣ брамы Лизогубовской усадьбы въ Седневѣ въ „Живописной Украинѣ“, покойнаго Льва Жемчужникова. До извѣстной степени, если не монументальный, то во всякомъ случаѣ очень тяжеловѣсный видъ имѣютъ ворота въ нѣкоторыхъ усадьбахъ въ венгерской Украинѣ: въ с. Золотаревѣ, напр. намъ пришлось зарисовать ворота, верхній брусъ которыхъ состоитъ изъ цѣлаго дерева, массивный нижній конецъ котораго представляетъ собою противовѣсъ, позволяющій отворять эти слишкомъ тяжелыя ворота безъ всякаго усилія.

5) Общественныя сооруженія. Въѣздъ въ село также имѣетъ свои ворота, если не въ буквальномъ смыслѣ, то по крайней мѣрѣ въ видѣ шалаша или будочки, въ которой живетъ сторожъ, чаще всего какой нибудь старикъ — *ца́ринний ді́д*, царинный, потому что въѣздъ въ украинское село обыкновенно называется *ца́рина*. Слово это (производимое нѣкоторыми отъ румын. tara-terra, а въ сербскомъ яз. означающее таможенную заставу) распространено во всей Украинѣ и обозначаетъ иногда не только въѣздъ въ село, но и участокъ земли засѣянный и огороженный, а иногда также *вигон*, т. е. сельскую площадь. Часто въѣздъ въ село называется еще *коло́воротом* или *кдворотом*, не имѣя въ себѣ ничего, что бы оправдывало это названіе и

только изрѣдка сохраняетъ еще настоящій *колдворотъ*, т. е. ворота въ видѣ щита, вращающагося вокругъ своей короткой оси. Обыкновенно же въѣздъ въ село или не загражда-ется ничѣмъ, или же просто плетнемъ съ воротами и съ будкой для *дѣда*.

Центромъ села часто является *вѣгон* или сельская площадь, съ находящимися чаще всего на ней *збо́рнею* (домъ сельскаго управленія), одной или двумя *крамни́цями* т. е. лавочками, корчмой или *шинко́м*, замѣненнымъ теперь „марнополіею“ *шидлою* и наконецъ *це́рквою* съ домомъ причта—*попівством* или *плебанією* и т. п. Прежде возлѣ каждой церкви былъ еще *шпита́ль*, гдѣ жили призрѣваемые „громадою“ старцы, который, какъ и всѣ упомянутыя сооруженія, кромѣ разумѣется церкви, были похожи на обыкновенныя хаты и если отличались отъ нихъ, то развѣ только величиной и какимъ-нибудь *га́нком*, т. е. крылечкомъ. Теперь они замѣняются уже постройками новѣйшаго типа, т. е. въ сущности тогоже, но подъ желѣзной крышей, съ большими окнами, крыльцомъ и пр. *Збо́рня* всегда строится крыльцомъ на площадь или на улицу, лавочки иногда уже бываютъ и кирпичныя съ желѣзной крышей, иногда-же сохраняютъ еще свой первобытный типъ. Болѣе всего разумѣется измѣненія коснулись *ко́рчми*, теперь совсѣмъ исчезнувшей или превратившейся въ *заїзд*, т. е. постоялый дворъ, и школы, для которой сооружаются уже почти повсемѣстно новыя зданія.

6) Церкви составляли и составляютъ предметъ самой горячей заботливости и, до извѣстной степени, общественнаго самолюбія каждой украинской *гро́мади*. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ отсутствіемъ въ старинной Украинѣ матеріала и мастеровыхъ для каменныхъ или кирпичныхъ построекъ, создали оригинальную украинскую церковную архитектуру исключительно изъ дерева. Ограничиваясь въ настоящемъ очеркѣ, только этнографическими данными, мы не будемъ говорить здѣсь о чисто художественной и архитектурной сторонахъ украинскихъ церковныхъ сооруженій, разсматриваемыхъ въ главѣ объ украинскомъ искусствѣ, а коснемся главнымъ образомъ только формы церквей въ разныхъ мѣстностяхъ Украины. Если мы начнемъ свое обозрѣніе съ наиболѣе древняго политическаго и культурнаго центра Украины — Кіева, то тамъ мы находимъ прежде всего два наиболѣе древнихъ типа кирпичныхъ церквей, оба несомнѣнно заимствованныхъ изъ Византіи: многокупольную базилику и пятикупольный храмъ съ планомъ въ видѣ креста. Первая изъ этихъ формъ, представителемъ которой является знаменитый Софійскій соборъ, по понятнымъ причинамъ вовсе не вызвала подражаній изъ дерева; вторая — представляемая церковью Спаса на Берестовѣ, напротивъ, получила очень широкое распространеніе какъ въ видѣ кирпичныхъ, такъ и деревянныхъ церковныхъ сооруженій. Эту послѣднюю форму, отличающуюся отъ пятикупольныхъ-же великорусскихъ церквей тѣмъ, что въ ней боковые куполы образуютъ собой крестъ, а не четырехугольникъ, мы находимъ въ старинныхъ каменныхъ церквахъ Чернигова, Нѣжина и др. а также и въ старинныхъ же деревянныхъ церквахъ на

лѣвой сторонѣ Днѣпра въ Черниговской, Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губ. и на правой—только на югѣ Кіевской и Подольской губ. Затѣмъ тотъ-же типъ крестовидныхъ въ планѣ церквей мы встрѣчаемъ въ галицкой Подоліи, откуда онъ переходитъ въ Покутье и на Гуцульщину, отличаясь отъ восточнаго типа уже неполнымъ развитіемъ боковыхъ куполовъ, замѣняемыхъ, при пятисрубности самой церкви, иногда даже только маленькими башенками и даже просто крестами, съ полнымъ развитіемъ только центральнаго купола Но вмѣстѣ съ такимъ упрощеніемъ пятикупольной церкви на правой сторонѣ Днѣпра, на лѣвой, гдѣ развилась самостоятельная политическая жизнь Украины, мы находимъ и ея усложненіе путемъ угловыхъ пристроекъ съ увеличеніемъ числа куполовъ до 9-ти, какъ это можно видѣть на знаменитомъ Новомосковскомъ соборѣ.

На лѣвой же сторонѣ Днѣпра, на югѣ Кіевской г. въ Подоліи и въ южной Галичинѣ въ перемежку съ пятисрубными и пятикупольными церквами встрѣчаются и церкви трехсрубныя и трехкупольныя, которыя на сѣверѣ Кіевской губ., на Волыни, и почти во всей Галиціи являются уже исключительно господствующими. Въ нихъ мы также встрѣчаемъ извѣстныя упрощенія, заключающіяся тоже въ уменьшеніи и даже почти полной атрофіи западнаго и восточнаго куполовъ, такъ что церковь вмѣсто трехкупольной представляется только однокупольною и усложненія, касающіяся впрочемъ не количества куполовъ, а ихъ формы, главнымъ образомъ путемъ увеличенія числа крышъ или правильнѣе *стріх*, на каждомъ изъ нихъ что, придаетъ имъ очень оригинальный, какъ будто нѣсколько буддійскій характеръ. Эта послѣдняя форма чаще всего встрѣчается у бойковъ и достигаетъ тамъ своего найвысшаго развитія. Своеобразную варіацію трехкупольныхъ церквей, представляютъ собой церкви у лемковъ, которыхъ западный куполъ развивается въ колокольню, разростается вверхъ и вслѣдствіе этого наиболѣе высокимъ куполомъ является не центральный (какъ вездѣ на Украинѣ), а западный и куполы идутъ другъ за другомъ, постепенно понижаясь, до восточнаго-алтарнаго—самаго низкаго. Эта лемковская форма, создавшаяся подъ очевиднымъ вліяніемъ словацко-чешской церковной архитектуры, развилась несомнѣнно изъ трехкупольной, что доказывается существованіемъ у лемковъ очень старинныхъ церквей, у которыхъ средній куполъ еще выше западнаго, превращеннаго уже въ колокольню, примѣръ чего намъ пришлось встрѣтить въ с. Довжиці въ В. Галиціи.

Наиболѣе характерной чертой пятикупольныхъ украинскихъ церквей является ихъ стремленіе вверхъ, придающее имъ легкія стрѣльчатыя формы на сравнительно небольшомъ основаніи. До извѣстной степени эта черта замѣчается и въ трехкупольныхъ церквахъ, какъ напр. въ церкви св. Николая Чудотв. въ Овручѣ, уже разрушенной, но тамъ она значительно смягчается тенденціей нѣсколько расширить основаніе храма прибавленіемъ къ нему *опасанія* — легкой и низкой галлерейки, идущей вокругъ всей церкви. Это опасанье, придающее западно-украинскимъ церквамъ

свой особенно оригинальный характеръ, составляетъ также постоянную особенность и галицкихъ трехкупольныхъ церквей, но съ той разницей, что тамъ опасанье держится не на столбцахъ или деревянныхъ аркахъ, подражающихъ каменнымъ, а на выступахъ, постоянно укорачивающихся книзу бревенъ сруба на его углахъ. Такимъ образомъ опасанье оказывается висячимъ, что даетъ при куполахъ составленныхъ изъ многочисленныхъ выступовъ еще большее сходство съ буддійской архитектурой.

Говорить о происхожденіи и развитіи украинской церковной архитектуры при нынѣшнемъ положеніи нашихъ знаній, разумѣется, очень трудно. Съ одной стороны существованіе переходныхъ формъ отъ простой односрубной *каплички* т. е. часовни къ однокупольной, а потомъ и трехкупольной церкви и вполнѣ допустимая теоретическая возможность превращенія трехкупольной церкви, путемъ прибавленія двухъ (сѣвернаго и южнаго) срубовъ съ соотвѣтственными имъ куполами, — въ пятикупольную — даютъ повидимому основаніе къ предположенію, что болѣе сложныя формы украинскихъ церквей развились изъ менѣе сложныхъ, простѣйшихъ формъ. Но съ другой стороны, зная что архитектура храмовъ была принесена къ намъ вмѣстѣ съ христіанствомъ и имѣя безспорныя, повидимому, доказательства того, что пятикупольные храмы у насъ были подражаніемъ каменныхъ съ крестовиднымъ планомъ, одно изъ которыхъ можно видѣть и въ томъ что куполы въ пятиглавыхъ церквахъ на Украинѣ выводятся всегда изъ бревенъ и представляютъ собой срубы до самой своей верхушки—можно на основаніи тѣхъ же, упомянутыхъ выше, переходныхъ формъ приходить и къ совершенно противоположному предположенію о возможности развитія всѣхъ украинскихъ церквей изъ крестообразныхъ – пятикупольныхъ посредствомъ постепеннаго ихъ упрощенія. Послѣднее предположеніе кажется намъ теперь болѣе естественнымъ и болѣе имѣющимъ за себя историческихъ основаній, тѣмъ болѣе что на Украинѣ, гдѣ приходилось въ теченіе всей ея исторической жизни поминутно отстаивать свою религіозную самобытность и церковная архитектура должна была остаться болѣе чистой, болѣе защищенной отъ посторонниихъ вліяній, тогда какъ въ Великороссіи (не говоря уже о Польшѣ, давно подчинившейся западно-католическимъ вліяніямъ) гдѣ борьбы за національную церковь вовсе не было, замѣчается и гораздо больше какъ западныхъ (скандинавскихъ) такъ особенно восточныхъ вліяній.

Съ церквами на Украинѣ, какъ и въ прочихъ странахъ, очень тѣсно связаны и *кладовища*, которыя прежде обыкновенно и располагались вокругъ храмовъ, а въ Галиціи очень часто находятся возлѣ нихъ и теперь. Съ точки зрѣнія этнографической, они болѣе всего интересны для насъ своими надмогильными сооруженіями, состоящими обыкновенно изъ небольшой насыпи, заставляющей думать о бывшемъ когда-то курганѣ, и водруженномъ возлѣ нея крестѣ. Насыпи большихъ или меньшихъ размѣровъ существуютъ во всей Украинѣ—у бойковъ и гуцуловъ они очень незначительны, въ другихъ же мѣстахъ достигаютъ высоты около $^1/_2$ метра и больше. Что касается крестовъ, то въ этомъ отношеніи замѣчается гораздо большее

разнообразіе. У бойковъ въ В. Галиціи ихъ иногда совсѣмъ даже не бываетъ, но за то на могилахъ часто можно найти пустые горшки, о которыхъ одни намъ говорили, что въ нихъ ставятъ воду для покойниковъ, а другіе что это остатки поминальной тризны. Въ другихъ мѣстностяхъ, населенныхъ также бойками, какъ напр. въ с. Плавье, надмогильные крестики очень просты и отличаются чрезвычайно маленькими размѣрами. Наоборотъ, на Волыни, какъ русской такъ и галицкой, кресты эти достигаютъ огромной величины, особенно въ высоту. Въ мѣстностяхъ не особенно богатыхъ деревомъ, могильные кресты дѣлаются изъ двухъ сколоченныхъ подъ прямымъ угломъ брусковъ, въ другихъ же, болѣе лѣсистыхъ, ихъ вырубаютъ изъ цѣльнаго куска дерева, какъ напр. на большомъ кладбищѣ въ с. Холопковѣ въ Глуховскомъ у. Черниговской губ. и въ с. Андреевичахъ, Новоградволынскаго у. Волынской губ. Обыкновенно кресты отличаются простотой и единственнымъ ихъ украшеніемъ являются двѣ дощечки, прибитыя на манеръ маленькой крыши, по которой бы стекала дождевая вода; иногда же крестамъ дается болѣе вычурная форма выпиливаніемъ ихъ концовъ въ разные орнаментальные мотивы. Наибольшей роскоши и разнообразія достигаютъ и въ этомъ отношеніи гуцульскія кладбища, гдѣ иногда трудно найти два креста вполнѣ одинаковой формы и родственники умершихъ очевидно стараются перещеголять другъ друга въ оригинальности и богатствѣ орнаментаціи. Кромѣ деревянныхъ, дѣлали прежде, да и теперь иногда дѣлаютъ, каменные кресты и надгробныя плиты, часто поставленныя вертикально, какъ это мы видимъ на старинныхъ козацкихъ могилахъ, изъ которыхъ особенно замѣчательна находящаяся въ оградѣ старинной церкви въ г. Екатеринодарѣ. Очень любопытенъ обычай украшать могильные кресты козаковъ, а въ послѣкозацкія времена и просто умершихъ холостыми парубковъ небольшими *корогвками*, т. е. маленькими флагами. Въ станицѣ Вышестебліевской Кубанской области, на кресты прибиваютъ цѣлые банты или кокарды изъ бѣлыхъ лентъ. Въ русской Украинѣ на кладбищахъ часто бываютъ часовни, въ Галиціи же кромѣ этого всегда еще устраиваются *трупáрні*, для помѣщенія неизвѣстныхъ покойниковъ въ ожиданіи слѣдствія или вскрытія. Въ заключеніе можно было-бы сказать еще нѣсколько словъ о придорожныхъ крестахъ или *хвигурах*, рубкой которыхъ такъ усердно занималась въ 60-хъ годахъ администрація «Юго-Западнаго края», о коммеморативныхъ крестахъ въ Галиціи въ память освобожденія крестьянъ въ 1848 г., съ своей стороны очень усердно истреблявшихся польскимъ правительствомъ этой области, о кретсахъ при въѣздѣ въ село, ограждающихъ населеніе отъ холеры или чумы, о крестахъ на мѣстѣ убійства, но о всѣхъ этихъ сооруженіяхъ будетъ сказано въ другихъ отдѣлахъ настоящаго изданія и особенно въ отдѣлѣ посвященномъ народному искусству.

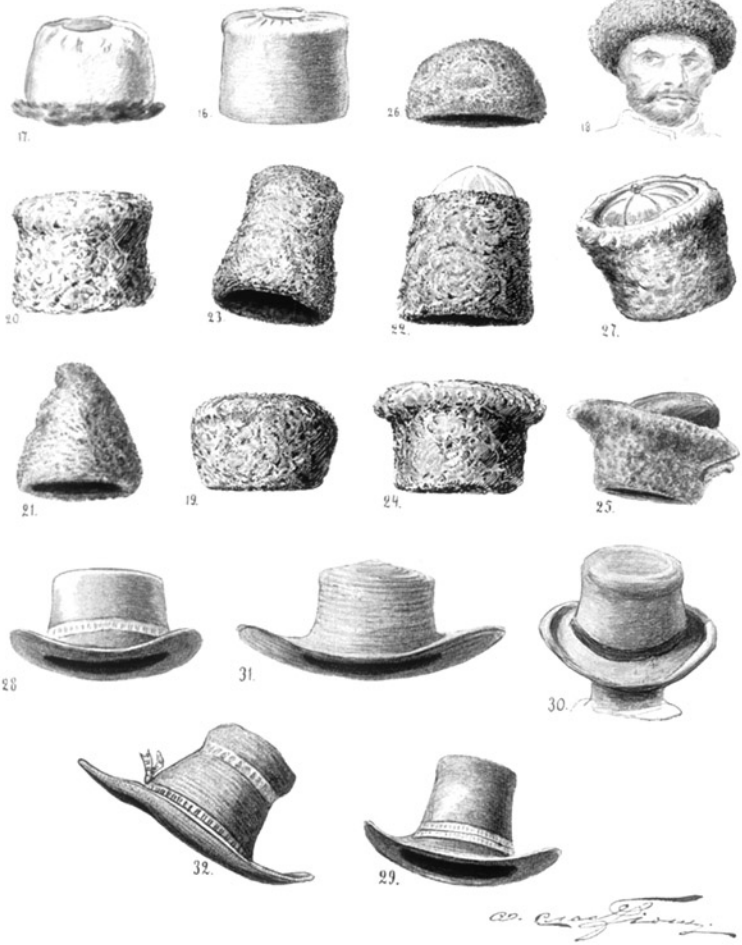
IX. Одежда [1]). Жилище, которое

[1]) Кромѣ указанныхъ выше соч. *Аристова*, *Рittельмана*, *Бантышъ-Каменскаго*, *Шафонскаго*, *Саввантовъ*—Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одежды, оружія и пр. Спб., 1896; *Чубинскій*—Тр. Экеп. VII, стр. 412—433, *Познанскій, Б. С.* — Одежда

иногда называютъ общей одеждой для цѣлой группы людей, по самому характеру своему разсчитывается на долгое существованіе, а потому и переживаетъ иногда не одно, а цѣлый рядъ поколѣній. Совершенно иное, въ этомъ отношеніи, представляетъ собою одежда, дѣлаемая изъ несравненно менѣе прочнаго матеріала и рѣдко существующая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: и сама она, и ея формы, и даже матеріалъ мѣняются сравнительно очень часто и исчезаютъ иногда безслѣдно. Вслѣдствіе этого и изученіе одежды представляетъ свои особыя трудности и не только тогда, когда дѣло идетъ о временахъ очень отдаленныхъ, но очень часто даже и неособенно далекихъ. Еще очень недавно на національные костюмы смотрѣли какъ на нѣчто весьма устойчивое, какъ на одну изъ формъ выраженія народной индивидуальности, видя въ нихъ одну изъ «священныхъ» національныхъ особенностей. Новѣйшіе успѣхи сравнительной этнографіи заставляютъ очень сильно разочароваться въ этихъ иллюзіяхъ, доказывая съ каждымъ днемъ все больше и больше, что такъ называемые «національные» костюмы далеко не такъ національны и не такъ постоянны, какъ думали прежде, а сплошь да рядомъ представляютъ собою переживанія старинныхъ модъ, заимствованія и т. п., мѣняющіяся чрезвычайно часто въ зависимости не столько отъ географическихъ и этническихъ, сколько отъ соціальныхъ условій.

Объ одеждѣ доисторическаго населенія нынѣшней Украины намъ извѣстно пока очень немного. Скребки, костяныя шила и иглы палеолитической эпохи доказываютъ, что уже въ то время одежду приготовляли изъ звѣриныхъ шкуръ, сшивая ихъ, а слѣдовательно придавая имъ болѣе удобную форму. Въ неолитическую эпоху къ этому матеріалу прибавляется еще новый — растительныя волокна, для обработки которыхъ употребляли, судя по находимымъ пряслицамъ, веретена и вѣроятно даже первобытный ткацкій станокъ, отъ котораго уцѣлѣли одни только глиняные грузки. На это указываютъ находимые въ курганахъ, особенно позднѣйшихъ, остатки грубыхъ тканей, не только шерстяныхъ, но и растительныхъ. Находки пуговицъ, пряжекъ, фибулъ и т. п. эпохи металловъ показываютъ, что въ это время одежда бывала уже довольно сложною, что существовала уже кожаная обувь и разнаго рода металлическія украшенія. Объ одеждѣ начала историческихъ временъ, т. е. VIII—XII в. мы имѣемъ слишкомъ мало свѣдѣній.

малороссовъ (Труды XII Археол. Съѣзда въ Харьковѣ. М. 1905) стр. 178—210; *Афанасьевъ-Чужбинскій* — Бытъ малорусскаго крестьянина (Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ. XIII, 1855); *Его-же*—Собр. соч. т. VII, Спб. 1893; *Бабенко*—Этнографическій очеркъ народнаго быта Екатериносл. Края. Екатер. 1905; *Golebiowski* Lukasz—Ubiory w Polszcze etc. Warsz. 1830; *Головацкій*, Як.—О народной одеждѣ и убранствѣ Русиновъ или Русскихъ въ Галичинѣ и свв.-вост. Венгріи. Спб., 1877; *Его-же*— О костюмахъ или народномъ убранствѣ Русиновъ. Гор. Петроградъ, 1868; *Zibrt*, C. Dejiny kroje w zemich ceskych, w Praze, 1892 (указ. сравнит. иностранная литература). Очень интересный матеріалъ для исторіи украинскаго костюма заключается въ рисункахъ (акварельныхъ) рукописи *de la Флиза*, три части которой находятся въ библіотекахъ Кіевской Духовной Академіи, Музея Тарновскаго въ Черниговѣ и Э. О. Музея Имп. Александра III въ Петроградѣ. Мы могли пользоваться только послѣдней изъ нихъ.


17.
16.
26
18
20
23
22.
27.
21.
19.
24.
25.
28
31.
30.
32.
29.

Дошедшіе до насъ рисунки, чрезвычайно малочисленные, даютъ кой-какое понятіе объ одеждѣ воиновъ и князей—не мѣстнаго происхожденія и въ наиболѣе извѣстномъ изъ этихъ изображеній — въ Изборникѣ Святослава — мы замѣчаемъ въ сущности только два—три національныхъ признака, которые сохранились и до нашего времени: шапку у князей, бѣлый головной уборъ у княгини да, можетъ быть, цвѣтные сапоги у нея и другихъ лицъ... Относительно же одежды народной массы за это время свѣдѣній почти вовсе нѣтъ. То, что можно извлечь изъ лѣтописей, заставляетъ думать, что по крайней мѣрѣ высшія сословія носили уже полотняныя рубахи, гачи и ногавицы, суконныя свиты, въ видѣ верхней одежды—корзно, а на головѣ вязаные или плетеные «клобуки» и на ногахъ «череви» или сапоги; одежда же простого народа состояла вѣроятно изъ тѣхъ же частей, только, разумѣется попроще: изъ рубахи и гачей, можетъ быть свиты и «кожюха» въ видѣ верхней одежды, черевиковъ или лаптей (лычницъ) и клобука. Объ одеждѣ литовскаго періода до козацкой эпохи свѣдѣній нѣтъ также, хотя ихъ несомнѣнно и можно найти при тщательной разработкѣ въ этомъ отношеніи историческихъ матеріаловъ, особенно актовъ и т. п., что къ сожалѣнію до сихъ поръ не сдѣлано. Что касается затѣмъ одежды козацкихъ временъ, то Ригельманъ, а за нимъ Бантышъ-Каменскій и Арандаренко, говорятъ очень опредѣленно, что «одежду Малороссіяне заимствовали отъ Поляковъ и Черкесъ». Къ сожалѣнію ни одинъ изъ этихъ авторовъ не развиваетъ далѣе высказанную ими мысль, которая въ виду многихъ, отчасти уже упомянутыхъ нами фактовъ является весьма интересной. Разсматривая рисунки старинной украинской одежды, приложенные къ «Лѣтописному Повѣствованію» Ригельмана и сдѣланные для него «однимъ малороссіяниномъ, содержавшимся за какія-то проступки въ крѣпости св. Димитрія, бывшимъ изъ одного сосѣдняго села съ помѣстьемъ сочинителя и происходившимъ притомъ изъ духовнаго званія» и сравнивая ихъ съ большимъ количествомъ собранныхъ уже въ украинскихъ музеяхъ портретовъ историческихъ лицъ, мы можемъ заключить, что если во 2-й половинѣ XVIII в. костюмъ козацкаго старшины и былъ очень похожимъ на польскій, то какъ онъ, такъ и костюмъ сельскаго населенія Украины имѣлъ очень много общаго и съ нѣкоторыми извѣстными намъ кавказскими костюмами, приблизительно той-же эпохи. Черкеска и бешметъ кабардинца, а также вышитые рукава сорочки и красные сапоги кабардинки въ извѣстной книгѣ Георги (рис. 31 и 32) очень напоминаютъ украинскій костюмъ, а верхнее платье армянина (рис. 87) вполнѣ сходно съ польско украинскими жупаномъ и кунтушемъ. Къ вопросу объ этомъ сходствѣ мы еще вернемся впослѣдствіи, теперь же обратимся къ деталямъ костюма козацкихъ временъ.

На рисункахъ Ригельмана, изображающихъ гетмана и полковника, эти особы представлены одѣтыми, сверхъ жупановъ, въ шубы безъ рукавовъ или плащи, держащіеся на плечахъ только при помощи аграфовъ. Жупаны дѣлались изъ очень дорогой штофной или парчевой матеріи и были очень длинны, доходя почти до щиколотокъ.

«Знатный малороссійскій шляхтичъ» и «писарь» изображены въ болѣе простыхъ одноцвѣтныхъ жупанахъ и въ кунтушахъ, верхней одеждѣ съ прорѣзанными и откинутыми назадъ рукавами, тоже очень длинныхъ. У мѣщанина, а тѣмъ болѣе у «посполитаго козака» нѣтъ уже и кунтуша, вмѣсто котораго является свита, надѣтая сверхъ жупана, сдѣланнаго изъ болѣе тонкаго сукна или изъ легкой матеріи. Покрой этой свиты очень напоминаетъ нынѣшній, особенно правой стороны Днѣпра. Наконецъ костюмъ «мужика», состоящій только изъ рубахи, штановъ и постоловъ—ничѣмъ не отличается отъ нынѣшняго, особенно степоваго. Женскіе костюмы этой эпохи, судя по тѣмъ же источникамъ, были гораздо ближе къ позднѣйшимъ, даже у женщинъ высшихъ классовъ. На «знатныхъ малороссійскихъ госпожахъ», изображенныхъ у Ригельмана, мы находимъ характерную для всего славянства украинскую «намітку» или вмѣсто нея шапочку—«кораблик», дожившую подобно наміткѣ и до нашихъ дней, затѣмъ кораллы, „дукачі", мѣховую «капоту», разстегнутую спереди и только иногда замѣняемую кунтушемъ съ разрѣзными рукавами. Только на нѣсколькихъ рисункахъ мы находимъ подъ этой одеждой европейское платье съ зашнурованнымъ корсетомъ, на другихъ же видны только вышитыя рубахи, пояса, плахты и цвѣтные сапожки или черевики. Костюмы же сельскаго населенія были точно такіе же какъ и теперь, за исключеніемъ развѣ корсетки, которой не видно ни на одномъ изъ разсматриваемыхъ нами рисунковъ.

Все изложенное показываетъ во всякомъ случаѣ, что указанная одежда несомнѣнно подвергалась довольно значительнымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ какъ восточныхъ, такъ и западныхъ сосѣдей Украины, что отразилось и на названіяхъ чуть-ли не всѣхъ предметовъ украинской одежды, почти сплошь заимствованныхъ изъ сосѣднихъ языковъ: сорочка, кошуля, штани, гачі, очкур, жилетка, жупан, кунтуш, сардак, чекмінь, чемерка, кобенякъ, байбарак, кірсетка, юпка, андарак, капота, шушун, кіптар, лейбик, манта, панчохи, паньтохлі, сапьянці, чоботи, калтур, капелюх, шапка, бриль и проч. При очень большой трудности прослѣдить эти вліянія въ нашемъ общемъ очеркѣ [1]) мы постараемся отмѣтить ихъ въ частностяхъ, при описаніи разныхъ видовъ одежды.

Описаніе это мы начнемъ не съ мужской одежды, какъ это обыкновенно дѣлается, а съ женской, которая какъ извѣстно, сохранила въ себѣ гораздо болѣе архаическихъ элементовъ, относящихся еще къ тѣмъ временамъ, когда женская одежда не такъ еще отличалась отъ мужской, какъ теперь. По той же причинѣ, мы

[1]) Попытки пользоваться данными такъ наз. лингвистической палеонтологіи, которыми съ легкой руки Шрадера съ такой охотой пользуются нѣкоторые новѣйшіе историки Украины, болѣе чѣмъ рискованы и потому нельзя не привѣтствовать компетентную оговорку проф. М. Грушевскаго, о томъ что „заимствованіе слова въ этой сферѣ часто обозначаетъ лишь заимствованіе фасона, а не самаго предмета вообще", къ чему можно было бы прибавить, что и существованіе извѣстнаго слова у всѣхъ напр. славянскихъ народовъ вовсе не можетъ служить доказательствомъ, что слово это дѣйствительно было общимъ до ихъ раздѣленія и что самые предметы или понятія этимъ словомъ обозначенные уже существовали въ то время.

будемъ разсматривать предметы одежды, начиная не съ бѣлья, а съ украшеній и верхней одежды, болѣе древней, чѣмъ нижняя-полотняная, при чемъ обратимъ особое вниманіе на одежду общую для женщинъ и мужчинъ. Это дастъ намъ больше возможности взглянуть на украинскую одежду со стороны ея постепеннаго развитія и дифференціаціи подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ.

А Женская одежа.

а) Одежда верхней половины тѣла.

1) *Украшенія.* Появленію одежды, какъ извѣстно, предшествовала раскраска или татуировка тѣла и употребленіе разнаго рода украшеній. Существовало ли расписываніе тѣла у древнихъ восточныхъ славянъ, намъ въ точности неизвѣстно, но находки довольно большихъ кусковъ красной или оранжевой охры въ палеолитическихъ стоянкахъ, напр., въ Кіевѣ и въ Мезинѣ позволяютъ предполагать, особенно въ виду сильно выраженной склонности обитателей этихъ стоянокъ къ орнаментаціи, что расписываніе тѣла могло практиковаться на территоріи нынѣшней Украины еще въ древнекаменномъ періодѣ. Тогда же были въ ходу уже и украшенія изъ нанизанныхъ на шнурки раковинъ, съ небольшими, похожими на медальоны подвѣсками изъ слоновой кости мамонта, а кромѣ того въ Мезинѣ былъ найденъ и прелестный браслетъ изъ того же матеріала, весь покрытый весьма сложнымъ и красивымъ узоромъ. Въ неолитическія времена, а особенно въ концѣ ихъ, также могло существовать на территоріи Украины расписываніе тѣла, сколько можно судить по узорамъ, которыми покрывались находимыя на Украинѣ и особенно въ сосѣдней съ ней Румыніи и Буковинѣ глиняныя статуэтки до-микенскаго типа, почти исключительно женскія. Украшеній въ это время уже было очень много въ видѣ ожерельевъ изъ разныхъ матеріаловъ, подвѣсокъ и пр. Особенно много украшеній появляется въ эпоху металловъ—въ бронзовомъ вѣкѣ и въ началѣ желѣзнаго. Въ видѣ украшеній волосъ употребляются всевозможныя булавки, бронзовыя и серебряныя кольца, для ушей—кольца и серьги съ различными подвѣсками, для шеи—бусы, на плечахъ и груди начинаютъ носить фибулы, на рукахъ металлическіе браслеты и т. п. Проникновеніе въ наши страны стекла дало новый толчекъ для разнообразія въ особенности шейныхъ украшеній. Курганы и могильники ежегодно доставляютъ коллекціонерамъ множество бусъ не только изъ сердолика, горнаго хрусталя, ляпись-лазури и др. камней, но главнымъ образомъ изъ пестраго венеціанскаго стекла или изъ стекла позолоченнаго внутри или снаружи. Если до этого времени трудно было сказать, кто носилъ больше украшеній мужчины или женщины, то начиная съ эпохи металловъ и на территоріи нынѣшней Украины, какъ и вездѣ въ Европѣ, украшенія переходятъ главнымъ образомъ къ женщинамъ и начинаютъ составлять ихъ монополію. Великолѣпныя женскія украшенія скиѳо-сарматской эпохи, носящія явные слѣды высокой греческой культуры, а равно и восточныя украшенія эпохи такъ назыв. переселенія народовъ, пронеслись по территоріи нынѣшней Украины, оставивши по себѣ слѣды только въ гробницахъ и кое-гдѣ въ кладахъ, но не обнаружили, повидимому, никакого вліянія на укра-

шенія болѣе позднихъ временъ. Находимыя въ кіевскихъ, черниговскихъ и пр. кладахъ женскія украшенія съ перваго же взгляда выдаютъ свое византійское или въ серебряныхъ вещахъ—арабское происхожденіе, но не смотря на свое распространеніе только въ высшихъ слояхъ населенія, они все же успѣли проникнуть глубже въ народную жизнь и оставили хотя небольшіе, но замѣтные слѣды въ позднѣйшей украинской этнографіи, на которые мы укажемъ далѣе. О собственно—народныхъ украшеніяхъ кіевскаго періода мы знаемъ очень немного: несомнѣнно женщины носили серьги съ разными подвѣсками изъ бусъ, височныя кольца, перстни и ожерелья или *намисто* и можетъ быть браслеты, иногда стеклянные. Въ литовскій періодъ на Украину уже надвинулись больше западныя вліянія, а во времена козачества опять замѣтны восточныя, къ которымъ присоединяются и юго-западныя. Для ожерельевъ входятъ въ употребленіе кораллы, какъ настоящіе, такъ потомъ и искусственные, кромѣ которыхъ на шеѣ женщины носили еще и «дукачі», сохранившіеся вмѣстѣ съ кораллами и до сихъ поръ.

Въ настоящее время изъ женскихъ украшеній головы во всей Украинѣ сохранились только цвѣты и ленты. *Цвѣты* натуральные или искусственные носятъ, главнымъ образомъ, дівчата или просто воткнутыми въ волосы или сплетенными въ вѣнки въ видѣ украшенія преимущественно праздничнаго. На кіевскихъ базарахъ вѣнки изъ искусственныхъ цвѣтовъ, выдѣлываемые по большей части монахинями, составляютъ довольно значительный предметъ торговли, расходящійся по селамъ во всѣ стороны. Изъ живыхъ цвѣтовъ наиболѣе носятся яркіе маки, чорнобривці, рожі (мальвы) васильки и пр., а осенью главнымъ образомъ георгины и крокусы. Въ Угорской Руси дѣвушки кромѣ вѣнка изъ искусственныхъ цвѣтовъ на верхней части головы, носятъ еще по двѣ небольшихъ «косиці», т. е. гирляндочки изъ такихъ же цвѣтовъ съ боковъ надъ ушами, (Табл. XIII e), тамъ или почти тамъ, гдѣ носились прежде височныя кольца и бусы. *Ленты*, почти всегда возможно болѣе яркихъ цвѣтовъ, носятся въ разныхъ мѣстахъ Украины не одинаковымъ образомъ. На правомъ берегу Днѣпра въ Кіевской губ. и далѣе на западъ, ленты или по мѣстному *бінди*, обыкновенно въ очень большомъ количествѣ привязываются къ вѣнку и оттуда спускаются на спину. Въ Черниговской губ. ихъ, въ меньшемъ уже количествѣ, пришиваютъ рядомъ къ поперечной лентѣ и завязываютъ ее на шеѣ, такъ что онѣ спускаются на спину съ шеи. Въ Полтавской губ., Харьковской и многихъ другихъ мѣстностяхъ ленты, въ еще меньшемъ количествѣ, вплетаются въ конецъ косы, которая не сворачивается на головѣ, а виситъ на спинѣ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра употребляются ленты почти исключительно гладкія и одноцвѣтныя, тогда какъ на правой очень часто можно встрѣтить ленты, затканныя мелкими цвѣтами и т. п. узорами.

Кромѣ цвѣтовъ и лентъ, общихъ, въ качествѣ украшеній, для всей Украины, въ нѣкоторыхъ ея мѣстностяхъ удержались еще мѣдныя цѣпочки, бусы и наконецъ украшенія не менѣе примитивныя чѣмъ цвѣты и очевидно сохранившіеся отъ глубокой

старины. Это *вѣнки изъ перьевъ* и *височныя* или *налобныя украшенія*, тоже изъ перьевъ или изъ мѣдныхъ подвѣсокъ. Дѣвушки у бойковъ вплетаютъ въ свои вѣнки павлиньи перья, а женщины въ Старобѣльскомъ уѣз. Харьковской губ., втыкаютъ ихъ вокругъ платка. Вѣнки изъ перьевъ упоминаются у Чубинскаго безъ обозначенія мѣстностей, намъ же приходилось встрѣчать ихъ на волынскомъ Полѣсьѣ. Тамъ они дѣлаются изъ мелкихъ куриныхъ перьевъ, окрашенныхъ въ зеленый цвѣтъ. Въ Галицкой Подоліи дѣвицы затыкаютъ въ волосы гусиныя перышки, которыя предварительно обмакиваютъ въ растопленный зеленый воскъ, а иногда еще облѣпливаютъ *позолоткой* (шумихой). Выборъ именно зеленаго цвѣта объясняется повидимому желаніемъ подражать цвѣту растеній, а можетъ быть отчасти и существующимъ еще на югѣ Кіевской губ. (с. Свинарка, Черкасскаго у. и Вербівка Звенигород.) обычаемъ дѣлать налобныя украшенія, а въ Старобѣльскомъ у. Харьковской губ.—*височныя* изъ зеленыхъ утиныхъ перьевъ, главнымъ образомъ изъ закрученныхъ хвостовыхъ перышекъ качура (селезня). Эти перышки въ Кіевской губ. засовываются въ промежутокъ между двумя сшитыми по длинѣ тесемками, которыя потомъ привязываютъ на лбу ниже вѣнка. Они очень напоминаютъ по формѣ гуцульское *чільце* (отъ *чолб*—лобъ), состоящее изъ привѣшенныхъ къ проволокѣ узкихъ мѣдныхъ пластинокъ, имѣющихъ форму или маленькихъ стручковъ или лепестковъ цвѣтка, и носимое на лбу, тоже подъ вѣнкомъ, кажется исключительно только невѣстами. Это чільце въ свою очередь составляетъ несомнѣнный пережитокъ стариннаго налобнаго украшенія княжескаго періода, позаимствованнаго изъ Византіи и носившаго названіе *рясна*. Пріобрѣтенное мною для Э. О. Музея Имп. Александра III гуцульское чільце по своему рисунку очень подходитъ къ подобному же украшенію изображенному на рис. 1089—90 въ V вып. «Древностей Приднѣпровья» Б. И. Ханенка. Другая форма, въ которой существуетъ у гуцуловъ тоже украшеніе—это ремешокъ или шнурокъ съ нанизанными на немъ въ большомъ количествѣ пластинками изъ желтой мѣди, вырѣзанными въ видѣ лепестка или листика о трехъ лопастяхъ. Эта форма тоже довольно архаична, такъ какъ мы встрѣчаемъ ее если не въ видѣ діадемы, то въ видѣ погребальнаго вѣнка (ср. *Древн. Приднѣпр.* т. VI, табл. IX, 630) въ одной изъ греческихъ гробницъ въ Керчи. Кромѣ гуцуловъ подобныя украшенія сохранились еще у сербовъ въ видѣ небольшихъ подвѣсочекъ, состоящихъ изъ миніатюрныхъ изображеній разныхъ предметовъ, нанизанныхъ на шнурокъ или цѣпочку, и у прочихъ южныхъ славянъ, у которыхъ они состоятъ, подъ вліяніемъ вѣроятно турокъ, изъ мелкихъ монетъ, иногда золотыхъ, но по большей части фальшивыхъ, нарочно для этого фабрикуемыхъ.

Къ украшеніямъ волосъ относятся, наконецъ, еще *уплітки*, употребляемыя въ Галиціи и состоящія у бойковъ изъ двухъ, сплетенныхъ на подобіе косъ, красныхъ гарусныхъ нитей, вплетаемыхъ въ косы и соединяющихся внизу въ одну или двѣ большихъ кисти, висящія чуть не до земли, а у гуцуловъ—изъ такихъ же гарусныхъ косъ, усаженныхъ мѣдными бляшками, или про-

сто пуговицами и обернутыхъ нѣсколько разъ вокругъ затылка.

Серьги — тоже были украшеніемъ украинокъ съ незапамятной древности, но археологическія ихъ формы, въ родѣ напр. извѣстныхъ серегъ кіевскаго типа (не имѣвшихъ впрочемъ въ себѣ ничего спеціально кіевскаго), вовсе не сохранились на Украинѣ. Гораздо больше удержались старинныя формы серегъ изъ бусъ. По свѣдѣніямъ покойной Е. П. Радаковой, описавшей золотарскій промыселъ въ Харьковской г., тамъ «золотарі» выдѣлываютъ два рода серегъ: одинъ для великоруссокъ и другой для украинокъ. Серьги для украинокъ состоятъ изъ крючка, расширеннаго, съ передней стороны, съ подвѣшеннымъ къ нему щиткомъ, въ который вставлено цвѣтное стеклышко и къ которому прикрѣплены еще три длинныя и узкія подвѣски, имитирующія когда-то бывшія бусы. Въ выборѣ матеріала для украшеній къ серьгамъ тоже замѣтна разница: украинки предпочитаютъ кораллы, тогда какъ великоруссіянки — янтарь.

Шейныя украшенія состоятъ изъ *намиста, дукачів, силянок, згард* и проч. Намисто, разумѣется, наиболѣе древнее и наиболѣе распространенное изъ шейный украшеній, состоявшее прежде изъ раковинъ, красивыхъ плодовыхъ коробочекъ, зеренъ, косточекъ, плодовъ и т. п. натуральныхъ предметовъ, замѣнившихся потомъ бусами каменными, изъ пасты, изъ металла и наконецъ изъ стекла. Намисто изъ натуральныхъ предметовъ сохранилось до настоящаго времени на Украинѣ только у гуцуловъ въ видѣ ожерелья изъ плодовыхъ коробочекъ растенія *клокічки* (*Staphylea pinnata, L.*). Любопытно что ожерелья изъ этихъ сѣмянъ носятъ у гуцуловъ не только женщины но какъ увидимъ далѣе и мужчины. Въ козацкую эпоху наиболѣе цѣнившимся намистомъ были уже кораллы, которые и теперь подъ названіемъ «добраго намиста» сохранило свою прежнюю привлекательность, но будучи дорогимъ, конечно почти совсѣмъ вышло изъ употребленія. Кромѣ коралловъ носили часто намисто изъ болѣе или менѣе крупнаго янтаря, тоже очень цѣнившееся. Затѣмъ въ очень большомъ употребленіи были гранаты, замѣнявшіеся въ теченіе прошлаго столѣтія стеклянными имитаціями ихъ, какъ естественнаго, такъ и другихъ цвѣтовъ, тогда какъ вмѣсто коралловъ начали носить «червоне намисто», тоже изъ смальты. Въ настоящее время въ большомъ ходу бусы изъ дутаго стекла очень яркихъ цвѣтовъ, особенно красныя и синія, а также разнаго рода стеклярусъ металлическихъ цвѣтовъ. Интересно, что и въ отношеніи намиста Гуцульщина изъ всѣхъ украинскихъ земель сохранила наиболѣе остатковъ старины: тамъ и теперь еще въ большомъ употребленіи круглыя бусы изъ венеціанскаго пестраго стекла (на темномъ фонѣ), выдѣлываемыя спеціально для гуцуловъ въ Венеціи и точно такія же, какъ и выкапываемыя изъ кургановъ.

Дукачі или *личманы*, какъ показываетъ ихъ названіе, состояли просто изъ золотыхъ монетъ (дукатовъ) носившихся съ намистомъ, или на отдѣльномъ шнуркѣ или цѣпочкѣ. Такъ ихъ носятъ очень часто и теперь, въ Галиціи, гдѣ особенно у богатыхъ мѣщанокъ еще нерѣдко можно видѣть по 5, по 7 и болѣе

большихъ дукатовъ, составляющихъ ожерелье. На русской Украинѣ ихъ носили, да иногда и теперь еще носятъ, отдѣльно отъ намиста въ видѣ *дукача*, при чемъ одна только, по возможности, крупная монета подвѣшивается или на трехъ маленькихъ цѣпочкахъ къ длинной облегающей шею, или на металлическомъ (серебряномъ или позолоченномъ) бантикѣ, прикрѣпленномъ къ лентѣ, шнурку или цѣпочкѣ. Кажется было въ обычаѣ дарить такой дукачъ новорожденному ребенку, или скорѣе его матери, по случаю рожденія дитяти. Монетами для дукача чаще всего были тонкіе, но очень большіе въ діаметрѣ австрійскіе дукаты Маріи-Терезы, замѣнившіеся потомъ русскими рублями или дукачами мѣстнаго издѣлія съ какимъ-нибудь священнымъ изображеніемъ съ одной стороны и портретомъ Императрицы Елизаветы или Екатерины съ другой. Въ настоящее время они очень рѣдки уже, но еще въ шестидесятыхъ годахъ въ Нѣжинѣ, возлѣ Замковой церкви около базара можно было видѣть торговокъ съ небольшими ящиками, подъ стекломъ, въ которыхъ были разложены крестики, серьги и непремѣнно дукачи, изготовлявшіеся мѣстными «золотарями». Не невозможно, что дукачи эти составляютъ переживаніе древнихъ византійскихъ *змѣевиковъ*, довольно часто находимыхъ въ кладахъ и употреблявшихся въ качествѣ амулетовъ. Въ западной Украинѣ дукачи часто замѣняются одной или нѣсколькими металлическими или кіевскими-финифтяными иконками или крестиками, въ Галиціи же, особенно въ Гуцульщинѣ, носятъ на мѣдной цѣпочкѣ большой мѣдный же крестъ очень затѣйливаго рисунка и мѣстной работы. Но наиболѣе архаическими изъ украинскихъ шейныхъ украшеній религіознаго характера являются гуцульскія *згарди*. *Згарди* — это ожерелья изъ мѣдныхъ литыхъ крестиковъ, нанизанныхъ на ремешокъ шнурокъ или на проволоку въ одинъ, а иногда въ два или три ряда. Они, какъ по формѣ крестовъ, часто близкихъ къ греческой, такъ и по своему характеру, вполнѣ сходны съ подобнымъ же бронзовымъ предметомъ, найденнымъ въ с. Жукинѣ Остерскаго у. Черниг. губ. (Ханенко, «Древн. Приднѣпровья, вып. VI, табл. XXXII, № 539) и съ серебрянымъ ожерельемъ, тоже состоящимъ изъ крестиковъ и найденымъ въ усадьбѣ Михайловскаго монастыря въ Кіевѣ (Id. стр. 36, рис. на стр. 39). Архаическій характеръ этихъ украшеній, кромѣ указаннаго сходства, дополняется еще тѣмъ, что между гуцульскими крестиками нанизываются или мѣдныя трубочки, состоящія изъ свернутаго листка латуни или изъ свернутой спиралью мѣдной проволоки. Сколько намъ извѣстно, это украшеніе не встрѣчается нигдѣ больше въ Европѣ и существуетъ только у грузинъ на Кавказѣ, гдѣ оно дѣлается обыкновенно не изъ латуни, а изъ гагата или гишера.

Довольно оригинальное и нѣсколько неожиданное для Украины шейное украшеніе представляетъ собою *сйлянка*, (*гирдйн*, *гирдянйк*, *лйнка*, *дчко*, *драбйнка*, *лучка*, *гйлочка*, *згардочки*, *пупчики* и пр.), теперь совершенно неизвѣстное въ восточной Украинѣ (хотя изображеніе чего-то очень похожаго на него и есть на одномъ изъ рисунковъ у Ригельмана), въ западной

же встрѣчающееся, сколько мы знаемъ, въ Подоліи и кое-гдѣ на Волыни, но очень распространенное во всей Галичинѣ. Оно состоитъ изъ ожерелья въ видѣ ленточки, выплетеннаго изъ мелкихъ цвѣтныхъ бусъ (а иногда изъ бисера) на волосяной или шелковой основѣ, завязываемое тесемками съ задней стороны шеи. Рисунокъ этихъ силянокъ (отъ *сйлити, насйлювати*—низать), исключительно геометрическій, отличается большой пестротой и иногда очень красивъ. Какъ по матеріалу, такъ и по способу работы эти силянки похожи на гайтаны великоруссовъ и нѣкоторыхъ финнскихъ народовъ Россіи и отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что представляютъ собой болѣе или менѣе узкую полоску съ двумя завязками, тогда какъ гайтанъ образуетъ довольно большую петлю, надѣваемую черезъ голову на шею или скорѣе на плечи и оканчивающуюся расширеніемъ, вдвое шире самого гайтана, спускающимся на грудь. Географически области распространенія этого украшенія между собой не связываются, что и заставляетъ думать, не пришло ли оно въ Галичину изъ Венгріи, куда могло быть занесено еще первыми, прибывшими туда уграми.

Къ числу украшеній должны быть отнесены еще и *чапраги*. Это обыкновенно мѣдные аграфы, состоящіе изъ двухъ сцѣпливающихся половинокъ и украшенныя вырѣзаннымъ узоромъ, состоящимъ изъ исключительно геометрическихъ рисунковъ, главн. обр. концентрическихъ кружковъ, звѣздочекъ и т. п. Они употребляются кажется только у гуцуловъ и въ настоящее время уже начинаютъ исчезать.

Совершенно отличительной чертой украинскихъ украшеній настоящаго времени является, сколько намъ извѣстно, полное отсутствіе браслетовъ. Причиной этого отсутствія, вѣроятнѣе всего, можно считать то, что съ самой глубокой древности они были украшеніемъ исключительно привознымъ и даже тогда еще не были распространены по всей территоріи нынѣшней Украины. У древлянъ и радимичей, какъ доказываютъ раскопки, браслетовъ, повидимому, вовсе не было, и въ древности, въ Кіевской землѣ они встрѣчаются только въ богатыхъ кладахъ, въ погребеніяхъ же югозападной Украины находятъ браслеты главнымъ образомъ стеклянные, относящіеся по мнѣнію Вл. Б. Антоновича къ X—XIII в. и ввозившіеся изъ Сиріи и Византіи и до сихъ поръ еще находящіеся въ большомъ употребленіи въ Болгаріи. Единственнымъ исключеніемъ въ отношеніи браслетовъ оказывается опять Гуцульщина и опять таки въ смыслѣ архаизма. У гуцулокъ (и у гуцуловъ!) въ ходу если не браслеты изъ *ретязьківъ*, т.-е. мѣдныхъ цѣпочекъ, то *нараквиці*, т.-е. поручи или наручи, совершенно той-же формы, какъ поручи священниковъ, пришедшіе къ намъ изъ Византіи. Ихъ дѣлаютъ для зимы изъ овчины, а для лѣта выплетаютъ на спицахъ изъ разноцвѣтныхъ шерстей, съ болѣе или менѣе богатымъ и разнообразнымъ узоромъ, главн. образомъ геометрическимъ.

Что касается *колецъ* и перстней, носимыхъ на пальцахъ рукъ, то они и теперь, какъ и прежде повсемѣстно въ Украинѣ въ большомъ употребленіи, особенно у дѣвицъ. *Каблучки*, т.-е. кольца, чаще всего типа обыкновеннаго обручальнаго кольца, фабричной

a

b

c

d

e

f

h

h

g

работы, изъ бѣлаго или желтаго сплава, рѣже серебряныя. Очень распространены кольца «од св. Варвари-великомученици», приносимыя всегда въ видѣ подарка изъ Кіева. *Перстні* обыкновенно той же формы и изъ такихъ же матеріаловъ, какъ и кольца. На щиткѣ ихъ часто бываетъ вытиснено какое-нибудь изображеніе въ родѣ сердечка или вставлено цвѣтное стекольце. У гуцуловъ перстни эти, конечно, не фабричной работы и замѣчательны по своей отдѣлкѣ и часто богатой орнаментаціи: они усажены иногда врѣзанными въ мѣдь бусинками (*пацьорками*) или украшены инкрустаціей изъ подражающей эмали цвѣтной пасты.

Наконецъ, поясныя украшенія, совершенно отсутствующія во всей Украинѣ, у гуцуловъ сводятся къ разнаго рода затѣйливо орнаментированнымъ мѣднымъ пряжкамъ, аграфамъ, фигурнымъ крючкамъ для подвѣшиванія ключей и т. п.

2. Прическа волосъ. Изслѣдователь древнеславянской и въ частности чешской одежды Ч. Зибртъ, на основаніи изслѣдованныхъ имъ миніатюръ старинныхъ рукописей, полагаетъ, что въ древности у славянъ дѣвушки ходили съ непокрытой головой, раздѣливши волосы проборомъ посрединѣ и откидывая ихъ на спину. Если мы признаемъ хотя частичную достовѣрность нашихъ древнихъ изображеній, напр. миніатюръ Кенигсбергской лѣтописи и проч., то и намъ придется остановиться на томъ же предположеніи, тѣмъ болѣе, что и на рисункахъ у Ригельмана дѣвицы всѣхъ сословій изображены съ распущенными сзади локонами, тогда какъ на изображеніи Голембіовскаго украинская дівчина представлена уже съ двумя косами, висящими по спинѣ. Въ настоящее время на лѣвой сторонѣ Днѣпра «дівчата», сдѣлавши проборъ посреди головы, расчесываютъ волосы на двѣ стороны, заплетаютъ ихъ въ двѣ косы и въ будніе дни обертываютъ ими голову въ видѣ вѣнка, въ праздники же, отдѣливши еще прядь волосъ сзади, сплетаютъ все въ одну косу, которая съ вплетенными въ конецъ ея лентами (кісниками) виситъ на спинѣ. На правой сторонѣ, прическа въ будніе дни та же, но въ праздники волосы заплетаются въ двѣ косы, висящія сзади. Кромѣ того тамъ встрѣчаются еще болѣе сложныя прически. Для одной изъ нихъ, называемой «у звьязки», волосы раздѣляются какъ обыкновенно на двѣ стороны, но затѣмъ немного выше лба проводится второй «проділь», перпендикулярный первому и отдѣленные имъ волосы передней части головы расчесываются и спускаются немного по сторонамъ лба, образуя такъ наз. *начосы*, концы которыхъ подкладываются за ушами подъ косы. Для другой прически *у колокілки*, волосы, назначенные для «начосів» захватываются гребешкомъ маленькими частями и перебрасываются съ одной стороны головы на другую, въ результатѣ чего получается «проділь» не прямой, а зубчатый. Въ приднѣстрянской Галичинѣ волосы у дівчатъ заплетаются также въ 4 косы, при чемъ переднія подплетаются у висковъ, заднія раздѣляются на мелкія косички (*дрібушки*), которыя укладываются потомъ на головѣ кругомъ, а одна перекладывается черезъ середину головы. Наконецъ въ Угорской Руси дѣвушки слегка напускаютъ волосы на углы лба, закрывая уши, а нижнія части этихъ начесовъ подплетаютъ въ

двѣ маленькія косички, сбрамляющія начесы снизу (см. табл. V, c и d и Табл. XIX, c).

Прическа замужнихъ женщинъ въ Украинѣ—совсѣмъ другая. Древній и никогда не мѣнявшійся обычай безусловно требуетъ, чтобы волосы замужней женщины были скрыты подъ головнымъ уборомъ и «свiтити волоссям» или «ходити простоволосою» для нея считается верхомъ неприличія. Во время моихъ антропологическихъ путешествій мнѣ и въ русской Украинѣ и въ Галиціи никогда не приходилось встрѣчать затрудненій при просьбѣ, напр. обнажить колѣно, но почти повсемѣстно мое приглашеніе сбросить очіпокъ вызывало самые энергическіе протесты, которые не разъ прекращались, только благодаря вмѣшательству мѣстнаго священника. Вслѣдствіе этого и прическа замужнихъ женщинъ сводится обыкновенно къ простому сворачиванію волосъ въ узелъ и подсовываніе ихъ подъ *очіпок*. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, впрочемъ, замужнія женщины, не заплетая косъ, раздѣляютъ волосы на двѣ половины и затѣмъ, свернувши каждую изъ нихъ въ жгутъ, наматываютъ въ противоположномъ направленіи на небольшое лубяное или веревочное кольцо, называемое *кибалкой*, которая затѣмъ покрывается или сѣтчатымъ или особаго покроя, расширеннымъ вверху очіпкомъ. Въ сѣверозападной части Ковельскаго у. Волынской губ, и въ цѣлой полосѣ Галиціи, тянущейся отъ Волыни до Карпатъ (Надвірна), волосы у вышедшихъ замужъ женщинъ подрѣзываютъ (*утинають*) до уровня ушнаго отверстія, а затѣмъ на нихъ надѣвается небольшой очіпокъ съ повязаннымъ по его окружности небольшимъ же платкомъ, которые при желаніи снимаются какъ шапка у мужчинъ и изъ подъ которыхъ видны концы подрѣзанныхъ волосъ (Табл. IV, a). Древній обычай подрѣзыванія волосъ при выходѣ замужъ существуетъ въ особенно примитивной формѣ у гуцуловъ: у нихъ косу невѣсты привязываютъ концомъ къ деревянному колышку, вбитому въ стѣну и затѣмъ женихъ съ размаху отрубаетъ этотъ конецъ своимъ «топорцем». У бойковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Карпатъ, женщины прячутъ всѣ волосы подъ *чіпець*, но оставляютъ передъ ушами два длинныхъ локона, на подобіе еврейскихъ пейсовъ, висящихъ иногда до пояса. (Табл. XIII, d). Кое-гдѣ-же, какъ напр. въ Пóбукѣ, «жони» въ будніе дни закручиваютъ волосы въ два узла по сторонамъ головы, а въ праздники распускаютъ ихъ по плечамъ, прикрывая въ томъ и въ другомъ случаѣ бѣлымъ покрываломъ—*півкою*, о которомъ будетъ сказано дальше.

3) Головные уборы. Кромѣ вѣнка и описанныхъ уже нами головныхъ украшеній у дѣвушекъ, единственнымъ и далеко не повсюду распространеннымъ головнымъ уборомъ ихъ является платокъ. На лѣвой сторонѣ Днѣпра, его, сложивши въ косынку, обертываютъ вокругъ головы сверхъ косъ, но такъ, чтобы макушка головы была непремѣнно открыта и волосы были видны. На правой сторонѣ Днѣпра, платокъ обыкновенно накидывается на голову, а концы подвязываются подъ подбородкомъ (Табл. X, a). По теченію р. Опора въ Галичинѣ, въ Лавочній и окрестныхъ селахъ головной уборъ «дівчатъ» сильно видоизмѣняется тѣмъ, что на голову накладывается лубяной вѣнчикъ, обвязанный

тонкимъ цвѣтнымъ платочкомъ и прикрытый сверху кисеей, которая не падаетъ назадъ, а сворачивается сначала складками въ нѣчто въ родѣ бинта, а затѣмъ спирально, образуя надъ головой шишечку слегка напоминающую египетскій *ureus*, но находящуюся не надъ лбомъ, а надъ затылкомъ (Табл. XIII, f) и украшенную еще гребнемъ изъ воткнутыхъ въ нее булавокъ съ цвѣтными головками; изъ-подъ этого вѣнчика на спину спускается нѣсколько лентъ и волосы заплетенныя въ двѣ косы.

Что касается замужнихъ женщинъ, то какъ было сказано выше, волосы ихъ прячутся подъ *очіпок*, т.-е. чепецъ. Въ общемъ очіпокъ представляетъ собой шапочку сшитую изъ бумажной шерстяной или шелковой матеріи, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и изъ парчи, такимъ образомъ, что задняя сторона ея, при ходящаяся на затылокъ, имѣетъ зашнуровывающійся разрѣзъ, позволяющій спрятать подъ нее всѣ волосы. Форма очіпка (Табл. XI) бываетъ очень различна, смотря по мѣстности: чаще всего она бываетъ цилиндрическая, съ плоскимъ дномъ, иногда слегка округленнымъ (въ Полтав. и Кіевск. губ.); иногда дно для надѣванія очіпка на кибалку дѣлается гораздо шире, чѣмъ очіпокъ, верхняя часть котораго для этого же соотвѣтственно расширяется (на зап. Волын. губ.); иногда это дно, или вся передняя часть очіпка сверху дѣлается складчатой (въ Полтав., Харьк. и Воронеж. губ.); иногда же, напротивъ, весь очіпокъ дѣлается продолговато-округлымъ, полуяйцеобразной формы, облегая голову совершенно плотно (въ значит. части Чернигов. губ.). Матеріалъ зависитъ больше всего конечно отъ состоянія; прежде очіпки гораздо чаще дѣлались изъ настоящей парчи, чѣмъ теперь, когда шелковая парча замѣнилась почти вездѣ бумажной, или цвѣтнымъ коленкоромъ, вышитымъ гарусомъ.

Наиболѣе стариннымъ и удержавшимся и до сихъ поръ на сѣверѣ Украины головнымъ уборомъ, надѣваемымъ сверхъ чепца, служитъ бѣлая *намітка* (*перемітка*, серпанокъ) или вообще *хустка*, т. е. бѣлый платокъ. Этотъ головной уборъ замужнихъ женщинъ мы находимъ у всѣхъ славянъ; у поляковъ онъ далъ даже названіе замужней женщинѣ (bialoglowa). На Украинѣ мы видимъ его на всѣхъ старинныхъ изображеніяхъ, начиная съ Изборника Святослава, и онъ неизмѣнно проходитъ черезъ всю украинскую исторію, сохраняется въ козацкую эпоху и доходитъ до нашей, видоизмѣнившись только въ центральной и южной частяхъ страны и то главнымъ образомъ въ отношеніи цвѣта. Судя по стариннымъ изображеніямъ, наиболѣе древними изъ современныхъ намъ бѣлыхъ головныхъ уборовъ слѣдуетъ признать *обрус* и *намітку*. Обрусъ сохранилъ свое названіе главнымъ образомъ у лемковъ, кое-гдѣ на Галицкой равнинѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Волыни. Онъ состоитъ изъ неособенно длиннаго (метра $1^1/_2$—2), довольно широкаго полотнища, которое просто набрасывается на голову и виситъ по плечамъ. *Намітка*, по всей вѣроятности, одинаковой древности съ убрусомъ и представляетъ собою въ сущности тотъ же обрусъ, только не набрасываемый на голову, а обвязываемый вокругъ нея. Нынѣшняя намітка во многихъ мѣстностяхъ Украины почти совершенно исчезла или исчезаетъ («баби побрали на той світ»

говорятъ у насъ, намекая на обычай хоронить пожилыхъ женщинъ почти всегда въ намiткѣ), въ нѣкоторыхъ же, какъ напр. въ Козелецкомъ уѣз. Черниговской губ., не только еще существуетъ, но и находится въ употребленiи, какъ у старухъ, такъ и у «молодиць» (Табл. XI). Дѣлается она изъ льняныхъ, рѣже пеньковыхъ, нитокъ, но очень часто и охотнѣе всего изъ шелка-сырца (особенно на побережьѣ Днѣпра въ Кiевскомъ и Каневскомъ у.у.) въ видѣ длиннаго (отъ 4 до 5 м.) и неособенно широкаго (60—70 ст.) полотнища, почти всегда бѣлаго и иногда только у глубокихъ старухъ темно-дымчатаго цвѣта и разглаживается не утюгомъ, а *ґалом*, т. е. иногда каменнымъ, а чаще всего стекляннымъ (темно или свѣтло-зеленаго стекла) шаромъ, величиной немного больше крупнаго апельсина. Для этого двѣ женщины держатъ намiтку за углы и перекатываютъ по ней положенное въ нее гало. Носятъ намiтку въ разныхъ мѣстностяхъ различно: иногда повязываютъ ее въ видѣ низкаго, а въ другихъ мѣстахъ болѣе широкаго цилиндра, иногда же въ видѣ болѣе или менѣе высокаго усѣченнаго конуса, отъ котораго складки торчатъ или впередъ головы, или по сторонамъ, самымъ различнымъ образомъ. Концы же связываемые или скалываемые сзади, спускаются по спинѣ иногда почти до самой земли. Иногда, особенно у старухъ, часть намiтки, сложенная въ нѣсколько разъ, обрамляетъ все лицо, проходя подъ подбородкомъ. Вообще намiтка составляетъ головной уборъ парадный и надѣвается въ церковь, въ гости, или «на смерть»...

Прочіе *бѣлые* головные уборы, встрѣчающіеся только въ сѣверной полосѣ Украины, представляютъ собою, по нашему мнѣнiю, различныя и болѣе или менѣе далекія видоизмѣненія намiтки. У украинокъ Гродненской губ. и нѣкоторыхъ мѣстностей сѣверной Волыни эти головные уборы изъ холста носятся почти совершенно такъ же какъ и намiтка, обрамливая лицо и спускаясь концами на плечи и спину (Табл. XIII, a); у бойковъ намiтку замѣняетъ такъ назыв. *пiвка*. Это довольно большой четырехугольный кусокъ полотна или бумажной ткани, на одномъ изъ краевъ которой вышита иногда узенькая полоска узора. Пiвку надѣваютъ такъ, чтобы эта полоска приходилась надъ лбомъ, остальною же частью обкутывается голова въ разныхъ мѣстностяхъ различно. Въ Пóбукѣ, Брязѣ и прочихъ селахъ по теченiю Мiзуни и Чачвы до Ломницы пiвкою обертываютъ голову или, лучше сказать, макушку ея довольно тѣсно и затѣмъ по окружности перевязываютъ вышитымъ краемъ пiвки, остальная же часть ея отъ этой перевязки спадаетъ по плечамъ и спинѣ, образуя родъ плотной, но короткой фаты (Табл. XIII, d, табл. XVIII, в). Въ другихъ мѣстностяхъ пiвку или *рантух* (Reintuch) сильно накрахмаливаютъ и устраиваютъ изъ нея родъ ореола вокругъ головы, напоминающаго древнеегипетскiй головной уборъ. На сѣверѣ Волыни и въ сѣверныхъ частяхъ Кiевской и Черниговской губ., это бѣлое покрывало доходитъ до размѣровъ сравнительно небольшой хустки, часто затканной узенькой красной полоской по краямъ или съ болѣе или менѣе широкими и затѣйливыми вышивками, какъ по краямъ такъ и на углахъ (Табл. XIII, в и с). Такими хустками или просто прикрываютъ го-

лову, завязывая концы спереди подъ подбородкомъ, или сзади подъ волосами или повязываютъ ими голову различными способами. Это различіе формъ завязыванія и вышивки вносятъ въ головные уборы женщинъ сѣверной полосы Украины много разнообразія, но основной и архаическій характеръ ихъ, заключающійся въ *бѣломъ цвѣтѣ*, все-таки сохраняется, вытѣсняясь, впрочемъ, мало по-малу цвѣтными платками, мода на которые постепенно проникаетъ съ юга.

Цвѣтные платки представляютъ собою нововведеніе и на югѣ Украины, замѣнившее собою старинный бѣлый головной уборъ въ видѣ намітки или обруса, о чемъ свидѣтельствуютъ какъ рисунки Ригельмана, такъ и самый процессъ замѣны, происходившій и происходящій еще и теперь на нашихъ глазахъ. Такъ въ Кролевецкомъ уѣз. Черниговской губ. еще лѣтъ 50—60 тому назадъ, по словамъ старожиловъ, замужнія женщины носили бѣлыя хустки, теперь же ихъ замѣнили цвѣтные платки. То же произошло и въ Гуцульщинѣ, гдѣ по свидѣтельству Голембіовскаго замужнія женщины носили на головахъ «завои изъ тонкаго бѣлаго полотна». Способы завязыванія цвѣтныхъ платковъ также чрезвычайно разнообразны. Вѣроятно наиболѣе древнимъ изъ нихъ слѣдуетъ считать обертываніе платкомъ всей головы, при чемъ часто платокъ пропускается какъ намітка и подъ шею, такъ что изъ-подъ него выступаетъ только передняя часть лица. (Табл. XI, 12 и 13). Затѣмъ наиболѣе распространеннымъ оказывается обертываніе платкомъ головы по ея окружности, при чемъ любопытно, что тенденція поступать съ платкомъ какъ съ наміткою приводитъ къ тому, что кромѣ него повязывается еще другой платокъ подъ подбородокъ, такъ какъ это дѣлается во время зубной боли (напр. въ с. Бобровицѣ Черниговской губ.). Когда платокъ складываютъ для завязыванія по окружности головы, то между складками его вкладываютъ кусокъ бумаги или бересты, чтобы передняя часть платка держалась прямо. Платокъ, завязываемый такимъ образомъ, принимаетъ или видъ усѣченнаго конуса, иногда довольно высокаго (въ Черниговской губ.) или видъ цилиндрическій (какъ въ Полтавской и Кіевской губ.,) или низко-цилиндрическій, съ концами завязанными спереди въ видѣ большого банта (западная Волынь), или такой же, но съ концами спущенными на спину (западная часть Кіевской губ.), или тоже въ видѣ цилиндра, но сплющеннаго сверху спереди-назадъ, такимъ образомъ, что головной уборъ является сильно расширеннымъ въ стороны вверху (сѣверъ Кіевской губ. и Волынь) и т. д. Наконецъ на югѣ Кіевской губ., въ Подольской и у гуцуловъ платокъ часто принимаетъ чалмообразную форму и достигаетъ очень большихъ размѣровъ, тогда какъ платокъ въ Полтавской губ. имѣетъ размѣры наименьшіе. (Табл. X., в).

Чтобъ окончить обзоръ головныхъ уборовъ замужнихъ женщинъ, необходимо упомянуть еще о *кораблікѣ*. Это небольшая шапочка продолговато-округленной формы, края которой, очень низкіе и плотно прилегающіе съ боковъ къ тульѣ, спереди и сзади возвышаются заостренными вверхъ лопастями. Во времена козачества такіе кораблики, изображенія которыхъ въ разныхъ видахъ можно найти у Ригельмана, были въ большомъ употреб-

леніи. Тогда ихъ передній и задній концы дѣлались иногда раздвоенными, вслѣдствіе чего на головѣ получалось нѣчто въ родѣ четырехъ ушекъ или рожковъ. Дѣлались эти кораблики изъ парчи или бархата, а отвороты изъ мѣха. Въ настоящее время они удержались, да и то составляя уже рѣдкость, только кое-гдѣ въ Харьковской и Воронежской губерніяхъ и дѣлаются изъ сукна, съ отворотами изъ чернаго бархата.

4) *Верхняя плечевая одежда.*

Кіптáрь или *кептáрь* (рум. *peptáriu* отъ *pept'u*—грудь) является видомъ украинской одежды несомнѣнно наиболѣе древнимъ и наиболѣе примитивнымъ, а поэтому и совершенно одинаковымъ, какъ у женщинъ такъ и у мужчинъ. На первыхъ степеняхъ культуры мы встрѣчаемъ вездѣ въ видѣ наиболѣе элементарной одежды звѣриную шкуру, посреди которой сдѣлано отверстіе для головы, а двѣ половины прикрываютъ спину и грудь, какъ это мы видимъ и до сихъ поръ, напр., у зырянъ и русскихъ поморовъ въ Европ. Россіи, а также у тунгусовъ въ Сибири, у тлингитовъ въ С. Америкѣ, у веддовъна о-вѣ Целебесѣ и у многихъ другихъ народовъ. При небольшихъ размѣрахъ шкуръ, ихъ употреблялось двѣ—одна на груди, а другая на спинѣ, причемъ онѣ связывались или удерживались чѣмъ-нибудь на плечахъ. Теплый климатъ и успѣхи культуры позволили древнимъ грекамъ и римлянамъ замѣнить шкуры кусками шерстяной ткани по прежнему соединенными на плечахъ, но не сшитыми и образовавшими хитонъ или тунику. Въ менѣе теплыхъ странахъ, для прикрытія боковыхъ частей тѣла шкуры начали сшивать сначала съ одной стороны, а потомъ и съ обѣихъ, дѣлая въ послѣднемъ случаѣ дыру для шеи и разрѣзъ посреди груди для прохода головы. Такимъ образомъ появилось нѣчто въ родѣ рубашки безъ рукавовъ, сначала изъ звѣриныхъ шкуръ, а затѣмъ изъ шерстяной и наконецъ растительной ткани. Къ дырамъ оставшимся съ боковъ для продѣванія руки впослѣдствіи были пришиты рукава, къ нижнимъ краямъ—полы и такимъ образомъ постепенно произошла эволюція всѣхъ видовъ верхней одежды, бывшей сначала общей и для мужчинъ и для женщинъ.

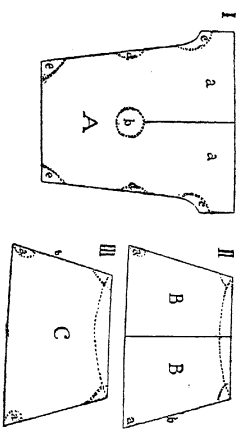
Хотя историкъ одежды у чеховъ Ч. Зибртъ и отрицаетъ на основаніи доводовъ, почерпнутыхъ впрочемъ изъ лингвистической палеонтологіи, справедливость извѣстія Косьмы Пражскаго, по которому чехи въ глубокой древности не знали еще тканья и одѣвались только въ шкуры, но мы не можемъ видѣть въ этомъ извѣстіи ничего неправдоподобнаго, вспоминая хоть бы свидѣтельства древнихъ римлянъ о *pelliti reges* и византійцевъ о болгарскихъ послахъ, покрытыхъ звѣриными шкурами. Вѣроятно такою же была и примитивная одежда всѣхъ славянъ. Относительно кептаря въ древней Украинѣ прямыхъ указаній у насъ нѣтъ, но изображенія козацкой эпохи уже даютъ намъ нѣсколько примѣровъ короткой мѣховой куртки безъ рукавовъ или съ рукавами—первобытнаго *кожанкà*.

Нынѣшній украинскій *кіптарь*, въ простѣйшей своей формѣ, подъ названіемъ *бунди* представляетъ собой короткую (только до пояса) одежду или вовсе безъ воротника, или съ очень невысокимъ стоячимъ воротникомъ вокругъ вырѣза для шеи и съ

двумя отверстіями для рукъ. Лѣвая боковая сторона бунды или образуется складкой овчины или же зашита, правая же свободна и завязывается при помощи ремешковъ. Такія бунды носятъ и въ настоящее время, особенно на работѣ, украинцы въ Буковинѣ и иногда гуцулы и изрѣдка бойки. Въ болѣе усовершенствованномъ видѣ одежда эта зашита и съ правой стороны, при чемъ вокругъ вырѣза для головы дѣлается невысокій воротникъ, а спереди разрѣзъ или неполный для надѣванія бунды черезъ голову или же полный, для надѣванія обыкновеннымъ способомъ. Она извѣстна подъ названіемъ кептаря и носится всѣмъ украинскимъ населеніемъ Карпатъ, какъ на восточномъ, такъ и на западномъ ихъ склонахъ, а также горнымъ населеніемъ Трансильваніи, Румыніи и Сербіи. На Буковинѣ кептарь иногда бываетъ вышитъ цвѣточными узорами изъ яркоцвѣтныхъ шерстей или даже шелковъ, иногда же вышивки эти замѣняются нашивками изъ разноцвѣтнаго сафьяна, образующими очень замысловатый и часто пышный узоръ, въ особенности у гуцуловъ. Такимъ же богатствомъ орнаментаціи отличаются кіптарі галицкихъ и венгерскихъ гуцуловъ, у бойковъ они значительно проще, а у лемковъ встрѣчаются уже очень рѣдко. Кромѣ орнаментаціи, кептарі отличаются въ различныхъ мѣстахъ и различнымъ покроемъ. У гуцуловъ кептарь шьется съ небольшимъ стоячимъ воротникомъ и чаще всего вовсе безъ таліи—мѣшкомъ (Табл. II и III, а, а, Табл. XIX, а); у бойковъ къ нему часто придѣлывается широкій откладной воротникъ изъ чернаго или бѣлаго бараньяго мѣха, а кромѣ того дѣлается нѣчто въ родѣ таліи или небольшого перехвата съ очень короткими полами, едва заходящими ниже пояса (Табл. XIX, а, муж. фиг.). Охраняя отъ холода спину, бока и грудь и оставляя при этомъ вполнѣ свободными руки, кептарь составляетъ постоянную и незамѣнимую ни лѣтомъ ни зимою верхнюю одежду украинскихъ горцевъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, необходимую для нихъ по условіямъ ихъ горнаго климата съ рѣзкими и внезапными вѣтрами и постоянными перемѣнами температуры. Но уже немного ниже, на предгорьяхъ, овчинный кептарь оказывается совершенно неудобнымъ и замѣняется *катанкой*, *брусликомъ* или *лейбикомъ*, вполнѣ похожимъ на него по покрою, но сшитымъ уже не изъ овчины а изъ сукна. (Табл. V, в и а. Табл. XVIII в и а).

К о ж у х. Если за примитивную форму одежды принять кіптарь, то кожухъ является несомнѣнно ея дальнѣйшимъ развитіемъ и опять таки общей одеждой и для женщинъ и для мужчинъ. Головацкій прямо говоритъ, что «верховинцы (бойки) носятъ кіптарь длиннѣе, а на равнинахъ пришиваютъ и рукава, такъ что киптарь обращается въ полушубокъ». Въ Кіевской губ., по словамъ Чубинскаго, крестьяне различаютъ двѣ формы кожуха: *простий* и *тулубястий* и очень интересно то, что первый изъ нихъ—«простий» отличается гораздо большей сложностью, чѣмъ второй — тулубястий, который шьется безъ таліи, безъ складокъ и т. п., а раньше шился даже безъ рукавовъ. Простота перваго, оказывается, заключается въ его большей употребительности (тогда какъ второй носятъ только болѣе состоятельные люди)

и въ болѣе раннемъ происхожденіи, которое высказывается и въ способѣ его кройки. Описывая обработку шкуръ и способъ выкраиванія изъ нихъ кожуха (стр. 493), мы упоминали, что самая большая изъ шести необходимыхъ для него овчинъ, идетъ на такъ называемую *перегинку*, т. е. верхнюю основную часть этой одежды: эту овчину (А) перегибаютъ надвое, посерединѣ перегиба дѣлаютъ полукруглую вырѣзку (для шеи), затѣмъ разгибаютъ и одну нѣсколько болѣе длинную половину разрѣзываютъ вдоль до шейной вырѣзки. Такимъ образомъ, согнувши овчину обратно, получается ничто иное



Фиг. 14.

какъ уже хорошо знакомый намъ кіптарь. Затѣмъ изъ второй, разрѣзанной надвое овчины (В) пришиваются двѣ переднія полы, третья шкура (С) составляетъ заднія полы, изъ четвертой и пятой дѣлаютъ боковыя, а изъ шестой опять разрѣзанной на двое—рукава. Прилагаемый рисунокъ (Рис. 14) показываетъ, до какой степени эта кройка соотвѣтствуетъ и формѣ овчинъ и того, что хотятъ изъ нихъ сдѣлать. Въ общемъ-же все это представляетъ собою не только кройку кожуха, но и всю исторію его развитія, которая началась, какъ мы видѣли, съ пришивки къ кіптарю прежде всего рукавовъ, а потомъ и болѣе или менѣе длинныхъ полъ. Подтвержденіе этого мы находимъ и въ существующихъ до сихъ поръ формахъ украинскихъ кожуховъ. Угорскіе украинцы и теперь носятъ короткіе, иногда едва закрывающіе животъ кожушки, но разумѣется съ рукавами. Такіе же короткіе кожушки съ рукавами встрѣчаются и у гуцуловъ. На старинныхъ украинскихъ портретахъ и картинахъ, изображающихъ напр. «козака Мамая», часто можно видѣть эту форму кожушка или *кожанка*. Полтавская кожушанка тоже бываетъ не ниже колѣнъ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ Украины кожухи уже длинные и на нихъ идетъ до 8 овчинъ. Что же касается тулубастаго кожуха, то онъ произошелъ вѣроятно изъ длинной овчинной пелерины—шубы или *киреі*, сначала вовсе безъ рукавовъ, а потомъ и съ рукавами (какъ мы это видимъ на рисункахъ одежды гетьмана и полковника у Ригельмана). У венгерскихъ русиновъ единственная длинная одежда *губа* представляетъ собой родъ нагольнаго тулупа безъ рукавовъ, отъ невысокаго воротника котораго опущена по плечамъ и на спину овчина въ видѣ пелерины мѣхомъ вверхъ, нерѣдко съ висящими еще на ней копытцами (*ратичками*) овцы. «Простой» кожухъ, очень часто, особенно по правой сторонѣ Днѣпра и въ Галичинѣ украшается разными, вырѣзными изъ разноцвѣтнаго сафьяна, узорными нашивками, тогда какъ тулубастый та-

кихъ нашивокъ или вовсе не имѣетъ или очень немного, а часто покрывается сукномъ или черкасиномъ. Этими тканями покрывается иногда и простой кожухъ, который въ такомъ случаѣ получаетъ названіе *байбарака*. Какъ было уже сказано выше, повсюду на Украинѣ и женскій кожухъ (такъ-же какъ и кіптарь) ничѣмъ не отличается отъ мужескаго и очень часто, особенно въ небогатыхъ семьяхъ, одинъ и тотъ же кожухъ носятъ и мужчины и женщины—кому понадобится.

Катанка, бруслик (серб. *прслик, прслук*) или *лейбик* представляетъ собой, какъ было уже сказано выше, одежду вполнѣ аналогичную кіптарю, или лучше сказать его видоизмѣненіе, приспособленное къ менѣе суровому климату равнинъ, путемъ замѣны овчины—сукномъ и носимое какъ женщинами. такъ и мужчинами. Подъ первымъ изъ приведенныхъ нами названій онъ встрѣчается, главнымъ образомъ, въ юго-восточной Галиціи и въ русской Украинѣ, подъ вторымъ же и третьимъ чаще всего у бойковъ и лемковъ на восточномъ склонѣ Карпатъ и у угорскихъ украинцевъ—на западномъ. У гуцуловъ, вслѣдствіе приведенныхъ выше причинъ—его нѣтъ [1]). У бойковъ онъ дѣлается почти всегда изъ темносѣраго или коричневаго сукна (въ зависимости отъ цвѣта овецъ), такъ же какъ и кіптарь — безъ таліи, а иногда или вовсе безъ воротника или съ воротникомъ небольшимъ и стоячимъ и съ шнурками или полосками цвѣтной тесемки въ видѣ петлицъ на груди (Табл. VIII, в и а). У лемковъ лейбики шьются изъ болѣе тонкаго, чаще всего синяго сукна и украшаются гораздо большимъ количествомъ шнурковъ или петлицъ (красныхъ, бѣлыхъ или желтыхъ) и множествомъ мелкихъ металлическихъ «кгудзиків», т. е. пуговокъ, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ синій или голубой лейбикъ дѣлается съ таліей и вышивается почти весь, даже на спинѣ, узорами изъ тонкаго краснаго шнурка и приближается къ лейбику словаковъ. У венгерскихъ русиновъ лейбикъ чаще всего бѣлаго цвѣта, съ обшивкой по бортамъ изъ красной или синей тесьмы. На галиційской равнинѣ катанки или лейбики чаще всего удерживаютъ покрой настоящаго кіптаря, точно такъ-же какъ на сѣверѣ Кіевской губ. и кое-гдѣ еще на волынскомъ Полѣсьѣ, гдѣ они дѣлаются изъ бѣлаго или сѣраго сукна и немного ниже пояса. Въ прочихъ же мѣстностяхъ русской Украины они, какъ мы увидимъ далѣе, видоизмѣнялись въ другой костюмъ—такъ называемую *кіреетку*, переходныя формы которой встрѣчаются еще въ сѣверной полосѣ Украины.

Кіреетка получилась, какъ намъ кажется, изъ кіптаревидной катанки или бруслика въ результатѣ большаго или меньшаго удлиненія ея и необходимой при этомъ вставки клиньевъ внизу, давшихъ начало таліи, при чемъ первичный ея характеръ удержался главнымъ образомъ въ отсутствіи рукавовъ. Въ нѣсколькихъ селахъ Радо-

[1]) По словамъ Головацкаго, Гуцулы поверхъ рубашки надѣваютъ «киптарь или киптарикъ (родъ камизола или кофты безъ рукавовъ), сшитый изъ зеленаго или краснаго сукна съ таліею и окаймленный снурками и застегиваемый крючками». Посѣтивши въ 1904 и 1905 г.г., за небольшими исключеніями, всѣ мѣстности населенныя гуцулами, мы у нихъ ничего подобнаго не встрѣчали. Нѣтъ на такую одежду указаній ни у Hacquet, ни у Golebiowskiego, ни наконецъ, у Шухевича.

мысльскаго у. Кіевской губ., въ одной и той же мѣстности можно наблюдать у старухъ суконную катанку, совершенно такого-же покроя, какъ кіптарь, а у «молодиць» такую же одежду, но только подлиннѣе съ двумя, а то и тремя уже, «вусиками», (Табл. XIV, c) образовавшимися отъ вставки клиньевъ, и превратившуюся въ кірсетку, можно сказать, на нашихъ глазахъ. На границѣ Староконстантиновскаго и Заславскаго у.у. Волынской губ., носятъ подъ названіемъ «спенцера» лейбикъ безъ рукавовъ и безъ таліи, иногда же и съ рукавами. Въ Черниговской губ., по свѣдѣніямъ А. Г. Сластіона и теперь еще носятъ бѣлую суконную безрукавку, которая называется катанкой (совершенно такъ же, какъ въ Галиціи). Въ Кролевецкомъ уѣздѣ, по нашимъ наблюденіямъ, она уже съ «вусиками» и повидимому потеряла свое названіе; такъ какъ ее называютъ просто кірсеткой. Въ Лубнахъ Полтав. губ., путешественникъ начала XIX ст. Гунъ, видѣлъ еще подобную одежду, но уже съ рукавами. Такимъ образомъ мы находимъ, повидимому, слѣды постепеннаго превращенія катанки въ кірсетку. Превращеніе это произошло, вѣроятно, главнымъ образомъ съ замѣной для этой одежды сукна бумажной матеріей, что случилось въ россійской Украинѣ въ 20-тыхъ—30-тыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Этимъ объясняется то полное отсутствіе кірсетки, которое мы видимъ какъ на рисункахъ Ригельмана, такъ и въ описаніяхъ одежды у Шафонскаго, Бантышъ-Каменскаго, Арендаренка, а также у Голембіовскаго и де-ла-Флиза. Во всякомъ случаѣ кірсетка оказывается частью женской одежды въ сравненіи съ другими болѣе новой, при чемъ выясняется, что развилась она больше всего въ Восточной Украинѣ, тогда какъ въ западной въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр., въ Балтскомъ у. Подольск. губ. и во всей Галичинѣ, она совершенно отсутствуетъ. Замѣчается также извѣстная разница въ покроѣ и цвѣтѣ кірсетки. Въ западной Украинѣ кірсетки болѣе яркихъ или пестрыхъ цвѣтовъ и гораздо короче (ближе къ лейбику), въ восточной же темнѣе и значительно длиннѣе: въ Черниговской губ. ихъ дѣлаютъ изъ ситца съ мелкими цвѣтами на черномъ или синемъ фонѣ, въ Полтавской же онѣ почти вездѣ одноцвѣтны и темныхъ оттѣнковъ, а кромѣ того длиннѣе чѣмъ во всей прочей Украинѣ (Табл. XIV, e). Въ Харьковской и Воронежской губ. кірсетки шьются короче, изъ пестрыхъ матерій, бумажной парчи и пр. и обильно украшаются бархатными обшивками, пуговками и пр. (Табл. XV, d). Застегиваются кірсетки обыкновенно на лѣвую сторону сбоку, но иногда, напр. въ Уманскомъ у. посреди груди на крючки *(гаплики)*.

Сердак—верхняя какъ женская, такъ и мужская одежда всѣхъ галицкихъ горцевъ и угорскихъ русиновъ, встрѣчающаяся впрочемъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ галицкой равнины. По общему своему покрою, она очень напоминаетъ кіптарь безъ таліи, но съ рукавами, довольно широкій и болѣе или менѣе удлиненный. Для того, чтобы его скроить, поступаютъ въ сущности такъ же какъ при кройкѣ верхней части кожуха: берутъ кусокъ сукна, но не короткій, а въ два раза длиннѣе будущаго сердака, складываютъ его вдвое, на сгибѣ дѣлаютъ вырѣзку для ворота, задняя половина, идущая на спину, остается цѣльной, а переднюю разрѣзываютъ отъ шейной вы-

рѣзки до конца на двѣ полы; по бокамъ внизу вшиваютъ большіе клинья, доходящіе до мѣстъ, куда сверху вставляются прямые рукава. У гуцуловъ сердакъ немного длиннѣе кіптаря, съ небольшимъ стоячимъ, рѣдко отложнымъ воротникомъ (Табл. XIX, в); онъ шьется обыкновенно или изъ краснаго или изъ чернаго, или рѣже изъ бѣлаго сукна и украшается большимъ количествомъ яркоцвѣтныхъ шнурковъ и петель по переднимъ краямъ полъ, иногда по всѣмъ швамъ и по воротнику, къ которому пришиваются кромѣ того еще и *дармовізи*, т. е. завязки съ гарусными кистями или шариками на концахъ. Иногда же, по словамъ Головацкаго, это названіе носятъ два шнурка, соединенные кистями и перебрасываемые обыкновенно на спину, которые чаще называются *бовтицями* и служатъ для удерживанія сердака, когда онъ не надѣвается въ рукава или не набрасывается на плечи, а закидывается назадъ. Очень часто, впрочемъ, для этого служатъ не бовтиці, а довольно солидныя цѣпочки—*рѣтязі* изъ желтой мѣди. У бойковъ (Табл. XVIII, d, фигура слѣва) сердакъ длиннѣе и переходитъ въ свиту, но сходство его съ киптаровидным лейбикомъ еще очевиднѣе (такъ какъ у гуцуловъ собственно лейбика т. е. кіптаря, сдѣланнаго изъ сукна—нѣтъ). Переходную ступень составляетъ женскій сердакъ, длинный, какъ у мужчинъ, но еще безъ рукавовъ (Табл. XVIII, а) тогда какъ у мужчинъ всегда съ рукавами. Будучи совершенно одинаковымъ и у женщинъ и у мужчинъ, этотъ сердакъ носится почти всегда въ рукава, а на груди имѣетъ бѣлыя или двуцвѣтныя (бѣлыя съ краснымъ или желтыя съ краснымъ) петлицы изъ тесемокъ или шнурковъ, напоминающія древнія одежды на миніатюрахъ Кенигсбергской лѣтописи и пр. Сердаки у бойковъ дѣлаются черные или сѣрые, у лемковъ—тоже, а вокругъ Станиславова и въ Угорской Руси—бѣлые, съ черной или зеленой и т. п. обшивкой по переднимъ краямъ полъ и воротнику.

Світа (свитка, сірàк, сермяга, юпка, гуня, гунька, капота) должна разсматриваться, какъ одна изъ очень древнихъ украинскихъ одеждъ, такъ какъ упоминанія о ней встрѣчаются уже въ житіи св. Ѳеодосія, въ Патерикѣ печерскомъ («одежда бѣ свита власяна... извнутрь же на ней ина свита»), въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи и пр. Какой имѣла она тогда покрой, этого, разумѣется, сказать мы не можемъ, не имѣя ни одного сколько-нибудь достовѣрнаго ея изображенія. Есть однако обстоятельство, допускающее возможность предположенія, что и въ тѣ времена свита могла имѣть покрой, близкій къ нынѣшнему или, по крайней мѣрѣ, очень еще недавнему покрою украинской одежды того же имени. Обстоятельство это заключается въ томъ, что и въ настоящее время верхнія одежды нашего духовенства—подрясникъ и ряса, какъ это было замѣчено глубокими знатоками украинской одежды Б. С. Познанскимъ и А. Г. Сластіономъ, имѣютъ совершенно тотъ же покрой что и украинская свита: «та же неразрѣзная спинка, тѣ же фалды и такая же вставка рукава» съ той только разницей что у рясы рукава широкіе и вообще одежда духовенства гораздо длиннѣе. «Въ виду извѣстной стойкости традицій во всемъ касающемся церкви, не невозможно, что и свита, которая во вре-

мена св. Ѳеодосія Печерскаго, вѣроятно, была еще одеждой общей какъ для духовныхъ такъ и для мірянъ, могла удержать свой старинный покрой. Въ XVIII в. свита несомнѣнно имѣла уже въ общемъ тотъ же покрой, что и теперь, что можно видѣть на упомянутыхъ уже выше рисункахъ у Ригельмана.

Украинская женская свита настоящаго времени, въ своей наиболѣе старинной и простѣйшей формѣ, имѣетъ очень много общаго съ сердакомъ у бойковъ, особенно съ рукавами. Она кроится точно такъ же (хотя нѣсколько шире, такъ чтобы одна пола могла значительно заходить за другую), и точно такъ же расширяется книзу отъ таліи при помощи вставныхъ клиньевъ, болѣе широкихъ, чѣмъ у бойковъ и доходящихъ до самой таліи образуя такъ наз. *вуси*. Въ наиболѣе давнемъ и простѣйшемъ видѣ, какъ видно напр. на рисункахъ Ригельмана и на нѣсколькихъ экземплярахъ старинныхъ женскихъ свитъ, сохранившихся, въ коллекціяхъ, эта одежда шилась «до двох вусів». Потомъ, по свѣдѣніямъ любезно сообщеннымъ мнѣ А. Г. Сластіономъ, начались измѣненія, состоявшія въ томъ, что прежде всего къ прежнимъ двумъ «вусамъ» прибавился третій по срединѣ, вслѣдствіе чего исчезла узкая неразрѣзная на таліи спинка (*прохідка* или *задній бок*), затѣмъ начали прибавляться еще «вуси», доходя въ общемъ до 5-ти, 7-ми, 9-ти и даже до 11-ти (на свитахъ впрочемъ очень рѣдко, такъ какъ дальнѣйшему увеличенію числа «вусів» препятствуетъ болѣе или менѣе значительная толщина сукна, хотя бы и самаго тонкаго — *ягнячого*). Въ мѣстахъ пришивки острыхъ угловъ клиньевъ образующихъ «вуси», для болѣе прочнаго укрѣпленія швовъ, дѣлались сначала небольшіе, выдававшіяся наружу, полукруглыя лопасти, вмѣсто которыхъ потомъ начали вставляться треугольные или сердцевидные кусочки кожи, сафьяна или сукна краснаго или чернаго; въ старинныхъ же свитахъ, кромѣ того, на швы въ этомъ мѣстѣ накладывались цвѣтные шнурки, составлявшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и украшеніе свиты. Эти «вуси», съ упомянутыми нами вставочками, представляя собой архаическую черту свиты, сначала общую какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ, теперь составляютъ наиболѣе существенное отличіе первой отъ второй, въ которой, какъ увидимъ далѣе, «вуси» давно уже замѣнились складками или «рясами». Воротникъ женской свиты отличается прежде всего тѣмъ, что *вийот*, т. е. вырѣзъ для него, дѣлается гораздо большимъ и округленнымъ, чѣмъ въ мужской свитѣ, для того чтобы были видны шейныя украшенія, самый же воротникъ, довольно низкій (2—2,5 стм.), къ концамъ сводится на нѣтъ, при чемъ «клипні», т. е. лацканы, вырѣзываются тоже дугой по вырѣзу шеи. Иногда, впрочемъ, воротникъ дѣлается и откладнымъ, какъ напр. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кіевской г. Интересно замѣтить, что на упоминавшихся уже нами рисункахъ де-ла-Флиза, относящихся ко 2-ой четверти прошлаго стол., встрѣчаются на женскихъ свиткахъ воротники и стоячіе и откладные. Рукава женской свиты дѣлались прежде съ такъ называем. «заковрашами», т. е. съ заворотами или обшлагами, болѣе или

менѣе искусно вырѣзанными, которые теперь или вовсе отсутствуютъ или же замѣняются небольшой обшивкой изъ тесемочки. Полы женской свиты дѣлаются по возможности широкими и скашиваются такъ, чтобы внизу правая пола далеко заходила за лѣвую, покрывая ее. Вообще какъ въ женской свитѣ, такъ и во всѣхъ украинскихъ одеждахъ, какъ женскихъ такъ и мужескихъ, правая пола всегда покрываетъ лѣвую и застегивается съ лѣвой стороны на пуговицу, сплетенную изъ ремешка въ видѣ шарика, и на петельку или, въ послѣднее время, на *гаплйк*, т. е. крючекъ. Длина женской свиты въ различныхъ мѣстностяхъ не одинакова—на лѣвомъ берегу Днѣпра свиты вообще короче, на правомъ, особенно въ Галицкой равнинѣ—длиннѣе. Различаются свиты различныхъ мѣстностей и по цвѣту: наиболѣе любимый и болѣе всего распространенный цвѣтъ—бѣлый, сѣрыя же и темныя свиты встрѣчаются только на сѣверѣ и западѣ Украины. На югѣ Волынской губ. и въ Подоліи, женскія свиты часто обшиваются цвѣтными шнурками, образующими различные узоры и пр. Въ Галиціи и Буковинѣ на женскихъ свитахъ вышиваются цвѣтными шерстями небольшіе узоры на воротникѣ и на «вусахъ» сзади.

Юпка. Названіе это, близкое къ слову «жупанъ» и относящееся на Украинѣ только къ одеждѣ верхней части тѣла, не будучи никогда употребляемо въ томъ смыслѣ, къ какомъ оно сдѣлалось обычнымъ въ литературномъ великорусскомъ и новѣйшихъ европейскихъ языкахъ, — обозначаетъ прежде всего укороченную и болѣе легкую женскую свитку, а затѣмъ и совершенно почти сходное съ нею видоизмѣненіе ея, такъ наз. «крамну» юпку, т. е. сшитую изъ покупнаго мануфактурнаго матеріала (черкасина, китайки, или чаще всего ситца). Первая ни покроемъ, ни матеріаломъ нисколько не отличается отъ свиты, особенно если не сдѣлана изъ болѣе легкаго сукна или *рядовини*, т. е. того же бѣлаго сукна, но на нитяной основѣ. Вторая (Табл. XIV a, d, f) отличается отъ свиты иногда увеличеннымъ количествомъ *вусиків*, а иногда и отложнымъ воротникомъ съ нашивными украшеніями. Кромѣ того, въ «крамныхъ» юпкахъ мы встрѣчаемся еще съ замѣной «вусів» или складками или особеннымъ видомъ ихъ—*клепками*, которыя представляютъ собою или постепенно расходящіяся внизъ «вуси» или же плоскія складки, довольно широкія сверху въ таліи и расширяющіяся еще болѣе по нижнему краю одежды. У мѣщанокъ воротникъ юпки по большей части собирается въ многочисленныя складочки и обшивается такъ же какъ карманы и грудь узенькими полосками бархата. Въ такомъ видѣ въ мѣстностяхъ близкихъ къ Великороссіи, какъ напр., въ Воронежской и Харьковской губ. (особенно въ Старобѣльскомъ у.) юпка часто принимаетъ названіе «шушпана».

Совершенно особое и теперь уже почти совершенно исчезнувшее видоизмѣненіе «крамной» юпки составляетъ «баева юпка», которая дѣлалась изъ зеленой или красной фланели или байки и вся была усажена мушками изъ небольшихъ клочковъ красной въ первомъ случаѣ или зеленой во второмъ — шерсти. Еще лѣтъ около 30-ти тому назадъ, эта одежда встрѣчалась нерѣдко въ центрѣ Украины—въ Полтавской

и Кіевской губ. (Табл. XV, f), теперь же она сдѣлалась совершенной рѣдкостью и исчезнетъ окончательно, если только не будетъ возстановлена какимъ-нибудь капризомъ сельской моды, какіе иногда случаются.

Жупáн — старинная одежда козацкаго періода, теперь совершенно вышедшая изъ употребленія и сдѣлавшаяся рѣдкостью даже въ старинныхъ козацкихъ семьяхъ, до такой степени, что въ настоящее время намъ извѣстны только 2—3 экземпляра въ коллекціяхъ украинскихъ музеевъ. Хотя она была заимствована изъ Польши, гдѣ въ свое время составляла очень обычную часть шляхетскаго костюма, покрой ея въ Украинѣ не много отличался отъ обыкновенной женской свиты. Дѣлались жупаны изъ тонкаго голубаго, гранатоваго или другого болѣе или менѣе яркаго цвѣта сукна «до двох вусів», при чемъ «вуси» эти въ мѣстахъ вшивки ихъ на таліи отдѣлывались золотымъ шнуркомъ или позументами, которыми украшались часто и всѣ швы. Воротникъ бывалъ всегда откладной и закругленный, изъ цвѣтнаго бархата или узорчатаго штофа, если не изъ собольяго или другого дорогого мѣха, а отвороты на груди—изъ парчи или такого же матеріала, какимъ отдѣлывались также и «закавраши», т. е. отвороты рукавовъ. Иногда рукава разрѣзывались и оставались висячими, а въ нихъ вставлялись фальшивые рукава, уже узкіе, изъ другой, обыкновенно тоже штофной матеріи. Въ такомъ случаѣ жупанъ получалъ уже названіе кунтуша, вслѣдствіе сходства съ мужскимъ костюмомъ того же имени съ висячими рукавами, которые у мужчинъ закидывались назадъ.

Почти совершенно сходный съ жупаномъ костюмъ, но получившій мѣстное названіе «капоты» и пр., удержался еще кое-гдѣ у мѣщанокъ въ Галиціи, а лѣтъ около 50—60 назадъ встрѣчался еще и въ русской Украинѣ. Это тотъ же жупанъ, съ такими же позументами «до двох» по бокамъ спины «вусів», но съ очень широкимъ висящимъ на спинѣ полукруглымъ воротникомъ по большой части изъ «сивих» барашковъ, которыми были опушены и края переднихъ полъ. Онъ также дѣлался изъ сукна, но болѣе темныхъ цвѣтовъ и съ большимъ «вйкотом» у шеи, для того чтобы были видны «дукачі» и «намисто». Въ такомъ родѣ костюмъ есть въ Этн. Отд. Музея Импер. Александра III, намъ случилось видѣть его также въ этнографическомъ музеѣ Харьковскаго Университета и у г-жи Нестеровичъ, жительницы г. Львова.

Совсѣмъ какъ будто бы въ сторонѣ отъ описанныхъ до сихъ поръ частей женской верхней одежды стоятъ *халат*, *гугля*, и *чугá*. Названіе «халат» встрѣчается только въ Восточной Украинѣ и главнымъ образомъ въ Харьковской и Воронежской г.г. и обозначаетъ длинную женскую одежду въ родѣ юпки, но иногда безъ таліи и съ широкимъ круглымъ отложнымъ воротникомъ со складочками и зубчиками и очень часто со сборками на подолѣ. Шьются халаты по большей части изъ ситца, китайки и изъ тонкаго фабричнаго сукна—на подкладкѣ. *Гугля* или *манта* гуцуловъ имѣетъ форму большого мѣшка, распоротаго или лучше сказать не сшитаго съ одной стороны. Будучи надѣта нераспоротымъ угломъ мѣшка на голову, она представляетъ собою нѣчто въ родѣ плаща, обворачивающаго все тѣло, съ капю-

шономъ, который можетъ закрывать голову, но можетъ быть откинутъ назадъ, какъ всякій другой капюшонъ. Гугля шьется обыкновенно изъ бѣлаго сукна и обшивается по швамъ толстымъ шерстянымъ, чаще всего ярко-желтымъ шнуркомъ, концы котораго пришитые спереди и называемые «бо̀втицями», служатъ для удерживанія ее на плечахъ, когда капюшонъ откинутъ назадъ. Бѣдные люди дѣлаютъ впрочемъ гуглю и изъ сѣраго сукна.

Очень древнее происхожденіе этой одежды доказывается, кромѣ крайней простоты ея покроя, еще и тѣмъ, что въ настоящее время она представляетъ собою одежду почти исключительно ритуальную, будучи употребляема только во время свадьбы, когда невѣста обязательно должна быть въ гуглѣ иногда впрочемъ ее надѣваетъ и женихъ. Ее даже рѣдко потомъ донашиваютъ, а прячутъ въ видѣ воспоминанія о свадьбѣ, или перешиваютъ на что-нибудь другое. *Чуга́*, *чуга́ня* или *гуня* угорскихъ украинцевъ имѣетъ тоже примитивный характеръ и представляетъ собою одежду общую какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ. Она состоитъ изъ короткаго (по большей части выше колѣнъ), и очень рѣдко болѣе длиннаго плаща, почти полукруглой формы, съ вырѣзомъ только для шеи, окаймленнымъ полоской кожи или краснаго сукна, и съ рукавами сотканнаго изъ овечьей шерсти такимъ образомъ, что съ наружной стороны онъ кажется большой овечьей шкурой съ длинной шерстью, а съ внутренней—довольно густою тканью (Табл. XIX, с.). Чаще всего она дѣлается изъ сѣрой или бѣлой шерсти, гораздо рѣже изъ совершенно черной. Очень возможно, что эта чуга, очень напоминающая какъ по свойству ткани, такъ и по наружному виду — кавказскую бурку, позаимствована угорскими украинцами отъ венгровъ, такъ какъ у этихъ послѣднихъ (особенно у чабановъ) она сохранилась въ видѣ очень длинной одежды.

О д е ж д а, н о с и м а я н е п о с р е д с т в е н н о н а т ѣ л ѣ (бѣлье). *Сорочка* или *кошуля*. Вопросъ о томъ, до какой степени можно считать древней у насъ эту часть одежды (названіе которой производятъ отъ латинскихъ терминовъ sarca и casula) оказывается довольно труднымъ. У римлянъ льняная *tunica interior s. interula* вошла въ употребленіе только въ эпоху императоровъ и подъ названіями, производными отъ *casula*, была довольно рѣдка въ Западной Европѣ, даже въ средніе вѣка. Въ Украинѣ же, какъ мы уже упоминали, рубахи (отъ древнеслав. *рубъ* въ украинскомъ языкѣ сохранилось только *рубья*-рубище [1]) несомнѣнно употреблялись уже въ княжескую эпоху, а кромѣ того находки очень многочисленныхъ пряслицъ и остатки, правда не особенно точно опредѣленныхъ льняныхъ и пеньковыхъ волоконъ въ позднѣйшихъ курганахъ, даютъ поводъ думать, что онѣ были въ употребленіи и раньше. Какъ бы то ни было существованіе рубахи, какъ части украинской одежды съ самаго начала историческихъ временъ, можно считать доказаннымъ. Въ козацкую эпоху, судя по нѣсколькимъ сохранившимся образцамъ и ри-

[1]) Названія рубахи, происходящія отъ древнеславян. рубъ, сохранились у сербовъ (rubach), чеховъ (rubas) и у великоруссовъ. У сербовъ, чеховъ и поляковъ употребляется кромѣ того названіе кошуля (kosulja, kosila, koszula).

сункамъ у Ригельмана, по крайней мѣрѣ по лѣвой сторонѣ Днѣпра, женскія рубахи имѣли тотъ же покрой, какъ и нынѣшнія тѣхъ же мѣстностей, т. е. безъ воротника, съ одной узкой обшивкой по краю собраннаго на нитку полотна и довольно большимъ «викотом», съ вышитыми рукавами и подоломъ.

Нынѣшнія украинскія женскія рубахи можно раздѣлить на два главныхъ типа: лѣвобережныя и правобережныя, при чемъ, какъ и во многомъ другомъ, большую часть Кіевской губ. надо отнести къ типу лѣвобережному. Женскія сорочки лѣвой стороны Днѣпра отличаются тѣмъ, что не имѣютъ воротника, а вырѣзъ для шеи просто собирается на нитку и потомъ обшивается тесемкой или полоской полотна, на концѣ которой дѣлаются петли для продѣванія шнурочка или ленточки для завязки. Правобережная женская рубаха, напротивъ, дѣлается всегда съ воротникомъ, иногда стоячимъ, чаще всего откладнымъ. И та и другая шьются обыкновенно съ разрѣзомъ посреди груди, съ довольно широкими рукавами и значительной длины (чаще всего) «до косточок») чтобы подолъ былъ хоть немного виденъ изъ-подъ прочаго платья. При этомъ онѣ дѣлаются или *додільні*, т. е. цѣликомъ изъ одного и того же полотна сверху до низу, или же *до підточки*, если верхняя половина рубахи шьется изъ болѣе тонкаго полотна, а нижняя изъ болѣе грубаго. Эта послѣдняя форма разумѣется легче всего объясняется чисто экономическими соображеніями, но есть факты, заставляющіе предполагать нѣчто иное: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галичины, особенно у лемковъ и бойковъ, часто встрѣчаются еще рубахи, въ которыхъ верхняя часть (собственно сорочка) совершенно отдѣлена отъ нижней (*подолка* или *спідниця*) и каждая изъ нихъ надѣвается отдѣльно, при чемъ «*поддолок*» образуетъ нѣчто въ родѣ маленькой юбочки. Такая короткая рубаха имѣетъ свою параллель и въ мужскомъ костюмѣ въ видѣ старинной недоходившей до пояса рубахи бойковъ, (откуда и названіе бойковъ — («жовточеревыми») теперь ущѣлѣвшей и очень распространенной еще у угорскихъ украинцевъ (Табл. XVIII с.). Эти факты разумѣется не могутъ не наводить на нѣкоторыя соображенія, которыя мы разсмотримъ позже, говоря о мужской рубахѣ, теперь же упомянемъ еще объ одномъ видѣ женской рубахи, довольно исключительномъ: это рубахи лемковъ и нѣкоторыхъ бойковъ. Онѣ также дѣлаются со складками вокругъ шеи, но складки эти чрезвычайно многочисленны, особенно спереди, гдѣ онѣ образуютъ нѣчто въ родѣ складчатой манишки (Табл. XIII, f), иногда простроченной въ узоръ бѣлыми или цвѣтными нитками. Разрѣзъ въ этой рубахѣ дѣлается сбоку, при чемъ онъ захватываетъ часть рукава и груди, такъ что рубаха надѣвается бокомъ. Такія рубахи встрѣчаются кое-гдѣ въ долинѣ р. Опора, главнымъ образомъ въ с. Лавочній, а кромѣ того и «на лемках», гдѣ онѣ начали уже замѣняться обыкновенными европейскими рубахами, при чемъ однако въ глухихъ мѣстностяхъ встрѣчается еще много рубахъ съ «подолками».

Очень характерною особенностью украинскихъ женскихъ рубахъ являются *вышивки*. Ими украшаются, главнымъ образомъ, верхнія части рукавовъ,

ихъ оторочка у кисти, воротникъ, если онъ есть, и нижній край рубахи—подолъ, вышитая часть котораго называется «лиштвой». Прочія части украинской рубахи никогда не вышиваются, за очень рѣдкими исключеніями въ родѣ видѣннаго нами въ Волынской губ. звѣздчатаго узора на грудяхъ. Наиболѣе труда и искусства прилагается къ вышивкѣ верхней части рукава, такъ называемаго *полика*, т. е. болѣе или менѣе широкой (отъ 10 до 15, а иногда и болѣе стм.) полосы поперекъ рукава немного ниже плеча и *підполіччя* —болѣе узкой (отъ 2 до 5 стм.) полоски внизу полика. Оторочки рукавовъ у кисти руки дѣлаются всегда очень узкими, такъ же какъ и узоръ на воротѣ, если онъ есть, за то «лиштва» представляетъ собою иногда довольно значительную полосу вышивки, доходящую иногда до 10 стм. Вышивки эти очень различны какъ по способу шитья, такъ по матеріалу, по рисунку и по цвѣту, а кромѣ того и по своему географическому распространенію. Способы вышиванія сводятся главнымъ образомъ къ тремъ: 1) *вирізуванне* или *мережка*, 2) *настилуванне* или вышиваніе гладью и 3) *хрещиками*. Первый изъ этихъ способовъ отличается особой художественностью и наиболѣе труденъ, такъ какъ при немъ выдергиваются нитки, дѣлаются прорѣзки и узоръ выходитъ сквознымъ въ родѣ кружева. По второму способу вышиваютъ или бѣлыми нитками по суровому полотну, или наоборотъ, или же цвѣтными бумажными нитками *(заполочью)*, шерстями, шелкомъ и металлическими нитями Въ настоящее время вышивки бѣлыми нитками существуютъ еще кое-гдѣ въ Черниговской губ. и мѣстами въ Полтавской, Кіевской и Подольской; шерстями—въ Галиціи, въ особенности у гуцуловъ; шелками— больше всего на Буковинѣ и въ тѣхъ, рѣдкихъ случаяхъ, когда является желаніе возстановлять старинные узоры козацкой эпохи, въ теченіе которой этотъ способъ шитья былъ распространенъ очень широко и примѣнялся не только къ вышиванію женскихъ и мужскихъ рубахъ, но простынь, скатертей и пр., церковныхъ предметовъ (поручей, воздуховъ, подризниковъ и т. п.); наконецъ третій способъ, — наиболѣе распространенный теперь, заключается въ вышиваніи крестиками по канвѣ, образуемой нитями болѣе или менѣе грубаго полотна при чемъ употребляется исключительно *заполочь*, т. е. окрашенныя въ красный или синій цвѣтъ бумажныя нити. Что касается рисунка, то въ орнаментѣ украинскихъ вышивокъ въ общемъ преобладаютъ, какъ и у всѣхъ южныхъ и западныхъ славянъ,—растительные мотивы, начиная съ нехитрой сѣверно-украинской «сосонки», «хміля» и т. п., до прекрасно вышитыхъ шелками гвоздикъ, болѣе или менѣе стилизованныхъ цвѣтовъ хмеля, дубовыхъ листьевъ, розъ и даже лотоса на старинныхъ узорахъ подризниковъ. Чисто геометрическія формы, занесенныя преимущественно съ сѣвера, попадаются очень рѣдко и то по большей части въ вышивкахъ крестиками, при чемъ значительную роль играютъ варіаціи греческаго креста и т. п.; но есть очень большое количество узоровъ въ сущности вовсе не геометрическихъ, а чисто растительныхъ, которые приняли геометрическій характеръ вслѣдствіе сильной стилизаціи, такъ напримѣръ: волнистыя линіи «хмѣликовъ», превратились въ ломанныя линіи, *рожи*

(роза) превратилась въ геометрическую звѣздочку и т. п. Наконецъ изображенія животныхъ и архитектурные мотивы почти вовсе не встрѣчаются, а если и попадаются, то главнымъ образомъ въ видѣ названій: «метéлики, рачкú, павучки, собаки, півники и т. п., очень мало напоминающихъ дѣйствительно животныя формы. Географически, простѣйшія геометрическія формы преобладаютъ въ сѣверной полосѣ Украины, въ средней же мы находимъ почти исключительно мотивы растительные; на югѣ—въ Подоліи, на Підгірьѣ въ Галичинѣ и особенно въ Гуцульщинѣ мы встрѣчаемся опять съ геометрическими, но очень сложными и пестрыми во всѣхъ отношеніяхъ, напоминающими иногда орнаментацію черемисъ и т. п. Этому распространенію орнаментальныхъ мотивовъ почти вполнѣ соотвѣтствуетъ и расположеніе цвѣтности вышивокъ. На сѣверѣ безраздѣльно господствуетъ красный цвѣтъ въ видѣ вытканныхъ красными нитками полосокъ, квадратиковъ и т. п. или вышитыхъ очень несложныхъ узоровъ; въ средней полосѣ къ красному цвѣту вышивокъ прибавляютъ синій, который въ послѣднее время вслѣдствіе линючести синей заполочи [1]), замѣняется чернымъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Подоліи господствуетъ исключительно черный цвѣтъ, въ другихъ же, а затѣмъ на Буковинѣ, въ южной Галичинѣ и особенно у гуцуловъ появляется кромѣ чернаго, желтый, зеленый, красный и пр. и узоръ, кромѣ геометрической сложности, дѣлается чрезвычайно полихромнымъ. Въ виду того, что разсмотрѣніе орнаментаціи украинскихъ вышивокъ должно войти еще въ программу статьи о народномъ искусствѣ, мы ограничиваемся здѣсь только сдѣланными нами общими указаніями, не входя въ детали и въ болѣе подробный анализъ орнамента.

Если бы мы, на основаніи вышеприведенныхъ наблюденій, захотѣли коснуться вопроса о происхожденіи орнаментаціи украинскихъ вышивокъ, то это разумѣется поставило бы насъ въ немалое затрудненіе. При полномъ почти отсутствіи археологическихъ и историческихъ данныхъ, по крайней мѣрѣ до козацкаго періода, намъ для соображеній по этому поводу оставался бы одинъ матеріалъ—сравнительный, но и этотъ матеріалъ при данныхъ условіяхъ оказывается далеко не надежнымъ. Несомнѣнно, что монохромная и бѣдно-геометрическая орнаментація вышивокъ сѣверной полосы Украины, очень близко соотвѣтствуетъ тому, что мы находимъ у бѣлоруссовъ, и поэтому, безъ особенной опасности ошибиться, можетъ быть признана сравнительно наиболѣе древнею. Для орнаментаціи средней полосы, мы не находимъ аналогій у ближайшихъ сосѣдей украинцевъ—великоруссовъ и пр. и должны обратиться за ними на западъ къ болгарамъ, румынамъ, сербамъ и чехамъ, гдѣ, какъ было сказано уже, господствуютъ тоже растительные мотивы; но если мы повернемся на востокъ, то тамъ, напримѣръ, въ персидскомъ искусствѣ, намъ открываются цѣлые клады растительныхъ и главнымъ образомъ цвѣточныхъ орнаментальныхъ формъ, очевидно, имѣвшихъ вліяніе, въ смѣшеніи съ прочими восточными мотивами, сначала черезъ

[1]) Въ первой половинѣ XVIII в. заполочь еще выписывалась съ Востока черезъ Крымъ. Вѣроятно она была лучшаго качества чѣмъ позднѣйшая.

Византію, а потомъ непосредственно не только на славянство, но и на все населеніе западной Европы. Въ сношеніяхъ съ Востокомъ у Украины никогда не было недостатка: не говоря о передвиженіяхъ доисторическихъ народовъ, въ нашей древней литературѣ мы встрѣчаемъ упоминанія и о половецкихъ узорочьяхъ и о византійскихъ паволокахъ и т. п.; въ козацкія времена запорожцы «шарпали» берега Анатоліи и привозили богатую добычу трапезундскихъ и прочихъ малоазіатскихъ тканей, на которыхъ мы сразу узнаемъ оригиналы нашихъ гвоздикъ и т. п. и которыя, въ гораздо еще большемъ количествѣ должны были проникать въ Украину путемъ торговыхъ сношеній. Геометрически-полихромная орнаментація подольскихъ, буковинскихъ и гуцульскихъ вышивокъ представляютъ для своего объясненія еще больше трудностей: ихъ пестрота и иногда поразительное сходство съ финскими узорами заставляетъ искать источникъ ихъ въ венгерскихъ, а можетъ быть и древнеболгарскихъ вліяніяхъ, въ смѣшеніи, конечно, съ византійскими, а потомъ и турецкими. Въ общемъ мы должны ограничиться наличностью несомнѣнно восточныхъ вліяній и остановиться на этомъ, не идя далѣе въ область рискованныхъ предположеній.

В. Одежда нижней половины тѣла.

1) *Верхняя поясная одежда.*

Украина—одна изъ немногихъ европейскихъ странъ, сохранившихъ еще до сихъ поръ наиболѣе примитивную одежду, состоящую изъ куска ткани просто обертываемаго вокругъ нижней половины тѣла и придерживаемую на таліи при помощи завязокъ или *пояса*. Такими одеждами на Украинѣ являются *запáска*, *дéрга* и *плáхта* съ *попереднúцею*, замѣняемыя мало-помалу *спiдницею*, *лiтникoм* и прочими видоизмѣненіями общеевропейской юбки.

Пояс. Прежде всего изъ этого ряда одеждъ слѣдуетъ разсмотрѣть разумѣется *поясъ*, какъ наиболѣе примитивный типъ одѣянія, несомнѣнно давшій начало всѣмъ прочимъ, представляющимъ или дальнѣйшее развитіе или дополненіе его. Древніе пояса намъ, къ сожалѣнію, совершенно неизвѣстны, кромѣ нѣсколькихъ находокъ остатковъ кожаныхъ поясовъ въ позднѣйшихъ курганахъ. Полное почти отсутствіе указаній на женскіе пояса въ нашей древней литературѣ дало поводъ проф. Аристову утверждать что пояса, по крайней мѣрѣ, золотые и серебряные носились исключительно мужчинами, не смотря на то, что самъ же онъ упоминаетъ о золотомъ поясѣ княгини на извѣстномъ рисункѣ въ Изборникѣ Святослава. Въ козацкую эпоху женскіе пояса, разумѣется, носились такъ же, какъ и раньше, или въ видѣ отдѣльнаго предмета одежды или же въ видѣ узкой шерстяной полоски «крáйки», къ которой пришивался край запаски и т. п. Но очень возможно, что и въ это время поясъ, игравшій также и роль украшенія, былъ въ преимущественномъ употребленіи у мужчинъ, особенно у воиновъ. Въ настоящее время на Украинѣ пояса носятъ и женщины и мужчины одинаковые. Еще лѣтъ 20—30 назадъ наиболѣе распространенными поясами были шерстяные, собственной выдѣлки и окраски, чаще всего въ красный, зеленый и др. цвѣта. Теперь они часто замѣняются уже покупными, при

чемъ очень интересно замѣтить, что эти фабричные пояса носятъ къ себѣ явные слѣды старинныхъ формъ. Такъ, напр., въ Кролевцѣ и теперь выдѣлываются бумажные пояса съ поперечными полосками различныхъ очень яркихъ цвѣтовъ, очевидно подражающіе прежнимъ такъ наз. «каламайковымъ» поясамъ восточнаго происхожденія, причемъ бахрома ихъ представлена на концахъ рядами вытканныхъ изображеній кисточекъ. Эти кисточки появились также на обыкновенныхъ кролевецкихъ рушникахъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ начали употреблять и вмѣсто поясовъ, главнымъ образомъ, въ Черниговской губ. На сѣверѣ Украины пояса вообще скромнѣе, и на Волыни, напр., ихъ часто дѣлаютъ изъ обыкновеннаго полотна. Поясъ надѣваютъ или сверхъ пояска запаски, плахты или спідниці, или же подпоясываются ими сверхъ свиты, въ особенности зимою.

Запаска состоитъ изъ четырехугольнаго куска грубой (неваляной) шерстяной ткани съ завязками на верхнихъ углахъ. Съ помощью этихъ завязокъ укрѣпляется вокругъ поясницы одна запаска сзади, а другая спереди, такъ что съ обоихъ боковъ, особенно внизу остается видной рубаха. Запаски обыкновенно бываютъ чернаго, изрѣдка темносиняго цвѣта, иногда бываютъ и красныя, но онѣ, по большей части, замѣняютъ фартухъ. Запаски носятъ, главнымъ образомъ, при работѣ, напр. въ «жнивà», въ праздники же вмѣсто запаски надѣваютъ плахту.

Дерга—это толстое жесткое сукно, вытканное изъ овечьей шерсти, шириной около 60—70 стм. и окрашенное въ черный или красный цвѣтъ. Около 3-хъ метровъ такого сукна разрѣзываютъ куска на 3, сшиваютъ по длинѣ и получившееся такимъ образомъ полотнище, обертываютъ вокругъ таліи и подвязываютъ поясомъ. Дерга встрѣчается главнымъ образомъ въ Харьковской и Полтавской губ.

Плáхта представляетъ собой полотнище около 4-хъ метровъ, сотканное изъ цвѣтной шерсти всегда въ клѣтку, съ болѣе или менѣе замысловатымъ узоромъ, а часто и съ вышитымъ потомъ отъ руки шерстью или глазками въ каждой изъ клѣтокъ. Полотнище это разрѣзывается на три равныя части, двѣ изъ которыхъ не сшиваютъ, а пришиваютъ къ третьей, такъ чтобы средина ея приходилась противъ разрѣза раздѣляющаго двѣ первыя, но лицевой стороной внизъ. Сшитую такимъ образомъ на подобіе буквы Т плахту перегибаютъ такъ, чтобы боковой кусокъ оказался внизу и обертываютъ вокругъ таліи, закрѣпляя посредствомъ крайки и пояса, при чемъ боковой кусокъ прикрываетъ заднюю сторону тѣла а два прочіе боковыя, оставляя только небольшой разрѣзъ спереди, прикрываемый фартухомъ (*попереднúцею*). Плахта представляетъ собой, какъ и запаска, чрезвычайно древній костюмъ, вѣроятно близко родственный упоминаемой въ древней литературѣ *понявѣ*, названіе которой удержалось еще въ Курской, Орловской и нѣкоторыхъ смежныхъ съ ними губ. у великоруссовъ въ приложеніи къ одеждѣ, напоминающей дергу и только по рисунку нѣсколько сходной съ плахтой. Какъ запаска такъ и плахта были, повидимому, единственной одеждой нижней части тѣла въ теченіе козацкой эпохи, когда платье отличалось особеннымъ богат-

ствомъ и выдѣлывались съ употребленіемъ шелка и серебряныхъ и золотыхъ нитей. Въ настоящее время плахта все болѣе и болѣе выходитъ изъ обычая и сохраняется только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно по лѣвой сторонѣ Днѣпра и немного въ Кіевской губ. Упростились значительно и узоры на плахтахъ, каждый изъ которыхъ имѣетъ свое народное названіе *картата, рогатка, синятка, крижева, закладяна, хрещата* и т. д.). Въ Галичинѣ и въ особенности у гуцуловъ и отчасти у бойковъ вмѣсто плахты мы видимъ еще запаски, иногда очень затѣйливаго тканья, съ шелковыми и металлическими нитями, по большей части краснаго или оранжеваго, рѣже синяго и проч. цвѣтовъ и притомъ тканыя всегда въ горизонтальныя полоски, а не въ клѣтки, какъ плахты въ русской Украинѣ. Въ украинскихъ селахъ Бессарабіи и въ Буковинѣ запаски чаще всего дѣлаются чернаго цвѣта съ болѣе или менѣе пестрой каймой внизу.

Попередниця, передникъ, хвартухъ, носится, какъ было уже сказано, главнымъ образомъ при плахтѣ, но удержался еще и при замѣнѣ ея *спідницею*. Фартух дѣлается обыкновенно изъ болѣе или менѣе яркой матеріи, чаще всего «крамной». Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Волыни ихъ нарочно ткутъ въ селахъ или дѣлаютъ изъ покупного сукна, украшая ихъ вышивками, въ нѣкоторыхъ же, какъ напр. въ с. Бехáхъ, ихъ дѣлаютъ изъ ковровой ткани съ отдѣльнымъ рисункомъ. Въ сѣверной Украинѣ преобладаютъ фартухи бѣлые, съ затканной красной каемочкой. внизу. Довольно богатые и красиво отдѣланные фартухи можно видѣть въ Подоліи, на Підгірьѣ и въ горахъ Галичины гдѣ они часто вышиваются шелковыми шнурками, строчкой и т. п.

Спідниця, дúмка, літникъ, андарак, кàбат, фарбан и пр. Когда именно произошла на Украинѣ замѣна запаски и плахты *спідницею*, т. е. европейской юбкой — это сказать довольно трудно, но можно думать, что замѣна эта началась съ запада и постепенно подвигалась и подвигается на востокъ. Судя по рисункамъ Ригельмана и другимъ источникамъ, юбка появилась въ Восточной Украинѣ уже въ козацкую эпоху и то у начавшаго возникать тогда высшаго сословія, въ Западной же Украинѣ замѣна эта началась вѣроятно гораздо раньше, по крайней мѣрѣ польскіе авторы, описывая костюмъ русинокъ начала XIX в., упоминаютъ уже о «сподницахъ» изъ *дымы*, т. е. изъ набойки — простого полотна покрытаго грубымъ узоромъ, набитымъ масляной краской. Такого рода «спідниці» или «димки» носятъ и теперь всѣ женщины у бойковъ (Табл. XVIII, а). У лемковъ—это такъ назыв. *фàрбан*, т. е. довольно короткая юбка со множествомъ складокъ, которыя очень оберегаются посредствомъ обвязыванія искусно сложеннаго въ складки фарбана бичевкой и храненія его такимъ образомъ въ «скрынѣ», чтобы имѣть его всегда готовымъ. *Літникдм* называютъ на Волыни шерстяную юбку, нарочно вытканную въ рядѣ круговыхъ горизонтальныхъ полосокъ возможно болѣе яркихъ цвѣтовъ. На правомъ берегу Днѣпра, въ Галиціи и въ Венгерской Украинѣ спідниці дѣлаются изъ бумажной матеріи съ продольными яркоцвѣтными полосами, а въ Лѣвобережной Украинѣ чаще всего изъ особаго темнаго

ситца съ мелкими цвѣточками, иногда съ бархатной узкой ленточкой внизу. Въ Воронежской и Харьковской губ. спідниці того же покроя, что и вездѣ, носятъ вѣроятно позаимствованное отъ великоруссовъ названіе *шарахвàна*, которое впрочемъ встрѣчается и въ Галиціи [1]), гдѣ оно прилагается къ «димкѣ», т. е. къ юбкѣ изъ набойки. У мѣщанокъ и вообще у городскихъ сословій давно уже вошла въ моду болѣе или менѣе европейская «сýкня» или «капóта», съ возможно большимъ количествомъ складокъ и часто съ пришитымъ къ юбкѣ корсажемъ.

2) Нижняя поясная одежда (бѣлье). *Штаны.* Женское бѣлье для нижней части тѣла на Украинѣ если и существуетъ, то въ самомъ примитивно-рудиментарномъ видѣ. Кое-гдѣ, какъ напр. въ Ковельскомъ у. Волынской губ. и нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галиціи и пр. употребляются такъ назыв. *завьязки* или *пової і завої*. Это прямоугольный кусокъ полотна, которымъ нога обертывается отъ нижней части бедра (не много выше колѣна) до нижней части голени (щиколотки) и который прикрѣпляется какимъ нибудь шнуркомъ или тесемочкой вверху и внизу. По отзывамъ крестьянокъ, это дѣлается противъ вреднаго вліянія на кожу росы во время утреннихъ холодовъ. Зимою же въ большіе морозы, выходя надолго, украинскія женщины часто надѣваютъ просто мужескіе штаны, особеннихъ же штановъ для себя не дѣлаютъ. Исключеніе составляетъ Галичина и въ особенности ея горныя части—Гуцульщина и отчасти Бойковщина. Тамъ носятъ спеціально женскіе штаны *поколінниці* или *доколінниці* (доколенце у черногорцевъ), тоже самой рудиментарной формы: просто двѣ отдѣльныя штанины, представляющія собой два длинныхъ (около 60—70 стм.), сквозныхъ мѣшка изъ бѣлаго сукна, ничѣмъ между собою не соединенныхъ, а надѣваемыхъ каждая отдѣльно и укрѣпляемыхъ завязками.

3) *Обувь.* Подъѣзжая по желѣзной дорогѣ отъ Вѣны къ Кракову, внимательный путешественникъ замѣчаетъ первые признаки восточнаго славянства въ видѣ появляющихся на станціяхъ босоногихъ субъектовъ, количество которыхъ очень мало уменьшается по мѣрѣ передвиженія дальше на востокъ. Не опасаясь большаго преувеличенія, можно сказать что $^9/_{10}$ украинскаго населенія, особенно женщены, лѣтомъ не носятъ обуви, а въ праздники, особенно въ дождливые дни, можно наблюдать трогательную картину идущихъ въ церковь, шлепая босыми ногами по грязи, крестьянокъ, бережно несущихъ при этомъ свои сапоги, а часто даже и «сапьянці» просто въ рукахъ. Въ прочія же времена года, нынѣшняя обувь украинскихъ женщинъ состоитъ изъ «*личаків*», «*ходаків*» или «*постолів*», *черевиків* и наконецъ «*чобіт*». Если мы припомнимъ, что кожаную обувь находятъ въ курганахъ протоисторической эпохи Украины и что въ литературѣ княжескаго періода упоминаются уже всѣ перечисленные нами роды нынѣшней обуви, почти подъ тѣми же названіями, то прогрессъ, если онъ есть, выражается развѣ въ томъ, что личаки, «лычницы» Даніила

[1]) Слово это персидскаго происхожденія (сарапа—парадная одежда).

Заточника, въ его время носились почти всѣмъ земледѣльческимъ населеніемъ нашей страны, тогда какъ теперь они сдѣлались на Украинѣ почти рѣдкостью и существуютъ только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, при чемъ, впрочемъ, употребленіе «сапьянців» со времени козацкаго періода несомнѣнно очень уменьшилось.

Личакй, т. е. обувь изъ лыкъ, встрѣчаются теперь разумѣется только въ сѣверной полосѣ Украины, да и то не вездѣ, и отличаются отъ бѣло и въ особенности отъ великорусскихъ лаптей крайней простотой своего устройства, (состоя въ сущности только изъ плетеной подошвы, обнимающей одну нижнюю часть ступни), цѣлымъ рядомъ петель и привязывающейся къ ногѣ посредствомъ продѣтой сквозь эти петли веревочкой тоже изъ лыка или изъ пеньки. На приготовленіе ихъ идетъ кора лозы, липы или вяза и такъ какъ лычаки очень недолговѣчны, то во всякой хатѣ у жителей Полѣсья можно найти цѣлые запасы лыкъ свернутыхъ въ большіе клубки.

Постолй, *мо́рщенцї* или *ходакй* приготовляются изъ толстой но по возможности мягкой кожи (лучшіе изъ свиной) чаще изъ сыромятной и представляютъ собой четырехугольный кусокъ кожи съ передними углами округленными или цѣльными. Въ первомъ случаѣ, округленные края этого куска, въ размоченномъ видѣ, загибаются внутрь и сморщиваются т. е. собираются въ складки посредствомъ ремѣшка, продѣтаго въ прорѣзы, сдѣланные по всѣмъ краямъ, въ результатѣ чего получается нѣчто въ родѣ сандаліи, захватывающей только подошву и края ступни. Во второмъ, кусокъ кожи тоже размачивается и передніе углы его загибаются и сшиваются вмѣстѣ, такъ чтобы изъ нихъ образовался острый носокъ, въ который ступня входила бы, по крайней мѣрѣ, на одну треть своей длины; прочіе края тоже морщатся и такимъ образомъ получается родъ башмака. Этими способами ихъ приготовленія объясняется и выраженіе «морщить» постоли а не шить ихъ. Постолы прикрѣпляются къ ногѣ «волóками» или изъ тонкихъ гибкихъ ремней или изъ довольно толстой шерстяной веревки или же наконецъ изъ пеньки. Волоки эти вдѣваются въ петли задней стороны постола (а иногда продѣваются и въ складки вокругъ всей ступни), потомъ обхватываютъ крестообразно подъемъ ноги и наконецъ навиваются на завернутую въ онучу ногу, выше щиколотки, очень густо, а потомъ рѣже, подымаются крестообразно вверхъ и завязываются подъ колѣномъ, при чемъ прихватывается, кромѣ онучи, и нижній край штановъ. Постолы носятъ, особенно лѣтомъ, почти во всей Украинѣ; въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Галиціи, на сѣверѣ Волыни и отчасти Черниговщины, они составляютъ обувь постоянную, употребляемую во всѣ времена года. Въ Великороссіи, сколько намъ извѣстно, они вовсе не встрѣчаются, но за то у южныхъ славянъ—болгаръ, румынъ и сербовъ—они являются обычной обувью подъ названіемъ «обушта», «опанки» и пр. Какъ примитивность постоловъ и ихъ выдѣлки, такъ и ихъ общность у всѣхъ южныхъ славянъ, вызываютъ на предположеніе, что они были очень древней формой обуви славянъ въ томъ числѣ и восточныхъ, отсутствіе же названія ихъ въ древней литературѣ заставляетъ остановиться надъ выраженіемъ «череви», которое

прежде могло обозначать обувь въ родѣ постоловъ, выдѣлывавшуюся изъ мягкой брюшной кожи животныхъ и только впослѣдствіи начало прилагаться къ болѣе поздней обуви—башмакамъ.

Черевйки т. е. башмаки, не смотря на свое древнее названіе, несомнѣнно гораздо болѣе поздняго происхожденія чѣмъ постолы, вовсе не имѣющіе ни пришивной подошвы, ни тѣмъ болѣе каблуковъ, не говоря уже о «черевиках на корках» т. е. на деревянныхъ обтянутыхъ кожей каблукахъ и съ шнуровкой тесемками, что совершенно сближаетъ ихъ съ общеевропейскими башмаками. Чубинскій, впрочемъ, въ покроѣ нынѣшнихъ черевиковъ и именно въ ихъ острыхъ носкахъ нѣсколько приподнятыхъ кверху, усматриваетъ восточный характеръ, что можетъ быть отчасти и справедливо, но несомнѣнно, что эта обувь никогда не выдѣлывается дома, а заказывается или покупается готовою у «шевців» на ярмаркахъ.

Наконецъ *чоботи*, способы шитья которыхъ подробно описаны Б. С. Познанскимъ, не смотря на свое чужеземное названіе, носились на Украйнѣ съ доисторическихъ временъ и если подвергались видоизмѣненіямъ, то подъ вліяніями то восточными то западными. Это въ особенности можно сказать, о женскихъ сапогахъ, сохранившихъ свой старинный характеръ и въ небольшой длинѣ *халяв*, т. е. голенищъ, доходящихъ только до половины голени и въ слегка загнутыхъ кверху, заостренныхъ носкахъ. Женскіе сапоги и до сихъ поръ еще шьются иногда изъ сафьяна краснаго, желтаго рѣже зеленаго; «сапьянці» въ Старобѣльскомъ у. Харьк. губ. и на Галицкомъ *Підгірьи*, напримѣръ въ Кутах и другихъ мѣстностяхъ, дѣлаются изъ желтой кожи, съ головками или задниками изъ черной. Очень трудно сказать, проникъ ли обычай носить цвѣтные сапоги на Украину изъ Византіи или же непосредственно отъ восточныхъ народовъ; очень возможно предположеніе, что было и то и другое. Обыкновенные черные женскіе сапоги отличаются отъ мужскихъ, кромѣ размѣровъ и нѣкотораго изящества въ отдѣлкѣ, еще тѣмъ, что задняя часть ихъ часто бываетъ простроченa нѣсколькими прямыми или кривыми линіями въ видѣ спиральныхъ завитковъ и т. п.

Выше было упомянуто о томъ, что ноги, при ношеніи «личаків» или «постолів», обертываются «онучами» или «обгортками». Онучи носятся также и при сапогахъ, при чемъ зимою внутрь послѣднихъ вкладываются еще соломенныя «устілки», сдѣланныя просто изъ «віхтя» т. е. пучка соломы, которому придается грубая форма подошвы. При черевикахъ женщины носили и до сихъ поръ носятъ, въ особенности зимою—*панчохи*, т. е. чулки. На одномъ изъ прелестныхъ офортовъ «Живописной Украины» Л. Жемчужникова, можно видѣть панчохи, съ вышитыми на нихъ у щиколотки звѣздочками. Это уцѣлѣвшіе до 40-выхъ годовъ XIX столѣтій, остатки козацкой эпохи, времени особеннаго расцвѣта украинскаго женскаго костюма.

Съ тѣхъ поръ въ этомъ костюмѣ произошло и происходитъ немало разныхъ измѣненій и варіацій (конечно въ частностяхъ), изъ которыхъ мы укажемъ одинъ только очень любопытный фактъ. Съ наступившимъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія быстрымъ развитіемъ украинскаго

движенія и между прочимъ украинскаго театра, въ интеллигентныхъ кругахъ общества создался болѣе или менѣе условный типъ «малороссійскаго костюма», въ сущности довольно далеко-таки отстоявшій отъ этнографической дѣйствительности. Прошло около 40 лѣтъ и проѣзжая, нѣсколько времени тому назадъ на пароходѣ по Деснѣ, мы были немало удивлены, видя отъ Кіева до самаго Новгородъ-Сѣверска включительно, всѣхъ мѣстныхъ «дівчат» въ типическихъ «малороссійскихъ костюмахъ», очень живо напомнившихъ намъ хоръ въ «Різдвяній ночі» покойнаго Н. В. Лисенка... (табл. IV, d) Костюмъ этотъ очевидно проникъ въ деревню и акклиматизировался тамъ до такихъ курьезныхъ подробностей, какъ господство на вышитыхъ рукавахъ рубашекъ узоровъ въ родѣ розъ-центифолій и винограда съ листьями во гроздьями, никогда и нигдѣ въ Украинѣ не бывшихъ народными, по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой они (по сценическимъ требованіямъ) вошли въ моду въ Кіевѣ, а теперь распространились въ Черниговщинѣ и и многихъ другихъ мѣстностяхъ. Но вмѣстѣ съ этимъ и въ гораздо большой степени идетъ замѣна украинскаго народного женскаго костюма городскимъ мѣщанскимъ, т. е. дурнымъ варіантомъ общеевропейскаго костюма. Такія и другія наблюдаемыя въ этнографіи измѣненія костюма, конечно, всегда были и будутъ и можетъ быть благодаря фабричной продукціи и приведутъ къ болѣе или менѣе повсемѣстной замѣнѣ національныхъ костюмовъ всемірно-модными, но если это и случится, то во всякомъ случаѣ нельзя поручиться за то, что въ дальнѣйшемъ не произойдетъ новой дифференціации одежды, такъ какъ требованія вкуса, гармоніи красокъ и линій не могутъ быть повсемѣстно униформными. Объ этихъ требованіяхъ, законы которыхъ будутъ когда нибудь установлены теперь еще не существующей психологической этнографіей, мы теперь говорить не можемъ, но не можемъ и отрицать ихъ существованія.

В. Чоловіча одежа (мужеская).

α) одежда верхней половины тѣла.

1) *Украшенія.* Начиная, приблизительно, съ эпохи металловъ, какъ было сказано выше, украшенія на территоріи нынѣшней Украины переходятъ главнымъ образомъ къ женщинамъ, а у мужчинъ начинаютъ сосредоточиваться всего болѣе на оружіи. Тѣмъ не менѣе въ погребеніяхъ, приписываемыхъ сарматамъ и дакамъ, а также въ Босфорскихъ могилахъ при мужескихъ скелетахъ находятъ не только перстни, ожерелья и серьги, но и браслеты. Мужескіе браслеты были также у скиѳовъ, вмѣстѣ съ гривнами и перстнями. Такъ наз. эпоха переселенія народовъ оставила по себѣ тоже много мужескихъ украшеній. Не было недостатка въ нихъ, впрочемъ, и въ погребеніяхъ, приписываемыхъ славянамъ, хотя географическое распредѣленіе украшеній въ будто-бы славянскихъ могилахъ наводитъ на большія сомнѣнія въ этомъ отношеніи. Въ курганныхъ погребеніяхъ древлянъ и радимичей браслетовъ не оказывается вовсе (въ большомъ Житомирскомъ могильникѣ—только одинъ), височныя кольца и кольца въ волосахъ, равно какъ и бусы носили повидимому только женщины, въ мужскихъ же могилахъ

встрѣчались повидимому только бусы, служившія вмѣсто пуговицъ, и металлическія пряжки и кольца, да иногда перстни. Что же касается многочисленныхъ и богатыхъ украшеній, въ томъ числѣ и браслетовъ, въ мужскихъ погребеніяхъ Кіева, Княжей горы и пр. мѣстностей, то здѣсь они навѣрно объясняются несомнѣнными иноземными вліяніями. Въ княжескую эпоху изъ мужскихъ украшеній упоминаются только перстни и гривны, да и тѣ имѣли значеніе почетнаго отличія; украшенія же, употреблявшіяся мужчинами въ массѣ населенія, остаются намъ совершенно неизвѣстными. Въ козацкія времена, кромѣ пуговицъ, перстней, пряжекъ и бляшекъ на ремняхъ и аграфовъ на верхней одеждѣ, мужескимъ украшеніемъ было кажется только оружіе. Въ настоящее время на Украинѣ мужескія украшенія сводятся къ «стрічкѣ», т. е. ленточкѣ въ шейной петлѣ рубашки, или служащей вмѣсто нея «шпонкѣ», т. е. запонкѣ, къ кольцамъ и перстнямъ на пальцахъ и къ металлическимъ украшеніямъ пояснаго ремня, которыя чаще всего состоятъ изъ мѣдныхъ пуговицъ. Но у одной или почти одной изъ вѣтвей украинскаго племени, а именно у гуцуловъ и отчасти у бойковъ, мы находимъ еще остатки такихъ архаическихъ мужескихъ украшеній, какъ ожерелье, цѣпи, аграфы, наручни и т. п. Разсмотримъ ихъ въ отдѣльности:

а) *стрічка, застіжка, політичка, жичка, гарасівка* – представляетъ собой неособенно длинный (отъ 30 до 50 стм.) кусокъ шелковой или шерстяной, а чаще просто бумажной ленты или тесемки, красной или голубой у парней или молодыхъ женатыхъ, зеленой или даже черной—у стариковъ. Иногда она замѣняется простымъ шнурочкомъ изъ цвѣтной шерсти, или изъ нитокъ съ кисточками, или узелками на концахъ.

b) *Шпонка, спінка*, т. е. запонка, встрѣчается главнымъ образомъ въ Галиціи у бойковъ и состоитъ изъ двухъ чаще всего металлическихъ кружковъ, большаго и меньшаго, соединенныхъ между собою впаяннымъ между ними штифтикомъ. Кружокъ меньшаго діаметра ничѣмъ не украшенъ и служитъ для продѣванія въ петли воротника рубашки; большій—наружный обыкновенно чѣмъ-нибудь украшенъ: иногда онъ просто состоитъ изъ мѣдной монеты, иногда же края его загнуты и придерживаютъ собою вставленное въ нихъ круглое стеклышко, подъ которое подкладывается какой нибудь узоръ, вырѣзанный изъ фольги или цвѣтной бумаги; наконецъ, чаще всего вмѣсто стеклышка вставляется маленькое круглое зеркальце, на оборотной сторонѣ котораго нерѣдко выцарапываютъ на амальгамѣ какой-нибудь узоръ, подкладываемый опять-таки цвѣтной бумагой или фольгой. Подобныя шпонки встрѣчаются иногда и въ россійской Украинѣ, на Волыни, гдѣ онѣ гораздо бѣднѣе. Шпонки носятся не только мужчинами, но и женщинами.

c) Въ числѣ женскихъ украшеній мы упоминали уже о *кладжічках*, т. е. ожерельѣ изъ плодовъ раст. *Staphylea pinnata, L.*, которое, въ видѣ очень рѣдкаго для Европы исключенія, удержалось еще въ употребленіи у мужчинъ въ Гуцульщинѣ. Въ эти ожерелья, кромѣ плодовыхъ коробочекъ, вплетаются иногда и мѣдныя пуговки, похожія на нихъ по формѣ. Въ Кіевскомъ Городскомъ Музеѣ можно видѣть очень хорошій образецъ этого

украшенія, съ привѣшеннымъ къ нему кипарисовымъ крестикомъ.

d) *Каблучки*, т. е. кольца, такія же точно, какъ и у женщинъ, главнымъ образомъ обручальныя.

e) *Перстні*—чаще встрѣчаются у мужчинъ, чѣмъ у женщинъ. Особую оригинальность представляетъ собою одинъ изъ видовъ гуцульскихъ мѣдныхъ перстней: онъ состоитъ изъ кольца средней толщины, на которомъ сверху выдѣлывается обыкновенно три пирамидальныхъ шипика. Это очевидное, хотя и довольно невинное, переживаніе боевого кольца, удержавшагося еще у хевсуръ на Кавказѣ и представляющаго собой очень нешуточное оружіе. Въ козацкія времена изъ подражанія польскимъ панамъ у козацкой старшины начинаютъ появляться перстни-печати (сегнеты): въ дневникѣ Я. Марковича подъ 1724 г, когда онъ былъ еще бунчуковымъ товарищемъ, упоминается о томъ, что онъ «сегнетъ робити жидови далъ».

Къ числу мужескихъ украшеній надо отнести еще большіе мѣдные *кресты*, которые гуцулы носятъ на шеѣ на ремешкѣ или на «мосяжному ретязьку», т. е. на мѣдной цѣпочкѣ, довольно затѣйливой работы. Подобные *рѣтязі* употребляются также для укрѣпленія сердака, который лѣтомъ по праздникамъ часто закидывается на плечи въ родѣ гусарскаго ментика, и для другихъ надобностей; на такомъ же ретязі виситъ, обыкновенно, прикрѣпляемая къ поясу мѣдная же *протичка* для «люльки», отличающаяся часто очень богатой отдѣлкой и сложнымъ рисункомъ; наконецъ, по словамъ Головацкаго, гуцулы носятъ такіе же ретязі и въ видѣ браслетовъ на рукахъ. Къ украшеніямъ же можно отнесть и *чапраги*, которыми застегивается на шеѣ киптар, а иногда и другая одежда, разнаго рода *клямри*, т. е. пряжки, тоже мѣдныя и часто тоже фигурныя, надѣваемыя на ремни и крайки, на которыхъ висятъ *дзюбня* или *дзюбенька*, *табівка* и прочія добавленія къ мужескому костюму, о которыхъ будетъ сказано далѣе.

2) *Прическа волосъ*. Вопросъ о прическѣ населенія Украины начала историческихъ временъ, а также кіевскаго и литовскаго періодовъ врядъ ли можетъ быть разрѣшенъ съ полной достовѣрностью, но, судя по нѣкоторымъ изображеніямъ, а главное по аналогіи съ западными славянами, можно думать, что она не много отличалась отъ прически нынѣшнихъ бойковъ и жителей сѣверной и западной Украины вообще: т. е. волосы, лежавшіе на головѣ въ направленіи ихъ натуральнаго роста, подрѣзывали только на лбу—надъ глазами, остальные же падали внизъ, болѣе или менѣе длинными прядями, на плечи и на спину. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ у бойковъ, какъ напримѣръ въ селѣ Головецько, мужчины носятъ волосы такой же длины, какъ и женщины, заплетаютъ ихъ передъ праздниками и потомъ щеголяютъ завитыми такимъ образомъ волосами, распустивши ихъ по плечамъ и спинѣ. Въ прежнія времена мужчины этихъ мѣстностей такъ и ходили съ косами, какъ вогулы, и въ селѣ Плавье намъ удалось найти почти столѣтняго старца, единственнаго, который въ 1905 г. постаринному заплеталъ еще волосы въ двѣ косы (табл. XIII, h). Обычай брить всю голову, кромѣ макушки, и оставлять только *оселедець* или чубъ, закрученный за ухо—несомнѣнно восточ-

наго происхожденія и появился на Украинѣ не раньше козацкаго періода. Мы не знаемъ даже съ достовѣрностью, носило ли «оселедці» вообще все населеніе по крайней мѣрѣ лѣвобережной Украины этой эпохи, но многое, и прежде всего полное отсутствіе упоминаній объ оселедцѣ въ западной Украинѣ и въ Галичинѣ, заставляетъ насъ предполагать, что эта прическа была отличіемъ только козацкаго сословія. Видоизмѣненіемъ или, лучше сказать, упрощеніемъ оселедця былъ, вѣроятно, дожившій еще почти до нашего времени обычай *підголювать* чуприну, т. е. подбривать довольно высоко со всѣхъ сторонъ волосы, на головѣ, оставляя верхніе волосы вокругъ макушки, разсыпаться по головѣ и прикрывать подбритыя мѣста, при чемъ надъ глазами они все-таки подрѣзывались. Такая прическа изображена въ «Живописной Украинѣ» Л. Жемчужникова, а въ дѣтствѣ и даже въ ранней молодости, приходилось ее наблюдать лично и пишущему эти строки. Такую же прическу носили въ Польшѣ и на Литвѣ, какъ это можно видѣть на рисункахъ Голембіовскаго. Въ настоящее время въ Восточной Украинѣ существуетъ главнымъ образомъ два рода прически: 1) *під ворота* или «у *скобки*», т. е. такъ же, какъ и въ Западной Украинѣ, съ вырѣзомъ на лбу выше глазъ, при чемъ прочіе подстригаются кружкомъ, на затылкѣ нѣсколько длиннѣе, чѣмъ на вискахъ, и 2) *під макітру* или въ кружокъ, когда волосы подрѣзываются ровнымъ кругомъ (без «*воріт*») вокругъ всей головы. Чтобы остричь такимъ образомъ волосы возможно ровнѣе, пацієнту на голову надѣваютъ большой горшокъ (макитру) и подстригаютъ всѣ концы волосъ, которые высовываются изъ-подъ краевъ этой макитры. Зачесываніе волосъ на-бокъ, съ проборомъ, по совершенно вѣрному замѣчанію Чубинскаго, встрѣчается только у крестьянъ, потершихся въ панскомъ дворѣ, пробравшихся въ писаря, прожившихъ нѣсколько лѣтъ въ городѣ и т. п.

По наблюденіямъ того же автора, всѣ украинцы носятъ усы; бороды же носятъ только старики, за исключеніемъ Полѣсья, гдѣ можно встрѣтить бороды и у молодыхъ. Это почти совершенно вѣрно и для настоящаго времени, но теперь обычай запускать бороды распространяется очень сильно и почти повсемѣстно, кромѣ Галичины, особенно на лѣвомъ берегу Днѣпра и въ Южной Украинѣ. Очень возможно, что здѣсь сказывается вліяніе высшихъ сословій, начавшихъ носить бороды съ 1848 г., когда это еще считалось наружной вывѣской либерализма. Въ Галиціи нѣкоторые бойки и почти всѣ лемки брѣютъ и бороды и усы, можетъ быть подъ вліяніемъ словаковъ, но сами они объясняли намъ, что этотъ обычай появился у нихъ съ 1848 г. (освобожденіе крестьянъ въ Австріи), чтобы выразить свою вѣрность «ціsареві» т. е. австрійскому императору и въ видѣ бутады противъ поляковъ.

3) Головные уборы. Кромѣ несовсѣмъ яснаго указанія на плетеніе клобуковъ въ XI столѣтіи кіевскими монахами, другихъ свѣдѣній о мужескихъ головныхъ уборахъ восточныхъ славянъ у насъ вовсе нѣтъ, если не считать упоминаній о собольихъ и другихъ дорогихъ шапкахъ князей и дружинниковъ. Въ виду же того, что употребленію плетеной шерсти вездѣ предшествовало пользованіе мѣхомъ и вой-

локомъ, можно предполагать, что и въ Украинѣ, въ старину, масса населенія носила уже шапки овчинныя и «повстяныя» т. е. войлочныя. Въ мѣстностяхъ ея, особенно отличающихся сохраненіемъ архаическихъ формъ, а именно на сѣверѣ и въ горахъ и теперь еще носятъ зимою овчинныя шапки, а въ прочія времена года войлочныя *магéрки* или *шоломки*, которые выдѣлываются уже не только изъ войлока, но и изъ валеной если не плетенки, то грубой ткани. Нѣкоторыя этнографическія данныя, сохранившіяся въ памяти старожиловъ и старинныхъ свидѣтельствахъ въ родѣ рукописей де-ла Флиза, позволяютъ думать, что эти старинныя магерки и шеломки, употребляемые теперь въ видѣ исключенія украинскимъ населеніемъ, но господствующіе еще въ Бѣлоруссіи, были не такъ еще давно распространены и въ Украинѣ довольно далеко на югъ (въ Полтавской губ. на лѣвой сторонѣ Днѣпра и напримѣръ въ Сквирскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи—на правой). Постепенная замѣна ихъ бараньими шапками и брилями шла вмѣстѣ съ упоминавшимся нами уже не разъ распространеніемъ костюма восточнаго типа, причемъ любопытно, что овчинныя шапки на югѣ часто носятъ названія войлочныхъ на сѣверѣ. Такъ, въ Кіевской губ. напримѣръ, по словамъ Б. Познанскаго, *йоломомъ* называется цилиндрическая баранья шапка, а въ Каневскомъ уѣздѣ почти такая же шапка называется *магеркой*. Очень много затрудненій для изслѣдователей запорожскаго быта представляетъ собою разнообразіе козацкихъ шапокъ на сохранившихся ихъ изображеніяхъ и въ описаніяхъ. Б. С. Познанскій, имѣвшій случай видѣть запорожскій «*шлик*» въ селѣ Покровскомъ Екатеринославской губ., между прочимъ совершенно одинаковый съ шликомъ изображеннымъ на рисункѣ Голембіовскаго, приходитъ къ заключенію что этотъ «шлик», или лучше сказать его верхняя часть, т. е. суконный мѣшокъ, замѣнявшій дно и свѣшивавшійся съ опушки и былъ настоящимъ запорожскимъ головнымъ уборомъ, высота же опушки, т. е. самой шапки, мѣнялась сообразно требованіямъ моды. Это весьма правдоподобно и разумѣется не исключаетъ головныхъ уборовъ другого типа, носившихся въ различныя времена запорожцами въ родѣ шапки-кабардинки и тому подобныхъ, не говоря уже о тѣхъ бобровыхъ и рысьихъ шапкахъ, изъ болѣе или менѣе дорогого мѣха, которыми такъ щеголяла козацкая старшина и которыя упоминаются въ дневникахъ Ханенка и Марковича.

Форма головного убора является, впрочемъ, до того неустойчивой и измѣнчивой вообще, что останавливаться на ней въ деталяхъ при описаніи нынѣшней украинской одежды было бы слишкомъ затруднительно, поэтому мы упомянемъ въ общихъ чертахъ только о главныхъ типахъ существующихъ теперь мужескихъ головныхъ уборовъ, къ которымъ относятся шапка, шоломок или йолом и бриль.

Ш а п к а дѣлается обыкновенно изъ чернаго или «сиваго» смушка, т. е. выдѣланной овчины молодого барашка, наиболѣе же щегольскіе смушки приготовляются изъ «випорків» т. е. изъ шкурокъ ягнятъ, вынутыхъ раньше ихъ рожденія; подкладка же дѣлается изъ кожи живота овцы. Форма шапки хотя и варіируетъ, какъ сказано выше,

сообразно требованіямъ моды, но тѣмъ не менѣе существуютъ и относительно болѣе устойчивыя мѣстныя ея различія. Въ Черниговской и Полтавской губ. шапки шьются въ видѣ цилиндра, высота котораго нѣсколько превышаетъ діаметръ, съ выпуклымъ или плоскимъ дномъ, иногда суконнымъ, но по большей части смушевымъ же. Въ Подольской губ. шапки немного выше (стовбоваті) и иногда приближаются къ почти конической формѣ, часто встрѣчающейся также на югѣ—въ Екатеринославской и Херсонской губ. и пр. (табл. XII). Въ южной Волыни, въ Подоліи ивъ нынѣшней Холмской губ. шапки часто дѣлаются съ разрѣзомъ сверху по высотѣ, при чемъ края разрѣза стягиваются завязками въ родѣ бантовъ изъ лентъ; такія шапки производятъ впечатлѣніе болѣе широкихъ сверху чѣмъ внизу. Въ Холмщинѣ встрѣчаются уже и позаимствованныя у поляковъ шапки—*рогатівки*—съ четырехугольнымъ дномъ. Это формы шапки обыкновенныя, но затѣмъ въ большіе холода носятъ *малахаі*, *капелюхи* (въ Черниговщинѣ), *клепані* (въ Галиціи) т. е. болѣе или менѣе круглыя мѣховыя шапки съ наушниками, которые то завязываются вокругъ шеи, то висятъ свободно, то поднимаются вверхъ и связываются ленточкой на макушкѣ.

Шоломѣк, йолом, яломок, магерка—вѣроятно, тоже очень древняго происхожденія, удержались главнымъ образомъ тслько на этнографической границѣ съ бѣлоруссами, но, какъ мы видѣли, въ старину были распространены гораздо дальше на югъ. Въ Черниговской губ. и кое-гдѣ въ Волынской, шоломки дѣлаютъ просто изъ *повсті*, т. е. изъ войлока. По разспросамъ у стариковъ оказывается, однако, что около полустолѣтія еще тому назадъ ихъ плели изъ *валу*, т. е. изъ толстыхъ шерстяныхъ шнурковъ, приготовлявшихся дома тѣмъ же способомъ что и войлокъ: сбитую шерстобитомъ шерсть раскладывали на полотнѣ, но не въ видѣ пласта, а въ видѣ длинныхъ жгутовъ и потомъ валяли, а затѣмъ выплетали изъ нихъ шапки въ видѣ усѣченнаго конуса. По всей вѣроятности это и былъ тотъ самый способъ плетенія клобуковъ, какой практиковался въ старину кіевскими монахами. Подтвержденіе этого мы усматриваемъ въ доставленной намъ изъ Могилевской губ., вырытой изъ кургана вѣроятно очень поздняго времени, находкѣ, состоявшей въ цѣлой очень хорошо сохранившейся шевелюрѣ бѣлокурыхъ волосъ, прикрытой большимъ количествомъ сплетенныхъ шерстяныхъ шнурковъ. На сѣверѣ Волынской губ. магерки или яломки дѣлаютъ уже изъ грубой шерстяной ткани, вывалянной на «валюшахъ», при чемъ часто дно ихъ бываетъ другого цвѣта, чѣмъ тулья (большею частью бѣлаго), а иногда сшивается въ видѣ польской «рогатувки» съ 4-мя углами, при чемъ оно отдѣлывается еще по швамъ красными или другого цвѣта шнурками.

Брилі, капелюхи — т. е. войлочныя или соломенныя шляпы.—«Повстяні брилі» дѣлаются изъ войлока, приготовленнаго съ примѣсью разныхъ веществъ, дѣлающихъ его менѣе промокаемымъ. Тулья ихъ бываетъ по большей части усѣченно-конической формы, большей или меньшей высоты, съ плоскимъ или рѣже—кругло-выпуклымъ дномъ, поля же (*криси*) или небольшія и ровныя или же довольно широкія и слегка загнутыя вверхъ. *Со-*

ломьяні брилі (табл. XII) плетутся изъ «стрілок», т. е. изъ ровныхъ стеблей не совсѣмъ спѣлой пшеницы или ржи, сплетаемыхъ сначала въ «плеті» или «плетінки», т. е. узкія полоски, изъ которыхъ потомъ сшиваются *наголовок* или *йоломка* (тулья) и *криси* (поля). Способовъ плетенья главнымъ образомъ *два*: *в зубці* и *гладко* или *просто*—они очень подробно описаны съ рисунками у Познанскаго и безъ рисунковъ у Головацкаго. Какъ войлочные такъ и соломенные брилі носятъ вездѣ въ Украинѣ, за исключеніемъ развѣ самой сѣверной ея полосы, гдѣ употребляются магерки, но соломенные брилі встрѣчаются впрочемъ и тамъ.

Кромѣ этихъ головныхъ уборовъ, на Украинѣ въ послѣднее время все болѣе и болѣе распространяются *картузи* или *козирки* и *кашкѣти*, т. е. суконныя фуражки съ кожанымъ или клеенчатымъ козырькомъ. Распространенію этому способствуетъ какъ сравнительная дешевизна и легкость этого головного убора, такъ и городская или фабричная мода. Любопытно, что эти картузы, бывшіе прежде обыкновенно чернаго цвѣта, теперь (съ 1905 г.) замѣнились темнозелеными съ синимъ околышемъ—въ подражаніе студенческимъ фуражкамъ (такъ-же точно, какъ и темныя рубахи-косоворотки), въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ сѣверной Украины, какъ напр., въ Олевскѣ на Волыни и пр. фуражки у крестьянской молодежи поражаютъ своимъ явнымъ подражаніемъ солдатскимъ, при чемъ предпочитаются разумѣется возможно болѣе яркіе цвѣта околыша (красный, желтый, зеленый и пр.).

Кашкеты—это тоже фуражки, но старинного польско-мѣщанскаго типа съ почти горизонтальнымъ большимъ козырькомъ и высокимъ околышемъ. Они встрѣчаются главнымъ образомъ въ Подольской, Волынской и Холмской губ.

4) Верхняя плечевая одежда.

Кіптарь, *кожухъ* и *лейбик*, какъ было сказано выше, совершенно одинаковы у женщинъ и у мужчинъ и потому описанія ихъ мы повторять здѣсь не будемъ. Въ восточной Украинѣ лейбики у мужчинъ замѣнились, впрочемъ уже современною намъ *жилеткою*, спинка которой дѣлается уже не изъ той же матеріи что и грудь, а обыкновенно изъ коленкора, но около полустолѣтія еще тому назадъ, мужскіе лейбики существовали еще тамъ подъ названіемъ *кірсетки* и шились большею частью изъ китайки или сѣраго черкасина. Въ Черниговской губ. по свѣдѣніямъ сообщеннымъ мнѣ А. Г. Сластіономъ, мужскія катанки шьются такъ-же какъ и женскія, но только короче.

Курта или *куртина*, *куртка*. Представляетъ собой такой же лейбикъ или кірсетку, но съ рукавами, а иногда и съ таліей. Одежда эта была прежде въ большемъ употребленіи чѣмъ теперь: мы встрѣчаемъ ее на старинныхъ изображеніяхъ запорожцевъ, гайдамакъ и чумаковъ; теперь ее носятъ больше на югѣ и главнымъ образомъ только дома, при работѣ, а поэтому и дѣлается она изъ китайки или сѣраго демикотона. Въ Галиціи встрѣчается курта изъ бѣлаго полотна или крашенины и бываетъ или совсѣмъ короткая или съ небольшими полами, собранными назади и по бокамъ.

Сердак, какъ мы сказали уже, совершенно одного покроя и у женщинъ и у мужчинъ вездѣ гдѣ его носятъ,

т. е. какъ у гуцуловъ, такъ и у бойковъ, и лемковъ и венгерскихъ украинцевъ. У первыхъ и послѣднихъ онъ очень коротокъ, но у лемковъ и особенно у бойковъ достигаетъ значительной длины и тогда пріобрѣтаетъ большое сходство со свитой у бѣлоруссовъ и украинскихъ «поліщуковъ». О цвѣтѣ и отдѣлкѣ было сказано въ описаніи женской одежды.

Свита, въ своемъ первоначальномъ и вѣроятно наиболѣе древнемъ видѣ, имѣла именно такой же покрой, какъ и сардакъ у бойковъ. Она, какъ мы видѣли, за исключеніемъ передней своей части и осталась такою же у женщинъ, у мужчинъ-же она подверлась цѣлому ряду довольно значительныхъ измѣненій. Будучи первоначально, какъ и теперь сердак у бойковъ и свита на Полѣсьѣ, «до 2 або 4-хъ вусів» она кроилась, какъ и тѣ, изъ очень длиннаго куска сукна, который перегибался посединѣ, на этомъ перегибѣ вырѣзывалось отверстіе для шеи, переднее полотнище разрѣзывалось сверху до низу для будущихъ полъ, заднее же оставалось цѣльнымъ, при чемъ съ боковъ въ него вставлялось по одному или по два клина, образовавшихъ «вуси», вслѣдствіе чего средина свиты вдоль спины оставалась цѣльной и составляла такъ называемую «прохідку» или «засібок», тѣмъ болѣе широкую чѣмъ меньше было «вусів». Впослѣдствіи, вѣроятно, не безъ вліянія съ Востока, «вуси» начали замѣняться «складами» или «рясами», т. е. вмѣсто клиньевъ начали вшивать съ каждой стороны «прохідки» по куску сукна, собраннаго въ складки, сложенныя, такъ чтобы онѣ были обращены къ «засібку» налегая одна на другую какъ волны. Когда портной приладитъ эти складки и вошьетъ ихъ, тогда онъ обильно смачиваетъ ихъ водою и укладываетъ на доску, помѣщенную на «чиріні» т. е. на горизонтальной поверхности печи, придавливаетъ другой доской и сверху наваливаетъ 3 или 4 мѣшка зерна, которые такъ придавливаютъ складки что онѣ, высохши, уже не распрямляются. Такимъ образомъ получается свита съ «рясами» или «складами» (фалдами), наиболѣе распространенная на Украинѣ; въ ней засібок, сообразно количеству рясъ, разумѣется все болѣе и болѣе съуживается. Еще позже, наконецъ, рясы начали замѣняться болѣе мелкими «зборами», которые, съузивши окончательно «прохідку», совсѣмъ уничтожаютъ ее, а складки окружаютъ всю талію, какъ это дѣлается въ особой одеждѣ, называемой *чемеркою*, которую мы разсмотримъ далѣе. Въ результатѣ всѣхъ этихъ варіацій въ Украинѣ явилось три главныхъ вида свиты: 1) *з вусами*, 2) *з рясами* или *складами* и 3) *з зборами*, при чемъ первая изъ этихъ формъ, наиболѣе древняя, распространена въ сѣверной полосѣ, кое гдѣ въ галицкой равнинѣ и на предгорьяхъ Карпатъ, вторая—въ настоящее время больше всего въ правобережной Украинѣ и въ Галиціи и третья, почти исключительно, на лѣвомъ берегу Днѣпра.

Что касается длины свиты, то на разницу въ этомъ отношеніи въ различныхъ мѣстностяхъ Украины указываютъ еще Ригельманъ, Шафонскій, Арендаренко и въ особенности Бантышъ-Каменскій. По словамъ послѣдняго, украинцы, обитавшіе въ сосѣдствѣ съ Курскою, Харьковскою и Екатеринославскою губ. имѣли «одѣяніе длинное и широкое на подобіе татарскаго; въ Нѣжинскомъ же, Кіевскомъ,

Борзенскомъ, Остерскомъ, Прилуцкомъ, Пирятинскомъ и др. повѣтахъ одежду носили не столь длинную, а у малороссіянъ жившихъ въ сосѣдствѣ съ Орловскою, Смоленскою и Могилевскою губерніями одежда была еще короче». Эти свѣдѣнія, за исключеніемъ относящихся къ юго-восточной Украинѣ, можно считать болѣе или менѣе вѣрными и для настоящаго времени съ добавкой развѣ указанія Б. С. Познанскаго о томъ, что въ Воронежской губ. свита, называемая черкеской, короче и уже, и главнымъ образомъ того, что во всей западной Украинѣ, до самыхъ Карпатъ, свита отличается довольно значительной длиной. Такимъ образомъ въ общемъ можно сказать, что длина свиты увеличивается на Украинѣ по направленію съ сѣверо-востока на юго-западъ до Карпатъ, гдѣ длина верхней одежды рѣзко уменьшается.

Въ томъ же направленіи увеличивается и ея цвѣтность. Въ Черниговской губ., нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской, на кіевскомъ и волынскомъ Полѣсьѣ, а также у Лемковъ въ сѣверной Галиціи, кромѣ попадающихся иногда *бѣлыхъ*, мужескія свиты обыкновенно бываютъ *сѣрыя*, при чемъ необходимо замѣтить, что въ старину онѣ по большей части были бѣлыя и только не такъ давно замѣнились сѣрыми; затѣмъ въ юго-восточной части Украины — въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской губ. и на крайнемъ западѣ ея, у венгерскихъ русиновъ, свиты или сердаки *бѣлаго* цвѣта, *) бѣлый

*) По словамъ Чубинскаго бѣлыя свиты распространены на Полѣсьѣ къ сѣверу отъ черты проведенной отъ Житомира до Брестъ-Литовска по шоссе (*Труды Экспед.* VII, 421).

же цвѣтъ сердаковъ попадается изрѣдка у гуцуловъ, но преобладающимъ цвѣтомъ является у нихъ *красный* разныхъ оттѣнковъ и черный, который мы часто встрѣчаемъ и въ Подоліи, наконецъ, южнѣе Десны, въ Черниговской губ. во всей Полтавской и, начиная съ юга Радомысльскаго у., въ Кіевской, и въ средней полосѣ Волынской до самаго юга, т. е. другими словами почти во всей остальной Украинѣ свиты почти всегда *коричневыя*, при чемъ нельзя не оговориться, что этотъ коричневый цвѣтъ сукна происходитъ исключительно отъ порыженія на солнцѣ первоначально темной шерсти черныхъ овецъ, и что слѣдовательно «грубое подражаніе древнему пурпуру» приписываемое цвѣту украинской свиты Н. П. Кондаковымъ, *) представляетъ такую догадку почтеннаго ученаго, съ которой трудносогласиться. Такимъ образомъ, рѣшительно преобладающимъ цвѣтомъ мужеской свиты оказывается на Украинѣ натуральный цвѣтъ овечьей шерсти—коричневый, тогда какъ для женской—тоже натуральный—бѣлый. Это преобладаніе коричневаго и бѣлаго цвѣтовъ не представляетъ впрочемъ особенности одной Украины, но встрѣчается и въ другихъ славянскихъ странахъ и было обычнымъ явленіемъ во всей западной Европѣ, до тѣхъ поръ, пока сукно ручной выдѣлки не замѣнилось тамъ фабричнымъ и окрашеннымъ. Окраска сукна мареной или мѣстной кошенилью (*червецъ*) существовала очень издавна въ Галиціи и очень возможно, что цвѣтъ одежды далъ дѣйствительно названія напр.

*) *Кондаковъ* Н. П., изображенія Русской княжеской семьи въ миніатюрахъ XI в. Спб. 1906 г. стр. 96.

Бѣлой и Червоной Руси, какъ это думаютъ нѣкоторые авторы.

То же самое географическое распредѣленіе, но съ гораздо большей правильностью, мы замѣчаемъ и относительно орнаментаціи свиты. На лѣвомъ берегу Днѣпра на свитахъ не бываетъ ни малѣйшихъ украшеній въ видѣ вышивокъ, шнурковъ, петлицъ и т. п. и только очень изрѣдка встрѣчается кожаная или изъ тесьмы оторочка воротника и обшлаговъ; въ Кіевской губ. и на югѣ Волыни показываются уже маленькія звѣздочки на воротникѣ, обшивки шнуркомъ возлѣ кармановъ и т. п.; въ Подольской губ. и отчасти на западѣ Волыни, мы уже видимъ свиты часто очень богато вышитыя красными шнурками, въ Галиціи, эти украшенія усложняются еще цвѣтными накладками на лацканахъ и иногда на воротникѣ, шнурками, металлическими пуговицами и т. п.; свиты бойковъ отличаются цвѣтными петлицами и вышивками шнуркомъ на воротникѣ, а у гуцуловъ, кромѣ краснаго цвѣта сердака или штановъ, бросаются въ глаза богатыя вышивки цвѣтными шнурками, кисти и т. п. «дармовіси», аналогію которымъ мы находимъ только у нѣкоторыхъ кавказскихъ народовъ и именно у хевсуръ.

Украинская свита запахивается всегда справа налѣво и застегивается на лѣвой сторонѣ кожаной петелькой на такой-же *гудзик*, выплетенный въ видѣ маленькаго шарика изъ тонкаго ремешка. Выплесть такой «гудзик» не особенно легко и это сумѣетъ сдѣлать не всякій «кравець», но объ умѣющихъ говорятъ: «той як зробить гудзика, то він у ёго як паничик!»... Теперь эти «шкуратяні гудзики» начинаютъ исчезать и замѣняются, «гапликами», т. е. крючками, а иногда и того хуже — металлическими по большей части солдатскими или другими пуговицами. Воротникъ у свиты обыкновенно бываетъ невысокій и стоячій, хотя на правой сторонѣ Днѣпра и кое-гдѣ въ Галиціи попадаются и отложные воротники. Рукава выкраиваются «одномірно» т. е. такъ чтобы нижняя и верхняя половины были одинаковы и вшиваются такъ какъ рукава въ женской сорочкѣ, впрочемъ въ свитахъ новѣйшаго фасона есть измѣненія и въ рукавахъ: въ нижней половинѣ дѣлается вырѣзъ внутрь а въ верхней закругленный выступъ наружу. Нижняя часть рукава дѣлается безъ «закавраша», а край его просто обшивается полоской кожи или заворачивается обшлагомъ.

Особыми видоизмѣненіями свиты являются теперь *чимліт* и *полотнянка* чимліт—это та же свита, но только изъ тонкаго бѣлаго сукна, съ воротникомъ и обшлагами, отдѣланными чернымъ бархатомъ и сукномъ, иногда вышитыми цвѣтными шерстями. Онъ описанъ двумя авторами, изъ которыхъ одинъ (Савченковъ) прямо указываетъ мѣстность—с. Соловіевку Кіев. губ., другой-же (Б. С. Познанскій) мѣстности не указываетъ, но можно думать что онъ имѣлъ въ виду с. Романовку тоже Кіевской губ. Судя по словамъ Голембіовскаго, одежда эта представляетъ собою переживаніе старинной польской одежды извѣстной уже въ XVI в. и получившей свое названіе (czamlet, kamlot) отъ азіатской матеріи изъ козьей шерсти, очень распространенной въ свое время въ Польшѣ. Полотнянка—это тоже свита, но лѣтняя, сшитая не изъ сукна, а изъ полотна. Ее можно видѣть уже возлѣ Львова

и дальше на западъ, почти во всей галиційской равнинѣ. Такъ какъ она моется, то въ экстренныхъ случаяхъ ее надѣваютъ и зимой, сверхъ суконной свиты и даже кожуха, что придаетъ одеждѣ болѣе праздничный видъ.

Чемѐрка, чумарка, чинáрка. Она отличается отъ свиты тѣмъ, что шьется по большой части не изъ сукна, а изъ болѣе легкой матеріи и имѣетъ складки вокругъ всей таліи, кромѣ того всегда бываетъ однобортная и застегивается посрединѣ груди на «гаплики т. е. крючки. О происхожденіи чемерки намъ извѣстно только прямое утвержденіе Голембіовскаго что эта одежда персидская (czamarka—suknia perska zwierzchnia), если же допустить предположенія, то можно сближать ея названіе, а можетъ быть и покрой (по крайней мѣрѣ украинскій) со словомъ *чемерици*, прилагавшимся по словамъ покойнаго В. Б. Антоновича къ кабардинцамъ, переселеннымъ Вел. Княземъ Витовтомъ на р. Сліпородъ въ нынѣшней Кіевской губ. *)

Жупан. Несмотря на его названіе, производимое одними съ запада (лат. jupa) а другими, болѣе правдоподобно, съ востока (татар. зубун) считался Голембіовскимъ за самую древнѣйшую польскую одежду. Украинскій жупанъ, по нашему мнѣнію, вѣроятно находится въ ближайшемъ родствѣ съ аналогической одеждой иранскихъ племенъ, сохранившейся на Кавказѣ въ видѣ бешмета, носимаго подъ черкесской или грузинской верхней одеждой съ откидными рукавами, точно такъ-же, какъ и въ козацкій періодъ жупанъ, названіе котораго конечно было позаимствовано отъ поляковъ, носился подъ кунтушомъ или подъ свитой—по польской модѣ. Въ настоящее время жупанъ шьется обыкновенно изъ синей китайки, или изъ такъ называемаго черкасина, или другой какой нибудь тоже бумажной матеріи и носится уже самостоятельно главнымъ образомъ лѣтомъ, болѣе зажиточными людьми. Покрой его такой-же какъ и у свиты, но иногда его дѣлаютъ и однобортнымъ (Табл. XVI, с, XVII, в).

Кунтушъ, — одежда, несомнѣнно позаимствованная поляками у восточныхъ народовъ (она встрѣчается у турокъ, татаръ, на Кавказѣ — у грузинъ, армянъ и пр.), а отъ нихъ перешедшая и къ украинскимъ козакамъ. Характерную особенность ея составляли рукава съ прорѣзами (или совершенно разрѣзанные до плеча) сквозь которые просовывались руки, причемъ самые рукава или висѣли внизъ или закидывались черезъ плечи на спину. Кунтуши дѣлались обыкновенно изъ дорогихъ шелковыхъ или парчевыхъ матерій, или изъ цвѣтного сукна; въ послѣднемъ случаѣ они щедро обшивались по всѣмъ швамъ галунами. Одежда эта держалась у козаковъ почти до конца XVIII вѣка, а затѣмъ, мало-по-малу, какъ это можно прослѣдить по дневнымъ записямъ Якова Марковича, замѣнилась французскими кафтанами и камзолами и, наконецъ, новѣйшими фраками и сюртуками и сохранилась до настоящаго времени, только какъ любопытное переживаніе, въ видѣ парадной ливреи петроградскихъ пѣвчихъ, которые, особенно во времена Императрицы Елисаветы, набирались, какъ извѣстно, изъ Украины.

Опанча (уменьшит. отъ опона= завѣса, оболочка) въ первоначальномъ

*) Труды XII. Археологич. съѣзда въ Харьковѣ, т. III, стр. 317.

видѣ была несомнѣнно если не древнѣйшей, то одной изъ самыхъ древнихъ славянскихъ одеждъ, въ нынѣшнемъ же, особенно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, глав. обр. въ Подольской губ. и въ Галиціи, представляетъ собою переходъ отъ свиты къ кобенякy, такъ какъ отличается отъ свиты только тѣмъ, что сзади къ воротнику у нея пришита *відлога*, или *бордиця*. Очень возможно, что прежде она не имѣла таліи и была той широкой верхней одеждой, которая потомъ получила названіе кобеняка, а въ наипростѣйшемъ своемъ видѣ сохранилась еще въ Карпатахъ подъ именемъ описанной уже нами выше *гугли*, а можетъ быть даже и въ видѣ простого ліжника, т. е. примитивнаго ковра, которымъ обыкновенно покрываютъ постель, а иногда зимой, по словамъ Головацкаго, и одѣваются, отогнувъ одинъ конецъ его, накинувъ на плечи и связавъ на груди шнуркомъ, пропущеннымъ въ сгибъ. Въ такомъ видѣ одежда эта и представляется настоящей *опоной*, т. е. покрываломъ или завѣсой, носимой въ видѣ одежды. Будучи наиболѣе простой изъ верхнихъ широкихъ одеждъ, она могла потомъ получить развитіе въ видѣ прибавки рукавовъ и у мужчинъ превратиться въ кобенякъ, а потерявши *бордиццю*, въ *бунду* или *опашенъ*.

Чуга, у лемковъ, представляетъ собой длинную широкую верхнюю одежду съ рукавами и длиннымъ, до половины роста и даже болѣе, воротникомъ, отъ котораго виситъ еще очень длинная бахрома изъ довольно толстыхъ шнурковъ (*свічок*). Рукава, обшитые часто такою же бахромой и очень длинные, почти всегда зашиты, ибо чуга носится обыкновенно «на опашки», т. е. въ накидку, и употребляются вмѣсто мѣшковъ, въ которые складываются въ дорогѣ разные предметы. Вполнѣ похожа на эту форму одежды и носимая въ Буковинѣ *манта*. Чуга дѣлается обыкновенно изъ гемнаго сѣраго или коричневаго сукна, а бахрома почти всегда бываетъ бѣлая. Въ русской Украинѣ чугѣ соотвѣтствуетъ древній опашень употребляемый кое-гдѣ въ восточной ея части (Харьковской и Воронежской губ.) и отчасти въ западной подъ именемъ *сірака* или *бунди*. Это прямая широкая одежда, безъ таліи, съ рукавами и довольно широкимъ откладнымъ воротомъ. Вообще же, съ пришивкой капюшона, она превращается въ кобенякъ. О чугѣ угорскихъ русиновъ было сказано выше.

Кобеняк, *кирея*, *сіряк*—является наиболѣе распространенной украинской верхней одеждой, достаточно широкой, чтобы надѣваться и зимой сверхъ кожуха. Главнымъ ея отличіемъ отъ другихъ подобно ему длинныхъ одеждъ безъ таліи (тулубастих) служитъ *відлога*, *кобка*, *каптур*, *бордиця* или *богородиця*. Это суконный мѣшокъ съ прорѣзомъ для глазъ, а иногда и для рта, который обыкновенно закидывается на спину, а въ случаѣ дождя или сильнаго мороза съ вѣтромъ надвигается на шапку и тогда закрываетъ почти все лицо; иногда відлога и сама носитъ названіе кобеняка и въ такомъ случаѣ вся одежда называется *свита з кобеняком*. Такъ какъ кобенякъ носится почти исключительно въ дурную погоду, то и шьется очень часто изъ сукна худшаго качества, а если онъ въ Полтавской губ. дѣлается изъ сѣраго сукна, то и получаетъ названіе *сіряки*. Пер-

воначальное названіе відлоги *бородиця*, употребляемое теперь только въ Галиціи, повидимому забыто на Украинѣ и замѣнено названіемъ *богородиця*, которое понятно только при сопоставленіи съ галицкимъ терминомъ, а иначе являлось бы совершенно безсмысленнымъ. Судя по названію, кобенякъ долженъ быть турецкаго или вообще восточнаго происхожденія и могъ проникнуть въ Украину черезъ Польшу, такъ какъ тамъ, подъ именемъ *жереніак*, онъ, по словамъ польскихъ авторовъ, былъ очень долгое время въ употребленіи.

Плечевая одежда, носимая непосредствен. на тѣлѣ (бѣлье).

Сорочка, кошуля — къ нѣсколькимъ историческимъ замѣчаніямъ относительно сорочки, высказаннымъ въ описаніи женскихъ одеждъ, мы къ сожалѣнію не можемъ почти ничего прибавить, вслѣдствіе рѣшительнаго недостатка свѣдѣній по этому предмету. Насколько изслѣдователи славянской старины Elijasz, Zibrt, Савваитовъ и др. могли возстановить древность и покрой мужской рубахи, ихъ мнѣнія сводятся къ тому, что около XI столѣтія у всѣхъ славянскихъ народовъ рубаха уже существовала и представляла собою льняную или пеньковую одежду бѣлаго цвѣта, носившуюся непосредственно на тѣлѣ, но выпускавшуюся на одежду нижней половины тѣла, съ разрѣзомъ посреди груди и со складками вокругъ низкаго стоячаго или широкаго откладного ворота и «на чóхлах», т. е. у кистей рукъ, причемъ на плечахъ вшивались небольшіе куски полотна. Въ такомъ видѣ рубаха сохранилась и до сихъ поръ у всѣхъ южныхъ и западныхъ славянъ, у западныхъ и сѣверныхъ украинцевъ и у очень немногихъ уже великоруссовъ, которые еще со времени татарскаго нашествія, замѣнили ее по большей части цвѣтной косовороткой, продолжая носить ее по прежнему на выпускъ. Во всей юго-восточной (лѣвобережной) Украинѣ и въ губерніяхъ Кіевской, Херсонской и отчасти Подольской и Волынской господствуютъ теперь рубахи, еще сохранившія прежній цвѣтъ и разрѣзъ посреди груди, но отличающіяся почти всегда низкимъ стоячимъ воротникомъ, отсутствіемъ складокъ вокругъ воротника и на концахъ рукавовъ (чóхли впрочемъ иногда встрѣчаются) и носимая всегда по восточному, т. е. съ подоломъ всунутымъ подъ штаны. Такимъ образомъ въ Украинѣ теперь мы находимъ два главныхъ типа рубахи: во 1-хъ старинный, общеславянскій, теперь постепенно исчезающій типъ и во 2-хъ типъ болѣе новый, несомнѣнно восточнаго происхожденія, вытѣсняющій первый и гораздо болѣе извѣстный подъ именемъ украинскаго. Разница въ покроѣ этихъ двухъ типовъ рубахи вѣроятно очень давняя и, кромѣ чисто этническихъ причинъ, зависѣла очень много отъ ширины полотна. Въ старину, когда полотно ткалось гораздо болѣе узкимъ, для кройки рубахи необходимо было сшить не менѣе 3-хъ или даже 4-хъ полотнищъ холста, что и обусловливало складки вокругъ ворота: рубаха новаго типа шьется изъ широкаго полотна и поэтому кроится изъ 2-хъ полотнищъ совершенно такъ же, какъ мы это видѣли на кройкѣ свиты и проч. Болѣе открытый (безъ чохлов т. е. безъ сборокъ у кисти руки),

или даже совсѣмъ широко открытый какъ напр. въ Екатеринославской и Херсонской г.) рукавъ рубахи второго типа объясняется вѣроятно больше всего климатическими условіями, обычай же прятать подолъ рубахи въ штаны, общій всѣмъ степнымъ народамъ, былъ позаимствованъ вѣроятно вмѣстѣ съ покроемъ рубахи у юго-восточныхъ сосѣдей. Орнаментація украинской мужской рубахи тоже очень отличается по мѣстностямъ. Древне-славянская длинная рубаха, вѣроятно дошедшая и до нашего времени въ видѣ тоже длинной дѣтской рубахи *), при которой не носятъ штановъ, была вѣроятно безъ всякихъ вышивокъ; такою, по крайней мѣрѣ сохранилась она на всемъ украинскомъ Полѣсьѣ и во многихъ мѣстностяхъ западной Украины и Галичины, но въ менѣе сѣверныхъ мѣстностяхъ являются и вышивки, принесенныя по всей вѣроятности вмѣстѣ съ степнымъ типомъ рубахи. Въ Кіевской и Подольской гг. и на Волыни часто встрѣчаются и откладные воротники у рубахъ, покрытые вышивками; такіе же воротники занесены изъ западной Украины въ Херсонскую и Екатеринославскую губ. и тамъ очень нерѣдки. У гуцуловъ въ Галичинѣ вышивки яркими шерстями, мало уступающія по роскоши женскимъ, появляются не только на воротникѣ, груди и рукавахъ мужской рубахи, но и на ея подолѣ. Для застегиванія воротника вездѣ употребляются главнымъ образомъ тесемки или ленточки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Галиціи, гдѣ носятъ для этой цѣли «шпонки», о которыхъ мы упоминали, говоря объ украшеніяхъ.

Исключеніемъ изъ указанныхъ нами формъ украинской рубахи являются оригинальныя рубахи лемковъ со множествомъ складокъ вокругъ воротника, на груди и на спинѣ и съ разрѣзомъ не спереди, какъ обыкновенно, а сзади на спинѣ (см. Табл. XIII, g). Подобнаго же рода рубахи, какъ мы упоминали уже, носятъ тамъ и женщины, но разрѣзъ у нихъ дѣлается не на спинѣ а сбоку, около лѣваго плеча.

β. Мужская одежда нижней половины тѣла.

1) Верхняя поясная одежда.

Пояс — въ мужскомъ костюмѣ, игралъ безъ сомнѣнія гораздо болѣе важную роль, чѣмъ въ женскомъ. Относительно мужскихъ доисторическихъ поясовъ мы такъ же мало знаемъ какъ и о женскихъ, но есть много указаній, что по крайней мѣрѣ въ высшихъ слояхъ общества, въ военномъ сословіи, были нерѣдко уже и металлическіе пояса иностранной фабрикаціи, простые же люди довольствовались поясами кожаными, желѣзныя и бронзовыя пряжки которыхъ встрѣчаются и въ древлянскихъ и въ сѣверянскихъ погребеніяхъ. То же самое мы видимъ и въ княжескую эпоху, когда по всей вѣроятности начинается уже употребленіе и шерстяныхъ поясовъ. Восточныя вліянія, предшествовавшія козацкому періоду украинской исторіи и сопровождавшія его, принесли съ со-

*) Вообще дѣтскія рубахи такія же какъ и для взрослыхъ, но только гораздо длиннѣе. Въ одномъ, впрочемъ, селеніи Бердичевскаго у. Кіевской губ. (с. Сопинѣ) намъ пришлось видѣть болѣе 30 лѣтъ тому назадъ дѣтскую рубашку „з книшами“, т. е. съ ромбическимъ узоромъ на груди и на спинѣ.

бою и разноцвѣтные дорогіе пояса изъ шелковыхъ матерій, доставка которыхъ съ Востока не прекращалась до конца XVIII вѣка. Авторъ извѣстныхъ «Дневныхъ записокъ» Я. Марковичъ поручалъ своимъ людямъ купить для него въ Персіи «поясовъ сутыхъ два», а въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ о покупкѣ «хлопцямъ на поясы павистой матеріи». Подъ вліяніемъ моды на восточные пояса, въ Слуцкѣ, а затѣмъ и въ другихъ городахъ были основаны, по иниціативѣ польскихъ пановъ, цѣлыя фабрики восточныхъ поясовъ (persiarnie) на издѣліяхъ которыхъ встрѣчаются и «русскія» клейма, показывающія, что пояса эти имѣли сбытъ и у украинскихъ козаковъ, что и подтверждается присутствіемъ такихъ поясовъ въ коллекціяхъ украинскихъ историческихъ предметовъ, какъ напр. въ Музеѣ В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ и пр. Въ. XIX в. были еще въ большомъ ходу у козаковъ такъ наз. *каламайковые* пояса изъ особой матеріи, спеціально для этого приготовлявшейся. Мы упоминали уже о бумажныхъ имитаціяхъ этихъ поясовъ, которые въ концѣ концовъ замѣнились вязанными шерстяными поясами краснаго, зеленаго, рѣже синяго и бѣлаго цвѣта, которые носятъ и теперь. Говоря о поясахъ нельзя не упомянуть также о старинныхъ чумацкихъ чересахъ въ видѣ длиннаго и узкаго замшеваго мѣшка съ пряжкой на одномъ концѣ и ремешкомъ на другомъ, а равно и о нынѣшнихъ тоже кожаныхъ, но уже «юхтових» поясахъ отъ 20 до 30 и болѣе стм. ширины съ нѣсколькими карманами и 5 или 6-ю застежками въ видѣ ремешковъ съ пряжками, какіе и сейчасъ носитъ почти все украинское населеніе Карпатъ, особенно же бойки и гуцулы. На Волыни и тоже въ Галичинѣ очень въ ходу, особенно у сельской молодежи гораздо болѣе узкіе пояса съ нѣсколькими прибавочными ремешками, обыкновенно усаженными мѣдными пуговицами и съ привѣшенной къ нимъ *калиткой* или *гаманцемъ* для принадлежностей куренія и т. п.

Штани́, (перс. *иштан.*) *га́чі*, *спо́дні*, *шаровари* (σαραβαλλα, σαραβαρα), *ногавиці* (?.) Вопросъ о нижней поясной мужеской одеждѣ является, кажется, наиболѣе труднымъ во всей этнографіи какъ украинскаго, такъ и вообще славянскаго костюма. Названія этого предмета одежды у разныхъ славянскихъ народовъ неодинаковы и даже не всегда славянскія. Наиболѣе распространеннымъ между ними кажется приходится признать слово *га́чі*, которое встрѣчается у сербовъ, чеховъ, украинцевъ и, можетъ быть, у поляковъ (gate) и у великоруссовъ, (сохранилось одно слово *гашникъ*) тогда какъ названія *сподні*, *порты*, у карпатскихъ украинцевъ *портяни́ці*, хотя и славянскія, но не спеціальныя, а относятся или къ одеждѣ вообще, или къ ея матеріалу. На территоріи нынѣшней Украины, штаны несомнѣнно были извѣстны еще въ доисторическія времена, напр. у скиѳовъ, не говоря уже о населявшихъ ее позже азіатскихъ народахъ. Наиболѣе раннія историческія упоминанія объ этой одеждѣ мы находимъ въ VI в. у Прокопія и затѣмъ уже болѣе ясныя въ XI в. въ кіевскихъ и чешскихъ хроникахъ. Но эти упоминанія даютъ намъ только право не сомнѣваться въ томъ, что историческія времена застаютъ уже славянъ носившими шта-

ны. Составляли-ли они принадлежность одежды всѣхъ классовъ общества этого времени, мы не знаемъ, но что касается разныхъ возрастовъ, то намъ извѣстно, что еще не такъ давно, около полустолѣтія тому назадъ или немного больше, мальчики лѣтъ до 15, а иногда и до свадьбы штановъ еще не носили, а ходили въ очень длинныхъ холщевыхъ рубахахъ, опоясанныхъ какою-нибудь крайкой, а то и веревочкой.

Нынѣшніе украинскіе штаны, даже въ наипростѣйшихъ своихъ формахъ, далеко не представляютъ собой такихъ переходныхъ формъ отъ привязныхъ женскихъ «завоевъ» или «доколінниць» къ настоящимъ мужскимъ штанамъ, какія встрѣчаются напр. у нѣкоторыхъ сѣверно-азіатскихъ народовъ, какъ напр. у якутовъ и пр., хотя намекъ на нѣчто подобное и можно видѣть въ штанинахъ нѣкоторыхъ украинскихъ одеждъ этого рода, сходящихся подъ угломъ къ продольной оси штановъ. По словамъ Чубинскаго, существуетъ два покроя украинскихъ штановъ, соотвѣтствующіе двумъ главнымъ типамъ рубахи: 1) штаны *узкіе* «до пáска», т. е. сшитые съ пояскомъ, который застегивается на одну или двѣ пуговицы, и носимые тамъ, гдѣ носится и старинная рубаха, выпускаемая поверхъ штановъ, и 2) штаны широкіе «до очкура», т. е. безъ пояса, но съ завернутымъ верхнимъ краемъ, зашитымъ въ видѣ широкаго рубца, въ который продергивается шнурокъ или ремень, стягивающій штаны и не дающій имъ спускаться внизъ — носимые вмѣстѣ съ рубахой «степового», т. е. восточнаго типа. Эта классификація Чубинскаго въ общемъ вѣрная до тѣхъ поръ, пока дѣло идетъ о широтѣ или узости штановъ, оказывается совершенно невѣрной относительно употребленія «очкура» и «паска». Разсматривая штаны въ коллекціяхъ Этногр. Отд. Р. Музея Имп. Александра III, собранные почти изо всѣхъ мѣстностей Украины, мы могли убѣдиться, что употребленіе «очкура» вовсе не связано съ шириной штановъ и что во всѣхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ ея, т. е. въ сѣверныхъ у.у. Черниговской губ., Волынскаго Полѣсья и во многихъ мѣстахъ Галиціи, гдѣ рубаха сохранила свой старинный покрой и способъ ношенія (на выпускъ), штаны бываютъ обыкновенно узкіе, но почти всегда на «очкурѣ». Принимая во вниманіе существованіе штановъ на вздержкѣ или на гашникѣ въ Великороссіи и значительное распространеніе штановъ съ очкуромъ въ Сербіи, Черногоріи и пр., и не забывая, съ другой стороны, о близкой связи штановъ съ поясомъ по происхожденію, мы склоняемся къ предположенію, что первоначальной формой славянскихъ, а слѣдовательно и украинскихъ штановъ были именно штаны *до очкура*. Штаны же *до пáска*, т. е. съ пришитымъ къ нимъ пояскомъ изъ той же матеріи, застегивающимся на пуговицы или крючекъ — это форма позднѣйшая, происшедшая отъ употребленія другого, чѣмъ холстъ, матеріала и позаимствованная уже изъ Западной Европы. Восточное же вліяніе выразилось въ формѣ украинскихъ штановъ, главнымъ образомъ въ увеличеніи ихъ ширины, а затѣмъ отчасти въ измѣненіи матеріала (у козаковъ), отчасти же и ихъ покроя. Въ настоящей статьѣ мы рѣшительно лишены возможности входить въ детали покроя и располагать необходимымъ

для этого количествомъ рисунковъ, поэтому мы должны ограничиться только упоминаніемъ о томъ, что широкіе лѣвобережные, особенно старинные козацкіе штаны съ ихъ четырехугольными вставками, образующими мѣшокъ, соединяющій двѣ прямыя штанины, очень близки къ подобной же одеждѣ лазовъ, чеченцевъ и др. кавказскихъ народовъ, а съ другой стороны—болгаръ и отчасти сербовъ. Почти то же можно сказать и о лѣвобережныхъ же штанахъ полтавскихъ и широкихъ галицкихъ (Поділля), которые отличаются отъ предыдущихъ тѣмъ, что въ нихъ штанины соединены нѣсколько подъ угломъ и вставки имѣютъ видъ двухъ треугольниковъ или двухъ клиньевъ, выполняющихъ уголъ между двумя штанинами, что встрѣчается тоже на Кавказѣ, напр. у жителей Гунибскаго округа. Очень близки къ нимъ и штаны «до очкура» сѣверно-украинскаго Полѣсья (сѣв. Черниг. и Волынской губ.), но они гораздо уже. На этихъ же штанахъ мы довольно ясно можемъ видѣть и переходъ отъ очкура къ пояску, зависѣвшій, по всей вѣроятности, отъ измѣненія матеріала одежды. Въ одной и той же мѣстности, напр. на сѣверѣ Волыни, мы видимъ холщевые штаны сшитыми «до очкура», тогда какъ такіе же, но суконные сшиты уже «до паска», вѣроятнѣе всего потому, что сукно дѣлало бы при очкурѣ слишкомъ тяжелыя и неуклюжія складки, требующія къ тому же и очень много матеріала. У лемковъ встрѣчается любопытная форма штановъ, представляющая компромиссъ очкура съ пояскомъ: ремень обходитъ вокругъ верхняго края штановъ, но продѣвается не въ рубецъ ихъ, а въ пришитыя для этой цѣли особыя петельки. Очень близкая къ этой форма существуетъ у сербовъ и у черногорцевъ. Но у тѣхъ же лемковъ встрѣчается еще одинъ способъ избѣгать образованія упомянутыхъ складокъ—это треугольные и даже четырехугольные вырѣзы въ верхнемъ краѣ штановъ, иногда напоминающіе нѣмецкій гульфъ, но безъ пуговицъ и держащійся на общемъ ремнѣ. Такимъ образомъ, нѣкоторые очкурные штаны а равно и сѣверные штаны «до паска» приближаются къ западно-европейскому покрою.

Штаны чаще всего шьются на Украинѣ изъ простаго, грубаго полотна, очень часто превращаемаго для этого въ *пейстру*, т. е. въ набойку, посредствомъ наведенія на него съ рѣзной доски узора масляной краской въ видѣ узенькихъ продольныхъ полосокъ синяго или чернаго цвѣта; иногда болѣе зажиточные люди дѣлаютъ себѣ штаны изъ синей китайки или сѣраго черкасина. О штанахъ козацкой эпохи изъ тонкихъ суконъ или шелковыхъ тканей теперь нѣтъ, разумѣется, и помина. Къ числу особенностей гуцульскихъ становъ, шьющихся почти всегда изъ краснаго, рѣже синяго сукна, относится вышивка ярко-желтой и зеленой шерстями по внутренней сторонѣ нижняго края штанинъ, который всегда отворачивается вверхъ—украшеніе, встрѣчающееся только, кажется, у хевсуръ.

Точно такими же узорами, какъ и на штанахъ, вышиваются у гуцуловъ и края ихъ *онуч* изъ краснаго-же сукна и *капців*, т. е. тоже красныхъ, суконныхъ носковъ. Подобную-же общую и съ кавказскими народами и съ южными славянами черту гуцульскаго костюма, мы наблюдаемъ и на *панчохах*

или чулкахъ, которые вяжутся изъ цвѣтныхъ шерстей, съ очень яркими и сложными узорами.

Обувь у мужчинъ на Украинѣ почти совершенно не отличается отъ женской и потому не нуждается въ особомъ описаніи. Мужчины, также какъ и женщины, носятъ только въ очень немногихъ мѣстностяхъ *личаки*, гораздо чаще, въ особенности лѣтомъ *постоли* и почти повсемѣстно, особенно зимою—*чоботи*, которые если и отличаются отъ женскихъ, то развѣ меньшей тщательностью отдѣлки и отчасти матеріаломъ, такъ какъ, съ концомъ употребленія національной одежды высшими сословіями, мужчины вовсе не носятъ цвѣтныхъ сафьянныхъ сапоговъ. Вышли также изъ употребленія и подвѣсныя подковки, обыкновенныя же плотно прибиваются къ каблукамъ и носятся попрежнему.

Прочія принадлежности мужской одежды:

Ціпки, топірці, табівки, дзьобні кубки и пр. Необходимой принадлежностью каждаго женатаго человѣка, *хозяина* или *газди*, составляетъ *ціпок*, т. е. обыкновенная палка, вырѣзанная изъ лѣщини или молодого «дубця». Палка эта, очень простая, бываетъ обычно безъ крючка и никогда не красится, но нѣкоторые любители украшаютъ ее узорами, вырѣзанными на корѣ. У гуцуловъ палка замѣняется *топірцем*, т. е. имѣетъ насаженный на верхній ея конецъ небольшой, по большей части мѣдный топорикъ, иногда украшенный болѣе или менѣе искусной рѣзьбой. Въ послѣднее время мѣдные топірці замѣняются часто деревянными съ разными инкрустаціями. Кромѣ топориковъ, у гуцуловъ употребляются также украшенныя палочки, но исключительно замужними женщинами. *Табівка*—это небольшая кожаная сумочка, одна изъ сторонъ которой покрыта тисненой мѣдной бляхой или набита мѣдными же гвоздиками, носимая черезъ плечо на ремнѣ, тоже усаженномъ въ нѣсколько рядовъ мелкими гвоздиками съ мѣдными головками. Женщины, а въ будніе дни и мужчины, носятъ вмѣсто табівки *дзьобні* или *дзюбеньки*—сумки, сшитыя изъ шерстяной, обыкновенно клѣтчатой матеріи, иногда съ разными нашивными украшеніями. Прежде, пока австрійскимъ правительствомъ, или, вѣрнѣе, польской администраціей Галиціи, гуцуламъ не было запрещено ношеніе оружія, они ходили съ *пистолями* за поясомъ и имѣли, тоже черезъ плечо, такъ назыв. *кубок*, т. е. деревянную пороховницу полушарообразной формы, выпуклая поверхность которой очень изящно украшена инкрустаціями изъ мѣдныхъ пластинокъ, слоновой кости, перламутра и т. п.; иногда же пороховница дѣлалась изъ развилинъ оленьихъ роговъ, болѣе или менѣе богато украшенныхъ рѣзьбою и пр.

Всѣ эти предметы понемногу начинаютъ исчезать, какже какъ и украинская одежда вообще. Отчасти это происходитъ отъ причинъ чисто экономическихъ, приводящихъ къ возможному удешевленію, а слѣдовательно и къ фабричному производству одежды, отчасти же и подъ вліяніемъ городскихъ и фабричныхъ модъ. Во многихъ деревняхъ Украины, особенно на югѣ, уже нерѣдко можно видѣть парубковъ въ цвѣтныхъ или даже черныхъ косоворткахъ на выпускъ, студенческихъ фуражкахъ и

конечно, въ «спинжакахъ» и калошахъ поверхъ смазныхъ сапоговъ...

Бросая, затѣмъ, общій взглядъ на украинскую одежду, мы можемъ, кажется, не сомнѣваться въ томъ, что несмотря на неустойчивость формъ одежды вообще и на довольно большія измѣненія ея на Украинѣ, она все-таки сохранила въ себѣ довольно много архаическаго. Эти архаическія формы, встрѣчающіяся больше всего въ одеждѣ женщинъ, замѣтны главнымъ образомъ въ сѣверной полосѣ нашей страны и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Галичины и оказываются въ значительной степени общими для всѣхъ славянскихъ народовъ (бѣлые головные уборы у женщинъ, кіптарі и лейбики, сердаки и свиты «з вусами», запаски и плахты, цвѣтъ и покрой рубахъ, способъ ихъ носить и т. п.). Изъ сосѣднихъ вліяній на украинской одеждѣ отразились повидимому всего болѣе вліянія восточныя и въ частности иранскія, а изъ западныхъ, разумѣется польское, служившее вмѣстѣ съ тѣмъ проводникомъ и западноевропейскихъ формъ одежды. Такъ какъ всѣ эти вліянія все-таки не были достаточно сильными, чтобы совершенно измѣнить основной характеръ украинской одежды, то они вошли только въ видѣ факторовъ ея естественной эволюціи, довольно близкой къ эволюціи костюма южныхъ и югозападныхъ славянъ. Мы не пойдемъ такъ далеко, какъ покойный Головацкій, говорившій объ одеждѣ карпатскихъ «русскихъ, т. е. малороссовъ», что она «сообщилась буковинскимъ и седмиградскимъ румынамъ» и что «слѣды ея есть у болгаръ, сербовъ и хорватовъ», но должны признать, что въ общемъ украинцы и въ отношеніи одежды примыкаютъ болѣе всего къ южнымъ и отчасти югозападнымъ славянамъ.

X. Вѣрованія *). Въ понятіяхъ украинскаго народа, какъ и въ понятіяхъ прочихъ народовъ, не подпавшихъ еще окончательно подъ вліяніе школы, сохранилось множество переживаній прежнихъ *вѣрованій*, т. е. убѣжденій, сложившихся не эмпирическимъ путемъ, а на основаніи догадокъ и предположеній и относящихся, главнымъ образомъ, къ тѣмъ областямъ, познаніе которыхъ достигается очень медленно и съ большимъ трудомъ. Замѣняя собой знанія, вѣрованія держатся очень упорно, измѣняясь, однако, съ теченіемъ времени и легко принимая въ себя новые элементы, привносимые извнѣ. Въ зависимости отъ этого въ вѣрованіяхъ сохраняются цѣлыя напластованія различныхъ культуръ и вліяній, разобраться въ которыхъ иногда въ высшей степени трудно и если возможно, то только путемъ долгаго и внимательнаго

*) См. Чубинскій. Труды экспед., т I; Драгомановъ—Малорусскія преданія и разсказы. Кіевъ 1876; Гринченко—Этнографическіе матеріалы. Черн. 1895; Онищук, А.—Матеріали до гуцульскої демонольогії (Матер. до укр. етнол. т. XI); Гнатюк В.—Знадоби до україн. демонольогії (Етнографічний Збірник, т. XXXIV); Ефименко, П. С. Малорусскія заклинанія. (Чт. М. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1874, кн. 1). Nowosielski, A. Lud ukraiński. Wilno. 1857 и пр. Для сравн.: de Chesnel, Dictionnaire der superstitions. P. 1856; Thiers, Traité des superstitions. P. 1697; Wuttke, A. Der deutsche Volksaberglaube der gegenwart. Hamb. 1860.

сравнительнаго изученія. Украинскія вѣрованія находятся именно въ такомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что и самое собираніе ихъ велось до сихъ поръ безъ всякой системы, при чемъ онѣ постоянно смѣшивались то съ фольклоромъ, то съ народнымъ календаремъ или съ народной медициной и т. п. и спутывались, благодаря неясности основныхъ положеній исторіи религій вообще.

Если слѣды грубаго фетишизма успѣли уже почти совсѣмъ стереться въ украинскихъ вѣрованіяхъ, то анимизма и антропоморфизма въ нихъ еще очень достаточно. Очень много также и переживаній старинныхъ, по большей части еще общеиндоевропейскихъ вѣрованій и культовъ. Сюда принадлежатъ напр. почти всѣ вѣрованія, относящіяся къ силамъ и явленіямъ природы, нѣкоторымъ животнымъ и разнымъ сверхъестественнымъ существамъ и вытекающія изъ этихъ вѣрованій дѣйствія, составляющія наиболѣе древнія части обрядовъ. Особенно оригинальнаго и спеціально украинскаго въ нихъ или нѣтъ почти ничего, или очень немного, тѣмъ болѣе, что очень значительное количество позднѣйшихъ вѣрованій, или зависящихъ отъ нихъ дѣйствій, успѣло проникнуть въ Украину отчасти путемъ разныхъ космографій, азбуковниковъ, бестіаріевъ, и прочей средневѣковой литературы, отчасти же путемъ устныхъ заимствованій. Таковы напр. предубѣжденія, касающіяся тяжелыхъ дней недѣли, разныхъ примѣтъ, завязываніе узловъ, извѣстные пріемы гаданья и колдовства, очень многія формулы заклинаній и т. п. Сколько нибудь подробное разсмотрѣніе всѣхъ украинскихъ вѣрованій въ настоящей статьѣ разумѣется невозможно и намъ поневолѣ придется ограничиться наиболѣе интересными категоріями ихъ, выдѣляя при этомъ по возможности все, относящееся не столько къ вѣрованіямъ сколько къ устной народной словесности, которая найдетъ себѣ мѣсто въ главѣ объ украинскомъ фольклорѣ. Но такъ какъ вѣрованія на каждомъ шагу превращаются въ миѳы и легенды, то намъ, разумѣется, нельзя будетъ не обращаться къ этимъ послѣднимъ для возстановленія остатковъ прежнихъ вѣрованій, или по крайней мѣрѣ для рѣшенія вопроса о ихъ происхожденіи.

Такого именно рода случай представляется намъ, если мы начнемъ свой обзоръ украинскихъ вѣрованій съ вопроса о *космогоническихъ* представленіяхъ нашего народа. Въ матеріалахъ, которыми мы располагаемъ, мы не находимъ ни прямого отвѣта на этотъ вопросъ, ни какихъ-нибудь указаній на болѣе старинныя вѣрованія, существовавшія въ еще дохристіанскія времена: у насъ есть только нѣсколько варіантовъ украинской легенды о томъ какъ Богъ, задумавши сотворить міръ, послалъ чорта на дно моря, чтобы достать оттуда немного земли. Въ гораздо болѣе полной редакціи мы находимъ эту же самую легенду у болгаръ и это приводитъ насъ къ ея первоначальному источнику — ученію манихеевъ, съ котораго совершенно стерся уже философскій дуализмъ и осталась только до наивности простая, хотя и занимательная фабула. Точно такъ же источникомъ *космографическихъ* представленій въ украинскихъ вѣрованіяхъ является извѣстная книга византійскаго писателя Косьмы Индикоплова: по украинскимъ народнымъ преданіямъ земля представляетъ собою

круглую плоскость, окруженную со всѣхъ сторонъ водой и прикрытую небеснымъ сводомъ. Посреди этой плоскости находится гора, за которую заходитъ солнце, отъ чего и происходитъ перемѣна дня и ночи. Такимъ образомъ какъ космогоническія такъ и космографическія понятія украинцевъ происхожденія несомнѣнно книжнаго, хотя и очень стариннаго, и свидѣтельствуютъ о томъ, что если-бы національное школьное образованіе, прервавшееся на Украинѣ въ концѣ XVIII в., шло своимъ нормальнымъ путемъ, то разумѣется мы имѣли-бы теперь дѣло не съ отголосками византійской схоластики и болгарскихъ апокрифовъ, а съ болѣе поздними научными данными.

Гораздо болѣе древними и болѣе этнографическими оказываются представленія украинскаго народа о *небесныхъ свѣтилахъ*, хотя эти представленія не вездѣ одинаковы и носятъ на себѣ явные слѣды разновременности. Такъ *солнце* въ Луцкомъ у. Волын. губ. представляется «царемъ неба», освѣщающимъ и согрѣвающимъ землю днемъ, а ночью «обходящимъ ее» и утромъ являющимся опять на востокѣ; въ Новоградволынск. уѣздѣ той же губ. оно уже олицетворяется въ видѣ женщины, въ Винницкомъ же уѣздѣ въ видѣ мужчины съ яснымъ лицомъ, лучи котораго освѣщаютъ весь міръ и т. д. Въ легендѣ, приведенной Чубинскимъ (т. I, стр. 5), мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ солнечныхъ миѳовъ, къ сожалѣнію очень плохо сохранившимся и вставленномъ въ фабулу одной очень распространенной восточной сказки на моральную тему о томъ, что обиды никогда не остаются безнаказанными. Солнце въ этой легендѣ представляется въ человѣческомъ образѣ: оно живетъ тамъ гдѣ земля сходится съ небомъ, имѣетъ мать и сестру и похищаетъ себѣ жену у людей; совершая свой ежедневный обходъ неба, оно одѣвается въ ризу, испускающую свѣтъ и теплоту. Другой родъ представленій о солнцѣ имѣетъ уже совсѣмъ иной очевидно позднѣйшій характеръ: въ Литинскомъ у. Подольской губ. это отверстіе въ облакѣ, сквозь которое видна часть неба; въ Проскуровскомъ у. «огненный шаръ, вращающійся вокругъ земли»; въ Грубешовскомъ у.—огонь разведенный на небѣ и поддерживаемый «дѣдомъ», отъ котораго зависитъ продолжительность дня и ночи; въ Уманскомъ у. это «лицо Божіе», а въ Холмскомъ—«око Божіе». Во всякомъ же случаѣ, по свидѣтельству Чубинскаго: «солнце какъ бы обожается народомъ, считается святымъ и праведнымъ». Если человѣкъ хочетъ молиться и не видитъ передъ собою ни иконы, ни креста, или другаго священнаго изображенія, то онъ долженъ обращаться къ солнцу, а если и солнца не видать, то онъ молится «на схід сонця», т. е. просто обратясь къ востоку...

Такимъ образомъ мы видимъ, что отъ старинной антропоморфизаціи представленій о солнцѣ, которая вѣроятно когда-то существовала, осталось очень немного; удержалось только общее убѣжденіе въ его божественной природѣ и святости. На сколько и въ чемъ именно сохранились въ Украинѣ остатки солнечнаго культа — мы увидимъ далѣе, при разсмотрѣніи суевѣрій и нѣкоторыхъ обрядовъ; теперь же только упомянемъ о переживаніяхъ этого культа въ видѣ соотвѣтствующихъ временамъ года народныхъ празд-

никовъ или игрищъ—Веснянокъ, Купала, Ярила и Коляды. Конечно и отъ этихъ праздниковъ осталось немного, о «сатанинскихъ бѣснованіяхъ» описываемыхъ благочестивыми авторами Переяславской лѣтописи или «Слова нѣкоего Христолюбца» и пр. не осталось почти и помину, солнечному божеству «куръ» больше не «рѣжють» и только кое-гдѣ, да и то больше у южныхъ славянъ, продолжаютъ еще «молить ему короваи», о чемъ мы скажемъ далѣе.

Народныя украинскія понятія о *лунѣ* и *звѣздахъ* въ сущности немногимъ отличаются отъ понятій о солнцѣ. Луна—это тоже «око Божіе», свѣтило, поставленное поближе къ землѣ, чтобы лучше освѣщать ее во время ночи, младшій братъ солнца, оно имѣетъ большое вліяніе и на людей и на животныхъ, а потому по словамъ Чубинскаго, народъ и молится каждому молодому мѣсяцу. Фазы луны тоже дали довольно много матеріала для народныхъ вѣрованій, но болѣе древнихъ изъ нихъ мы не знаемъ, нынѣшнія же носятъ на себѣ ясную печать средневѣковыхъ астрологическихъ представленій, подновленныхъ недавнею еще литературой о вліяніи разныхъ «квадръ» луны на животный и растительный міръ, которая еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ видѣ знаменитаго «бердичевскаго календаря» пользовалась непререкаемымъ авторитетомъ у украинскихъ сельскихъ хозяевъ. *Звѣзды* по народнымъ представленіямъ—дѣти солнца или солнца и луны. Онѣ, однако, тѣсно связаны съ жизнью людей: каждому человѣку соотвѣтствуетъ звѣздочка на небѣ и когда человѣкъ умираетъ, звѣздочка эта падаетъ и исчезаетъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ эти, очевидно астрологическія представленія, связаны уже съ христіанствомъ и свѣчечки на небѣ зажигаются для каждаго изъ родившихся людей самимъ Богомъ... Въ такомъ же родѣ видоизмѣнялись и старинныя представленія о *млечномъ пути* (дорога въ Іерусалимъ), о *кометахъ*, всегда предвѣщающихъ какія-нибудь бѣдствія и т. п.

Изъ *атмосферныхъ явленій-дождь, снѣгъ и иней*, какъ явленія обыкновенныя и не имѣющія въ себѣ ничего особенно устрашающаго, повидимому, не вызвали особенно опредѣленныхъ вѣрованій. Разумѣется, они находятся въ зависимости отъ высшихъ міровыхъ силъ (дождь и снѣгъ посылаются святыми, ангелами и т. п.), но рядомъ съ этимъ, по крайней мѣрѣ въ нынѣшнихъ народныхъ представленіяхъ, проглядываетъ наклонность искать для нихъ болѣе или менѣе раціональныхъ объясненій, въ родѣ объясненія снѣга замерзаніемъ дождя и т. п. Гораздо болѣе должна была дѣйствовать на народное воображеніе *радуга*, которая представляется въ видѣ какой-то гигантской трубы, или насоса (*смок*), втягивающей воду въ облака, откуда она падаетъ потомъ въ видѣ дождя. Въ еще большей степени способенъ былъ возбуждать фантазію *градъ*, который въ народныхъ преданіяхъ и олицетворяется въ видѣ всадника, посылаемаго Богомъ для наказанія людей за ихъ грѣхи, иногда же насылается разными злыми существами—чертями, вѣдьмами, знахарями и пр., и въ такомъ случаѣ отъ него можно избавиться соотвѣтственными магическими дѣйствіями. Точно такъ же олицетворяется и *морозъ*, чаще всего въ видѣ очень стараго человѣка, сво-

имъ дыханіемъ леденящаго все. Представленія о *вѣтрѣ* не отличаются въ Украинѣ особою оригинальностью и носятъ на себѣ явные слѣды средневѣковыхъ понятій о четырехъ космическихъ вѣтрахъ, изображавшихся даже на рисункахъ въ старинныхъ космографіяхъ въ видѣ дующихъ человѣческихъ лицъ: вѣтры производятся четырьмя таинственными существами, дующими съ четырехъ концовъ земли и подвластными «вітродую» — сердитому старику, живущему гдѣ-то далеко за морями — переживанію классическаго Эола. Кое-гдѣ въ Галиціи, впрочемъ, вѣтеръ олицетворяется въ видѣ человѣка или женщины съ искарапанными ногами, приходящихъ просить помощи къ людямъ. Совершенно иначе и гораздо оригинальнѣе представляется въ украинскихъ вѣрованіяхъ *вихрь*. Это по всеобщему и повсемѣстному убѣжденію самъ сатана или крутящійся во время своей свадьбы, или просто носящійся надъ землей; если въ него бросить ножъ или «сокиру», то его можно ранить или убить, и въ такомъ случаѣ на мѣстѣ, гдѣ былъ вихрь, остается лужа смолы. Но опыты въ этомъ родѣ очень опасны и въ случаѣ неудачнаго удара чортъ переломаетъ бросившему всѣ кости и т. д. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Украины происхожденіе чорта, производящаго вихрь, объясняется иначе: это дьяволъ, который семь лѣтъ пробылъ обыкновенной змѣей, другія семь лѣтъ — полозомъ или огромной змѣей, а на третьи семь лѣтъ у него выростаютъ крылья, и тогда онъ начинаетъ летать, особенно передъ грозой, по воздуху, производя страшный вѣтеръ, ломающій деревья и т. п. У гуцуловъ, по словамъ Шухевича, подобное существо называется *жоретвá* и представляется тоже въ видѣ крылатаго дракона, изображеніе котораго иногда встрѣчается на мѣдныхъ рукояткахъ гуцульскихъ палокъ (экземпляръ такой палки есть и въ Этногр. Отд. Р. Музея Имп. Александра III).

Украинскія народныя представленія о *громѣ и молніи* очевидно тоже очень стариннаго происхожденія, но въ настоящее время уже въ силѣной степени христіанизованы. Древнія громовыя божества, въ родѣ совсѣмъ недостаточно намъ извѣстнаго Перуна, замѣнились уже болѣе понятными народу олицетвореніями въ родѣ св. Иліи, архистратига Михаила и особенно св. Георгія (Юрія), имѣющаго впрочемъ съ каноническимъ св. Георгіемъ, или лучше сказать съ популярнымъ его изображеніемъ, только то общее, что онъ ѣздитъ на бѣломъ конѣ и поражаетъ копьемъ дракона. Въ народномъ воображеніи онъ окруженъ цѣлой стаей волковъ — его собакъ, — каждому изъ которыхъ онъ указываетъ его ежедневную пищу. Архистр. Михаилъ, св. Илія и Св. Юрій по народнымъ легендамъ, носятся во время грозы по небу, одинъ на своихъ крыльяхъ, другой на огненной колесницѣ и третій на бѣломъ конѣ и охотятся на дьяволовъ, поражая ихъ громовыми стрѣлами. Такая стрѣла глубоко входитъ въ землю и выходитъ изъ нея только черезъ семь лѣтъ; нашедшій хранитъ ее, какъ святыню, и она помогаетъ во многихъ болѣзняхъ. Отличаясь, такимъ образомъ, небеснымъ происхожденіемъ, производимый молніей огонь, разумѣется, признается сверхъестественнымъ: его или вовсе не слѣдуетъ тушить, и если уже тушить

то не иначе какъ молокомъ, и лучше всего козьимъ, или сывороткою. Само собой разумѣется, что во время грозы не слѣдуетъ ни пѣть, ни свистѣть, нельзя также прятаться подъ дубомъ или вербою, потому что черти имѣютъ тамъ свое обиталище и ищутъ спасенія въ немъ во время грозы.

Съ небеснаго огня понятіе о его святости переносится и на огонь обыкновенный. *Огонь* считается святымъ: къ нему чувствуется особое уваженіе — каждая хозяйка должна обращаться съ огнемъ очень осторожно и съ почтеніемъ, о немъ нельзя говорить что-нибудь неприличное, въ него нельзя плевать или бросать что нибудь нечистое, имъ нельзя играть, нельзя даже выметать печь тѣмъ вѣникомъ, которымъ подметается хата. «Ми шануемо вогонь як Бога, він наш дорогий гість». Сохранились даже кой-какіе остатки жертвоприношеній огню: каждая хорошая хозяйка должна крестить его и ставить при немъ горшокъ съ водою и полѣно, чтобы онъ имѣлъ что ѣсть и пить. Но при всѣхъ этихъ переживаніяхъ древняго обожествленія огня, ни вѣрованія въ небесное происхожденіе его, ни антропоморфическія его олицетворенія въ Украинѣ уже не встрѣчаются—по крайней мѣрѣ въ чистомъ видѣ. Вмѣсто похищеннаго съ неба Прометеемъ, огонь оказывается теперь выдуманнымъ чертями, или какою-то другою, во всякомъ случаѣ не доброю силою, но похищеніе его на пользу людямъ все таки не забыто, хотя роль Прометея отводится уже если не самому Богу, то его архангеламъ или святымъ. Чортъ разложилъ большой огонь; Богъ, увидѣвши это, послалъ архангела Гавріила, который началъ разговаривать съ чортомъ, засунувши конецъ своей желѣзной палки въ огонь. Когда палка достаточно раскалилась, архангелъ началъ уходить, а чортъ, замѣтившій въ чемъ дѣло, бросился его догонять и былъ уже совсѣмъ близко, но Богъ сказалъ Гавріилу: «Брось палку!». Тотъ бросилъ, палка ударилась о камень, и изъ него посыпались искры. Такимъ образомъ огонь перешелъ въ камень, и люди научились добывать его оттуда посредствомъ удара желѣзомъ. Кромѣ такихъ связныхъ, хотя и очень модернизированныхъ, старинныхъ традицій о происхожденіи огня, встрѣчаются и другія въ родѣ легенды о молодомъ человѣкѣ, ушедшемъ отъ отца и попавшемъ на необитаемый островъ и начавшимъ тереть «ліщину объ ліщину» (дерево лѣсного орѣшника) и т. п., но это уже новѣйшія представленія, навѣянныя литературными разсказами о Робинзонѣ и проч.

Земля и вода. Украинскія вѣрованія, касающіяся земли и воды, немногимъ отличаются отъ упомянутыхъ выше. Онѣ также въ значительной степени христіанизованы, но сквозь это новѣйшее наслоеніе не трудно разсмотрѣть остатки очень первобытныхъ представленій. О космогоническихъ и космографическихъ идеяхъ, держащихся еще въ неграмотной народной массѣ, мы уже упоминали. Къ нимъ можно прибавить довольно смутныя повѣрья о томъ, что земля держится на рыбѣ или на двухъ рыбахъ, движенія которыхъ производятъ землетрясенія и не менѣе смутное, но гораздо болѣе реальное представленіе о существованіи гдѣ-то далеко теплой и блаженной

a

b

стороны называемой *вырій* или *ирій*, куда улетаютъ птицы на зиму и откуда возвращаются весной. Въ этомъ послѣднемъ повѣрьѣ больше всего, впрочемъ, интересно слово *вырій*, встрѣчающееся еще въ Поученіи Владимира Мономаха, но до сихъ поръ еще, кажется, этимологически необъясненное, тогда какъ само понятіе представляетъ собой обрывокъ географическаго знанія, которое выродилось, съ уменьшеніемъ грамотности, въ легенду. Сюда же, т. е. къ тому же циклу вѣрованій, должно быть отнесено и преданіе о существованіи *пупа* (пупця) земли, изъ котораго вытекаетъ вода, образующая всѣ рѣки и моря и вновь возвращающаяся въ тотъ же пупець и понятіе о которомъ, вѣроятно, навѣяно извѣстными библейскими и апокрифическими преданіями, постоянно подновляемыми какъ нѣкоторыми старинными церковными изображеніями четырехъ міровыхъ рѣкъ, вытекающихъ изъ одного мѣста, такъ и разсказами «прочан» т. е. паломниковъ о видѣнномъ ими пупѣ земли въ Іерусалимѣ. Гораздо интереснѣе обрывки древняго обожествленія земли и воды, оставшіеся въ сравнительно болѣе чистомъ видѣ. «Народъ», говоритъ преданіе, записанное экспедиціей Чубинскаго на Волыни: «питаетъ глубокое уваженіе къ землѣ и называетъ ее матерью. «Земля мати наша», потому что она кормитъ людей и животныхъ. Бить по землѣ палкою безъ нужды считается большимъ грѣхомъ. Клятва землею есть клятва самая страшная: при ней обыкновенно цѣлуютъ землю, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и съѣдаютъ комокъ ея (вѣроятно остатокъ средневѣковыхъ ордалій) въ доказательство своей правоты. Выраженіе недовѣрія: «хоч ти землю іж» находится и теперь въ очень ходячемъ употребленіи, пожеланіе же «щоб тебе свята земля не прийняла!» считается выраженіемъ величайшей ненависти и наоборотъ слова: «що-бы ся мав, як свята земля» принадлежатъ къ лучшимъ благопожеланіямъ.

Точно такъ же считается святою и вода: въ нее нельзя плевать, нельзя мочиться и пр., но впрочемъ чаще всего вода пріобрѣтаетъ священныя и цѣлебныя свойства только тогда, когда она «не початà», т. е. не осквернена еще ничьимъ прикосновеніемъ, или когда она освящена, особенно въ извѣстные дни (напр. крещенская). Въ пѣсняхъ, особенно обрядовыхъ, требуется, чтобы вода для ритуальнаго употребленія была непремѣнно «изъ трехъ» или «семи криниць» и т. п. Очень интересно то обстоятельство, что ни въ литературѣ, ни въ лично собранныхъ нами и другими лицами свѣдѣніяхъ нѣтъ ни одного указанія на какія-нибудь приношенія или жертвы водѣ, въ родѣ напр. той монеты, которую по моры бросаютъ въ море при выходѣ и зъ Бѣлаго моря въ океанъ. Единственнымъ, да и то не особенно убѣдительнымъ, намекомъ на существованіе по крайней мѣрѣ въ отдаленномъ прошломъ жертвъ водѣ, можно считать развѣ соблюдающійся кое-гдѣ обычай бросать деньги въ почитаемые святыми колодцы или источники при нѣкоторыхъ монастыряхъ...

Точно такъ же и вѣрованія, связанныя съ растительнымъ міромъ, имѣютъ на Украинѣ характеръ несомнѣнно поздній и очень часто заимствованы съ запада. Все то, что мы находимъ, напр., относительно осины, березы, сосны, липы, бузины, ячменя, гороха

и т. п., создалось уже подъ вліяніемъ христіанскихъ идей: сосна — дерево благословенное, она всегда зелена, потому что ея дерево оказалось негоднымъ на гвозди для распятія Спасителя; верба же, напротивъ, дерево проклятое, такъ какъ эти гвозди были сдѣланы именно изъ него; на осинѣ повѣсился Іуда, и ея листья поэтому безпрестанно трясутся, она наводитъ страхъ на все злое и изъ нея именно дѣлаются колья, которые забиваются въ грудь упырямъ и вообще ходячимъ мертвецамъ; береза поблѣднѣла отъ первоначальнаго намѣренія Іуды повѣситься на ней; на бузинѣ была повѣшена Св. Варвара Великомученица и потому въ кустахъ ея живутъ черти и т. д. Къ числу вѣрованій, зашедшихъ съ запада, относятся извѣстные разсказы о цвѣтѣ папоротника, о камышѣ, чертополохѣ, макѣ-видюкѣ и многихъ другихъ растеніяхъ. Слѣдовъ древняго почитанія деревьевъ и культа имъ на Украинѣ повидимому совсѣмъ не сохранилось, хотя историческія свѣдѣнія и даютъ многочисленныя доказательства существованія ихъ въ древности у насъ, также какъ и у всѣхъ прочихъ славянъ. Единственными переживаніями ихъ можно считать развѣ ритуальное деревцо въ купальскихъ обрядахъ дівільце или гільце—въ свадебныхъ, о которыхъ будетъ сказано дальше.

Главными мотивами вѣрованій, относящихся къ животнымъ, являются антропоморфизмъ, и убѣжденіе въ возможности превращеній, слегка покрытые налетомъ позднѣйшихъ христіанскихъ понятій. Медвѣдь — это превращенный мельникъ, обезьяна — тоже превращенный человѣкъ, свинья —наказанная за покушеніе обмануть Христа еврейка, собаки — превращенные мальчики, дразнившіе Іисуса Христа, кротъ—тоже мальчикъ, отецъ котораго искушалъ Бога; кошка произошла изъ рукавицы Богородицы, летучая мышь отъ простой мыши, коза и павлинъ — превращенія чорта, чайка—превращенная вдова, а журавль — цыганъ, аистъ же былъ когда-то слугой Богородицы; кукушка по одной версіи — жена, убившая мужа и за это осужденная не имѣть своего гнѣзда, по другой же — дівчина, вышедшая замужъ за оборотня-ужа и т. д. Слѣды антропоморфизма можно было бы видѣть въ украинскихъ разсказахъ о говорящихъ человѣческимъ языкомъ животныхъ, но разсказовъ этихъ пока всего два и оба они, имѣя характеръ нравоучительный (опасность много знать и выбалтывать секреты), относятся къ области международнаго фольклора и въ Украинѣ несомнѣнно заимствованы.

Такъ же точно принадлежатъ скорѣе къ области фольклора, чѣмъ къ числу вѣрованій, и разсказы о *сотвореніи человѣка*. Варіантовъ этихъ разсказовъ тоже очень немного, всѣ они несомнѣнно библейскаго и притомъ апокрифическаго содержанія, такъ какъ во всѣхъ ихъ въ твореніи человѣка, кромѣ Бога, участвуетъ, разумѣется съ другой стороны, и діаволъ. По варіанту Драгоманова, Богъ слѣпилъ человѣка изъ глины и поставилъ сушиться, приказавши собакѣ стеречь его; діаволъ воспользовался сномъ собаки, разодралъ грудь у сушившагося человѣка и наплевалъ туда. Богъ вдунулъ потомъ въ человѣка душу, но человѣкъ и до сихъ поръ отхаркиваетъ мокроты, кашляя.

Совсѣмъ другое представляютъ со-

бой украинскіе народные разсказы о *душѣ*, въ которыхъ мы имѣемъ дѣло уже не съ легендами, а съ настоящими вѣрованіями. Вѣрованія эти, впрочемъ, несомнѣнно христіанскаго происхожденія, но дополнены уже чисто народной фантазіей. Мѣстопребываніе души въ тѣлѣ въ нихъ точно не указывается: одни говорятъ, что она находится въ головѣ, другіе, что въ ямочкѣ подъ шеей, въ груди, въ животѣ, въ печени и т. п. Откуда берется у человѣка душа и какъ она входитъ въ ребенка—на эти вопросы въ народныхъ украинскихъ вѣрованіяхъ мы не находимъ отвѣта, но изъ нихъ мы узнаемъ, что душа оставляетъ тѣло временно — во время сна и навсегда — во время смерти. Въ послѣднемъ случаѣ она выходитъ по большей части черезъ отверстіе, открывающееся въ моментъ смерти въ темени, или черезъ ротъ и бываетъ иногда видима. Она является то въ видѣ мухи или пчелы, то въ видѣ мотылька или птички, то въ видѣ маленькаго человѣчка съ прозрачнымъ и чистымъ тѣломъ и иногда съ крылышками, то, наконецъ, въ видѣ маленькаго облачка, чего-то въ родѣ пара. Она имѣетъ впрочемъ тѣлесныя потребности, питается, вдыхая въ себя паръ отъ горячаго хлѣба или другихъ кушаньевъ и для нея всегда ставится на окнѣ вода въ теченіе извѣстнаго времени, по прошествіи котораго она улетаетъ, но возвращается домой въ тѣ дни, когда умершаго поминаютъ. За грѣхи человѣка душу его постигаетъ печальная судьба въ видѣ *переселенія* въ какое-нибудь животное — собаку, лошадь, свинью, лошадиную голову и т. п., гдѣ она остается до смерти животнаго. Эта вѣра въ переселеніе душъ относится, разумѣется, къ переживаніямъ очень глубокой старины, подновленнымъ и распространеннымъ въ Европѣ разными мистическими и сектантскими ученіями въ родѣ манихейства, отразившагося на Украинѣ не въ одномъ только этомъ, какъ мы уже видѣли напр. въ вѣрованіяхъ о сотвореніи земли.

Особую и очень интересную группу вѣрованій, относящихся къ *людямъ*, составляютъ представленія о *ходячихъ мертвецахъ*, главнымъ образомъ утопленникахъ, самоубійцахъ и вообще людяхъ, умершихъ неестественной смертью, мавкахъ, упыряхъ и т. п. Въ основѣ этихъ вѣрованій лежитъ, разумѣется, прежде всего страхъ, внушаемый мертвецами, и мысль о возможности возвращенія ихъ въ общество живыхъ людей. Вслѣдствіе этого во всѣхъ разсказахъ о выходцахъ изъ могилы, господствующимъ мотивомъ является если не прямой вредъ ихъ, то во всякомъ случаѣ непріятность и нежелательность ихъ появленія. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого общаго правила можно считать легенды объ умершей матери, приходящей къ своимъ, дѣтямъ или о посѣщеніи умершимъ супругомъ другого. Обыкновенно же мертвецы являются къ живымъ людямъ для того, чтобы напомнить имъ о какихъ-нибудь упущеніяхъ въ родѣ неотслуженныхъ панихидъ и т. п., и по исполненіи ихъ желаній больше не показываются. Судьба самоубійцъ, утопленниковъ и т. п. гораздо хуже: они обречены на вѣчное скитаніе вокругъ своихъ могилъ или мѣста своей смерти. Утонувшія во время купанья дѣвушки, а по другимъ, несомнѣнно, болѣе позд-

нимъ варіантамъ—умершія до крещенія дѣти — превращаются въ *мáвокъ* или русалокъ. Общеизвѣстныя вѣрованія, или, можетъ быть, вѣрнѣе, поэтическія представленія о русалкахъ, болѣе полныя и колоритныя въ Украинѣ, чѣмъ въ Великороссіи, являются въ свою очередь только наслѣдствомъ отъ классическихъ народовъ—грековъ и римлянъ, хотя въ очень оригинальномъ усвоеніи и передѣлкѣ и давно уже принадлежатъ къ области фольклора. Къ той же области относятся и извѣстныя легенды объ *упырях*ъ, очень недавно еще представлявшія собой и на Украинѣ одно изъ самыхъ мрачныхъ вѣрованій. Получивши свое начало отъ разсказовъ о вампирахъ — животныхъ изъ породы летучихъ мышей, живущихъ въ тропическихъ странахъ Новаго Свѣта и сосущихъ кровь изъ животныхъ, а иногда и людей, вѣрованія эти, въ которыхъ вампиры превратились въ мертвецовъ, выходящихъ изъ могилъ, чтобы высасывать кровь изъ живыхъ людей, распространились по всей Европѣ, особенно же, какъ говорятъ, въ Греціи, Кроаціи, Моравіи, Венгріи и Польшѣ, откуда проникли и въ Украину, породивши довольно большое количество судебныхъ процессовъ и множество легендъ. Въ Западной Европѣ дѣятельность вампировъ послѣ извлеченія изъ могилы инкриминированнаго трупа, прекращается отдѣленіемъ его головы отъ туловища и сожженіемъ; въ Украинѣ въ этомъ случаѣ примѣняли тотъ же осиновый колъ-который оказывался такъ полезнымъ и для успокоенія бродячихъ мертвецовъ вообще, а кромѣ того въ могилу бросали горсть маку, не пересчитавши зернышекъ котораго, упырь не могъ выйти изъ своей гробницы.

Что касается *живыхъ людей*, то имъ украинскія вѣрованія, по крайней мѣрѣ нынѣшнія, никакихъ сверхъестественныхъ силъ или способностей не приписываютъ. Единственное исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи только *вѣдьмы* и *вовкулаки*. Вѣдьмы — это обыкновенныя женщины, но одаренныя нѣкоторыми сверхъестественными свойствами, направленными исключительно на то чтобы причинять людямъ зло въ той или другой формѣ. Обыкновенное и, можно сказать, спеціальное ихъ занятіе заключается въ выдаиваніи молока у чужихъ коровъ, при чемъ нѣкоторыя, а именно прирожденныя (*родимі*) вѣдьмы, отличающіяся тѣмъ, что имѣютъ небольшой хвостъ, могутъ даже дѣлать э то на разстояніи, провертѣвши гдѣнибудь дырку и послѣ разныхъ нашептовъ, заткнувши ее деревянной затычкой (*чопикомъ*): стоитъ ей вынуть эту затычку и черезъ дырку польется молоко изъ той коровы, которую она намѣтила мысленно; вѣдьмы же наученныя и не имѣющія хвоста ходятъ къ коровамъ съ дойницей. И тѣ и другія могутъ принимать на себя видъ разныхъ животныхъ и даже неодушевленныхъ предметовъ. Онѣ могутъ вліять на погоду, задерживая дождь и производя такимъ образомъ засуху, — своими волхвованіями онѣ могутъ причинять разныя несчастія, болѣзни и даже смерть, завивать для этой цѣли *закрутки* (завои, заломы и пр.) на хлѣбныхъ растеніяхъ и даже дѣлать покушенія на похищеніе съ неба луны и самого солнца, производя затменія этихъ свѣтилъ. Вѣдьмы

могутъ переноситься по воздуху на очень далекія разстоянія, вылетая съ этой цѣлью непремѣнно въ печную трубу, на кошкѣ или другомъ какомъ-нибудь животномъ, чаще же всего просто на помелѣ. Для этого онѣ варятъ какую-то магическую жидкость и намазываются ею, разумѣется, въ совершенно обнаженномъ видѣ. Обыкновенной цѣлью такихъ полетовъ бываетъ вершина Лысой горы возлѣ Кіева, гдѣ собираются вѣдьмы со всѣхъ сторонъ и устраиваютъ танцы и вообще разнузданныя пиршества (германскія вѣдьмы собираются для той же цѣли на вершинѣ Блоксберга (Брокенъ). Подобно упырямъ, вѣдьмы могутъ выходить изъ могилы, особенно для того, чтобы отомстить людямъ, высасывая изъ нихъ кровь, за какія-нибудь обиды при жизни. На одномъ изъ такихъ разсказовъ построена, какъ извѣстно, вся чудесная фабула повѣсти Гоголя «Вій».

Вѣра въ существованіе вѣдьмъ распространена, кромѣ Украины, у поляковъ и германскихъ народовъ, но, повидимому, вовсе отсутствуетъ у латинскихъ. Происхожденіе этого вѣрованія поэтому очень загадочно, хотя можетъ быть и позволительно смотрѣть какъ на нѣкоторое указаніе въ этомъ отношеніи на два замѣчанія: одно у de Chesnel'я въ *Dictionnaire des superstitions* (Collect. Migne) о томъ, что въ Индостанѣ существовало обвиненіе въ занятіи колдовствомъ старыхъ женщинъ, которыхъ, въ видѣ испытанія, бросали въ мѣшкахъ въ воду, и, если онѣ всплывали, то ихъ сожигали, и другое—у Wuttke о томъ, что вѣдьмами въ Германіи считали главнымъ образомъ цыганокъ. Къ сожалѣнію въ этихъ указаніяхъ нѣтъ никакихъ подробностей (кромѣ испытанія водой, которое, впрочемъ, вовсе нельзя признавать спеціальнымъ только для вѣдьмъ), какія проливали бы свѣтъ на то, считались-ли эти старыя индуски и цыганки дѣйствительно вѣдьмами или только колдуньями? Разница же между этими двумя понятіями весьма существенна, такъ какъ вѣдьмъ никакъ нельзя смѣшивать не только съ украинскими знахарками или ворожками, но и съ великорусскими или другими колдуньями (sorcières, Zauberinnen), которыя не летаютъ ни на Блоксбергъ ни на Лысую гору, не имѣютъ хвоста, не занимаются въ видѣ спеціальности доеніемъ коровъ, врачуютъ болѣзни и вообще дѣлая иногда и зло, оказываютъ населенію фиктивныя или дѣйствительныя услуги, чего никогда не сдѣлаютъ вѣдьмы. Разница эта, впрочемъ, существуетъ далеко не у всѣхъ народовъ, у которыхъ встрѣчаются вѣрованія въ вѣдьмъ, и это обстоятельство, вѣроятно, тоже можетъ служить однимъ изъ указаній для выясненія происхожденія этихъ вѣрованій. Въ наиболѣе подробномъ и чистомъ видѣ понятія о вѣдьмахъ существуютъ только у германскихъ и нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ, имѣющихъ для нихъ и соотвѣтственныя вѣрованія, и притомъ существуютъ сравнительно очень недавно, тогда какъ у латинскихъ и восточныхъ народовъ этихъ понятій, повидимому, нѣтъ, а если они и существуютъ, то въ совершенно сглаженномъ и обезцвѣченномъ видѣ, смѣшиваясь съ понятіями о колдуньяхъ, чародѣйкахъ и пр., какъ напр., у романскихъ народовъ. Изъ славянъ, вѣдьмы извѣстны, главнымъ образомъ, у поляковъ и у украинцевъ и по всей

вѣроятности были позаимствованы ими изъ Германіи. У великоруссовъ слово вѣдьма, хотя и извѣстно, но почти всегда сопровождается эпитетомъ «кіевская». То же сходство, которое обнаруживается у вѣдьмъ съ колдуньями, и смѣшеніе этихъ двухъ понятій у многихъ народовъ, указываетъ, какъ можно предполагать, на то, что сравнительно новое понятіе о вѣдьмахъ, принесенное можетъ быть и дѣйствительно цыганами изъ Индіи и заключавшее въ себѣ въ видѣ главнаго признака доеніе коровъ и можетъ быть задерживаніе дождя, смѣшалось въ Зап. Европѣ съ раньше существовавшими тамъ понятіями о колдуньяхъ и притомъ не у всѣхъ народовъ, а прежде всего у германцевъ, а затѣмъ уже и у нѣкоторыхъ другихъ, въ томъ числѣ и у украинцевъ.

Представленіе о *вовкулакахъ*, т. е. о людяхъ, обладающихъ способностью, по желанію, а иногда и противъ желанія, временно превращаться въ волковъ, напротивъ, имѣютъ характеръ очень международный и распространены болѣе или менѣе во всей Европѣ. Въ основѣ этихъ представленій лежитъ, разумѣется, общая идея возможности превращеній, главнымъ очагомъ которой была, вѣроятно, Индія. Подъ именемъ ликантропіи это вѣрованіе существовало уже у народовъ классической древности. На Украинѣ, какъ видно изъ словъ Геродота о невракъ и изъ «Слова о полку Игоревѣ», вѣрованіе въ вовкулакъ было извѣстно съ глубокой древности и удержалось до сихъ поръ, разумѣется, больше въ видѣ легендъ, да и то не особенно многочисленныхъ. Вовкулаками, по нынѣшнимъ народнымъ понятіямъ, дѣлаются люди въ видѣ наказанія за разные грѣхи, главнымъ же образомъ за нарушеніе полового воздержанія въ кануны праздниковъ. Они поселяются въ лѣсу, вмѣстѣ съ настоящими волками и подобно имъ нападаютъ на домашнихъ животныхъ, но не ѣдятъ ихъ, а только душатъ. Если разорвать веревочку, которая почти всегда находится на шеѣ вовкулаки, то онъ сейчасъ же принимаетъ свой человѣческій образъ. Въ прочихъ славянскихъ странахъ вѣрованія въ вовкулакъ встрѣчаются повсемѣстно, но не всегда одинаковы: у сербовъ *вукодлакъ* смѣшивается съ упыремъ, у великоруссовъ же представленіе о немъ почти совсѣмъ заглохло и смѣшалось съ общимъ понятіемъ объ оборотняхъ.

Переходя затѣмъ къ украинскимъ вѣрованіямъ въ *сверхъестественныя существа*, мы должны прежде всего признаться, что при крайней подвижности или, если можно такъ выразиться, при крайней заразительности этихъ вѣрованій, сравнительная этнографія до сихъ поръ, кажется, не можетъ сказать ничего утвердительнаго о разницѣ представленій о сверхъестественныхъ существахъ у разныхъ народовъ. Здѣсь, повидимому, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь приходится считаться съ исторіей цивилизаціи, чтобы не принять за этническія различія простую разницу въ степени культуры. Приписывая злому духу—діаволу свои собственныя наиболѣе отрицательныя качества въ возможно болѣе преувеличенномъ видѣ, каждый народъ неизбѣжно долженъ былъ придавать ему свой оригинальный характеръ, но затѣмъ, при большемъ сближеніи народовъ, легенды о чертяхъ смѣшивались и принимали характеръ вполнѣ международный. Съ другой стороны,

страхъ передъ злыми духами первобытныхъ дикарей съ повышеніемъ культуры мало-по-малу смягчался и чортъ, изъ существа страшнаго и трагическаго, началъ превращаться въ нѣчто болѣе или менѣе комическое. Говоря о вѣрованіяхъ западно-европейскихъ народовъ, Ксавье Мармье находитъ, что нынѣшнія легенды ихъ «не представляютъ чорта въ томъ ужасномъ видѣ, который приписывался ему прежде. Это уже не тотъ могущественный духъ, который когда-то повелѣвалъ бездной и, въ своей гордости падшаго ангела, возставалъ противъ самого Бога: это несчастный бѣднякъ, съ большимъ трудомъ населяющій свои владѣнія нѣсколькими заблудшими душами, шатающійся по разнымъ закоулкамъ, чтобы подстеречь женщину, забывшую помолиться или мужчину, пришедшаго въ отчаяніе... Это жалкое существо, недогадливое и постоянно попадающее въ просакъ...» Эта характеристика вполнѣ исчерпываетъ все то, что можно сказать и объ украинскомъ чортѣ. Въ легендахъ о немъ, кстати сказать, очень многочисленныхъ и обильно наполняющихъ наши сборники, онъ на каждомъ шагу попадаетъ въ комическія положенія и оказывается проведеннымъ самымъ нехитрымъ образомъ.

Украинскій чортъ, такъ же какъ и его западно-европейскіе собратья—сравнительно недавняго происхожденія и представленія о немъ тѣсно связаны съ библейскими и средневѣковыми теологическими понятіями, главнымъ образомъ западно-европейскими, а въ довольно многомъ и болгарскими, особенно апокрифическими. Это обнаруживается съ перваго же раза въ украинскихъ народныхъ разсказахъ о происхожденіи чертей: По однимъ изъ нихъ чортъ существовалъ еще прежде сотворенія міра: «въ то время, когда ничего не было кромѣ Бога, ходившаго по водамъ, Богъ увидѣлъ въ пѣнѣ чорта», освободилъ его оттуда и взялъ съ собой. По другому — Богъ нашелъ пищавшаго чорта, опять таки въ морской пѣнѣ, «тлумакомъ», т. е. состоявшимъ изъ одного туловища безъ рукъ и безъ ногъ... По третьему — онъ былъ просто сотворенъ Богомъ, все-таки изъ морской пѣны. Во всѣхъ случаяхъ, онъ участвовалъ въ творческой дѣятельности Бога и исполнялъ его порученія, но всегда очень недобросовѣстно и стараясь выгадать изо всего пользу для себя.

Размножаются черти подобно людямъ: они родятся, женятся, но не умираютъ, если не будутъ поражены небесными силами. Есть, впрочемъ, одинъ способъ размноженія чертей наиболѣе простой и продуктивный: когда чортъ моетъ руки и отряхиваетъ воду съ нихъ назадъ отъ себя, то изъ каждой изъ брызгъ рождается чертенокъ. По нѣкоторымъ разсказамъ это происходитъ и тогда, когда это дѣлаютъ жиды. Живутъ черти въ пустыхъ мельницахъ, въ развалинахъ, въ глубокихъ оврагахъ, въ кустахъ бузины, въ камышахъ, въ болотахъ. въ лѣсахъ и на поляхъ... Наружность ихъ очень различна: одни описываютъ чорта какъ что-то черное и мохнатое, по словамъ другихъ чортъ, «як чоловік, чорної краски, з лиличими крилами, (крыльями летучей мыши), та ріжками на голові». Иногда эти рожки прикрыты широкополой шляпой, морда собачья, хвостъ крючкомъ. когти на рукахъ и на ногахъ. Въ Во-

лынской губ. чорта представляютъ себѣ въ видѣ человѣка небольшого роста, чернаго, съ собачьими, козлиными или куриными ногами, короткимъ хвостомъ; морда у него широкая, носъ длинный и крючковатый, глаза, какъ раскаленные угли, роги бараньи или козьи, волосы черные, руки длинныя, съ длинными когтями; одежда на немъ нѣмецкаго покроя, чаще всего — фракъ, шляпа высокая. Въ этихъ описаніяхъ наружности чертей не трудно усмотрѣть признаки представленій очень различныхъ эпохъ, начиная съ классической древности (рога, козьи ноги, хвостъ, огненные глаза и проч. аттрибуты языческихъ боговъ) и кончая комическими для славянина крючковатымъ носомъ длинными руками, шляпой и фракомъ нѣмца. Если чортъ принимаетъ, видъ человѣческій, то онъ вполнѣ похожъ на человѣка, только сзади у него висятъ кишки... Но черти могутъ принимать и всевозможныя другія формы: они обертываются ребенкомъ, паномъ, священникомъ, женщиною, овцой, цапомъ (козломъ), пѣтухомъ, разными другими животными, кромѣ обыкновенной собаки, такъ какъ собакъ они не любятъ... По нѣкоторымъ легендамъ, впрочемъ, чортъ является иногда и въ видѣ бѣлой борзой собаки (хорта). Онъ можетъ также принимать формы и разныхъ неодушевленныхъ предметовъ: колеса, клубка, тучи, вихря и т. п., а также дѣлаться невидимымъ, «разсыпаться» съ шумомъ и хохотомъ...

Тѣмъ, что мы сказали о народныхъ понятіяхъ о чертяхъ, характеризуется и вся дѣятельность ихъ. Въ Украинѣ это не могущественный духъ, способный причинять какое-нибудь грандіозное зло: это просто существо, безпрестанно стремящееся только къ тому, чтобы сѣдлать какую-нибудь гадость всѣмъ и каждому, начиная съ Бога, творенію котораго онъ наплевалъ въ грудную полость, и кончая послѣднимъ изъ людей. Чортъ пользуется малѣйшей оплошностью или слабостью людей, чтобы устроить имъ какую-нибудь пакость и именно пакость, а не серьезный вредъ, на который у него не хватаетъ силы. Черти могутъ завлечь человѣка въ болото, сунуть ему въ ротъ вмѣсто трубки комокъ навоза, дать вмѣсто денегъ кучу черепковъ, разорвать на немъ одежду, поссорить съ родственниками или пріятелями... Одинъ очень богомольный человѣкъ выражалъ свое благочестіе тѣмъ, что въ церкви на иконы молился, а чорту намалеванному на картинѣ страшнаго суда—показывалъ кукишъ. Чортъ разсердился и, чтобы отмстить ему, перетаскалъ къ этому человѣку въ кладовую разные церковные предметы, чтобы его приняли за вора. Чорту же приписываются и разныя выдумки на пакость людямъ и прежде всего изобрѣтеніе водки, ему же приписывается все шумливое, горючее и дурно пахнущее —мельница, коза, керосинъ и т. п., не говоря уже о вещахъ непонятныхъ и необыкновенныхъ въ родѣ паровоза, телеграфа, телефона и пр. Овладѣть человѣкомъ, хотя бы и продавшимъ ему свою душу, при жизни чортъ не можетъ, утащить же живьемъ онъ можетъ только жида, да и то въ одинъ только день въ году — судный день. И въ этотъ день, по народнымъ разсказамъ всегда пропадаетъ, такимъ образомъ, безъ вѣсти по нѣсколько жидовъ въ каждомъ селѣ или мѣстечкѣ...

Видѣть чорта и вступить съ нимъ въ сношенія дѣло вовсе не трудное. Для этого надо выйти ночью на перекрестокъ дорогъ и три раза свиснуть, или крикнуть: «Грицю, без пьят»! Чортъ немедленно является въ видѣ небольшого «панича» и съ нимъ можно заключить договоръ о продажѣ ему своей души за извѣстныя услуги, главнымъ образомъ, разумѣется, за деньги. Договоръ этотъ долженъ быть подписанъ кровью договаривающагося, добытой изъ порѣза на мизинцѣ. Ножъ для этого и перо находятся всегда въ запасѣ у чорта. Посредствомъ подобнаго договора можно «купить» себѣ чорта въ пожизненное распоряженіе въ видѣ «слуги», «домового слуги» или «хованця». Съ наибольшимъ удобствомъ подобныя сдѣлки устраиваются въ Угорской Руси, въ Сиготѣ, гдѣ есть такіе «мудрі люде» или «земляні боги» (знахари), которые извѣстны всѣмъ и ведутъ правильную торговлю чертями, заключая договоры отъ ихъ имени, при чемъ покупатель «записываетъ» чорту или свою душу, или душу своего ребенка, или даже просто свою «худобу», т. е. скотъ. Купившій чорта иногда получаетъ его тутъ же въ видѣ головастика или маленькаго чертенка въ бутылочкѣ съ водой (въ одномъ изъ разсказовъ «гумовой» т. е. изъ каучука), но по большей части находятъ его у себя дома — при условіи никогда не креститься и не солить пищи для чорта, иначе онъ можетъ сбѣжать, произведя предварительно полный разгромъ въ хатѣ своего хозяина. Есть, впрочемъ средство пріобрѣсть себѣ такого «домового чорта» и безъ помощи всякихъ «мудрыхъ людей». Для этого достаточно раздобыть такъ назыв. «зносок», т. е. маленькое яичко, снесенное курицей въ концѣ яйценошенія и носить его, не вынимая, въ теченіе 9 дней подъ пахомъ лѣвой руки. Вылупившагося изъ этого яйца чертенка надо кормить одними клецками безъ соли.

Принимая во вниманіе ту легкость размноженія чертей, о которой мы уже упоминали, слѣдовало бы думать, что количество ихъ безконечно... И дѣйствительно, по народнымъ представленіямъ это именно такъ и есть. Возгордившійся «самый старый чортъ», по разсказу, приведенному у Чубинскаго, вздумавши сравняться съ Богомъ, построилъ высокую башню и собралъ туда всѣхъ чертей, чтобы полюбоваться своимъ твореніемъ. Но Богъ разрушилъ это зданіе, и черти летѣли съ него 40 дней и 40 ночей — который упалъ въ воду сталъ *водяник*, въ лѣсъ — *лісовик*, въ болото — *болотяник*, на поле—*польовий*, въ камышъ — *очеретяник* и т. д. Если они не встрѣчаются на каждомъ шагу, то это только потому, что они могутъ дѣлаться невидимыми, а кромѣ того, по разсказу въ «Знадобах до укр. демонологіі» Гнатюка, въ послѣднее время ихъ потребовали въ огромномъ количествѣ на разныя службы: желѣзныя дороги, телеграфъ, телефонъ и т. п., которые безъ нечистой силы, конечно, не обходятся. Тѣмъ не менѣе ихъ было бы все-таки еще болѣе, если-бы ихъ не истребляли Св. Илья, Св. Юрій, архистратигъ Михаилъ и другіе святые. Св. Илья ведетъ съ ними систематическую войну, разъѣзжая по небу на своей огненной колесницѣ и стрѣляя въ нихъ каменными стрѣлами. Черти стараются спрятаться и прячутся главнымъ образомъ въ нѣкоторыя

деревья, но стрѣлы Св. Ильи находятъ ихъ и тамъ и поражаютъ не только чорта, отъ котораго остается только лужица черной вонючей смолы, но и тѣхъ неблагоразумныхъ людей, которые прячутся отъ грозы подъ деревья, какъ мы уже упоминали выше, говоря о громѣ.

Чертями, строго говоря, украинская демонологія и ограничивается, такъ какъ другія сверхъестественныя существа, какъ *домовые, перелестники* (инкубы) *мара, манія* и пр., если и попадаются въ ней, то въ видѣ чего-то очень рѣдкаго, совершенно блѣднаго, незначительнаго и, безъ исключенія, позаимствованнаго. Украинскаго домового, напр., невозможно и сравнивать съ великорусскимъ, съ которымъ надо считаться, такъ какъ онъ есть настоящій «хозяинъ» дома и неугодившимъ ему можетъ надѣлать самыхъ серьезныхъ бѣдствій. Въ каждомъ изъ фольклорныхъ украинскихъ сборниковъ, даже наиболѣе полныхъ, домовой если и фигурируетъ, то въ одномъ, много двухъ разсказахъ и то съ явными слѣдами великорусскаго происхожденія. Очевидно, что всѣ эти спеціальные «злые духи» и «нечистыя силы», какъ въ концѣ концовъ и самый чортъ, появились въ украинскомъ міровоззрѣніи только въ сравнительно очень недавнее время, на смѣну дохристіанскому пантеизму (если только можно считать пантеизмомъ то, на что намекаетъ только что приведенная нами передѣлка библейскаго сказанія о вавилонской башнѣ и то, что въ сущности намъ извѣстно только въ достаточно неопредѣленномъ видѣ «поэтическихъ воззрѣній славянъ на природу». Намъ кажется, что не будетъ черезчуръ смѣлымъ допустить предположеніе, что въ вѣрованіяхъ украинцевъ доисторической эпохи врядъ ли существовалъ и дуализмъ извѣстныхъ восточныхъ религій и что одни и тѣже солнечныя и др. божества являлись и добрыми и злыми смотря по отношенію къ нимъ людей и по другимъ обстоятельствамъ. Изслѣдованія покойнаго В. Б. Антоновича «О колдовствѣ въ юго-зап. Руси до начала XIX в. «показало, что относительная мягкость судебныхъ приговоровъ по дѣламъ о колдовствѣ зависѣла отъ отсутствія у украинскаго народа тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызывали на западѣ жестокія преслѣдованія колдуновъ.

Размѣры настоящей работы, какъ мы сказали уже, рѣшительно не позволяютъ намъ остановиться сколько-нибудь ближе на повѣрьяхъ, касающихся счастливыхъ и несчастныхъ дней, встрѣчи съ разными людьми и животными, сглаза, завязыванія узловъ, насыланія болѣзни и другихъ несчастій, привораживанія любви и вообще причиненія зла и предотвращенія его. Изслѣдованіемъ этихъ суевѣрій очень много занимались западные теологи и достаточно пересмотрѣть знаменитый *Трактатъ о суевѣріяхъ* Тьера, чтобы найти въ немъ почти все, что встрѣчается и въ нашихъ сборникахъ и чтобы убѣдиться, что наши аналогичныя суевѣрія занесены были къ намъ съ запада. Большая часть ихъ успѣла уже у насъ исчезнуть, или принять шуточный характеръ, но нѣкоторыя изъ нихъ продолжаютъ еще существовать и до сихъ поръ Между ними надо различать простыя *примѣты* въ родѣ, перебѣгающаго дорогу зайца или опасности начинать что-нибудь въ поне-

дѣльникъ и проч., и извѣстныя *дѣйствія*, имѣющія цѣлью или вызвать извѣстныя явленія или, напротивъ, уничтожить явленія нежелательныя. Такія дѣйствія могутъ производиться только «знающими» людьми — *знáхарями*, или *знáхарками*, которыхъ, между прочимъ, не слѣдуетъ смѣшивать съ великорусскими *колдунами*, находящимися въ связи съ «нечистой силой» и совершающими свои дѣйствія при помощи чертей. Знахари ни съ какой нечистой силой не знаются и, напротивъ, всѣ ихъ дѣйствія проникнуты глубокой, хотя и въ значительной степени апокрифической, религіозностью. Дѣйствія эти по содержанію сводятся главнымъ образомъ къ, совершенію, въ извѣстной болѣе или менѣе исключительной обстановкѣ разнаго рода пріемовъ и въ употребленіи различныхъ средствъ, съ произнесеніемъ при этомъ заклинаній или магическихъ формулъ, дающихъ силу всему прочему. Чаще всего для этого рода дѣйствій выбирается или раннее утро «до схід сонця», или вечеръ «як зірки зійдуть» или же ночь. Совершаются они «на кладкѣ» возлѣ воды, внѣ хаты «коло покутя», на такомъ мѣстѣ, «де ніхто не ходивъ», и пр. и заключаются или въ троекратномъ обхожденіи вокругъ чего нибудь, или въ дутьѣ на «непочату воду», или въ бросаніи въ воду угольковъ, или, въ завязываніи узловъ на растущихъ хлѣбныхъ растеніяхъ въ полѣ (*закрутки, завої*), или, наконецъ, просто въ произнесеніи извѣстныхъ словъ. Употребляемыя при этихъ чародѣйствахъ средства или снадобья очень напоминаютъ извѣстную формулу: in verbis, herbis et lapidibus: иногда достаточно поскоблить каменный или бронзовый топорикъ и выпить крошки въ водѣ, иногда набираютъ въ ротъ воды и пропустивши ее сквозь зубы въ «ополоникъ» даютъ выпить-тому кого хотятъ приворожить и т. п. Для разныхъ цѣлей употребляются и кость съ крючечкомъ изъ крыла летучей мыши, и гусиный или собачій калъ, и живая рыба или лягушка, которую носятъ зашитой въ мѣшечкѣ на шеѣ, и глаза вынутые у живого голубя, высушенные и стертые въ порошокъ, не говоря уже о всевозможныхъ растеніяхъ въ родѣ чирлича, любистка и пр. Но главное значеніе имѣютъ все таки ѵеѓѣа, т. е. заклинанія, служащія непосредственнымъ проводникомъ пожеланій. Къ сожалѣнію, такого рода формулы сообщаются знахарями очень неохотно и записей ихъ пока не особенно много, но имѣющіяся уже въ высшей степени интересны. Наиболѣе простыя изъ этихъ формулъ ограничиваются только однимъ болѣе или менѣе настойчиво выраженнымъ пожеланіемъ. Для остановки кровотеченія напр. произносятся такія слова: «Бігло три річки: ідна водяна, друга смоляна, третя крівава; і кажу тобі: стань крівава, а як не станеш, то буде тобі те, що тому человікові, що у недѣлю до служби божої у гаї дрова рубає». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., въ обращеніи родителей къ дѣтямъ самое простое, но гнѣвное пожеланіе пріобрѣтаетъ характеръ сильнѣйшаго заклинанія и немедленно же производитъ свое дѣйствіе, несмотря на раскаяніе родителей, произнесшихъ необдуманно такое заклятіе. Такимъ образомъ дѣти одной женщины, сгоряча пожелавшей имъ «скаменіти», сейчасъ же обрати-

лись въ камни. Очень часто высказываемыя въ формулахъ пожеланія усложняются и отсылаютъ болѣзни и другія несчастія въ такія мѣста, гдѣ они никому не могутъ вредить. Такой характеръ имѣютъ, напр., заговоры отъ «урòків», т. е. отъ несчастія, насланнаго тоже посредствомъ заклинанія: «Уроки, урочища, підіть собі на луга, на ліса дримучиї, на степи степучиї, де глас чоловічий не заходить, де півні не співають, де люде не гомонять...» Иногда же болѣзни предоставляется дѣйствовать въ условіяхъ болѣе или менѣе невозможныхъ, такъ напр. отъ зубной боли, по словамъ Н. Маркевича, произносится слѣдующее заклинаніе: «Місяць на небі, мертвець у гробі, камінь у морі: як три брати до купи зійдуться і будуть бенькет робити, тоді у мене зуби будуть боліти!» Во всѣхъ этихъ случаяхъ заклинатель говоритъ отъ своего имени, какъ бы чувствуя въ себѣ какую-то силу или власть достигнуть желаемаго. Но въ другихъ случаяхъ, онъ уже не полагается на свои силы и обращается за помощью къ существамъ гораздо болѣе могущественнымъ. Такимъ существомъ въ одномъ изъ заговоровъ оказывается напр. воронъ: «На синёму морі на камені ворон сидить, лапами разгрібае, хвостом размітае, од хрещеного раба Божого N всякий пристріт одганяє». Но въ значительной части заговоровъ такими силами являются солнце, мѣсяцъ, звѣзды, въ нѣкоторыхъ же Богъ, Божія Матерь и Святые, при чемъ и самыя формулы теряютъ уже характеръ заклинаній и превращаются въ настоящія молитвы, то чисто языческія, то уже христіанизованныя.

«Сонечко ясне», говорится въ одной изъ такихъ формулъ, приведенныхъ въ сборникѣ Чубинскаго: «сонечко красне, освічуєш (ти) гори, долини, освіти мое личко, щоби мое личко було ясне-красне, як сонечко». Или въ другой формулѣ: «Добрий день тобі, сонечко яснее. Ти святе, ти ясне-прекрасне; ти чисте, величне і поважне; ти освічуєш гори и долини і високиї могили, — освіти мене, рабу Божу, перед усім миром: перед панами, перед попами, перед царями, перед усім усім миром християнським: добротою, красотою, любощами і милощами; щоб не було ні любійшої, ні милійшої од раби Божої, нарожденої, хрещеної, молитвяної N. Яке ти ясне, величне, прекрасне, щоб і я така була ясна, велична, прекрасна перед усім миром християнським, на віки віков, аминь». Обращаясь къ мѣсяцу, другая инвокація говоритъ: «Місяцю владимиру, ти високо літаєш, ти все бачиш, ти все чуєш: як невольники і невольниці плачуть за батьком та за матірью, за дітками маленькими; як корова за телям як лошиця за лошям, як ослиця за ослямъ, як море за морем... Даруй же, Господи, щоб так за мною нарожденною, хрещеною і молитвяною рабою Божою Марусею — Грицько плакав». Не менѣе любопытно и обращеніе къ звѣздамъ: «Ви зорі — зірниці, вас на небі три сестриці: одна нудна, друга привітна а третя печальна; беріть голки і шпильки, гардове каміння, бийте ёго й печіть, паліть і нудіть; не дайте ёму ні спать, ні лежать, ні їсти, ні пить — других любить; тягніть до мене хрещеного, нарожденого і молитвованого козака N...» Совсѣмъ иначе представляются эти почти ведическіе гимны въ ихъ

очевидно - позднѣйшей, христіанизованной передѣлкѣ: «Господу Богу помолюся и Причистій Божій Матери поклонюся і всім силам небесним і отцям печерським; стойте мені у поміч святі Печерські — Антоній і Ѳеодосій і всі святиї печерські угодникі Божиї, станьте мені у поміч, іду я на золотий міст, стріла мене Господня Мати: «Куда ти йдеш?»—«Пристріту топтати рожденаго, молитвенаго, хрещеная раба Божого N.»

Бросая теперь общій взглядъ на украинскія вѣрованія (кромѣ миѳологическихъ, относящихся къ фольклору), мы, кажется можемъ прійти къ заключенію, что въ нихъ почти не сохранилось вѣрованій наиболѣе древнихъ, относящихся еще къ фетишизму, и что болѣе всего старинными оказываются вѣрованія, связанныя съ культомъ небесныхъ свѣтилъ, все же прочее имѣетъ поздній и очевидно наносный характеръ. Это обстоятельство, о которомъ, послѣ нашего обзора, мы можемъ говорить съ большей убѣдительностью, даетъ намъ извѣстное право предполагать, что новыя религіозныя представленія, а именно христіанство легло въ Украинѣ на почву, уже свободную отъ древнихъ болѣе грубыхъ представленій. По всей вѣроятности, именно этимъ и слѣдуетъ объяснять то, что въ Украинѣ никогда не было сектантства, происходящаго, какъ извѣстно, на почвѣ грубо-формальнаго отношенія къ предметамъ поклоненія. Изъ всѣхъ уклоненій отъ православія въ Украинѣ замѣчались только движенія чисто-раціоналистическія—социніанство въ прошломъ и баптизмъ въ настоящемъ. Нельзя не замѣтить, что совершенно то же мы видимъ и у южныхъ и у западныхъ славянъ.

XI. Обряды *). Необходимымъ результатомъ вѣрованій являются обряды, т. е. дѣйствія, имѣющія цѣлью приводить событія человѣческой жизни въ соотвѣтствіе съ этими вѣрованіями. Чѣмъ больше жизнь проникнута вѣрованіями, тѣмъ больше въ ней и обрядовъ, какъ это мы видимъ у многихъ народовъ, достигшихъ извѣстнаго религіознаго развитія, гдѣ каждый шагъ человѣка отъ рожденія до смерти, вся повседневная жизнь его сопровождается совершеніемъ религіозныхъ обрядовъ. Но въ еще большей степени стремленіе къ обрядности (въ широкомъ, конечно, смыслѣ) замѣчается у народовъ менѣе дивилизованныхъ, у которыхъ каждый чувствуетъ себя постоянно окруженнымъ невидимыми опасностями и постоянно старается обезопасить себя отъ нихъ извѣстными дѣйствіями, изложенными въ предыдущей главѣ. Къ дѣйствіямъ этимъ современемъ присоединяются элементы коммеморативные, церемоніальные, общественные, изъ которыхъ и складываются извѣстные ритуальные пріемы или обряды. Само собой разумѣется, что здѣсь мы не будемъ въ

*) *Чубинскій*, Тр. эксп., т. III и IV; *Марковичъ*, обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Кіевъ 1860. *Онищук*, Народний календар (Мат. до укр. етн., т. XV); *Ящуржинскій*, Х. Повѣрья и обрядности родинъ и хрестинъ, Кіев. Стар. XLII; *Ивановъ*. Этнографическіе матеріалы, собр. въ Купян. у. Этногр. обозр. 1897; *Малинка*, Родыны и хрестыны, Кіев. Стар. 1898; *Сумцовъ*, О свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, Харьк. 1881; Volkov Th. Rites et usages nuptiaux en Ukraine (*L'* Anthropologie 1891 и 1892); *Гнатюк, В*, Бойківське весілле у Мшанци. (Матер. до укр. етн. т. 10); Гнатюк, В. Похоронні звичаї і обряди (Этногр. Збірник. Львів, 1912).

состояніи даже упомянуть о всѣхъ обрядахъ, сопровождающихъ жизнь украинскаго населенія, и должны будемъ ограничиться только главными изъ нихъ—годовыми обрядами, а затѣмъ родильными, свадебными и похоронными.

Годовые обряды, связанные въ Украинѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, съ культомъ солнца, не могли не подвергнуться, конечно, значительнымъ измѣненіямъ и на нихъ успѣло накопиться столько напластованій различныхъ эпохъ (греческія *русаліи*, римскія *календы*, наконецъ, христіанскіе элементы), что доисторическія основы ихъ оказываются уже значительно стертыми и если мы ихъ и находимъ, то только въ отдѣльныхъ эпизодахъ обрядности. Мы, впрочемъ, и не имѣемъ въ виду касаться здѣсь того, что относится къ фольклору, и ограничимся только указаніемъ наиболѣе интересныхъ моментовъ, имѣющихъ болѣе или менѣе ритуальное значеніе.

Dies natalis solis отмѣчается въ украинскихъ обрядахъ прежде всего вечерней трапезой наканунѣ Рождества Христова. Ритуальныя блюда этой трапезы—*кутя* и *узвар* имѣютъ очень древній характеръ: отваренныя въ водѣ зерна пшеницы или ячменя съ медомъ и сваренные также въ водѣ сухіе фрукты напоминаютъ о неолитической еще эпохѣ. Помѣщеніе ихъ на сѣнѣ «під богами, на покуті», т. е. на самомъ почетномъ мѣстѣ въ хатѣ (чего никогда, ни съ какими, даже ритуальными, кушаньями не дѣлается), показываетъ религіозное уваженіе къ нимъ, подчеркиваемое кромѣ того еще и обычаемъ отсылать эти кушанья черезъ дѣтей своимъ живущимъ еще старшимъ родственникамъ и оставлять на столѣ какъ ѣду, такъ и ложки на всю ночь, въ ожиданіи прихода умершихъ уже предковъ. Сюда же относится и обычай, по которому глава семьи, подойдя къ окну, или выйдя изъ хаты, обращается къ *морозу* и троекратно приглашаетъ его раздѣлить съ семьей эту трапезу и, когда тотъ не является, рекомендуетъ ему и не являться и не наносить вреда посѣвамъ и т. п. Въ день Рождества, вечеромъ, молодые люди и дѣти ходятъ *колядовать* и носятъ съ собой «звізду» изъ бумаги со свѣчкой внутри. Въ ритуальныхъ пѣсняхъ, которыя при этомъ поются, кромѣ чисто-христіанскихъ рождественскихъ мотивовъ, слышны и другіе, гораздо болѣе древніе: изъ-за горы выходитъ черная туча — красный молодецъ, опоясанный черной ежевикой, за которую заткнуто три трубы, одна роговая, другая золотая а третья зубровая; когда онъ затрубитъ въ первую, обрадуются всѣ звѣри въ полѣ, затрубитъ во вторую, возрадуется вся рыба въ морѣ, а затрубитъ въ третью — возрадуются всѣ люди на землѣ. Въ другой колядкѣ поется о конѣ съ золотой гривой и серебряными копытами, которыя «кремінь лупають, церков мурують, мурують її з трома верхома, двома віконці: в одно віконце сходитъ сонце, в друге вікопце—місяць заходить...» Еще одна колядка, съ многочисленными варіантами, разсказываетъ о молодомъ Иванкѣ, который съ многочисленнымъ войскомъ отправляется брать городъ (Львовъ, Каменецъ, Вышгородъ и т. п.), чтобы добыть себѣ дівчину-невѣсту и т. д. Такимъ же характеромъ отличаются и *щедрівки*, которыя поются съ Новаго года и

заключаютъ въ себѣ пожеланія плодородія на предстоящее лѣто. Наиболѣе же яркимъ относительно послѣдняго является обычай «засіванья»: мальчики на Новый годъ съ разсвѣтомъ дня идутъ по хатамъ и осыпаютъ всѣхъ хлѣбными зернами со словами: «роди, Боже, жито, пшеницю и усяку пашницю, на щастя, на здоровья, на нове літо», а еще лучше выражаетъ это посыпальная пѣсня: «Ходить Ілля, на весілля, носить пугу житяную: де замахне—жито росте... Роди, Боже, жито, пшеницю и т. д.».

Очень возможно, что эти послѣдніе обряды перенесены къ началу Новаго гражданскаго года 1 янв. съ марта, когда праздновался Новый годъ прежде. Въ концѣ марта и въ апрѣлѣ празднуется уже и Пасха, раздѣляющая свой солнечный характеръ съ днемъ св. Юрія 23 апр. Еще за недѣлю до «Великодня», въ Вербное воскресенье, мальчики утромъ приносятъ изъ церкви «вербу» и бьютъ ею всѣхъ присутствующихъ, особенно спящихъ еще, приговаривая: «не я бью, верба бье, за тиждень — Великдень! Будь здоровъ як вода, а великий як верба, а багатий як земля»! На Пасху по общераспространенному повѣрью солнце *играетъ*, т. е. въ моментъ своего восхода то подымается, то опускается на горизонтѣ, поэтому многіе, особенно дѣти, стараются не проспать этого момента; послѣ «розговін» же, каждый хозяинъ старается взлѣзть на колокольню и позвонить, отчего у него будетъ хорошій урожай гречихи. Ритуальныя кушанья на Пасху состоятъ на Украинѣ, какъ извѣстно, изъ *паски* — круглаго пшеничнаго хлѣба, жаренаго поросенка, колбасъ, сыра (творогу) и особенно *крашанок*, т. е. окрашенныхъ въ разные цвѣта, особенно въ красный, яицъ, не имѣющихъ прямо христіанскаго характера, но связанныхъ съ христіанствомъ извѣстными преданіями. При взаимныхъ поздравленіяхъ обмѣниваются крашанками, но еще чаще *писанками*, имѣющими особый этнографическій интересъ, какъ по способу своего приготовленія, такъ и по узорамъ, которыми они расписаны. Расписываніе этихъ яицъ производится по способу, употребляемому на югѣ Индіи и особенно на о-вахъ Зондскаго архипелага, для воспроизведенія узоровъ на тканяхъ, а именно посредствомъ покрытія тѣхъ мѣстъ, которыя не должны быть окрашены, или не подвергнуться вторичному окрашиванію, растопленнымъ воскомъ и послѣдовательнаго погруженія потомъ окрашиваемыхъ предметовъ въ разныя краски. Для покрыванія воскомъ употребляется очень примитивный инструментъ, состоящій изъ небольшой палочки, въ расщепленный конецъ которой вставлена маленькая трубочка, свернутая изъ кусочка жести или тонкой листовой мѣди. Эту трубочку мастерица погружаетъ въ маленькій горшечекъ съ растопленнымъ воскомъ и затѣмъ «пишетъ» ею по яйцу. Въ разныхъ мѣстностяхъ Украины писанки имѣютъ свой особенный характеръ, въ общемъ соотвѣтствующій тому, что мы видѣли уже на вышивкахъ и пр., т. е. въ сѣверной полосѣ писанки отличаются бѣдностью окраски (красный цвѣтъ на бѣломъ) и геометрическимъ узоромъ, въ средней узоромъ по преимуществу растительнымъ и болѣе

цвѣтнымъ, въ южной же замѣчательной полихроміей и разнообразіемъ рисунка, часто очень архаическаго, напоминающаго первые вѣка христіанства, какъ, напр., изображенія рыбы (анаграмма Христа), пѣтушковъ, церквей и въ особенности греческаго креста во множествѣ варіацій, встрѣчающагося преимущественно у гуцуловъ.

Праздники Пасхи заканчиваются общимъ поминовеніемъ умершихъ молитвами и главнымъ образомъ ритуальной тризной «на гробкáх». Въ могильные холмики зарываютъ яйца и скорлупу отъ съѣденныхъ яицъ, кости съѣденныхъ животныхъ, освященную соль и т. п., а затѣмъ выливаютъ на могилу рюмку водки со словами: «їжте, пийте і нас грішних споминайте!» Иногда крашанками стукаютъ о могильный крестъ, надбивая ихъ, а затѣмъ отдаютъ ихъ бѣднымъ. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть еще обычай относить скорлупки пасхальныхъ яицъ на рѣку и пускать ихъ по водѣ, въ увѣренности, что онѣ доплывутъ до далекой страны, гдѣ живутъ *рахмáни* (брахманы, т. е. индусы?), не знающіе, когда наступаетъ Пасха и празднующіе ее тогда, когда къ нимъ приплывутъ скорлупы крашанокъ изъ Украины (*Рахманськый Великдень*).

Наканунѣ Юрьева дня (23 апр.), тоже посвященнаго солнечному культу, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ устраивается *Ляля*. Выбравъ самую красивую дѣвушку, «дівчата» перевязываютъ ей шею, грудь, руки и ноги разною зеленью, а на голову надѣваютъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ. Въ такомъ нарядѣ ее сажаютъ на дерновую скамью, на которую ставятъ также кувшинъ съ молокомъ, сыръ, масло и пр., у ногъ же кладутъ нѣсколько вѣнковъ изъ свѣжей зелени. Затѣмъ вокругъ этой Ляли начинается круговой танецъ, сопровождаемый пѣснями. Наконецъ, происходитъ угощеніе, и Ляля раздаетъ вѣнки всѣмъ участвующимъ. Кое-гдѣ вѣнки относятъ къ водѣ, прикрѣпляютъ къ нимъ зажженныя свѣчечки и пускаютъ по теченію.

Въ самый день св. Юрія всѣ обряды носятъ явно скотоводно-земледѣльческій характеръ. Съ утра духовенство устраиваетъ крестный ходъ «на житá», служатъ молебны, поля окропляются святой водой, а затѣмъ всѣ усаживаются на землѣ, ѣдятъ остатки пасхальной провизіи, пьютъ при этомъ водку и произносятъ опять-таки ту же сакраментальную формулу: «Роди, Боже, жито пшеницю і усяку пашницю»... Скотъ еще съ восхода солнца выгоняютъ въ поле «на Юрьеву росу», потому что св. Юрій отпираетъ даннымъ ему отъ Бога ключемъ землю и велитъ ей производить растенія, отчего скотъ, поѣвъ травы съ Юрьевой росой, становится крѣпкимъ и тучнымъ. Въ другихъ же мѣстностяхъ въ этотъ день скота вовсе не выгоняютъ, такъ какъ боятся волковъ, покровителемъ которыхъ, какъ извѣстно, состоитъ св. Юрій: «вовки—Юркові собаки».

Начиная съ Юрьева дня, вступаютъ въ полную силу весеннія пѣсни—*веснянки* или *гаївки*, сопровождаемыя цѣлымъ рядомъ игръ, имѣющихъ ясно выраженный свадебный характеръ. Эти игры и пѣсни будутъ разсмотрѣны въ статьѣ объ украинской народной словесности.

Поворотъ солнца на зиму празд-

нуется ночью наканунѣ праздника Рожденія Іоанна Крестителя или по-народному Івана Купала (24 іюня). Теперь мы, разумѣется, слишкомъ далеки отъ тѣхъ временъ, когда «въ навечеріе дня Предотечева, мужемъ и отрокамъ бываху великое прельщеніе, замужнимъ женщинамъ—беззаконное осквернѣніе и дѣвамъ — растлѣніе». Отъ древнихъ купальскихъ игрищъ осталось уже немного и нынѣшніе купальскіе обряды сводятся къ тому, что въ этотъ день, съ утра, дѣвушки идутъ въ лѣсъ или въ поле собирать цвѣты и травы, вьютъ изъ нихъ вѣнки и выбравши одну красивую, ведутъ въ лѣсъ и сажаютъ въ яму, наполняемую вѣнками. Эта «дівчина», получающая названіе Купайла, съ завязанными глазами раздаетъ вѣнки танцующимъ вокругъ нея дѣвицамъ, гадающимъ по этимъ вѣнкамъ о своей судьбѣ. Въ другихъ мѣстахъ дѣлаютъ *Морену* въ видѣ чучела изъ соломы, крапивы, а чаще всего изъ черноклена, убираютъ ее вѣнками, лентами и пр. и прикрѣпляютъ къ чему-нибудь въ лѣсу. Кромѣ того дѣлаютъ иногда еще соломенную куклу—*Купала* и ставятъ возлѣ Морены, послѣ чего танцуютъ вокругъ, перескакивая при этомъ черезъ разложенный вблизи огонь, который иногда замѣняется кучей крапивы. При этомъ, разумѣется, поются ритуальныя пѣсни, имѣющія тоже свадебный характеръ. Гораздо чаще, впрочемъ, все ограничивается разведеніемъ огня и прыганьемъ черезъ него попарно «парубків» и «дівчат». Иногда и въ этотъ день пускаютъ вѣнки со свѣчечками по водѣ, при чемъ прежде другихъ потухшая свѣча предвѣщаетъ несчастіе въ супружествѣ. Съ праздникомъ Купала связано много разныхъ вѣрованій въ возможность добыть цвѣтокъ папоротника и въ то, что собранныя въ этотъ день лекарственныя травы имѣютъ особую силу, почему знахарки въ этотъ день запасаются чародѣйскими травами на весь годъ. Праздникъ *Ярила* совершавшійся передъ заговѣньемъ Петрова поста, между прочимъ и въ Воронежской губ., обращалъ на себя наиболѣе вниманіе духовенства и повидимому совершенно исчезъ на Украинѣ. Вообще годовые обряды утратили очень много своего значенія и теперь представляютъ рѣдкіе, но зато драгоцѣнные остатки прошлаго.

Родильные обряды сравнительно не особенно многочисленны и далеко не имѣютъ такого интереса какъ годовые, сводясь къ стремленію придать въ сущности очень простымъ дѣйствіямъ характеръ особенной значительности и торжественности. Обряды эти начинаются еще до рожденія ребенка съ приглашенія «бабы», которая не должна быть родственницей. За нею обыкновенно посылаютъ мужа родильницы, или кого-нибудь другого изъ членовъ семьи, но, непремѣнно, съ *хлѣбомъ*. Приглашенная женщина не имѣетъ права отказываться, она должна съ своей стороны взять хлѣбъ и, войдя въ хату родильницы, сдѣлать 30 поклоновъ передъ иконами и произнесть слѣдующую молитву, очень близкую къ заклинанію: Ішов Христос на золотий міст, срібною тріскою попіраеться. Іде молодиця до роду: «Куди ти, молодице, йдеш?—«Іду, Господи, до роду! «Крутиї гори роскотитеся, Господні голоси розійдітеся... Як младенець—сідай на коня, а младениця—берись за гребеня!»

Если роды проходятъ благополучно, то обрядовъ никакихъ, повидимому,

не совершается, если же разрѣшеніе происходитъ съ трудомъ, то для облегченія его принимаются разныя мѣры, начиная съ медицинскихъ (битье пятками о порогъ, возбужденіе тошноты и рвоты, прыжки и даже переворачиваніе родильницы вверхъ ногами) и кончая мистическими, основанными большею частью на аналогіяхъ. Сюда относятся: отворяніе всѣхъ замковъ и дверей въ хатѣ, принесеніе и помѣщеніе на животѣ у родильницы церковныхъ ключей и литургическаго пояса и, какъ ultima ratio, просьба къ священнику, чтобы онъ отворилъ царскія врата въ церкви. Любопытно, что для прекращенія дѣторожденія употребляется тотъ же пріемъ, но наоборотъ: женщина, не желающая имѣть больше дѣтей, жертвуетъ въ церковь новую завѣсу на царскія врата.

Родившагося, наконецъ, ребенка баба привѣтствуетъ молитвой: Во имя Отца и Сына, амінь; и св. Духа, амінь; нині і присно і во віки вѣков, амінь», и при этомъ бьетъ его, чтобы вызвать крикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дыханіе. Затѣмъ ему перерѣзываютъ пуповину, на топорѣ—если это мальчикъ, чтобы былъ мастеромъ, а на гребнѣ отъ прялки, если это дѣвочка, чтобы изъ нея вышла пряха, заворачиваютъ въ кожухъ и кладутъ «на покутѣ»,—самомъ почетномъ мѣстѣ въ хатѣ. Отошедшее потомъ «місто» (*placenta*) баба закапываетъ съ кусочкомъ хлѣба и мелкой монетой подъ «поломъ» и сверху посыпаетъ зернами ржи. Солому, служившую постелью родильницѣ, выбрасываютъ въ «свинушник», куда выливаютъ также и воду послѣ перваго купанья дитяти, для того чтобы свиньи плодились. Родильницу, по окончаніи родовъ, обмываютъ водой съ пахучими травами, перевязываютъ ей животъ «матками», т. е. женскими стеблями конопли, кладутъ на «піл» и сейчасъ же заслоняютъ чѣмъ-нибудь, чтобы ее никто не видѣлъ, а подъ голову ей кладутъ роговой ножъ, освященный во время Пасхи, пахучія травы и «трійцю», т. е. три, слѣпленныя вмѣстѣ, восковыя свѣчи. Ножъ и освященную воду кладутъ также и подъ голову новорожденнаго, помѣщаемаго обыкновенно сбоку матери, но ни въ какомъ случаѣ не «въ головахъ» у нея, ни «въ ногахъ», такъ какъ въ первомъ случаѣ его можетъ подмѣнить чортъ, а во второмъ онъ рискуетъ заболѣть желтухой. Вообще отъ рожденія до крещенія ребенокъ считается подверженнымъ большимъ опасностямъ со стороны чорта и потому во все это время въ хатѣ постоянно горитъ передъ иконами свѣча и всѣ домашніе тщательно воздерживаются отъ упоминанія о чортѣ, отъ ссоръ, ругательствъ и прочихъ грѣховныхъ поступковъ, могущихъ привлечь діавола. Кормить ребенка до крещенія мать тоже не должна и поэтому его стараются окрестить по возможности въ день рожденія, если же этого сдѣлать нельзя, то его кормитъ какая-нибудь посторонняя женщина.

Выборъ и приглашеніе кумовьевъ дѣлается тоже не просто. Обыкновенно крестить ребенка приглашаютъ кого-нибудь изъ родственниковъ, при чемъ приглашаемая женщина не должна быть беременной. Если же у родителей ребенка были уже дѣти раньше и умерли, тогда въ кумовья приглашаются первые встрѣчные, разумѣется, соотвѣтственнаго возраста. Просить въ кумовья отправляется отецъ ребенка, или за отсутствіемъ его, кто-нибудь

изъ семьи, и, разумѣется, беретъ съ собою хлѣбъ. Отказываться и въ этомъ случаѣ нельзя. Приглашаемый принимаетъ хлѣбъ, кладетъ его на столъ и даетъ пришедшему свой, что и означаетъ согласіе. Кумовья приходя тъ въ назначенное время, принося съ собою опять по хлѣбу, бублики и *кружмо*, т. е. аршина 3—4 полотна. Ихъ угощаютъ водкой, при чемъ пьющіе выражаютъ пожеланія, чтобы новорожденный росъ счастливо и остатки водки изъ рюмки выплескиваютъ вверхъ до стелі, чтобы онъ «оттак вибрикував». Затѣмъ баба въ ихъ присутствіи купаетъ ребенка въ «непочатій воді» и завертываетъ его, если это мальчикъ, въ рубаху отца, а если дѣвочка, то въ рубаху матери, завязываетъ въ рукавъ кусокъ «печини», т. е. глины отъ печи, нѣсколько уголь ковъ и мелкую монету и передаетъ, мальчика черезъ порогъ, а дѣвочку—черезъ гребень куму со словами: «нате вам нарожене, принесіть хрещене». Кромѣ того куму дается еще въ особомъ узелкѣ печина и уголь, которые онъ долженъ на перекресткѣ бросить черезъ плечо назадъ и сказать: «на тобі, чорте, плату». Послѣ всего этого кумовья выходятъ, наступая правой ногой на порогъ или на гребень, и идутъ въ церковь. Послѣ совершенія крещенія, дитя несутъ домой и если у родителей были уже дѣти и умерли, не вносятъ окрещеннаго ребенка въ дверь, а передаютъ куму черезъ окно, а тотъ уже передаетъ его бабѣ, выражая матери всевозможныя благопожеланія. Въ хату между тѣмъ собираются сосѣди и знакомые, принося съ собой хлѣбъ, колбасы, соль, вареники и т. п. и, отдавая все это родильницѣ, совѣтуютъ ей «затулить бочки де були сини и дочки». Послѣ сытнаго обѣда, баба раздаетъ гостямъ *виноград* (вареныя яблоки или груши) и *квітки*—букетики изъ колосьевъ хлѣбныхъ растеній—зимою и изъ барвинка, васильків и калини—лѣтомъ, желая опять-таки, чтобы ребенокъ росъ и ни въ чемъ не нуждался. Такую *квітку* каждый долженъ отнесть къ себѣ домой, иначе съ нимъ можетъ приключиться какое-нибудь несчастіе. Послѣднимъ ритуальнымъ дѣйствіемъ родильныхъ обычаевъ бываютъ обыкновенно *зліпки*, т. е. обрядъ омовенія рукъ бабы. Баба приноситъ «непочатої» воды, кладетъ въ корыто «нáвкрест» калины, гвоздики, овса, любистка, руты, барвинку и др. растеній, ставитъ все это среди хаты и родильница троекратно сливаетъ воду на руки бабы, говоря: «Ти мені, бабуню, очищала душу, а я тобі очищаю руки». Затѣмъ родильница дѣлаетъ три поклона передъ иконами и даетъ бабѣ семь пироговъ и намітку, чѣмъ обрядъ и кончается. Иногда еще устраиваются *похрéстини*, т. е. бабу и кумовьевъ сажаютъ на борону и везутъ въ корчму, гдѣ пьютъ водку на деньги, собранныя всѣми родственниками родильницы. Изъ довольно многочисленныхъ пѣсенъ, которыя поются при этомъ, обращаетъ на себя вниманіе одна, выражающая благодарность «ковалю», що скував дитину і куючи не вполів і в рученьки не хукав и добро и тепло добувати було»...

Разбираясь сколько-нибудь внимательно въ изложенномъ нами описаніи родильныхъ обрядовъ, извлеченномъ почти цѣликомъ изъ Трудовъ Экспедиціи Чубинскаго, мы не можемъ не видѣть, что всѣ ритуальныя дѣйствія, изъ которыхъ состоятъ эти обряды,

сводятся къ нѣсколькимъ вполнѣ опредѣленнымъ категоріямъ. Кромѣ дѣйствій чисто церемоніальныхъ, такихъ какъ обмѣнъ хлѣбомъ, извѣстныя привѣтствія и пр., самая большая часть ихъ направлена къ *охраненію* ребенка отъ всевозможныхъ, угрожающихъ ему, опасностей и, главнымъ образомъ, отъ опасностей сверхъестественныхъ, исходящихъ отъ нечистой силы. Сюда относятся, прежде всего, осѣненіе его крестнымъ знаменіемъ, сейчасъ же по появленіи его на свѣтъ, помѣщеніи подъ головой его и его матери ножа, «трийці» и пахучихъ травъ, закапываніе плаценты подъ «полом», какъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ею не овладѣютъ ни животныя, ни злые люди, могущіе употребить ее для вредныхъ цѣлей, зажиганіе свѣчи передъ иконой, воздержаніе отъ упоминанія о чортѣ и вообще отъ поступковъ, могущихъ привлечь его, употребленіе для купанья ребенка «непочатой» воды и, наконецъ, подачка дьяволу въ видѣ узелка съ углемъ и «печиною». Другая категорія ритуальныхъ дѣйствій относится къ родильницѣ, которая по понятію всѣхъ примитивныхъ народовъ, считается и на Украинѣ нечистою и слѣдовательно требующею *очищенія*. Въ качествѣ нечистой она подвержена всѣмъ опасностямъ отъ злыхъ духовъ, дурного глаза и т. п.; поэтому ее заслоняютъ отъ чужихъ (у полудикихъ народовъ ее изолируютъ даже отъ своихъ), она можетъ повредить даже своему ребенку и поэтому не должна кормить его, наконецъ и похристіанскимъ понятіямъ, она не можетъ входить въ церковь, пока передъ ней, внѣ храма, не будетъ прочтена «очистительная молитва». Очищенію подвергается также и баба, какъ лицо, находившееся въ наиболѣе близкомъ сопри косновеніи съ родильницей и мы видѣли, что для этого существуетъ особый обрядъ. Наконецъ, очень интересны и нѣкоторыя дѣйствія, имѣющія въ виду будущность новорожденнаго и заключающія въ себѣ какъ бы признаніе его членомъ рода. Сюда относятся перерѣзываніе пуповины на топорѣ или гребнѣ, слова заклинанія: «як младенець, сідай на коня, а младениця—берись за гребінь», связываніе новорожденнаго женскими стеблями конопли (плодородіе), помѣщеніе подъ его изголовье зуба отъ бороны (половая сила) и т. д. Общественное значеніе имѣетъ посѣщеніе родильницы молодицями послѣ родовъ и родственниками послѣ крещенія и принесеніе ей подарковъ, въ особенности же любопытно то обстоятельство, что такъ назыв. *похрестини*, т. е. гулянье въ шинкѣ въ честь кумовьевъ и бабы устраивается родственниками *родильницы*, что напоминаетъ еще тѣ времена, когда ребенокъ считался еще въ родѣ матери, а не отца.

Послѣ родильныхъ обрядовъ, мы не можемъ не упомянуть, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, объ обрядѣ *постриженъ*, который, около столѣтія тому назадъ, былъ еще очень распространенъ во всей Украинѣ, теперь же удержался въ нѣкоторыхъ только мѣстностяхъ. Такъ въ Полтавской губ. впервые стригутъ ребенка, празднуя первый годъ его рожденія. Баба разстилаетъ кожухъ шерстью вверхъ, а крестный отецъ ножницами обстригаетъ кончики волосъ спереди, сзади и съ обѣихъ сторонъ возлѣ ушей; въ заключеніе отецъ бросаетъ на кожухъ нѣсколько денегъ «щоб дитина була багата». По словамъ Потебни, эта

церемонія производилась въ возрастѣ двухъ лѣтъ и дитя сажали для этого на связку конопли или тоже на кожухъ. Очень возможно, что этотъ обрядъ былъ отодвинутъ къ младенческому возрасту и замѣнилъ собою прежній обрядъ перваго бритья, описанный очень подробно въ извѣстномъ романѣ Квитки «Панъ Халявскій», но несомнѣнно то, что постриженны въ древности совершались въ возрастѣ семи или даже пяти лѣтъ надъ сыновьями русскихъ князей, вмѣстѣ съ обрядомъ «всаженія на конь», на что въ лѣтописяхъ есть довольно большое количество указаній (такъ, въ концѣ XII в. они были исполнены надъ Ярославомъ, сыномъ вел. князя Всеволода, и пр.). Вообще, этотъ обрядъ инициаціи существовалъ у всѣхъ славянскихъ народовъ, также какъ и у множества другихъ.

Свадебные обряды несравненно многочисленнѣе и сложнѣе родильныхъ и для того, чтобы познакомить съ ними читателя, намъ придется начать съ неимѣющей въ себѣ ничего обрядоваго, но чрезвычайно тѣсно связанной съ пониманіемъ свадебныхъ обычаевъ, организаціи деревенской молодежи на Украинѣ. Достигшіе брачнаго возраста парни и дѣвицы каждаго села образуютъ нѣчто въ родѣ общества или двухъ обществъ съ *отáманом* и *отаманкою* во главѣ, съ правильными взносами и т. п. Организованная такимъ образомъ молодежь устраиваетъ вечернія собранія на улицѣ лѣтомъ, хожденіе со звѣздой и колядки на Рождество и *вéсѣтки* і *вечерни́ці* съ осени до весны. На этихъ послѣднихъ собраніяхъ, нѣсколько напоминающихъ великорусскія посидѣлки, но и значительно отъ нихъ отличающихся, молодежь играетъ, поетъ, танцуетъ, закусываетъ, а въ концѣ концовъ въ хату приносятъ достаточное количество соломы и составившіяся парочки укладываются спать, вполнѣ безгрѣшно, по мнѣнію однихъ, и не всегда безъ грѣха, по отзывамъ другихъ. Образованіе паръ вполнѣ свободно и ни къ чему не обязываетъ: пары сходятся и расходятся по взаимной склонности. Эти собранія, подобныя которымъ мы находимъ почти у всѣхъ народовъ, какъ наиболѣе примитивныхъ, такъ и довольно высоко цивилизованныхъ и служатъ мѣстомъ ближайшаго знакомства между молодыми людьми, оканчивающагося обыкновенно бракомъ.

Сватанье. Когда вопросъ о бракѣ между молодыми людьми рѣшенъ, то женихъ обращается къ своимъ родителямъ съ просьбой послать *сватів* къ родителямъ дѣвушки. Въ сваты приглашаются обыкновенно двое болѣе или менѣе пожилыхъ и уважаемыхъ хозяевъ, при чемъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ долженъ быть родственникомъ, чаще всего *дядей* жениха. Въ назначенное время, почти всегда *вечеромъ*, *сватѝ* или *старостѝ*, взявши съ собой хлѣбъ, бутылку водки и непремѣнно палки, какъ знакъ своей посольской миссіи, отправляются въ хату невѣсты. Очень часто вмѣстѣ съ ними идетъ и женихъ со своимъ *дружкóмъ*. Постучавши въ окно, пришедшіе просятъ, чтобы ихъ впустили, ссылаясь на позднее время и на свою усталость отъ далекаго путешествія. Въ хатѣ начинается совѣщаніе, впустить ли ихъ или нѣтъ и, разумѣется, рѣшается въ положительномъ смыслѣ. Женихъ съ дружкомъ остаются всегда въ сѣняхъ и принимаются разыски-

вать невѣсту, которую мать предусмотрительно выслала уже изъ хаты, старосты же входятъ въ самую хату и, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, вынимаютъ изъ мѣшка хлѣбъ, цѣлуютъ его и передаютъ домохозяину. Тотъ, поцѣловавъ хлѣбъ въ свою очередь, кладетъ его на столъ и спрашиваетъ старостъ: кто они и куда идутъ? Тутъ старосты начинаютъ разсказывать небывалую исторію о томъ, что они охотники, что, гоняясь за куницей, они замѣтили, какъ она спряталась въ ихъ хатѣ, и что они желаютъ отыскать ее... Имъ отвѣчаютъ выраженіемъ недовѣрія и предлагаютъ убираться по добру, по здорову... Тогда старосты объявляютъ, что сила на ихъ сторонѣ, такъ какъ у нихъ въ запасѣ есть еще двое козаковъ въ сѣняхъ, и зовутъ жениха съ дружкомъ. Тѣ входятъ, таща съ собой и невѣсту, оказывающую надлежащее сопротивленіе такому насилію. Тогда сваты обращаются къ *матери* невѣсты уже съ прямымъ предложеніемъ выдать дочь за ихъ «парубка». Женихъ въ это время держится у входа въ хату, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоятъ кочерги, невѣста же, имѣя смущенный видъ, должна отойти къ печи—домашнему очагу—и колупать ее ногтемъ. Выслушавши предложеніе, мать обращается къ отцу, и они оба спрашиваютъ свою дочь: желаетъ ли она выйти за предлагаемаго жениха? Послѣ ссылокъ на волю родителей и уговоровъ съ ихъ стороны высказаться, согласіе, наконецъ, дается и тогда отецъ приказываетъ принесть что-нибудь, чтобы «связать этихъ бродягъ и насильниковъ». Невѣста приноситъ изъ коморы *рушники*, давно уже приготовленные для этого событія, и перевязываетъ ими черезъ плечо старостъ, жениху же засовываетъ за поясъ вышитую «хустку». Наконецъ сватамъ дается хлѣбъ и церемонія оканчивается тѣмъ, что старосты вытаскиваютъ изъ-за пазухи бутылку съ водкой, угощаютъ хозяевъ и сговариваются съ ними о времени «заручинъ». Затѣмъ всѣ расходятся, парубокъ же съ этого времени получаетъ право открыто приходить къ невѣстѣ и проводить съ нею ночи. Этимъ оканчивается первый актъ свадебныхъ обрядовъ, второй же—*зарýчини* состоитъ изъ нѣсколько болѣе торжественнаго повторенія церемоніи сватанья, но имѣетъ уже болѣе важное, такъ сказать, юридическое значеніе, такъ какъ отказъ жениха послѣ заручинъ считается уже оскорбленіемъ и кончается очень часто въ судѣ.

З а р ý ч и н и. Если сватанье имѣетъ главнымъ образомъ бытовой характеръ, то заручины уже имѣютъ значеніе несомнѣнно ритуальное. Они происходятъ уже съ соблюденіемъ возможно большей торжественности, въ присутствіи всѣхъ родственниковъ жениха и невѣсты, а главное—сопровождаются *пѣніемъ* ритуальныхъ пѣсенъ, которыя внѣ этого случая никогда не поются. Это пѣніе, представляя собой настоящій *хоръ* древняго религіознаго обряда, является, по нашему мнѣнію, несомнѣннымъ пережиткомъ его въ настоящее время.

Обряды заручинъ проходятъ въ томъ же порядкѣ, какъ и сватанья. Опять являются «старости», опять начинаются разсказы объ охотникахъ—симмуляція военныхъ хитростей—и опять ихъ «вяжутъ» рушниками, послѣ чего они даютъ небольшой выкупъ въ видѣ бутылки водки, или маленькихъ подарковъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ

при этомъ не присутствуетъ невѣста, сваты требуютъ, чтобы ее показали имъ, и тогда ихъ нѣсколько разъ обманываютъ, выводя вмѣсто нея какую нибудь старуху, какую-нибудь постороннюю дѣвушку и пр. и только затѣмъ уже невѣсту. Потомъ происходитъ благословенье молодыхъ хлѣбомъ и послѣ этого *дружкѣ*, ближайшій товарищъ жениха, исполняющій въ свадебныхъ обрядахъ роль церемоніймейстера, а иногда и староста со стороны невѣсты, по большей части *дядя* ея, являющійся чѣмъ-то въ родѣ представителя культа, предлагаетъ молодымъ взяться за концы платка, самъ берется за его середину и такимъ образомъ ведетъ ихъ *на посадъ*, т. е. на самое почетное мѣсто въ хатѣ—*на покути*. Съ этого момента начинается вступленіе свадебнаго хора, который въ первыхъ же пѣсняхъ поясняетъ, что невѣсту встрѣчаетъ на посадѣ самъ Господь, а въ одной изъ слѣдующихъ пѣсенъ, гораздо болѣе архаической, женихъ и невѣста сравниваются съ мѣсяцемъ и звѣздой, которые условливаются взойти вмѣстѣ, освѣтить небо и землю и возвеселить звѣрей въ полѣ и запоздалыхъ гостей въ дорогѣ. Чтобы оцѣнить все значеніе пѣсни, достаточно припомнить, что у древнихъ индусовъ пѣніе гимна *Sûrya*, о свадьбѣ мѣсяца съ солнцемъ, составляло ритуальную часть брачнаго обряда.

Послѣ обильнаго угощенія, сопровождаемаго пѣніемъ многочисленныхъ пѣсенъ, въ которыхъ «молодим» выражаются всякія пожеланія счастія и, между прочимъ, быть *богатыми, какъ земля, и здоровыми, какъ вода*, ихъ выводятъ изъ-за стола (опять - таки, разумѣется, за платокъ) для участія въ танцахъ. Судя по тому, что въ подобномъ же случаѣ у болгаръ, концы платка привязываются къ пальцамъ невѣсты, а въ Архангельской губ., послѣ свадебнаго обѣда, невѣсту передаютъ жениху, привязанной за руку полотенцемъ, можно думать, что и въ этомъ случаѣ вожденіе за платокъ, въ измѣненныхъ условіяхъ, должно символизировать похищеніе невѣсты или ея продажу. Послѣ танцевъ молодые, тѣмъ же порядкомъ, возвращаются за столъ и начинается обмѣнъ подарками, послѣ чего всѣ уходятъ, женихъ же (а иногда и дружко) остается съ невѣстой, при чемъ мать ея сама стелетъ для нихъ постель, признавая, такимъ образомъ, уже право жениха оставаться съ этихъ поръ съ ея дочерью.

Вільце. Наканунѣ свадьбы, чаще всего въ субботу утромъ въ домѣ невѣсты приступаютъ къ приготовленію *вільця* или *гильця*. Такъ называется обязательно зеленая (зимой изъ хвойныхъ растеній) вѣтка или небольшое деревцо, воткнутое въ хлѣбъ и украшенное всѣмъ, что можно найти въ данное время: букетиками изъ разныхъ цвѣтовъ, кистями овса, рябины, калины, барвинку, руты, золочеными орѣхами, цвѣтными ленточками и небольшими свѣчками—въ общемъ нѣчто, очень напоминающее въ малыхъ размѣрахъ елку нашихъ культурныхъ классовъ, позаимствованную изъ Германіи, но существовавшую когда-то и у насъ въ видѣ весенняго украшеннаго дерева. Его ставятъ на нижнемъ концѣ стола и онъ остается тамъ во все время свадьбы, у гуцуловъ же его носятъ всюду передъ молодыми. Приготовленіе этого деревца, имѣющаго вполнѣ опредѣленный священный характеръ, происходитъ очень торжественно, по

установленному ритуалу. Сначала хоры дружекъ просятъ у Бога, у святыхъ, у родителей невѣсты и у всѣхъ присутствующихъ благословенія начать вить вільце. Затѣмъ родители невѣсты приступаютъ первыми къ украшенію деревца, прикрѣпляя цвѣты, бантики и пр. къ самой его верхушкѣ, затѣмъ, въ порядкѣ старшинства и близости родства, дѣлаютъ это и всѣ прочіе, постепенно спускаясь сверху внизъ. Пока все это происходитъ, хоръ не перестаетъ пѣть различныя ритуальныя пѣсни. Въ однѣхъ изъ нихъ хоръ приглашаетъ старостъ пойти въ лѣсъ и вырубить большую сосну, принесть ее и поставить на столъ на серебряномъ блюдѣ; въ другихъ—товарищей жениха посылаютъ на море собирать золотыя перья миѳологической птицы, «золоте пірья» рыбы—щуки и пр. Въ одной изъ пѣсенъ говорится о маленькой уточкѣ, плавающей по «дунаю», т. е. по водѣ, и собирающей со дна его золото для украшенія вільця. Затѣмъ пѣсни повторяютъ исторію похищенія невѣсты и куницы коварными охотниками, говорятъ о согласіи дѣвушки, о тѣхъ предупрежденіяхъ, которыя ей дѣлались—не ходить рано утромъ къ водѣ, не заслушиваться воркованіемъ голубковъ, не брать подарковъ жениха и пр. Въ извѣстной части пѣсенъ и теперь невѣста проситъ родителей не впускать во дворъ жениха съ его свитой, которая вытопчетъ копытами своихъ коней весь барвинокъ въ саду и т. п. Наконецъ, нѣкоторыя пѣсни говорятъ въ очень поэтическихъ выраженіяхъ о взаимной любви жениха и невѣсты, но эта послѣдняя все-таки не можетъ удержаться отъ сожалѣнія по своей дѣвичьей свободѣ и отъ опасенія за свое будущее въ новой семьѣ «за темними лісами, на чужій стороні». Всѣ эти пѣсни, особенно послѣднія, представляютъ самый рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что мы находимъ въ соотвѣтствующихъ пѣсняхъ великорусской свадьбы. Тамъ это дѣйствительные «плачи» и «заплачки», настоящее «вытье» о судьбѣ несчастной невѣсты, о ея печальной участи въ чужой семьѣ, гдѣ ее будетъ обижать свекруха, преслѣдовать своими требованіями, «грозный» свекоръ и «плеточка шелковая» ея мужа будетъ оставлять кровавые слѣды на ея бѣломъ тѣлѣ...

Одновременно съ вільцемъ вьютъ и вѣнки, сопровождая и это пѣніемъ ритуальныхъ пѣсенъ. Одинъ изъ вѣнковъ, въ составъ котораго непремѣнно входитъ барвинокъ, надѣваютъ на голову невѣсты, второй, подобный же, но нѣсколько поменьше, предназначается для жениха, прочіе—главнымъ образомъ изъ мяты и руты—раздаются *дружкамъ*, подругамъ невѣсты. Послѣ этого невѣста со своими подругами уходитъ на село просить гостей на свадьбу и затѣмъ возвращается домой, гдѣ къ этому времени приготовляется *посад*. Вскорѣ является и женихъ—котораго встрѣчаютъ пѣсней: «Колесом сонечко на гору йде, Колесом яснее на гору йде: Полкомъ молодой на посад іде, | Полкомъ Івашко на посад іде». И дѣйствительно, оправдывая эту пѣсню, такъ живо напоминающую доисторическій культъ по содержанію и «Слово о Полку Игоревѣ» по языку, *молодий* не сразу входитъ во дворъ, а останавливается, окруженный своею, свитою, передъ входомъ. Невѣста обращаетъ вниманіе своей матери на коней, которые ржутъ возлѣ воротъ, и проситъ спрятать ее, на что

мать отвѣчаетъ, что «не съ тѣмъ эти чужіе люди идутъ, чтобы возвратиться безъ тебя» и приглашаетъ всѣхъ войти. Женихъ и дружко входятъ въ хату, не снимая шапокъ, что въ обыкновенное время считается верхомъ неприличія; имъ подносятъ водку, а старшая дружка проситъ благословенія у старостъ пришить вѣнокъ къ шапкѣ молодого. Когда молодой сниметъ для этого свою шапку, его дружко сейчасъ же надѣваетъ ему на голову свою. Послѣ пришитія вѣнка, подаютъ обѣдъ, потомъ танцуютъ и поздно ночью расходятся, кромѣ, разумѣется, жениха, который остается съ невѣстой.

Коровай. По большей части утромъ въ воскресенье, а иногда и за нѣсколько дней передъ вѣнчаньемъ, приступаютъ къ приготовленію коровая. Коровай—это священный хлѣбъ, имѣющій большое ритуальное значеніе и несомнѣнно жертвенный характеръ, названіе котораго, очень близкое къ санскритскому *krâvya*, греч. κρεας, лат. *caro*, обозначающими мясо (сюда же относятся слова крава, корова, кровь, krew и пр.), намекаетъ на то, что онъ замѣнилъ собою когда-то приносившихся въ жертву животныхъ. На украинскій коровай налѣпливаютъ сверху, кромѣ изображеній солнца и луны, еще вылѣпленныя изъ тѣста фигурки голубей, а иногда и разныхъ животныхъ или ихъ частей. Въ Болгаріи до сихъ поръ въ день св. Георгія пекутъ большой полукруглый хлѣбъ, называемый *боговйца*, поверхность котораго облѣпливается изображеніями разныхъ животныхъ—овецъ, лошадокъ и т. п., а въ древней Мексикѣ, на годичномъ праздникѣ солнца въ храмѣ совершались настоящія человѣческія жертвоприношенія, въ частныхъ же домахъ въ это же время дѣлали изъ тѣста изображеніе жертвы, которому сначала воздавались поклоненія, а потомъ, въ подраженіе истинному обряду, вскрывали грудь, вынимали сердце, отсѣкали голову и члены тѣла, все это раздѣляли на куски и поѣдали. Кромѣ того, коровай имѣетъ и *родовой* характеръ: мука для него должна быть принесена всѣми членами рода, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ старину приносили не муку, а зерновой хлѣбъ и мололи его въ домѣ невѣсты на *жорнах*, т. е. на ручной мельницѣ, сопровождая это пѣніемъ. Приготовленіе коровая совершается на Украинѣ очень торжественно, но еще торжественнѣе оно комментируется въ пѣсняхъ. Его могутъ приготовлять только замужнія женщины и притомъ только находящіяся въ данное время со своими мужьями (не только вдовы, но и женщины, мужья которыхъ въ отлучкѣ, къ этому обряду не допускаются). Этихъ «коровайницъ» должно быть непремѣнно нечетное число (прежде, вѣроятно, какъ и у нынѣшнихъ бѣлоруссовъ, ихъ было *семь* [1]). Собравшись по приглашенію, коровайницы прежде всего украшаютъ себѣ головы барвинкомъ и моютъ руки. Затѣмъ онѣ обращаются къ старостѣ за благословеніемъ и, получивши его, кладутъ муку въ «ночви» и наливаютъ въ нее воду, а иногда и немного водки «щоб коровай був веселий». Сдѣлавши тѣсто,

[1]) У древнихъ индусовъ въ приготовленіи сомы должно было участвовать *семь* женщинъ, которыя должны были принадлежать къ тому же роду, что и невѣста, и которымъ давался эпитетъ коровъ, тогда какъ Сома назывался ихъ быкомъ (*Овсянико-Куликовскій*. Опытъ изученія вакхическихъ культовъ и пр. Одесса 1884, стр. 146).

его перекладываютъ въ «діжу», т. е. квашню, поставленную посреди хаты, и начинаютъ мѣсить, при чемъ всѣ посторонніе удаляются. Во время вымѣшиванія тѣста поются пѣсни, въ которыхъ Богъ и Богородица призываются на помощь въ работѣ. По словамъ пѣсенъ, вода для «святого» коровая взята изъ «Дуная» или изъ *семи криниць*, мука для него принесена въ *семи* «міхах», она сдѣлана изъ пшеницы, выросшей на *семи* нивахъ, въ него положено *семь* копъ яицъ, снесенныхъ *семью* бѣлыми курами; масло для него взято изъ *семи* кадушекъ и сдѣлано изъ молока отъ *семи* молодыхъ коровъ и т. д. Въ то время, когда мѣсятъ коровай, св. Троица ходитъ по церкви, держа за руку Спасителя, «сам Бог коровай місить, Пречистая свѣтить, янголи воду носять»... Когда тѣсто достаточно вымѣшено, его вынимаютъ изъ «діжи» и вываливаютъ на столъ, къ ней же прилѣпливаютъ пять восковыхъ свѣчей и одну большую, прикрѣпленную къ ножу, положенному на дно квашни. Тѣсто же домѣшивается на столѣ и, когда оно совершенно готово, изъ него дѣлаютъ прежде всего большой толстый «корж», служащій «підошвою», для коровая, на него кладутъ остальное тѣсто; отецъ невѣсты кладетъ на средину коровая нѣсколько монетъ, а мать, прикрывши это мѣсто рушникомъ, дѣлаетъ на немъ локтемъ углубленіе. Въ это углубленіе помѣщаютъ обыкновенно шишку, а въ Бѣльскомъ у., Гродненской губ. —вылѣпленныя изъ тѣста изображенія солнца, луны, голубей и пр., которыми украшаютъ и весь коровай кругомъ. Наконецъ, зовутъ «кучерявого» или «вірмена», т. е. молодого человѣка съ вьющимися волосами (признакъ счастья) чтобы онъ подмелъ печь и всунулъ въ нее на лопатѣ готовый уже коровай. Послѣ этого пѣсни не прекращаются, и когда коровай, наконецъ, спечется, его вынимаютъ и торжественно относятъ въ комору, послѣ чего коровайницы, возвратясь въ хату, берутся вмѣстѣ съ мужчинами за «діжу», подымаютъ ее три раза вверхъ, стукаютъ ею о «сволокъ», цѣлуются «навхрест», носятъ по хатѣ и поютъ цѣлый рядъ пѣсенъ, имѣющихъ вполнѣ эротическій характеръ: «А піч наша та бика привела, | А припечок да телушечку, | А запічок та єгнушечку. | А кочерга да яець нанесла, | Ступа на яйцях сиділа, | А лисиця хвостомъ вертіла, | А помело кудкудакало!..» и т. д.

Вѣнчаніе, которое бываетъ обыкновенно въ воскресенье утромъ, проходитъ какъ-то совершенно внѣ всѣхъ этнографическихъ свадебныхъ обрядовъ и рѣшительно ничѣмъ съ ними не связано. Утромъ передъ вѣнчаніемъ происходитъ болѣе или менѣе торжественное расплетаніе косы у невѣсты, обязательно неженатымъ братомъ или кузеномъ ея; ей въ послѣдній разъ убираютъ голову по дѣвичьи, вплетая на этотъ разъ въ ея волосы нѣсколько монетъ, кусочекъ хлѣба и нѣсколько зубковъ чесноку и смачивая ихъ масломъ съ медомъ, какъ это дѣлалось и въ ведической Индіи. Затѣмъ невѣста проситъ благословенія у родителей и у всѣхъ своихъ родичей, кланяясь *каждому* въ ноги, цѣлуя руки и ноги и обмѣниваясь троекратными поцѣлуями въ лицо. Затѣмъ съ музыкой и пѣніемъ свадебный поѣздъ направляется къ церкви, въ виду которой музыка и пѣніе прекращаются. Послѣ совершенія вѣнчанія всѣ возвращаются домой. Тамъ иногда во дворѣ ихъ ожи-

даетъ *діжа*, вокругъ которой женихъ съ невѣстой должны обойти три раза, а затѣмъ пройти подъ *вѣкомъ*, т. е. крышкой діжи, которую отецъ и мать невѣсты держатъ возможно выше надъ своими головами, что очень сближаетъ этотъ обрядъ съ провожденіемъ жениха и невѣсты подъ ярмомъ въ древней Индіи.

Обособленность церковнаго вѣнчанія отъ всѣхъ прочихъ обрядовъ украинскаго «весілья» врядъ-ли требуетъ особыхъ объясненій. Изъ «Правила» митрополита Іоанна можно видѣть, что еще въ XI в. свадьбы простыхъ людей совершались безъ церковнаго обряда, который считался обязательнымъ только для князей и бояръ. То же продолжалось и позже, вызывая обличенія и разныя строгости со стороны церкви (Митроп. Максимъ въ 1283—1305 г.г. требовалъ заставлять вѣнчаться силою). Потомъ вѣнчаніе въ церкви сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ, но, тѣмъ не менѣе, только совершеніе народныхъ свадебныхъ обрядовъ считалось имѣющимъ настоящую силу и дающимъ право на супружеское сожительство и еще въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны въ 1744 г. Св. Синодъ требовалъ брать въ Малороссіи подписку съ брачущихся, до выхода ихъ изъ церкви, въ томъ, чтобъ они не разлучались и пребывали въ супружескомъ сожитіи (Полн. Собр. Зак. Р. Имп. n°. 9052). Слѣды подтвержденія этого указа мы находимъ въ одномъ изъ документовъ 1789 г. (Кіев. Стар. 1900, февр. 65), но народное убѣжденіе и до сихъ поръ считаетъ не церковное вѣнчаніе, а «весілье» дающимъ право на супружеское сожительство, и если допускаетъ компромиссъ, то въ видѣ совершенія весілья въ тотъ же день какъ вѣнчанія.

Весільле составляетъ третью и уже окончательную часть свадебнаго обряда на Украинѣ; оно въ общихъ чертахъ повторяетъ тѣ-же обряды, какіе мы видѣли въ сватаньѣ и въ заручинахъ, но въ гораздо болѣе распространенномъ и законченномъ видѣ. Точно такъ же, какъ и предыдущіе акты свадьбы, онъ начинается съ симуляціи попытки похищенія, но на этотъ разъ она гораздо полнѣе и начинается съ набора женихомъ, носящимъ уже титулъ *князя*, своей дружины. По особому приглашенію, къ нему на дворъ собираются его товарищи-парубки и онъ выбираетъ изъ нихъ своихъ «бояръ», съ каждаго изъ которыхъ *дружко*—теперь уже *стáрший бóярин*, снимаетъ шапку и уноситъ въ хату, гдѣ къ ней пришиваютъ «квітку» изъ барвинка и красной ленты (*faveurs* французской народной свадьбы). Затѣмъ раздаютъ такія-же *квітки* или *значкй* и прочему составу дружины: *свíтилкам*, одна изъ которыхъ несетъ *мечъ*, сдѣланный изъ старой сабли или изъ деревяннаго подобія ея, вставленнаго въ краюшку хлѣба, піддрýжому, т. е. товарищу дружка, *свáшкам*, *хорýнжому*—знаменоносцу, *музúкам* и наконецъ *візникý*. Вассальныя отношенія дружины къ своему князю выражаются прежде всего въ томъ, что члены ея немедленно-же дѣлаютъ между собою складчину въ виду похода, предпринимаемаго «княземъ». Сначала это было, вѣроятно, участіемъ всѣхъ мужчинъ клана въ добываніи женщины для своего родича, какъ это бываетъ и теперь у кавказскихъ горцевъ, превратившимся потомъ въ *auxilium*, уплачивавшійся вооруженной дружиной вассаловъ, созванной феодальнымъ княземъ, какъ мы видимъ и въ

Запад. Европѣ. Послѣ этого происходитъ обрядъ, который можно, повидимому, считать за переживаніе прежней присяги: на столъ ставятъ большую миску, наполненную водкой и кладутъ возлѣ нея ложку; старшій боринъ даетъ конецъ своей хустки жениху, облеченному, независимо отъ времени года, въ кожухъ и кирею и ведетъ его вокругъ стола, причемъ «молодий», въ свою очередь, держитъ за хустку одного изъ бояръ, который ведетъ другого и т. д., кончая свѣтилкой, заключающей шествіе съ зажженной свѣчей въ рукахъ; по окончаніи перваго и второго обходовъ каждый, проходя мимо миски, зачерпываетъ изъ нея ложкой и выпиваетъ, а послѣ третьяго обхода вокругъ стола всѣ пьютъ прямо изъ миски... По окончаніи этой церемоніи всѣ выходятъ во дворъ, гдѣ совершается новый обрядъ, вѣроятно, еще болѣе древняго происхожденія, а именно мать «молодого» выходитъ, въ вывороченномъ кожухѣ и въ шапкѣ на головѣ, во дворъ, неся въ полѣ одежды разныя сѣмена и мелкія деньги, собранныя для этого еще съ дѣтства сына; тамъ ей подводятъ «коня», т. е. подаютъ грабли или вилы, на которыя она «садится верхомъ» и объѣзжаетъ три раза, разбрасывая кругомъ себя зерна, вокругъ «діжи», поставленной среди двора, съ лежащимъ на ней хлѣбомъ, служившимъ для благословенія. Послѣ этого объѣзда ст. боринъ «поитъ коня», т. е. льетъ изъ «кухлика» (небольшого горшечка) воду на конецъ граблей, а потомъ передаетъ этотъ кухликъ старшему боярину, который бросаетъ его назадъ черезъ голову, такъ, чтобы онъ разбился. Мать «сходитъ съ коня», котораго бояре ломаютъ на куски и забрасываютъ. Этотъ земледѣльческій обрядъ, поясняемый теперь пѣсней, какъ символъ плодородія («Ой сій мати овес, та на наш рід увесь, щоб нашъ овес рясенъ був, щоб Івашків рід красен був!) является для насъ указаніемъ связи свадебныхъ обрядовъ съ солнечными праздниками, о чемъ будетъ сказано далѣе.

Послѣ этого поѣздъ жениха готовится выступить. Непрекращающіяся пѣсни обнаруживаютъ вполнѣ военный его характеръ съ извѣстной примѣсью солнечно-религіознаго характера: «Іде хлопець до дівки, як місяць до зірки; поідем у велику дорогу, до мого тестонька, слава Богу! А в мого тестонька трое ворітець: в одні воріті місяць засвітить, в другі воріті соненько зойде, в треті воріті молодчик въіде: місяць засвітить і видненько буде, соненько зойде—тепленько буде, а хлопець въіде — веселенько буде (Чуб. n° 855)». «Встаньте, бояре, встаньте, коники посідлайте, самі ся убірайте, бо поідемо ранком, по під високим ганком, будем замки ламати, Марусеньку доставати... (id. n° 843) и т. п. Наконецъ, поѣздъ трогается, напутствуемый благословеніями матери, которая, по словамъ пѣсни, «ёго породила, місяцем обгорнула, сонечком підперезала» и отца, который напоминаетъ сыну объ опасности похода, совѣтуетъ не пить перваго предложеннаго ему напитка и не говорить тестю всей правды. Впереди свадебнаго поѣзда виднѣется *хоругва*, обыкновенно красная, которая встрѣчается у всѣхъ славянскихъ народовъ, кромѣ великоруссовъ и поляковъ. Если невѣста живетъ въ сосѣднемъ селѣ или въ отдаленномъ «куткѣ» своего села, то парубки—ея односельчане—устраиваютъ,

такъ назыв., *перейму*: посреди дороги ставятъ столъ, покрываютъ его скатертью и кладутъ на него хлѣбъ. Женихъ, котораго не пропускаютъ, долженъ дать нѣсколько монетъ, что и удовлетворяетъ непускающихъ; кортежъ двигается дальше, насмѣхаясь надъ пропустившими за кварту водки къ своей дівчині. Эта перейма—очевидно, остатокъ тѣхъ правъ, которыя съ древности имѣли на невѣсту всѣ молодые люди клана, представляемаго теперь «парубоцкой громадой». Интересно замѣтить, что, по сообщенію В. Н. Ястребова, въ с. Березнякѣ, Елисаветград. у., Херсон. губ. дівчатам за потерю дѣвственности стригутъ косы, но исключительно въ тѣхъ случаяхъ, когда дівчата уличены въ связи съ *парубками чужой деревни*.

Наконецъ, поѣздъ приближается къ дому невѣсты и находитъ полную картину вооруженнаго сопротивленія: ворота заперты и баррикадированы извнутри, домъ окруженъ толпою парубковъ съ палками, поднятыми вверхъ. Военныя дѣйствія иногда ограничиваются только поднесеніемъ къ носу жениха палки, конецъ которой въ видѣ булавы утыканъ шишками репейника, иногда же раздаются выстрѣлы изъ ружей, холостые, разумѣется. Бояре дѣлаютъ попытку взять ворота силой, но ихъ не пускаютъ, послѣ чего нападающіе заявляютъ желаніе вступить въ переговоры. Двое старостъ жениха получаютъ позволеніе перелѣзть черезъ ворота и входятъ во дворъ, гдѣ ихъ ожидаютъ старосты невѣсты, передъ столомъ, на которомъ лежитъ хлѣбъ. Старосты занимаютъ мѣста за столомъ другъ противъ друга, потомъ обмѣниваются хлѣбами и цѣлуются, послѣ чего пьютъ водку, принесенную старостами жениха. Послѣ этого староста жениха идетъ въ хату и обращается къ *матери* невѣсты съ просьбой впустить поѣздъ, на что и получаетъ согласіе. Къ этому времени оканчиваются и продолжающіеся переговоры у воротъ: защищающіе ихъ получаютъ бутылку водки и пропускаютъ, наконецъ, поѣздъ жениха во дворъ. Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ одновременными переговорами, которые ведутся параллельно между двумя семействами и между двумя родами и ведутся, притомъ, отдѣльно. Исторически, первые должны были предшествовать вторымъ, такъ какъ дѣло должно было улаживаться сначала между семьями, а потомъ уже между родами. Въ моментъ входа поѣзда во дворъ, *мать* невѣсты, одѣтая въ кожухъ шерстью вверхъ, выходитъ изъ хаты къ нему навстрѣчу и предлагаетъ жениху чашку, наполненную водою съ овсомъ. Женихъ дѣлаетъ видъ, что пробуетъ поднесенное и бросаетъ черезъ свою голову назадъ, а дружко старается въ то же время разбить чашку палкой налету. Наконецъ, мать невѣсты подноситъ жениху рюмку водки и приглашаетъ всѣхъ въ хату.

Получивши разрѣшеніе войти, женихъ и его дружина не спѣшатъ, однако, воспользоваться имъ, а къ дверямъ хаты направляется одна изъ свахъ съ хлѣбомъ, солью и зажженной свѣчкой въ рукахъ. На порогѣ ихъ встрѣчаетъ одна изъ свашекъ невѣсты съ тѣми же предметами: обѣ ставятъ свои правыя ноги на порогъ, слѣпливаютъ свои свѣчки вмѣстѣ, такъ, чтобы онѣ горѣли однимъ пламенемъ и цѣлуются черезъ порогъ. Это, какъ и у античныхъ народовъ, символизируетъ одновременно и заключеніе мира

и соединеніе огней двухъ родовъ, при чемъ въ пѣснѣ говорится, что огонь для этого добытъ изъ кремня (Чуб. стр. 596). Послѣ этого старшій боринъ беретъ намітку, заворачиваетъ въ нее три небольшихъ хлѣбца (шишки) и вмѣстѣ съ 2-мя старостами входитъ, наконецъ, въ хату и кладетъ намітку съ хлѣбцами на столъ, сохраняя при этомъ *глубочайшее молчаніе*. Мать невѣсты беретъ намітку, вынимаетъ изъ нея хлѣбцы, кладетъ на мѣсто ихъ свои и возвращаетъ съ наміткою боярину. Это повторяется три раза и обязательно *молча*. Хоръ свашекъ даетъ объясненіе этому молчанію пѣсней, по словамъ которой старосты *не умѣютъ говорить*, напоминая этимъ о первоначально экзогамическомъ характерѣ всего этого обряда и совѣтуя старостамъ поѣсть и выпить, чтобы, подкрѣпившись, такимъ образомъ, получить способность говорить. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кіевской губ. этотъ обрядъ *предшествуетъ* выходу матери невѣсты навстрѣчу жениху, что намъ кажется болѣе естественнымъ. Затѣмъ староста и двое бояръ кладутъ на тарелку *колачи*, въ которомъ запечено положенное сверху кольцо невѣсты, берутъ намітку и въ то время, какъ староста держитъ тарелку съ калачемъ, двое бояръ держатъ концы намітки и въ такомъ порядкѣ появляются въ хатѣ. Но на этотъ разъ они уже не молчатъ и произносятъ шуточную тираду, по поводу которой свашки продолжаютъ увѣрять, что старосты не умѣютъ говорить. Иногда послѣ этого старостъ и бояръ «вяжутъ», т. е. надѣваютъ на нихъ рушники...

Невѣста въ теченіе всѣхъ этихъ церемоній, начиная со входа въ хату старостъ, сидитъ на посадѣ, съ головой, опущенной на столъ и прикрытой намітkою, на которую положенъ еще хлѣбъ съ солью. Съ правой стороны ея сидитъ обыкновенно ея старшій братъ (который во многихъ мѣстностяхъ долженъ быть еще неженатымъ) и сколько есть младшихъ братьевъ или другихъ молодыхъ людей—близкихъ родственниковъ. Получившіе рушники старосты прерываютъ свое молчаніе и начинаютъ произносить тѣ ритуальныя рѣчи о куницѣ, охотникахъ и т. п., которыя мы слышали уже на сватаньѣ и на заручинахъ и ссылаясь на то, что они связаны, предлагаютъ кончить дѣло выкупомъ. Иногда, впрочемъ, они принимаютъ воинственный тонъ и съ поднятыми палками наступаютъ на братьевъ невѣсты, которые, съ своей стороны, не остаются въ долгу. Скоро, однако, на новыя предложенія о выкупѣ братья соглашаются и получивши нѣсколько монетъ и маленькіе подарки, уходятъ, дѣлая видъ, что спасаются бѣгствомъ подъ столъ. Это бѣгство братьевъ невѣсты представляетъ собой очевидную симмуляцію страха, который они прежде дѣйствительно должны были чувствовать по отношенію къ роду, продавши сестру, или лучше сказать, допустивши ея похищеніе. Видя невѣсту оставленною своими родственниками, дѣвушки выходятъ тоже изъ-за стола, чтобы, по словамъ пѣсни, не подвергнуться той же участи. Тогда староста вводитъ, наконецъ, жениха и подводитъ его къ невѣстѣ. Женихъ сбрасываетъ съ нея намітку, заставляетъ ее, иногда не безъ значительнаго усилія, поднять голову отъ стола и, наконецъ, цѣлуетъ ее. Начиная съ этого момента, въ который, по словамъ одной

изъ пѣсенъ, раздается пѣніе соловья, всѣ свадебные обряды принимаютъ характеръ опредѣленно эротическій, постепенно усиливающійся по мѣрѣ приближенія свадьбы къ концу. Послѣ того, какъ женихъ займетъ свое мѣсто возлѣ невѣсты, начинается раздача подарковъ со стороны жениха роду невѣсты. Каждый подарокъ, состоящій по большей части изъ какого-нибудь предмета одежды, кладется на тарелку вмѣстѣ съ свадебной шишкой и послѣ торжественнаго вызова по порядку каждаго изъ родственниковъ невѣсты подносится по назначенію, при чемъ «писарь» громко возглашаетъ о подаркѣ, преувеличивая размѣры и цѣнность его до послѣдней крайности и взявши метлу или кочергу, дѣлаетъ видъ, что записываетъ полученное на потолкѣ хаты. По окончаніи этой церемоніи происходитъ обратная, т. е. раздача подарковъ отъ невѣсты роду жениха. Послѣ этого происходитъ расплетеніе косы и покрытіе головы новобрачной, при чемъ эта послѣдняя должна плакать и сопротивляться и три раза сбрасываетъ съ себя очіпокъ и швыряетъ его куда-нибудь въ уголъ хаты. Сверхъ очіпка, ея голову повязываютъ наміткою, иногда же просто платкомъ, или женихъ надѣваетъ на нее свою шапку, которой она уже не сбрасываетъ. Иногда, впрочемъ, какъ увидимъ далѣе, покрытіе головы происходитъ позже. Наконецъ, наступаетъ наиболѣе торжественная церемонія—внесеніе и раздача «святого» коровая. За нимъ, съ благословенія старостъ идутъ, выносятъ его изъ коморы и, подойдя къ порогу хаты, испрашиваютъ благословенія старостъ переступить черезъ него, затѣмъ вносятъ коровай въ хату и ставятъ на столѣ. Хоръ поетъ пѣсни, поясняющія дѣйствія обряда. Получивши еще разъ благословеніе старостъ на раздачу коровая всѣмъ присутствующимъ, старшій бояринъ цѣлуетъ его и начинаетъ разрѣзывать «золотим», по словамъ пѣсни, ножемъ, а «піддружий» кладетъ куски одинъ за другимъ на «серебряную» тарелку и подноситъ ихъ по старшинству лѣтъ и по степени родства всѣмъ присутствующимъ, при чемъ строжайшимъ образомъ наблюдается, чтобы рѣшительно никто изъ родственниковъ не оказался обойденнымъ. Верхушка коровая, къ которой, какъ было сказано, прилѣплено иногда изображеніе мѣсяца, разрѣзывается на двое и отдается новобрачнымъ; отецъ и мать невѣсты получаютъ слѣдующіе куски и т. д., хоръ же въ это время напоминаетъ о томъ, что весь родъ имѣетъ право на коровай. Это право подчеркивается еще тѣмъ, что старшій бояринъ, по окончаніи раздачи коровая, три раза спрашиваетъ, всѣ ли родственники получили его, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ удержался еще обычай зажигать свѣчу и обходить весь домъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вся эта церемонія дѣлежа коровая имѣетъ, очевидно, двойной характеръ не только юридическій, но и священный: старшій бояринъ, поднося кусокъ коровая, прежде подымаетъ тарелку съ нимъ выше своей головы, иногда же касается краемъ ея сволока, совершенно такъ какъ поступаютъ индусы, подымая первую горсть риса на высоту своей головы и мысленно предлагая ее Сивѣ или Вишну.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Подлясья, кромѣ раздачи коровая, подавали, по словамъ Л. Голембіовскаго (Lud Polski, стр. 107) еще *бажанта*,

(фазана) т. е. жаренаго пѣтуха, способъ приготовленія котораго отличался особенно архаическимъ характеромъ: его гдѣ-нибудь на горкѣ за селомъ привязывали живьемъ къ лѣстницѣ и раскладывали подъ нимъ огонь, потомъ его дожаривали и подавали за свадебнымъ столомъ. По свѣдѣніямъ Янчука, обычай этотъ, хотя и въ менѣе ритуальной формѣ, держится еще въ Корницкомъ приходѣ нынѣшней Холмщины, гдѣ пѣтуха, тоже живого, вчетверомъ несутъ на лѣстницѣ за село, привязываютъ къ шесту, обвитому сѣномъ и соломой, и точно такъ же «смалятъ».

Послѣ раздачи коровая начинается «вечеря», по окончаніи которой дѣвушкамъ напоминаютъ, что имъ пора уже проститься съ новобрачной, не принадлежащей болѣе къ ихъ кругу. Слѣдуетъ трогательное прощаніе, сопровождаемое слезами и пѣснями и подруги невѣсты наконецъ уходятъ, свашки же, т. е. замужнія женщины, принимающія участіе въ свадьбѣ, продолжаютъ пѣсни объ оставленіи новобрачной своихъ родителей, а бояре выносятъ приданое молодой и нагружаютъ его на свою повозку. Самымъ существеннымъ предметомъ этого приданаго является *бѣдня* у болѣе бѣдныхъ и *скри́ня*—у болѣе зажиточныхъ, заключающія въ себѣ все, что невѣста успѣла приготовить къ своему выходу замужъ. Но бояре, продолжая симулировать умыканіе, начинаютъ хватать и тащить на возъ все, что ни попало, чему мѣстные парубки стараются противодѣйствовать, пряча кнутъ, вынимая колышки изъ осей и т. д. Отецъ и мать новобрачной даютъ ей послѣднее благословеніе, бояре усаживаютъ ее на возъ и бросаютъ къ ногамъ ея *чер-ную курицу*, данную матерью, а женихъ обходитъ три раза вокругъ повозки и щелкаетъ кнутомъ, а иногда слегка ударяетъ имъ новобрачную со словами: «Кидай батькови норови, а бери мої!» и поѣздъ съ пѣснями и музыкой, наконецъ, отправляется въ домъ «молодого», при чемъ мать собственноручно выводитъ лошадей подъ уздцы за ворота.

Удары, получаемые новобрачной отъ своего мужа, практикуются не только у всѣхъ славянъ, но и у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Объясненіе, даваемое этимъ ударамъ словами жениха и многими комментаторами свадебныхъ обрядовъ, есть только пересказъ ихъ нынѣшняго значенія, тогда какъ въ древности удары эти были ритуальными и имѣли тотъ же характеръ, что и удары луперковъ во время луперкалій у древнихъ римлянъ и медоносныхъ бичей Ашвиновъ у индусовъ, символизировавшихъ утреннюю росу, дающую плодородіе полямъ, звѣрямъ и людямъ. Припомнимъ читателю «житяну пугу» св. Иліи въ «посыпальницкой пѣснѣ на Новый годъ, приведенной нами выше (стр. 615).

Комора. Пріемъ новобрачной въ домѣ ея мужа вполнѣ соотвѣтствуетъ тому положенію, какое похищенная изъ чужого племени дѣвушка должна занимать въ экзогамическомъ обществѣ. Прежде всего она подвергается очищенію: ее и весь ея кортежъ проводятъ или перевозятъ черезъ огонь, разложенный передъ воротами усадьбы жениха. Въ дверяхъ хаты ее встрѣчаютъ родители ея мужа съ хлѣбомъ и солью, но она не должна произносить ни слова, затѣмъ ее вводятъ въ хату, гдѣ она прежде всего выпускаетъ привезенную съ собой черную курицу

подъ печь, при чемъ всѣ присутствующіе родичи жениха стараются, чтобы она не заглянула туда, такъ какъ въ такомъ случаѣ ея свекруха можетъ умереть. Усадивши на «покуті», съ нея снимаютъ палочкой наброшенную на голову «намітку» и забрасываютъ ее на печь, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ей предлагаютъ кусокъ глины отъ печки или кусокъ сырой свеклы, которые она бросаетъ подъ столъ, все-таки сохраняя полное молчаніе. Это называется «пригощувать молоду» т. е. прикармливать, чтобы она скорѣе привыкала къ дому, что подробно и объясняется раздающимися въ это время пѣснями. У гуцуловъ (и у болгаръ) молодой сажаютъ въ это время на колѣни мальчика, чтобы и ея первенецъ былъ того же пола. Въ коморѣ между тѣмъ происходитъ уже приготовленіе постели для молодыхъ, что возвѣщается и пѣснями соотвѣтственнаго содержанія. Постель эта устраивается по установленному обычаемъ способу, а именно, непремѣнно на соломѣ, которую для этого приноситъ дружкб, съ кулемъ жита въ изголовьѣ, сверху же солома прикрывается *рядномъ*, а на него уже постилается постель, привезенная молодой, или же просто кладется кожухъ, или что-нибудь подобное въ видѣ одѣяла. У изголовья ставятъ обыкновенно икону и кладутъ хлѣбъ и соль. Эти послѣднія подробности не должны удивлять читателя: у древнихъ индусовъ и вообще у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ существовалъ обычай благословенія брачнаго ложа духовенствомъ и въ извѣстномъ Rituel de Salisbury есть даже спеціальная молитва на этотъ случай. Когда постель готова, дружко испрашиваетъ у старостъ благословеніе «молодих на упокой одвести» и получивши его, въ сопровожденіи «піддружого», старостъ и свашекъ, уводитъ молодыхъ въ комору, оставшіеся же въ хатѣ продолжаютъ пѣніе украинскихъ эпиталамій—пѣсенъ крайне эротическаго содержанія, вполнѣ соотвѣтствующихъ тому настроенію, которое постепенно принимаетъ вся свадьба съ момента удаленія дружекъ еще въ домѣ невѣсты. Это вакхически-эротическое настроеніе, которое старинные авторы очень охотно приписывали обычному на свадьбахъ пьянству и старательно обходили въ своихъ описаніяхъ, при болѣе внимательномъ отношеніи къ нему является полнымъ интереса пережиткомъ стариннаго культа, существовавшаго у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ. Мы очень затрудняемся передать здѣсь содержаніе пѣсенъ этого періода свадьбы [1]), но не можемъ не упомянуть о поминутно встрѣчающихся въ нихъ сравненіяхъ, чисто ведическаго характера, съ быкомъ и телицей и о явныхъ признакахъ, несомнѣнно, фаллическаго культа, выраженныхъ въ наивныхъ формахъ, лишенныхъ всякой прикровенности, но безъ цинизма или пьяной распущенности.

Придя въ комору, дружко и новобрачный обыкновенно останавливаются передъ ея дверьми, невѣста же входитъ въ нее, вмѣстѣ съ свашками, которыя сейчасъ же принимаются раздѣ-

[1]) Содержаніе ихъ указано въ моей французской работѣ, напечатанной въ L'Anthropologie, тексты же для спеціальнаго изученія можно найти въ Кралтодіа, (t. V, Paris, 1893), а отчасти въ *Матер. до украинсько-рус. етнольогії* и у Чубинскаго (Тр. эксп. IX) и немногихъ другихъ авторовъ, гдѣ помѣщеніе ихъ болѣе умѣстно, чѣмъ въ настоящемъ изданіи.

вать ее. Снявши съ нея всю одежду, ее осматриваютъ всю, дѣлая это съ большимъ вниманіемъ и наблюдая, чтобы гдѣ-нибудь на ней, въ волосахъ, напр., не оказалось какихъ-нибудь острыхъ колющихъ предметовъ (*проторгу*) или узелковъ. Въ настоящее время это объясняютъ желаніемъ предупредить всякій возможный подлогъ, касающійся сохраненія дѣвственности, но уже то обстоятельство, что такое же точно изслѣдованіе производится и надъ женихомъ и его бѣльемъ, заставляетъ думать, что причина всѣхъ этихъ предосторожностей заключается не въ этомъ, а опасеніе узловъ прямо указываетъ на боязнь какихъ-нибудь дѣйствій со стороны, направленныхъ на лишеніе жениха его половой энергіи, при чемъ главную роль играютъ именно остроконечные предметы и особенно *узлы*. Когда на новобрачную надѣнутъ свѣжую, внимательно осмотрѣнную рубаху, вводятъ жениха, раздѣваютъ его съ тѣми же предосторожностями и, наконецъ, оставляютъ молодыхъ наединѣ, рекомендуя имъ не заставлять себя слишкомъ долго ожидать. Этотъ совѣтъ дается молодымъ въ виду того, что, по народнымъ понятіямъ, по крайней мѣрѣ, нынѣшнимъ, главная цѣль присутствія молодыхъ въ коморѣ заключается въ немедленной дефлораціи невѣсты и въ сообщеніи этого факта всѣмъ присутствующимъ на свадьбѣ. Въ большей части случаевъ это обыкновенно такъ и бываетъ. Женихъ стукомъ въ дверь даетъ объ этомъ знать старшему боярину и свашкамъ, которые входятъ, снимаютъ съ молодой рубаху, надѣваютъ на нее другую и, одѣвши, выводятъ къ гостямъ, неся впереди и доказательства ея дѣвственности. Въ этотъ моментъ оргіастическій характеръ свадьбы достигаетъ своего апогея, всѣ скачутъ по лавкамъ и по столамъ, кричатъ, поютъ, хлопаютъ руками по мокрому отъ пролитой водки столу и т. д. Иногда же все это нѣсколько затягивается, если у молодого не окажется достаточно энергіи для достиженія главной цѣли обряда. Въ такомъ случаѣ старшій боярин и свашки выводятъ его изъ коморы, ходятъ съ нимъ по всему двору, отворяя всѣ запертыя двери, отодвигая засовки, развязывая узлы, гдѣ они окажутся и т. п. (что и подтверждаетъ тѣ соображенія, которыя высказаны нами выше); если же и это не помогаетъ, то или замѣняетъ жениха старшій боярин, или же производится дефлорація искусственно. Въ случаѣ же, если невѣста окажется «нечестной» и не признается въ этомъ заранѣе, на нее обрушиваются всевозможныя оскорбленія, поются разныя неблагопристойныя пѣсни, веселость свадьбы исчезаетъ и всѣ расходятся, иногда доставивши себѣ удовлетвореніе надѣть на родителей опороченной невѣсты соломенные хомуты, подносить имъ водку въ стаканѣ съ продырявленнымъ дномъ и т. п. Все это, впрочемъ, какъ писалъ еще Чубинскій, переходитъ теперь въ область преданій, такъ какъ и нравы во многомъ очень измѣнились и дѣвицы сдѣлались достаточно ловкими, чтобы скрыть то, что могло бы навлечь на нихъ непріятности и, что самое главное, исчезла уже увѣренность въ томъ, что скрытая невѣстой «нечестность» повлечетъ за собою разныя бѣдствія для всей семьи...

Заключительнымъ аккордомъ украинской свадьбы является *перезвá*. Это,

въ сущности, продолженіе того оргіастическаго веселья, которое начинается съ момента дефлораціи невѣсты, отложенное еще на одинъ день, а иногда и больше. Въ дѣйствительности перезва начинается уже съ посольства къ матери новобрачной съ увѣдомленіемъ о счастливомъ исходѣ брачной ночи. Родители молодого наливаютъ лучшей, по возможности сладкой, водки, почти всегда окрашенной въ красный цвѣтъ (*червена ракия* у болгаръ), затыкаютъ ее колосьями жита и прикрѣпляютъ къ горлышку кисть ягодъ калины, прибавляютъ къ этому пшеничный хлѣбъ, обвязанный красной шерстяной ниткой, и отправляютъ все это съ почетной депутаціей, состоящей изъ родственниковъ, иногда же эту миссію принимаютъ на себя всѣ присутствующіе на свадьбѣ гости, съ старшимъ бояриномъ во главѣ, несущимъ, между прочимъ, и рубаху молодой, какъ доказательство ея дѣвственности. На хатѣ водружается *корогва*, т. е. красная запаска, прицѣпленная къ палкѣ, бояре опоясываются черезъ плечо красными поясами, на всѣхъ развѣваются красныя ленты... однимъ словомъ красный цвѣтъ поглощаетъ все. Свадебные гости добываютъ съ крыши корогву и начинаютъ гурьбой путешествіе изъ дома въ домъ съ музыкой, танцами и пѣніемъ веселыхъ эротическихъ пѣсенъ, переходящихъ иногда въ цинизмъ, но драгоцѣнныхъ для изслѣдователя благодаря заключающимся въ нихъ обрывкамъ древняго культа и обычаевъ, восходящихъ до доисторическихъ еще формъ: гетеризма, адельфогаміи и т. п.

Само собою разумѣется, что въ настоящемъ сжатомъ очеркѣ не могло быть и рѣчи ни о мѣстныхъ варіаціяхъ свадебныхъ обрядовъ, ни о массѣ деталей, очень часто чрезвычайно важныхъ по своему историческому значенію. Мы могли дать здѣсь только общую синтетическую картину типической украинской свадьбы, отдѣльные элементы которой иногда отсутствуютъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, иногда же замѣняются другими. Во всякомъ случаѣ, надѣемся, что этого небольшого очерка все-таки будетъ достаточно, чтобы, опираясь на представляемыя имъ данныя, сдѣлать нѣкоторыя общія заключенія.

Всматриваясь внимательно въ изложенный нами рядъ свадебныхъ обрядовъ въ ихъ послѣдовательномъ ходѣ, мы не можемъ не замѣтить прежде всего того, что вся свадьба состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ актовъ: *сватання*, *заручин* и *весільля*, которые, въ свою очередь, состоятъ каждый изъ ряда однихъ и тѣхъ же главныхъ дѣйствій, постепенно развивающихся и усложняющихся: попытки похищенія, отпора со стороны рода невѣсты, примиренія сторонъ, выкупа невѣсты у ея родныхъ, религіозныхъ дѣйствій и вступленія молодыхъ въ супружеское сожитіе. Въ настоящее время мы не располагаемъ еще достаточнымъ количествомъ свѣдѣній для объясненія этого троекратнаго повторенія одного и того-же ритуала, но, повидимому, этого объясненія слѣдуетъ искать въ томъ *временномъ сожительствѣ* или пробныхъ бракахъ, которые допускаются у нѣкоторыхъ народовъ, какъ напр., у индійцевъ въ Канадѣ, въ Мексикѣ, у санталовъ въ Индіи, у нѣкоторыхъ племенъ на о-вѣ Цейлонѣ, у нѣкоторыхъ сибирскихъ инородцевъ и вообще у тѣхъ наро-

довъ, у которыхъ стремленіе къ размноженію господствуетъ надъ высокой оцѣнкой дѣвственности.

Разсматривая затѣмъ всѣ свадебные обряды по существу, мы видимъ, что ихъ можно раздѣлить на двѣ главныя категоріи: *историко-драматическую и религіозную*. Первая изъ нихъ, которую мы называемъ драматической, такъ какъ она состоитъ изъ ряда сценъ, представляющихъ въ лицахъ событія и отношенія далекаго прошлаго, изображаетъ сначала попытку войти въ домъ дѣвушки хитростью, потомъ проникнуть туда силою, при чемъ инсценировка старается возстановить, сколько возможно, общественныя отношенія приблизительно кіево-княжескаго періода: сборы въ походъ, феодальныя отношенія, столкновеніе съ родомъ невѣсты и пр., затѣмъ, въ виду невозможности овладѣть невѣстой насильно—мирные переговоры, которые кончаются сдѣлкой — выкупомъ [1]) невѣсты, послѣ чего опять слѣдуютъ насильственныя дѣйствія: грабежъ приданаго, увозъ невѣсты съ особеннымъ подчеркиваніемъ ея иноплеменнаго происхожденія въ видѣ обязательнаго молчанія и т. п.

Такимъ образомъ, въ драматической инсценировкѣ свадебнаго ритуала, заключаемый теперь бракъ, представляется *экзогамическимъ*, совершенно не будучи таковымъ на самомъ дѣлѣ. Для объясненія этого посмотримъ, какъ это могло возникнуть исторически. По словамъ извѣстнаго всѣмъ текста начальной лѣтописи, различныя племена восточныхъ славянъ отличались и разными свадебными обычаями: Древляне «живяху звѣрьскимъ образомъ... и браченья у нихъ не быша, но умыкаху уводы дѣвица»; радимичи, вятичи и сѣверяне «живяху въ лѣсѣ яко же всякый звѣрь... и срамословіе у нихъ передъ отци и предъ снохами и бъраци не бываху въ нихъ но игрища межю селы. И схожахуся на игрища, на плясанья и на вся бѣсовьскыя пѣсни и ту умыкаху жены собѣ с нею же кто свѣщевашеся». Одни только Поляне «обычай имяху тихъ и кротокъ и стыдѣніе къ снохамъ своимъ... и брачные обычаи имѣяху: не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху вечоръ, а заутра приношаху что на ней вдадуче». М. М. Ковалевскій, кажется, первый обратилъ вниманіе на то, что эти различія оказываются не столько этническими различіями, сколько различными степенями культуры и постепенной эволюціи брака, и въ то время, когда Поляне, по словамъ лѣтописи, мирно приводили невѣсту и на другой день давали за нее выкупъ, радимичи, вятичи и сѣверяне умыкали себѣ дѣвицъ по взаимному соглашенію съ игрищъ межю селы, древляне же просто похищали себѣ женщинъ уводомъ, т. е. силою. Если, впрочемъ, и можно спорить относительно значенія этой разницы, то, во всякомъ случаѣ, вполнѣ безспорнымъ въ словахъ лѣтописи

[1]) По нашему мнѣнію, необходимо отличать *выкупъ* невѣсты отъ ея *покупки*, такъ какъ выкупъ является платой не столько за невѣсту, сколько за оскорбленіе, нанесенное ея роду попыткой похищенія. У азіатскихъ и финскихъ народовъ, гдѣ происходитъ простая купля невѣсты за калымъ, въ свадебныхъ обрядахъ совершенно отсутствуетъ элементъ похищенія и вообще вся свадьба сводится къ уплатѣ калыма и доставкѣ невѣсты ея родителями въ домъ жениха.

надо признать то, что бракъ у всѣхъ восточныхъ славянъ въ то время [1]) былъ еще *экзогамическимъ* и настоящей супругой, т. е. женщиной, принадлежащей лично своему мужу, могла считаться только женщина изъ чужого племени, похищенная, уведенная по соглашенію или пріобрѣтенная посредствомъ сдѣлки съ ея родомъ, такъ же точно, какъ у древнихъ римлянъ настоящей женой (uxor) считалась только женщина *купленная* своимъ мужемъ. Женщины же своего рода считались свободными и никто изъ мужчинъ не могъ имѣть на которую-нибудь изъ нихъ никакихъ монопольныхъ притязаній. Но если затѣмъ, вмѣстѣ съ измѣненіями въ религіозныхъ и общественныхъ отношеніяхъ и сдѣлалось возможнымъ брать себѣ женъ изъ своего племени, то это должно было обставляться извѣстнымъ декорумомъ, цѣлью котораго было придать эндогамическому браку хоть видимость экзогамическаго. При такомъ пониманіи лѣтописныхъ данныхъ и данныхъ свадебнаго обряда становятся вполнѣ понятными не только симуляція похищенія невѣсты и выкупа ея, но и всѣ прочія черты нынѣшней свадьбы, такія, какъ *вечерницы*, на которыхъ каждая дѣвушка, проводившая ночи съ однимъ парубкомъ, вполнѣ свободно оставить его и проводить ночи съ другимъ, и гдѣ только связь съ парубкомъ изъ чужой деревни считается кое-гдѣ и до сихъ поръ предосудительной, такія какъ перейма, намеки на адельфогамію, права всѣхъ мужчинъ рода на невѣсту и т. п.

Разсмотрѣніе религіозныхъ дѣйствій свадебнаго обряда, какими мы считаемъ пѣніе, витье вѣльця, употребленіе вѣнковъ и особенно печеніе коровая съ молитвенными обращеніями къ солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ и пр., не оставляетъ, кажется, никакого сомнѣнія въ томъ, что все это—переживанія религіознаго культа и притомъ культа небесныхъ свѣтилъ. Уже Кавелинъ, въ своей статьѣ по поводу сборника Терещенка, обратилъ вниманіе на поразительное сходство этихъ религіозныхъ свадебныхъ обрядовъ съ обрядами годичныхъ солнечныхъ праздниковъ и выразилъ предположеніе, что свадебные обряды развились изъ этихъ праздниковъ, къ которымъ они въ свое время были пріурочены. Нынѣшнее состояніе сравнительной этнографіи даетъ намъ возможность уже рѣшительно утверждать, что игрища межю селы, сопровождавшія эти праздники, были дѣйствительно брачнымъ установленіемъ, какъ говоритъ объ этомъ начальная лѣтопись (бѣраци не бываху в нихъ, но игрища межю селы). Послѣ работъ Уэстермарка и др. не можетъ уже быть сомнѣнія въ томъ, что болѣе или менѣе у всѣхъ народовъ существовали *брачные сезоны*, т. е. извѣстное опредѣленное время заключенія браковъ. У восточныхъ славянъ, какъ и у другихъ народовъ, эти сезоны отмѣчались игрищами, характеръ которыхъ достаточно ярко очерчивается не только словами лѣтописи, но и отзывами о нихъ духовныхъ писателей, Стоглава и пр., и не оставляетъ никакого сомнѣнія въ

[1]) Конечно не съ XI в., какъ желаютъ думать нѣкоторые историки, а гораздо раньше, что впрочемъ вполнѣ ясно и изъ текста „Повѣсти врем. лѣтъ“, гдѣ о всѣхъ этихъ обычаяхъ говорится въ *прошедшемъ* времени.

ихъ несомнѣнно брачномъ значеніи, разумѣется, не въ смыслѣ автора лѣтописи (бьраци не бываху...), а въ смыслѣ допущенія достигшей извѣстнаго возраста молодежи къ половой жизни. Съ измѣненіемъ общественныхъ отношеній и съ поворотомъ въ сторону индивидуальнаго эндогамическаго брака, заключавшагося не въ опредѣленное уже время, явилась потребность не только въ юридической санкціи такихъ браковъ соблюденіемъ экзогамическаго декорума, но и въ санкціи религіозной, путемъ совершенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тѣхъ обрядовъ, которые во времена существованія брачныхъ сезоновъ совершались разомъ для всѣхъ. Отсюда — перенесеніе въ свадебный обрядъ ритуала весеннихъ солнечныхъ праздниковъ и игрищъ: обрядоваго пѣнія, танцевъ, священнаго дерева, вѣнковъ, коровая (замѣнившаго жертвенныхъ животныхъ), и тѣхъ молитвъ, которыя, какъ мы видѣли, сохранились еще въ пѣсняхъ и до нашего времени. Все это заставляетъ, насъ согласиться съ упомянутымъ выше мнѣніемъ Кавелина и считать религіозный ритуалъ нашей свадьбы перенесеннымъ на индивидуальный бракъ обрядомъ годовыхъ весеннихъ праздниковъ и игрищъ, бывшихъ въ свое время общественно - брачнымъ установленіемъ,

Какъ было сказано выше, мы не имѣемъ ни малѣйшей возможности разсмотрѣть здѣсь тѣ варіаціи свадебныхъ обрядовъ, какія встрѣчаются въ разныхъ мѣстностяхъ Украины, но должны сказать, что варіаціи эти въ общемъ заключаются или въ забвеніи (иногда очень глубокомъ, какъ напр., заказъ коровая въ булочной и т. п.) нѣкоторыхъ частей свадебнаго обряда, или же, напротивъ, въ сохраненіи нѣкоторыхъ архаическихъ чертъ, исчезнувшихъ въ прочихъ мѣстностяхъ, какъ напр., жертвоприношеніе «бажанта» на Подлясьѣ и т. п. То же самое слѣдуетъ сказать и при сравненіи между собой свадебныхъ обрядовъ славянскихъ народовъ. Въ общемъ можно думать, что у православныхъ славянъ свадебные обряды сохранились гораздо больше и лучше, чѣмъ у католиковъ, изъ православныхъ же больше всего у южныхъ славянъ (включая сюда и румынъ) и у украинцевъ. У бѣлоруссовъ свадебные обряды имѣютъ какъ бы смѣшанный характеръ: часть ихъ, очевидно, великорусскаго происхожденія, другая-же часть украинскаго, или можетъ быть, точнѣе — болѣе древняго. Наиболѣе-же измѣненными свадебные обряды оказываются у великоруссовъ, и здѣсь измѣненія уже зависятъ не столько отъ забвенія или сохраненія извѣстныхъ частей общаго для всѣхъ славянъ ритуала, сколько отъ проникновенія въ него совершенно посторонникъ, главнымъ образомъ, азіатскихъ элементовъ. Сюда относится прежде всего обычай *кладжи*, т. е. не ритуальнаго выкупа, а вполнѣ реальной покупной платы за невѣсту, затѣмъ почти обязательное присутствіе на свадьбѣ «вѣдуна» или «колдуна», для отвода всякихъ возможныхъ покушеній сколдовать или «испортить» молодыхъ, ритуальное хожденіе невѣсты въ баню и связанные съ этимъ второстепенные обряды и пр.; изъ исчезнувшихъ же у великоруссовъ общеславянскихъ обрядовъ болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе почти совершенное отсутствіе коровая, составляющаго, какъ мы видѣли, центръ

всей религіозной стороны свадьбы. Любопытно замѣтить, впрочемъ, что церемоніалъ свадебъ московскихъ царей гораздо ближе къ украинскому, чѣмъ народно-великорусскій, что и понятно, такъ какъ при дворѣ сѣверноруссскихъ князей и царей должны были довольно долго сохраняться извѣстныя кіевскія традиціи. Одинаковость свадебныхъ обычаевъ не ограничивается, впрочемъ, и славянскимъ міромъ: у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, въ Германіи, въ Англіи, въ Италіи, во Франціи народный свадебный ритуалъ имѣетъ много общаго (достаточно, напр., указать на извѣстный романъ Жоржъ-Занда La mare au diable), а у кавказскихъ народовъ, напр., у грузинъ, мингрельцевъ и пр., онъ еще полнѣе и колоритнѣе, оставаясь въ общихъ чертахъ все-таки однимъ и тѣмъ-же.

Похоронные обряды. Доисторическое прошлое нынѣшней украинской территоріи даетъ довольно обширный матеріалъ для возстановленія погребальныхъ обычаевъ, но матеріалъ этотъ очень различенъ для разныхъ мѣстностей и плохо связывается съ тѣмъ, что представляютъ собой погребенія уже исторической эпохи. Небольшая серія извѣстныхъ до сихъ поръ неолитическихъ кургановъ заключаетъ въ себѣ скелеты иногда въ прямомъ, иногда-же въ скорченномъ положеніи, каменныя орудія, остатки посуды и иногда бывшей въ ней пищи. Въ самомъ концѣ неолита, въ гробницахъ такъ, назыв., домикенскаго типа, находятъ погребальные сосуды, наполненные остатками сожженія и заключенные, въ особыхъ помѣщеніяхъ, прикрытыхъ слоемъ глины, подвергавшейся затѣмъ обжиганію. Погребеній бронзоваго вѣка найдено очень немного, огромное же большинство кургановъ и «полей погребенія» относится уже къ желѣзному вѣку и имѣетъ очень разнообразный характеръ: содержимое древлянскихъ кургановъ отличается чрезвычайной простотой и даже бѣдностью, въ сѣверянскихъ же могилахъ съ остатками сожженія встрѣчаются драгоцѣнные металлы, оружіе и т. п. Со введеніемъ христіанства старинные способы погребенія, разумѣется, прекратились, но въ погребальныхъ обрядахъ, несомнѣнно, сохранилось еще очень много древняго.

Въ Украинѣ, какъ и вездѣ, впрочемъ, похоронные обряды далеко не отличаются такою колоритностью, какъ свадебные, и сохраняютъ общую традицію предоставить умершимъ «вѣчный покой» въ извѣстномъ отдаленіи отъ живущихъ. Въ украинскихъ народныхъ разсказахъ есть нѣсколько преданій, подавшихъ поводъ къ предположеніямъ о существованіи въ древности и у украинцевъ обычая убивать стариковъ (замѣтки П. Я. Литвиновой въ Кіев. Стар. и пр.), но полное отсутствіе какъ историческихъ свидѣтельствъ, такъ и подобныхъ обычаевъ и преданій о нихъ у прочихъ славянскихъ народовъ и, напротивъ, большое распространеніе обычая убивать стариковъ, существующаго даже до сихъ поръ у нѣкоторыхъ монгольскихъ народовъ, заставляютъ думать, что украинскіе разсказы объ обычаѣ «вывозить стариковъ на лубкѣ» позаимствованы у сосѣднихъ съ нами монгольскихъ племенъ или черезъ Кавказъ. Въ случаяхъ слишкомъ длинной агоніи у украинцевъ принимаются, впрочемъ, нѣкоторыя мѣры, чтобы облегчить душѣ выходъ изъ тѣла: съ этой цѣлью просверливаютъ дырку въ стѣнѣ, раскрываютъ крышу, кладутъ

умирающаго на землю, просятъ «паламаря» звонить въ церковный колоколъ «по умерлому» и пр. Возлѣ умирающаго сидятъ его ближайшіе родные и держатъ зажженную восковую свѣчу, въ случаѣ же, если смерть все-таки не наступаетъ скоро, «в разі тяжкого конання, свічку тримають инші присутні і як потрафлять *на щасливу руку*, то хорий скоро сконає (В. Гнатюк, Похоронні звичаї. (Этногр. Збірн. т. XXXI, стр. 339). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напр., въ Гуцульщинѣ, умирающаго обмываютъ еще при жизни, надѣваютъ на него чистое бѣлье и праздничную одежду и очень внимательно слѣдятъ, чтобы онъ не скончался безъ зажженой «громници», т. е. восковой свѣчи съ Страстного четверга, въ рукахъ. Обыкновенно же омовеніе и одѣваніе трупа производится послѣ смерти. Тѣло раздѣваютъ для этого и сажаютъ на «стілець», поставленный въ достаточно широкую деревянную лохань съ водою, моютъ, чешутъ волосы, мужчинѣ бреютъ бороду, кромѣ того, обращаютъ вниманіе на то, чтобы глаза покойника не оставались открытыми, ибо въ противномъ случаѣ, еще кто-нибудь изъ семьи умретъ. Воду отъ омовенія, вмѣстѣ съ волосами и гребнемъ выливаютъ куда-нибудь въ такое мѣсто, гдѣ ни люди, ни животныя не ходятъ: въ узкій промежутокъ между постройками, подъ «кошницю» для кукурузы и т. п. Чаще всего покойника одѣваютъ только въ рубаху и штаны, на ноги же надѣваютъ *халикги*, т. е. нѣчто въ родѣ чулковъ, сшитыхъ изъ полотна, и только въ очень немногихъ мѣстностяхъ мертваго одѣваютъ въ его обычный праздничный костюмъ. Интересно, что у бойковъ и другихъ племенъ, гдѣ въ употребленіи запонки (шпонки) для застегиванія рубахи, этихъ шпонокъ не надѣваютъ ни для вѣнчанія, ни послѣ смерти. Замужнихъ женщинъ одѣваютъ въ рубаху, спідницю, очень рѣдко въ кірсетку или бѣлую свиту, подпоясываютъ краснымъ, а иногда обязательно зеленымъ поясомъ, ноги обертываютъ грубой кисеей, а на голову непремѣнно надѣваютъ намітку. Дѣвушекъ-невѣстъ одѣваютъ какъ на свадьбѣ—съ вѣнкомъ изъ барвинка, цвѣтами и лентами, на средній палецъ правой руки надѣваютъ кольцо, кромѣ того, пекутъ коровай, кладутъ его на крышку гроба, а послѣ похоронъ раздаютъ на могилѣ кусочки его всѣмъ родичамъ покойницы. По словамъ Ящуржинскаго, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ умершей дѣвушкѣ назначаютъ жениха изъ парней, который въ соотвѣтственномъ костюмѣ идетъ за гробомъ на похоронахъ. Съ подобными же добавленіями происходятъ похороны и парубка-жениха.

Одѣвши покойника сообразно его полу и возрасту, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и положивши ему за пазуху три маленькихъ хлѣбца, его кладутъ на лаву подъ окнами, головою къ иконамъ (на столъ кладутъ только очень маленькихъ дѣтей—не старше 6-ти лѣтъ), на окнѣ-же ставятъ «кухлик» съ водою, такъ какъ, по народному повѣрью, душа не отлетаетъ отъ тѣла, по крайней мѣрѣ, до «позвона» и нуждается въ питьѣ. Поэтому же, немедленно послѣ кончины покойника, посылаютъ къ церковному сторожу съ просьбой позвонить «за упокой». Съ момента кончины въ хатѣ и во дворѣ прекращаются всѣ работы, и, пока мертвецъ въ хатѣ, соръ не подметается,

подъ куръ не подкладываютъ яицъ, ничего не сажаютъ въ огородѣ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ всѣ родственники-мужчины до самыхъ похоронъ ходятъ съ обнаженной головой, дѣвушки же—съ косами, распущенными по плечамъ и спинѣ. Плакать по покойникѣ много не слѣдуетъ, такъ какъ это отягчаетъ его положеніе «на томъ свѣтѣ», и были случаи, когда мертвые приходили и просили перестать плакать; въ особенности же должны воздерживаться отъ плача матери съ первымъ ребенкомъ. Ящуржинскій въ своемъ сообщеніи на Ярославскомъ археологическомъ Съѣздѣ говоритъ о существованіи прежде въ Уманскомъ у. Кіев. губ. обычая, правда не повсемѣстнаго, не плакать надъ умершимъ, а веселиться, пѣть пѣсни и играть на свирѣли. У Чубинскаго мы находимъ уже прямое указаніе на игры надъ мертвыми въ Подольской губ. Это называется тамъ *бить лубка* и заключается въ томъ, что одному изъ играющихъ набрасываютъ на голову кожухъ, а другіе бьютъ его жгутомъ сзади, пока онъ не отгадаетъ, кто его ударилъ, и угаданный не займетъ его мѣста. Въ В. Галиціи, особенно въ горахъ, подобныя игры чрезвычайно распространены подъ названіемъ *лопатки*, *грýшки* и пр. Игры эти, которыми у гроба покойника развлекается исключительно холостая молодежь, не смущаясь присутствіемъ «дяка», невозмутимо продолжающаго чтеніе псалтыри, пользуются всеобщей терпимостью и если и преслѣдуются духовенствомъ въ проповѣдяхъ, то только «для очистки совѣсти» Онѣ очень подробно описаны въ превосходной статьѣ г. Вол. Гнатюка (въ XXXI—XXXII т. Этнограф. Збірника) и безъ сомнѣнія представляютъ собой отголосокъ тѣхъ погребальныхъ игръ и пиршествъ, которыя существовали еще въ начальный періодъ нашей исторіи и продолжаютъ еще существовать у нѣкоторыхъ народовъ, между прочимъ, и на Кавказѣ.

Съ слѣдующаго дня послѣ смерти, приступаютъ уже къ сооруженію *трунй*, т. е. гроба или, по галицки, *деревйща* (*гробомъ* въ Галичинѣ называется могильная яма), названіе, которое напоминаетъ тѣ, не такъ еще давнія времена, когда гробъ выдалбливался изъ расколотаго на двое ствола дерева, что и до сихъ поръ дѣлаютъ еще кое-гдѣ въ горахъ; обыкновенно же теперь гробъ сколачиваютъ изъ досокъ. Работа эта производится чаще всего кѣмъ-нибудь изъ умѣющихъ сосѣдей и всегда безплатно: ни отказаться отъ этой работы, ни получить за нее плату по народному обычаю нельзя; о людяхъ же, часто дѣлающихъ гробы, говорятъ, что они знаютъ какія-то заклятія, дѣлающія это занятіе для нихъ неопаснымъ. Въ Галиціи въ одной изъ стѣнокъ гроба прорѣзываютъ маленькое окошечко для души, которая иногда навѣщаетъ тѣло въ могилѣ; стружки же употребляются на подстилку и подушку для покойника, которую нельзя наполнять чѣмъ-нибудь мягкимъ, а особенно перьями. Покойника, особенно въ Галиціи, кладутъ въ гробъ только послѣ того, какъ въ хату придетъ священникъ и совершитъ установленныя молитвы; обыкновенно мужчину укладываютъ въ гробъ его родственники—мужчины, а женщину—женщины. На подушку возлѣ головы умершаго кладутъ разныя пахучія растенія, сухія или свѣжія, смотря по времени года: люби-

стокъ, материнку, шавлію (шалфей) и т. п. Прежде былъ обычай класть вмѣстѣ съ покойникомъ его шапку, палку, хлѣбъ, соль, полотенце, монету и даже иногда бутылку водки; дитяти и теперь часто даютъ яйцо или яблоко; курившимъ при жизни, или нюхавшимъ, клали въ гробъ трубку и табакъ или табакерку и вообще тѣ предметы, которые покойникъ особенно любилъ, для того, какъ объясняетъ описывающій это галицкій авторъ—лемко: «щоби небіжчик не потрібував вертатися з тамтого світа по них». Передъ выносомъ тѣла изъ хаты происходитъ прощаніе съ покойникомъ всѣхъ его родственниковъ и знакомыхъ, каждый изъ которыхъ цѣлуетъ его въ лицо, руки, колѣни и ноги. Не исполнить этого значило бы не простить покойнику сдѣланныхъ имъ обидъ и вообще отпустить его на «тотъ свѣтъ», не примирившись съ нимъ. Когда покойника выносятъ изъ хаты (всегда ногами впередъ), гробъ стукаютъ три раза о каждый порогъ, для того, чтобы онъ, такимъ образомъ, попрощался съ хатой и больше не приходилъ и осыпаютъ житомъ, чтобы оставшіеся не нуждались въ хлѣбѣ. Какъ только тѣло вынесено, родственники спѣшатъ запереть двери, приносятъ изъ сѣней *діжу* и всѣ гуськомъ обходятъ три раза вокругъ нея, на мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ, кладутъ топоръ, «чтобы больше никто не умиралъ», а иногда хозяйка хаты бросаетъ еще новый горшокъ, съ такой силой, чтобы онъ разбился вдребезги; послѣ этого уже выходятъ, чтобы присоединиться къ процессіи. Во многихъ мѣстностяхъ къ этому моменту выпускаютъ изъ хлѣвовъ лошадей, воловъ и прочихъ домашнихъ животныхъ, чтобы и они могли проститься со своимъ хозяиномъ. По выносѣ тѣла изъ двора, ворота завязываютъ краснымъ поясомъ или «рушникомъ»; чтобы вслѣдъ за умершимъ «не пішла з двора «худоба», хозяйка же посыпаетъ весь дворъ овсомъ.

Если разстояніе до церкви и потомъ до кладбища не особенно велико, то гробъ несутъ на рукахъ, или, правильнѣе, на плечахъ, въ противномъ же случаѣ—везутъ, при чемъ, опять тоже въ Галичинѣ, еще сохранился во многихъ мѣстахъ древній украинскій обычай отвозить покойника къ могилѣ не иначе, какъ *на саняхъ*, а не на повозкѣ и притомъ запряженныхъ *волами*, а не лошадьми. Для похоронъ дѣвушки-невѣсты устраивается нѣчто въ родѣ свадебнаго шествія: собираютъ дружекъ, старостъ, бояръ, сваху и пр. совершенно такъ, какъ на свадьбѣ, на крышкѣ гроба несутъ коровай, старостъ и підстаростъ перевязываютъ «рушниками» хустку, которую невѣста даетъ жениху, отдаютъ священнику на крестъ, дружкамъ вплетаютъ въ косы черныя ленты и всѣмъ присутствующимъ раздаютъ *проводничкй*, т. е. маленькія свѣчи изъ зеленаго воска. Послѣ отпѣванія въ церкви и въ особенности надъ могилой раздаются, кромѣ обычнаго плача, еще и причитанія иногда очень сложныя и очень длинныя, для чего приглашаются иногда особыя спеціалистки, умѣющія дѣлать это весьма краснорѣчиво. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ Галичины, напр., у лемковъ, происходитъ особенное *йойкання*, поддерживаемое всѣми женщинами и состоящее изъ очень громкаго и протяжно визгливаго повторенія одного и того же звука *ой-й-ой-ой*, въ которомъ прини-

мают участіе женщины не только на кладбищѣ, но и на значительномъ даже разстояніи отъ него. Все это происходитъ до тѣхъ поръ, пока могила не будетъ забросана землей, затѣмъ все сразу прекращается, всѣ возвращаются домой и лица, непосредственно участвовавшія въ похоронахъ, садятся за погребальный обѣдъ, который начинается съ *кѣлива*, т. е. разваренной пшеницы или ячменя съ небольшимъ количествомъ меда—кушанья, имѣющаго доисторическій характеръ. Прежде, однако, чѣмъ сѣсть за столъ, несшіе покойника, копавшіе яму и другіе люди, непосредственно касавшіеся гроба, должны не только вымыть руки, но и прикоснуться ими къ печи. Чѣмъ богаче похороны, тѣмъ лучше и не только потому только, что это удовлетворяетъ самолюбіе оставшихся родственниковъ, а и потому, что въ случаѣ скромныхъ похоронъ покойникъ будетъ приходить и упрекать своихъ родичей. Съ этой же цѣлью полезно раздавать какъ можно больше подаянія бѣднымъ и т. п.

Этотъ послѣдній мотивъ, какъ мы видимъ, повторяется чуть ли не при каждомъ изъ погребальныхъ обрядовъ, и мы не можемъ не согласиться съ тѣмъ, что высказывалось уже не разъ изслѣдователями похоронныхъ обычаевъ, а именно, что всѣ или почти всѣ погребальные обряды внушаются, главнымъ образомъ, не столько заботливостью о загробномъ существованіи покойниковъ, сколько *страхомъ* передъ умершими и желаніемъ обезпечить себя отъ ихъ возвращенія на этотъ свѣтъ. Украинскіе похоронные обряды, строго говоря, не имѣютъ въ себѣ ничего особенно оригинальнаго, они воспроизводятъ то же, что мы находимъ и у всѣхъ прочихъ славянскихъ и вообще индо-европейскихъ народовъ и отличаются развѣ только нѣкоторыми чертами особенной архаичности, что мы, впрочемъ, замѣчаемъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

XII. **Народныя знанія.** У каждаго народа, на какой бы степени цивилизаціи ни стоялъ онъ, всегда существуетъ извѣстное количество знаній. У болѣе культурныхъ народовъ знанія эти составляютъ, почти даже исключительно, продуктъ школьнаго и литературнаго образованія, у менѣе культурныхъ и даже въ главной своей массѣ совсѣмъ неграмотныхъ эти знанія накопляются эмпирически, заходятъ извнѣ, распространяются первобытно-естественнымъ путемъ и распредѣляются несравненно равномѣрнѣе, составляя дѣйствительно вполнѣ общее народное достояніе. Въ послѣднемъ случаѣ, имѣющемъ мѣсто именно у насъ, уровень этихъ знаній опредѣляется вовсе не школьными программами, не количествомъ и качествомъ литературы страны, а такъ, какъ опредѣляется, напр., уровень развитія и знаній совсѣмъ еще неучившихся дѣтей, т. е. путемъ непосреднаго изслѣдованія или анкеты въ родѣ той, какая была предпринята когда-то берлинскимъ статистическимъ бюро, а за нимъ и другими подобными же учрежденіями, между прочимъ, кое-гдѣ и въ Россіи. Относительно народныхъ знаній въ Украинѣ еще почти ничего не сдѣлано. Въ программу для собиранія свѣдѣній по этнографіи, изданную въ 1873 г. и до сихъ поръ «временно» закрытымъ Юго-западнымъ Отдѣломъ И. Р. Географическаго Общества, и перепечатанный имъ же въ 1875 г., авторами

*

(А. А. Русовымъ и пишущимъ эти строки) былъ внесенъ особый отдѣлъ «Народныхъ знаній», на который ими возлагались большія надежды, но отвѣтовъ на вопросы этой программы не поступило и, вѣроятно, не только потому, что имъ некуда было поступать, а и потому же, почему ихъ не оказалось въ теченіе сорока прошедшихъ съ тѣхъ поръ лѣтъ ни въ Кіевской Старинѣ, ни въ Этнографическомъ Обозрѣніи, ни въ изданіяхъ львовскаго Науковаго Товариства им. Шевченка. Единственной извѣстной намъ попыткой возобновить вопросъ объ изученіи народныхъ знаній былъ изданный въ 1893 г. г. К. Щ. «Опытъ программы для собиранія народныхъ математическихъ свѣдѣній», повидимому, совершенно независимый отъ кіевской программы Юго-зап. Отдѣла, но далъ ли онъ какіе-нибудь результаты, намъ неизвѣстно.

Тѣмъ не менѣе у украинскаго народа, какъ и у всякаго народа, жившаго длинной исторической жизнью и бывшаго въ постоянномъ соприкосновеніи съ своими сосѣдями, должно было накопиться извѣстное количество какъ эмпирическихъ такъ и заимствованныхъ знаній. Крайне небольшое количество свѣдѣній о нихъ и въ особенности несистематизированность этихъ свѣдѣній заставляютъ насъ ограничиться не столько сообщеніемъ ихъ, сколько постановкой вновь вопроса о ихъ собираніи.

Для обозначенія чиселъ неграмотное населеніе Украины употребляетъ примитивный способъ, изображая ихъ черточками или нарѣзками на первомъ попавшемся предметѣ или если дѣло идетъ о документѣ—на *биркахъ*, само названіе которыхъ указываетъ на происхожденіе его вѣроятно восточное, напоминающее пастушескій бытъ (бири—бирки—овцы). Бирками называются палочки, на которыхъ дѣлаютъ поперечныя числовыя нарѣзки, когда счетъ веведется между двумя лицами и долженъ быть всегда открытымъ для провѣрки. Такую палочку расщепливаютъ вдоль и каждый изъ контрагентовъ получаетъ половину нарѣзокъ, которыя должны совпадать съ другой половиной. Какъ при записываніи чиселъ гдѣ нибудь на стѣнѣ, такъ и на биркахъ, единицы обозначаются отдѣльными черточками, десятки—болѣе длинными черточками или крестиками, сотни, опять какими нибудь легко нарѣзываемыми значками и т. д. Такимъ образомъ изображаются довольно большія числа, которыя въ обыкновенной сельской практикѣ рѣдко заходятъ впрочемъ за тысячу, но напр., на биркахъ или *чѣтеляхъ* дунайскихъ рыбалокъ — руснаковъ, намъ случалось видѣть числа, доходившія до сотенъ тысячъ, такъ какъ эти рыболовы ведутъ счетъ рыбы на *бки* (3 фунта) и потому должны имѣть дѣло съ цифрами иногда очень крупными. Ариѳметическія дѣйствія съ помощью такихъ знаковъ разумѣется не производятся, а всѣ задачи рѣшаются умственно. Дѣйствій съ отвлеченными числами намъ никогда наблюдать не случалось, обыкновенно же всѣ дѣйствія производятся съ числами именованными. При этомъ для удобства счисленія, числа далеко не всегда расчленяются на единицы, десятки, сотни и т. д., но очень часто для этого служатъ извѣстныя единицы счета, напр., монета и пр. Наиболѣе употребительные пріемы *сложенія* и *вычитанія* заключаются въ томъ, что раньше всего имѣютъ дѣло съ гривенниками,

двугривенными, четвертаками, полтинами и т. д. Прежде всего слагаются или вычитаются цѣлыя эти перечисленныя количества, а затѣмъ уже справляются съ единицами. Напр., человѣкъ отвезъ къ скупщику хлѣбъ: въ первый разъ 47 пуд., второй 95 п. и третій 117 пуд. Для подсчета онъ соображаетъ такъ: въ 1-ый разъ 50 п. (3 долой въ умѣ), второй—100 (5 долой) а третій онъ считаетъ или за 100, а 17 держитъ въ умѣ, или за 120 и 3 долой въ умѣ. Сложивъ прежде круглыя цифры, онъ отнимаетъ потомъ тѣ, которыя замѣчались имъ въ умѣ. Точно такъ же поступаютъ и при вычитаніи. Въ такомъ же родѣ происходитъ и *умноженіе*. Продалъ напр., человѣкъ ячмень, по 23 к. за пудъ и сдаетъ его 175 пудовъ. Разсчетъ ведется такъ: за сотню пудовъ ему слѣдуетъ 23 руб., за 50 пуд. половина т. е. 11 р. 50 к. и за 25 пудовъ—четверть, т. е. 5 р. 75 коп., а сложить эти числа ему уже не трудно. Или напр., надо получить за 7 мѣшковъ муки по 65 к. за мѣшокъ. При рѣшеніи этой задачи на 7 умножаются не единицы, а десятки составляющіе цифру 65, а цифра эта разбивается на полтинникъ, гривенникъ и пятакъ и счетъ ведется такимъ образомъ: «сім полтин=$3\frac{1}{2}$ карбованця, та сім сороківок (гривенниковъ)=полтина і дві сороківки, разом 4 карб. 20, та сім пятаків=35 коп., а усе разом 4 карб. 55 коп. Съ *дѣленіемъ* нѣсколько труднѣе: Надо напр. 10 руб. на пастуха, разбить на 115 шт. скота. Здѣсь счетъ идетъ такъ: если-бы была сотня скота то приходилось-бы по 10 коп., а его больше, надо посчитать по 9 коп.: за 100 шт. будетъ 9 р., да за 10 шт. 90 коп., да за 5 шт. 45 коп.—значитъ всего 10 руб. 35 к. Десять руб. отдать пастуху, а 35 к. употребить «на пів-кварти» или на что нибудь другое. Кромѣ четырехъ дѣйствій ариѳметики, въ народной жизни иногда приходится имѣть дѣло съ болѣе сложными вычисленіями, которыя такъ или иначе обыкновенно сводятся къ этимъ основнымъ. Такимъ же образомъ рѣшаются задачи на возвышеніе въ степень и пр., въ родѣ той, какія приведены въ программѣ Югоз. Отд. и въ книгѣ Драгоманова «Малорусскія преданія и разсказы» (Кіевъ 1876).

Изъ производимыхъ украинскими крестьянами *измѣреній* прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на измѣреніе плоскостей и главнымъ обр. земли. Измѣреніе земли производятъ обыкновенно съ помощью самыхъ нехитрыхъ инструментовъ въ родѣ палки или веревочки или еще чаще «косового сажня» т. е. двухъ шестовъ, скрѣпленныхъ подъ угломъ такъ, чтобы разстояніе между концами расходящихся сторонъ равнялось одной сажени—и надо замѣтить, что измѣренія эти отличаются замѣчательной точностью, несмотря даже на то, что измѣряемыя поверхности имѣютъ иногда очень неправильную форму. Въ послѣднемъ случаѣ, съ помощью того-же инструмента, площадь раздѣляется на квадраты и треугольники, какъ это дѣлается и настоящими землемѣрами. Единицами плоскостной мѣры, кромѣ оффиціально употребляемыхъ единицъ десятины, морга и т. п. употребляютъ еще мѣры, основанныя на количествѣ времени, потребнаго для обработки даннаго пространства, какъ напр., *риза*, *день* и т. п. Интересны также пріемы для измѣренія объемовъ, напр., жид-

хихъ тѣдъ. Такъ напр., для измѣренія количества жидкости въ бочкѣ употребляется обыкновенная палочка, на которой предварительно намѣчены черточками уровни, соотвѣтствующіе извѣстнымъ количествамъ жидкости, заключающейся въ бочкѣ. Для счета такихъ предметовъ, какъ напр., кирпичъ или *кизякъ*, употребляется извѣстная система кладки: кизякъ, напр., складываютъ въ правильныя коническія кучи, величина которыхъ опредѣляется извѣстнымъ количествомъ кусковъ въ основаніи.

Въ высшей степени интересны также практическіе пріемы, употребляемые нашими украинскими крестьянами для нѣкоторыхъ тригонометрическихъ измѣреній. Такъ напр., чтобы измѣрить разстояніе недоступнаго предмета, смотрятъ на него надвигая *бриль* (шляпу) на глаза, такъ чтобы край его находился какъ разъ въ одной плоскости съ глазами и предметомъ, на который смотрятъ; затѣмъ поворачиваются, стараясь не поднимать и не опускать головы въ полъ-оборота, и смотрятъ, какой доступный предметъ находится въ одной плоскости съ краемъ «бриля» и глазами и потомъ измѣряютъ разстояніе между этимъ предметомъ и мѣстомъ наблюденія. Въ этомъ же родѣ и пріемъ, употребляемый для измѣренія высоты какого нибудь недосягаемаго предмета, напр., дерева, или колокольни и т. п. Для такого измѣренія берутъ палку одинаковой съ своимъ ростомъ длины и потомъ ищутъ такое мѣсто, съ котораго можно было-бы, лежа и поставивши палку вертикально въ ногахъ, видѣть верхушку дерева и конецъ палки въ одной плоскости. Понятно, что при этомъ разстояніе отъ головы наблюдателя до основанія дерева будетъ равно высотѣ дерева. Послѣдній пріемъ практикуется и въ болѣе упрощенномъ видѣ: для измѣренія высоты дерева нашъ волынскій или кіевскій «поліщук» оборачивается къ нему спиной и идетъ до тѣхъ поръ, пока, нагнувшись и смотря назадъ между своими ногами, не увидитъ верхушки измѣряемаго дерева; разстояніе отъ мѣста, на которомъ онъ стоитъ, до основанія дерева и будетъ его высотой. Само собой разумѣется, что тщательное изученіе всѣхъ пріемовъ употребляемыхъ сельскими механиками, строителями мельницъ, крупчатокъ и различными мастерами—«бондарями», «гончарами», «теслями» и т. п. дастъ намъ такой матеріалъ относительно народныхъ знаній, о богатствѣ и поучительности котораго мы можемъ догадываться по приводимымъ нами примѣрамъ.

Такъ же точно богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи должно дать и изученіе *народной астрономіи*. Всякому извѣстно, что наши «селяне» очень точно умѣютъ опредѣлять, напр., время по положенію извѣстныхъ созвѣздій, главныя изъ которыхъ носятъ въ народномъ языкѣ свои названія: *Квочка* (Плеяды) *Волосожа̀р* (Оріонъ) *Віз* (Большая медвѣдица) *Дівчина з відрами* (Вѣсы) и т. п. и съ незапамятныхъ временъ служатъ украинскому народу для опредѣленія времени.

Мы не станемъ говорить здѣсь о метеорологическихъ, анатомическихъ, біологическихъ и др. народныхъ свѣдѣніяхъ, ни тѣмъ болѣе о народной медицинѣ, которая въ значительной степени уже разработана въ рядѣ очень обстоятельныхъ работъ. Мы только напоминаемъ о нихъ будущимъ

изслѣдователямъ, отъ которыхъ мы ждемъ многаго и имѣемъ право ждать, такъ какъ почва для нихъ все таки до извѣстной степени уже расчищена.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора этнографическихъ особенностей украинскаго народа, позволяемъ себѣ высказать нѣсколько общихъ выводовъ, которые, какъ намъ кажется, сами вытекаютъ изъ изложенныхъ нами данныхъ:

1) Украинскій народъ, на всей занимаемой имъ территоріи отличается цѣлымъ рядомъ общихъ для всего его состава этнографическихъ особенностей, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ представляетъ собой одно этническое цѣлое, совершенно опредѣленно выдѣляющееся изъ среды прочихъ славянскихъ народовъ.

2) Въ этнографическомъ складѣ своей жизни, украинскій народъ сохранилъ значительное количество остатковъ старины, доказывающихъ, что онъ не подвергался очень глубокимъ этническимъ вліяніемъ извнѣ и, несмотря на свою богатую событіями исторію, развилъ свои этнографическія черты послѣдовательно и достаточно равномѣрно.

3) Подвергаясь, какъ и всѣ прочіе народы, въ извѣстной мѣрѣ внѣшнимъ этнографическимъ вліяніямъ, онъ ассимилировалъ нѣкоторыя чуждыя ему формы, но не въ такой степени, чтобы они могли измѣнить его основныя этнографическія черты и удалить отъ общаго славянскаго типа.

4) Въ частностяхъ своего этнографическаго быта украинскій народъ обнаруживаетъ наиболѣе близкое сходство съ своими западными сосѣдями южными славянами—болгарами и сербами, а также съ румынами, которые въ этнографическомъ отношеніи остаются вполнѣ славянскимъ народомъ. Польша была проводникомъ главнымъ образомъ культурныхъ вліяній европейскаго запада.

5) Этнографическія особенности бѣлоруссовъ и великоруссовъ оказываются если не идентичными, то весьма близкими къ украинскимъ въ своихъ наиболѣе старинныхъ формахъ.

Ѳ. Волковъ.

Обычное право украинскаго народа.

Система юридическихъ обычаевъ какого-нибудь народа, его «обычное право» можетъ представить для насъ интересъ съ двухъ различныхъ сторонъ. Обычное право, какъ и писанное, есть, прежде всего *право*, продуктъ *юридической* мысли и именно въ такомъ своемъ качествѣ можетъ подлежать нашему изученію и оцѣнкѣ. Уступая праву писанному въ отношеніи стройности и послѣдовательности построенія, полноты и выработанности его нормъ, обычное право, будучи результатомъ вѣковыхъ усилій коллективной мысли, не можетъ не представлять интереса съ точки зрѣнія чисто юридической.

Но не въ этомъ все же главное его значеніе. Писанное право,—право, носителемъ котораго является государство. Носителемъ обычнаго права является народъ: оно всецѣло покоится въ народномъ сознаніи. Поэтому, въ то время какъ право писанное представляется всегда обезличеннымъ и въ тѣмъ большей степени, чѣмъ пестрѣй и разнороднѣе этническій составъ государства—вплоть до совершенно денаціонализированной ratio scripta, какой было право всемірной Римской имперіи, — обычное право всегда сохраняетъ живой отпечатокъ создавшей его народности. Матерьялы, знакомящіе хотя бы съ правомъ украинскаго народа, сборники его обрядовъ и обычаевъ, длинные списки рѣшеній и постановленій волостныхъ судовъ заключаютъ въ себѣ массу характернаго, индивидуальнаго. Сквозь нихъ просвѣчиваетъ душа народа.

Не легко сказать при какихъ условіяхъ и въ какой обстановкѣ сложилось обычное право украинскаго народа. У насъ слишкомъ мало данныхъ, могущихъ освѣтить его историческія судьбы. Тѣмъ большее значеніе должны имѣть тѣ историческія извѣстія, которыми мы все же располагаемъ. Одно изъ нихъ, относящееся къ началу XVШ вѣка, т. е. ко времени, когда, находясь въ составѣ Россійской Имперіи, Украина обладала еще внутренней самостоятельностью, мы предлагаемъ вниманію читателя. Въ архивѣ Генеральной Канцеляріи—высшей судебной инстанціи того времени—сохранилось одно любопытное дѣло, относящееся къ 1723 г. Нѣкая вдова Стефановичъ, послѣ смерти мужа взяла въ свое распоряженіе оставшееся земельное имущество съ тѣмъ, чтобы послѣ своей смерти раздѣлить его между тремя своими дѣтьми. Но на землю заявила претензіи невѣстка, жена одного изъ умершихъ сыновей, и нашла у генеральной канцеляріи

признаніе своихъ правъ. Тѣмъ не менѣе, въ завѣщаніи, написанномъ вдовой Стефановичъ спустя три года послѣ рѣшенія Генеральной Канцеляріи, она все же назначила все имущество своимъ дѣтямъ, не соглашаясь съ этимъ рѣшеніемъ, такъ какъ, по ея мнѣнію «... подлугъ *посполитаго права*, чинить ей того не надлежало, понеже оные грунта властною працею и коштомъ, черезъ меня и небожчика мужа моего всѣ суть набитие»... [1]).

Такимъ образомъ, этимъ документомъ отмѣчается существованіе уже два вѣка тому назадъ двухъ особыхъ правовыхъ конструкцій; одна изъ нихъ основывалась на законѣ и выразителемъ ея были судебныя учрежденія того времени, другая на обычаѣ—посполитое право, и трудно сказать, къ какимъ отдаленнымъ временамъ относится начало такого правового раздвоенія. Во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть позднѣе той эпохи, когда одновременно на территоріи Украины дѣйствовалъ Литовскій статутъ, затѣмъ Магдебургское право (Саксонское Зерцало) для городовъ и наконецъ, упоминаемое въ документахъ «казацкое право», т. е., надо думать, пережитокъ архаическаго древне-русскаго права, видоизмѣненнаго подъ вліяніемъ соціальныхъ условій украинской жизни.

Въ качествѣ правового основанія этимъ документомъ выдвигается на первый планъ «властная праця»—личный трудъ. Это очень важно для характеристики указаннаго посполитаго права. Потому, что именно это значеніе личнаго труда какъ нельзя тѣснѣе сближаетъ посполитое право начало XVIII вѣка съ современнымъ обычнымъ правомъ. Рядъ талантливыхъ изслѣдованій крестьянскаго права современной Великороссіи и Украины въ достаточной степени освѣтилъ эту сторону теперешняго обычнаго права и если сторонники «трудового начала» нѣсколько и преувеличивали, юридическое значеніе труда, то все же для всякаго новаго изслѣдователя не можетъ не быть очевидной роль идеи труда въ формированіи правосознанія народа. Чѣмъ ничтожнѣй ея роль въ писанномъ правѣ, выросшемъ въ борьбѣ и столкновеніи интересовъ различныхъ общественныхъ группъ, тѣмъ рельефнѣе она выдѣляется въ правѣ обычномъ, которое много вѣковъ было правомъ деревни и тихо слагалось вокругъ деревенскихъ хатъ, вокругъ трудовой нивы.

Уже основное понятіе «собственности» въ обычномъ правѣ строится, видимо, нѣсколько иначе, чѣмъ въ правѣ писанномъ. Въ воззрѣніяхъ украинскаго народа, при всемъ вліяніи современныхъ понятій, все же ясно чувствуется то отношеніе къ собственности, при которомъ только трудъ является справедливымъ, безспорнымъ и непререкаемымъ способомъ ея пріобрѣтенія. Изъ способовъ пріобрѣтенія собственности, установленныхъ законовъ только немногіе пользуются его признаніемъ. Давность владѣнія, взятая сама по себѣ, не даетъ права собственности. Даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ терминъ «давности», привнесенный, надо думать, извнѣ, уже фигурируетъ въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, она понимается иначе, чѣмъ въ юридической наукѣ. Не самъ фактъ непрерывнаго и безспорнаго владѣнія въ теченіе

[1]) Арх. Генер. Канц. № 1234.

опредѣленнаго заранѣе срока имѣетъ здѣсь значеніе. Судъ входитъ въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла и укрѣпляетъ имущество за пріобрѣтателемъ только тогда, когда въ его лазахъ это представляется справедливымъ [1]).

Не даетъ правъ на вещь также и находка. Если хозяинъ найденной вещи извѣстенъ, то она ему возвращается, и часто безъ всякаго вознагражденія. Если хозяинъ не обнаруживается, то очень часто она все же не отдается нашедшему, но продается съ торговъ и вырученная сумма, за вычетомъ вознагражденія нашедшему, поступаетъ въ мірской капиталъ [2]).

Что касается до способовъ пріобрѣтенія собственности по приращенію, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые извѣстны римскому праву подъ названіями deplantatio, satio, — то здѣсь народное право не столько стремится установить и дать юридическое опредѣленіе правамъ собственника-пріобрѣтателя, сколько ограждаетъ интересы лица, затратившаго трудъ. Засѣявшій по ошибкѣ чужое поле не теряетъ въ пользу собственника земли права на посѣвъ. За нимъ остается, въ видѣ вознагражденія за трудъ, значительная часть его, чаще всего половина посѣва.

Своеобразно опредѣляется народнымъ правомъ переходъ собственности по наслѣдству. Система наслѣдованія, пожалуй, самое характерное, что мы находимъ въ немъ: она всего болѣе отличается отъ правилъ, устанавлимаевыхъ нашимъ гражданскимъ кодексомъ, всего полнѣе обнаруживаетъ истинную его природу.

Какъ происходитъ наслѣдованіе по нашимъ законамъ? Какими началами оно опредѣляется? Законодательство наше исходитъ изъ принципа кровной родовой связи. Всякій, кто можетъ доказать свою принадлежность къ роду наслѣдодателя, въ какой бы отдаленной степени родства онъ къ нему ни находился, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть призванъ къ наслѣдству, можетъ сдѣлаться продолжателемъ его имущественной личности. Въ основу наслѣдованія положенъ принципъ отжившій, неоправдываемый правосознаніемъ современнаго человѣка и оно пріобрѣтаетъ характеръ слѣпой игры случая.

Совершенно иную картину представляетъ собой наслѣдованіе укрестьянства Южной Россіи. Правда, на Украинѣ, особенно въ Черниговщинѣ и Полтавщинѣ приходится встрѣчаться и съ формами наслѣдованія родового характера. Это нужно сказать относительно т. н. «дідизны», т. е. земельнаго имущества, перешедшаго къ наслѣдодателю отъ его отца Оно необходимо переходитъ къ сыновьямъ и либо дѣлится поровну между ними, либо достается цѣликомъ старшему изъ нихъ. Но это отступленіе отъ типичныхъ наслѣдственныхъ отношеній—результатъ, надо думать, внѣшнихъ воздѣйствій [3])—не измѣ-

[1]) См. П. Чубинскій. Народные юридическіе обычаи. СПБ. 1872. Гражданск. рѣшеніе № 131.

[2]) См. В. Ивановъ. Обычное право кр-нъ Харьковской губ. Харьковъ, 1896, стр. 48. 103 и др.

[3]) Во время „гетманщины" Украина жила подъ дѣйствованіемъ законовъ скомпилированныхъ изъ Литовскаго Статута, Саксонскаго Зерцала, Магдебур. Права, которыми кровное начало въ наслѣдованіи отнюдь не исключалось. Ср.

няетъ все же общей картины наслѣдованія. Наоборотъ, ея основныя характерныя черты выступаютъ благодаря этому рельефнѣе, рѣзче.

Наслѣдованіе у малорусскихъ «селянъ» происходитъ обычно въ видѣ семейныхъ раздѣловъ. Оно не выходитъ поэтому, какъ общее правило, за предѣлы того хозяйственнаго союза, какимъ является крестьянская семья. Только тотъ, кто былъ дѣятельнымъ членомъ этого союза, кто участвовалъ личнымъ трудомъ въ приращеніи семейнаго имущества, можетъ заявить свои претензіи на наслѣдство, пріобрѣтаетъ на него право.

Устраненіе лицъ, не внесшихъ въ семью своей трудовой лепты, производится иногда съ безжалостной послѣдовательностью. Комиссіей Любощанскаго было установлено, что во многихъ мѣстностяхъ Южной Россіи не допускается къ наслѣдованію солдаты. Удаляясь, хотя бы по требованію закона, отъ общесемейнаго труда, они тѣмъ самымъ выходятъ изъ сферы имущественныхъ отношеній семьи, навсегда устраняются отъ участія въ ея имущественныхъ правахъ.

Еще хуже въ этомъ отношеніи положеніе женщинъ. Если ненаслѣдованіе солдатъ мы все же должны признать скорѣе исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ, то ненаслѣдованіе дочерей при наличности дѣтей мужскаго пола обычай, одинаково распространенныхъ во всѣхъ мѣстностяхъ Украины. Дочь прикрѣплена къ семьѣ слишкомъ слабою связью и ея пребываніе въ отеческомъ домѣ слишкомъ кратковременно, чтобы, по народнымъ понятіямъ, она могла выступить наслѣдницей наряду съ сыновьями. Она можетъ претендовать только на приданое, обязанность установить которое, послѣ смерти отца, переходитъ на ея братьевъ.

И въ то же время право наслѣдованія сплошь и рядомъ получаютъ люди, не стоящіе ни въ какомъ отношеніи кровнаго родства къ остальнымъ членамъ семейства. Не говоря уже объ усыновленіи, которое, по взглядамъ малорусскаго крестьянства, по истеченіи извѣстнаго срока даже при жизни усыновителя даетъ усыновленному право на половину пріобрѣтеннаго совмѣстнымъ трудомъ имущества, постоянно приходится сталкиваться съ случаями наслѣдованія лицъ, пришедшихъ въ семью со стороны. Такъ Чубинскій въ своихъ изслѣдованіяхъ обычнаго права украинскаго народа приводитъ рѣшенія волостного суда Горностайпольской волости (Черниговск. губ.), изъ которыхъ видно, что зять, желающій отдѣлиться отъ тестя, у котораго проживалъ, получаетъ четвертую часть какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества. «При опредѣленіи этой части», говоритъ Чубинскій, «принимается во вниманіе какъ долго жилъ зять съ тестемъ и, слѣдовательно, какъ долго работалъ въ его хозяйствѣ» [1]).

Мало того. Право на имущество пріобрѣтается иногда людьми, не стоящими къ семьѣ ни въ какомъ отношеніи родственной близости. На Украинѣ довольно распространенъ обычай «приймачества», гдѣ въ семью,

---

А. Кистяковскій. Права, по которымъ судится малорос. народъ. Кіевъ, 1879. стр. 341 и слѣд.

[1]) П. Чубинскій. Народн. юрид. обыч., стр. 50.

не имѣющую достаточно рабочихъ рукъ, принимается какой-нибудь неимущій со стороны. Нѣсколько лѣтъ работы въ качествѣ «приймака» даетъ уже извѣстное право на имущество хозяина. Онъ можетъ потребовать «раздѣла» и хозяинъ не въ правѣ отказать ему въ этомъ.

Этими бѣглыми чертами, характеризующими обычное право Украины, какъ право крестьянское, трудовое, мы будемъ вынуждены ограничиться. Раскрытіе трудового начала во всей его полнотѣ не входитъ въ нашу задачу: идея труда занимаетъ одинаково важное мѣсто какъ въ правѣ малорусскаго, такъ и великорусскаго народа; ей не чужды также правовыя воззрѣнія другихъ славянскихъ народовъ, особенно юго-западныхъ славянъ. Здѣсь, такимъ образомъ, нѣтъ еще ничего характернаго для украинскаго права, какъ какового и уловить его особенности можно только сопоставивъ его съ правомъ ему родственнымъ, хотя бы съ правомъ великорусскаго народа. Только при этомъ условіи все своеобразное въ немъ выступитъ достаточно отчетливо, ясно.

И именно обычное право Великороссіи всего лучше можетъ оттѣнить черты своеобразія въ украинскомъ народномъ правѣ, ибо, при всей близости этихъ двухъ народностей, въ ихъ духовномъ складѣ, національномъ обликѣ есть нѣчно такое, что глубоко, качественно отличаетъ ихъ другъ отъ друга, что постоянно и неизбѣжно придаетъ особую окраску всѣмъ продуктамъ ихъ культурнаго творчества.

«Малороссъ индивидуалистъ по природѣ»—таковъ обычный выводъ большинства изслѣдователей русской народной жизни—«въ великорусскомъ же народѣ преобладаетъ духъ общности, коллективизма». Нельзя не признать, что въ области правового быта этотъ выводъ находитъ свое полное оправданіе и подтвержденіе.

Украинскій народъ плохо мирится съ общиннымъ землевладѣніемъ. У него замѣчается явное тяготѣніе къ чисто личнымъ формамъ владѣнія землею. По даннымъ, скомбинированнымъ авторомъ статьи «Статистика землеволодіння въ 1905 р.» [1]) изъ общаго количества десятинъ, приходящагося, по всероссійской переписи 1898 года, на долю малороссійскихъ губерній, владѣютъ:

	Дворовъ.	Десятинъ земли.
На общинномъ правѣ. . . .	1.191.643	8.834.438
На подворномъ правѣ. . . .	1.686.477	9.327.637.

Фактъ рѣшительнаго преобладанія землевладѣнія подворнаго сталъ бы еще очевиднѣе, если изъ общихъ итоговъ исключить цифры, относящіяся до частей территоріи со смѣшаннымъ населеніемъ. Такъ, сильно склоняютъ итоги въ сторону общиннаго землевладѣнія губерніи Екатеринославская и Херсонская, гдѣ способъ подворнаго землевладѣнія почти не извѣстенъ. Но украинское населеніе достигаетъ только 68,9% въ первой изъ нихъ и только 53,5%—во второй. Понятно, что присоединять ихъ къ украинской территоріи можно только условно.

Но нелюбовь украинскаго крестьянства къ коллективнымъ способамъ владѣнія землей сказывается не только

[1]) Україна. Рікъ перший, т. IV, стр. 166.

въ фактѣ количественнаго преобладанія подворнаго землевладѣнія. Южнорусская община вообщее сильно разнится отъ своего великорусскаго прототипа. На почвѣ Украины общинная форма землевладѣнія явно перерождается, утрачивая особыя ей свойственныя черты, свой особый складъ и характеръ. Великорусская община до самаго послѣдняго времени сохраняла въ себѣ достаточно жизненныхъ силъ. На сѣверѣ она до сихъ поръ является устойчивой, активной хозяйственной единицей, способной не остановиться предъ необходимостью сложныхъ и продолжительныхъ работъ по осушенію болотъ, расчисткѣ лѣса, предъ необходимостью крупныхъ затратъ на расширеніе площади землепользованія. Ничего подобнаго не приходится встрѣчать на Югѣ. Какъ хозяйственное цѣлое южно-русская община почти не существуетъ, почти не проявляетъ признаковъ жизнедѣятельности.

Мало того. Она не только ничѣмъ не проявляетъ себя во внѣ, но, какъ общее правило, обнаруживаетъ крайнюю неподвижность и робость даже въ дѣлѣ регламентаціи своихъ внутреннихъ отношеній. Великорусскій «міръ», гдѣ практикой частыхъ передѣловъ создается фактическое его господство надъ земельнымъ имуществомъ общины, чувствуетъ себя полнымъ хозяиномъ, властно вмѣшивается въ сферу частно-хозяйственныхъ отношеній общинниковъ. Малорусская «громада, гдѣ уравнительное землепользованіе является чистѣйшей фикціей, оставляетъ отдѣльнымъ домохозяевамъ полную свободу, говоря словами одного изслѣдователя херсонской общины «считаетъ себя какъ бы не вправѣ посягать на величину личной собственности каждаго хозяина» [1]).

Типичной формой крестьянскаго хозяйства на Украинѣ въ теченіе многихъ вѣковъ оставалась самодовлѣющая и независимая хозяйственная единица—*хуторъ*. Отдѣльныя поселенія въ 2—3 двора, разбросанныя по всей территоріи и ютящіяся вездѣ, гдѣ только природныя условія даютъ возможность осѣсть и завести усадьбу—такова обычная картина деревенской жизни на Украинѣ и въ этомъ, какъ нельзя болѣе ясно, сказывается боязнь украинскаго крестьянина всякаго вмѣшательства въ его личныя дѣла, всякаго внѣшняго принужденія.

Матерьялъ къ характеристикѣ общаго склада деревенской жизни на Украинѣ и въ Великороссіи мы можемъ найти и въ области принятыхъ обычаемъ договорныхъ отношеній. Свобода договора среди крестьянства является, по существу, мнимымъ понятіемъ. Въ особенности это нужно сказать относительно сдѣлокъ объ отчужденіи крестьянскаго имущества, вещей необходимыхъ въ хозяйствѣ Предоставить отдѣльнымъ домохозяевамъ свободу покупать и продавать, это значитъ—допустить ростъ однихъ хозяйствъ за счетъ другихъ, иногда полный упадокъ и раззореніе отдѣльныхъ хозяйственныхъ единицъ. Къ этому сельское общество не можетъ отнестись равнодушно, уже по одному тому, что этимъ путемъ оно теряетъ плательщиковъ податей, и сплошь и рядомъ сдѣлки такого рода признаетъ недѣйствительными. Въ своемъ «Гражданскомъ Правѣ» Пахманъ приводитъ нѣсколько рѣшеній волостныхъ

[1]) См. А. Посниковъ. Южнорусское крестьянское хозяйство. 45 стр.

судовъ великороссійскихъ губерній съ запрещеніемъ купли-продажи, при чемъ въ одномъ изъ нихъ дается и слѣдующая любопытная мотивировка: продажу считать недѣйствительной «такъ какъ нѣтъ закона, по которому крестьянинъ могъ бы продать свой послѣдній домъ» [1]).

Достойно вниманія, что такого рода факты почти неизвѣстны въ Малороссіи. Несмотря на то, что дѣйствующая податная система создаетъ и здѣсь достаточно вѣскіе мотивы къ ограниченію свободы имущественныхъ сдѣлокъ, практика волостныхъ судовъ не даетъ примѣровъ признанія ихъ недѣйствительными. Чаще приходится встрѣчаться съ фактами обратнаго значенія. Въ Богуславскомъ волостномъ судѣ (Каневскаго уѣзда) слушалась жалоба крестьянки мѣстечка Богуслава, въ которой она просила о возвратѣ проданной ею хаты въ виду того, что покупщикъ не уплатилъ полностью покупной цѣны. Судъ постановилъ: взыскать съ покупщика недоплаченную сумму, а хату оставить за нимъ [2]). Волостной судъ на Украинѣ часто относится даже съ явной враждебностью къ попыткамъ прибѣгнуть къ его посредничеству тамъ, гдѣ, по его мнѣнію, дѣло должно быть разрѣшено исключительно на почвѣ частныхъ соглашеній. Любопытнымъ въ этомъ отношеніи представляется рѣшеніе суда Квитковской вол. (Каневскій уѣздъ), гдѣ къ такого рода дѣламъ относится купля-продажа, правда, вещей не имѣющихъ значенія для хозяйства. Впрочемъ, въ немъ дается и общая мотивировка. Солдатъ Пахаренко жаловался, что еврей Прицнеръ продалъ ему кожу по цѣнѣ далеко не отвѣчающей ея достоинствомъ. Волостной судъ, принявъ во вниманіе, что «торговля зависитъ отъ торгующихъ лицъ» и что покупщикъ самъ долженъ быть внимательнѣй, постановилъ оштрафовать за дороговизну еврея и наложить, въ то же время, штрафъ и на самаго жалобщика за обращеніе къ суду съ такого рода жалобой [3]).

Деревенская жизнь вездѣ отличается нѣкоторой неподвижностью гражданскаго оборота; обязательства по договорамъ приходится считать самой неразвитой стороной обычнаго права. Изъ договоровъ волостнымъ судамъ чаще всего приходится имѣть дѣло съ договоромъ личнаго найма, при чемъ особенно это вѣрно въ отношеніи малорусскихъ губерній. На Украинѣ семейный союзъ состоитъ обыкновенно изъ достаточно ограниченнаго числа лицъ и для зажиточной семьи скорѣе можетъ представится надобность въ «наймитѣ» для пополненія недостатка рабочихъ рукъ. Однако, на наемъ въ работники народъ смотритъ какъ на печальную необходимость — «нанявсь, як продавсь» говоритъ малорусская пословица. Поэтому, на Украинѣ рѣдко заключаются договоры на продолжительный срокъ, почти никогда дольше, чѣмъ на годъ. Легче, чѣмъ въ Великороссіи, здѣсь, повидимому и нарушаются договоры до истеченія срока найма. Основательнымъ поводомъ для этого со стороны нанявшагося считается болѣзнь, слабость здоровья, грубое обращеніе. Въ рѣшеніи во-

[1]) С. Пахманъ. Гражданское Право въ Россіи". Петр. Т. I, стр. 119.

[2]) Труд. Комис. IV. 202.

[3]) Труд. Комис. V. 203.

лостного суда Сорочинской вол. (Миргородск. уѣздъ) достаточнымъ поводомъ признается «притѣсненіе въ работахъ и продовольствіи [1]). Въ другомъ рѣшеніи договоръ съ работницей уничтожается, вслѣдствіе попытокъ хозяина ее соблазнить [2]). Впрочемъ, положеніе «наймита» отъ этого не перестаетъ быть тяжелымъ и оставленіе хозяина безъ уважительныхъ причинъ влечетъ за собой не только гражданскія, но и уголовныя послѣдствія—штрафъ, арестъ, принудительную отдачу въ заработки.

Недостатокъ рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ даетъ начало еще одного рода договорамъ, т. н. «скопщинѣ». Договоръ скопщины достаточно неопредѣленной юридической природы. Въ иныхъ своихъ формахъ онъ приближается къ договору имущественнаго найма, въ другихъ—найма личнаго: Иногда онъ имѣетъ своимъ предметомъ обработку какого-нибудь участка земли и тогда пріобрѣтаетъ всѣ признаки испольной аренды. Иногда же дѣло сводится къ выполненію какого-нибудь одного хозяйственнаго процесса—уборки хлѣба, молотьбы, выкоса травы. Здѣсь онъ принимаетъ характеръ личнаго найма съ уплатою продуктами труда и такъ какъ въ этомъ своемъ качествѣ онъ оставляетъ въ отношеніяхъ между контрагентами достаточно свободы, то къ нему прибѣгаютъ на Украинѣ часто и охотно. Часто встрѣчаются и случаи, когда въ скопщинѣ личный и имущественный моменты не поддаются опредѣленію. Это своего рода промежуточныя формы между имущественнымъ и личнымъ наймомъ. Такъ, въ одномъ волостномъ судѣ слушалось слѣдующее дѣло: мѣщанинъ Т. Кобель жаловался на казаковъ Попругу и Котляра за невымолотъ третьей части ржи съ земли, взятой ими у него со скопщины. Свидѣтели показали, что они были при томъ, когда Попруга и Котляръ совершили договоръ съ просителемъ обработать землю, т. е., что Попруга и Котляръ заплатили Кобелю 2 р. за несвоевременную уборку ржи и обязались при нихъ и молотить скопщину, т. е. третью часть ржи [3]). Если это договоръ имущественнаго найма, то непонятно, почему недосмотры въ обработкѣ порождаютъ права на сторонѣ лица, отдавшаго землю въ наемъ. Если это договоръ найма личнаго, то, странно, что въ протоколѣ суда говорится о *землѣ*, взятой со скопщины.

Чубинскій относитъ скупщину къ формамъ договоровъ товарищества и говоритъ о ней въ связи съ другими родственными, по его мнѣнію, товарищескими соглашеніями—супрягою, т. е. соглашеніемъ домохозяевъ, не имѣющихъ достаточно рабочаго скота чаще всего воловъ, соединить ихъ подъ плугъ для совмѣстной оранки и толокою—добровольной и безвозмездной помощью гуртомъ тѣмъ изъ хозяевъ, которые не успѣваютъ своевременно обжаться, обкоситься или свезти хлѣбъ. Намъ это представляется тѣмъ болѣе неправильнымъ, что, по его же собственнымъ словамъ, работа съ копы создаетъ, въ отношеніи взявшаго ее положеніе нѣкоторой подчиненности: онъ долженъ «послухать» хозяина, т. е. помогать ему въ его

[1]) Труд. Ком. IV. 180, 24.
[2]) Труд. Ком. V. 484, 23.
[3]) Труд. Ком. IV, 329, 21.

собственныхъ дѣлахъ—нарубить дровъ свезти сѣно и т. п. [1]).

Нельзя, пожалуй, согласиться съ почтеннымъ изслѣдователемъ юридическихъ обычаевъ Украины и въ его общей характеристикѣ товарищескихъ соединеній, какъ исключительно выраженіемъ сосѣдскаго расположенія, сосѣдской помощи. Считать украинскаго крестьянина неспособнымъ вступать въ соединенія во имя собственныхъ интересовъ, значитъ, отчасти идеализировать его, отчасти преувеличивать его индивидуалистическій складъ и наклонности. Вѣрно, что т. н. «артельное начало» въ достаточной степени не свойственно украинскому народу; но все же неразвитость артельныхъ отношеній на Украинѣ не можетъ быть всецѣло отнесена на счетъ особенностей его національнаго характера. Чисто земледѣльческій трудъ не представляетъ благопріятной почвы для развитія артелей. Разныя же побочныя занятія—отхожіе промыслы, деревенское ремесленничество — менѣе распространены на Украинѣ, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ. Украинскій народъ крѣпче держится за землю и полнѣе сохраняетъ черты народа — земледѣльца.

Изъ обязательствъ, вытекающихъ изъ неправомѣрно причиненныхъ убытковъ—«шкоды», мы остановимся на одномъ, связанномъ съ практикой, т. н. «завода». Если кто-нибудь вкосится или вожнется въ чужое поле, то потерпѣвшій ущербъ проситъ о «заводѣ», который составляется изъ 5—6 заслуживающихъ довѣрія лицъ, обыкновенно его сосѣдей и кого-нибудь изъ представителей сельской администраціи. Послѣ традиціоннаго угощенія, созвавшимъ его лицамъ, «заводъ» отправляется на поле, осматриваетъ «шкоду», опредѣляетъ, какое количество хлѣба или сѣна приходится съ той части, гдѣ скошено или сжато, и присуждаетъ виновнаго возмѣстить ущербъ. Послѣдствія для лица, причинившаго «шкоду», могутъ быть различными въ зависимости отъ ея умышленности или неумышленности, но характерно, что, по общему правилу, уплачивается, или, вѣрнѣе, возвращается обратно, только дѣйствительно присвоенное имъ количество. Штрафа за нарушеніе границъ не полагается.

Нами былъ уже отмѣченъ фактъ ограниченности семейнаго союза на Украинѣ. То, что извѣстно въ Великороссіи подъ именемъ «большой семьи», т. е. сожительство однимъ дворомъ, подъ одной кровлей нераздѣленныхъ братьевъ съ ихъ дѣтьми и даже дѣтьми ихъ дѣтей, остается явленіемъ типичнымъ только для русскаго сѣвера. На югѣ, напротивъ, противоположная тенденція не только преобладаетъ, но, пожалуй, подчасъ слишкомъ сильно даетъ себя чувствовать. Стремленіе выдѣлиться, обособиться, завести свое собственное хозяйство настолько сильно здѣсь, что частью создается положеніе, при которомъ хозяйственная жизнь вообще не можетъ итти сколько-нибудь нормальнымъ ходомъ, такъ какъ тотъ ничтожный клочекъ земли, который получается въ результатѣ сплошь и рядомъ не можетъ служить основой сколько-нибудь жизнеспособному хозяйству.

И нѣтъ основаній думать, что это явленіе новаго времени, что здѣсь сказываются только вліянія современ-

[1]) Чуб. Нар. юр. об. стр. 74.

ной, въ существѣ своемъ, индивидуалистической культуры. Общій типъ семейныхъ отношеній украинскаго крестьянства оставался, видимо, такимъ же, какъ въ наше время и двѣсти, триста лѣтъ назадъ. Есть даже, думается намъ, нѣкоторыя указанія, что наклонность разселяться малыми семьями можно установить для русскаго юга еще въ эпоху «Русской Правды». Въ нынѣшней Украинѣ существуетъ обычай, по которому послѣ смерти отца его усадьба достается младшему изъ его сыновей. Обычай этотъ—послѣдовательный и разумный выводъ изъ того положенія, когда сыновья, приходя въ возрастъ и обзаведясь своей собственной семьей, выдѣляются еще при жизни отца, еще при существованіи старой семьи основываютъ свое собственное хозяйство. Естественно, что при этомъ условіи, въ домѣ отца останется напослѣдокъ только младшій сынъ и поэтому указаннымъ обычаемъ чаще всего санкціонируется лишь создавшееся положеніе вещей. Онъ, во всякомъ случаѣ, основанъ на предположеніи, что семейный союзъ не переживаетъ, какъ общее правило, главы семейства, только при этомъ условіи обычай этотъ не утрачиваетъ своего смысла и значенія. Если мы вспомнимъ теперь, что въ «Русской Правдѣ», наряду съ другими законодательными опредѣленіями семейныхъ раздѣловъ, существовала спеціальная статья, предписывающая передавать дворъ младшему сыну, то мысль объ исконномъ преобладаніи «малой семьи» на югѣ Россіи должна будетъ утратить характеръ простой догадки [1]).

Необходимо отмѣтить, что обычное право украинскаго народа вообще значительно чище и выдержаннѣе обычнаго права великороссовъ. Лучше охраненное отъ инородческихъ вліяній, оно полнѣе воспроизводитъ черты древняго права; въ немъ больше символовъ и обрядовъ, въ которыхъ чувствуется глубокая старина, больше терминовъ и понятій, которые въ современномъ правосознаніи народа являются какъ бы отблескомъ до-христіанскихъ взглядовъ и вѣрованій. Вспомнимъ хотя бы объ испытаніяхъ водою, которыя практиковались въ сравнительно недавнемъ прошломъ въ «процессахъ вѣдьмъ», о наказаніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «куна», о свадебныхъ обрядахъ и обычаяхъ. И именно на эти послѣднія нужно обратить особенное вниманіе, потому что въ семейной сферѣ старина дольше всего удерживается и сохраняется всего прочнѣе.

Изслѣдователи обычнаго права не разъ отмѣчали, какое большое значеніе въ глазахъ украинскаго народа имѣетъ свадебный обрядъ вообще—т. н. «весільле». До самого послѣдняго времени церковная сторона брака—вѣнчаніе, отступала на задній планъ, считалась неважнымъ, привходящимъ моментомъ—взглядъ, съ которымъ долго и тщетно боролась церковь. Такъ извѣстнымъ указомъ Синода отъ 1743 года отмѣчалось, что въ Малой Россіи «по отправленіи церковнаго брачнаго таинства, того же времени разлучився, по нѣскольку лѣтъ до называемаго, по ихъ обычаю,

[1]) Многосемейные „дворы", съ которыми знакомитъ насъ Румянцевская Опись, скорѣй всего—плодъ существовавшей тогда системы обложенія. Ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отожествлять съ большой семьей".

брачнаго веселія живутъ въ разныхъ домахъ» и предписывалось не отпуская брачущихся изъ церкви, брать у нихъ письменныя обязательства вступить въ совмѣстную жизнь. Но насколько ничтожно было значеніе такого рода предписаній видно хотя бы изъ того, что во многихъ мѣстностяхъ Украины даже въ настоящее время повѣнчавшіеся и не справившіе «веселія» не считаются супругами, не допускаются обычаемъ къ совмѣстной жизни и если молодой въ промежуткѣ между вѣнчаніемъ и «веселіемъ» умретъ, то молодая продолжаетъ считаться «дівчиною». Разумѣется, брачному обряду придается достаточно большое значеніе и въ Великороссіи, но тамъ все же онъ не считается такой необходимостью. Объ этомъ говоритъ хотя бы практикующаяся тамъ свадьба «убѣгомъ», посредствомъ которой бѣднымъ людямъ удается избѣгать брачнаго обряда и дорого стоющихъ свадебныхъ церемоній.

И не только въ обрядовой сторонѣ брака сказывается большая цѣльность и нетронутость обычнаго права въ Малороссіи. Ее нетрудно уловить и въ самомъ существѣ брачныхъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ особенно интересенъ вопросъ о томъ, съ какими имущественными послѣдствіями связывается вступленіе въ бракъ. Такъ какъ брачнымъ соглашеніемъ дается начало новому хозяйству, то самымъ частымъ и естественнымъ его послѣдствіемъ бываетъ обыкновеніе приносить со стороны жены приданое, т. е. извѣстную долю имущества, предназначенную на общесемейныя нужды. Такъ дѣлается теперь на Украинѣ, такъ дѣлалось на ея территоріи и во времена Владиміра Святого и Ярослава. «За утра приносятъ на ней что «вдадуче»— слова, которыми начальная лѣтопись описываетъ взносъ приданаго родителями невѣсты у полянъ *).

Но среди великорусскаго населенія изслѣдователю приходится встрѣчаться съ явленіемъ совершенно противоположнаго значенія. Наряду съ приданымъ, здѣсь имѣетъ общее распространеніе обычай т. н. «кладки»— предбрачнаго взноса со стороны жениха. Тутъ ужъ не въ его завѣдываніе идетъ имущество отъ родителей невѣсты, а, напротивъ, ему самому приходится уплачивать ея отцу, матери или вообще старшему въ семьѣ извѣстную, иногда довольно значительную сумму. Это—какъ бы уплата жениха за невѣсту и ее часто, и по нашему мнѣнію, съ полнымъ правомъ сближаютъ съ т. н. «калымомъ» татаръ и башкировъ. Правда, кладка чаще всего имѣетъ чисто символическое значеніе, мѣстами принято давать всего-на-всего одну какую-нибудь монету, но это не лишаетъ ее особой ея характерности и важности. Обычай кладки символизируетъ собой своеобразный, чисто восточный складъ семейныхъ отношеній; онъ ясно говоритъ о томъ, что въ ходѣ исторической жизни великорусскаго населенія имъ были впитаны, ассимилированы нѣкотораго рода духовные элементы, чуждые народу, взятые со стороны.

Прежде чѣмъ коснуться отношеній, которыя складываются между супругами послѣ брака, упомянемъ еще объ одномъ характерномъ моментѣ брачнаго договора. Какъ извѣстно свадьбѣ

*) Въ предыдущей статьѣ этимъ словамъ лѣтописи, согласно съ мнѣніемъ Соловьева, придается значеніе выкупа со стороны жениха (см. стр. 636). Ред.

предшествуетъ всегда предварительное соглашеніе—сватовство. Бываютъ случаи, когда всѣ дѣйствія обрядовыя и чисто договорныя, которыя считаются необходимыми въ предбрачномъ соглашеніи совершены, а между тѣмъ одна изъ сторонъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ отказывается отъ вступленія въ бракъ. Какъ относится къ этому обычное право? И въ этомъ вопросѣ замѣчается различіе взглядовъ у украинскаго и великорусскаго народа. Какъ тамъ, такъ и здѣсь признается, что женихъ, отказываясь отъ вступленія въ бракъ, въ извѣстномъ смыслѣ опорачиваетъ невѣсту и поэтому долженъ платить ей за «безчестье». Но брачное условіе можетъ быть нарушено не женихомъ, а невѣстой. Характернымъ для украинскаго обычнаго права является то, что оно не дѣлаетъ различія между сторонами. Отказъ со стороны невѣсты считается такой же обидой жениху, какъ и отказъ жениха отъ невѣсты, и тотъ и другой случай одинаково признается нарушеніемъ правъ противной стороны, влечетъ за собой одни и тѣ же гражданско-правовыя послѣдствія [1]).

Этотъ фактъ заслуживаетъ большого вниманія, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Положеніе сторонъ въ брачномъ договорѣ не является случайнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ, избѣгая всякой идеализаціи супружескихъ отношеній на Украинѣ, мы все же должны признать, что при обычномъ преобладаніи мужского элемента, отношенія между супругами здѣсь лучше, чѣмъ въ Великороссіи, ограждаютъ достоинство женщины, чаще строятся на взаимномъ уваженіи и взаимномъ признаніи правъ. Равенство до брака, до извѣстной степени служитъ предпосылкой равенства въ бракѣ.

Въ хозяйственной дѣятельности жена не является простой помощницей мужа. На Украинѣ она вообще рѣже принимаетъ участіе въ тяжелыхъ полевыхъ работахъ, чѣмъ въ Великороссіи. Ей отводится вполнѣ самостоятельная область въ хозяйствѣ; это всѣ тѣ дѣла и заботы, которыя лежатъ исключительно на ней. Вотъ какъ объ этомъ говоритъ Чубинскій: «По понятіямъ народа, жена имѣетъ право распоряжаться большимъ числомъ продуктовъ хозяйства, нежели мужъ. Семейный трудъ раздѣляется на «жіноче діло», «человіче діло» и «спильна праця». «Жіноче діло» заключается въ воздѣлываніи огорода, въ собираніи съ огорода овощей и въ дальнѣйшемъ приготовленіи ихъ, въ «страві» (приготовленіи пищи), въ размолѣ хлѣба въ жерновахъ, въ приготовленіи льна и конопли (мужъ долженъ только выорать подъ посѣвъ этихъ растеній и посѣять) въ пряденіи, тканьѣ и приготовленіи бѣлья, въ содержаніи въ чистотѣ и въ теплотѣ хаты, въ ухаживаніи за курами, утками, поросятами и коровами [2]).

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ сложныхъ хозяйственныхъ дѣлъ находится въ ея полномъ распоряженіи. По общему правилу жена можетъ дарить и продавать излишки продуктовъ, можетъ употреблять вырученныя деньги на хозяйственныя и свои личныя нужды. Независимость жены переходитъ иногда даже въ прямое господство ея въ семьѣ—положеніе, которое всегда давало пищу народному юмору.

[1]) Чуб. Нар. юр. об. Гражд. рѣш. № 247.

[2]) Чуб. Нар. юр. об. стр. 33.

*

Впрочемъ, нужно сказать, что въ области личныхъ отношеній трудно вообще прійти къ какимъ-нибудь устойчивымъ выводамъ. Факты одного порядка слишкомъ легко уживаются съ фактами совершенно противоположнаго значенія: наряду съ супружескими отношеніями намѣченнаго выше типа слишкомъ часто приходится встрѣчаться съ случаями полнаго приниженія женщинъ, полнаго и безконтрольнаго господства мужской стороны въ бракѣ, такъ что совершенно невозможно разобраться въ этой черезполосицѣ противоположныхъ явленій, подвести конечный итогъ. Не здѣсь, а только въ области имущественныхъ отношеній можно найти прочную опору для сужденій о существѣ брака и это тѣмъ болѣе, что личныя отношенія между супругами всегда находятся въ связи съ имущественными, опредѣляются ими.

На Украинѣ преобладаетъ начало раздѣльности имуществъ, вѣрнѣе, детальная система имущественныхъ отношеній. Въ тѣхъ, правда, немногочисленныхъ случаяхъ, когда жена помимо приданаго приноситъ въ семью свое собственное имущество, оно считается принадлежащимъ ей лично. Мужъ обыкновенно завѣдуетъ и распоряжается имъ, но право во всей полнотѣ принадлежитъ только женѣ, и она всегда можетъ вытребовать его отъ мужа; въ случаѣ растраты имъ имущества, помимо гражданской отвѣтственности, онъ несетъ иногда даже и уголовную. Такъ, по рѣшенію суда Квитковской волости (Кіевск. губ.) мужъ, похитившій у жены деньги и растратившій ихъ, приговаривается судомъ къ наказанію розгами [1]).

[1]) Труд. Ком. V, стр. 213, № 1.

Право жены на приданое не поглощается, какъ это бываетъ при имущественной общности, правами мужа, напротивъ отчетливо сознается народомъ и всегда находитъ признаніе у суда. Имущество, полученное за женой, послѣ ея бездѣтной смерти возвращается обыкновенно тому лицу, отъ котораго было получено, и уже одно это ограничиваетъ мужа въ его распоряженіи приданымъ, ставитъ его подъ контроль жены и ея родственниковъ. И это право жены имѣетъ вполнѣ реальное значеніе, такъ какъ по обычаямъ украинскаго народа приданое представляетъ собою относительно большую цѣнность. Доля имущества, которая устанавливается родителями жены въ видѣ приданаго и въ которой она можетъ чувствовать извѣстную опору и противовѣсъ несправедливымъ притязаніямъ мужа состоитъ не только изъ обычной въ такихъ случаяхъ движимости: платьевъ, нарядовъ, разной женской утвари, но нерѣдко въ приданое даются и деньги, часто скотъ, иногда даже недвижимое имущество. Такъ, въ жалобѣ казачки Иркліевской волости (Полтавск. губ.) въ составѣ приданаго, помимо разнаго рода одѣяній, домашнихъ вещей и коровы, упоминается и десятина пахатной земли [2]). Въ рѣшеніи Бѣлоцерковскаго волостного суда (Кіевск. губ.) говорится о назначенной въ приданое усадьбѣ [3]).

Неудачный бракъ можетъ быть прекращенъ по желанію сторонъ. Правда, формальный разводъ въ деревнѣ совершенно неизвѣстенъ, но фактиче-

[2]) Труд. Ком. IV, 311. № 72.

[3]) Чуб. Очер. юр. об. 308. Рѣш. 311.

ское разлученіе супруговъ вовсе не рѣдкое явленіе,и народъ видимо несклоненъ на него смотрѣть глазами церкви—«что связалъ Богъ, человѣкъ да не разлучаетъ» и не связываетъ съ нимъ представленія о грѣховности. Имущественныя послѣдствія развода—невсегда одинаковы. Чаще всего бываетъ такъ: если жена бросаетъ мужа, мужъ имѣетъ право удержать у себя приданое. Если же мужъ удалитъ отъ себя жену (выгонитъ), то обязанъ возвратить ей приданое [1]).

Большую имущественную независимость находимъ мы и въ отношеніи дѣтей къ родителямъ, къ главѣ семейства. Общность имущества и въ этомъ отношеніи не проводится здѣсь такъ послѣдовательно, какъ это приходится встрѣчать во многихъ мѣстахъ Великороссіи. Наряду съ общесемейнымъ имуществомъ, находящимся въ завѣдываніи отца или вообще старшаго въ семьѣ встрѣчаются и случаи частной собственности отдѣльныхъ ея членовъ. По показаніямъ крестьянъ Новомосковской вол. (Екатерин. губ.) отдѣльные члены семьи иногда имѣютъ принадлежащій имъ лично скотъ: лошадей, воловъ и т. п. [2]). Все, пріобрѣтенное личнымъ трудомъ дѣтей, принадлежитъ имъ, и отецъ не въ правѣ распоряжаться такимъ имуществомъ. (Быстринская волость, Бердич, у., Кіевск. губ.) [3]). Судомъ Городищенской волости (Кіевск. губ.) слушалось дѣло по жалобѣ сына на отца о похищеніи этимъ послѣднимъ принадлежащихъ ему денегъ и разныхъ вещей. Судъ хотя и сталъ на сторону отца, но исключительно по недоказанности похищенія [4]). Любопытнымъ представляется также споръ между братьями о землѣ, гдѣ одинъ изъ нихъ доказываетъ право личной собственности на шесть десятинъ, пріобрѣтенныхъ на свои средства (Крапивинская вол. Полтавской губ.) [5]).

Можно было бы удвоить и утроить число доказательствъ подобнаго характера. Но, думается, въ этомъ нѣтъ необходимости. Приведеннаго выше вполнѣ достаточно, чтобы усвоить себѣ существо внутреннихъ отношеній малорусской семьи. Семья на Украинѣ не представляетъ собой, подобно великорусской семьѣ, прочно спаяннаго и слитаго цѣлаго. Въ ней нѣтъ той тенденціи роста, которая выражается въ этой послѣдней послѣдовательнымъ расширеніемъ сферы семейныхъ отношеній до предѣловъ, допустимыхъ общежитіемъ, до сложной «большой семьи». Наоборотъ, сила сцѣпленія въ ней очень ослаблена. Малорусская семья не только очень рано распадается, но и задолго до этого заключаетъ въ себѣ возможности такого распада. И въ то время какъ великорусская семья, при всей своей сложности, въ имущественномъ отношеніи представляетъ довольно простое цѣлое—общесемейное имущество,—въ украинской семьѣ положеніе усложняется отдѣльными правами ея членовъ,—жены на приданое и внесенную ею въ семью собственность, дѣтей на имущество, пріобрѣтенное ихъ личнымъ трудомъ. То же стремленіе къ независимости, которымъ опредѣляется отношеніе отдѣльныхъ хозяевъ къ сельской «громадѣ» сказывается и здѣсь, приводитъ къ аналогичнымъ результатамъ.

[1]) Тр. Ком. IV. 654.
[2]) Труд. Ком. V. 492.
[3]) Труд. Ком. V. 141.
[4]) Труд. Ком. V. 231. № 15.
[5]) Труд. Ком. IV. 317. № 1.

Выше нами уже было отмѣчено, что дочери, при наличности сыновей, не допускаются къ наслѣдству. Необходимо добавить, что этотъ древній принципъ, извѣстный еще со временъ Русской Правды, до извѣстной степени смягчается въ обычномъ правѣ украинскаго народа. Такъ, хотя, по общему правилу, дочери ничего не получаютъ изъ имущества отца, но во многихъ мѣстахъ Украины материнское имущество идетъ главнымъ образомъ къ нимъ. Такой обычай существуетъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Полтавской губ. Иллюстраціей можетъ служить такой случай: умерла мать, оставивши значительное наслѣдство, полученное ею въ приданое, наслѣдниками явились 3 сына и дочь—имущество было раздѣлено сельскимъ сходомъ на двѣ части, одну часть получила дочь, другую—раздѣлили между собой сыновья [1]). Не проводится со всей послѣдовательностью и обычай ненаслѣдованія въ имуществѣ отца: въ случаѣ споровъ о наслѣдствѣ волостной судъ часто присуждаетъ извѣстную часть и дочерямъ [2])

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ сколько-нибудь подробно заняться уголовными рѣшеніями малорусскихъ волостныхъ судовъ. Остановимся только на наиболѣе характерныхъ изъ нихъ. Волостные суды вездѣ имѣютъ наклонность распространить свою компентенцію на область личной морали, сдѣлать уголовно наказуемымъ дурное поведеніе вообще. Такого рода смѣшеніемъ уголовной неправды съ простой безнравственностью грѣшитъ народная юстиція и въ Малороссіи, но, думается намъ, въ значительно меньшей степени, чѣмъ это можно наблюдать въ практикѣ великорусскихъ судовъ. Изъ 10-ти, 15-ти рѣшеній, собранныхъ Чубинскимъ подъ общей рубрикой проступковъ противъ нравственности, только немногія направлены противъ дурного поведенія вообще, не связаннаго съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ правонарушеніемъ. Судъ наказываетъ обыкновенно за «пьянство и нанесеніе побоевъ», за «пьянство и побѣгъ изъ темной», за «пьянство и неповиновеніе властямъ». Наказанію подвергаются и изобличенные въ развратной жизни, но здѣсь, чаще всего, судъ имѣетъ дѣло съ индивидуальнымъ проступкомъ противъ нравственности, обыкновенно съ прелюбодѣяніемъ. Сюда, напримѣръ, нужно отнести рѣшеніе Мокранскаго суда (Гродненской губ.), которымъ крестьянинъ Степанъ Самусюкъ, обвиненный въ двухлѣтней связи съ женою крестьянина Гаранчука, приговаривается къ характерному наказанію вожденія черезъ село «для стыда и въ примѣръ другимъ» вмѣстѣ съ сообщницей его преступленія [3]).

Впрочемъ, въ наказуемости поступковъ безнравственныхъ, допустимой все же обычаемъ украинскаго народа, есть и другая сторона. Это—большая чистота нравовъ, большая утонченность и культурность во всемъ складѣ сельской жизни на Украинѣ. Факты безнравственности, въ особенности связанные съ публичнымъ оказательствомъ, рѣзко нарушаютъ мирную гармонію украинской деревни и скорѣе могутъ вызвать негодованіе и протестъ, который и облекается въ концѣ концовъ въ форму приговоровъ волостного суда.

[1]) Труд. Ком. IV. 324.

[2]) Труд. Ком. V. 101.

[3]) Чуб. Нар. юр. об. Угол. рѣш. № 331.

Въ украинскомъ народѣ сильно развито чувство личнаго достоинства. Обильная практика волостныхъ судовъ по дѣламъ объ оскорбленіи личности даетъ примѣры чрезвычайно повышенной чувствительности и большой строгости судовъ въ подобнаго рода случаяхъ. Николаевскій судъ (Подольской губ.) слушалъ жалобу крестьянина Михаила Рейнина на односельца Ивана Франчука, обозвавшаго его воромъ. Судъ приговорилъ Франчука къ наказанію розгами [1]) Эта щепетильность въ дѣлѣ личной чести иногда принимаетъ даже нѣсколько курьезный характеръ. Козакъ Сорочинской волости принесъ жалобу въ томъ, что на сходѣ его назвали не по фамиліи, а по его уличному прозвищу—Кацабей. Несмотря на то, что намѣренія оскорбить доказано не было, судъ опредѣлилъ обязать обидчика испросить у жалобщика прощеніе [2]).

Уваженіе къ личности сказывается и въ выборѣ малорусскими судами карательныхъ мѣръ. Комиссіей Любощинскаго было установлено, что на Украинѣ значительно рѣже, чѣмъ въ Великороссіи, практиковалось наказаніе розгами. Менѣе распространенъ здѣсь также обычай отдавать въ принудительныя общественныя работы. Намѣсто этого широко практикуются денежные штрафы—обычное наказаніе даже въ такихъ преступленіяхъ, какъ кража, грабежъ, присвоеніе чужого имущества.

Заканчивая нашъ краткій очеркъ, мы еще разъ остановимся на наиболѣе общихъ моментахъ характеристики юридическихъ обычаевъ Украины.

Обычное право, съ которымъ имѣетъ дѣло настоящая статья, право «хліборобовъ», право украинскаго крестьянства. Въ теченіе ряда столѣтій, когда города и высшіе слои населенія находились подъ дѣйствіемъ чуждаго, главнымъ образомъ, польско-нѣмецкаго права, оно не выходило за предѣлы деревенской околицы, не поднималось выше уровня отношеній сельской трудовой жизни. Тамъ оно сложилось, тамъ пріобрѣло, надо добавить, общія съ великорусскимъ обычаемъ, черты чисто деревенскаго права. И оставаясь долгое время въ общественныхъ низахъ, отчасти благодаря именно этому обстоятельству, главнымъ образомъ благодаря общимъ судьбамъ южнорусскаго народа, обычное право Украины сохранило въ себѣ не мало пережитковъ древности. Подобно тому, какъ на днѣ болотъ и озеръ, въ ихъ отложеніяхъ находятъ слѣды отжившаго животнаго и растительнаго міра, въ правовой жизни теперешней украинской деревни можно обнаружить черты, линіи и отпечатки правосознанія прошлыхъ тысячелѣтій.

Но не это, въ концѣ-концовъ, важно для насъ, такъ какъ не этимъ создается индивидуальность украинскаго обычнаго права. Не слѣды мертваго прошлаго, имѣютъ значеніе здѣсь, а живая мысль народа, его формирующее сознаніе, своеобразный складъ его души. И въ ходѣ изложенія мы старались прослѣдить, какъ отразилось и къ какимъ отличіямъ отъ права великорусскаго привели особенности психологіи украинскаго народа, главнымъ образомъ, его уваженіе къ личности, его стремленіе къ независимости, его, нелюбовь ко всякому вмѣшательству и боязнь всякой регламентаціи.

Т. Ефименко.

---

[1]) Чуб. Нар. юр. об. Угол. рѣш. № 133.

[2]) Труд. Ком. IV 472. № 8.

Краткій очеркъ исторіи малорусскаго (украинскаго) языка.

Малорусскимъ языкомъ называется совокупность говоровъ, употребляемыхъ малорусами. Этнографически малорусы опредѣляются прежде всего языкомъ: на всемъ пространствѣ, занятомъ малорусскимъ племенемъ, слышится языкъ, въ существенныхъ чертахъ своихъ представляющійся однимъ цѣлымъ, развѣтвившимся на болѣе или менѣе сходные между собою нарѣчія, говоры. Указать на эти развѣтвленія, опредѣлить границы и взаимныя отношенія отдѣльныхъ говоровъ не входитъ въ задачу настоящаго очерка; мы ограничимся разсмотрѣніемъ историческихъ судебъ малорусскаго языка. Но сначала остановлюсь на терминѣ «малорусскій языкъ»; этотъ терминъ не отождествляется мною съ терминомъ «украинскій языкъ». Подъ «украинскимъ языкомъ» разумѣется преимущественно современный литературный языкъ украинцевъ *); въ основаніи его лежитъ господствующее на Украинѣ нарѣчіе. Замѣна терминомъ «украинскій языкъ» болѣе широкаго термина «языкъ малорусскій» вполнѣ естественна и законна; ср. употребленіе «русскій языкъ» вмѣсто «великорусскій». Тѣмъ не менѣе исключеніе изъ научной терминологіи выраженія «малорусскій языкъ» нежелательно, ибо терминъ «украинскій» не можетъ объединить всѣхъ говоровъ, на которыхъ говорятъ малорусы, напр., говоровъ галицкихъ, угрорусскихъ, подляшскихъ и полѣсскихъ.

*) Терминъ не новый: „Паны веселятся и хвастаютъ... зовутъ народъ украинскій своими холопьями“. Гоголь. „Страшная месть“. VIII.

I.

Малорусскій языкъ выдѣлился въ весьма отдаленную эпоху изъ общерусскаго праязыка. Терминомъ «общерусскій праязыкъ» обозначаемъ тотъ не дошедшій до насъ въ письменныхъ памятникахъ языкъ, изъ котораго произошли и другіе русскіе языки, а именно сѣверно-великорусскій, южновеликорусскій и бѣлорусскій. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія своего доисторическаго прошлаго, малорусскій языкъ долженъ быть признанъ нарѣчіемъ русскаго языка, если подъ терминомъ «русскій языкъ» разумѣть всю

совокупность говоровъ, употребляемыхъ русскими, въ томъ числѣ и малорусами. Но съ точки зрѣнія своего исторически засвидѣтельствованнаго прошлаго, а также своего настоящаго положенія малорусскій языкъ долженъ быть разсматриваемъ какъ нѣчто отдѣльное отъ другихъ русскихъ языковъ, ибо мы не располагаемъ никакими указаніями на то, чтобы языкъ малорусовъ переживалъ теперь какія-нибудь общія съ другими русскими языками явленія въ области звуковъ, формъ, словообразованія. Оставляю въ сторонѣ взаимное вліяніе русскихъ языковъ и въ частности вліяніе великорусскихъ говоровъ на малорусскіе; вліяніе это выражается прежде всего въ передачѣ великорусскими говорами малорусскимъ своихъ звуковъ, формъ, словъ и оборотовъ; но такого рода заимствованія не устанавливаютъ общей діалектической жизни и, вызываясь различными факторами современной культурной жизни, ни въ какомъ случаѣ не свидѣтельствуютъ объ исконномъ сближеніи на почвѣ языка малорусовъ съ другими русскими племенами. Историческія судьбы, какъ увидимъ, рано разъединили русскую семью и рано обособили малорусовъ.

Сравнительное изученіе славянскихъ языковъ (русскаго, т. е. общерусскаго праязыка, польскаго, чешско-словацкаго, лужицкаго, болгарскаго, сербско-хорватскаго, словенскаго) показываетъ, что всѣ эти языки произошли изъ одного общаго языка, не дошедшаго до насъ въ памятникахъ; этотъ языкъ называется условно общеславянскимъ праязыкомъ. Съ точки зрѣнія своего доисторическаго прошлаго всѣ славянскіе языки, въ томъ числѣ и русскій, могутъ быть опредѣлены какъ нарѣчія этого общеславянскаго праязыка. Звуки, формы, синтаксисъ и словарный составъ общеславянскаго праязыка могутъ быть возстановлены путемъ сравненія отдѣльныхъ славянскихъ языковъ и выдѣленія изъ нихъ всего общаго, унаслѣдованнаго ими отъ ихъ общаго родоначальника. Ближайшее изученіе общеславянскаго праязыка доказываетъ весьма сильное уклоненіе его отъ того старшаго праязыка, изъ котораго произошелъ какъ онъ, такъ и остальные языки индоевропейской или аріоевропейской семьи языковъ. Становится очевиднымъ, что общеславянскій праязыкъ до своего распаденія на отдѣльныя славянскія нарѣчія пережилъ весьма продолжительную эпоху, когда складывались характерныя его особенности; продолжительность эпохи общеславянскаго единства свидѣтельствуется и изученіемъ современныхъ славянскихъ языковъ: сходство между ними очень значительно; оно указываетъ на общее хорошо сложившееся и объединившееся въ частяхъ своихъ основаніе.

Вопросъ о славянской прародинѣ, т. е. о географическомъ опредѣленіи той страны, гдѣ жили предки современныхъ славянъ, не нашелъ себѣ пока въ наукѣ разрѣшенія. Но ученыя разысканія сдѣлали вѣроятнымъ, что прародина славянъ находилась въ восточной Европѣ и соотвѣтствовала такимъ образомъ части той территоріи, которую въ настоящее время занимаетъ восточное славянство, т. е. русское племя. Задачей научнаго изслѣдованія, несомнѣнно достижимою, хотя и весьма сложною, является болѣе точное опредѣленіе границъ этой общеславянской прародины. Отъ того или иного рѣшенія этой задачи зави-

ситъ разработка вопросовъ, связанныхъ съ историческими судьбами всего славянства, и между прочимъ, опредѣленіе позднѣйшихъ процессовъ, приведшихъ какъ къ образованію отдѣльныхъ славянскихъ народностей, такъ и къ выдѣленію изъ нихъ новыхъ народностей. Въ частности для изслѣдователя судебъ малорусскаго языка чрезвычайно важно уяснить себѣ, какъ попало русское племя въ бассейнъ Днѣпра, гдѣ его застаютъ древнѣйшія историческія свидѣтельства, шло ли заселеніе Поднѣпровья съ сѣвера, съ запада или дѣйствительно съ юга, съ Дуная, какъ о томъ въ началѣ XII вѣка повѣствовалъ Несторъ.

Въ настоящее время значительное число изслѣдователей опредѣляетъ территорію славянской прародины бассейнами Вислы и Днѣпра, допуская при этомъ, что нижнее и верхнее теченія Днѣпра находились въ рукахъ инородцевъ—нижнее сначала скиѳовъ, потомъ сарматовъ, а верхнее финновъ и отчасти балтійцевъ (предковъ современныхъ литовцевъ и латышей, а также вымершихъ въ настоящее время прусовъ). Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ тѣхъ данныхъ, на которыхъ основываются сторонники гипотезы, полагающей, что средоточіемъ славянской прародины была современная Бѣлоруссія, а въ частности бассейнъ Припяти; но необходимо указать, что гипотеза эта вызываетъ рядъ возраженій, заставляющихъ искать первоначальныя мѣста жительства славянъ дальше на сѣверѣ, въ бассейнѣ Нѣмана и Западной Двины. Исходнымъ началомъ такихъ возраженій можетъ послужить отношеніе славянъ къ той культурѣ, которая соединяетъ ихъ въ одну семью съ другими европейскими народностями; эту культуру мы опредѣляемъ какъ средиземно-морскую, такъ какъ главными проводниками ея являлись народности, сидѣвшія вокругъ Средиземнаго моря. Выдѣленіе племенъ изъ жившей въ средней Европѣ индоевропейской народности—къ этой народности восходятъ почти всѣ европейскіе народы, а также рядъ народовъ Азіи (персы, армяне, индійцы)—совершалось въ прямой зависимости отъ вліянія средиземно-морской культуры на территорію, служившую периферіей къ тому базису, которымъ было Средиземное море. Пріобщеніе къ культурѣ превращало дикія племена, обитавшія въ современной Германіи, Австріи, Россіи, въ племена полудикія, дикарей—въ варваровъ; вооруживъ ихъ тѣми или иными культурными цѣнностями, снабдивъ ихъ усовершенствованнымъ оружіемъ, разбудивъ въ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ культурныя потребности, средиземно-морскія средоточія и очаги культуры стали для европейскихъ варваровъ той обѣтованною землею, куда направлялись ихъ помыслы и стремленія. Съ теченіемъ времени южныя оконечности Европы оказались въ рукахъ индоевропейцевъ—грековъ и италійцевъ, овладѣвшихъ ими въ силу того, что они были пріобщены къ культурѣ раньше другихъ, сидѣвшихъ сѣвернѣе ихъ единоплеменниковъ. Грекамъ и италійцамъ пришлось отбиваться отъ этихъ болѣе сѣверныхъ своихъ соплеменниковъ, къ которымъ также пробивались лучи средиземно-морской культуры, въ силу чего и въ нихъ зарождалось стремленіе захватить ея очаги и средоточія. Пріобщеніе кельтовъ, иллирійцевъ и ѳракійцевъ къ культурѣ Средиземнаго моря повело

за собой борьбу ихъ съ римлянами и греками. Кельтамъ удалось овладѣть сѣверною Италіей, значительною частью Балканскаго полуострова; они проникли и въ Элладу, перекинулись въ Малую Азію, осѣвши тамъ и образовавъ самостоятельное государство (Галатію). Движеніе кельтовъ къ югу, ихъ энергичный напоръ въ области, занятыя южными единоплеменниками, стояли въ зависимости и отъ того, что съ сѣвера на нихъ стали наступать соплеменные имъ германцы: такое движеніе этихъ сѣверныхъ индо-европейцевъ знаменовало пріобщеніе ихъ къ средиземно-морской культурѣ, проникавшей къ нимъ торговыми путями, которые расчищались благодаря передвиженіямъ племенъ съ сѣвера на югъ. Германцы становятся извѣстными грекоримскому міру не ранѣе III вѣка до Р. Х.; только съ этого времени можно считать ихъ пріобщенными къ исторической жизни, сосредоточивавшейся вокругъ Средиземнаго моря. Несомнѣнно, что появленіе на исторической сценѣ славянъ вызвано было тѣми же причинами, которыя выдвинули на нее сначала грековъ и римлянъ, затѣмъ кельтовъ и германцевъ; проникновеніе къ славянамъ средиземно-морской культуры, пріобщеніе ихъ къ ней—вотъ, что повело славянъ къ столкновеніямъ на югѣ съ Византіей, на западѣ и юго-западѣ съ германцами. Первыя извѣстія о славянахъ относятся къ концу V, началу VI вѣка послѣ Р. Х.; слѣдовательно, славяне оказываются на исторической сценѣ позже германцевъ, по крайней мѣрѣ на семь вѣковъ. Отчего это зависѣло? Отчего славяне очутились въ тылу германцевъ, когда тѣ повели отчаянную борьбу изъ-за обладанія Италіей и Балканскимъ полуостровомъ? Конечно, отъ того, что славяне сидѣли исконно въ отношеніи къ Средиземному морю за германцами, дальше германцевъ. Германская стѣна отдѣляла ихъ отъ средиземно-морской культуры; это обстоятельство объясняетъ намъ то сильное культурное вліяніе германцевъ, которое испытали на себѣ славяне; культура, проникавшая къ славянамъ, была собственно не германская, а средиземно-морская, но просачивалась она къ нимъ черезъ германскую среду.

Приведенныя соображенія служатъ въ моихъ глазахъ главнымъ основаніемъ для опроверженія гипотезы, придвигающей славянскую прародину къ Подунавью (бассейнъ Вислы граничитъ съ бассейномъ Дуная) и къ Черному морю (бассейнъ Днѣпра тѣсно связанъ въ культурномъ отношеніи съ Черноморскимъ побережьемъ). Если бы славяне жили исконно въ Поднѣпровьѣ, они черезъ посредство Чернаго моря были бы пріобщены къ средиземно-морской культурѣ раньше германцевъ и поэтому раньше германцевъ появились бы на исторической сценѣ, въ борьбѣ изъ-за обладанія Чернымъ моремъ, Балканскимъ полуостровомъ, Малой Азіей, Италіей. Если бы славяне исконно сидѣли въ Повислиньѣ, они познакомились бы и съ Дунаемъ, и съ романцами, и съ греками непосредственно, между тѣмъ ясно, что на самомъ дѣлѣ посредниками служили германцы (Дунай указываетъ на германское произношеніе кельтскаго *Dânuvios, терминъ Волохи для обозначенія романцевъ восходитъ къ германскому *Walhôz); даже съ Карпатами славяне познакомились при посредствѣ германцевъ: славянское на-

званіе отрасли Карпатъ «Бескиды, польск. Bieszczady» — германское по происхожденію слово.

Останавливаюсь на предположеніи, что исконною родиной славянъ былъ бассейнъ Западной Двины.

Германцы сосѣдили со славянами съ юго-запада; они сидѣли въ Повислиньѣ. Послѣднимъ германскимъ племенемъ, которое застаетъ въ Повислиньѣ исторія, были готы; вліяніе готовъ сказалось весьма замѣтно на восточныхъ ихъ сосѣдяхъ, т. е. на славянахъ, балтійцахъ и особенно на финнахъ (это доказывается готскими элементами въ славянскихъ, балтійскихъ и западно-финскихъ языкахъ); вполнѣ естественно поэтому, что удаленіе готовъ изъ Повислинья (для добыванія новыхъ земель на югѣ, въ Подунавьѣ и Поднѣстровьѣ) повело за собой стремленіе названныхъ восточныхъ ихъ сосѣдей занять Повислинье, страну, откуда шла непосредственно культура. Овладѣть Повислиньемъ удалось части балтійцевъ (прусамъ, занявшимъ сѣверное Повислинье) и славянамъ, во всемъ своемъ составѣ, утвердившимся въ остальныхъ частяхъ Повислинья. Повислинье стало такимъ образомъ второю общеславянскою прародиной; первая ихъ прародина перешла во владѣніе литво-латышей и западныхъ финновъ.

Существованіе двухъ славянскихъ прародинъ, одной на сѣверо-западѣ Россіи, другой—въ Повислиньѣ иллюстрируется названіемъ одной древесной породы. Буковое дерево, какъ извѣстно, не заходитъ на востокъ отъ черты, идущей отъ Кенигсберга черезъ Польшу на Одессу; слѣдовательно, оно отсутствовало въ первой славянской прародинѣ; вотъ почему, въ славянскихъ языкахъ нѣтъ своего исконно-славянскаго слова для обозначенія бука, но во второй своей прародинѣ славяне познакомились съ букомъ; эта вторая прародина была исконно-германской территоріей; естественно, что новое дерево, изобиловавшее въ ней, было названо германскимъ словомъ, заимствованнымъ у туземцевъ (общеслав. букъ восходитъ къ германскому *bôkas изъ индоевропейскаго *bhâgos, ср. лат. fâgus, греч. φηγός). Слово букъ, повторяю еще разъ, слово общеславянское (польск. buk, чешск. buk, сербско-хорв. буковина: буковый лѣсъ и т. д.); отсюда видно, что буковое дерево было свойственно славянской прародинѣ, второю же прародиной славянъ признаемъ Повислинье.

Распаденіе славянъ произошло уже во второй ихъ прародинѣ. Начало ему было положено движеніемъ нѣкоторыхъ вѣтвей на западъ, въ бассейнъ Одера; овладѣвъ имъ, славяне двинулись къ Эльбѣ и заняли значительную часть ея бассейна; успѣхи славянъ зависѣли прежде всего отъ того сильнаго разрѣженія, которому подверглось тамошнее германское населеніе, благодаря стихійному движенію его на югъ и юго-западъ въ богатыя своей природой, обогащенныя продолжительною культурой области. Полное распаденіе славянства наступило тогда, когда значительная часть его, воспользовавшись разрушеніемъ гунскаго могущества, двинулась въ концѣ V вѣка по стопамъ готовъ въ Поднѣстровье и нижнее Подунавье. Оставшіеся въ Повислиньѣ славяне не потеряли языковой связи со славянами болѣе западными, осѣвшими на Одерѣ и на Эльбѣ; вмѣстѣ съ ними они въ языковомъ

отношеніи образуютъ одно цѣлое, связанное отдѣльными звуковыми явленіями; это—западная вѣтвь славянскихъ языковъ, выдѣлившая изъ себя вѣтви: Лехитскую (польскій, кашубскій, полабскій языки), Лужицкую и Чешско-Словацкую. Остальное славянство, двинувшееся, какъ указано, въ Поднѣстровье, продолжало сохранять единство; это свидѣтельствуется тѣмъ, что въ эту переходную эпоху, предшествовавшую распаденію его на южную и восточную части, произошло нѣсколько звуковыхъ явленій, оставшихся чуждыми западной вѣтви. Сюда относятся: во-первыхъ, переходъ k, g (h) въ c, dz (z) передъ слогами vě и vi (восходящемъ въ концѣ слова къ болѣе древнему vě); согласно сказанному этотъ переходъ наблюдается и въ восточнославянскихъ и въ южнославянскихъ языкахъ, между тѣмъ, какъ западнославянскіе сохранили k, g (h) безъ измѣненія; ср. укр. зьвізда, великор. звезда, старосл. звѣзда, сербск. звијезда при польск. gwiazda, чешск. hvězda; укр. цвисти, зацьвісти, великорусск. цвести, зацвести, старослав. цвисти, цвѣтъ, сербско-хорв. цвасти, цвијет при польск. kwiat, чешск. květu, květ. Во-вторыхъ, измѣненіе сочетаній dl, tl въ l (ł) находимъ въ восточнославянскихъ и южнославянскихъ языкахъ, между тѣмъ, какъ въ западнославянскихъ сохраняются dl, tl (dł, tł); ср. укр. мило, великор. мыло, при польск. mydło, чешск. mýdlo; укр. сало, великор. сало, болг. сало, при польск. sadło, чешск. sádlo; укр. вели, великор. вели, сербск. довели, при польск. dowiedli; укр. плела, великор. плела, при польск. plotła. Отмѣчу еще, что въ этотъ же переходный періодъ произошло, правда, діалектически измѣненіе сочетаній: губная+j въ сочетанія губная+lj, ср. укр. земля, сербск. земља, древне-болг. земля (и земя); укр. кропля, крапля; укр. люблю, великор. люблю; въ западнославянскихъ языкахъ въ соотвѣтствіи съ этимъ находимъ вообще произношеніе безъ l: польск. ziemia, чешск. země, чешск. kropě, krápě, польск. lubię.

Впрочемъ, явленій, ведущихъ насъ къ моменту единства восточныхъ и южныхъ славянъ, отдѣлившихся отъ западныхъ, немного; это доказываетъ, что такое единство было непродолжительно.

Какъ указано, территорію, занятую въ эту переходную эпоху славянствомъ, можно опредѣлить Поднѣстровьемъ, хотя вѣроятно, она обнимала также бассейны Прута и южнаго Буга. Спускаясь и южнѣе къ нижнему Дунаю, славяне обнаружили стремленіе проникнуть въ имперію, овладѣть тамъ удобными землями, обогатиться грабежами и военной добычей. Эта цѣль объединила славянъ въ ихъ движеніи изъ Повислинья, но достиженіе цѣли внесло вмѣстѣ съ тѣмъ разъединеніе. Возможно, что самое передвиженіе на югъ, совершавшееся по нѣсколькимъ путямъ, было началомъ распаденія славянъ; современники, историки VI вѣка, сообщаютъ, что славяне, появившись на сѣверо-восточныхъ границахъ имперіи (въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ этого вѣка), дѣлились на два племени: собственныхъ славянъ и антовъ; ихъ поселенія раздѣлялись теченіемъ Днѣстра; на западѣ сидѣли славяне, на востокѣ—анты: ср. распаденіе готовъ на восточныхъ и западныхъ, остготовъ и вестготовъ, при чемъ границей между ними служилъ тотъ же Днѣстръ. Сначала узнаемъ

о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ славянъ и антовъ, потомъ объ ихъ несогласіяхъ и даже о кровавыхъ столкновеніяхъ между ними.

Отсюда, съ этого момента, т. е. съ появленія славянъ на Дунаѣ, начинается отдѣльная отъ остального славянства жизнь антовъ, въ которыхъ историки уже давно признали восточныхъ славянъ, нашихъ предковъ. Отдѣлившись отъ антовъ, славяне—мы будемъ называть ихъ южными славянами—направили свои движенія, съ одной стороны, на югъ, въ Мизію и Ѳракію, а съ другой, на западъ, въ Иллирію и Посавье. Продолжительная, вѣковая борьба дала южнымъ славянамъ возможность стать твердою ногой почти на всемъ пространствѣ Балканскаго полуострова и съ теченіемъ времени создать здѣсь два государства, объединившія двѣ славянскія народности, на востокѣ болгарское (названное такъ по имени неславянскаго племени болгаръ, осѣвшихъ въ Мизіи, среди славянъ), на западѣ—сербское. Сѣвернѣе сербовъ, въ бассейнѣ Савы, крѣпла родственная имъ народность хорватская, а еще сѣвернѣе, въ бассейнахъ Дравы и Мура, обособилась народность словенская.

II.

Восточному славянству былъ отрѣзанъ путь за Дунай, на Балканы, частью, очевидно, благодаря его ближайшимъ сородичамъ, южнымъ славянамъ. Восточные славяне, не оставляя бассейновъ Днѣстра и южнаго Буга, устремились на востокъ, заняли южное Поднѣпровье и, быть можетъ, еще въ VI вѣкѣ создали бы здѣсь государство по примѣру остготовъ, если бы ихъ не оттѣснили отъ моря гунскія орды, перекочевавшія въ черноморскія степи послѣ Аттилова царствованія, а также и новые кочевники, безпрерывною чередой устремлявшіеся сюда съ востока и сѣверо-востока. Въ серединѣ VI вѣка восточные славяне подпали, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ занятыхъ ими областяхъ, подъ владычество аваровъ, которые утвердились въ Подунавьѣ, благодаря усилившемуся отливу отсюда германцевъ на юго-западъ, въ Италію. Отрѣзавъ восточному славянству возможность расширяться на западъ, авары стали причиной того, что антамъ, уже отброшеннымъ и отъ моря, пришлось направить свои движенія къ сѣверу. Эти ихъ движенія привели въ концѣ-концовъ къ тому, что восточные славяне овладѣли всѣмъ Днѣпровскимъ бассейномъ и отсюда перешли въ бассейны Западной Двины, Ладожскаго озера, Волги, Оки и Дона; они же были причиной распаденія восточнославянской семьи и выдѣленія изъ нея сначала нѣсколькихъ обособленныхъ племенъ, а потомъ и большихъ народностей. Но въ началѣ, въ первые три вѣка, движенія къ сѣверу совершались, повидимому, чрезвычайно туго—это указываетъ на то, что восточные славяне встрѣтили на своемъ пути значительное сопротивленіе со стороны племенъ, сидѣвшихъ въ Поднѣпровьѣ; не обезопасивъ себя съ юга, восточные славяне не могли пробить себѣ пути и къ сѣверу.

Общерусскую прародину я ищу такимъ образомъ въ предѣлахъ верхняго и средняго теченія Днѣстра, Буга и Днѣпра. Эти незначительные сравнительно съ позднѣйшимъ распространеніемъ восточныхъ славянъ предѣлы были обусловлены главнымъ образомъ внѣшними причинами, окружающими

сосѣдями. Югъ, т. е. нижнія теченія Днѣпра, Буга и Днѣстра не могли, какъ указано, удержаться восточными славянами, благодаря сильнымъ ордамъ кочевниковъ; мы видимъ здѣсь болгаръ, кутригуровъ, мадьяръ, позже хазаръ; гидрографическая номенклатура (названія рѣкъ) этихъ мѣстностей свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ не скоро стали достояніемъ восточныхъ славянъ; ср. восточный характеръ названій южныхъ притоковъ Днѣстра: Мокрый Егорлыкъ (сопоставьте съ названіемъ Егорлыка, лѣваго притока нижняго теченія Дона), Реутъ съ его притоками Великій и Малый Чулукъ; также—названій рѣчекъ между Днѣстромъ и Бугомъ, какъ Аджалыкъ, Тылигулъ,—названій южныхъ притоковъ Буга, какъ Ингулъ, Кодыма, Бакшалла, Чичиклея, — названій южныхъ притоковъ Днѣпра, какъ Ингулецъ съ его притокомъ Саксаганомъ, Бузулукъ (сопоставьте съ одноименной рѣчкой Самарской губерніи, впадающей въ Волгу), Чортомлыкъ, Сура (сопоставьте съ одноименной рѣкой въ Пензенской и Саратовской губерніяхъ, впадающей въ Волгу), Самара (сопоставьте съ Волжскою Самарой). Значеніе этихъ рѣчныхъ названій становится особенно очевиднымъ, если принять во вниманіе, что въ среднихъ своихъ теченіяхъ Днѣпръ, Бугъ и Днѣстръ имѣютъ притоки съ названіями исключительно славянскими (русскими).

Востокъ представлялъ для общерусской прародины почти тѣ же опасности и преграды, что югъ; при этомъ распространенію восточныхъ славянъ къ сѣверо-востоку помѣшали бы, конечно, густыя поселенія восточно-финскихъ племенъ. Сѣверъ принадлежалъ финнамъ; быть можетъ, общерусская прародина не успѣла обнять и всѣхъ сѣверныхъ притоковъ Днѣпра; названія Вязьма, Осьма, съ обычнымъ финскимъ суффиксомъ—ма, свидѣтельствуютъ о томъ, что финны долго здѣсь держались, не уступая славянамъ своихъ поселеній; впрочемъ, какъ увидимъ ниже, оттѣсненіе финновъ изъ сѣвернаго Поднѣпровья было дѣломъ не однихъ восточныхъ, русскихъ славянъ; раньше ихъ въ Поднѣпровье пробились западные славяне, ляхи. Сѣверо-западъ, лѣвое побережье Припяти, судя по названіямъ нѣкоторыхъ лѣвыхъ притоковъ Припяти, былъ занятъ нѣкогда Литвой, но ко времени русской колонизаціи Литва была оттѣснена оттуда къ сѣверу западными славянами, ляхами. Съ запада общерусская прародина ограничивалась, какъ мы видѣли, владѣніями аваровъ, тяжелымъ гнетомъ удручавшихъ западно-русское племя Дулѣбовъ; принадлежность къ восточнославянской племенной группѣ прикарпатскихъ хорватовъ сомнительна, въ виду того, что въ историческое время Прикарпатье оказывается спорнымъ между восточными и западными славянами; изъ-за него ведется борьба между русскими и поляками; возможно, что здѣсь сидѣли племена, не принадлежавшія ни западному славянству, ни восточному—это тѣ племена, которыя остались въ прежнихъ своихъ жительствахъ во время большого движенія южнаго и восточнаго славянства къ нижнему Дунаю.

Ограничить предѣлы русской прародины узкими границами мы должны еще и потому, что обширная территорія повела бы къ быстрому распаденію восточнославянской семьи; ме-

жду тѣмъ свидѣтельства языка и не одного только языка, но и другихъ этнографическихъ данныхъ указываютъ на то, что періодъ общерусскаго единства былъ весьма продолжителенъ. Въ теченіе его успѣли совершиться многія явленія въ языкѣ; они рѣзко отличили общерусскій праязыкъ отъ общеславянскаго праязыка. Укажу главнѣйшія явленія въ области звуковъ. 1) Общеславянскіе звуки *чч* (изъ *кт* передъ гласными передняго ряда и изъ *tj*) и *джджж* (изъ *dj*) измѣнились въ общерусскомъ въ *ч* и *дж*, откуда *ж*; ср. укр. ніч (изъ ночь, которое восходитъ къ общеславянскому ноччь изъ нокть), свіча (восходитъ къ *свѣтја), верчу, кручa, нужа, пряжа, чужий; великор. ночь, свеча, верчу, круча, пряжа; въ другихъ славянскихъ языкахъ на мѣстѣ общерусскаго ч находимъ ц (въ западнославянскихъ), шт, ч, ть (въ южнославянскихъ), а на мѣстѣ общерусскаго ж — з, дз (въ западнославянскихъ), жд, j, дь (въ южнославянскихъ). 2) Общеславянскія сочетанія ьl и el перешли въ общерусскомъ въ *ъл* и *ол*: древнерусское вълкъ, укр. вовк (изъ вьlкъ, ср. старослав. влькъ, польск. wilk); укр. молокò, великор. полòнъ (изъ *melko, ср. старослав. млѣко, польск. mlékо, *pelnъ, ср. старослав. плѣнъ). 3) Согласныя несмягченныя были въ общеславянскомъ праязыкѣ полумягкими передъ гласными передняго ряда *е*, носовымъ *ę*, *i*, *ъ̄*, *ь*, въ общерусскомъ праязыкѣ полумягкія согласныя перешли въ мягкія; слова сила, сѣно, тихо, пядь, беру, гость произносились съ мягкими согласными *с*, *т*, *п*, *б*, *д*; ср. мягкія *с*, *т*, *б* въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ: сила, тихо, беру (бяру), мягкія *с*, *ст* въ украинскихъ: сіно, гість. 4) Звукъ *е* въ положеніи послѣ мягкой согласной и передъ твердой перешолъ въ ö; вмѣсто общеславянскихъ леду, медъ, сестра въ общерусскомъ праязыкѣ явились лöду, мöдъ, сöстра съ мягкими согласными *л*, *м*, *с*; ср. сѣверномалор. мjуод, великор. мёдъ, сѣверновеликор. сёстра. 5) Въ положеніи же послѣ исконно смягченныхъ согласныхъ (шипящихъ, также мягкихъ *р*, *л*, *н* изъ рj, лj, нj), когда въ слѣдующемъ слогѣ не было гласной передняго ряда, являлся въ общерусскомъ праязыкѣ звукъ близкій къ звуку о на мѣстѣ общеславянскаго ö: жона, чотыре, пол'о, ср. укр. жона, чотири, сѣверновеликор. полё. 6) Вмѣсто общеславянскаго сочетанія је въ началѣ словъ явилось въ общерусскомъ праязыкѣ *о*, когда въ слѣдующемъ слогѣ стояла гласная передняго ряда: осетръ, олень, одинъ, осень, озеро, овинъ, ср. польск. jesiotr, старослав. ієлень, ієдинъ, ієсень, ієзеро. 7) Общеславянскія сочетанія *ор*, *ол*, въ началѣ слова измѣнились въ общерусскомъ праязыкѣ въ *ро*, *ло*, ср. укр. ростй, рòля, рокита, роз-,локоть, лодя, лони, ср. старослав. расти, ракита, раз-,лакъть, ладиіа, сербск. лани. 8) Общеславянскія сочетанія *ор*, *ол*, *ер* въ серединѣ слова измѣнились въ сочетанія *оро*, *оло*, *ере* (полногласіе): укр. ворота, коромола, коростіль, голова, болото, береза, дерево, мережа, ср. старослав. врата, крамола, крастѣль, глава, блато, брѣза, дрѣво, мрѣжа, польск. głowa, błoto, brzoza, чешск. vráta, m'říže, 9) Общеславянскія сочетанія ьр, ър, ьл, ъл съ весьма краткими ъ, ь и долгими плавными перешли въ сочетанія ьр, ър, ьл (откуда ъл), ъл съ краткими ъ, ь и краткими плавными; ср. древне-

русск. вьрхъ, вълкъ, търгъ, пълкь, укр. серп, вовк, гордий, вовна. 10) Общеславянскіе носовые звуки *е*, *о* и *ъ* (этотъ послѣдній звукъ, носовое ѣ, былъ извѣстенъ только въ нѣкоторыхъ грамматическихъ окончаніяхъ) перешли въ неносовые звуки у, а и ѣ; ср. укр. пут', суд, мука, сяду, великор. пят', древнерусск. р. ед. землѣ, в. мн. конѣ, откуда укр. землі, коні. 11) Общеславянскій звукъ ă— не будемъ распространяться о его происхожденіи, приведемъ только примѣры—перешелъ въ *а*, между тѣмъ какъ въ сербскомъ и словенскомъ онъ измѣнился въ *е*, ср. укр. мідяний, камяний, великор. румяный, костяной, ср. сербск. камен, воден.

Въ области формъ отмѣчу слѣдующія явленія общерусскаго праязыка: 1) въ творительномъ ед. окончаніе-омь въ именахъ муж. р. съ первоначальною основой на о было вытѣснено окончаніемъ-ъмь, заимствованнымъ изъ именъ съ первоначальною основой на ŭ: древнерусск. городъмь, братъмь, укр. городом, братом (съ о, восходящимъ къ ъ). 2) Вытѣсненіе окончанія 3 л. ед. и мн.-тъ черезъ-ть (въ общеславянскомъ были извѣстны и то и другое окончаніе): древнерусск. несеть, ходить, укр. шумить, просить, южновеликор. несеть. 3) Вытѣсненіе въ 1 л. ед. наст. вр.-амь черезъ-аю: укр. знаю, граю, маю. 4) Вытѣсненіе вспомогательнаго глагола есмь въ значеніи связки, между прочимъ и въ образованіи прошедшаго времени; древнерусск. велъ вмѣсто велъ есмь, велъ еси, велъ есть. 5) Вытѣсненіе формъ сильнаго аориста формами сложнаго сигматическаго аориста: древнерусск. ведохъ, несохъ замѣнили ведъ, несъ. 6) Вытѣсненіе въ сложномъ склоненіи именъ прилагательныхъ окончаній-аго (изъ-аего), -уму (изъ-уему) черезъ окончанія—ого, ому, заимствованныя изъ мѣстоименнаго склоненія: нового, новому при старослав. новаго (новааго), новуму (новууму). 7) Вытѣсненіе окончанія-ы въ причастіяхъ настоящаго времени черезъ—а: древнерусскія, южныя и сѣверныя, крада, дада, пека, река, совр. укр. мóга, куди-змóга, великор. какъ мога. Не перечисляемъ здѣсь тѣхъ морфологическихъ явленій, которыя, по свидѣтельству памятниковъ, произошли позже, по распаденіи русской семьи, и однако приводили во всѣхъ трехъ русскихъ языкахъ къ одинаковымъ результатамъ.

Въ области словообразованія отмѣчу вытѣсненіе многократныхъ на-ати новообразованіями на-ывати,-ивати съ необычнымъ для общеславянскаго праязыка удареніемъ на основѣ (ср. сербск. образованія на-ива́ти, откуда затѣмъ —йвати: запитúвати); вмѣсто-ывати, -ивати въ малор. позже-увати, -ювати: засипувати, засиджувати, заряджувати, зарізувати, запрошувати, записувати, ср. великор. засиживать, записывать.

Было бы ошибочно предполагать, что приведенныя выше звуковыя явленія могли развиться отдѣльно въ малорусскомъ и отдѣльно въ двухъ другихъ русскихъ языкахъ. Въ пользу такого предположенія приводятся слѣдующія соображенія: значительная часть указанныхъ явленій не чужда другимъ славянскимъ языкамъ, причемъ, если эти славянскіе языки, каждый въ отдѣльности, могли развить въ теченіе своей обособленной жизни ту или иную изъ приведенныхъ выше звуковыхъ чертъ, то и малорусскій языкъ могъ независимо отъ другихъ русскихъ языковъ дойти до такихъ же звуко-

выхъ измѣненій, какія свойственны этимъ другимъ русскимъ языкамъ. Такъ, напр., измѣненіе общеславянскаго *чч* въ *ч* извѣстно не только въ русскихъ языкахъ, но и въ словенскомъ; смягченіе согласныхъ передъ гласными передняго ряда имѣетъ мѣсто и въ польскомъ, и въ лужицкихъ, и въ другихъ западнославянскихъ языкахъ; въ нѣкоторыхъ изъ западнославянскихъ языковъ звукъ *е* переходилъ въ *ö* при условіяхъ, сходныхъ съ тѣми, что въ русскихъ языкахъ (изъ *ö* получалось дальше *о*); сочетанія *ор, ол* въ началѣ слова переходятъ въ *ро, ло* и въ польскомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ языкахъ (rość, łokieć); носовыя *е* и *о* перешли въ *а* и *у* также въ чешскословацкомъ; и т. д. Не подлежитъ сомнѣнію, что родственные языки, происходящіе отъ одного общаго родоначальника, могутъ независимо другъ отъ друга приходить къ одинаковымъ результатамъ въ области звуковыхъ измѣненій, но сравненіе малорусскаго языка съ другими русскими языками раскрываетъ передъ изслѣдователемъ не случайное между ними сходство, сходство не въ единичныхъ явленіяхъ, а полное совпаденіе во всей звуковой системѣ въ древнѣйшихъ стадіяхъ ихъ развитія. Мы перечислили одиннадцать категорій такихъ звуковыхъ измѣненій; изъ нихъ полногласіе, измѣненіе ьl и el въ *ъл* и *ол*, измѣненіе сочетаній ър, ър, ьl, ъl съ весьма краткими *ь, ъ* и долгими *р, л* въ сочетанія *ьр, ър, ъл* съ краткими *ь, ъ* и краткими *р, л*, измѣненіе начальнаго je въ о при указанныхъ выше условіяхъ, измѣненіе исконнаго dj въ ж—явленія совершенно неизвѣстныя другимъ славянскимъ языкамъ. Отмѣтимъ кромѣ того, что всѣ эти остальные славянскіе языки объединяются въ двухъ большихъ группахъ—южнославянской и западнославянской; есть нѣсколько звуковыхъ признаковъ, по которымъ необходимо признать, напримѣръ, сербскій и болгарскій языки южнославянскими, а чешскій и польскій—западнославянскими. Эти звуковые признаки отсутствуютъ въ русскихъ языкахъ; естественно заключить уже отсюда, что русскіе языки должны быть противоположены другимъ славянскимъ языкамъ; само собой является представленіе о восточнославянской группѣ, которая обнимала русскіе языки. Но когда мы сообразимъ, что эта группа характеризуется не только отрицательными признаками, но также положительными, не только отсутствіемъ явленій, опредѣляющихъ другія группы славянскихъ языковъ, но также и наличностью общихъ явленій, чуждыхъ и общеславянскому праязыку и другимъ славянскимъ языкамъ, мы необходимо должны будемъ признать отдѣльное существованіе восточнославянской группы, или что тоже, признать существованіе общерусскаго праязыка.

Приведенными выше звуковыми и морфологическими явленіями не исчерпываются особенности этого языка; мы ограничились указаніемъ только важнѣйшихъ и наиболѣе рѣзкихъ.

III.

Какъ указано выше, распаденіе общерусской семьи стояло въ связи съ разселеніемъ восточнаго славянства. Время разселенія должно быть отнесено къ VII—VIII вв., когда въ южной Россіи утвердилось господство хазаръ, тюркскаго племени со сравнительно высокою культурой и развитою государственностью. Хазары не грабили, не

разоряли покорныхъ имъ народностей, но облагали ихъ данью, извлекая изъ нихъ и другія выгоды для своего торговаго могущества. Миролюбіе хазаръ содѣйствовало тому, что восточные славяне стали расширять предѣлы своихъ поселеній безъ страха за цѣлость и безопасность уже насиженныхъ ими мѣстъ. Прежде всего, какъ кажется, восточнославянская колонизація направилась на юго-востокъ. Сеймъ (лѣвый притокъ Днѣпра) сближается своими истоками съ истоками Оскола, праваго притока Донца; другіе притоки Днѣпра, Пселъ и Ворскла вмѣстѣ съ Сеймомъ берутъ начало въ томъ же плоскогорьѣ, что Осколъ и Донецъ; это плоскогорье и было, вѣроятно, тѣмъ путемъ, по которому восточные славяне проникли въ бассейнъ Донца и Дона. Древность восточнославянскихъ поселеній въ этомъ бассейнѣ засвидѣтельствована: во-первыхъ, сообщеніями арабскихъ писателей, которые въ IX столѣтіи говорятъ о значительныхъ славянскихъ поселеніяхъ по Донцу, называемому ими Славянскою рѣкой; во-вторыхъ, русскимъ характеромъ географической номенклатуры Донца и средняго теченія Дона, на что давно обратилъ вниманіе И. И. Срезневскій, указавшій на русскія названія притоковъ Донца (Уды съ Лопанью, Мжа, Сальница, Осколъ съ Валуемъ, Торъ съ Торцемъ, Красная Боромля — одноименный притокъ у Ворсклы, Ольховатая, Луганъ, Калитва), а также притоковъ средняго теченія Дона (Красная Меча, Быстрая Сосна съ Трудами, Воронежъ, Тихая Сосна, Осереда, Калитва, Хоперъ съ Вороной и Еланью, Медвѣдица, Иловля); въ-третьихъ, русскими поселеніями въ Тмуторокани на Таманскомъ полуостровѣ при Керченскомъ проливѣ, поселеніями, предполагающими существованіе вблизи земель со сплошнымъ русскимъ населеніемъ; въ-четвертыхъ, послѣдующимъ возвышеніемъ Рязанской земли и вообще пріокскихъ княжествъ, куда, какъ увидимъ, населеніе прибыло между прочимъ съ опустошеннаго юга по Донцу, Дону и ихъ притокамъ. Какъ называло себя это восточнорусское племя, занявшее бассейнъ Дона и тѣмъ самымъ обрекшее себя упорной борьбѣ какъ со степью, такъ и съ сидѣвшими на сѣверѣ, въ лѣсахъ, мордвой, мещерой и муромой,—неизвѣстно; но въ южной Руси, въ Кіевѣ это племя называли вятичами. Древнѣйшее болѣе или менѣе достовѣрное извѣстіе застаетъ вятичей на пути изъ Кіева въ Хазарскую землю; на этомъ пути встрѣтилъ вятичей Святославъ; *они платили дань хазарамъ*, но Святославъ покорилъ ихъ своей власти; вѣроятно думать, что сообщеніе лѣтописи, о томъ что Святославъ пошелъ на Волгу и *Оку*, направляясь противъ хазаръ и имѣя въ виду ближайшимъ образомъ овладѣніе Саркеломъ, обязано домыслу позднѣйшихъ сводчиковъ, знавшихъ, что вятичи сидѣли позже на Окѣ; въ такомъ случаѣ первоначальное лѣтописное извѣстіе сообщало о походѣ Святослава противъ хазаръ на Волгу, причемъ въ этомъ походѣ и произошла встрѣча Святослава съ вятичами. Зашедшая въ бассейнъ Дона восточная вѣтвь восточнаго славянства рано обособилась отъ своихъ сородичей, и этимъ объясняется то сильное уклоненіе въ области звуковъ, которое при сравненіи съ другими русскими нарѣчіями характеризуетъ говоры южновеликорусскіе (по происхожденію —

восточнорусскіе): имѣя въ виду въ особенности аканье и судьбу неударяемыхъ гласныхъ а, о, е, ѣ.

Вслѣдъ за движеніемъ на юго-востокъ, а можетъ быть, и одновременно съ этимъ движеніемъ восточные славяне углубились и къ сѣверу по Днѣпру и его притокамъ, лѣвымъ— Деснѣ, Сожу, правымъ — Березинѣ, Друти, Вопи. Вопь, истоки которой сходятся съ истоками Начи, принадлежащей къ бассейну Западной Двины, вела восточныхъ славянъ въ этотъ бассейнъ, и они заняли верхнюю его часть. Днѣпръ и самъ своими истоками сближается съ Западною Двиной; верхнее теченіе Двины приводило къ истокамъ Ловати, текущей въ Ильменское озеро, и далѣе въ бассейнъ Ладожскаго озера; восточные славяне захватили весь рѣчной путь, соединявшій Поднѣпровье съ Ладогой; они овладѣли также рѣкой Великой и восточнымъ берегомъ Чудскаго озера. Наиболѣе сѣверныя племена, захватившія Ладожскій бассейнъ, точнѣе— южную часть этого бассейна, назывались словѣнами, а сидѣвшія южнѣе и западнѣе ихъ—кривичами.

Можно съ большою вѣроятностью думать, что въ этомъ своемъ движеніи къ сѣверу восточные славяне столкнулись не съ одними финнами, отрѣзавшими имъ путь къ западу и сѣверу и задержавшими движеніе въ восточномъ направленіи; восточные славяне встрѣтились здѣсь еще и съ западнославянскими (ляшскими) племенами. Въ концѣ VIII столѣтія усиліямъ германцевъ удается оттѣснить славянъ отъ Эльбы; это повело къ стягиванію лехитскихъ, въ частности же ляшскихъ силъ къ востоку. Въ своемъ движеніи на востокъ мазовшане наталкиваются на сидѣвшихъ по Нареву ятвяговъ, но другія ляшскія племена распространяются по Припяти, захватываютъ сѣверное Поднѣпровье, достигая дальше къ сѣверу бассейна Западной Двины, а къ востоку бассейна Оки. Объ этихъ ляшскихъ поселенцахъ свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, русская лѣтопись; древнѣйшее сообщеніе ея утверждаетъ, что радимичи, сидѣвшіе между Днѣпромъ и Сожемъ, были отъ роду ляховъ; другое болѣе позднее сообщеніе, относящееся къ началу XII вѣка, говоритъ, что отъ роду ляховъ произошли не только радимичи, но и вятичи, сидѣвшіе въ то время уже на Окѣ; я понимаю это сообщеніе такъ, что восточнорусскіе вятичи, появившись послѣ удаленія съ юга, въ бассейнѣ Оки, застали ее уже занятою ляшскою колонизаціей; это подало поводъ признавать самихъ вятичей выходцами изъ Польши. Во-вторыхъ, объ этихъ ляшскихъ поселенцахъ свидѣтельствуютъ особенности языка какъ бѣлорусовъ, такъ нѣкоторыхъ сѣверновеликорусскихъ поселенцевъ въ бассейнѣ верхняго теченія Волги и южновеликорусскихъ въ среднемъ теченіи Оки; особенности эти, правда, немногочислены но онѣ рѣзко выдѣляютъ ихъ отъ другихъ русскихъ говоровъ; я имѣю въ виду цеканье и дзеканье (произношеніе *т* и *д* мягкихъ какъ мягкихъ *ц* и *дз*), извѣстное и въ Поволжьѣ, гдѣ оно соединяется еще съ шепелявымъ произношеніемъ *с* и *з* мягкихъ. Предполагаю, что прохожденію русскихъ племенъ черезъ ляшскую среду въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ обязано своимъ существованіемъ и такое явленіе, свойственное всѣмъ сѣверноруссамъ, какъ смѣшеніе *ч* и *ц*;

ср. отсутствіе звуковъ *ч*, *ш*, *ж* въ восточнопольскихъ (мазуракающихъ) говорахъ, превратившихъ ихъ въ *ц*, *с*, *з*. Ляшскія поселенія въ средней полосѣ Россіи врядъ ли могли быть очень многочисленны; понятно, что ихъ ассимилировали себѣ кривичи и вятичи; гораздо гуще сидѣли ляхи въ бассейнѣ Припяти, въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ и по Западной Двинѣ: тамъ они современемъ вмѣстѣ съ русскими племенами вошли въ составъ бѣлорусской народности.

Такимъ образомъ, отъ первоначальнаго ядра восточнаго славянства, сосредоточившагося въ бассейнѣ средняго теченія Днѣпра, оторвались двѣ большія группы: восточнорусская и сѣвернорусская. Въ силу географическихъ условій, т. е. прежде всего дальности разстояній, эти группы, едва ли не тотчасъ же по своемъ возникновеніи, стали жить самостоятельною діалектической жизнью, при чемъ, конечно, постепенно,—впрочемъ, до новыхъ явленій характера государственнаго,—ослабѣвала связь ихъ съ прежнимъ центромъ. Слѣдовательно, въ это же доисторическое время начинаетъ обособляться отъ прочихъ восточнославянскихъ племенныхъ группъ и оставшаяся въ Поднѣпровьѣ южнорусская группа, получившая, однако, нѣкоторое расширеніе въ силу естественныхъ условій занятой ею мѣстности: южнорусская группа захватила весь бассейнъ Днѣпра, быть можетъ, впрочемъ, кромѣ самыхъ сѣверныхъ его частей, гдѣ сидѣли кривичи; къ этой же группѣ принадлежало населеніе, сидѣвшее по южному Бугу и Днѣстру. Окрѣпнувши и умножившись, южнорусскія племена распространились къ югу «оли и до моря», какъ сообщаетъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ лѣтописецъ; здѣсь они осаживались въ черноморскихъ степяхъ и по морскому прибрежью. Къ южнорусской группѣ принадлежатъ слѣдующія племена, о которыхъ повѣствуетъ древняя лѣтопись: тиверцы, сидѣвшіе у Чернаго моря, уличи, сидѣвшіе по древнему свидѣтельству между Днѣпромъ и Бугомъ; сѣвернѣе сидѣли поляне, въ историческое время отступившіе за Стугну и Рось, но нѣкогда, какъ можно заключить на основаніи ихъ имени, распространявшіеся далеко къ югу въ степной, безлѣсной мѣстности; на востокѣ поляне переходили за Днѣпръ, занимая мѣстности по Сулѣ, Пслу и Ворсклѣ. Къ сѣверу отъ полянъ сидѣли съ западной стороны волыняне, о которыхъ лѣтопись сообщаетъ, что раньше они назывались дулѣбами; восточнѣе волынянъ въ бассейнахъ лѣвыхъ притоковъ Припяти жили деревляне, современные полѣшуки, переходившіе этнографически, конечно, и за Днѣпръ, что видно между прочимъ изъ лѣтописнаго сообщенія о походѣ Ольги на деревскую землю: въ первоначальномъ видѣ этого сообщенія уряженіе Ольгой Подесенья было поставлено въ прямую связь съ ея деревлянскимъ походомъ. Сѣвернѣе деревлянъ по лѣвому берегу Днѣпра, по Деснѣ и Сейму сидѣли сѣверяне, самое сѣверное изъ южнорусскихъ племенъ, ибо болѣе сѣверные радимичи, съ одной стороны, дреговичи, жившіе по лѣвымъ притокамъ Припяти, съ другой, представляются, какъ указано, въ своей основѣ ляшскими племенами. Эти ляшскія племена, покоренныя южнорусами (о покореніи радимичей лѣтопись сообщаетъ въ концѣ X вѣка),

смѣшались съ ними этнографически; съ увѣренностью можно думать, что уже въ XI в. среди дреговичей и радимичей сидѣли сплошными поселеніями южнорусы, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ этимъ послѣднимъ пришлось еще разъ отказаться отъ поступательнаго движенія къ югу, въ черноморскія степи. Но объ этомъ скажемъ ниже. Здѣсь же отмѣтимъ, что, въ виду только что приведенныхъ соображеній, границу распространенія южнорусовъ необходимо отодвинуть далеко на сѣверъ отъ области собственныхъ деревлянъ и сѣверянъ: деревляне и сѣверяне переходили за Припять, Ипуть, Сожъ и врѣзывались въ земли ляшскихъ дреговичей и радимичей. Какъ далеко заходили южнорусскія поселенія на западъ, опредѣлить пока трудно. Повторю здѣсь высказанное уже выше предположеніе, что, напримѣръ, въ Прикарпатьѣ сидѣли въ историческое еще время остатки тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя устояли при общемъ движеніи славянства къ Дунаю; хорваты, упоминаемые нашею лѣтописью, извѣстные также Константину Багрянородному, воюютъ съ кіевскимъ княземъ еще въ X вѣкѣ; несомнѣнно, что въ эту борьбу вмѣшались и поляки; въ ея исходѣ были заинтересованы и чехи; вспомнимъ судьбу Червенскихъ городовъ, переходившихъ отъ Руси къ ляхамъ и отъ ляховъ къ Руси, пока новыя обстоятельства, отрѣзавшія южныя русскія племена отъ моря не принудили ихъ перенести свою силу подъ Угорскія горы и обезпечить обладаніе Прикарпатьемъ русскому племени; хорваты потонули въ этомъ русскомъ морѣ. Возможно, что южнорусская колонизаціонная волна наводнила и бассейны Прута и Серета, при чемъ здѣсь русская рѣчь столкнулась съ болгарскою, и только впослѣдствіи она должна была уступить мѣсто тѣмъ численно болѣе значительнымъ элементамъ, которые принадлежали румынской народности.

Впрочемъ, экстенсивному развитію южнорусскаго племени, захвату имъ области дреговичей, радимичей, хорватовъ предшествовало образованіе русскаго государства.

IV.

Здѣсь не мѣсто излагать тѣ условія, при которыхъ могли складываться первые союзы южнорусскихъ племенъ, поведшіе за собой появленіе политическихъ центровъ и, наконецъ, созданіе Кіевской державы. Замѣчу только, что съ полнымъ основаніемъ можно думать, что подобные союзы складывались въ результатѣ покоренія одними племенами другихъ, а также въ виду необходимости огражденія торговыхъ и иныхъ интересовъ тѣхъ городовъ, которые возникали среди восточныхъ славянъ. Положеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ на торговомъ пути, ведшемъ изъ варягъ въ греки, т. е. соединявшимъ берега Балтійскаго и Чернаго моря, имѣло послѣдствіемъ появленіе въ Поднѣпровьѣ и въ особенности въ южномъ Поднѣпровьѣ, гдѣ сосредоточивались товары, направляемые дальше на Корсунь, Сурожъ и Византію, норманскихъ военно-торговыхъ дружинъ, носившихъ среди финскаго населенія сѣвера и среди восточныхъ славянъ названіе Русь (ср. современное финское Ruotsi для обозначенія Швеціи). «Русскія» дружины были особенно заинтересованы въ безопасности тор-

говаго пути, ведущаго изъ Варягъ въ Греки; онѣ захватываютъ въ свои руки приднѣпровскіе города и вооружаютъ населеніе для ихъ защиты. Удачное отраженіе непріятеля, умѣніе охранять городъ—средоточіе торговыхъ интересовъ племени неминуемо вело къ подчиненію этого племени власти засѣвшей среди него «русской» дружины, къ появленію въ городѣ и прилегающей къ городу округѣ власти «русскаго» князя. Въ IX вѣкѣ видимъ возникновеніе подобнаго княжества въ Кіевѣ, городѣ, вокругъ котораго сосредоточивается племя полянъ. Въ виду своего положенія на Днѣпрѣ, это «русское» княжество пріобрѣтаетъ большое значеніе для варяжскаго, финскаго, восточнославянскаго сѣвера, сбывающаго свои товары по Днѣпру. Освободиться «русскому» княжеству отъ сильно уже тогда ослабленныхъ борьбою со степью хазаръ было не трудно, но приходилось организоваться для борьбы съ сѣверомъ, ревниво оберегавшимъ для себя свободу торговаго пути. Возникновеніе «русскаго» княжества въ Кіевѣ вызвало на сѣверѣ необходимость борьбы съ нимъ въ защиту жизненныхъ интересовъ сѣверныхъ городовъ и тянувшихъ къ нимъ племенъ. Въ Новгородѣ составляется союзъ сѣверныхъ восточнославянскихъ племенъ (словѣнъ и кривичей); къ нему примыкаютъ и восточные финны (меря); «русской» дружинѣ на югѣ должны были быть противопоставлены равносильныя ей организаціи; это повело къ приглашенію варяжскихъ наемниковъ изъ-за моря, куда и впослѣдствіи приходилось обращаться новгородцамъ, когда имъ грозила опасность съ кіевскаго юга. Варяги были также заинтересованы въ томъ, чтобы путь, гдѣ они были хозяевами, не оказался въ рукахъ южнаго политическаго центра, въ рукахъ осѣвшихъ на югѣ ихъ сородичей. Варяжскій князь съ своей дружиной ведетъ сѣверныя племена добывать Кіевъ; перевѣсъ оказывается на его сторонѣ, онъ овладѣваетъ Кіевомъ и осаживается тамъ въ интересахъ прежде всего сѣверныхъ племенъ: торговый путь изъ Варягъ въ Греки снова свободенъ для сѣвера.

Объединеніе Кіева и Новгорода подъ одною властью — это начало образованія государства, получающаго названіе «русскаго» по имени южнаго, покореннаго сѣверомъ, княжества, уже успѣвшаго передать свое политическое имя южному Поднѣпровью и распространившаго его даже на Черное море. Такимъ, образомъ русское государство съ самаго почти своего начала оказывается результатомъ совокупныхъ дѣйствій нѣсколько восточнославянскихъ племенъ: оно зарождается среди кіевскихъ полянъ, но его основываютъ, организуютъ, расширяютъ поляне вмѣстѣ съ словѣнами, кривичами и другими племенами. Живая связь юга съ сѣверомъ, въ особенности при первыхъ русскихъ князьяхъ, ярко обнаруживается въ тѣхъ походахъ на Царьградъ, о которыхъ до насъ дошли и греческія, и русскія извѣстія; хотя русскія извѣстія легендарны, но изъ нихъ можно съ полною увѣренностью заключить, что добывать Царьградъ шли всѣ вообще племена, лежащія на пути изъ Варягъ въ Греки, а также и тѣ южныя племена, которыя благодаря своему географическому положенію, должны были примкнуть къ Кіевскому государству. Впрочемъ, при этомъ не обошлось безъ внутренней

упорной борьбы. Кіевскимъ князьямъ пришлось покорять рядъ восточнославянскихъ племенъ оружіемъ. Лѣтопись ничего не умѣетъ сообщить о борьбѣ Кіева съ сѣверянами и отмѣчаетъ только фактъ покоренія сѣверянъ; но она сохранила преданія о продолжительныхъ усиліяхъ Кіева при покореніи древлянъ и угличей. Святославу удается присоединить къ русскому государству вятичей послѣ разгрома хазарской державы; радимичи, сидѣвшіе между Днѣпромъ и Сожемъ, но повидимому давно уже отбитые отъ днѣпровскаго побережья, покоряются уже только Владиміромъ; послѣдній направляетъ свои силы и противъ другого славянскаго племени, противъ хорватовъ. Но объединеніе восточныхъ славянъ было достигнуто еще при Святославѣ.

Историку языка, мнѣ кажется, приходится считаться съ фактомъ объединенія восточныхъ славянъ подъ главенствомъ русскаго Кіева. Образованіе русскаго государства, вызванное не прихотью завоевателя и не случайными, внѣ народной жизни лежавшими причинами, отвѣчало жизненнымъ интересамъ большинства восточнославянскихъ племенъ. Отсюда его культурное для нихъ значеніе; имъ устанавливаются прежде всего культурныя связи между восточнымъ славянствомъ: Новгородъ всѣми своими интересами тянетъ къ кіевскому югу, тамъ онъ находитъ сбытъ своимъ товарамъ, оттуда онъ получаетъ для себя хлѣбъ; гораздо позже открываются для него пути на западъ къ Любеку и другимъ ганзейскимъ городамъ и на востокъ—въ Заволочье; вятичи, вмѣсто того, чтобы уйти въ сферу хазарскихъ интересовъ, втягиваются въ кругъ интересовъ общерусскихъ — они везутъ къ Кіеву дань и свои товары, поставляютъ туда воиновъ и выдѣляютъ изъ себя для княжеской службы людей; Полотскъ, несмотря на свое отдаленіе отъ Кіева, принужденъ принять къ себѣ кіевскаго князя, потерявъ въ лицѣ Рогволода свою варяжскую династію; въ бассейнѣ Припяти интересы Полотска сталкиваются съ интересами кіевскаго княжества, въ бассейнѣ Западной Двины они встрѣтятся съ интересами Смоленска, и такимъ образомъ полочане все тѣснѣе пріобщаются къ общерусской жизни. Объединеніе восточнославянскихъ земель при Святославѣ, Владимірѣ, Ярославѣ не могло не отразиться и на объединеніи самихъ восточнославянскихъ, теперь русскихъ племенъ; принятіе христіанства, пріобщеніе къ общей культурной жизни, широкой волной разлившейся на кіевскомъ югѣ—все это должно было сказаться на всѣхъ сторонахъ народной жизни и между прочимъ на языкѣ русскихъ племенъ. Еще до образованія кіевскаго княжества, успѣли появиться въ говорѣ нѣкоторыхъ племенъ рѣзкія діалектическія отличія, напр., редукція (ослабленіе) неударяемыхъ гласныхъ *а*, *о*, *е* у восточнорусовъ, смѣшеніе *ч* и *ц* у сѣвернорусовъ—этимъ отличіямъ не пришлось стереться и въ послѣдующее время; но новыя условія жизни задерживаютъ на нѣкоторое время дифференціацію и способствуютъ проведенію въ языкѣ цѣлаго ряда общихъ явленій. Такъ, напримѣръ, памятники убѣждаютъ въ томъ, что въ XII вѣкѣ во всѣхъ русскихъ говорахъ произошло исчезновеніе звуковъ *ъ* и *ь* въ одномъ положеніи, переходъ ихъ въ *о* и *е* въ

другомъ; ъ и ь исчезали въ слабомъ положеніи, переходили въ *о* и *е* въ сильномъ, т. е. тамъ, гдѣ въ слѣдующемъ за ними слогѣ находились ъ и ь; и вотъ, мы видимъ, что всѣ русскія нарѣчія одинаково проводятъ этотъ звуковой процессъ; ср. укр., бѣлор. и великор. сон, ден', жнец', всѣ, много, два, на мѣстѣ древнихъ и общерусскихъ формъ сънъ, дьнь, жьнець, вьсѣ, мъного, дъва. Возможно, что это зависѣло отчасти отъ той тѣсной связи, въ которой стояли въ XI вѣкѣ русскія нарѣчія между собой. Къ той же эпохѣ восходитъ начало нѣсколькихъ морфологическихъ явленій, проведенныхъ согласно всѣми русскими нарѣчіями. Отмѣчу, напримѣръ, вытѣсненіе въ мужескомъ родѣ формы именительнаго множественнаго формой винительнаго: укр. пояси, листи, ножі, женці, бѣлор. брусы, сваты, кумы, діалект. жанцэ, касцэ, великор. послы, люди, діалект. сосѣды, луги, погребы. Далѣе, укажу на совпаденіе именит. и винит. множ. мѣст. и прилаг. всѣхъ родовъ въ одной формѣ во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ: укр. усі, моі, добрі, великор. всѣ, добрые, сами, діалект. вси, добрыѣ или добрыя. Еще отмѣчу перенесеніе окончаній старыхъ основъ на -ŭ въ старыя основы на -о: род. ед. укр. народу, Дону, двòру, морозу, бѣлор. воску, аусу, крику, саду, великор. гороху, снѣгу, изъ лѣсу, изъ подъ мосту, безъ толку; мѣстн. ед. укр. у саду, на роду, у раю, бѣлор. у лясу, на берягу, у суду, великор. въ углу, на глазу, въ боку. Далѣе, видимъ еще перенесеніе окончаній -амъ, -ами, -ахъ изъ дат., твор., мѣстн. мн. словъ женскаго рода на -а въ склоненіе другихъ основъ какъ женскаго, такъ мужескаго и средняго рода: укр. братам, панами, дубах, бѣлор. по мохам, по балотам, у зубах, ключами, брусами, великор. городам, волостями, дворах, ножах. Можно указать еще на общую всѣмъ русскимъ нарѣчіямъ утрату двойственнаго числа въ формахъ склоненія и спряженія, на утрату ими аориста и имперфекта и на замѣну ихъ формами причастія прошедшаго времени на -лъ. Всѣ эти и подобныя имъ явленія не могутъ, конечно, свидѣтельствовать о существованіи общерусскаго языка въ историческое время, скажемъ въ XI—XII в.; общерусскій праязыкъ распался на отдѣльныя нарѣчія еще въ эпоху доисторическую, въ концѣ VIII или началѣ IX вѣка; образованіе русскаго государства, объединеніе имъ подъ одной державой всѣхъ русскихъ племенъ не могло привести къ образованію одного общаго народнаго языка; оно не успѣло создать и общаго русскаго книжнаго языка, ибо книжнымъ языкомъ той эпохи, языкомъ общимъ и для Кіева, и для Ростова, и для Новгорода, и для Галича былъ вывезенный вмѣстѣ съ книгами изъ Болгаріи церковно-славянскій языкъ; но политическое объединеніе русскихъ племенъ и образованіе ими русскаго государства могли имѣть слѣдствіемъ то усиленное между ними общеніе, которое привело къ тому, что нарѣчія этихъ племенъ стали переживать общія явленія въ области звуковъ и формъ.

V.

Особенное значеніе имѣло кіевское государство для южнорусскихъ племенъ. Въ періодъ, предшествовавшій его образованію, эти племена враждовали между собой; поляне отличались

и своими нравами отъ древлянъ и сѣверянъ; угличи и тиверцы, уже благодаря своему географическому положенію, должны были обособляться отъ болѣе сѣверныхъ своихъ сородичей. Объединенныя властью кіевскаго князя всѣ эти племена начинаютъ жить общею государственною и гражданскою жизнью; они связаны съ Кіевомъ и общими военными предпріятіями и необходимостью отбиваться отъ общихъ враговъ; торговыя, а затѣмъ и религіозныя связи содѣйствовали все большему сближенію между собой южнорусскихъ племенъ. Возможно, что предшествующій періодъ положилъ начало разъединенію этихъ племенъ; быть можетъ, къ нему восходятъ тѣ глубокія различія, которыя замѣчаются теперь между сѣверными и южными отраслями южнорусовъ (малорусовъ); но этому центробѣжному стремленію было противопоставлено стремленіе центростремительное, устанавливавшее общую діалектическую жизнь на всемъ пространствѣ, занятомъ южнорусами, захватывавшее и тѣ отрасли ихъ, которыя осѣли на сѣверѣ въ земляхъ дреговичей и радимичей. Мы увидимъ, что послѣдующія событія, а именно потрясенія, вызванныя въ срединѣ XI вѣка появленіемъ на югѣ кочевыхъ ордъ, имѣли слѣдствіемъ, между прочимъ, отдѣленіе отъ южнорусской племенной группы этихъ самыхъ южнорусовъ, поселившихся въ верхнемъ Поднѣпровьѣ и Заприпятьѣ; южнорусскіе говоры этихъ мѣстностей втягиваются тогда въ новую діалектическую жизнь, въ жизнь образовавшагося тогда бѣлорусскаго нарѣчія. Въ виду этого и признавая южнорусскіе говоры основой этого нарѣчія, мы должны считать древнѣйшими тѣ южнорусскія явленія, которыя могутъ быть прослѣжены и въ бѣлорусскомъ нарѣчіи; эти явленія имѣли такимъ образомъ мѣсто до XIII вѣка, съ котораго, повидимому, начинается образованіе бѣлорусскаго языка и бѣлорусской народности. Замѣчательно, что всѣ эти явленія, судя по памятникамъ, не могутъ быть старше XII вѣка; XII вѣкъ признаемъ поэтому временемъ тѣснаго общенія между южнорусскими племенами. Мы перечислимъ эти явленія ниже; здѣсь же отмѣтимъ, что другихъ старшихъ, чѣмъ они, явленій, общихъ всему южнорусскому нарѣчію и отличающихъ его отъ другихъ русскихъ нарѣчій, мы не знаемъ. Памятники новгородскіе XI вѣка свидѣтельствуютъ о томъ, что сѣвернорусское нарѣчіе издревле отличалось отъ другихъ нарѣчій, а также отъ общерусскаго праязыка смѣшеніемъ звуковъ *ч* и *ц*; то обстоятельство, что аканье и редукція неударяемыхъ гласныхъ *а*, *о*, *е* свойственны и бѣлорусамъ и южновеликорусамъ, разъединеннымъ съ XIII вѣка, свидѣтельствуетъ, какъ увидимъ, о глубокой древности этой восточнорусской по своему происхожденію черты. Слѣдовательно, и сѣвернорусы, и восточнорусы еще до XI вѣка успѣли въ своемъ языкѣ уклониться отъ общерусскаго праязыка; для южнорусовъ подобныхъ уклоненій мы раньше XII вѣка указать не можемъ. Думаю, что это зависѣло отъ того, что южнорусы, оставаясь на старыхъ своихъ поселеніяхъ доисторической эпохи, не объединились такъ, какъ это потребовалось отъ сѣвернорусовъ и восточнорусовъ, добывавшихъ себѣ

новыя мѣста жительства, боровшихся изъ-за нихъ съ другими племенами, отстаивавшихъ при новыхъ условіяхъ свою самостоятельность. Но эпоха историческая привела южнорусовъ къ большему объединенію: однимъ изъ факторовъ его было образованіе государства, другимъ, какъ сейчасъ увидимъ, передвиженія для болѣе тѣснаго сожительства самихъ южнорусовъ. Передвиженія эти относимъ на XI вѣкъ и съ полнымъ правомъ ожидаемъ въ слѣдующемъ XII вѣкѣ такихъ новыхъ явленій въ языкѣ южнорусовъ, которыя были общи всѣмъ его нарѣчіямъ и говорамъ.

Трудно сомнѣваться, какъ указано выше, въ томъ, что въ періодъ до XI вѣка поляне говорили не одинаково съ древлянами, что сѣверяне отличались своимъ языкомъ отъ бужанъ и угличей. Къ сожалѣнію, памятники не сохранили этихъ древнѣйшихъ южнорусскихъ діалектическихъ особенностей; можно думать, что большая часть ихъ исчезла, изгладилась, благодаря объединенію и тѣсному сплоченію южнорусовъ. Возможно однако, какъ уже упомянуто, что противоположеніе сѣвернаго (древлянскаго и сѣверскаго) нарѣчія южному восходитъ къ глубокой древности. Переходимъ къ событіямъ XI вѣка, поведшимъ, съ одной стороны, къ сплоченію южнорусовъ, а съ другой, къ отпаденію отъ нихъ ихъ наиболѣе сѣверныхъ отраслей.

Борьба со степью велась восточнорусами на юго-востокѣ, южнорусами на юго-западѣ Россіи съ самыхъ давнихъ временъ. Лѣтопись не сохранила извѣстій о столкновеніи русскихъ племенъ съ мадьярами, двинувшимися въ концѣ IX вѣка на западъ, за Днѣпръ и Днѣстръ; врядъ ли, однако, упомянутое лѣтописью прохожденіе угровъ мимо Кіева обошлось безъ кровавой встрѣчи; всего вѣроятнѣе, нашествіе угровъ было отбито уже тогда окрѣпшею державой. За уграми появились печенѣги: русскіе борются съ ними успѣшно и при Святославѣ и при Владимірѣ; «и бѣ воюя съ печенѣгы», говоритъ лѣтопись о послѣднемъ, «одолая имъ». При Ярославѣ набѣги печенѣговъ становятся опасными; ихъ упорное движеніе на русскія земли стояло, быть можетъ, въ связи съ тѣмъ, что въ это время ихъ начала тѣснить съ востока новая тюркская орда—половецкая. Въ серединѣ XI в. половцы становятся обладателями южнорусскихъ степей; могущество новыхъ кочевыхъ сосѣдей, уже въ 1063 году наносящихъ русскимъ князьямъ страшное пораженіе, имѣло и для русскихъ племенъ и для русскаго государства самыя тяжелыя послѣдствія. Нѣкоторыя изъ такихъ послѣдствій отмѣчены самими современниками. Древнѣйшая кіевская лѣтотись, сохранившаяся въ позднѣйшей переработкѣ XV вѣка, гдѣ она соединена съ лѣтописью новгородскою, сообщаетъ, что уличи сидѣли сначала между Днѣпромъ и Бугомъ, а потомъ поселились между Бугомъ и Днѣстромъ; это переселеніе, случившееся, повидимому, на памяти лѣтописца XI вѣка, было несомнѣнно вынужденное: его вызвали набѣги половцевъ, а можетъ быть еще и предшественниковъ ихъ—печенѣговъ. Посмотримъ, какъ опредѣляетъ жительства уличей и ихъ сосѣдей, тиверцевъ Несторъ, писавшій въ 1110 году: «а уличи и тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви. Бѣ множество ихъ; сѣдяху бо по Днѣстру оли и до моря,

суть гради ихъ и до сего дне, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь». Несторъ употребляетъ прошедшее время; слѣдовательно, въ его время тиверцы и уличи уже не сидѣли до моря; правда, еще цѣлы были ихъ города или укрѣпленія, но сами они ушли, очевидно, въ другія мѣста. Скажемъ опять, что выселеніе изъ заселенной ими страны не могло быть добровольнымъ; оно было вынуждено все тою же причиной, которая раньше отбросила уличей за Бугъ, — напоромъ половцевъ. Куда же удалились уличи и тиверцы, утративъ, очевидно, свои племенныя названія? Единственно возможнымъ отвѣтомъ, если не допустить полнаго уничтоженія этихъ нѣкогда многочисленныхъ племенъ («бѣ множество ихъ»), является утвержденіе, что они удалились къ сѣверу, въ сѣверное Поднѣстровье и сѣверное Побужье. Врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что неожиданный ростъ галицкаго княжества, обнаруживающійся въ XII вѣкѣ, когда оно начинаетъ борьбу съ Кіевомъ, стоитъ въ зависимости отъ увеличенія его населенія: послѣднему понадобились мѣста подъ поселенія и пашни. Возвышеніе Волыни зависѣло, конечно, отъ той же причины.

Такимъ образомъ, высказываемъ предположеніе, что южныя отрасли южнорусскаго племени, передвинувшись къ сѣверу, поселились частью между сѣвернымм его отраслями, т. е. бужанами и древлянами. Это повело къ сплоченію южнорусской семьи; оба главныя нарѣчія, на которыхъ она говорила — сѣверное и южное—не слились другъ съ другомъ въ результатѣ указаннаго передвиженія южанъ, но сильно сблизились; послѣдствіемъ сближенія ихъ въ области языка были тѣ явленія, на которыхъ мы сейчасъ остановимся. Но сначала отмѣчу, что современная діалектологическая группировка южанъ и сѣверянъ въ правобережной Украинѣ отражаетъ на себѣ то самое вторженіе южныхъ племенъ въ область сѣверныхъ, о которомъ мы только что говорили: вглядываясь въ діалектологическую карту, мы поражены тѣмъ, что южные или украинскіе говоры слышатся не только въ степной полосѣ, въ южныхъ уѣздахъ Кіевской губерніи и далѣе къ югу и юго-западу; они переходятъ и въ область, гдѣ исконно сидѣли древляне, врѣзываясь въ эту область клиньями и достигая такимъ образомъ самой Припяти въ современномъ Пинскомъ уѣздѣ; здѣсь мы на сѣверномалорусской основѣ найдемъ рядъ рѣзкихъ особенностей украинскихъ; измѣненіе древняго дифтонга *уо* въ *і*, столь характерное именно для украинскихъ говоровъ (піп, дім вмѣсто пуоп, дуом), встрѣчается островами и въ сѣверномалорусской территоріи; мы найдемъ его господствующимъ и въ Галиціи, между тѣмъ какъ дифтонги и другіе виды ихъ измѣненія (напр. у вмѣсто уо: пуп) имѣются въ горскихъ говорахъ, равнымъ образомъ въ Угорской Руси, но и туда проникаетъ украинское і. Не указываетъ ли это украинское і на то, какъ далеко зашло вторженіе украинцевъ (южнорусовъ) въ сѣверномалорусскую область? Я не буду утверждать, чтобы измѣненіе дифтонговъ уо, іе въ і произошло уже въ говорѣ уличей и тиверцевъ, когда они «присѣдяху къ Дунаю и сѣдяху оли до моря», но возможно, что уже въ эту отдаленную эпоху древнія черты южнорус-

ской рѣчи потерпѣли у южанъ измѣненіе, именно въ томъ направленіи, какое привело къ господствующимъ въ современныхъ украинскихъ, и даже въ частности южноукраинскихъ говорахъ отношеніямъ, въ противоположность сѣверномалорусскимъ говорамъ, вѣрно охарактеризованнымъ А. Е. Крымскимъ какъ архаичные; южномалорусскіе или украинскіе говоры, быть можетъ, въ связи съ бурнымъ ихъ прошлымъ, представляютъ менѣе устойчивости въ унаслѣдованныхъ ими звуковыхъ и морфологическихъ особенностяхъ. Отмѣчу здѣсь, что многолюдныя племена тиверцевъ и уличей не могли умѣститься на территоріи, уже занятой ближайшими ихъ сородичами (бужанами, сѣверянами); какъ указано выше, они пробились далеко къ сѣверозападу и затопили здѣсь области, занятыя древними хорватами; возможно, что тогда же они проникли глубоко и въ Седмиградію и въ землю Угорскую. Мечтать о вознагражденіи за потерю нижнихъ теченій Днѣпра и Буга землями на востокѣ за Днѣпромъ южнорусамъ тогда не приходилось; Половецкое владычество въ черноморскихъ и донецкихъ степяхъ остановило бы всякую попытку южнорусовъ колонизовать нѣкогда доступныя восточнымъ славянамъ мѣстности между Днѣпромъ и Дономъ. Первое время южнорусы, стѣсненные на югѣ, направили свои движенія къ сѣверу и усилили свои поселенія за Припятью и въ сѣверномъ Поднѣпровьѣ; мы можемъ судить объ этомъ между прочимъ по тому вниманію, которое удѣляютъ Минской землѣ кіевскіе князья, простирающіе въ XII в. свои руки до самаго Полотска; но вскорѣ, какъ увидимъ, южнорусы встрѣтили здѣсь сильный отпоръ со стороны другого русскаго племени, оказавшагося въ такомъ же затруднительномъ положеніи, какъ южнорусы, вслѣдствіе потери имъ юговосточныхъ областей.

Общеюжнорусскими явленіями, развившимися именно въ XII в., въ періодъ сплоченія южнорусской семьи на болѣе тѣсной территоріи, были слѣдующія звуковыя измѣненія: 1) Сочетанія *р, л* съ послѣдующими *ъ, ь* перешли въ сочетанія *ры, лы, ри, ли* между тѣмъ какъ въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ (сѣверноруссскомъ и восточнорусскомъ) они измѣнились въ *ро, ло, ре, ле*; ср. укр. дрижати, кришити, блиха,дрива, кривави, глитати, хрибет, христити (при великор. дрожать, крошить и т. д.); согласно предидущему, бѣлорусское нарѣчіе сходится съ малорусскимъ, ср. дрыжаць, хрыбет, слиза, праглынуць и т. д. Древнѣйшій примѣръ такого измѣненія находимъ въ Житіи Саввы по списку XIII в.: яблыко. Отнести это явленіе ко времени старшему, чѣмъ XII в., мы не можемъ, въ виду того, что паденіе глухихъ (ихъ исчезновеніе и замѣна другими гласными) произошло въ южнорусскомъ нарѣчіи не раньше XII в. (см. объ этомъ ниже, гдѣ сообщено нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній). 2) Полукраткія *і, у* (явившіяся изъ сочетаній неслоговыхъ *і, у* съ слѣдующими краткими *і* и *у* еще въ общеславянскую эпоху) измѣнились въ южнорусскомъ нарѣчіи въ началѣ слова въ *і, у* неполнаго образованія; эти *і, у* въ положеніи за согласной предшествующаго слова переходили въ *і, у* полнаго образованія (він иде, він удовець); въ положеніи же за гласной они измѣнялись въ неслоговыя *і, у* (я йду, я ўдовець); на-

конецъ, въ положеніи въ абсолютномъ началѣ слова они исчезали; ср. укр. голка, грати, скати, му, меш, з города, зволити и т. д. (въ великор.: играть, искать, из города, извольте), бѣлорусское нарѣчіе и здѣсь сходится съ малорусскимъ: голка, мѣць, звольця, з мора. 3) Начальныя гласныя *а, о, у* получили передъ собой въ южнорусскомъ нарѣчіи придыхательный приступъ, который затѣмъ въ отдѣльныхъ говорахъ измѣнялся въ согласныя в, h, j; ср. укр. вона, діалект. горати, гочи, горіх; вухо, вус, діалект. гулица, гухо; гаспид, галицк. яспид, янгол (великор. она, очи, орѣх, ухо и т. д.). Бѣлорусское нарѣчіе и здѣсь сходится съ малорусскимъ: гараць, гарэх, нигодзин и др. 4) Сочетанія *кы, гы, хы* перешли въ *ки, ги, хи* съ мягкими *к, г, х*; эти мягкія *к, г, х* впослѣдствіи отвердѣли въ малорусскомъ, какъ отвердѣли вообще согласныя передъ звуками *і* и *е*; отмѣчу *і* не *ы*, которое является на мѣстѣ первоначальнаго ы, въ угорусскомъ: ногі, кішкі; въ бѣлорусскомъ также находимъ *ки, ги, хи*, но это совпаденіе не характерно, такъ какъ *ки, ги, хи* на мѣстѣ *кы, гы, хы* свойственно и другимъ русскимъ нарѣчіямъ. Древнѣйшіе примѣры написаній *ки, ги, хи* вмѣсто *кы, гы, хы* встрѣчаются уже въ памятникахъ XII в.: Добрилово ев. 1164 года имѣетъ секира, никии же, Галицкое ев. 1144 года—небесьскімъ, члчскии, Христинопольск. ап. XII в.—погибѣль. 5) Вмѣсто л въ концѣ слога явилось произношеніе у краткое (у): укр. воук, моучу, дау, поуний, ходиу, и т. д.; тоже находимъ въ бѣлорусскомъ: поуны, зламау, вауки и др. 6) Сочетанія «согласная + и краткое + й» измѣнились во всѣхъ русскихъ нарѣчіяхъ, послѣ выпаденія полукр. и, въ сочетанія «согласная + й» (свиńйа вмѣсто свинийа); въ южнорусскомъ нарѣчіи *й* перешло въ j, и затѣмъ произошло уподобленіе предшествующей согласной этому j: свиńйа перешло въ свиńја и далѣе въ свиńня, ср. укр. браття, колосся, суддя, гряззю, ніччю, подружжя и т. д. (въ великор. братья, колосья, судья и т. д.). Бѣлорусское нарѣчіе сходится съ малорусскимъ: подполля, крыллям, свиńня, зелле и т. д. 7) Послѣдствіемъ выпаденія *ъ* и *ь* изъ произношенія было въ южнорусскомъ нарѣчіи удлиненіе гласныхъ предшествующаго слога; такое же удлиненіе произошло, вѣроятно, и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ; въ нихъ, какъ и въ южнорусскомъ, эти удлиненныя гласныя впослѣдствіи сократились; но въ южнорусскомъ, въ противоположность другимъ русскимъ нарѣчіямъ, удлиненныя о, ӧ, е, не успѣвъ сократиться, перешли въ дифтонгическія сочетанія *уо, ӱӧ, іе*; общеюжнорусскимъ произношеніемъ напр. [illegible]овъ домъ. ледъ, печь надо признать дуом, лїӧд, піеч; ср. сѣверномалор. дуом, люод, піеч, діалект. дум, люд, сѣверноукр. дім съ твердымъ д, южноукр. дім съ мягкимъ д, общеукр. лід, піч, мід, ніс (несъ), шість, сім, гребінь, весілля, зілля и т. д. Дифтонги на мѣстѣ удлинившихся *о, ӧ, е* были нѣкогда свойственны и бѣлорусскому нарѣчію; мы находимъ и теперь въ южныхъ его говорахъ замѣстителей этихъ дифтонговъ и притомъ не только въ говорахъ, пограничныхъ съ малорусскою областью, но также и значительно сѣвернѣе, напр., въ Игуменскомъ, Бобруйскомъ, Минскомъ уѣздахъ; вообще же дифтонги и ихъ замѣстители были вытѣснены подъ вліяніемъ другихъ діалек-

товъ, вошедшихъ въ составъ бѣлорусскаго нарѣчія.

Остановлюсь нѣсколько подробнѣе на этомъ южнорусскомъ явленіи, въ виду того, что оно хорошо засвидѣтельствовано памятниками и даетъ точныя данныя для хронологическаго опредѣленія древней обособленности южнорусскаго нарѣчія отъ сѣверно-русскаго и восточнорусскаго. Впервые А. И. Соболевскимъ сдѣлано было наблюденіе, что въ рядѣ памятниковъ, не относящихся ни къ Новгородской, ни къ Суздальской, ни къ Рязанской области, встрѣчаются написанія съ *ѣ* вмѣсто *е* при совершенно необычныхъ, напримѣръ, для новгородскихъ памятниковъ условіяхъ, а именно *ѣ* вмѣсто *е* пишется въ нихъ въ томъ случаѣ, если въ слѣдующемъ слогѣ находился *ь* (рѣже *ъ*), подлежавшій въ позднѣйшую эпоху выпаденію и очевидно тогда уже выпавшій. Такъ въ Добриловѣ евангеліи 1164 года находимъ написанія: сѣдмь, пѣщь, сѣльнаго, шѣсть, шѣстью, камѣнь, оучитѣль, нѣмь, на камени сѣмь, также зѣльс, камѣнье, трѣтьее, равнымъ образомъ передъ неслоговымъ і, восходящимъ въ концѣ концовъ къ ji: горѣ сѣи, по всѣи земли и т. д. Въ Типогр. ев. XII в. № 7: камѣнь, въ нѣмь, идѣть, также камѣние, зѣлия (гдѣ *и* стоитъ по графической традиціи, читайте камѣнје, зѣлја или даже камѣнне, зѣлля). Въ Галицкомъ ев., писанномъ въ княженіе Льва Даниловича галицкаго (1266—1301), находимъ: корѣнья, ремѣнь, перьстѣнь, житѣль, вѣльми, матѣрь, на вечѣрьни, на смокви сѣи, по чюжѣмь и т. д. Большею частью такому ѣ соотвѣтствуетъ въ современномъ украинскомъ звукъ і, восходящій къ сочетанію іе, которое явилось на мѣстѣ удиненнаго е; ср. укр. піч, сім, шість, перстінь, корінь, камінь, матір, зілля, каміння, коріння и т. д. Это дало А. И. Соболевскому основаніе признать тѣ довольно многочисленные памятники, въ которыхъ онъ нашелъ эту графическую особенность, памятниками малорусскими. Но исходя изъ соображенія, что малорусская народность и малорусское нарѣчіе происхожденія позднѣйшаго, въ угоду также той исторической теоріи, которая утверждала, что древнее населеніе Поднѣпровья было не малорусскимъ (по языку), а просто русскимъ или даже и великорусскимъ, причемъ его замѣнили послѣ татарскаго разгрома пришедшіе съ запада малорусы,—въ угоду этой теоріи, связанной съ именемъ знаменитаго М. П. Погодина, А. И. Соболевскій не рѣшился признать эти открытые имъ малорусскіе памятники кіевскими или переяславскими; онъ назвалъ ихъ галицковолынскими. Въ пользу того, что интересующіе насъ памятники дѣйствительно галицковолынскіе, а не кіевскіе, приводилось соображеніе, что въ кіевскихъ памятникахъ намъ извѣстныхъ нѣтъ этой столь характерной для малорусскаго нарѣчія черты,—написаній съ ѣ вмѣсто е въ словахъ шѣсть, камѣнь и т. п. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи соображеніе это теряетъ всякую доказательную силу; дѣло въ томъ, что изслѣдователи исходили преимущественно изъ слѣдующихъ двухъ датированныхъ памятниковъ, писанныхъ нееомнѣнно въ Кіевѣ, когда давали характеристику древняго кіевскаго говора: изъ Сборника 1073 и изъ Сборника 1076 года; но памятники эти старше тѣхъ памятниковъ, въ которыхъ А. И. Соболевскому

пришлось подмѣтить дифтонгъ іе (изображавшійся черезъ ѣ) на мѣстѣ удлиненнаго е; и старше они не только хронологически, но и по самому звуковому строю языка; въ обоихъ сборникахъ нѣтъ данныхъ для предположенія, что звуки ъ и ь пали въ языкѣ, т. е. исчезли въ однихъ случаяхъ, перешли въ гласныя о и е въ другихъ; такъ на мѣстѣ русскихъ сочетаній *ър, ъл, ьр* мы не найдемъ здѣсь написаній *ор, ол, ер*, что заставляетъ смотрѣть не какъ на русскую особенность на единичные случаи замѣны *ъ, ь* черезъ *о, е* въ другихъ соединеніяхъ. Слѣдовательно, языкъ сборниковъ 1073 и 1076 годовъ не можетъ быть противопоставленъ языку Добрилова евангелія и другихъ памятниковъ XII вѣка, гдѣ паденіе *ъ, ь* засвидѣтельствовано между прочимъ и написаніями *ор, ол, ер* на мѣстѣ русскихъ сочетаній *ър, ъл, ьр*. Мы можемъ утверждать, что въ XI вѣкѣ въ Кіевѣ не было малорусскихъ дифтонговъ, но у насъ нѣтъ основаній думать, что ихъ не было въ немъ въ XII вѣкѣ. И поэтому съ точки зрѣнія языка нѣтъ данныхъ для признанія памятниковъ, сгруппированныхъ А. И. Соболевскимъ, некіевскими: среди нихъ могутъ быть и такіе, которые писаны въ Кіевѣ, также какъ въ Черниговѣ, Овручѣ, Луцкѣ, Владимірѣ Волынскомъ, Галичѣ и даже въ Пинскѣ и Туровѣ. Съ точки же зрѣнія исторіи украинскаго народа мы должны отвергнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ мысль о томъ, что Кіевщина была въ древности населена не предками современныхъ и малорусовъ, а предками современныхъ представителей другихъ русскихъ народностей. Искать въ X—XI вѣкѣ у Днѣпра великорусовъ представляется совершенно безполезнымъ, ибо великорусская народность происхожденія новаго; она сложилась въ историческое время въ бассейнѣ Оки изъ сожительства двухъ древнихъ русскихъ племенъ—сѣверно-русскаго и восточнорусскаго; но искать въ южномъ Приднѣпровьѣ временъ Владиміра и Ярослава новгородскихъ славянъ или смоленскихъ кривичей или восточныхъ вятичей не придетъ никому въ голову. Слѣдовательно, Кіевщина и Переяславщина могли быть въ началѣ нашей исторіи заселены только южнорусскимъ, иначе малорусскимъ племенемъ, которое сидѣло вообще по всему Поднѣпровью, по обоимъ берегамъ Днѣпра. Въ силу всего сказаннаго я, вслѣдъ за многими изслѣдователями, утверждаю, что А. И. Соболевскому удалось опредѣлить группу не галицковолынскихъ, а просто малорусскихъ памятниковъ, при чемъ прямымъ выводомъ изъ его наблюденій является возможность возводить исторію малорусскаго языка далеко за XII вѣкъ. Если въ XII вѣкѣ паденіе глухихъ вызываетъ въ малорусскихъ говорахъ такія явленія, которыя чужды другимъ русскимъ говорамъ, ясно, что уже въ XI вѣкѣ малорусская группа жила отдѣльною отъ прочихъ русскихъ группъ жизнью. Впрочемъ, мы и безъ того знаемъ, что, напримѣръ, сѣверно-русская группа рѣзко отличалась въ XI вѣкѣ отъ группы южнорусской.

Но наблюденіе А. И. Соболевскаго, столь богатое вытекающими изъ него выводами, встрѣтило рядъ возраженій съ другой стороны. Во-первыхъ, было указано на то, что Галицкое евангеліе 1144 года, писанное несомнѣнно въ южнорусской области, не содержитъ написаній, какъ шѣсть, сѣмь, камѣнь; слѣдовательно, эти написанія не могутъ быть признаны необходи-

мыми, неизбѣжными выразителями тѣхъ измѣненій, которымъ подвергся звукъ *е* въ результатѣ удлиненія при указанныхъ выше условіяхъ. Но мы съ полнымъ правомъ отвергнемъ такое возраженіе, когда сообразимъ, что языкъ названнаго евангелія старше языка Добрилова евангелія: дѣло не въ двадцати годахъ, отдѣляющихъ 1144 отъ 1164 года, а въ томъ, что языкъ Галицкаго евангелія 1144 года не обнаруживаетъ паденія глухихъ (русскія сочетанія являются только въ видѣ *ьр*, *ър*, *ъл*), между тѣмъ какъ въ Добриловѣ евангеліи имѣются ясныя указанія на уже проведенное въ языкѣ паденіе глухихъ (ср. написанія ер, ор, ол). Изъ сопоставленія языка обоихъ этихъ евангелій извлекаемъ тотъ выводъ, что паденіе глухихъ, сопутствовавшее ему удлиненіе предшествующихъ гласныхъ и появленіе дифтонговъ *іе* и *уо* произошли не одновременно во всей южнорусской области; возможно, что въ сѣверной Галиціи старое произношеніе держалось дольше, чѣмъ въ кіевскомъ Поднѣпровьѣ и въ южныхъ частяхъ Волыни и Галиціи. Во-вторыхъ, было отмѣчено, что далеко не всегда ѣ памятниковъ XII-XIII в., сгруппированныхъ А. И. Соболевскимъ, соотвѣтствуетъ украинскому *і* изъ дифтонга *іе*; въ рядѣ случаевъ ему соотвѣтствуетъ правда *і*, но такое *і*, которое, по свидѣтельству сѣверномалорусскихъ и угрорусскихъ говоровъ, восходитъ къ дифтонгу *ііӧ*; между тѣмъ невѣроятно, чтобы буква ѣ изображала одновременно и дифтонгъ *іе* и дофтонгъ *ііӧ* (ио); поэтому можно думать, что ѣ «галицко-волынскихъ» памятниковъ нельзя признать за изображеніе дифтонга *іе* и что написанія ѣ вмѣсто *е* представляются результатомъ графическаго смѣшенія буквъ *е* и *ъ*, обычнаго, напримѣръ, и въ памятникахъ сѣверноруссскихъ; ср. написанія въ нѣи, въ сѣмь, всѣи, на всѣмь, въ чюжѣмь и т. п. въ Добриловѣ евангеліи и другихъ сходныхъ съ нимъ памятникахъ. Но это возраженіе представляется несостоятельнымъ въ виду того, что первоначальныя, древнія южнорусскія формы въ семь, на вьсемь, въ чюжемь должны были въ эпоху паденія глухихъ получить произношеніе в сіем', на всіем', въ чюжіем' (что и передано написаніями, какъ въ сѣмь, на всѣмь, въ чюжѣмь); замѣна такого произношенія произношеніемъ сїӧм, на всїӧм, въ чюжїӧм произошла позже и обязана грамматической аналогіи, вліянію склоненія твердыхъ основъ, напр., в туом, в добруом, в сліепуом. Нельзя также опровергать доказательную силу написаній шѣсть, камѣнь: шіст', камін' указаніемъ на то, что съ ѣ пишутся формы 3 л. ед., какъ идѣть, несѣть, боудѣть, между тѣмъ какъ въ совр. малорусскомъ нигдѣ не встрѣтится *і* въ соотвѣтствующихъ формахъ, ср. иде, несе, буде. Дѣло въ томъ, что древнія идеть, будеть послѣ паденія глухихъ должны были фонетически перейти въ идіет', будіет' (что и изображалось написаніями идѣть, боудѣть); подобныя формы рано замѣнились подъ вліяніемъ грамматической аналогіи формами идет', будет', при чемъ *е* вмѣсто *іе* заимствовано изъ формъ иде, буде, а также изъ формъ будемо идете; я говорю рано потому, что уже въ памятникахъ XII в., строго выдерживающихъ ѣ вмѣсто *е* въ другихъ случаяхъ, пишется послѣдовательно-еть (идеть, будеть), въ противоположность старшимъ памятникамъ,

представляющимъ написанія съ -ѣть. Въ виду всего указаннаго я заключаю, что возраженія, приведенныя противъ отождествленія *ъ* памятниковъ, сгруппированныхъ А. И. Соболевскимъ и свидѣтельствующихъ о дифтонгѣ *ie*, откуда украинское *і*, не только не ослабили положеній А. И. Соболевскаго и извлекаемыхъ изъ нихъ выводовъ, а напротивъ дали матеріалъ для подтвержденія ихъ. Я признаю доказаннымъ, что какъ въ памятникахъ, подобныхъ сборникамъ 1073 и 1076 годовъ, такъ и въ позднѣйшихъ памятникахъ—съ одной стороны, евангеліи 1144, а съ другой Добриловѣ евангеліи и цѣломъ рядѣ однородныхъ съ нимъ, переходящихъ и въ XIII и далѣе въ XIV вѣкъ, мы имѣемъ памятники, писанные въ малорусскихъ областяхъ и отражающіе поэтому особенности малорусской рѣчи.

VII.

Изученіе названныхъ памятниковъ, сопоставленіе памятниковъ XI вѣка съ памятниками XII в., противоположеніе Евангелія 1144 года Евангелію 1164 года убѣждаютъ насъ въ томъ, что интересующее насъ общемалорусское явленіе произошло въ теченіе XII вѣка. Мы въ правѣ поэтому допустить, что въ это время южнорусская семья жила одною общею діалектическою жизнью; тоже подтверждается и другими разсмотрѣнными выше явленіями, изъ которыхъ нѣкоторыя документально могутъ быть отнесены къ XII вѣку. Единство южнорусской семьи въ силу историческихъ условій продолжалось и позже; оно какъ увидимъ, не было нарушено и въ XII и даже въ XIV вѣкѣ, но въ это позднѣйшее время южнорусская территорія была значительно уменьшена и составъ семьи умаленъ, благодаря тому, что южнорусы потеряли (этнографически) и Верхнее Поднѣпровье и Заприпятье. Эти области съ сидящимъ на нихъ южнорусскимъ населеніемъ захватываются другимъ русскимъ племенемъ, которое вмѣстѣ съ тѣми южнорусами сливается въ новую народность — бѣлорусскую. Скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ появилось это другое русское племя въ бассейнѣ Днѣпра и Западной Двины.

Подобно тому какъ появленіе половцевъ на югѣ Россіи повело къ оттѣсненію южнорусскихъ племенъ отъ Чернаго моря и потерѣ ими южнаго Поднѣпровья, Побужья и Поднѣстровья, подобно этому восточнорусскія племена, сидѣвшія, какъ мы видѣли, въ бассейнѣ Дона, были отброшены тѣми же половцами къ сѣверу, въ области верхняго теченія Дона и въ бассейнъ Оки. Эти восточнорусскія племена, какъ указано, назывались вятичами; при Святославѣ мы застаемъ ихъ сидящими у нижняго Дона; въ 1110 году Несторъ отводитъ имъ мѣсто на Окѣ; лѣтописи XII вѣка знаютъ вятичей и въ самой западной части Окскаго бассейна, тамъ, гдѣ онъ сходится съ бассейномъ Днѣпра. И такъ движеніе вятичей къ сѣверу и сѣверозападу изъ захваченнаго ими юговостока вполнѣ аналогично движенію уличей и тиверцевъ къ сѣверу и сѣверозападу изъ заселеннаго ими юга. И подобно тому какъ это движеніе уличей и тиверцевъ имѣло послѣдствіемъ политическій ростъ Галича, также точно появленіе вятичей въ пріокской области повело къ политическому росту Рязани, Владиміра, а позже и Твери въ верхнемъ Поволжьѣ.

Сосѣдство вятичей XII в. съ Подесеньемъ и сѣвернымъ Поднѣпровьемъ показываетъ, что движеніе ихъ съ юга направилось не только къ сѣверу, въ область Рязанскую (ср. въ лѣтописныхъ сборникахъ XV в. «Вятичи, еже есть Рязанцы»), но также и къ сѣверозападу; это послѣднее направленіе привело ихъ въ современную Калужскую губернію, въ частности и въ калужское Полѣсье. Данныя языка дѣлаютъ несомнѣннымъ общее происхожденіе калужанъ и рязанцевъ: говоръ тѣхъ и другихъ относится къ южновеликорусскому нарѣчію. Но гдѣ границы этого нарѣчія съ запада? Главнѣйшія черты южновеликорусскихъ говоровъ (а къ таковымъ относятся аканье, т. е. произношеніе неударяемыхъ гласныхъ *о*, *е* какъ *а*, а также вообще ослабленное произношеніе неударяемыхъ гласныхъ *а*, *о*, *е*) переходятъ и въ Смоленскую губернію, распространяясь далѣе и въ Могилевскую и въ Минскую и въ Витебскую, а также во всѣ остальныя бѣлорусскія губерніи. Это обстоятельство послужило для нѣкоторыхъ изслѣдователей основаніемъ къ признанію бѣлорусскаго языка южновеликорусскимъ нарѣчіемъ (А. А. Потебня). Но вопросъ о происхожденіи бѣлорусскаго языка не разрѣшается такимъ признаніемъ, ибо остается невыясненнымъ, почему въ этомъ языкѣ оказывается такъ много элементовъ, чуждыхъ южновеликорусскому нарѣчію, а между тѣмъ сближающихъ его съ нарѣчіемъ малорусскимъ (перечень общихъ малорусскому и бѣлорусскому нарѣчіямъ явленій данъ выше). Кромѣ того изученіе бѣлорусскихъ говоровъ открываетъ любопытную борьбу между явленіями, создавшимися на малорусской основѣ, и явленіями, сближающими бѣлорусовъ съ южновеликорусами: югъ и югозападъ бѣлорусской области представляютъ уклоненіе отъ закона объ ослабленіи неударяемыхъ слоговъ съ гласными *а*, *о*, *е*; въ положеніи за удареніемъ видимъ здѣсь возстановленіе этимологическихъ гласныхъ (моро, серцо, купаннѣ, бабо, даже купалосѣ вмѣсто купалося; рядомъ гара, нясу вмѣсто гора, несу). Слѣдовательно, родину аканья и ослабленія неударяемыхъ гласныхъ нечего искать въ этихъ предѣлахъ бѣлорусской рѣчи; нечего думать, чтобы эти явленія могли именно отсюда распространиться къ Смоленску и дальше до Калуги и Рязани. Мы заключаемъ изъ всего указаннаго, что обратно—аканье и ослабленіе неударяемыхъ гласныхъ вторглись въ бѣлорусскую область съ востока; передъ ними не устояли и самые далекіе уголки бѣлорусской территоріи на западѣ и югозападѣ; но здѣсь сохранились такія особенности, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что эти явленія были чужды исконной рѣчи этого края (ср. возстановленіе этимологическихъ гласныхъ); слѣдовательно, это явленія наносныя; ихъ родину надо искать внѣ бѣлорусской территоріи; они идутъ съ востока. Отсюда и дальнѣйшій нашъ выводъ: явленія эти принесены въ Бѣлоруссію вятичами, тѣми самыми вятичами, которые, по свидѣтельству историческихъ памятниковъ, сидѣли и въ Рязани и въ Калужской губерніи. Заливъ своей колонизаціонной волной окскій бассейнъ, гдѣ они ассимилировали себѣ ляшскія племена, упомянутыя нами выше, вятичи перешли и въ область радимичей, а затѣмъ и дальше на западъ, въ область древ-

нихъ дреговичей, ассимилируя себѣ какъ ляшскія племена, сидѣвшія здѣсь, поскольку они не обрусѣли еще раньше, такъ и южнорусовъ, осѣдавшихъ среди ляховъ и уже успѣвшихъ въ значительной степени ассимилировать себѣ ихъ языкъ; вятичи распространились и въ области сѣвернорусскія, захвативъ и Витебскъ и Полотскъ и даже Псковъ на крайнемъ сѣверозападѣ. Вторженіе вятичей въ сѣверное Поднѣпровье и Заприпятье остановило поступательное движеніе къ сѣверу южнорусской колонизаціи, становившейся все интенсивнѣе въ силу указанныхъ нами выше обстоятельствъ; это вторженіе оторвало отъ южнорусской племенной группы тѣхъ южнорусовъ, которые въ предшествующую эпоху успѣли засѣсть на Сожѣ, верхнемъ Днѣпрѣ, Березинѣ и перейти изъ Деревской земли въ Пинскую и Туровскую, а также еще сѣвернѣе за Припять. Стѣсненная съ сѣвера наплывомъ вятичей, съ востока и юга степными ордами, предвѣщавшими скорое прибытіе еще новыхъ, еще болѣе могущественныхъ кочевниковъ съ востока, южнорусская племенная группа продолжала развиваться на болѣе ограниченной территоріи югозападной Руси, не утрачивая однако ни Подесенья, ни Посемья.

VIII.

Эпоха, о который мы говоримъ, относится къ концу XII—началу XIII вѣка; новыя отношенія начинали вырисовываться со второй половины XI вѣка, но врядъ ли они могли достичь хоть нѣкоторой законченности раньше начала XII вѣка; въ началѣ XII вѣка югъ уже безвозвратно на долгія столѣтія утраченъ южнорусами, но зато они овладѣваютъ сѣверомъ, и только къ началу XII вѣка все увеличивающійся наплывъ вятичей, начавшихъ свое поступательное движеніе къ сѣверу и сѣверо-западу съ конца XI в., успѣваетъ отторгнуть бѣлорусскій край отъ южнорусской территоріи. Нашествіе татаръ довершаетъ то, что создавалось въ предшествовавшую ему эпоху. Оно отрѣзаетъ у южнорусскаго племени всякую возможность колонизаціонныхъ движеній къ югу или къ востоку, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ своимъ напоромъ движеніе вятичей къ сѣверо-западу; полоса, откуда начиналась безопасность для земледѣльца, отодвигается все сѣвернѣе, и населеніе сообразно съ этимъ отливаетъ на сѣверъ, сѣверо-востокъ и сѣверозападъ. Начиная со второй половины XIII вѣка, южнорусская группа вступаетъ въ новую эпоху жизни; въ области языка создается рядъ явленій, рѣзко обособившихъ ее отъ остальныхъ русскихъ племенныхъ группъ; но эти явленія оказываются общими для всѣхъ говоровъ, входящихъ въ составъ южнорусской или малорусской группы; это доказываетъ единство діалектической жизни во всей группѣ; конечно, отдѣльные говоры развивали свои мѣстныя особенности, но обособленію ихъ препятствовала та общая жизнь, которая связывала между собой южнорусовъ. Трудно сказать, какъ долго продолжался этотъ общемалорусскій періодъ; врядъ ли отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть найденъ въ памятникахъ; мы въ правѣ ожидать отвѣта скорѣе отъ историковъ, которые опредѣлятъ хронологически время позднѣйшаго распространенія малорусскаго племени на югъ, въ южное Поднѣстровье, Побужье и

Поднѣпровье, а также на востокъ, въ лѣвобережную Украйну; колонизаціонныя движенія малорусовъ разорвали, конечно, тѣсныя связи между ними; они были причиной все большаго обособленія отдѣльныхъ ихъ нарѣчій.

Перечислю здѣсь явленія, восходящія къ общемалорусскому періоду, но возникшія въ языкѣ малорусовъ не раньше XIII вѣка, что видно изъ отсутствія ихъ въ языкѣ бѣлорусскомъ. Въ области звуковыхъ измѣненій сюда относятся: 1) Отвердѣніе согласныхъ передъ гласными передняго ряда, т. е. передъ *и* (изъ общерусскаго *и*), передъ *е* (изъ *е* и изъ *ь*), передъ ä (изъ общеслав. *е* въ конечномъ открытомъ слогѣ), передъ ö (изъ общеславянскихъ *е* и *ь* передъ твердой согласной); вмѣсто пир, ден', сёстра, несетä, съ мягкими согласными передъ *і*, *е*, *ä*, *ö*, стали произносить пир, дэн', сэстра, нэсэтэ съ твердыми согласными передъ *і* и *е* (въ послѣднемъ звукѣ совпали *ä* и *ö*); ср. укр.-галицк. пир, день, сестра, несете; діалектически въ сѣверномалорусскомъ является произношеніе тихо, сила и т. д. съ мягкими *т*, *с*, но имѣется рядъ основаній для утвержденія, что согласныя въ сѣверномалорусскихъ (подляшскихъ) говорахъ смягчались позже передъ исконнымъ *і*. Ошибочно думать, чтобы малор. нэсэтэ, сила восходили къ общерусскимъ несете, сила съ полумягкими, а не мягкими согласными передъ *е* и *и*; сравнивая малор. з ним, книга, нива, поле (съ твердыми *н*, *л*) и старослав. съ н'имь, пол'е, сербск. шньиме, кньига, ньива, полье, убѣждаемся въ томъ, что въ малорусскомъ отвердѣли и исконныя (общеславянскія) мягкія согласныя. На полную мягкость согласныхъ передъ гласными передняго ряда въ общерусскомъ праязыкѣ указываютъ еще слѣдующія данныя: а) согласныя смягчились въ общерусскомъ передъ носовымъ ę до измѣненія его въ *а*; ср. малор. тяжко, сяду изъ общеслав. тęжько, сęду; б) согласныя смягчались и передъ *ь*; ср. малор. кіст', сіт' изъ общерусск. кость, сѣть съ мягкими т; в) на смягченіе передъ ŏ изъ е указываютъ случаи, какъ сѣверномалор. нюос (укр. ніс), люог (укр. ліг) изъ общер. нӧсъ, лӧгъ съ мягкими *л*, *н*; г) произношеніе беріт', несіт' во 2 *л.* мн. повел. непонятно, если не предположить, что оно восходитъ къ берѣте, несѣте съ мягкимъ т передъ е(ä). Звукъ *і* послѣ отвердѣвшей въ общемалорусскую эпоху согласной перешелъ изъ передняго (палатальнаго) ряда въ рядъ среднихъ гласныхъ (ср. звукъ украинскаго *и* въ тихо, сила); равнымъ образомъ звуки *е*, ö, *ä* совпали послѣ отвердѣвшей согласной въ звукѣ *е* средняго ряда (ср. малор. э въ дэн', сэла). 2) Звуки ŏ и á, т. е. палатальные оттѣнки звуковъ *о* и *а*, измѣнились въ *о* и *а*; вмѣсто чоло, пшоно, жона, (съ оср. ряда), жит'т'á (изъ житийä) явились чоло, пшоно, жона, жит'т'а; ср. такое произношеніе въ разныхъ обла-стяхъ малорусской территоріи, при чемъ произношеніе життє или житє представляетъ нефонетическую замѣну *а* черезъ *е* подъ вліяніемъ словъ какъ моє, доброє; равнымъ образомъ находимъ подъ тѣмъ же вліяніемъ *е* вмѣсто *о* въ серце, лице, поле (вмѣсто серц'о, лиц'о, пол'о). 3) Сочетанія мягкая губная+гласная задняго ряда *а* перешли въ сочетанія мягкая губная+ja, напримѣръ, вмѣсто p'at, m'aso (великор. и бѣлор. пять, мясо) стали произносить pjat', mjaso (ср. укр. пъять, мъясо, тоже въ сѣверномало-

русскомъ и угрорусскомъ). 4) Губныя въ положеніи въ концѣ слова и передъ согласными въ серединѣ его отвердѣли, сохраняясь, повидимому, мягкими только передъ j и передъ дифтонгами *іе*, *ӥӧ*; ср. укр. сім, кроу (великор. кроф', пишется кровь), любоу, з братомъ (общерусск. съ братъмь).

Въ области морфологіи отмѣчу: 1) появленіе родительнаго падежа вмѣсто винительнаго отъ словъ, означающихъ предметы неодушевленные; ср. укр. виняв ножа, бери серпа, зустрічає мороза. 2) Вытѣсненіе въ дат. ед. окончанія -у черезъ -ови, откуда, какъ увидимъ, діалектически -ові (непосредственно изъ -овѣ): укр. братові, Иванові, столові. 3) Замѣна дательнаго падежа ед. ч. мѣстнымъ въ именахъ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ: укр. мѣстн. ед. братові, на казакові (такъ въ особенности въ именахъ одушевленныхъ), синьому, доброму, тому, всьому (при тім, всім). 4) Исчезновеніе двойственнаго числа въ склоненіи мужескихъ основъ и распространеніе его окончаній при извѣстныхъ условіяхъ на множественное число; укр. два столи, два брати, сто чоловіка, въ числительныхъ: трома, чотирма, пятьма, стома, въ мѣстоименіяхъ: всіма. 5) Вытѣсненіе именныхъ формъ прилагательныхъ въ предикатѣ членными: он живи при он жив. 6) Перенесеніе окончаній твердыхъ основъ на мѣсто окончаній исконныхъ мягкихъ основъ: мѣстн. ед. всіем (писалось всѣмь), синіем, дат. и мѣстн. всіей (писалось всѣи), чюжіей (писалось чюжѣи) замѣнились формами всюом, синюом, всюой, чюжюой (подъ вліяніемъ туом, туой, добруом, стауой); совр. укр. усім, усій, синім, чужій восходятъ именно къ формамъ съ уо, а не съ іе, что доказывается говорами, сохранившими дифтонги. Равнымъ образомъ, считаю вѣроятнымъ, что вытѣсненіе *е* черезъ *о* въ случаяхъ, какъ ковал'ови, корабл'ом, душою, произошло въ общемалорусскую эпоху, при чемъ ковалэви, кораблэм, душэю существовали рядомъ діалектически. 7) Вытѣсненіе окончаніемъ -мо другихъ окончаній 1-го л. мн. ч.: укр. веземо, сидимо, дамо. 8) Вытѣсненіе окончаніями -ѣте, -ѣм окончаній -ите, -им въ повелительномъ наклоненіи: укр. ходім, носіт. 9) Появленіе окончанія -т' вмѣсто те въ 2 л. мн. повел. наклоненія: укр. беріт', несіт', ходіт'. 10) Образованіе будущаго времени изъ соединенія неопредѣленнаго наклоненія съ формами глагола няти (му, меш и т. д. изъ иму, имешь): укр. ходитиму, гратиме. 11) Появленіе *дж* вмѣсто *ж* въ глагольныхъ формахъ, какъ напр. укр. сиджу̀, ходжу̀, хо̀джено, засѝджений. 12) Вытѣсненіе окончанія т' въ 3 л. ед. послѣ гласной е: несе, знае, даже носе (при носить), но сидить, терпить. 13) Вытѣсненіе *з* и *ц*, замѣнившихъ въ общеславянскую эпоху *г* и *к* во 2 л. ед. повел. наклоненія, черезъ *ж* и *ч*, извлеченныя изъ другихъ глагольныхъ формъ: укр. печи (великор. пеки), стережи (великор. стереги), біжи (великор. бѣги). 14) Появленіе въ неопредѣленномъ наклоненіи новообразованій на -ти на мѣстѣ формъ, оканчивавшихся въ общерусскомъ праязыкѣ на -чи: пекти (вмѣсто печи), волокти, стерегти, лягти, сікти, бігти.

IX.

Какъ указано выше, общая жизнь малорусской семьи должна была пре-

кратиться съ тѣхъ поръ, какъ отдѣльнымъ отраслямъ ея открылись обширныя пространства на югъ и востокъ отъ той тѣсной территоріи, въ которой скучилось малорусское племя въ XII—XIII вѣкахъ. Колонизаціонныя движенія малорусовъ въ указанныхъ направленіяхъ начались одновременно съ распространеніемъ сначала литовско-русской, впослѣдствіи польской, а затѣмъ и московской власти на тѣ предѣлы, въ которыхъ господствовали раньше татары. Эти колонизаціонныя движенія исходили преимущественно изъ южныхъ и юго-западныхъ отраслей малорусскаго племени, исконно сосѣдившихъ со степью. Не задаваясь цѣлью указать на всѣ характерныя особенности, отличающія одни малорусскіе говоры отъ другихъ, упомяну здѣсь о нѣкоторыхъ діалектическихъ явленіяхъ, получившихъ болѣе или менѣе широкое распространеніе и могущихъ быть прослѣженными отчасти по памятникамъ.

Въ области звуковъ: 1) Совпаденіе въ одномъ звукѣ средняго *и* и исконнаго *ы*. Какъ указано выше, отвердѣніе согласныхъ передъ *и* переднимъ (палатальнымъ) въ случаяхъ, какъ сила, тихо, имѣло слѣдствіемъ измѣненіе передняго *и* въ *и* среднее (ср. такое *и* въ совр. укр. сила, тихо); близость звуковъ *и* средняго и *ы* (послѣднее принадлежитъ также къ звукамъ средняго ряда) вызвало вытѣсненіе однимъ изъ обоихъ звуковъ другого, совпаденіе обоихъ звуковъ въ одномъ изъ нихъ. Что это явленіе имѣло мѣсто уже по распаденіи общемалорусскаго праязыка (гдѣ выдерживалось различіе между среднимъ *и* и *ы*), видно изъ того, что въ однихъ говорахъ находимъ теперь на мѣстѣ средняго *и* и *ы* одно среднее *и*: таковы въ особенности восточноукраинскіе говоры (тихо, сила, ти, син), между тѣмъ въ другихъ на мѣстѣ средняго *и* и *ы* является одно *ы*: таковы западноукраинскіе, галицкіе, а также значительная часть сѣверномалорусскихъ говоровъ (тыхо, сыла, ты, сын); наконецъ, нѣкоторые говоры на окраинахъ малорусской территоріи различаютъ *и* и *ы* до сихъ поръ, измѣняя *и* среднее въ *и* переднее (со смягченіемъ предшествующей согласной или безъ такого смягченія). Въ малорусскихъ памятникахъ смѣшеніе *и* и *ы* на письмѣ встрѣчается очень рано, напр. въ Добриловѣ ев.: бити (быть), просыти, сѣтьныкъ, въ Ев. 1092 года: годыны, постыдыться, рибы, рызы, въ Сборн. 1073: прикривае, риба и т. д.; но сомнительно, чтобы такое смѣшеніе было вызвано близостью звуковъ *и* средняго и *ы* въ произношеніи или свидѣтельствовало уже о совпаденіи ихъ въ одномъ звукѣ; сомнительно еще и потому, что такое смѣшеніе буквъ *и* и *ы* могло перейти въ русскіе памятники изъ болгарскихъ, въ особенности же западноболгарскихъ оригиналовъ, гдѣ смѣшеніе *и* и *ы* оказывается обычнымъ явленіемъ. 2) Смѣшеніе звуковъ *и* средняго ряда и *ы* со звуками э средняго ряда (болѣе переднимъ и болѣе заднимъ). Эта черта свойственна большинству украинскихъ говоровъ, а также сѣверномалорусскимъ и галицкимъ: названные звуки не различаются въ нихъ именно въ слогахъ неударяемыхъ, при чемъ *э* переходитъ въ такомъ положеніи въ *и* или *ы*: укр. силò, нисѐ, привизтѝ, пирину, западноукр. не берымò, вычѐрняя, кòрынь, лыты, галицк. на дрỳгы сылò, вырытѐно, вòзыра, нысỳт; сѣверномалор. ныдиля,

зылёна, тырпиты, чырывыки. Рядомъ находимъ въ нѣкоторыхъ говорахъ и обратную замѣну *ы* черезъ *э*: сэділи, пэріг, багатэрэві, при чемъ мѣстами слышится звукъ, средній между *ы* и *э*. Въ западноукраинскихъ, галицкихъ и нѣкоторыхъ сѣверномалорусскихъ говорахъ распространенъ переходъ ударяемаго *ы* въ *э* (средняго ряда), въ особенности часто послѣ *к, г, х*, но также и въ другомъ положеніи: кену, дем, язёк, грёва, ходэты, калэна, крынэця. 3) Переходъ звука о въ у въ неударяемыхъ слогахъ обыченъ во многихъ малорусскихъ говорахъ; ср. западноукр. пуріг,мую, убід, галицк. лупа̀тую, куро̀ву, бугача̀, сѣверномалор. чулувік, гулоука, и т. д. Вѣроятно, звуку у предшествовало *о* закрытое, склонное къ *у*: такой звукъ извѣстенъ въ угрорусскихъ говорахъ, при чемъ онъ замѣняетъ *о* открытое при тѣхъ же условіяхъ, что *е* закрытое, склонное къ *і*, замѣняетъ *е* открытое. 4) Переходъ звука *а* въ положеніи послѣ мягкихъ согласныхъ, частью передъ мягкими, а частью и передъ твердыми согласными и въ концѣ слова въ направленіи къ звуку *е* (*ӓ, е* откр., *е* закр.) Это явленіе охватываетъ угрорусскіе, буковинскіе, галицкіе, а также сѣверномалорусскіе говоры, въ особенности подляшскіе; отсюда можно заключить о древности разсматриваемой звуковой черты; памятники даютъ на нее указанія (правда, ненадежныя, въ виду сложности ихъ графики) съ XIII—XIV в., ср. совр. діалектическія: сплєть, люблєть, взєв, тєжко, мнєкий, гуцульск. на конє, свинє, сѣвернобуков. єма, єблоко, стоєти, мнєсо и т. д. Такое *е*, въ особенности въ слогахъ безударныхъ, можетъ измѣниться въ еще болѣе узкій звукъ *і*, что обычно и въ галицкихъ и въ сѣверномалору?скихъ (подляшскихъ) говорахъ: долівск. курїта, им. ед. постелї, зазулї, гуцульск. 3 л. мн. носї, томашовск. 3 л. мн. мірїт, за пузвулінім; также и подъ удареніемъ: галицк. мнїсом, взїти, пйитиро, влодавск. поридокъ, констант. сїдьтэ. 5) Измѣненіе дифтонговъ уо (на мѣстѣ удлинившагося о), üö (на мѣстѣ удлинившагося ö), *іе* (на мѣстѣ исконнаго, общеславянскаго *ѣ*, а также удлинившагося *е*). Измѣненіе этихъ дифтонговъ шло въ двоякомъ направленіи: съ одной стороны, ослабленіе первой части превращало ее въ неслоговой звукъ, при чемъ *уо* переходило въ *ўо, іе* въ *је*, ср. бѣльск.-сѣдлецк. снўоп, заблудовск. кўонь, у љесі; съ другой стороны, ослаблялась вторая часть: *уо* переходило въ *уо, іе* въ *іе* (съ неслогов. *о* и *е*): снуоп, ліес. То и другое измѣненіе во многихъ говорахъ повели къ монофтонгизаціи дифтонговъ; при этомъ *ўо* измѣнялось въ *о*, *је* въ *е*: ср. діалект. угрорусск. поп, конь, стол, радинск. мост, пост, пинск. конь, оуса, родного, ветэр, век, обед, влодавск. діалект. сено, тесто; между тѣмъ уо переходило въ у, а *іе* въ *і*: угрорусск. нус, радуст, нуг, друзд, лемк. ўуктя (укр. ліктя), сѣверномалор. муй, вуйсько, доружка, нужки, стуйтэ, вуз, суль, укр. и галицк. дід, ліс, сірий, камінь, сім, р. ед. душі, влодавск. хлиб, бэсида, холмск. сим, в нэдилю и т. д. Древность перехода *уо* въ *у* засвидѣтельствована памятниками съ XIV вѣка; напр. въ галицк. грамотѣ 1359 года: Друздъ, унукумъ, въ галицк. гр. 1366 г.: добровоульно, прузвищемъ, въ гр. 1378 г.: Федутъ, въ гр. 1391 г.: оу бышкувъскуи граници. Равнымъ образомъ весьма рано находимъ *и* вмѣсто *ѣ*: сильныхъ (вмѣсто сельныхъ) въ Путенск. ев.

XIV в., шисть кобылъ въ галицк. гр. 1393 г., шистдесятъ въ галицк. гр. 1359. Дифтонгъ *üö*, ослабляясь въ первой своей части, измѣнился при монофтонгизаціи въ *ö*, откуда далѣе *o*: сѣверномалор. діалект. мъёд; ослабляясь во второй части, дифтонгъ *üö* переходилъ въ *ü* откуда *u* съ предшествующею мягкою согласною: угрорусск. люд, тютка, лемк. перепюука, вюз, нюс, долівск. матюр, напюк, и т. д. Памятники съ XIII—XIV в. представляютъ написанія *съ ю* на мѣстѣ этимологическаго *е*: галицк. гр. 1398 г.: чтюнъ, гр. 1391: по божьюмъ наружѣнъѣ, гр. 1378 г.: нестюръ, грошювъ, и т. д.—Ослабленіе дифтонговъ въ первой ихъ части или во второй не было свойственно всѣмъ вообще малорусскимъ говорамъ; нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ дифтонги *уо*, *іе* до сихъ поръ, при чемъ изслѣдователи затрудняются опредѣлить, которая часть дифтонга сильнѣе, а потому слышнѣе; ср. подобные дифтонги во многихъ сѣверномалорусскихъ говорахъ. Въ отдѣльныхъ говорахъ имѣло мѣсто особое измѣненіе разсматриваемыхъ дифтонговъ, приводившее къ появленію новыхъ дифтонговъ, которые съ теченіемъ времени монофтонгизировались, ослабляясь въ первой или во второй своей части; измѣненіе это состояло во взаимномъ расхожденіи обѣихъ частей дифтонга. Въ результатѣ такого расхожденія дифтонгъ *уо* могъ измѣниться въ *уа*, при чемъ переходъ *о* въ *а* былъ результатомъ потери звукомъ *о* лабіализаціи (общей звуку *о* и звуку *у*): ср. радинск. вуал, коруав, узлуав, черниговск. пувнуач; дифтонгъ *уо* могъ измѣниться въ *уӧ* (*ӧ* обозначаетъ звукъ средній между *о* и *ö*), при чемъ, слѣдовательно, *о* перешло изъ задняго ряда (къ которому принадлежитъ и *у*) въ средній; отсюда далѣе *уэ* и *уы* съ замѣной *о* ср. ряда другими звуками средняго ряда (э и ы); ср. радинск. руэк, ровенск. стуел, куесточка, двуер, ягуедонька; кобринск. муыст, радомысл. тыылько, переясл. вуыл, руыдна; на мѣстѣ *уы* является діалектически *уи* (съ *и* средняго ряда) и далѣе *уі*: констант. куинь, вуийсько, переясл. свуий, руид, стуил, друибный. Равнымъ образомъ, дифтонгъ *üö*, измѣнившись въ *уо* (со смягченіемъ предшествующей согласной), переходилъ въ *уо*, откуда *уэ* и *уы*, ср. ровенск.: привюез, москалюеу, переясл. привюыз, принюыс и далѣе *уи*: ср. нѣжинск. тюитка. Въ дифтонгѣ *уі*, представляющемъ крайнюю степень расхожденія первоначальныхъ элементовъ (*уо*), въ нѣкоторыхъ говорахъ появилась ассимиляція первой части второй; въ результатѣ приближенія *у* къ *і* получалось или измѣненіе его въ *ы—уі* переходило въ *ыі* и далѣе въ *иі* (съ *и* ср. ряда): бѣльск.-сѣдлецк. стиіл, тиілько,—*или* измѣненіе его въ *ї—уі* переходило въ *її*: бѣльск. рюідна, переясл. попюив.—Вновь возникшіе дифтонги *уэ*, *уы*, *уи*, *уі*, *ыі*, *їі* могли подвергаться измѣненіямъ, аналогичнымъ тѣмъ, которыя имѣли мѣсто въ дифтонгѣ *уо*, т. е. и здѣсь могла ослабляться какъ первая часть дифтонга, такъ и вторая его часть: ср. ровенск. бўэг, и т. п. Это въ отдѣльныхъ говорахъ вело къ монофтонгизаціи дифтонга; вмѣсто *уэ*, *уы*, *уи*, *уі* являлось *у* (примѣры см. выше, ибо монофтонгъ *у* можетъ восходить не только къ *уо*, но и къ только что приведеннымъ дифтонгамъ); вмѣсто *ыі* являлось *ы*, ср. новоград.-вол. мый, зыранько, жывыт, рыд, ко-

рыв, остерск. голывонька, пып, кынь, стыл, холмск. нысъ, заплытъ, лемк. сыль, вывця, угрорусск. выльха, дрыбный; вмѣсто *üi* получалось *ü*: угрорусск. бїк, кїстка, рїк, пїп, дванацьать разбїйникїў; холмск. двюръ, мюй, кобринск. жывїтъ, въ сырїй зымли, гїрка вода, и т. д.—Что касается украинскаго *і* на мѣстѣ древняго *уо*, то, повидимому, оно двоякаго происхожденія; украинское *і*, не смягчающее предшествующей согласной и встрѣчающееся преимущественно въ средней полосѣ восточноукраинскихъ говоровъ, восходитъ вѣроятно къ дифтонгу *ыі*, явившись въ результатѣ ослабленія первой его части: южночерниг. и сѣверополтавск. стіл, ніс, сіль съ твердыми *т, н, с*; украинское *і*, смягчающее предшествующую согласную, распространенное и въ Галичинѣ, возводится, повидимому, къ дифтонгу *üi*, явившись въ результатѣ ослабленія первой его части: стіл, ніс (носъ), сіль съ мягкими *т, н, с*. Древнѣйшіе примѣры для *і* на мѣстѣ этимологическаго *о* врядъ ли могутъ быть указаны раньше XVI вѣка. Но исторія дифтонга *уо* въ малорусскомъ языкѣ доказываетъ весьма древнее расхожденіе говоровъ южныхъ (современныхъ украинскихъ и галицкихъ) отъ говоровъ сѣверныхъ; появленіе дифтонговъ *ыі* и *üi* (откуда далѣе *і*) на мѣстѣ древняго *уо* характеризовало эти южные говоры, между тѣмъ какъ сѣверные держались *уо*, допуская менѣе значительныя уклоненія въ *уа, уэ, уы, уі*; расхожденіе обѣихъ частей дифтонга *уо*, породившее всѣ эти варіаціи, было свойственно различнымъ говорамъ малорусскимъ; но послѣдующее сближеніе разошедшихся частей дифтонга (*уі* вмѣсто *уо*) стало удѣломъ только южныхъ малорусскихъ говоровъ. 6) Выпаденіе *й* между гласными. Возможно, что *й* въ указанномъ положеніи исчезло еще въ общемалорусскую эпоху при извѣстныхъ однако условіяхъ, быть можетъ, въ положеніи между неударяемыми гласными; въ результатѣ измѣненія *айа, уйу, ойе* являлись сочетанія *аа, уу, оэ* и далѣе стяженныя *а, у, э*; стяженныя окончанія, напр., въ различныхъ грамматическихъ формахъ въ отдѣльныхъ малорусскихъ говорахъ распространились и независимо отъ предположеннаго выше условія; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр., въ формахъ прилагательныхъ женскаго и средняго рода стяженныя формы господствуютъ исключительно: быстра ріка, синя вода, білэ тіло, зэлэнэ листя, добрэ дитя, синэ нэбо; но въ другихъ встрѣчаются и нестяженныя формы: тыхая, малóе тэле; образованія на—*эе*, какъ лютэе горэ, явились въ результатѣ комбинаціи стяженной и нестяженной формы (лютэ и лютоє). Также распространенно *а* вмѣсто *ае* въ 3 л. ед.: слуха, співа, бажа, зна. Стяженное произношеніе могó, момý, твому и мэго, мэму свойственно значительному числу малорусскихъ говоровъ. Діалектически, а именно на западѣ малорусской территоріи, выпаденіе j между гласными получило еще большее распространеніе; ср. угрорусск. знау, співау вмѣсто знаю, співаю; галицк. діалектическое окончаніе твор. ед. на—*оу* въ словахъ какъ гороу, жінкоу, душоу объясняется этимъ самымъ опущеніемъ j. 7) Окончаніе им.—вин. мн. прилагательныхъ *ыѣ* измѣнилось въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, говорахъ въ дифтонгъ *ыі*; отсюда въ однихъ говорахъ, съ ослабленіемъ первой части дифтонга,

і, не смягчающее предшествующей согласной: восточноукр. білі, чорні, на четвертіи сутки, угорусск. добрі, ясні; въ другихъ говорахъ *ы* перешло въ *ii*, откуда *і* со смягченіемъ предшествующей согласной: галицк. білі, чорні, голі ноги, діалект. угорусск. злі, малі. 8) Утрата звонкими шумными согласными звонкости въ концѣ слова и передъ глухими согласными. Во многихъ малорусскихъ говорахъ, а именно въ восточноукраинскихъ, угорусскихъ и сѣверномалорусскихъ звонкость шумныхъ согласныхъ въ указанныхъ положеніяхъ удерживается до сихъ поръ—и это въ противоположность бѣлорусскимъ и большей части великорусскихъ говоровъ, превратившимъ звонкія согласныя въ глухія: ср. укр. произношеніе словъ какъ суд, дуб, віз, низько. Быть можетъ, это указываетъ на сравнительно болѣе позднее исчезновеніе *ъ* и *ь* (слѣдовавшихъ за этими согласными) въ относящихся сюда малорусскихъ говорахъ. Но въ западноукраинскихъ и галицкихъ говорахъ звонкія согласныя въ концѣ слова и передъ глухими потеряли свою звонкость: діт, грип, поріх, запріх; лемк. мют, хліп, сніх, діалект. угорусск. Бух, буть, мош, повіч (вм. повідж). 9) Отвердѣніе *р* въ концѣ слова и передъ согласной. Это явленіе обычно значительному большинству малорусскихъ говоровъ; мягкое *р* въ такомъ положеніи держится только въ угорусскихъ, горскихъ галицкихъ и буковинскихъ говорахъ: верьх, дерьгаты, верьба, церькоу, теперь, косарь, столярь, звірь; ср. укр. и галицк., а также сѣверномалор. верх, верба, цар, тепер. 10) Отвердѣніе *р* передъ гласными имѣетъ болѣе ограниченное распространеніе; произношеніе цара, говору, звірата, рабый, гарачий, трасця обычно въ западноукраинскихъ, сѣверномалорусскихъ и галицкихъ говорахъ (но горскіе галицкіе говоры, равно какъ угорусскіе и восточноукраинскіе, сохраняютъ мягкое произношеніе *р*, при чемъ послѣдніе переносятъ его по аналогіи и въ конецъ слова: багатирь, поводирь подъ вліяніемъ багатиря, поводиря). 11) Отвердѣніе *ш*, *ж*, *ч* и *дж*. Эти звуки были исконно мягки; мягкость ихъ сохраняется до сихъ поръ въ угорусскихъ, галицкихъ горскихъ и нѣкоторыхъ сѣверномалорусскихъ говорахъ; но въ большей части малорусской территоріи они отвердѣли; ср. укр. жаба, шапка, часто при бѣльск.-гродн. шяпка, бѣльск.-сѣдл. жяба, угорусск. чяс, чюджего пана, лемк. хочю, черный (но *ш* и *ж* у лемковъ отвердѣли). Въ укр. сочетанія съ мягкими *ш*, *ж*, *ч* возникаютъ по аналогіи: біжять, ускочять вмѣсто біжать, ускочать подъ вліяніемъ летять, носять; лошя вмѣсто лоша подъ вліяніемъ теля. 12) Отвердѣніе конечнаго *т* распространено во многихъ малорусскихъ говорахъ: его знаютъ западноукраинскіе, галицкіе и сѣверномалорусскіе говоры въ особенности въ окончаніи 3 л. ед. и мн.: подляшск. спыт, подольск. хóдит, рóбит, липовецк. гуляют, галицк. називают, литит, гуцульск. говорит, трубит, лемк. ношат (носятъ), берут. Также во 2 л. мн. повел. накл.: галицк. хваліт, несіт, спішіт, бойк. відхыліт, долівск. беріт, косіт. Рѣже въ неопр. наклоненіи: радомысл. ночоват, ходыт. Въ восточноукраинскихъ говорахъ, частью также и въ правобережной Украинѣ, равно какъ въ угорусскихъ говорахъ конечное *т* и въ 3 л. ед. и мн., и

во 2 л. повел. накл. сохраняетъ свою мягкость. 13) Распространеніе звуковъ *дж* и *дз*. Звукъ *дж* былъ унаслѣдованъ малорусскимъ языкомъ діалектически изъ говоровъ общерусскаго праязыка въ случаяхъ, сохранившихся въ угрорусскихъ и горскихъ галицкихъ говорахъ, какъ саджа, одеджа, чуджый, меджа, рджа; въ общемалорусскую эпоху онъ подъ вліяніемъ грамматической аналогіи возникалъ въ нѣкоторыхъ глагольныхъ формахъ (сиджу подъ вліяніемъ сидиш, саджений подъ вліяніемъ садити); діалектически *дж* получило еще большее распространеніе, появляясь вмѣсто *ж* въ началѣ словъ, ср. діалектическія джерело, джяворонок, джигатися. Звукъ *дз* малорусскій языкъ унаслѣдовалъ также изъ говоровъ общерусскаго праязыка, гдѣ *дз* чередовалось съ *з* въ начальной группѣ слова, возникшей изъ *зв* въ положеніи передъ *ѣ* (дзвѣзда при звѣзда); отсюда *дз* переносилось въ малорусскомъ на мѣсто *з* въ группы *зв* и иного происхожденія, ср. діалект. дзвон, дзвеніти, дзвякати, дзвяга, а изъ такихъ случаевъ *дз* вмѣсто *з* переносилось и въ начало другихъ словъ, напр., дзмій, дзелений, дзеркало, дзябок, дзімно. 14) Переходъ звука *j* въ мягкія *н* и *л* въ положеніи послѣ губныхъ. Какъ мы видѣли, еще въ общемалорусскую эпоху возникли новыя сочетанія «губная $+j+a$» на мѣстѣ общерусскихъ сочетаній «мягкая губная $+a$» (сочетаній, восходящихъ къ общеславянскимъ «губная $+e$ носовое»). Въ положеніи послѣ *м* звукъ *j* въ значительнѣйшей части малорусскихъ говоровъ перешло въ *н*; такимъ образомъ на мѣстѣ общерусскаго *мя* (т. е. *ма*) явилось *мня*; ср. произношеніе мнята, мнясо, мнякий, соломняний, камняний, імня, сімня, распространенное по всей вообще малорусской территоріи. Послѣ другихъ согласныхъ *j* или сохраняется или замѣняется черезъ *л*, быть можетъ, подъ вліяніемъ той или иной грамматической аналогіи; ср. 3 л. мн. сплять, роблять подъ вліяніемъ сплю, роблю; труднѣе объяснить аналогіей: здоровля, безголовля, жеребля, вербля (т. е. вербье, собир.), а также произношеніе оловляний, жаблячий. 15) Сокращеніе долгихъ согласныхъ, возникшихъ на мѣстѣ сочетаній согласная $+$ ь $+j$. Происхожденіе долгихъ согласныхъ въ такихъ сочетаніяхъ принадлежитъ, какъ мы видѣли, еще общемалорусской эпохѣ, они сохраняются до сихъ поръ въ украинскихъ говорахъ (життя, весілля); во многихъ галицкихъ и угрорусскихъ говорахъ они сохраняются только въ началѣ словъ, напр., льлю, зьзісти; сравнительно рѣдки долгія согласныя въ сѣверномалорусскомъ. Въ остальныхъ частяхъ малорусской языковой территоріи согласныя долгія сократились, ср. угрорусск. житя, зіля, насіня, галицк. весіле, гране, пране, третєго, сѣдлецк. житє и т. д.

Въ области морфологіи и словообразованія отмѣчу: 1) Въ восточноукраинскихъ говорахъ, въ противоположность галицкимъ и западноукраинскимъ, гдѣ сохранены старыя окончанія, видимъ вытѣсненіе окончанія *и* въ склоненіи окончаніемъ *і* (изъ *ѣ*), заимствованнымъ изъ склоненія основъ на исконно твердую согласную; ср. восточноукр. дат. и мѣстн. ед. душі, землі (подъ вліяніемъ руці, бабі), между тѣмъ какъ въ западноукр. и галицк. души, земли; дат. и мѣстн. ед. матері, річі, криві, діалект. осені вмѣсто ма-

тери, річи, криви, осени; также въ дат. ед. -ові вмѣсто -ови: укр. синові, козакові, галицк. синови, козакови. 2) Какъ мы видѣли, еще въ общемалорусскую эпоху произошло перенесеніе окончаній твердыхъ основъ со звукомъ *о* на мѣсто окончаній мягкихъ основъ со звукомъ *е*: душою, корабл'ом, корол'ови. Въ украинскихъ говорахъ, такъ же, впрочемъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, чередованіе душою и душэю, корабл'ом и кораблэм, корол'ови и королэви привело къ полному вытѣсненію первыхъ формъ вторыми, причемъ вытѣсненіе сочетаній мягкая согласная +*о* сочетаніями твердая согласная +*э* получило вообще значительное распространеніе; въ силу этого и общеукр. пол'о, сэрцо, плэчо перешли въ полэ, сэрцэ, плэчэ; зв. ед. божо, козачо, зэмл'о—въ божэ, козачэ, зэмлэ; нарѣчія хорошо, охочо—въ хорошэ, охочэ. 3) Подъ вліяніемъ *э* въ окончаніи имен.-вин., какъ полэ, сэрцэ, замѣнялось въ діалектахъ черезъ *е* окончаніе *а* въ им.-вин., возникшее въ общемалорусскую эпоху въ случаяхъ, какъ плаття, життя, ср. діалект. (галицк., западноукр., сѣверномал.) життє и житє, вэсіле, знанє. 4) Въ значительномъ числѣ украинскихъ говоровъ въ 1 л. ед. наст. вр. появляются новообразованія какъ ходю, носю, пустю вмѣсто хожу (или возникшаго еще въ общемалорусскую эпоху ходжу) ношу, пущу подъ вліяніемъ ходиш, носиш, пустиш; такія же новообразованія извѣстны и въ Галиціи, напримѣръ, въ говорѣ лемковъ. 5) Въ западноукраинскихъ и галицкихъ говорахъ подъ вліяніемъ польскаго языка получаютъ распространеніе глагольныя формы, какъ казавэм (вмѣсто я казау), щом казау, якъ ес казау, їхалисьме—въ прощедшемъ времени; буду казау—въ будущемъ, бимъ казау или казау бихъ, казау бисъ (2 л.)—въ сослагательномъ наклоненіи. 6) Въ галицкихъ говорахъ вмѣсто окончанія *-оу* въ твор. (фонетически изъ *ою*) появилось *-ом* подъ вліяніемъ *-ом* въ мужескомъ и среднемъ р.: гором, тобом (вмѣсто тобою).

Скажу здѣсь еще нѣсколько словъ относительно литературныхъ, книжныхъ языковъ малорусскихъ. Кіевская Русь получила христіанство и просвѣщеніе изъ Болгаріи. Связь Кіева съ Болгаріей началась во всякомъ случаѣ почти одновременно съ занятіемъ имъ центральнаго положенія въ Южной Руси, гдѣ онъ объединилъ восточнославянскія племена и заложил основанія государства; нѣкоторыя изъ этихъ племенъ находились съ болгарами въ непосредственномъ сосѣдствѣ: это были тиверцы и уличи, когда послѣдніе, удалившись изъ южнаго Поднѣпровья, сѣли по Днѣстру. Болгары сосѣдили съ русскимъ племенемъ не только на устьяхъ Дуная; есть данныя, указывающія на распространеніе ихъ далеко къ сѣверу, въ бассейнѣ средняго теченія Дуная; венгры заняли земли, въ значительной части заселенныя болгарами. Весьма вѣроятно, что въ Кіевъ проникли съ христіанскою проповѣдью ближайшіе ученики Кирилла и Меѳодія. Договоръ Олега съ греками былъ для русской стороны составленъ поболгарски: это можетъ указывать на то, что уже тогда въ Кіевской Руси появилась древне-болгарская письменность. Съ увѣренностью можно это утверждать для середины вѣка

на основаніи договора Игоря съ греками, тоже дошедшаго до насъ въ русской лѣтописи на языкѣ древне-болгарскомъ: въ немъ упомянуто объ, очевидно, многочисленной христіанской Руси и о соборѣ св. Иліи въ Кіевѣ. Христіанская община Кіева пользовалась въ богослуженіи и для другихъ религіозныхъ потребностей, конечно, языкомъ древне-болгарскимъ. При Святославѣ сношенія Кіева съ Болгаріей становятся особенно тѣсными: богатая придунайская страна привлекаетъ русскихъ своей культурой и близостью къ Царьграду. Правда, русскіе появляются тамъ въ качествѣ завоевателей, но испытываютъ то самое вліяніе, которое оказывала всегда и всюду цивилизованная страна на некультурныхъ своихъ покорителей. Менѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ походовъ Святослава на Болгарію, его сынъ вынужденъ принять христіанство; позднѣйшая легенда связывала обращеніе Владиміра въ христіанство съ его походомъ на Корсунь, но она не могла вытѣснить окончательно древнѣйшихъ свидѣтельствъ, полагавшихъ крещеніе Владиміра въ Кіевѣ или въ Василевѣ и, конечно, не отъ грековъ, а отъ болгаръ. Весьма вѣроятна предполагаемая нѣкоторыми изслѣдователяли зависимость древнѣйшей русской церкви не отъ константинопольской патріархіи, а отъ Болгаріи: болгарская проповѣдь подчинила приходъ св. Иліи, конечно, болгарской архіепископіи. Кіевъ получаетъ такимъ образомъ непосредственно отъ болгаръ и церковный языкъ и церковныя книги; но оттуда же идетъ въ него и свѣтская образованность. Въ скоромъ времени послѣ оффиціальнаго принятія крещенія кіевская Русь наводняется болгарскими книгами: нѣкоторыя изъ нихъ дошли до насъ въ оригиналахъ, другія въ древнихъ копіяхъ; это—книги не только духовнаго содержанія, но и свѣтскаго (хроники, повѣсти). Быть можетъ, къ намъ изъ Болгаріи перекочевывали и произведенія устнаго народнаго творчества, болгарскіе «кощуны»; въ княжескіе дворы и боярскіе терема проникали и болгарскіе скоморохи. Судя по современнымъ памятникамъ устной народной словесности, болгарское вліяніе было весьма значительно и помимо книгъ: наши сказки и былины свидѣтельствуютъ о томъ, что болгарскій языкъ уже давно перешелъ и въ народную среду. Такимъ образомъ, есть рядъ основаній думать, что Кіевская Русь получила изъ Болгаріи языкъ, ставшій не только достояніемъ книжнымъ, но проникшій также въ живое употребленіе образованныхъ, городскихъ классовъ. Это послѣднее обстоятельство особенно ярко выступаетъ въ исторіи книжнаго языка древней Руси: онъ скоро воспринимаетъ элементы живой рѣчи и приспособляется къ русскому произношенію; онъ быстро утрачиваетъ все то, что было чуждо для русскаго слуха. Укажу напр. на весьма раннее исчезновеніе изъ письменности большого юса и употребленіе малаго юса въ значеніи звука *а* послѣ мягкихъ согласныхъ; на раннее вытѣсненіе написаній рь, лъ, ръ черезъ ьр, ъл, ър (напр. цркъвь, вьрхъ, вълкъ), на систематическое вытѣсненіе -тъ въ 3 л. ед. и мн. черезъ -ть, на послѣдовательно проведенное уже во многихъ памятникахъ XII в. ж вмѣсто древне-болгарскаго жд, на весьма раннюю замѣну ѣ, согласно церковному его произношенію,

черезъ е, между тѣмъ какъ русскій языкъ произносилъ ѣ еще какъ дифтонгъ *ие*, и т. д. Ясно, слѣдовательно, вліяніе живого произношенія на письменныя изображенія; а это указываетъ на то, что древне-болгарскій языкъ былъ въ древней Руси въ живомъ употребленіи. Это позволяетъ намъ не ставить рѣзкаго различія между языкомъ книжнымъ и языкомъ образованныхъ классовъ. Близость Кіева къ Болгаріи способствовала перенесенію туда въ качествѣ культурнаго языка древне-болгарскаго; тотъ же языкъ въ письменной оболочкѣ перешелъ туда вмѣстѣ съ книгами.

Паденіе Кіева, какъ культурнаго центра древней Руси, относится къ серединѣ XII вѣка; оно завершилось окончательно въ серединѣ слѣдующаго столѣтія, благодаря татарскому нашествію. Изъ кіевскаго Поднѣпровья не ушла, конечно, жизнь народная, хотя, вѣроятно, и этнографическая граница отступала къ сѣверу, въ область Полѣсья, по мѣрѣ опустошенія и половцами и татарами старой «Польской» земли вокругъ Кіева. Но культура Кіева была погублена: она перенеслась въ новые центры—на сѣверо-востокъ, во Владиміръ,—на западъ, въ Галичъ. Вмѣстѣ съ Кіевомъ погибла его «интеллигенція», господствующіе классы: князья, бояре, духовенство, купечество были перебиты или бѣжали частью на западъ, частью на сѣверо-востокъ.

Владиміръ на Клязьмѣ, какъ и другіе города русскіе, всю свою культуру заимствовали изъ Кіева. Еще въ періодъ господства стараго центра изъ него распространялись и просвѣщеніе и торговля во всѣ другіе племенные и городскіе центры. И Новгородъ и Полоцкъ и Ростовъ получили изъ Кіева не только христіанство, но и тотъ интеллигентный слой, который былъ проводникомъ и государственной власти и южнорусской культуры. И Гюрята новгородецъ и Павелъ ладожанинъ въ бесѣдѣ съ кіевскимъ лѣтописцемъ, и дерзкій волхвъ новгородскій въ спорѣ съ епископомъ Ѳедоромъ и княземъ Глѣбомъ, сыномъ Святослава Черниговскаго, и котопанъ корсунскій на пиру у князя Ростислава тмутороканскаго и несчастный Василько въ своихъ душевныхъ изліяніяхъ во Владимірѣ Волынскомъ, во дворѣ Вакѣевѣ, говорили приблизительно одинаковымъ языкомъ, по происхожденію древнеболгарскимъ съ тою или иною мѣстною примѣсью, зависѣвшею или отъ слабаго усвоенія книжной рѣчи или отъ тѣхъ діалектическихъ оттѣнковъ, которымъ она неминуемо подвергалась въ зависимости отъ различной этнографической среды. Каждый изъ древнерусскихъ городовъ получилъ въ удѣлъ часть той культуры, того духовнаго богатства, которое успѣлъ создать и накопить Кіевъ.

Владиміру, а затѣмъ Москвѣ пришлось развить и пріумножить полученное изъ Кіева наслѣдіе, благодаря занятому ими политическому положенію объединяющихъ центровъ. Въ концѣ XIII в. на жительство во Владиміръ изъ опустѣвшаго Кіева переѣхалъ митрополитъ Максимъ; сѣверовостокъ получилъ благодаря этому новую активную силу, которая пошла по тому же направленію, какъ всѣ остальныя силы страны; она стала работать надъ централизаціей вокругъ Владиміра и Москвы русскихъ земель на Окѣ и по Волгѣ. Эти новые русскіе центры наслѣдуютъ такимъ образомъ

и государственныя и просвѣтительныя задачи Кіева. Полученный оттуда языкъ развивается въ томъ же направленіи, какъ и на югѣ: онъ постепенно національнзируется, становясь все ближе и доступнѣе вліянію живой рѣчи народной. Правда, отъ него стремится отойти одно время языкъ книгъ, благодаря новому югославянскому вліянію въ концѣ XIV и въ XV вѣкѣ; но исконная, ведущая свое начало изъ Кіева связь живого языка образованныхъ классовъ съ языкомъ племеннымъ, не порывалась и здѣсь. Въ результатѣ этотъ живой языкъ, окончательно сложившись въ Москвѣ и испытавъ здѣсь на себѣ вліяніе мѣстнаго народнаго нарѣчія, совмѣстившаго въ себѣ особенности восточнорусскихъ и сѣверорусскихъ говоровъ, расширилъ область своего распространенія на всѣ городскіе центры, подчинившіеся Москвѣ, и дошелъ и до насъ мощнымъ и крѣпкимъ своею близостью къ народной рѣчи. Это нашъ великорусскій литературный языкъ. Его родина Болгарія. Но образовался онъ въ Кіевѣ, гдѣ испыталъ впервые благотворное вліяніе народной среды. Окончательно развился онъ въ Москвѣ, гдѣ въ звуковомъ своемъ строѣ слился съ живою рѣчью великорусскаго народа,

Было бы большою ошибкой думать. что кіевская культура передалась единственно только на сѣверовостокъ, во Владиміръ и Москву, что только великорусы продолжали труды государственнаго строительства и просвѣтительную дѣятельность малорусовъ. Паденіе Кіева произошло въ такую эпоху, когда и южная и западная Русь имѣли нѣсколько развитыхъ городскихъ центровъ: Смоленскъ и Полоцкъ, Туровъ и Пинскъ, Владиміръ Волынскій и Луцкъ, Перемышль и Галичъ, равнымъ образомъ Новгородъ и Псковъ успѣли также ко времени опустѣнія Кіева и его культурнаго упадка усвоить себѣ главнѣйшія блага созданной Кіевомъ цивилизаціи. Во всѣхъ этихъ центрахъ продолжалась духовная жизнь и сохранялось то, что создалось въ нихъ подъ дѣйствіемъ исходившей изъ Кіева силы. Для южной Руси особенное значеніе получилъ Галичъ: работа потомковъ Володаря Ростиславича нашла себѣ достойнаго преемника въ лицѣ Романа, и въ его время кладутся основанія мощной политической организаціи, которой предстояло объединить южнорусское племя, лишившееся своей опоры съ паденіемъ Кіева. При дворахъ Романа, его сыновей и внуковъ образуется новый господствующій классъ, назрѣваетъ новая интеллигенція. Задачи ставятся широко и смѣло, несмотря на татарскую опасность, на присутствіе могущественныхъ враговъ и на западѣ и на сѣверѣ. Самодержавіе Романа приводитъ Даніила къ королевской власти; лишившаяся главы съ переходомъ митрополита во Владимірѣ юго-западная церковь организуется въ самомъ началѣ XIV в. въ особую митрополію. Однако Галичъ не могъ получить общерусскаго значенія именно потому, что отошелъ отъ стержня, вокругъ котораго вертѣлась русская земля, отъ Днѣпра. Его положеніе на западѣ подъ непрерывнымъ вліяніемъ различныхъ европейскихъ центровъ денаціонализировало его господствующій классъ, отвлекая его отъ своего народнаго дѣла и бросая въ объятія иноземцевъ. Неустойчивымъ оказывается и политическое значеніе Галича въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ на Днѣпрѣ, въ верхнемъ

Поднѣпровьѣ, зародилась новая сила, въ видѣ Литовско-русскаго государства. Ей покоряется естественно все Поднѣпровье; власть литовско-русскихъ государей переходитъ и на Галичъ.

И въ Гэличѣ и въ Литовско-русскихъ предѣлахъ продолжалъ жить въ письменномъ употребленіи унаслѣдованный изъ Кіева книжный языкъ; но въ живомъ обиходѣ онъ потерялъ ту живучесть, которую имѣлъ въ Кіевской Руси и пріобрѣлъ затѣмъ на сѣверовостокѣ, въ Москвѣ. Это зависѣло отъ той разобщенности, которая существовала здѣсь между господствующими классами и народомъ. Боярство, такъ же какъ городскіе жители подпали въ Западной Руси иноземному вліянію; Польша, а черезъ Польшу Западная Европа отчуждала эти господствующіе классы отъ народа съ его старымъ жизненнымъ укладомъ. Свѣтская образованность подпала подъ прямую зависимость Польши; на польскомъ языкѣ стали говорить и знать и горожане; этотъ языкъ вытѣснилъ старый языкъ образованныхъ классовъ.

Мы видимъ, впрочемъ, неоднократныя попытки пустить въ качествѣ литературнаго языка то или иное мѣстное нарѣчіе; стремленіе къ удовлетворенію насущной потребности народа въ духовномъ просвѣщеніи заставляло не разъ прибѣгать къ его живому языку для перевода Св. Писанія, при составленіи проповѣдей и въ передѣлкахъ житій святыхъ. Но отъ этихъ попытокъ до созданія литературнаго языка очень далеко. Настоятельная нужда вырабатывала въ канцеляріяхъ приказный языкъ: здѣсь народные элементы сплетались съ чужеземными, частью книжными, древнеболгарскими, частью жи-вными элементами польской рѣчи. Но и этотъ языкъ не могъ претендовать на роль литературнаго языка и вымеръ вмѣстѣ съ породившими его канцеляріями. Гибель южнорусской интеллигенціи Кіева, денаціонализація господствующихъ классовъ юго-западной и западной Руси приводятъ въ области литературнаго языка къ такому же роковому результату, какъ въ области государственной и культурной жизни. Малорусскія и бѣлорусскія области утрачиваютъ свою политическую самостоятельность, подпадая подъ иноземное владычество; малорусы и бѣлорусы остаются на долгое время безъ литературнаго языка, объединяющаго ихъ интеллигенцію, а черезъ интеллигенцію народные низы.

Въ другихъ очеркахъ, вошедшихъ въ составъ настоящаго изданія, указано, какъ и когда зародился новый украинскій литературный языкъ. Появленіе его знаменовало важный моментъ въ народной жизни: украинская интеллигенція повернулась къ народу, взглянула на него, подала ему руку. Она должна была заговорить съ нимъ на родномъ его языкѣ. И конечно, созданному такимъ образомъ литературному языку обезпечено будущее: моментъ общенія интеллигенціи съ роднымъ народомъ оживитъ его развитіе, если онъ заглохнетъ,—воскреситъ его, если онъ замретъ. Въ настоящее время, когда у насъ въ Россіи возросло просвѣщеніе и увеличилась мѣстная культура, не можетъ быть уже рѣчи о разобщеніи интеллигенціи съ народомъ: никакія иноземныя вліянія не въ состояніи денаціонализировать нашу интеллигенцію. Правда, интеллигенція украинская можетъ подпасть подъ вліяніе иной, неукраинской куль-

туры, культуры великорусской. Но это никогда не оторветъ ее отъ народной почвы. Чѣмъ сильнѣе будетъ вліяніе великорусской культуры на украинскую интеллигенцію, тѣмъ ближе и тѣснѣе будетъ она становиться къ своему народу, ибо эта близость господствуетъ и у насъ великорусовъ, и именно ей мы обязаны и своей культурой и своимъ литературнымъ языкомъ.

Главнѣйшіе труды по малорусскому языку (въ сторонѣ оставлены сборники этнографическихъ и фольклористическихъ матеріаловъ):

Брокъ, О. Угорусское нарѣчіе села Убли (Земплинскаго комитата). Изданіе Отд. р. яз. и сл. И. А. Н. 1899.—Очеркъ физіологіи славянской рѣчи (Энциклопедія славянской филологіи, вып. 5). СПБ. 1910.

Верхратскій, І. Знадоби для пізнаня угорско-руских говорів. І ч. Говори з наголосом движимим. У Львові. 1899; ІІ ч. Говори з наголосом сталим. У Львові. 1901.—Ueber die Mundart der marmaroscher Ruthenen. Stanislau. 1883.—Про говор Замішанців. 1894.—Про говор Долівский. 1900.—Про говір галицких Лемків. 1902.

Гнатюк, В. Словаки чи Русини? (Зап. Наук. тов. ім. Шевченка, т. XLII).—Русини Пряшівської епархії і їх говори. (Тамъ же, т. XXXV).

Головацкій, Я. Росправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ. Львовъ. 1849.—Грамматика руского языка. Во Львовѣ. 1849.

Голоскевичъ, Г. Описаніе говора с. Бодачевки (Колодіевки) Ушицкаго у., Подольской губерніи (Изв. Отд. р. яз. и сл., т. XIV).

Житецкій, П. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1875.—Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII в.в. Часть І. Кіевъ. 1889.

Крымскій, А. Филологія и Погодинская гипотеза (Кіевская Старина за 1898 и 1899 г.г.).—Деякі непевні крітерії для діялєктологічної клясифікації старо-руських рукописів. Львів. 1906.—Древне-кіевскій говоръ (Извѣстія Отд. р. яз. и сл., т. XII).—Украинская грамматика, т. І, в. 1-й и 2-й; т. ІІ, в. 1-й. Москва. 1907—1908.

Miklosich, F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. 4 тома. Wien. 1875—83.

Михальчукъ, К. Нарѣчія, поднарѣчія и говоры Южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины (въ т. VII, в. 2, Трудовъ этногр.-статист. эксп. въ западно-русскій край, содержащихъ матеріалы и изслѣдованія, собранныя П. Чубинскимъ; въ приложеніи: діалектологическая карта малорусскаго языка).—Что такое малорусская (южно-русская) рѣчь? (Кіевская Старина за 1899, № 9).

Михальчукъ, К. и *Крымскій, А.* Программа для собиранія особенностей малорусскаго нарѣчія. СПБ. 1910.

Ogonowski, E. Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache. Lemberg. 1880.

Потебня, А. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ. 1866.—Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи. Воронежъ. 1871.

Смаль-Стоцкий, С. и *Гартнеръ, Ф.* Руска граматика. Львів. 1893.—Smal-Stockyj, St. und Gartner, Th. Grammatik der rüthenischen (ukraïnischen) Sprache. Wien. 1913.

Соболевскій, А. Очерки изъ исторіи русскаго языка. Кіевъ. 1884.—Источники для знакомства съ древне-кіев-

скимъ говоромъ (Журн. Мин. Нар. Пр. 1885 № 2).—Древне-кіевскій говоръ (Извѣстія Отд. р. яз. и сл., т. X).—Опытъ русской діалектологіи. Нарѣчіе малорусское (Живая Старина, 1892).—Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. четвертое. Москва. 1907.

Тимченко, Е. Українська граматика, т. I. Кіев. 1907.—Функціи генитива въ южнорусской языковой области (Р. Ф. В. 1913).

Шимановскій, В. Звуковыя и формальныя особенности народныхъ говоровъ Холмской Руси. Варшава. 1897.

Ягичъ, И. В. Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. СПБ. 1889.—Einige Streitfragen. 2. Verwandschaftsverhältnisse innerhalb der slavischen Sprachen. (Archiv f. sl. Ph. XX, 1909).

А. Шахматовъ.